20 коп.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1891.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Апрѣль № 4.

Лед. Ин-т им. ...
Журнальный
фонд
58096

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1891.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ по разсрочкѣ о своевременной уплатѣ 2-го взноса съ обозначеніемъ № и адреса, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАН.

I. — ПОЛѢНОВА И ЯРОСЛАВЦЕВЫ. Романъ. Часть четвертая. **А. Виницкой.** (Окончаніе). 1

II. — ДВѢ ЭЛЕГІИ. Стихотворенія. **Н. Минскаго** 63

III. — КАКЪ МЫ СУДИЛИ. (Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя). **Гр. Джаншіева** 65

IV. — СТИХОТВОРЕНІЕ. **Д. Мережковскаго** 78

V. — ВѢЧНАЯ ЗАГАДКА. **С. Терпигорева.** 79

VI. — СТИХОТВОРЕНІЯ. Изъ Боделера. (Переводъ). 105

VII. — КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЧИТАТЕЛЯ И ПИСАТЕЛЯ ИЗЪ НАРОДА. **Н. Рубакина.** (Окончаніе слѣдуетъ). 111

VIII. — ИЗЪ ДНЕВНИКА. Стихотвореніе. **А. Круглова.** 146

IX. — POLLICE VERSO. Panneaux. **А. Лугового.** (Окончаніе слѣдуетъ) 147

X. — ФАБРИЧНАЯ РАБОТА СЪ САНИТАРНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. **В. Святловскаго** 187

XI. — ВЪ ВЕСЕННЮЮ НОЧЬ. Стихотвореніе. **Л. Вечерняго.** . . 206

XII. — НОВЫЯ ВѢЯНІЯ. Романъ Бьернстьерна Бьернсона. Перев. съ норвежскаго. **М. В. Лучицкой.** (Продолженіе слѣдуетъ) . . . 207

XIII. — НУЖДАЕТСЯ-ЛИ РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ СПЕЦІАЛЬНОМЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ? (Моимъ ученикамъ). **И. А. Стебута.** (Окончаніе слѣдуетъ) 259

XIV — ЧѢМЪ ОТЛИЧАЕТСЯ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ИСКУССТВѢ ОТЪ ПАРТІЙНОСТИ. (По поводу сочиненій г. Н. С. Лѣскова). **А. Скабичевскаго.** (Окончаніе слѣдуетъ). 283

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1891 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки .	12 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургѣ	12 » 50 »
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи . .	13 » 50 »
На полгода	7 » 50 »
» четверть года	4 » — »
За границу	15 » — »

Для иногородныхъ, подписывающихся чрезъ Главную Контору, разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885—5 р.

Съ октября мѣсяца 1890 года веденіе «Сѣвернаго Вѣстника» перешло въ руки новой редакціи.

Слѣдующія лица обѣщали „Сѣверному Вѣстнику" свое участіе:

М. Н. Альбовъ, А. А. Андреева, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. М. Астыревъ, К. С. Баранцевичъ, П. Д. Боборыкинъ, И. М. Болдаковъ, В. И. Бородаевская, В. В., проф. Александръ Н. Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, П. И. Вейнбергъ, А. А. Виницкая, А. Л. Волынскій, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, З. Н. Гиппіусъ,

Б. Б. Глинскій, А. А. Головачевъ, М. К. Горбунова, проф. Н. Я. Гротъ, Л. Я. Гуревичъ, Г. А. Джаншіевъ, А. М. Евреинова, А. В. Елисѣевъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Ив. Ив. Ивановъ, проф. И. И. Иванюковъ, проф. А. А. Исаевъ, А. А. Кауфманъ. Н. А. Каблуковъ, М. С. Корелинъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. С. В. Ковалевская, М. В. Крестовская, С. И. Ламанскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. И. Л. Линниченко, Е. І. Лихачева, К. Н. Льдовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Лучицкая, Е. П. Лѣткова, В. И. Мак-Гаханъ, проф. Д. И. Менделѣевъ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордовцевъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Паевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубакинъ, М. И. Свѣшниковъ, А. М. Скабичевскій, В. Ю. Скалонъ, Вл. С. Соловьевъ, П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, проф. И. А. Стебутъ, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фаусекъ, проф. И. Я. Фойницкій, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Г. Фругъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. А. Холодковскій, А. П. Чеховъ, Ѳ. А. Червинскій, проф. В. М. Шимкевичъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), проф. И. И. Янжулъ, Е. Н. Янжулъ, Ю. Э. Янсонъ, проф. В. Г. Яроцкій и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ С.-Петербургѣ: *въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая улица, д. 9* и въ отдѣленіяхъ Конторы — въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова: въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46, Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава — Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книжн. магаз. И. А. Розова, въ Кіевѣ — Крещатикъ, д. Марръ, въ Одессѣ—Дерибасовская ул.; въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина — Гостиный дворъ, № 1. — Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по четвергамъ отъ 1 — 4 часовъ.

Редакторъ-Издатель **Б. Глинскій.**

СѢВЕРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Апрѣль № 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 марта 1891 года.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ по разсрочкѣ о своевременной уплатѣ 2-го взноса съ обозначеніемъ № и адреса, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАН.

I. — ПОЛѢНОВА И ЯРОСЛАВЦЕВЫ. Романъ. Часть четвертая. **А. Виницкой.** (Окончаніе). 1

II. — ДВѢ ЭЛЕГІИ. Стихотворенія. **Н. Минскаго** 63

III. — КАКЪ МЫ СУДИЛИ. (Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя). **Гр. Джаншіева** 65

IV. — СТИХОТВОРЕНІЕ. **Д. Мережковскаго** 78

V. — ВѢЧНАЯ ЗАГАДКА. **С. Терпигорева.** 79

VI. — СТИХОТВОРЕНІЯ. Изъ Боделера. (Переводъ). 105

VII. — КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЧИТАТЕЛЯ И ПИСАТЕЛЯ ИЗЪ НАРОДА. **Н. Рубакина.** (Окончаніе слѣдуетъ). 111

VIII. — ИЗЪ ДНЕВНИКА. Стихотвореніе. **А. Круглова.** 146

IX. — POLLICE VERSO. Panneaux. — **А. Лугового.** (Окончаніе слѣдуетъ) 147

X. — ФАБРИЧНАЯ РАБОТА СЪ САНИТАРНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. **В. Святловскаго** 187

XI. — ВЪ ВЕСЕННЮЮ НОЧЬ. Стихотвореніе. **Л. Вечерняго.** . . . 206

XII. — НОВЫЯ ВѢЯНІЯ. Романъ Бьернстьерна Бьернсона. Перев. съ норвежскаго. **М. В. Лучицкой.** (Продолженіе слѣдуетъ) . . . 207

XIII. — НУЖДАЕТСЯ-ЛИ РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ СПЕЦІАЛЬНОМЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ? (Моимъ ученикамъ). **И. А. Стебута.** (Окончаніе слѣдуетъ) 259

XIV — ЧѢМЪ ОТЛИЧАЕТСЯ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ИСКУССТВѢ ОТЪ ПАРТІЙНОСТИ. (По поводу сочиненій г. Н. С. Лѣскова). **А. Скабичевскаго.** (Окончаніе слѣдуетъ). 283

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

стран.

I. — СИБИРСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА. Съ экономической и стратегической точки зрѣнія. (Окончаніе). 1

II. — ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ:

1) ВЛІЯНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ЭЛЕМЕНТА НА РАЗВИТІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И ОБЩИННОЙ ЖИЗНИ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. (Къ вопросу о сравнительной характеристикѣ переселенца и кореннаго сибирскаго крестьянина). **А. Кауфмана** 27

2) ВЪ ГОСТЯХЪ У ДУХОБОРЦЕВЪ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ. **Н. Астырева** 52

III. — ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. Весеннія радости и печали. — Эпидеміи и недостатокъ медицинской помощи. — Предположенное медицинскимъ департаментомъ увеличеніе медицинскаго персонала особыми врачами-практиками. — Затруднительный и недостаточно ясный вопросъ для земскихъ аптекъ. — Виды на урожай и недостатокъ продовольственныхъ средствъ и сѣмянъ. — Опубликованное въ этихъ видахъ правительственное распоряженіе о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ на хлѣбные грузы. — Произволъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ. 65

IV. — ТРЕТІЙ КОНКУРСЪ НА ПРЕМІЮ ИМЕНИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ИЛЛАРІОНОВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА 85

V. — НАУЧНАЯ ЛѢТОПИСЬ. IV съѣздъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Вступленіе. — Борьба со смертью. — Единство гипнотизма у человѣка и животныхъ. — Наслѣдственность и ея законы. — О призрѣніи брошенныхъ дѣтей общественными учрежденіями. — Предохранительныя мѣры противъ зараженія чахоткой. — Объ организаціи санитарной части на фабрикахъ, заводахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ. — Нѣкоторыя данныя о посѣщеніи съѣздовъ врачами. Д-ра мед. **П. Смоленскаго.** 87

VI. — НОВЫЯ КНИГИ: 1) Беллетристика и поэзія. 2) Медицина и естествознаніе. 3) Общественныя науки и философія. 4) Педагогическая и дѣтская литература, изданія для народа 111

VII. — КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ 128

VIII. — ПО ПОВОДУ ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКИ. **В. Стасова** . . 130

IX. — ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XI. Американскій университетъ Джонса Хопкинса. **В. Макъ-Гаханъ** 148

X. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Фридрихсруэ—Берлинъ. **В. Т.** 158

XI. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. „Мимочка на водахъ". — Нѣсколько замѣчаній къ философской замѣткѣ. **А. Волынскаго** 171

XII. — ПРИЛОЖЕНІЕ. СВѢТСКАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ Мабель Робинзонъ. (Перев. съ англійскаго). **А. Погосской** . . . 81—96

ПОЛѢНОВА И ЯРОСЛАВЦЕВЫ.

Романъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XIX.

Наступили теплые тихіе дни. Пріѣхавшій изъ деревни садовникъ расчистилъ дорожки въ саду Ярославцевыхъ, разсаживаетъ цвѣты, а Соня не выходитъ ему помогать какъ прежде, не хочетъ гулять и бѣгать по саду.

Съ начала марта Софья Васильевна начала въ ней замѣчать непостижимую перемѣну: разсѣянный, ко всему безучастный взглядъ, необыкновенный блескъ въ широко открытыхъ глазахъ и высохшія губы. Возила она ее въ театръ и въ гости; у себя устроила вечерокъ, который прошелъ довольно оживленно, хотя гостей было немного, въ томъ числѣ Ансеровъ и Рештинскій. И прежде рѣдко кто ихъ навѣщалъ, а съ водвореніемъ у нихъ Натальи Владиміровны госпожа Солнцева и другія дамы совсѣмъ перестали ѣздить къ Софьѣ Васильевнѣ, чтобы не скомпрометировать мужей по службѣ сношеніями съ ея ссыльной родственницей. Наконецъ Софья Васильевна предприняла ежедневныя загородныя прогулки, и все-таки Соня не перестала хандрить. То вздохнетъ она, то улыбнется внутренней, грустной улыбкой, нетерпѣливо поведетъ бровями и сдѣлаетъ сердитое лицо. Софья Васильевна безпокоится, чаще посылаетъ ее къ тетѣ, роется въ ея вещахъ и спрашиваетъ горничную: не видала-ли она у ней какихъ нибудь тетрадокъ или бумагъ. Но Луша ужъ теперь не выдастъ барышню.

Съ каждымъ днемъ меньше кушаетъ Соня, худѣетъ и блѣднѣетъ, и все о чемъ-то думаетъ. Опершись щекой на согнутую руку и прислонясь грудью къ столу, она не смотритъ въ книгу и не замѣчаетъ, что мать заглядываетъ ей въ лицо.

— Оживись, Соня моя, хоть немного, посмотри, поди, сколько тюльпановъ привезли, побѣгай по саду. Ну, скажи мнѣ, чего ты хочешь, радость моя?

Соня думаетъ о томъ, что она отлично разгадала Монументова: онъ лукавый, безнравственный человѣкъ; и въ то время, какъ она занята этой мыслью, языкъ ея произноситъ:

— Mercі, chère petite maman.

Иногда она совсѣмъ не понимаетъ и не слышитъ ни словъ матери, ни своихъ отвѣтовъ, потому что языкъ ея, какъ отдѣленный отъ ея существа органъ, самъ говоритъ то, что ему привычно, что подъ управленіемъ покорной дочери ему часто приходилось говорить. Сердце чуткой матери наполняется мучительной горечью: стекло образовалось между нею и дочерью; она хочетъ и не можетъ его разбить.

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить, Соня моя.

Побѣдить-бы его, думаетъ Соня, право стоитъ съ нимъ побороться.

— Je suis à tes ordres, maman, отвѣчаетъ языкъ.

— Сбрось съ себя хандру, не упрямься, поѣдемъ въ Петергофъ къ Тарусовымъ. Слышишь, Соня? Я, наконецъ, насильно тебя повезу.

Соня чуетъ въ Монументовѣ силу, которая не мирится съ золотой серединой, а ведетъ къ крайностямъ, и желала бы довести его до изступленія любви, чтобы опровергнуть его гадкую теорію.

— Насильно, мамочка, ты можешь все заставить меня дѣлать: я въ твоей власти.

И тѣни нѣтъ умышленнаго упрека въ ея разсѣянныхъ словахъ, но они больно рѣжутъ сердце матери, и мать проситъ ее сѣсть къ ней на диванъ, что она съ замѣтнымъ принужденіемъ исполняетъ, продолжая думать: еслибъ его можно было встрѣчать гдѣ-нибудь въ нейтральномъ мѣстѣ, доводить до отчаянія и хохотать надъ нимъ.

Софья Васильевна дѣлаетъ надъ собой громадное усиліе и говоритъ ей мягкимъ груднымъ голосомъ:

— Прости меня, дитя мое, я раскаиваюсь въ своей строгости.

Пусть онъ застрѣлится изъ любви ко мнѣ, этотъ гадкій человѣкъ, отвергающій любовь, думаетъ Соня, глядя на мать глазами, ничего не понимающими кромѣ волненія, написаннаго на ея лицѣ. И лицо хорошо воспитанной дочери само собой принимаетъ привычное ему привѣтливое выраженіе, языкъ самъ говоритъ:

— Твоя строгость послужила мнѣ въ пользу.

Да ужъ не правъ-ли онъ, что любви нѣтъ, мысленно ужасается она: неужели, то, что во мнѣ теперь происходитъ, можно назвать любовью? И тяготясь разговоромъ, она поднимается съ дивана, чтобы поправить загнувшійся уголокъ скатерти на одномъ изъ круглыхъ столовъ, и найдя предлогъ удалиться въ свою комнату, оглядывается.

Что она видитъ! Мама закрыла глаза платкомъ и заплакала. Сдержанная, холодная мамочка плачетъ!

Съ пылкой искренней лаской Соня такъ и бросается къ ней, отводитъ ея руку отъ лица, и приникаетъ къ нему губами.

— Мама моя! Не тревожь себя понапрасну! Хандра моя скоро пройдетъ, увѣряю тебя; тутъ есть другая причина, а совсѣмъ не твоя строгость. Что ты выдумала!

Обнявъ мать, она ее качаетъ, успокаиваетъ, пересыпая поцѣлуями утѣшенія:

— Люблю я тебя безпредѣльно, родную мою. Еще поцѣлуй меня, ну еще, ну еще! А стиховъ я терпѣть не могу, ты можешь быть спокойна. Дай мнѣ глазки поцѣловать. И никогда я ничѣмъ не увлекусь, у меня такая холодная натура. Сотру губами твою слезку со щеки. Къ тебѣ идутъ слезы, мамочка, ты на мадонну похожа, только не плачь. Не лучше ли намъ порѣже говорить, избѣгать волненій, родная? Я перешла бы наверхъ, какъ Вѣрочка... Не позволишь?

— Все, что хочешь, улыбнулась наконецъ Софья Васильевна. Пользуйся полной свободой и властью, ты такъ желала этого.

— Голубка моя, какъ я рада, вся оживилась дѣвушка, и чуть не задушила ее поцѣлуями.

Три дня, забывъ о своихъ чувствахъ, она распоряжалась устройствомъ своего новаго жилища, чтобъ было въ немъ все разбросано въ миломъ безпорядкѣ, уютно, живописно и удобно, и на этотъ разъ мама не только помогала ей совѣтами, но купила хорошенькаго свѣтлаго кретона обтянуть стѣны ея будуара въ комнатѣ, которую когда-то занимала Полѣнова. Жаль только, что было нельзя занять прилегающую къ ея кабинету и будуару всю квартиру наверху, состоящую изъ шести комнатъ: ремонтировка ихъ обошлась бы слишкомъ дорого.

Пора выставлять окна. Побурѣвшій садъ шумитъ ожившими вѣтвями, плотныя почки тополя бьются въ стекло, и подъ солнечнымъ припекомъ зеленѣетъ молодая травка; хорошо на воздухѣ, но ей наверху еще лучше. Домашняя суетня не доходитъ туда, и кажется Сонѣ, что она одна на свѣтѣ, и никому нѣтъ дѣла до нея. Она можетъ сколько ей угодно предаваться успокоительно радостнымъ мечтамъ о декольте, бѣломъ плюшѣ, перьяхъ, бобрахъ, брилліантахъ; она можетъ сочинять какіе угодно стихи, но...

О чемъ писать, когда все пережито,
И новаго ужъ мнѣ не ожидать,
Что говорить, когда вся жизнь разбита,
И больше нечего сказать.

Но стоило ей обойти садъ, какъ приливъ нахлынувшихъ воспоминаній пожаромъ охватилъ все ея тѣло. На этой скамейкѣ она си-

дѣла, когда онъ прошелъ мимо съ Нюшей и поглядѣлъ такъ загадочно-весело. Уже тогда онъ противъ нея замышлялъ что-то странное и страшное. Что-же такое? Что влечетъ ее къ этому непостижимому, но несомнѣнно злому человѣку? Хочется видѣть и слышать его, хочется знать, за что онъ пожелалъ ей зла. Такъ, ни за что. Увидѣлъ ее въ бесѣдкѣ и сталъ ходить мимо забора, выслѣживать ее на улицѣ, намѣтилъ ее какъ охотникъ дичь, какъ лютый звѣрь добычу... о, какъ страшны чужіе люди! А все-таки надо ихъ знать. Надо узнать Монументова, проникнуть въ его темную душу. Пусть онъ будетъ злодѣй, пустъ онъ будетъ вампиръ и сосетъ кровь изъ нея, а она, будетъ слабѣть, слабѣть въ сильныхъ его когтяхъ, совсѣмъ изнеможетъ,—и умретъ... Ей доставляетъ удовольствіе воображать себя измученной и истощенной, и въ сладкой физической истомѣ она дѣйствительно ослабѣваетъ. Послѣ маленькой прогулки она падала на диванъ отъ утомленія и на вопросы матери: что она чувствуетъ, не открывая глазъ, отвѣчала томно прерывающимся голосомъ, не подозрѣвая бездны отчаянія, въ которую ввергала свою измученную безпокойствомъ маму:

— Un abattement complet... exténuée de fatigue... toute brisée... anéantie... laisse-moi tranquille.

Все съ большей ясностью представляла она себѣ образъ поразившаго ее человѣка; его загадочные, хитро направленные противъ ея же личности поступки — какъ это ни странно — нравились ей. Намѣренное прикосновеніе его рукъ къ ея шеѣ оживало, разливаясь горячей струей по спинѣ; съ завѣдомо нехорошимъ побужденіемъ сколько разъ задержанныя въ его рукахъ руки ея горѣли; и безсонными ночами такія ощущенія всю ее жгли, сушили, тревожили. Память неумолимо вѣрно рисовала тяжелый, грубый образъ злого человѣка, мѣщански мелко и смѣшно проникнутаго своимъ довольствомъ, со всѣмъ тѣмъ давшаго ей чарующія минуты удовольствія, благодаря, конечно, своей преданности и любви къ ней.

Такъ зачѣмъ же онъ скрылъ отъ нея свои чувства? Признаніе ей нужно, во что бы то ни стало нужно вырвать изъ него полное признаніе, иначе она пропадетъ. Требующее удовлетворенія недовольство охватывало ее тоской, доводившей до отчаянія: броситься бы съ крыши и убиться до смерти.

По средамъ она чувствовала себя совсѣмъ больной. Томленіе становилось непріятнымъ, все сильнѣе захватывающимъ сердце, она испытывала тошноту, какое-то сосущее всю внутреннность недомоганіе. Такое существованіе невозможно, оставалось или умереть, или бѣжать къ нему.

Она бѣжала къ матери и спряталась подъ шаль ея.

— У тебя хорошо подъ шалью, мама, тепло, пахнетъ духами;

тутъ никто не сдѣлаетъ мнѣ зла. Возьми меня обѣими руками, держи такъ постоянно и никуда не пускай меня одну. Посиди со мной, родная, не бери ванну. Я ночую у тебя на кушеткѣ, а ты не спи, карауль меня, стереги днемъ и ночью, сдѣлайся строга, неумолима и жестока, я заслуживаю страшныхъ наказаній... Если-бъ ты знала!.. Позволь мнѣ ночевать у тебя, позволь-же, — топала ногой Соня — ну, что ты молчишь, говори!

Лихорадка била все ея тѣло, зубы стучали и руки были холодны.

— Соня, ты больна!

— Больна. Я не хочу жить наверху, я не хочу свободы.

— Ну, вотъ видишь-ли, какая ты...

— Исправляй. Я твое несовсѣмъ удачное произведеніе, такъ прибавляй чего во мнѣ не достаетъ, выбрасывай лишнее.

— Не говори такъ, Соня, это похоже на упрекъ.

— Ахъ, если-бъ ты могла вычеркнуть одну страницу изъ моей жизни, ломая руки, скрипнула Соня зубами, и раздражительно заплакала. — Помѣшай мнѣ, запрети мнѣ мучиться! Ну, говори же, мама, говори что нибудь поскорѣй, я невыносимо страдаю.

Софья Васильевна помогла Лушѣ раздѣть ее и уложить въ свою постель и, хлопотливо выдвигая ящики своего туалета, искала въ нихъ лекарства, а Соня въ истерическомъ припадкѣ билась головой о подушку.

Явилась, какъ всегда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Наталья Владиміровна и не понимая, что дѣлается съ Соней, увѣряла растерявшуюся невѣстку, что это сейчасъ пройдетъ. Она спросила:

— Поссорились вы, что-ли? Вѣрно наказана была?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, слабо защищалась Софья Васильевна, и обѣ блѣдныя смотрѣли другъ на друга, стоя у кровати, которая тряслась отъ конвульсивныхъ толчковъ бившейся подъ одѣяломъ Сони.

— Вотъ ужъ не побоюсь правду сказать, сударыня, взволнованно заговорила Луша: все-то онѣ въ страхѣ, да все по струнке ходятъ, ужъ такъ изволите съ нихъ взыскивать...

— Что? мгновенно стихнувъ, оборвала горничную Соня, какъ вы осссмѣлились грубить! Одѣваться мнѣ, живо! И немедленно залу освѣтить, я хочу съиграть что-нибудь изъ Шумана. Ты не ворчи, голубка тетя, мама опять меня балуетъ. Ну, успокойтесь обѣ, я здорова.

Въ тотъ-же вечеръ, подавъ Монументову самоваръ, дворникъ сказалъ ему:

— Что-то ваша барышня долго не идетъ, муфточка ейная у меня. Забылъ я ее на полкѣ, да сталъ искать буравчикъ, а она и лежитъ.

— Какъ къ тебѣ попала ея муфта?

— А значитъ, какъ въ послѣдній разъ она была, такъ во дворъ

заходила, встала къ стѣнѣ у сарая и стояла, знать васъ дожидала. Я изъ окна сторожки видѣлъ.

— Ну?

— Ну, я и говорю...

— Долго стояла?

— Порядочно. Потомъ этакъ тряхнула ручками, да какъ выбѣжитъ въ ворота, муфточку и выронила. Вамъ, что-ль отдать?

— Поди, принеси. Хорошо, хорошо! къ удивленію дворника, радостно потирая руки, воскликнулъ Монументовъ и захохоталъ.

Онъ положилъ муфту на самое видное мѣсто для того, чтобы разсказывать всѣмъ желающимъ его слушать, при какихъ условіяхъ она къ нему попала и кому принадлежитъ.

Но наступило лѣто, а Ярославцева все не являлась. — Однако она должна придти, потому что должна понять, что отъ меня авансовъ не дождется, разсуждалъ самъ съ собой Монументовъ, изо дня въ день все съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ поджидая ее. По средамъ онъ прихорашивался и безвыходно проводилъ вечера дома. Онъ не могъ не ждать ее въ силу сложившейся привычки; чувство невольнаго ожиданія вошло въ составъ его существованія, оно ему было пріятно и въ то же время невыносимо утомительно. То въ жаръ, то въ холодъ его бросало... Вотъ кто-то идетъ по лѣстницѣ... Мимо! Фу, чортъ, даже въ потъ ударило.

А между тѣмъ ему было необходимо работать. Аграфена Ерофѣевна, изъ которой онъ надѣялся извлечь для себя выгоду, выскользнула изъ его рукъ. Въ дѣлахъ у него оказывался большой застой, и все такія мелкія дѣлишки, что въ руки взять не хотѣлось. Было необходимо какимъ-бы то ни было путемъ пріобрѣсти извѣстность и тогда ужъ настоящіе кліенты должны набѣжать сами собой. Просто возиться не стоило съ такой дрянью: искъ въ двадцать одинъ рубль съ кондуктора... ну его!.. Онъ бросилъ бумагу, взялъ другую и углубился въ нее: о взысканіи трехсотъ рублей по непротестованному, просроченному векселю. Что-то такое очень ловкое я хотѣлъ скомбинировать по этому дѣлу, силился онъ припомнить: вынудить добровольное соглашеніе, кажется. Забылъ. Кажется, была у меня намѣчена какая-то статья?

Въ квартирѣ непробудная тишина; всякій внѣшній звукъ заставляетъ его встрепенуться; шаги на лѣстницѣ будоражили въ немъ кровь. Онъ спѣшитъ къ зеркалу оправить воротникъ, но шаги поднялись выше этажемъ. Да что-жъ это она, въ самомъ дѣлѣ? Ужъ не заболѣла-ли? Съ недоумѣніемъ чувствовалъ онъ родъ незнакомой ему скорби: его сердце просило чего-то неиспытаннаго, но прекраснаго, хотѣло живыхъ, очеловѣчивающихъ впечатлѣній, хо-

тѣло согрѣться участіемъ, заныть сладкой тоской о другомъ сердцѣ. Но это неуловимо смутное, мимолетное настроеніе уступало мѣсто сладостному млѣнію при возникавшей въ воображеніи больной дѣвушки въ постели, съ разметавшимися роскошными волосами, во всей наготѣ. Нижняя губа его непроизвольно отвисла и глаза подернулись влагой. Два мѣсяца непрерывной тревоги ожиданія, переходящей то въ сладостное млѣніе, то въ неестественную бодрость или досаду, подорвали его организмъ. Какъ почти всегда бываетъ съ людьми, искусственно и долго сохраняющими свою моложавость, онъ вдругъ сразу постарѣлъ. Онъ ужасался при видѣ быстраго увяданія своей, такъ тщательно поддерживаемой, красоты. Скулы обозначились, глаза стали тускнѣть. Но что особенно приводило его въ отчаяніе, это нижняя губа. Время отъ время она непроизвольно стала отвисать. Онъ слѣдитъ за ней и быстро ее подбираетъ; тогда она шлепается о верхнюю, и лицо его принимаетъ безпомощно старческое выраженіе. Съ такимъ выраженіемъ онъ устремляетъ неподвижный взглядъ на дверь и ждетъ, все ждетъ ее, до полнаго самозабвенія.

Вотъ кто-то остановился на площадкѣ лѣстницы, нерѣшительно подходитъ къ двери. Звонокъ. Съ блѣднымъ лицомъ подскочилъ онъ къ зеркалу и вдругъ побагровѣлъ. Секунду онъ совсѣмъ не могъ дышать, потомъ оправился, состроилъ равнодушное лицо и, помедливъ немного, отперъ дверь.

— Чурисовъ! Вотъ не ожидалъ.

Маленькаго роста Чурисовъ, въ длинномъ, до пятокъ, старомодномъ дипломатѣ, обнаживъ голову, погладилъ себя по вылѣзшимъ, мѣстами, желтымъ какъ пухъ цыпленка, волосамъ и тяжело вздохнулъ.

— Мало-ли чего не ожидаешь, вытянувъ губы и обиженнымъ басомъ проговорилъ онъ: я безъ мѣста.

— Это какимъ образомъ?

— Патронъ взвалилъ на меня всѣ дѣла въ конторѣ, да, уѣзжая лѣтомъ, оставлялъ меня стеречь свою квартиру, и съ меня же вычелъ за комнату, которую я занималъ, по двѣнадцати рублей изъ жалованья.

— Филинъ ты, и больше ничего.

— Нѣтъ, я сказалъ, что слѣдующее лѣто не останусь на такихъ условіяхъ, а онъ мнѣ: „уходите хоть сейчасъ“. Я и ушелъ.

— Эхъ, ты!

На двойныхъ высокихъ каблукахъ, развинченной походкой прошелся Чурисовъ по комнатѣ, хотѣлъ сѣсть на диванъ, но отошелъ къ крайнему стулу, исподлобья осмотрѣлся и съ напускной непринужденностью поднялъ на Монументова свои утомленные, покраснѣвшіе глаза.

— Ты меня ссуди рублями десятью.

— Нашелъ у кого просить. Я самъ изо дня въ день перебиваюсь.

— А твоя Аграфена Ерофѣевна?

— Тю-тю.

— Печально. Говорилъ я тебѣ: не слишкомъ ты ее третируй.

Монументовъ свиснулъ.

— Ничего ты не понимаешь, но вѣрь на слово: женщинамъ нравится суровость.

Чурисовъ вопросительно поморгалъ красными вѣками и въ раздумьи произнесъ:

— А вѣдь я чуть не женился на дочери небезденежныхъ родителей; засидѣлась она въ дѣвушкахъ, ну, думаю: убилъ бобра. Нѣтъ-таки сорвалось. Узнала, что мнѣ отказано отъ мѣста и тю-тю.

— Мга-мъ!

— Я разсчитывалъ тутъ у тебя перехватить чего-нибудь, Митя: чайку, коньячку, булочку. Когда нибудь сочтемся, я рано или поздно выплыву, у меня всѣ данныя...

— Такъ сорвалась? переспросилъ Монументовъ, съ сознаніемъ своего превосходства скользнувъ глазами по пришибленной фигуркѣ и золотушному лицу товарища.

— Когда я стану крупной личностью... началъ Чурисовъ.

— Для этого надо родиться крупнымъ пролазой, а мелкаго едва хватитъ на то, чтобы донашивать чужія обноски.

Монументовъ выразительно поглядѣлъ на слишкомъ просторную одежду Чурисова. Чурисовъ поправилъ рукава своей визитки, на половину закрывавшіе кисти рукъ, съ отчаянной развязностью бросился въ кресло и сталъ смотрѣть на свои заплатанные сапоги.

— Всѣ великіе люди начинали съ этого, сказалъ онъ. Я, признаться, шелъ къ тебѣ обрѣсть пріютъ на нѣкоторое время.

Прищурившись на лампу, Монументовъ издалъ губами звукъ неудовольствія.

— Чортъ знаетъ! Беру керосинъ въ аптекарскомъ складѣ и все-таки скверно горитъ...

Звонокъ въ передней сообщилъ его щекамъ багровый румянецъ.

— Исчезнуть? запахивая на груди визитку, вскочилъ Чурисовъ.

— Погоди, я тебѣ покажу замѣчательную красавицу... нахаживаетъ ко мнѣ по вечерамъ... Ярославцева.

— Да неужели? Курсистка?

— Нѣтъ, та, сестра ея, умерла. Ты посмотри, какъ я съ ней буду обращаться. Да не бросайся отпирать, пусть ждетъ.

Однако его ожиданія не сбылись и въ этотъ разъ: звонилъ почтальонъ, принесшій письмо съ незнакомымъ почеркомъ, а Монументовъ, разсудивъ, какъ ему необходимо имѣть посторонняго свидѣтеля

по дѣлу съ Ярославцевой, рѣшилъ оставить Чурисова у себя до ея прихода; потомъ распечаталъ письмо—отвѣтъ княгини Тарусовой на его предложеніе, состоящій изъ трехъ словъ: „Вы сума сашли“, написанныхъ большими, круглыми буквами.

Прочитавъ роковое письмо, Монументовъ сморщился, подошелъ къ зеркалу и передернулъ плечами.

— Холодно. Чурисовъ, оставайся, пожалуй, только, вѣдь, у меня прислуги нѣтъ. Посмотри, нѣтъ ли въ кухнѣ дровъ, каминъ бы не мѣшало затопить.

Чурисовъ засучилъ рукава, принесъ дровъ, затопилъ каминъ и началъ семенить ногами передъ Монументовымъ.

— А я, признаться, Митя, не очень на тебя разсчитывалъ.

— И ошибался во мнѣ. Я всегда радъ протянуть руку помощи въ несчастіи...

— А я, Митя, тебѣ заслужу. Я умѣю стряпать: бифштексъ, яичницу, кашу... Сейчасъ же можно ужинъ приготовить.

— Сдѣлай одолженіе, вотъ тебѣ рубль, тутъ рыбная лавка недалеко, можно сварить ухи.

Оставшись одинъ, онъ бросилъ въ каминъ полученное письмо и съ застывшими чертами вытянутаго лица смотрѣлъ, какъ оно горѣло: озадачила меня старая грымза, думалъ онъ о княгинѣ, ну, да для законнаго брака найдется что-нибудь и получше, стоитъ захотѣть. Его вѣдь не легко сбить съ принятой позиціи. За ужиномъ онъ даже повеселѣлъ послѣ выпитой водки и пустился въ откровенности, еще разъ насмѣшливо спросивъ:

— Такъ сорвалась, ты говоришь, твоя невѣста?

Чурисовъ, исполнявшій должность и лакея и собесѣдника, съ засученными рукавами то принося тарелки, то присаживаясь поѣсть, при этомъ напоминаніи поникъ своей облѣзлой головой, но съ насильственной улыбкой пробормоталъ:

— Для законнаго то брака найдется что-нибудь и получше.

— А ты не будь филиномъ, умѣй пріарканить женщину, чтобъ она какъ съ арканомъ на шеѣ бѣжала за тобой, умѣй ее разжечь, не пропуская на то случая. Пальто станешь подавать, да будто нечаянно и прикоснись къ ея шеѣ, да такъ, чтобъ ее бросило въ жаръ. Или вотъ на извощикѣ, напримѣръ, возьми ее за талію, чтобъ поддержать на ухабѣ, да такъ, чтобъ вся кровь бросилась ей въ лицо. Само собою разумѣется, что слѣдуетъ при этомъ соблюдать самый серьезный видъ и преднамѣренности не обнаруживать.

Съ движеніемъ сильнѣйшаго интереса пододвинувшійся къ нему Чурисовъ произнесъ своими вытянутыми, какъ бы сосущими губами.

— Другая, пожалуй, такъ ошеломитъ...

— Случается и это, невозмутимо подтвердилъ Монументовъ, но въ такомъ положеніи слѣдуетъ прикинуться удивленнымъ и обиженнымъ; ее же сконфузить: какъ молъ вы меня поняли? что вообразили? какъ истолковали?

Онъ затрясся, испуская тихій, свистящій смѣхъ, и вытеръ слезу въ уголкѣ глаза, потомъ словоохотливо продолжалъ свои поученія:

— Хорошо я дѣйствовалъ также слезами; передъ ними ни одна женщина не устоитъ. Ты можешь снять съ нея послѣднее платье и заплакать: жаль, молъ, что этого мнѣ недостаточно, и она послѣднюю рубашку сниметъ и отдастъ. Ты можешь одной рукой кожу съ нея сдирать, а другой слезы утирать, и она же восчувствуетъ къ тебѣ состраданіе.

— Табаку что ли надо въ глаза насыпать? спросилъ Чурисовъ,

— Мга-ха-ха! Глаза у меня на мокромъ мѣстѣ. Чортъ ихъ знаетъ: и не болятъ, и хорошо видятъ, а слезятся въ холодную погоду на вѣтру, и во всякое время стоитъ подавить слезныя желёзки, и готово.

Слушая его очень внимательно, Чурисовъ съ жадностью ѣлъ и пилъ водку. Оба молчали нѣкоторое время, занятые ѣдой, наконецъ оба отшатнулись отъ стола и вздохнули по различнымъ поводамъ: Монументовъ, потому что переполнилъ желудокъ, Чурисовъ—отъ зависти къ нему.

— Этакій ты, братецъ, неряха, сказалъ Монументовъ.

— Чѣмъ же?

— Что у тебя платка нѣтъ? Я тебѣ дамъ старенькій? И вообще: рукава у тебя засалены...

— Да вѣдь я сейчасъ стряпалъ, чудакъ ты!

— Если тебя Ярославцева застанетъ въ такомъ видѣ, неловко. Вѣдь она высокаго полета птица.

— Да это я такъ, обиженно вытянулъ губы Чурисовъ, а я, когда нужно, могу тону задать: я въ аристократическихъ домахъ бывалъ.

— Ты посмотри только на ея муфту, вонъ лежитъ у входной двери на столѣ, одна муфта чего стоитъ! Вотъ у ней, братецъ, такъ тонъ...

— Хорошій тонъ, съ увлеченіемъ подхватилъ Чурисовъ, это самое главное; я тоже придерживаюсь хорошаго тона.

И поднявъ ногу, онъ чиркнулъ спичкой о подошву сапога и закурилъ грошовую сигару.

Монументовъ совсѣмъ опустился въ креслѣ и какимъ то млѣющимъ соннымъ голосомъ продолжалъ:

— Какія у ней, братецъ, манеры...

— Я самъ выше всего ставлю хорошія манеры, подхватилъ Чурисовъ, и при этомъ потянулъ носомъ такъ сильно, что одну ноздрю отдернуло въ сторону.

— Возьми платокъ въ коммодѣ, сказалъ Монументовъ, потомъ зажмурился и, припавъ головой къ спинкѣ кресла, засопѣлъ. Чурисовъ обдумывалъ нѣсколько минутъ его нравоученія, принятыя къ свѣдѣнію, потомъ подошелъ къ зеркалу, подбодрился, вздернулъ голову, пріосанилъ свою жалкую фигурку, пробуя принять суровый, неотразимо побѣдоносный видъ, и, довольный собой, отправился въ кухню мыть посуду.

Такъ зажили вмѣстѣ два товарища, и Монументовъ, сообразивъ, что обѣдъ дома на двоихъ обходится вдвое дешевле одного обѣда въ ресторанѣ, находилъ, что вдвоемъ не скучно проводить время въ ожиданіи среды. Къ тому-же онъ предпочиталъ дѣлать все чужими руками. Чурисовъ бѣгалъ въ лавку, стряпалъ, убиралъ комнаты. Послѣдній трудъ, впрочемъ, раздѣлялъ съ нимъ и Монументовъ, слѣдя ревнивымъ окомъ за каждой вещицей въ его проворныхъ рукахъ.

— Да не усердствуй, Чурка, я самъ вытру, осторожнѣе, вѣдь это хрупкое. Да не хлещи тряпкой по креслу, сломаешь рѣзьбу.

— Пыли у тебя накопилось удивительное количество.

— Пусть лучше остается пыль, чѣмъ портить вещи. Поди-ка ты въ кухнѣ что нибудь подѣлай.

Чурисовъ, его товарищъ по семинаріи, по недостатку средствъ не поступалъ въ университетъ, но желая выдвинуться изъ среды духовенства, брался за всякую работу по „письменной части“, давая поводъ неразвитымъ патронамъ злоупотреблять своей услужливостью и податливымъ характеромъ. Онъ сносилъ всѣ униженія, въ надеждѣ поправить свои обстоятельства выгодной женитьбой. Къ тому-же онъ, какъ и Монументовъ, жаждалъ извѣстности и для этого вознамѣрился создать вторыя „Мертвыя души“, что было очень просто: взять готовый трудъ Николая Васильевича, измѣнить въ немъ заглавіе, измѣнить имена и нравы на болѣе современныя, вотъ и все. Боялся онъ только, чтобы кто нибудь не предвосхитилъ его мысль, и просиживалъ ночи за работой. Вмѣсто Чичикова у него Парамоновъ разъѣзжаетъ по Россіи, скупая дутые векселя; иногда встрѣчается съ нигилистами. Пару нигилистовъ Чурисовъ цѣликомъ самъ сочинилъ и заставлялъ ихъ продѣлывать страшныя вещи.

Онъ вымылъ въ кухнѣ столъ, развернулъ книжку Гоголя, сидитъ и пишетъ. Много придется потрудиться, да ему къ этому не привыкать. Глаза болятъ, клонится къ столу усталая больная голова его, а онъ все пишетъ. Днемъ онъ ходитъ освѣдомляться, не требуются-ли гдѣ нибудь его услуги, а ночью, исполнивъ все по хозяйству Монументова, сидитъ въ кухнѣ и пишетъ, все пишетъ.

Однажды онъ встрѣтилъ вернувшагося съ прогулки Монументова извѣстіемъ, что въ его отсутствіе была какая-то дама.

— Блодинка?

— Я не успѣлъ разсмотрѣть, кажется, блондинка.

— Нарядная, стройная, высокая?

— Высокая.

— Она! Это она, Ярославцева. Что-же она говорила?

— Ни слова не сказала. Позвонила такъ, что я думалъ разлетится въ дребезги звонокъ, влетѣла, чуть не сшибла меня съ ногъ, оглядѣлась, схватила муфту и ушла.

— Напрасно ты ей муфту отдалъ.

— Да я не успѣлъ опомниться.

— Филинъ! Все у меня было скомбинировано, до тонкости ловко подведено, сколько искусства, выжиданія потрачено, а ты тутъ... Ну, да это ничего, внезапно оставилъ онъ сердитый тонъ и весь повеселѣлъ. Какова, братецъ, а? Видѣлъ?

— Право не замѣтилъ, она подъ вуалью была.

— Ну, увидишь. Теперь она часто будетъ нахаживать.

Потирая руки, съ легкостью въ душѣ, давно имъ не испытанной, Монументовъ прошелъ въ свой кабинетъ и оттуда крикнулъ:

— Эй! Чурочка, Чурка! Поди-ка сюда.

Чурисовъ появился передъ нимъ съ недовольнымъ видомъ: онъ только что прочелъ страницу Гоголя, переложилъ ее въ своей головѣ по своему и хотѣлъ записать. Монументовъ протянулъ ему ногу.

— Помоги, братецъ, снять сапогъ, усталъ я.

Легкій румянецъ выступилъ на впалыхъ щекахъ Чурисова, лицо его съ достоинствомъ поднялось... и поникло. Въ первый разъ потребовалась отъ него такая услуга. Онъ хотѣлъ уклониться отъ нея, но не съумѣлъ, и съ рѣшительностью отчаянія вставъ на одно колѣно, обѣими руками ухватился за сапогъ товарища.

— Такъ въ случаѣ, если она безъ меня явится, ты задержи ее. Отъ себя посовѣтуй меня подождать, не высказывая ей моего на то желанія. Понялъ? Учись, братецъ, косвенными путями подготовлять женщину на первый шагъ, а прямыхъ авансовъ никогда не дѣлай. И главное практическую цѣль преслѣдуй, говорилъ Монументовъ покровительственно-докторальнымъ тономъ. Я-бы никогда себѣ не простилъ, еслибъ восчувствовалъ влеченіе къ женщинѣ только какъ къ женщинѣ, безъ практической цѣли — это развратъ.

Сжатая улыбка подавленной боли оставалась на лицѣ Чурисова послѣ процедуры сниманія сапогъ; онъ, какъ обиженный ребенокъ, глухо проговорилъ, вытянувъ губы:

— Я полагаю, что развратъ совсѣмъ напротивъ...

— Разумѣется развратъ! Подчиняться только потребности организма — непозволительный развратъ. На что-же намъ дается сила воли? И поглядѣвъ округлившимися глазами на Чурисова, онъ показалъ ему пальцемъ подъ диванъ. — Подай мнѣ туфли.

Но Чурисовъ, собравъ всю сумму собственнаго достоинства, находившуюся въ его распоряженіи, отвѣтилъ ему басомъ, торопясь скрыться въ кухню:

— Нѣтъ, ужъ лучше ты самъ возьми.

На слѣдующее утро Монументовъ не нашелъ въ кухнѣ товарища, и не нашелъ его имущества, состоявшаго изъ маленькаго неполно набитаго чемодана.

XX.

Соня все хандритъ, и ничѣмъ, заняться не можетъ, даже стихами, хотя ключъ отъ шкафа, гдѣ заключены поэты, находится въ ея рукахъ. Сыграетъ она коротенькую пьеску на роялѣ и усталая поникнетъ головой, вздохнетъ и раздражительно сказавъ матери: — tu ne fais que me regarder, c'est insupportable, съ томной граціей, медленно передвигая ноги, уйдетъ наверхъ.

Софья Васильевна ѣздила по церквамъ, заказывала обѣдни о здоровьи дочери, раздавала милостыню. Съ Кузминымъ, который все чаще началъ ѣздить къ нимъ, она затворялась въ своей спальнѣ, и долго выясняла ему симптомы ея разстройства. Кузминъ отвѣчалъ, что это не опасно, что барышнѣ замужъ пора. И о себѣ онъ что-то сказалъ, чего Софья Васильевна понять не пожелала, но смыслъ его полушутливаго намека заключался въ томъ, что онъ охотно отнялъ-бы у ней ея сокровище — Соню.

Кузминъ давно замѣтилъ въ Сонѣ перемѣну, замѣтилъ тревожную задумчивость, то грусть, то внезапное нетерпѣніе въ ея взглядахъ, и опредѣлилъ это состояніе превращеніемъ ребенка въ женщину. И такъ какъ она стала разговаривать съ нимъ безъ шаловливаго задора, а тихо, вѣжливо, съ пристойной женственной мягкостью въ голосѣ, ему страстно хотѣлось, а потому легко было, объяснить эту перемѣну въ свою пользу. Онъ пріѣзжалъ къ ней какъ къ паціенткѣ, подолгу сиживалъ съ ней наединѣ, но разговоръ между ними всегда шелъ неудачно. Она разсѣянно слушала его, отвѣчала односложно, и онъ приписывалъ это своей неловкости. Никакъ не могъ онъ отрѣшиться отъ принятаго съ ней тона, и съ твердой рѣшимостью въ душѣ признаться ей въ своей глубокой страсти, молить ее о взаимности, вдругъ, самъ не зная къ чему, съ полушутливой суровостью онъ скажетъ ей:

— Что призадумались? Опять въ поэзію пустились? Пустяки это, я вамъ доложу.

И подмѣтивъ тѣнь неудовольствія на ея лицѣ, оробѣетъ и безсвязно забормочетъ, внутренно проклиная себя за малодушіе.

— Софья Петровна, я такъ... вы извините... право-же я... то есть, вообще...

Она посмотритъ на него и равнодушно отвернется.

Никогда не имѣлъ онъ привычки кашлять въ руку, а тутъ вдругъ кашлянулъ разъ, преодолѣвая смущеніе. Онъ кашлянулъ въ руку, съ рѣшительностью подошелъ къ ней и, принявъ торжественный видъ, сказалъ не своимъ голосомъ:

— Софья Петровна!

Она воскликнула, поглядѣвъ въ окно:

— Ахъ, опять куры забрались въ куртину, разроютъ всю резеду.

И пошла выгонять куръ изъ сада.

Послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ онъ возвращался домой мрачнѣе тучи съ мыслью о самоубійствѣ, брюскировалъ паціентовъ, кричалъ на лакея, докладывавшаго ему, что его превосходительство присылали просить къ больному ребенку: — провалитесь вы съ превосходительствомъ! и запирался въ кабинетъ, чтобъ обдумать свое твердое намѣреніе завтра-же объясниться съ Соней.

Соня запиралась у себя наверху. Что она тамъ дѣлаетъ? тревожилась Софья Васильевна. — Ахъ, просверлить-бы безъ ея вѣдома дырочку въ стѣнѣ, и все смотрѣть, смотрѣть на радость Соню. А Соня неподвижно сидѣла цѣлыми часами у окна.

Тополь, который Вѣрочка не позволяла подстригать, такъ какъ и по сіе время исполняется ея воля, ужъ протягиваетъ въ комнату длинныя, пахучія вѣтви.

Вѣра правильно угадала, что Монументовъ не достоинъ быть принятымъ въ ихъ домѣ, ежедневно повторяетъ себѣ Соня. Еслибъ кто нибудь выяснилъ его личность и намѣренія относительно ея особы, это было бы для нея облегченіемъ, но ни съ кѣмъ въ мірѣ нельзя о немъ поговорить. Дождикъ идетъ. Мама ужаснулась-бы, еслибъ она вышла за порогъ дома, а хочется, чего-то хочется, и ей скучно сидѣть.

— Барыня васъ просятъ чай кушать, сказала горничная, пробуя отворить запертую дверь.

А! все еще не могутъ оставить меня въ покоѣ, все еще томятъ въ неволѣ, пытаютъ и терзаютъ.

— Скажите, что приду, отвѣтила она угрожающимъ тономъ, о, я приду!

И тяжело дыша, стремительно сбѣжала она съ лѣстницы, съ вы-

соко поднятой головой вошла въ столовую, и остановилась передъ китайской вазочкой съ вареньемъ.

— Это что такое? не глядя на мать, обратилась она къ лакею.

— Варенье-съ.

— Какое варенье?

— Розовое-съ.

— А я вамъ русскимъ языкомъ сказала подавать мнѣ кислаго; вѣдь есть сливы и барбарисъ. Схвативъ со стола вазочку, она высоко подняла ее, и съ силой бросила на полъ.—Такъ вотъ-же вамъ! Это васъ научитъ помнить и исполнять мои приказанія, какъ до сихъ поръ исполняются приказанія Вѣры.

Лакей устремилъ умиленно просящій взглядъ на барыню, ожидая отъ нея возмездія, которое онъ навлекъ на барышню.

— Виноватъ, сударыня, это я одинъ виноватъ, забылъ-съ.

— Подобрать, невозмутимо отвѣтила ему Софья Васильевна; ни одна черта не тронулась на ея спокойномъ лицѣ. Сама она нагнулась, взяла одинъ черепокъ, опустила его въ полоскательную чашку, вытерла и положила передъ собой.

— Покойный мужъ дорожилъ этимъ подаркомъ своего товарища... я такъ берегла, вздохнула она, взглянувъ на Соню.

Соня ушла.

Когда Софья Васильевна вошла въ свою комнату и, закрывъ лицо руками, опустилась на кушетку, Соня вышла изъ амбразуры окна, гдѣ ждала ее за драпировкой и, обхвативъ ея колѣнки, прижалась къ нимъ лицомъ.

— Мама моя! Когда я выйду замужъ, я подарю тебѣ много, много разныхъ вазочекъ и всего. Я подарю тебѣ серебряный сервизъ и золотое кресло... тронъ для тебя сдѣлаю и буду молиться на тебя, на мадонну мою. Накажи меня, помучай меня, родная моя!

— На этотъ разъ прощу, грустно промолвила Софья Васильевна, но если повторится подобная выходка, я не позволю тебѣ подходить ко мнѣ, запрещу матерью меня называть.

— Что же у меня тогда останется? горячо возразила ей Соня. У меня нѣтъ никакихъ радостей, ни удовлствій, ни друзей, ничего и никого кромѣ тебя, родная, никакой отрады, одна ты. Но и въ этомъ мнѣ нѣтъ счастья, мама: ты всю свою любовь излила на Вѣрочку... она стоила, а я не стою.

Голосъ ея звучитъ такъ грустно и нѣжно, губы горько шевельнулись и подбородокъ задрожалъ. Софья Васильевна сжала пальцами ея щеки и расцѣловала ея смѣшно оттопырившіяся губы, носъ, глаза и все лицо.

— Не смѣй плакать, дурочка! Я никогда такъ сильно не люблю

тебя, какъ въ тѣ минуты, когда ты не стоишь этого, въ твои горькія минуты, когда я тебя наказываю и браню. До сердечной боли я люблю мою капризную, тщеславную, лѣнивую дѣвчонку, мою пустенькую, глупенькую дочку. Сядь ко мнѣ на колѣнки, какъ маленькая, радость—Соня, и обними покрѣпче. Не будешь буянить?

— Вотъ, мамочка, всегда такъ и ласкай меня, и балуй, и будь со мной дружна, какъ съ Вѣрой.

— Вѣра не буянила, не плакала, а ты? Зачѣмъ ты отказываешься отъ развлеченій, не хочешь въ гости ѣздить, капризница моя?

— Да развѣ это радость для меня? Еще на балу, когда я окружена только мужчинами, мнѣ бываетъ весело, если я въ новомъ платьѣ, но запросто ѣздить мнѣ тяжело. Меня ничто не связываетъ съ моими одногодками, чувствуется un éloignement. Онѣ говорятъ о повышеніяхъ своихъ отцовъ по службѣ, а мнѣ нечего сказать; онѣ разсуждаютъ о новой модѣ, а я сижу въ старенькомъ платьицѣ и молчу. А ты привезешь меня домой и начнешь мучить: „pourquoi as-tu été maussade?“ Да, не всегда съ тобой можно быть откровенной. Вотъ и теперь я жду, что ты нахмуришься и скажешь: „не говори такъ много, не позволяй себѣ излишествъ“. Ахъ мама, мама, какія ужъ тутъ излишества! — глубоко вздохнула она.

Хлопая ее ладонью по щекѣ, Софья Васильевна съ невыразимой добротой ей улыбалась.

— Ну говори, чего ты хочешь? Заграницу, хочешь, повезу тебя?

— Повези. Только, вѣдь, и тамъ ты будешь меня наказывать, ты никогда не сдѣлаешь меня равной, какъ Вѣру.

— Ну, пойдемъ, я тебя покормлю, у тебя голова горячая, пора бабаиньки. Я сама тебя уложу спать, ужъ такъ и быть, побалую буянку.

Долго сидѣла мать у кровати дочери, разговаривая съ ней какъ съ равной о знакомыхъ, разбирая хорошія и дурныя стороны ихъ характеровъ. Соня со смѣхомъ передразнивала княгиню Тарусову:— часъ бьетъ, я не сплю, два бьетъ, я не сплю... — И такъ какъ дѣйствительно въ это время пробилъ часъ, Софья Васильевна закрыла ей ротъ рукой, закрыла глаза и перекрестила ее: — Спи, дитя мое, не смѣй открывать глазъ.

Только что она ушла, Соня встала, надѣла капотъ и туфли, открыла окно и высунулась въ него.

Дождь все усиливался, то шумно разсыпаясь отклонялся въ сторону, то падалъ отвѣснымъ столбомъ, то взрывало его брызгами, крутило вѣтромъ. Дорожки сдѣлались канавами, наполненными водой. Только съ закрытыми глазами, на угадъ, можно сдѣлать нѣсколько шаговъ по саду, да и то, пожалуй, ливень повалитъ и забьетъ. Соня вглядывалась въ густую темноту дождевой бури, осыпающей голову

брызгами, и въ порывѣ неудержимаго желанія потратить излишекъ раздражающей силы, сошла по Вѣрочкиной лѣстницѣ прямо въ садъ и, подставивъ лицо подъ дождь, зашлепала по лужамъ въ самую густую аллею.

Изъ окна свѣтелки подъ крышей флигеля, куда Наталья Владиміровна перешла на лѣто, виднѣлся слабый огонекъ. Наталья Владиміровна все еще сидѣла за своимъ рабочимъ столомъ, задумчиво глядя въ открытую дверь, маленькаго какъ ящикъ, балкона, на дрожавшую березу, лоснящуюся измокшими листьями въ полосѣ свѣта лампы. Береза качалась, склоняла подъ ливнемъ кудрявую вершину, а Наталья Владиміровна куталась въ пледъ, внимая дождю. Дробный, равномѣрный стукъ его капель по кровельному толю баюкалъ ее. Съ закрытыми глазами она блуждала воображеніемъ въ своемъ прошломъ, а когда вѣки ея поднимались, все еще кланялась шумливая береза, пріятно утомляя слухъ. Терпкій, свѣжій запахъ ея разливался по свѣтелкѣ.

Береза укрываетъ маленькій балконъ отъ солнечныхъ лучей въ жаркіе дни и отъ нескромныхъ взглядовъ, а въ ненастные, вмѣстѣ съ дождемъ, совсѣмъ изолируетъ его. Усталая душа такъ жаждетъ покоя, въ тихомъ уединеніи такъ ярко воскресаетъ въ ней все пережитое, что дѣйствительность ускользаетъ отъ сознанія. Она сидитъ у стола на диванѣ передъ объемистыми тетрадями своихъ записокъ, надъ которыми работаетъ, не щадя силъ, изъ опасенія оставить невыясненными многіе вопросы послѣ своей смерти и неоконченнымъ свой добровольный трудъ, необходимый для потомства, потому что онъ послужитъ руководствомъ будущимъ историкамъ. Въ этотъ вечеръ, она съ принужденіемъ, черезъ силу, дописала только одинъ эпизодъ, оторвалась отъ тетради и тяжело перевела дыханіе; съ судорожною дрожью выпрямила она станъ. И вдругъ, припавъ къ столу, тяжко и горько заплакала она, эта восемнадцать лѣтъ тому назадъ загубленная женщина.

Поплакала она и сидитъ какъ прикованная къ мѣсту страшнымъ воспоминаніемъ. И слышитъ она, что шлепаютъ чьи-то шаги по лужамъ. Береза выпрямилась, отряхнулась, забросивъ на балконъ душистыя сережки и спокойно поникла длинными вѣтвями Вѣтеръ затихъ. Дѣвочка Паша, доѣвъ остатки обѣда, заснула въ своей комнатѣ подъ другимъ скатомъ крыши, убаюканная дождемъ. Но кто это ходитъ ночью по саду въ такую погоду?

Наталья Владиміровна вышла на балконъ, вдохнула влажный ароматъ березы и глядитъ въ темноту, но не видитъ ничего, а шаги приближаются, все приближаются, и подъ самымъ балкономъ раздается ласковый голосокъ:

— Ты не спишь, тетя моя, какъ я рада, голубка! Какъ я озябла! Я къ тебѣ влѣзу по стволу березы, позволь.

— На что я тебѣ понадобилась? съ неудовольствіемъ отозвалась Наталья Владиміровна, потому что ей предстояло, для того чтобы отпереть дверь флигеля, спуститься по шаткой лѣстницѣ въ сѣни, пройти мимо чулана, заваленнаго сѣномъ, граблями и лопатами: со свѣчкой легко туда искру заронить, въ потьмахъ можно упасть. Но покуда она въ нерѣшительности соображала это, береза зашаталась, и на мѣстѣ развѣтвленія ея ствола, въ уровень съ рѣшеткой балкона завозилась Соня, и разомъ перескочила чрезъ перильца на балконъ. Отшатнувшись отъ нея, Наталья Владиміровна воскликнула съ досадой.

— Повѣса! Ты могла себѣ руку или ногу сломать.

— Или голову, добавила Соня.

Въ какомъ она видѣ! Босикомъ, потому что туфли ея уплыли и потонули въ лужахъ, ноги облѣплены мокрымъ подоломъ, оголенныя руки мѣстами изцарапаны, съ волосъ льется вода.

— Скажи на милость, что это за безумныя выходки?..

— Не ворчи, голубка тетя; если тебѣ непріятно, я уйду... еслибы ты знала, со слезами въ голосѣ заговорила Соня, принимая услуги тетки, помогавшей ей снять мокрое бѣлье и надѣть чистое.—Ничего бы я такъ не желала, какъ голову сломать, я такъ несчастна. Тетя! У меня когда-то было лиловое, противное платье, за которое мнѣ доставалось, и отъ мамы, и отъ Вѣрочки, потому что я нарочно его рвала. А рвала я его потому, что оно было мнѣ узко, неудобно, вообще, гадко сдѣлано, вотъ такъ и неудачная моя жизнь теперь мнѣ опротивѣла, и хочется мнѣ ее поскорѣй доломать, доносить и сбросить съ себя, какъ то платье...

— Чѣмъ же твоя жизнь такъ неудачна, подражая ея плачевному тону, возразила тетка: мало соусу тебѣ дали поѣсть, или въ уголъ поставили, или видѣла ты на комъ нибудь шляпку получше твоей?

Соня внимательно смотрѣла на нее.

— У тебя, тетя, заплаканные глаза, сказала она съ участіемъ. Тебѣ скучно одной? Переходи ко мнѣ наверхъ. О чемъ ты плакала?

Наталья Владиміровна промолчала и, отвернувшись отъ нея, стала кипятить воду на спиртовой лампочкѣ, чтобы напоить чаемъ продрогшую гостью, которая раза три повторила:

— Скажи мнѣ, тетя, я тебя утѣшу.

— Это у меня глаза устали.

— Все пишешь. Ты, какъ средневѣковой монахъ, заперлась отъ всего міра и философствуешь тутъ, но тѣ, по крайней мѣрѣ, золото, жизненный элексиръ искали, а ты...

— А я и пороху не выдумаю, добродушно усмѣхнулась тетка. Мать давно легла?

— Представь, еще сидитъ. Я изъ сада заглянула въ окно диванной, а она тамъ бисеръ нижетъ для вязанья какого-то подарка княгинѣ. И что у ней за страсть, я просто не могу понять. Вѣдь, и твое писаніе, тетя, тотъ же бисеръ.

— Лучше бисеръ низать, даже если его попрутъ ногами, чѣмъ бездѣльничать, какъ ты, весь день и бѣгать по ночамъ, внезапно вспыхнувъ, возразила Наталья Владиміровна.

Видимо задѣтая за живое, она досадливымъ жестомъ придвинула ей еще стаканъ и продолжала съ сумрачнымъ блескомъ въ глазахъ:

— Вотъ я попрошу Соничку, чтобы она тебя хорошенько присадила. Какъ же ей не муштровать тебя, суди сама: ты хоть кого выведешь изъ терпѣнія! Пей чай и уходи.

— Это я такъ сказала, не сердись, голубка моя, самымъ нѣжнымъ голосомъ промолвила племянница. Мама говоритъ, что съ молоду ты была выдающаяся личность, много обѣщала...

— Да мало исполнила, сухо прервала ее Наталья Владиміровна, приготовляя свою постель.

Наступило молчаніе.

Не зная, чѣмъ ее задобрить, Соня, пришедшая послѣ чая въ благодушное и мирное настроеніе, нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала ее въ щеку, но тетка, не отвѣтивъ ей лаской, молча отошла отъ нея и закрыла балконъ.

Соня поскорѣе улеглась на диванъ, закрыла глаза, и придавъ лицу спокойное выраженіе, начала ровно и медленно дышать. Наталья Владиміровна бережно укрыла ее пледомъ и, не погасивъ на всякій случай лампу, тоже легла.

Соня не спала, но нетерпѣливо выжидала, чтобы тетя заснула, и чуть заслышавъ ея равномѣрное дыханіе, осторожно потянула со стола ея открытую тетрадь. Она такъ и впилась глазами въ свѣжія страницы. Не отрываясь и съ живѣйшимъ любопытствомъ прочитавъ ихъ, Соня стиснула руками поблѣднѣвшее лицо:—Тетя, тетя, простонала она чуть слышно. И долго, лежа съ закрытыми глазами, давая волю воображенію, она дополняла прочитанное, представивъ себя на ея мѣстѣ. „Когда мнѣ разрѣшили, такъ начиналась поразившая ее страница, переселиться изъ поселка въ городокъ, рано утромъ, чуть зорька, я пустилась въ путь на простой телѣгѣ, съ незнакомымъ мужикомъ“... О, тетка! содрогнувшись, прошептала Соня и тихонько поднялась. Картина невѣдомаго, таинственнаго прошлаго съ безпощадной яркостью возникла въ молодой душѣ.

Однообразный видъ мшистаго болота утомлялъ путницу; насту-

палъ полдневный зной. Мужикъ сталъ то и дѣло на нее оглядываться; видно было, что ему пришла на умъ забавная мысль.

Такъ какъ не было попутчиковъ и провожатаго на станціи, Натальѣ Владиміровнѣ совѣтовали обождать тамъ, предостерегали ее, что Вавила озорной парнюга, а она торопилась, словно на радость ѣхала — ужъ такой у ней характеръ былъ съ молоду: что бы ни дѣлала она, все торопилась. Да еще вступилась за честь мужика: не звѣрь онъ. Если съ нимъ гуманно обойдутся, онъ ни за что не обидитъ. Она назвала его по имени и отчеству, и предложила ему чаю, и пригласила сѣсть за одинъ столъ — всѣ люди братья по Христу.

У него были узкіе, блестящіе глаза, голова сдавлена къ вискамъ, скулы широкія—настоящій бурятъ. У него были острые зубы и онъ скалилъ ихъ, безпрестанно оглядываясь на нее.

— Везите хорошенько, Вавило Проклычъ, и не смотрите на меня.

— А по что мнѣ не смотрѣть на тебя, коль ты люба мнѣ, рыбка бѣлотѣлая, отвѣтилъ мужичекъ.

Страшно ей стало. На безлюдной равнинѣ показался темнозеленый холмъ, бросавшій тѣнь на высохшее болото.

— Въ холодкѣ важно отдохнемъ!

Мужикъ сѣлъ задомъ къ лошадямъ, нагнулся къ ней; борода его дрожала отъ внутренняго смѣха.

— Я жаловаться буду, закричала дѣвушка, сядь какъ слѣдуетъ, а то отвѣтишь за меня начальству, и Богъ тебя накажетъ за меня.

— Ладно, толкуй, скептически промолвилъ онъ, кто-бы такъ говорилъ, да не ты. А за что вашего брата, дворянъ, въ Сибирь ссылаютъ? За то, что въ Бога не вѣруете, а чуть что, такъ: „Богъ нака-жетъ“. Ишь ты, какая! Живую тебя предоставлю, не убью, чего-жъ тебѣ еще? — И онъ потянулся къ ней.

Она рванулась отъ него въ смертельномъ страхѣ, билась о задокъ телѣги. И вдругъ раздался недалеко выстрѣлъ. Онъ погналъ во весь духъ лошадей къ дремучему, темному лѣсу. Со скрипомъ и трескомъ неслась телѣга по корнямъ и бугрямъ, сквозь колючій кустарникъ, летѣла черезъ каменистый ручей. Осматриваясь, какъ ей спрыгнуть и гдѣ спрятаться, она сказала ему:

— Это я призвала человѣка съ ружьемъ, я колдунья, я вѣдьма, бойся меня.

— А коли ты вѣдьма, значитъ и убить тебя не грѣхъ, не токмо...

Свѣжій пенекъ, и щепа, и сучья разбросаны. Вѣрно тутъ люди были недавно.

— Люди! люди! кричала она, помогите, спасите меня.

Лѣсъ молчалъ.

Начался сильный дождь, отъ котораго гнулась береза на просѣкѣ, а подъ березой стоялъ пустой деревянный шалашъ.

— Эка муравка на просѣкѣ сочная, свѣжая, лошадкамъ раздолье, обрадовался мужикъ. Мы съ тобой, моя рыбка, отъ дождя-то въ шалашикъ укроемся. Тпру!..

На этомъ останавливалась работа тетки.

Соня, вся охваченная дрожью, заплакала. И представились ей округлившіеся бѣлки глазъ Монументова на багровомъ лицѣ. И понятно ей стало все легкомысліе, вся ничтожность собственной личности и вся безцѣльность неосмысленнаго своеволія. Тетка не доламываетъ свою исковерканную жизнь, а безукоризненно свято ведетъ ее до конца. И, снявъ съ себя теткинъ капотъ, котораго она не достойна, сбросивъ ея рубашку, и надѣвъ свою мокрую, босая спустилась она по березѣ и, вздрагивая отъ боли, пошла по колючей травѣ. Не такъ еще слѣдуетъ себя проморить. Она захотѣла подвига, подвига самоистязанія и самоумерщвленія; она безъ страха вошла бы теперь на костеръ.

Но, придя домой, она разбудила горничную, и плаксивымъ голосомъ потребовала ванну: не могла же она лечь въ постель въ такомъ видѣ. Однако молча и съ покорнымъ видомъ она слушала ворчанье выведенной изъ терпѣнія горничной.

— Стыда у васъ совсѣмъ нѣтъ, Софья Петровна, словно вы не въ своемъ умѣ, вотъ ужъ не побоюсь правду сказать! Возьму да и разбужу барыню, пусть полюбуется на васъ. Небось шелковыя были, когда въ страхѣ васъ держали, ну да ужъ дождетесь опять.

Утромъ она докладывала барынѣ:—Софья Петровна изволитъ ночью по дождю бѣгать босикомъ въ одной рубашкѣ, насилу я ихъ отмыла.

И Наталья Владиміровна пришла на нее жаловаться. Софья Васильевна молчала. Поглощенная заботами о дочери, о себѣ она не думала и не замѣчала, что съ каждымъ днемъ уходятъ ея силы, не обращая вниманія на то, что въ продолженіи дня она стала испытывать частое поползновеніе къ дремотѣ и отдыху, чего прежде съ ней не бывало. А въ эту ночь она такъ и не ложилась, взволнованная разговоромъ съ Соней. Она совсѣмъ упала духомъ, выслушавъ разсказъ золовки о томъ, какъ Соня забралась къ ней на балконъ.

— Что мнѣ съ ней дѣлать, не придумаю, проговорила она медленнѣе обыкновеннаго: раздражается, начала посуду бить.

— Блажь.

— Кузьминъ говоритъ, что ей замужъ пора, но вѣдь и маленькая, бывало, она сброситъ что-нибудь со стола и затопаетъ ножонками такъ мило и забавно, что не доставало духу ее побранить. Всему причиной моя слабость къ ней, во всемъ я виновата.

— Дала бы ты ей обязательную, спѣшную работу, чтобы она уставала, и по ночамъ не колобродила.

Соня несмѣло отворила дверь, подошла къ кушеткѣ, на которой мать и тетка, сидя рядомъ, вели подслушанное ею совѣщаніе и, сѣвъ противъ нихъ на стулъ, смиренно сказала:

— Да, я очень, очень виновата, мама, дѣлай со мной что хочешь, только дай поцѣловать карающую руку, и твою руку, тетя, дай сюда. Казните меня обѣ, я буду кротка какъ ягненокъ.

Сказавъ это, она граціозно пригнула голову къ ихъ колѣнкамъ, и такъ оставалась въ ожиданіи приговора.

Мать и тетка обмѣнялись невольными улыбками, не зная, что сказать.

— Вели дворнику заколотить дверь въ садъ изъ твоихъ комнатъ слышишь? гладя повинную голову дочери, начала Софья Васильевна. Предоставляю тебѣ самой распорядиться, чтобы это не носило характера унизительнаго наказанія. И ты начнешь вышивать большой коверъ для тети.

— Мамочка, я опять напутаю узоръ и не въ ту сторону крестиковъ наставлю.

— А я заставлю распороть и снова вышить.

— Тетя, дай мнѣ лучше твои тетради переписывать, предложила Соня, поднявъ голову и пристально глядя на тетку.

Послѣ минутнаго раздумья Наталья Владиміровна съ доброй улыбкой пожала плечами.

— Одну перепиши пожалуй, сказала она и встала, а Софья Васильевна начала свой допросъ:

— У тебя ничего не заболѣло? Кашля нѣтъ, насморка нѣтъ? Озноба нѣтъ? Какъ ты не побоялась одна въ темную ночь по саду идти? На это и я-бы не рѣшилась.

— А я, мамочка, и на улицѣ ночью одна... не побоялась-бы!

XXI.

По мѣрѣ того какъ Софья Васильевна, все чаще оставляя свою работу, въ задумчивомъ молчаніи проводила время, полулежа на кушеткѣ, Соня съ большой внимательностью ей угождала, ласково засматривала ей въ глаза, стала попрежнему послушна, терпѣлива и разъ напомнила ей:

— Мама, когда-же мы заграницу поѣдемъ?

— Я сама объ этомъ очень серьезно думаю, дитя мое, со вздохомъ отвѣчала мать, но недобросовѣстный человѣкъ нашъ арендаторъ

задерживаетъ деньги и на письма не отвѣчаетъ. Что мнѣ съ нимъ дѣлать, не придумаю. Поди погуляй, я разстроена и хочу отдохнуть.

По желанію матери Соня прогуливалась по саду лѣнивой, развалисто-граціозной походкой, безсознательно принимала привлекательныя позы на скамейкахъ, но на этотъ разъ думала не о своей наружности, глядя на рыхлую клумбу, въ которой она, маленькая, любила выкапывать лопаткой ямку, а о томъ думала она, что прошло ея дѣтство, и ей пріятно вспоминать о немъ, и можетъ быть впослѣдствіи съ удовольствіемъ вспомнится и настоящая минута, ничего ей не дающая, кромѣ нетерпѣливаго ожиданія будущаго. Ей такъ хотѣлось, чтобъ кто нибудь отозвался на ея мысли, и вдругъ она увидѣла, что калитка съ улицы отворилась и вошла Полѣнова. Съ ясной улыбкой Соня поспѣшила къ ней на встрѣчу, заранѣе раскрывъ руки для объятія.

— Вотъ кстати-то, миленькая Елена Михайловна. Какъ я вамъ рада, воскликнула она, охваченная веселымъ дѣтскимъ чувствомъ подъ наплывомъ воспоминаній о шалостяхъ, продѣланныхъ съ ея участіемъ въ этомъ саду. А теперь обѣ онѣ солидно идутъ по тѣмъ-же дорожкамъ на встрѣчу другъ другу, и привыкшая драпироваться въ продаваемое одѣяніе Полѣнова съ пристойной выдержкой несетъ безукоризненно обтягивающее ея талію пальто. И вдругъ, вглядѣвшись въ хмурое, негодующее выраженіе ея лица, Соня уронила протянутыя къ ней руки и неловко присмирѣла.

— У меня дѣло именно до тебя, сухо сказала ей Полѣнова, взяла ее повыше кисти за руку, и какъ маленькую повела домой; она привела ее наверхъ, посадила передъ собой, сама сѣла, и строго смотрѣла на нее.

Предчувствуя что-то недоброе, но овладѣвъ собой, Соня непринужденно развалилась передъ ней и сдѣлала стереотипно привѣтливую мину.

— Je vous écoute de toutes mes oreilles, ma chère amie, сказала она, придавъ глазамъ выраженіе величаваго спокойствія.

— Меня ты не подкупишь хорошенькой гримаской, отвѣтила Полѣнова, говори прямо: гдѣ ты провела цѣлыхъ два вечера одна безъ матери въ эту зиму? ну, говори.

Глаза Сони окинули потолокъ, потомъ лицо собесѣдницы и остановились на стѣнѣ.

— Ma foi, не припомню и не пойму, въ какой степени можетъ это васъ интересовать, небрежно кинула она сквозь зубы.

— Въ высочайшей степени. Судя по способамъ, какими мать твоя съумѣла тебя вытянуть въ струнку, chère amie, она не посмотритъ, если узнаетъ твои эскапады, что тебѣ восемнадцать лѣтъ. Ухъ, какъ она расправится!

Соня покраснѣла пятнами подъ ея язвительно прищуреннымъ взглядомъ, потупилась и пробормотала:

— Je vous assure, qu'il n'y a pas eu de conséquences.

— Еще бы. Достаточно того, что Монументовъ хвастаетъ своей побѣдой надъ тобой, и чтобъ гарантировать достовѣрность факта, показываетъ твою муфту.

— Господи! закрывъ лицо руками, простонала Соня, я думала, что я ее на улицѣ потеряла.

— Несчастная. Что ты въ немъ нашла? быстро заговорила Полѣнова: рыжая, тигровая физіономія, накрашенныя брови, губы и усы, набѣленныя щеки.

— Oh, je le vois bien maintenant, il est immonde! Il est immonde! Обѣ оживленно заговорили въ одинъ голосъ.

— Скверный человѣкъ, тратящій свои силы на старыхъ женщинъ, а свою нѣжность на свой скарбъ.

— Un homme fardé! Quelle abomination! Онъ фру-фру надѣвалъ на лампу, чтобы я не замѣтила...

— Поповичъ, рожденный на кладбищѣ и вскормленный панихидными грошами, смотрѣвшій съ дѣтства на покойниковъ и на приданое, какъ на почву своего благополучія.

— Tout ce qu'il y a de plus vil!

— Твоимъ знакомствомъ ему нужно было насытить свое тщеславіе, въ этомъ онъ и успѣлъ...

— О, какъ я вамъ благодарна, вскочила Соня.

— Не дотрогивайся до меня, брезгливо отстранилась отъ нея Полѣнова. Ты не подумала о томъ, что можешь этимъ мать убить и набросить тѣнь на свѣтлую память Вѣры.

Поблѣднѣвъ, Соня стояла передъ ней неподвижно и кусая губы; потомъ она сдѣлала по комнатѣ нѣсколько шаговъ, заплакала и невнятно пролепетала:

— Простите меня.

Полѣнова, пожавъ плечами, холодно усмѣхнулась.

— Самый отвратительный типъ единственнаго сынка неразвитыхъ родителей, разнуздавшихъ въ немъ инстинкты эгоизма до чудовищнаго извращенія человѣческой природы. А ты пошла къ нему. Какъ могла ты унизиться до этого, несчастная!

— Миленькая Елена Михайловна, всхлипывала Соня, вѣдь я не знала... онъ меня завлекалъ... заинтересовалъ.

— Выкинь вонъ! Ничѣмъ не занята голова твоя...

— Право-же я давно прекратила — чего мнѣ стоила эта непріятная исторія! вскрикнула Соня и зарыдала, пригнувшись къ столу.

— Довольно. Перестань плакать и садись. Муфту твою я у него

взяла и отдала встрѣченной у воротъ Лушѣ. Она то отчасти и посвятила меня въ тайны твоего воспитанія. Молодецъ Софья Васильевна: испробовала надъ тобой всѣ мѣры строгости, остается ей примѣнить еще одну, самую высшую... Да вѣдь и стоишь! Ухъ, Соня! Выходи замужъ до бѣды.

— У меня было два жениха, плачевно затянула Соня.

— Какъ это она не усмотрѣла за тобой, вотъ диво. Хитра ты, Соня, и въ то же время простушка. Правдивость у тебя такъ перемѣшана съ лживостью, что трудно разобрать, на сколько ты нравственная личность и на сколько нѣтъ.

Такъ какъ Полѣнова смягчила нѣсколько свой тонъ, Соня хотѣла подойти поблагодарить ее за выручку муфты, но не посмѣла и, продолжая стоять посреди комнаты, степенно сложивъ руки, кротко и горестно смотрѣла на нее заплаканными глазами. Она съ такой милой дѣтской лаской въ голосѣ повторила: — простите,—что Полѣнова не могла ей не улыбнуться.

— Да развѣ передо мной ты виновата, дурочка? Тебѣ слѣдуетъ безотлагательно замужъ выйти, вотъ о чемъ потолкуемъ, сказала она.

При видѣ ея обычнаго, добродушно веселаго выраженія глазъ, Соня всѣмъ лицомъ засіяла самонадѣянностью, избалованной безпечностью, прелестью незлобивой дѣтской радости, и подсѣла къ ней.

— Quelque chose me dit, что представится блестящая партія, непремѣнно, непремѣнно въ эту зиму, vous verrez, сказала она съ игривой улыбкой.

— А если Монументовъ разгласитъ твои похожденія черезъ Тарусову, знакомствомъ съ которой онъ тоже хвастаетъ, никто на тебѣ и не женится. У тебя непрочная красота нѣжной блондинки, ты ужъ и теперь полиняла немного, такъ поторопись до зимы пристроиться.

— За Гроховскаго?

— Нѣтъ, Гроховскаго ты предоставишь мнѣ, блеснувъ глазами, возразила ей Полѣнова; она умолчала о томъ, что въ его отсутствіе она заняла его квартиру и переселила туда его мать.— Ты за Терешу выйдешь, повелительно сказала она.

Но слова ея, какъ забавная шутка, вызвали на лицѣ Сони широкую улыбку съ ямочками и легкимъ дрожаньемъ подбородка. Потомъ Соня вдругъ сдѣлалась серьезна, озабоченно подергала бровями и махнула рукой.

— Княгиня Тарусова въ четвергъ пріѣзжала съ внучкой, и мама къ ней собирается.

— То-то и есть.

— Не дошло бы до мамы.

— Видишь, въ какое положеніе ты себя поставила, выпутывайся

теперь. Хорошо, если ты съумѣешь женить на себѣ Терешу; да ужъ онъ теперь о тебѣ, кажется, и не думаетъ.

— Почемъ вы знаете?

— Онъ бываетъ у меня.

— Да развѣ онъ пріѣхалъ? Какъ же я его не вижу? Что-жъ это значитъ?

— Я сама удивилась. Спросила его, видится ли онъ съ тобой въ саду, а онъ: некогда мнѣ, говоритъ, по садамъ разгуливать.

— Такъ и сказалъ? Тереша? Quelle idée! Мнѣ стоитъ на него взглянуть, и онъ упадетъ въ моимъ ногамъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что взглянуть на него ужъ больше тебѣ не придется пожалуй. Жаль. Онъ ловокъ и красивъ, безъ всякой задней мысли. Какая мощь, нетронутая сила, простота и сердечность выказываются въ его молодой увлекающейся душѣ, и ты, конечно, разгадала это своимъ поэтическимъ чутьемъ. Замѣтила ты, какъ онъ безъискуственъ, въ своихъ пріемахъ и выраженіяхъ: ему рѣшительно нѣтъ дѣла до того, что о немъ скажутъ и подумаютъ, онъ выше этого.

— Чѣмъ же онъ такъ занятъ? задумчиво спросила Соня.

— Дѣла у него, и притомъ, кажется, невѣста нашлась. Я удивляюсь, какъ его до сихъ поръ не подхватили, такого богатаго жениха.

— А кто его невѣста?

— Не знаю.

— Нравится она ему?

— Почемъ-же я знаю. Если видится съ ней, то въ концѣ концовъ... капля воды протачиваетъ камень. Онъ такъ непосредственъ, такъ естественъ. Онъ ни для кого въ мірѣ не станетъ себя поддѣлывать, какъ эта наштукатуренная баба Монументовъ съ визгливымъ голосомъ и бульонными ногами.

— Ne m'en parlez pas!

— А Тереша, это сама правда.

Соня вздохнула:—En verité, il n'est pas mal ce cher Тереша.

— Онъ наивенъ и добръ. Ты не могла не оцѣнить его, только не сознавала этого.

— Au fait...

— Тебѣ не доставало товарища, ты скучала по немъ, и, не понимая, какое чувство въ тебѣ бродитъ, дала ему исходъ въ глупѣйшихъ похожденіяхъ.

— En effet...

— Ты привыкла къ нему, любишь его и, не находя его, искала чѣмъ пополнить пустоту...

— Oh, il me manquait, voyez-vous, я ему стихи сочинила, но мамочка нашла ихъ у меня и уничтожила. Я о немъ очень, очень думала.

— Иначе быть не могло. Ты и похудѣла, и блажишь, потому что влюблена въ него. Не съумѣла ты, Соня, удержать такого человѣка, а вѣдь онъ сильно тебя любилъ.

— Съумѣла-бы, еслибъ хотѣла удержать! запальчиво возразила Соня, пусть онъ любезничаетъ, сколько ему угодно съ своей невѣстой, мнѣ онъ не пара: моя мать выходитъ къ его отцу въ переднюю.

— Твоя мать замѣчательно хорошая личность, но она придерживается сословныхъ предразсудковъ, а ты поэтъ, и должна быть выше этого.

— Но не идти же мнѣ противъ нея.

— И соглашайся съ ней во всемъ, кромѣ матримоніальнаго вопроса: тебѣ жить съ мужемъ, а не ей.

— Все-таки... une mésaillance...

— Это даже необходимо для обновленія расы: у тебя будутъ красивыя, здоровыя, геніальныя дѣти. Тереша не холопъ, не солдатъ, не мѣщанинъ, не поповичъ, а прямо крестьянинъ: чистая, свѣжая натура.

— Mais ce n'est pas une position pour moi.

— Ты будешь женой издателя хорошаго журнала; это очень почетное положеніе. Я забыла тебѣ сказать, что онъ намѣренъ издавать журналъ, онъ будетъ представителемъ печати, чего же тебѣ еще?

— А стихи будутъ въ этомъ журналѣ?

— Непремѣнно, и на первой-же страницѣ.

Сонѣ стало досадно и больно, что Тереша не посвятилъ ее въ свои дѣла, не ищетъ съ ней встрѣчъ. Ужъ не разлюбилъ-ли онъ ее, не промѣнялъ-ли на какую-то тамъ... невѣсту? Въ глубокомъ раздумьѣ она тихо промолвила:

— Все это я обдумаю, Елена Михайловна, только вы, пожалуйста, какъ нибудь нечаянно не проговоритесь мамѣ.

— Боишься? насмѣшливо прищурившись и поднявшись во весь ростъ, глянула ей въ глаза Полѣнова.

Соня покраснѣла, но съ большимъ достоинствомъ произнесла:

— Совсѣмъ не расправы я боюсь. Отъ матери я безропотно перенесу даже... самое ужасное наказаніе, въ особенности заслуженное.

— А все-таки лучше было-бы избѣгнуть... Гмъ! И чѣмъ больше ты ее любишь, тѣмъ настоятельнѣе необходимость поторопиться съ замужествомъ, чтобы предотвратить отъ нея, и въ особенности отъ себя, до крайности непріятное положеніе... Я къ ней не зайду, чтобы ты не заподозрила меня, если она узнаетъ отъ другихъ... Ухъ, Соня! передернула она плечами, не хотѣла бы я тогда быть на твоемъ мѣстѣ! Ну, прощай, и будь умница, а то проберу еще не такъ.

Онѣ поцѣловались.

Затворивъ за ней дверь, Соня долго стояла, глядя въ полъ, и

передернула плечами, какъ Полѣнова, измѣривъ всю опасность своего положенія. Она съ рѣшительностью пошла къ матери, сидѣвшей за пяльцами въ диванной и встрѣтившей ее вопросомъ: почему Елена Михайловна не зашла къ ней повидаться?

— Я ей сказала, что ты отдыхаешь; вѣдь ты, кажется, отдыхала, начала Соня не твердымъ голосомъ. Тебѣ это такъ необходимо, посмотри, какой у тебя усталый видъ. Какъ хочешь, а я не пущу тебя въ гости на этой нѣдѣлѣ, chére petite maman, послушайся и ты меня хоть одинъ разъ.

И такъ какъ мать при этомъ проницателяно на нее взглянула, она сдѣлала видъ, что ищетъ что-то на ея рабочемъ столикѣ.

— Ты что-то хитришь, Соня, замѣтила Софья Васильевна; —скажи, что тебѣ отъ меня понадобилось, и посмотри мнѣ въ глаза.

Соня невинно посмотрѣла на нее и быстро отвернулась.

— Сколько угодно я буду смотрѣть въ твои прекрасные глаза, мамочка, невольно обнаруживъ въ голосѣ волненіе, ласкательно заговорила Соня.— Ты Вѣрочкѣ свои глаза передала...

— Я тебя вижу насквозь, лучше признайся, вѣдь хитришь?

— Хитрю. Я, мамочка, наперстокъ свой ищу, ты не видала, успѣвъ подавить свое волненіе, улыбнулась Соня? Я хитрю, потому что мнѣ не хочется въ гости, а безъ тебя скучно дома ce n'est pas plus malin que ça. Если ты уѣдешь къ княгинѣ, я буду плакать одна, все время проплачу. Помнишь, какъ ты разъ повезла Вѣру на елку, а меня оставила съ Lucie, потому что я кашляла, я тогда все визжала, покуда Lucie не потаскала меня за ухо? Еще ты за это ей отъ мѣста отказала. Помнишь?

— Ну, помню. Къ чему ты ведешь этотъ разговоръ?

— Такъ, мамочка. Ты гуманна, ты отвергаешь тѣлесныя наказанія, это очень либерально.

Насторожившись, Софья Васильевна обернулась къ ней всѣмъ лицомъ и медленно проговорила:

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я признаю ихъ очень полезными, très efficaces...

— О, мама! Соня оглянулась вправо, оглянулась влѣво, спохватилась: — ахъ, наперстокъ-то я въ саду оставила.— И убѣжала.

Проводивъ ее тревожнымъ взглядомъ, Софья Васильевна покачала головой: съ Соней творится что-то новое. Не допустила до меня Полѣнову, et puis toute agitée, заговорила о моей гуманности и прекрасныхъ глазахъ, безъ сомнѣнія чувствуя за собой какую-то вину. Получше надо присматривать за ней.

Въ саду безпокойство Сони дошло до высокой степени. Она бралась за голову, то мелькала по дорожкамъ, то садилась. Ахъ, не

надо было съ мамой разговаривать, теперь она нарочно съѣздитъ къ Тарусовой и все узнаетъ. Ахъ, какая непріятная исторія! Поскорѣй надо что нибудь предпринять. Что бы такое? Господи, научи меня, спаси, спаси! Не далѣе какъ часъ тому назадъ я такъ была покойна, смотрѣла на эту клумбу, вспоминала дѣтство, а теперь... о какое ужасное несчастіе!

И, незамѣтно для себя, очутившись у забора Рыбникова, она стала высматривать въ щелку, что у него дѣлается на дворѣ. Подошли два мужика къ колодцу; одинъ началъ качать воду, другой подставилъ голову подъ жолобъ. Собака, виляя хвостомъ, смотритъ на нихъ. Идетъ баба съ ведромъ. Соня пріотворила калитку и махнула ей рукой.

— Поди, милая, позови ко мнѣ Нюшу, дочь хозяина.

Баба кивнула головой, поставила ведро и скрылась по черной лѣстницѣ противъ калитки, за которой стояла Соня. Соня ждала, ждала, и потеряла терпѣніе. Что сдѣлалось съ Нюшей, что она почти совсѣмъ не ходитъ въ садъ? Если она посмѣетъ не явиться на зовъ, надо будетъ вызвать самого Пантелѣя. Но подъ какимъ предлогомъ? Прошла еще минута, и на лѣстницѣ показались ноги Нюши въ желтыхъ башмакахъ, потомъ ситцевое темное платье и голова, покрытая большимъ платкомъ. О, какъ она медленно передвигаетъ свои желтыя большія ноги!

— Нюша, я тебя жду, милая, будь вѣжлива, поторопись. Войди въ садъ, ты мнѣ нужна.

— Да я нечо-осана, остановившись у калитки, моргала Нюша бѣлесоватыми рѣсницами.

— Ты совсѣмъ перестала ходить въ садъ.

— Да братнинъ пріѣздъ меня задержалъ; все разбираемся, хотимъ домъ передѣлывать.

— А онъ придетъ въ садъ? Когда?

— Кто, братъ-то?

— О, какая ты несносная! Отвѣчай же!

— А я не зна-аю.

— Поди спроси его, и сейчасъ же приди мнѣ сказать. Ну, поворачивайся, тебѣ не семьдесятъ лѣтъ, и чтобъ черезъ секунду здѣсь быть, слышишь?

Что же это она какъ долго? Неужели тамъ и застрянетъ эта несносная? Уйду. Пусть видятъ, что я отвѣтомъ не интересуюсь.

— Нюша! ну скорѣй же, скорѣй, милая, ну что онъ тебѣ сказалъ?

Нюша медленно высморкалась, спрятала платокъ въ карманъ и отвѣчала:

— Некогда ему.

— Что?! Ты сказала, что я спрашиваю?

— Ска-зала.

— А онъ что? Да не молчи же!

— Некогда, говоритъ, мнѣ по садамъ разгуливать.

Соня яростно хлопнула калиткой передъ носомъ Нюши и со всѣхъ ногъ пустилась домой. — Нѣтъ, этого нельзя такъ оставить! Я его истомлю у своихъ ногъ; измучаю, истерзаю, только бы затащить его въ садъ. Она прибѣжала наверхъ и заплакала.

— Въ самомъ дѣлѣ разлюбилъ!

XXII.

Мать не нарадуется на Соню. Опять она становится такою, какой она желаетъ ее видѣть—сдержанной, спокойно привѣтливой, изящной; Соня опять похорошѣла: свѣжѣе сталъ румянецъ на ея похудѣвшемъ, но болѣе чѣмъ когда либо выразительномъ лицѣ, и каждое движеніе ея проникнуто непринужденной граціей.

Соня рано встаетъ, тщательно занимается туалетомъ, съ большой готовностью берется за все, къ чему была пріучена зимой, даже въ угоду матери пробуетъ овладѣть тамбурнымъ крючкомъ. Она шьетъ, читаетъ серьезныя статьи въ „Revue des deux mondes“, и съ безмятежной улыбкой выслушиваетъ полезныя нравоученія.

Но ее такъ и тянетъ въ садъ. Чуть урвется она, ужъ бѣжитъ мимо пруда, мимо оттертой льдинами во время оттепели отъ берега купальни, затонувшей однимъ бокомъ, по травѣ и крапивѣ, не жалѣя вышитыхъ башмачковъ, къ забору Рыбникова; она оглядывается и прячется за зеленью, потому что мама стала и въ саду за ней присматривать, неожиданно появляясь то на той, то на другой дорожкѣ. Украдкой пробирается Соня къ щелкѣ забора и при всякомъ шорохѣ вздрагиваетъ отъ нетерпѣнія. Ей необходимо знать, какой теперь сталъ Тереша. Но съ недѣлю она высматриваетъ его на дворѣ понапрасну. Должно быть онъ опять куда-нибудь уѣхалъ. Неужели она его такъ никогда и не увидитъ больше?

Но только что она, порѣшивъ вызвать Нюшу, хотѣла отойти отъ щели, какъ увидѣла его на лѣстницѣ, встрепенулась вся и обомлѣла. Какъ онъ похорошѣлъ, какой бѣленькій сталъ, какъ мило себя держитъ. Волосы его теперь острижены и лежатъ волной на темени; продолговатые глаза съ черными блестящими зрачками, съ синеватымъ отливомъ бѣлковъ насмѣшливо съузились на мужика, который въ тщетныхъ усиліяхъ поднять запакованный ящикъ пыхтѣлъ надъ нимъ и отдувался. А Тереша поднялъ ящикъ за веревку и,

ловко изогнувшись, повернулъ его себѣ на спину и внесъ на лѣстницу. Только она его и видѣла. Но въ ея памяти запечатлѣлось каждое его движеніе. Съ какой самоувѣренностью отклонилъ онъ услуги мужика, хотѣвшаго ему помочь, и какъ удивительно легко пошелъ съ тяжестью за спиной по лѣстницѣ! Какой сильный! Какая у него красивая бородка и усы! Un beau garçon, однимъ словомъ, но онъ не думаетъ о ней.

Въ этотъ день былъ большой праздникъ, колокола во всѣхъ церквахъ гудѣли, вѣяло радостью отъ сада, облитаго солнцемъ, а у ней закипали слезы въ груди, полной невѣдомыхъ и сильныхъ чувствъ. Какъ могла она бездушно и жестоко забавляться надъ нимъ, какъ безразсудно оттолкнула его отъ себя! Смягчи. Ты, его сердце, Господи!

Тихая, кроткая, углубленная въ себя, она прислушивалась къ настоятельно звучавшему въ ней голосу тайной потребности, свойства которой она не могла опредѣлить, но берегла въ себѣ и возбуждала. Все росло, все жило въ ея сердцѣ и все усиливалось тайное желаніе счастья, осчастливить собой человѣка.

Улыбка ея становилась мягче, движенія скрасились непроизвольной нѣгой, томно ласковый, но звучный голосъ замиралъ на полусловѣ: — моя ма...

Тянетъ ее подъ сѣнь родного сада въ шелестъ знакомыхъ липъ и кленовъ, къ старому забору, къ калиткѣ.

Наконецъ, при ослѣпительномъ сіяніи лѣтняго солнца, палимая зноемъ и своимъ тайнымъ желаніемъ она положила душистую записку въ руку Нюши.

„Тереша, придите со мной повидаться“.

И какъ-бы изумленная сіяніемъ солнца, какъ-бы испуганная дневнымъ свѣтомъ, однимъ взмахомъ легкаго движенія она порхнула въ густую тѣнь и взволнованно, стыдливо притаилась за сиренью, и ждетъ. Сознаніе времени исчезло, она чувствуетъ, что можетъ простоять тамъ безпредѣльно долго.

— Здоровы-ли вы, Софья Петровна? прозвучалъ близко его голосъ.

— А вы не могли раньше справиться объ этомъ? съ улыбкой милой укоризны, не поднимая глазъ, промолвила она и медленно пошла впередъ, не видя ни дорожки, ни того, кто слѣдуетъ за ней, но чье тихое дыханіе она слушаетъ внимательно.

Прошли всю аллею, завернули въ другую, и Соня рѣшилась поднять на него свое лицо съ яснымъ взглядомъ дѣтски наивнаго любопытства.

— Вы мнѣ не сказали, что будете издавать журналъ.

— Не пришлось какъ-то.

— Мои стихи были напечатаны.

— Слышалъ.

Она сѣла, указала ему мѣсто возлѣ себя и съ ненасытнымъ любопытствомъ всѣмъ своимъ оживленнымъ, розовымъ лицомъ смотрѣла на него. На шеѣ у него виднѣлся блѣдно-палевый батистовый бантикъ, лицо было серьезно и онъ съ какимъ-то снисходительнымъ спокойствіемъ обратилъ на нее съуженные глаза.

— Что вы будете печатать въ вашемъ журналѣ?

— Онъ предназначается для простого народа, пора о немъ подумать, всѣмъ мы ему обязаны...

— И за все хотите отблагодарить его журналомъ?

— Научится читать и мыслить, будетъ счастливѣе.

— А если наоборотъ? Я, напримѣръ, чѣмъ больше думаю, тѣмъ чувствую себя несчастнѣе... Я о васъ думала...

— Вотъ какъ!

Съ лукавымъ недовѣріемъ качнулъ онъ головой и усмѣхнулся.

— Я во многомъ измѣнилась.

— Вы похудѣли.

— Это потому, что я безъ васъ скучала.

Онъ пожалъ плечами, засмѣялся, потомъ заговорилъ серьезно и поднявъ немного голову:

— Я тоже измѣнился. Приманить меня и оттолкнуть ужъ никому не удастся, остороженъ сталъ. Въ прекрасно убранную пріемную пожалуй я войду, но во внутреннія комнаты не заглядываю: тамъ зачастую соръ, безпорядокъ, темнота. И люди тоже: съ виду бываютъ очень пріятны, а въ душу лучше къ нимъ не проникать.

Горечью звучалъ его голосъ, тревожнымъ оживленіемъ заискрились глаза, дыханіе стало слышнѣе.

Любитъ, сказала себѣ Соня, и тонко, горделиво улыбнулась.

Онъ продолжалъ съ одушевленіемъ:

— Красота женщинѣ дается на ея погибель. Человѣкъ съ нравственнымъ чутьемъ и подъ скромной наружностью различитъ прекрасную душу, одной же красотой плѣнится человѣкъ низменный, грубо-чувственный, способный видѣть только внѣшность, а отъ такихъ людей не бываетъ счастья.

— Хорошо, что я некрасива, плутовски смиреннымъ тономъ замѣтила Соня, меня нравственный человѣкъ полюбитъ.

Бѣгло скользнувъ по ней взглядомъ, недопускавшимъ шутокъ, онъ нагнулся и сталъ чертить сорванной вѣткой круги по песку.

Наступило знаменательное молчаніе. Сонѣ чуялось въ немъ рѣшеніе своей участи и, робѣя, она отодвинулась на край скамьи и, заслонивъ рукой глаза отъ солнца, глядѣла на заросшій шиповникомъ тѣнистый уголокъ. Она думала о томъ, что Терешa красивъ,

молодъ и богатъ, немного своеобразенъ, но можно его отшлифовать; только вотъ быть купчихой... Она думала и о томъ, что будущее неизвѣстно, что ей легко найти мужа съ именемъ и положеніемъ, съ орденами, съ лампасами, съ серебряной шашкой. Не покончить-ли съ нимъ на этомъ? мелькнула у ней мысль, но вспомнивъ все, что было сказано Полѣновой, она въ томительной нерѣшительности принудила себя украдкой взглянуть изъ-подъ руки на Терешу — и торжествующее довольство переполнило ее. Онъ водилъ по ней такими восхищенными глазами, такой живительной теплотой проникавшій ея сердце взглядъ остановилъ онъ на ней, что радостное чувство съ сознаніемъ доставляемаго собой наслажденія стѣснило грудь Сони.

И она привлекательно жмурилась подъ его взглядомъ, пожималась, и обдавъ его нѣжнымъ, неотразимо плѣнительнымъ взоромъ, скромно потупилась. Ни одно ея движеніе, ни малѣйшій оттѣнокъ игры лица не пропадалъ даромъ, все поглощалось его глазами, которыхъ онъ былъ не въ состояніи отвести, даже понявъ, что она замѣтила ихъ на себѣ. Ей было пріятно за него и за себя, и за свое льнянаго цвѣта платье, которое такъ хорошо сидѣло и такъ шло къ ней, и за свою прическу...

Вдругъ онъ всталъ, быстро отошелъ отъ нея съ легкимъ поклономъ и, ускоряя шаги, сказалъ ей на ходу:

— До свиданья, у меня много дѣла.

Она съ игривой улыбкой увѣренно глядѣла ему вслѣдъ, и когда онъ былъ далеко, позвала гармонически ласкающимъ и вмѣстѣ повелительнымъ тономъ:

— Тереша! Вернитесь!

Тереша, медленно переступая, съ опущенной головой, какъ недовольный вѣрный песъ, подошелъ къ ней.

— Впрочемъ, я васъ не держу, идите къ своему дѣлу, сказала она.

Онъ повернулся и пошелъ. Она тихо смѣялась. Давъ ему отойти порядочное разстояніе, она опять крикнула: — вернитесь! И опять, когда онъ приблизился, сказала: — нѣтъ, можете идти.

— Вернитесь, Тереша!

Онъ еще медленнѣе, съ мучительной улыбкой на лицѣ, приближался къ ней. Хотѣла она le faire promener encore un peu, но заключивъ, по его улыбкѣ, что этого достаточно, приступила къ дѣлу.

— Сядьте, сказала она, величаво поднявъ голову, и съ рѣшительностью положила руку на его плечо. — Я васъ люблю.

— Издѣваться опять вздумала.

— Люблю, съ капризной настойчивостью повторила она, и приблизилась щекой къ его губамъ.

Со всею пылкостью молодости онъ прильнулъ къ ея щекѣ, обнявъ ее за шею. Она зардѣлась, засмѣялась.

— Ахъ! И жарко, и стыдно, и ужасно пріятно... Еще поцѣлуйте, ну еще...

Тогда онъ сжалъ ее въ объятіяхъ съ такой силой, что дыханіе ея остановилось; но это было ей пріятно. Губы его стали холодны и глаза до строгости серьезны.

Движеніемъ плечъ пробуя сбросить съ себя его руки, она съ шутливой лаской спросила:

— Вамъ очень хочется быть моимъ мужемъ?

— Жизни не пожалѣю, задыхаясь произнесъ онъ, отодвинулся, и сталъ въ смущеніи поправлять галстухъ и волосы, потомъ потупился, переведя дыханіе; ему стало неловко на нее смотрѣть.

— Баловать меня будете? Лошади, экипажи, свой домъ.

— Все!

— Плюшъ, перья, бобры, кружева...

— Все на свѣтѣ!

— Я хочу луну.

Лицо его омрачилось. Принявъ ея слова за издѣвательство, онъ всталъ:

— Не пугайтесь, засмѣялась Соня, не настоящую луну. Вы отправитесь въ Эрмитажъ, увидите направо отъ входа бѣгущую Діану, эту статую съ меня лѣпилъ художникъ, и сдѣлайте мнѣ точно такую-же луну, какъ у ней на головѣ изъ брилліантовъ. Да?

— Съ головы до ногъ осыплю блилліантами.

— Какой вы милый! засіяла Соня неизъяснимой радостью и, сложивъ ручки у подбородка, съ восторгомъ глядѣла на него. — Какой вы хорошій! — Потомъ, строго сдвинувъ брови, она прибавила: — Я буду очень требовательная, прихотливая, капризная жена. И вы должны будете исполнять всѣ мои желанія: чуть бровью шевельну, а вы ужъ догадайтесь, чего я хочу. Согласны?

— Очень согласенъ.

— И заграницу?

— Да.

— Мнѣ нужно общество, блескъ, роскошь, веселье, мнѣ хочется, чтобы на меня всѣ смотрѣли.

— Смотрѣть, пусть смотрятъ, только...

— Цыцъ! Не возражать мнѣ никогда, это главное. Вы должны мнѣ вѣрить безусловно.

— Вѣрить я буду.

— Ну вотъ вамъ моя рука.

Взявъ ея руку, онъ могъ только выговорить: — моя! — и вздох-

нувъ полной грудью, пытливо поглядѣлъ ей въ лицо, и тогда поднесъ ея руку къ губамъ.

— Наконецъ то я дождался, тихо заговорилъ онъ, придвигаясь къ ней. — Извелась ты, моя ненаглядная.

— Въ самомъ дѣлѣ я тосковала безъ тебя. Я тебя буду называть Сережей. Ты сдѣлаешь визитныя карточки: Сергѣй Павловичъ Рыбниковъ, фамилію нельзя измѣнить, такъ пусть останется, ужъ такъ и быть.

— Когда же свадьба?

— Подождать надо. Не легко будетъ маму уговорить. Сережа, ты одѣвайся и держи себя какъ можно изящнѣе, постарайся ей приглянуться.

— Ужъ какой есть.

— Зачѣмъ ты самъ возишься съ грязной работой, въ прудъ входишь босой, все это надо прекратить. Кстати: ты видѣлъ, что съ купальней сдѣлалось? Представь, мнѣ совсѣмъ нельзя купаться въ ней. Пойдемъ, я тебѣ покажу, вскочила Соня, и схвативъ его за руку, бѣгомъ пустилась съ нимъ къ пруду и на бѣгу оживленно болтала: — Дворникъ говоритъ, что не стоитъ ее поправлять, надо новую... а мамочка когда соберется... видишь, какъ ее отнесло. Ты сними сапоги и поправь, ты такой сильный; подними ее и поставь прямо. Нѣтъ, не снимай сапогъ, войди такъ въ воду, здѣсь не глубоко... Не надо, послѣ! Прежде достань мнѣ съ тополя прошлогодній воланъ; интересно знать, что съ нимъ сталось за зиму. Вонъ, видишь? Ну, полѣзай.

Съ улыбкой кроткаго блаженства онъ рабски исполнялъ всѣ ея требованія, а самъ думалъ про себя: верти, верти мною до свадьбы то.

Нюша явилась звать его обѣдать.

— Когда ты будешь моей сестрой, смѣясь сказала ей Соня, я не позволю тебѣ всякую дрянь вкалывать въ голову. Сними сейчасъ!

Выдернувъ изъ волосъ эгретку и бережно держа ее на ладони, удивленная Нюша смотрѣла на нее, разиня ротъ.

Прощаясь съ Терешей, Соня сказала ему на ухо:

— Надо на это время убрать куда нибудь твоего добраго отца, чтобъ онъ не шокировалъ маму своимъ мужицкимъ видомъ. Устрой, чтобъ онъ уѣхалъ. Я тебя очень люблю, мой милый, до свиданья.

На другой день Тереша принесъ въ садъ атласный розовый баулъ съ конфектами, подъ которыми былъ спрятанъ браслетъ. Соня примѣрила браслетъ и отдала его ему на сохраненіе; скушала почти всѣ конфеты, а коробку отослала Нюшѣ; за обѣдомъ она ничего не ѣла, но неутомимо вздыхала. Софья Васильевна выразила ей свое безпокойство.

— Я, мамочка, въ монастырь пойду, вздохнула Соня.

*

— Начинается что-то новое, сквозь зубы проронила Софья Васильевна. Почему ты не переписываешь теткину тетрадь?

— Успѣю. Еслибъ ты знала, мама...

— Ничего не хочу знать, покуда не покушаешь.

— Не могу-же я ѣсть насильно, oh quel tourment! Въ монастырѣ мнѣ легче будетъ: une vie de jêune, d'abstinence et de mortification, меня сдѣлаютъ игуменьей...

— Прочла, вѣрно, что нибудь подобное.

— Не читала, но мнѣ больше ничего не остается въ жизни, qu'à me cloître.

— Опять ты выведешь меня изъ терпѣнія, je ne suis pas d'humeur à supporter tes boutades, уходя въ свою комнату, строго сказала Софья Васильевна, но скоро вернулась въ гостиную и взявъ работу, стала слѣдить за дочерью.

Соня то опускала на грудь голову и вздыхала, то горестно устремляла на нее глаза, и такъ продолжалось долго; наконецъ, мать не вытерпѣла.

— Ну, поди ко мнѣ, моя Соня, сядь поближе, скажи мнѣ, чего ты хочешь?

— Этого нельзя тебѣ сказать, родная моя, это слишкомъ-бы огорчило тебя, я ни за что не рѣшусь.

— Твоя прямая обязанность ничего не скрывать отъ матери.

— Я, мамочка, влюблена, прижавшись головой къ ея плечу, призналась Соня.

— Этого еще не доставало, скучающимъ голосомъ произнесла Софья Васильевна: новый видъ разстройства дочери начиналъ ее утомлять болѣе другихъ, и она прибавила тономъ, показывавшимъ, что не придаетъ серьезнаго значенія своему вопросу:

— Въ кого?

— Не скажу, мама. Ты можешь меня истязать, и все-таки не добьешься отъ меня признанія. Къ чему? Все равно ты не согласишься отдать меня за любимаго человѣка, и я уйду въ монастырь.

Мать промолчала, нервной рукой оторвала шерстинку и углубилась въ работу. Соня подождала ея допроса, не дождалась, и сказала:

— Онъ плебей, мама.

— Ужъ не Федоръ-ли? спокойно усмѣхнулась мать, не отрываяя глазъ отъ вышиванья.

— Тебѣ смѣшно, когда у меня сердце разрывается отъ горя, съ непритворной обидой вспыхнула Соня, — вѣдь ты видишь: я хандрю, я чахну, стало быть, это не прихоть. Отъ тебя зависитъ мое счастье, но ты не дашь мнѣ его, все возвышала она голосъ, ты злая мать!

Ты ни передъ чѣмъ не остановишься! Ты велишь своей прислугѣ истязать меня, только этого и жду я отъ тебя теперь...

— Стало быть, есть за что? подняла Софья Васильевна встревоженное лицо и проникающимъ взглядомъ такъ и вонзилась ей въ глаза.

Соня почувствовала, что тѣло ея тяжелѣетъ и вростаетъ въ кресло, руки безсильно упали; она не могла достать платка, чтобъ скрыть свое испытуемое матерью лицо, и зажмурилась.

Какъ необходимо умѣнье сдерживать себя и не высказываться даже нечаянно, признавалась сама себѣ теперь Соня, и охватываясь все бо́льшимъ страхомъ, давала слово достигнуть этого впослѣдствіи навыкомъ. Ахъ, эти среды! Сейчасъ она вынудитъ меня все досказать, все пойметъ по моему лицу. Господи! спаси, спаси...

Оставивъ работу, Софья Васильевна пересѣла рядомъ съ ней и взяла ее за плечо.

— Въ чемъ ты виновата, Соня? Смотри на меня и отвѣчай. Открой глаза, я тебѣ приказываю. За что ты ждешь истязаній? Я не дойду до такой крайности, только признайся, признайся, Соня.

Соня соскользнула съ кресла и спрятала лицо въ ея колѣни.

— Это я такъ сказала. Не слушай меня, родная, я иногда такъ говорю.

— Кто этотъ плебей?

— Мама моя, это даже необходимо для улучшенія расы, цѣлуя ея платье, нѣжно заворковала Соня. У тебя будутъ восхительные, геніальные, здоровые внучата, ты будешь ихъ со всею твоею строгостью воспитывать, мою дочь ты сдѣлаешь такою-же совершенною, какъ ты сама, королева моя, мадонна, красавица, умница! Согласись, родная! Надо быть выше сословныхъ предразсудковъ.

— У тебя головка не болитъ?

— Еслибъ ты согласилась, какъ-бы хорошо мы зажили, мамочка. Прогнали-бы изъ Покровки арендатора, все-бы тамъ устроили, улучшили, возобновили. И этомъ домъ вѣдь пора ремонтировать: флигель чуть живъ и купальня на боку. Я буду тебя слушаться гораздо больше, чѣмъ теперь, мой мужъ будетъ благоговѣть передъ тобой. Приданаго ему не нужно, онъ знаетъ, что у меня ничего нѣтъ кромѣ сносной наружности.

— Да ужъ не бредъ-ли это у тебя?

— Нѣтъ, не бредъ, рѣшительно поднялась Соня съ колѣнъ, сѣла и помолчала, собираясь съ духомъ, потомъ заговорила очень твердо: Ты видѣла, съ какой любовью я во всемъ тебѣ покорялась, но матримоніальный вопросъ я разрѣшу сама, помимо твоей воли, ужъ если такъ приходится: моя, а не твоя судьба рѣшается.

— Да Богъ съ тобой, вѣдь я-же не насиловала тебя въ твоихъ отказахъ женихамъ.

— И даннаго мною согласія ты не нарушишь, ты примешь моего будущаго мужа.

— Да скажи-же, наконецъ, кто такой?

— Терешa Рыбниковъ, вотъ кто.

Прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи. Обѣ, не глядя другъ на другъ, сидѣли рядомъ, привалившись къ спинкамъ креселъ, съ опущенными головами, и обѣ были блѣдны. Софья Васильевна упрекала себя за оплошность. Не могло ей тогда придти на умъ, что мальчишка, которому она позволяла забавлять свою дочь, когда нибудь сдѣлается человѣкомъ, способнымъ нравиться, да еще ея дочери. И въ свою очередь, чувствуя, что все глубже она утопаетъ въ креслѣ и безпомощно теряется, она схватилась за утѣшительную возможность поправить дѣло, но взятая врасплохъ и уязвленная въ самое чувствительное мѣсто, она въ досадѣ на себя необдуманно проронила сквозь зубы:

— Можно его и удалить, если ты не оставишь эту блажь.

— Онъ боролся съ собой, пылко возразила Соня, онъ надолго уѣзжалъ, не хотѣлъ видѣться со мной; я сама его позвала. Il faut être juste avant tout, chère petite maman!

Принявъ авторитетный тонъ надъ матерью, ужъ она рѣшила не спускать его, и наконецъ доказать, что она не маленькая. Мило вздернувъ носикъ, она смотрѣла свысока. Софья Васильевна съ отчаянной мольбой взглянула на портретъ Вѣры, какъ-бы зовя ее на помощь; хрустнули пальцы ея крѣпко стиснутыхъ рукъ.

— Мама, увѣряю тебя, что Вѣра была демократка.

— Она съ родовитой благородной гордостью отдаляла отъ себя все, что могло напоминать мѣщанство.

— Это въ нравственномъ смыслѣ, мама. Ты вспомни: это она мнѣ позволила играть съ Терешей и его сестрой, она разъ даже поговорила съ нимъ на дворѣ, а вѣдь не всякаго она удостоивала разговоромъ.

— Соня, Соня, со вздохомъ начала Софья Васильевна, ты берешь въ отцы и мнѣ даешь въ зятья моего-же холопа. Ужъ если ты ни себя, ни меня ни во что не ставишь, вспомни папу, благороднѣйшаго изъ людей, не равняй его съ Пантелеемъ, котораго онъ могъ высѣчь и продать.

— Не виноватъ-же Пантелей, что вынесъ на себѣ гнетъ рабства; можно даже опоэтизировать этого добраго старика.

— Ну, послѣ этого не смѣй со мной говорить и не показывайся мнѣ на глаза. Ступай и поэтизируй все, что хочешь, наверху.

— Я, мамочка, сама не хочу тебя видѣть, пока ты не дашь мнѣ своего согласія.

Проговоривъ это звучно дрогнувшимъ голосомъ и втягивая воздухъ тонкими ноздрями, Соня съ достоинствомъ удалилась.

Софья Васильевна заперлась въ своей комнатѣ, легла лицомъ въ подушку и долго такъ лежала; плечи ея вздрагивали отъ глухихъ рыданій. Весь слѣдующій день она, въ концѣ обезсиленная, провела на кушеткѣ. Давно ужъ она не пользовалась полнымъ спокойствіемъ. Непрерывныя и постоянно съ трудомъ подавляемыя волненія послѣдняго года въ борьбѣ съ арендаторомъ, въ борьбѣ съ дочерью, въ страхѣ за ея будущность и здоровье надломили ея еще недавно крѣпкій организмъ.

XXIII.

Монументовъ былъ сильно раздосадованъ исчезновеніемъ товарища: жилъ, ѣлъ, пилъ и, не говоря худого слова, отретировался, когда все шло отлично по программѣ. Въ виду его холодности Соня перестала ходить, ничего этимъ не выиграла и захворала отъ отчаянія, затѣмъ выздоровѣла и прибѣжала. Стало быть близится развязка, и Чурисовъ долженъ былъ видѣть его недоступность и холодность къ ней, а съ ея стороны упреки, преслѣдованіе, наконецъ покушеніе, и все это при свидѣтелѣ должно было имѣть гораздо болѣе вѣса и эффекта. Свинья Чурисовъ! Жди послѣ этого отъ людей благодарности и всякихъ альтруистическихъ началъ!

Онъ пошелъ прогуляться по Александровскому парку, въ тайной надеждѣ, не встрѣтится-ли ему Чурисовъ. Монументовъ сидѣлъ тамъ на уединенной скамейкѣ противъ кронверка. Вечерѣло. Вѣтеръ прошумѣлъ въ деревьяхъ, понесло сыростью отъ канавы; паркъ пустѣлъ, только грязные ребятишки играли на травѣ. Прошелъ мимо нихъ бравый солдатъ, воротился, вынулъ изъ кармана горсть подсолнуховъ и бросилъ дѣвочкѣ въ подолъ. Его окружили другіе ребятишки, потянулись къ нему грязными ручонками: — и мнѣ! и мнѣ! дяденька, а мнѣ то! — Солдатъ всѣхъ одѣлилъ и съ доброй улыбкой пошелъ дальше.

Въ какомъ-то недоумѣвающемъ забытьѣ, медленно моргая, Монументовъ поглядѣлъ вслѣдъ солдату, отошедшему въ глубину зелени, куда скрылся и послѣдній солнечный лучъ, и тяжело вздохнулъ. Есть, есть что-то хорошее, чѣмъ не успѣлъ онъ запастись и скрасить жизнь, смутно шепнуло ему сознаніе, проглядѣлъ онъ, не уяснилъ себѣ хорошаго, а оно то и главное. Безпричинная, никогда не испытанная тревога, доходящая до страха, всколыхнула его грудь. Почув-

ствовалось недомоганіе во всемъ тѣлѣ, раздраженіе и злость. Какое дѣло до чужихъ ребятъ солдату? И куда дѣвался Чурисовъ? Недостаетъ только, чтобы Ярославцева пришла именно теперь, когда его нѣтъ дома. И сжимая кулаки, онъ спѣшилъ, спѣшилъ домой; кровь колотилась въ груди и подступала къ горлу. Онъ задыхался.

Весь вечеръ, такъ какъ это было въ среду, онъ прождалъ напрасно Ярославцеву, и ожиданіе его дошло до такого напряженія, что два раза слышался ему звонокъ, и онъ въ волненіи отворялъ дверь, но никто ему не отозвался на совершенно пустой лѣстницѣ. Знакомые его забыли, потому что самъ онъ не напоминалъ имъ о себѣ.

Много дней и вечеровъ безвыходно провелъ онъ дома точно такимъ же образомъ, выходя только утолить голодъ въ ближайшій ресторанъ. При всемъ пониманіи, какъ необходимо ему развлечься, онъ не въ силахъ былъ уйти изъ дома, не въ силахъ былъ преодолѣть составившаго суть его жизни тягостнаго ожиданія.

Онъ смотрѣлся въ зеркало. Съ каждымъ днемъ онъ все старѣлъ и дурнѣлъ: еще прибавились на лбу морщинки, волосы стали рѣдки, глаза высматривали подозрительно и злобно, и все чаще отпадала нижняя губа. Наступило самое время жениться. Богатыхъ невѣстъ сколько угодно, только-бы извѣстность пріобрѣсть. Съ непоколебимой, возрастающей по мѣрѣ угасанія его силъ, вѣрой въ предназначенную ему будущность, онъ доставалъ изъ скрытаго подъ умывальнымъ столомъ ящика косметики и приводилъ въ порядокъ свою наружность, ни на одно мгновеніе не переставая ждать прихода Сони. Придетъ она, придетъ непремѣнно, должна же, наконецъ, придти. Дыханіе его останавливалось и вырывалось вмѣстѣ съ сухимъ кашлемъ, лишь только слышались чьи-нибудь шаги за дверью. И день и ночь одна и та же мысль гнѣздилась въ головѣ: что-жъ это она не идетъ, пора бы ей, пора бы. Съ удивленіемъ онъ замѣчалъ за собой, что ему хочется сдѣлать ей что нибудь пріятное. Когда она придетъ, онъ ей подаритъ что нибудь. Статуэтку жаль, корзинку жаль, портфельчикъ... нѣтъ, не въ состояніи онъ разстаться съ милыми вещицами; лучше новую купитъ для нея. Онъ купитъ рамку, вставитъ въ нее свою карточку, и какъ обрадуетъ ее! Благодарной улыбкой оживится ея личико, заблестятъ голубые глазки. Вѣдь она прелесть какъ хороша!

И днемъ и ночью, лежа въ постели, погружается онъ въ грезы, опьяняющія его до нѣги, до истомы; слышитъ ея гармоническій голосъ и протягиваетъ руки во снѣ, ловитъ ея обаятельную фигуру, бѣжитъ за ней, бѣжитъ такъ шибко, что захватываетъ духъ... Онъ открылъ глаза. Въ горлѣ засохло, жажда мучительная, а не хочется встать, и снова впадаетъ онъ въ дремотное состояніе, близкое къ бреду. Всюду, какъ тѣнь, слѣдуетъ онъ за ней, проводитъ ночи подъ ея окномъ съ

бандурой. Вотъ густой садъ и темножелтая калитка, и за ней красавица, непорочная, гордая, съ довѣрчивымъ любопытствомъ подзываетъ его. Въ головѣ туманъ и кругомъ туманъ, прозрачно свѣтлый, какъ сіяніе, и чудится въ немъ ея бѣлоснѣжное личико. Онъ спѣшитъ, онъ летитъ съ легкостью юноши къ ней на свиданіе, сердце замерло пугливой отрадой, онъ бросился къ ней и... упалъ. Кровать зашаталась отъ сотрясенія его грузнаго тѣла. Прелесть моя! крикнулъ онъ, и проснулся.

Онъ всталъ и вытеръ съ лица потъ.

— Фу, чортъ, этакъ и до галлюцинацій можно скоро дойти. Надо какъ нибудь освѣжиться. Надо утомить себя долгой прогулкой, да и выспаться хорошенько, не ждать же болѣзни.

Онъ зажегъ лампу и сталъ одѣваться, а въ голову забиралась мучительно страшная мысль: ждешь только лучшаго отъ жизни, а то, что давалось въ руки, и было, пожалуй, самое лучшее, и пожалуй не вернется никогда. Было, было что-то хорошее, чего онъ не могъ понять и достигнуть, и что смутно волновало его. Дрожащими руками надѣлъ онъ пальто и шляпу, вышелъ на улицу, невольно направляясь къ знакомому забору, остановился подъ крытой бесѣдкой и поднялъ голову вверхъ:— прелесть, херувимчикъ, лепетали его сухія губы. Днемъ онъ ни разу послѣ ссоры съ ней не проходилъ по ея улицѣ, чтобы не дать ей повода упрекнуть его этимъ, а ночью, сколько угодно, онъ можетъ ходить вдоль забора, мимо ветхой калитки и смотрѣть въ темныя окна ея дома: жизнь моя, счастье мое, гдѣ ты, за которымъ окномъ?..

Фу, чортъ, а вѣдь бредъ-то продолжается, вдругъ спохватился онъ и быстро перешелъ на другой троттуаръ.

Чуть-чуть колышатся деревья надъ ея заборомъ, сквозь разорванныя облака серебристыя полосы луны скользятъ по небу и блѣднѣютъ; близокъ разсвѣтъ; бѣловатой мглой наполняется улица.

Да какая мнѣ надобность до ея улицы, до ея забора, до окна и всякой чепухи; что со мною дѣлается, не понимаю!

Съ нимъ поровнялся прохожій, встрѣтилась чухонка съ коровой, потянулся мимо обозъ, и онъ развлекся немного. Съ усиленной поспѣшностью устремился онъ дальше за заставу, прошелъ нѣсколько верстъ, и утомленный, съ испитымъ лицомъ и ноющимъ тѣломъ, вернулся домой. Его безпокойно горѣвшій болѣзненнымъ восторгомъ взглядъ пристально вонзился въ зеркало, губы сами собой сказали: —прелесть моя... фу, чортъ!..

Ѣдкія, горячія слезы просочились сквозь рѣсницы и медленно растеклись по дряблымъ щекамъ. — Нѣтъ, положительно, мнѣ нужно лечиться, я самъ себя не узнаю.

Днемъ онъ сходилъ въ лечебницу. „Нервы“, сказалъ ему докторъ,

и рекомендовалъ поддерживать здоровье движеніемъ на чистомъ воздухѣ.

Онъ пьетъ лекарство и гуляетъ, а все-таки губы его по временамъ сами собой зашевелятся и тихо произнесутъ: прелесть, жизнь моя, счастье мое!..

И вспомнилась ему тутъ сказка, прочитанная въ дѣтствѣ.

Воздухъ замерзъ. Люди перестали слышать другъ друга, потому что по мѣрѣ замерзанія воздуха застывала въ немъ человѣческая рѣчь. Вылетитъ слово изъ устъ и застынетъ беззвучное, мертвое, невидимо оставаясь во льду. Люди частью погибли въ той странѣ, частью успѣли спастись бѣгствомъ отъ неслыханнаго бѣдствія. Но прошла зима и наступила оттепель, солнце согрѣло и растопило воздухъ, и застывшія рѣчи исчезнувшихъ людей оттаяли и зазвучали въ немъ. Кругомъ нѣтъ никого, а со всѣхъ сторонъ слышны голоса: призывы на помощь, крики отчаянія, слова прощенія, любви и скорби, все сталкивается невпопадъ и все сливается въ невообразимый хаосъ звуковъ.

Такой же хаосъ царствовалъ и въ его размягченной душѣ, и также невпопадъ и слишкомъ поздно пробудилась въ его сердцѣ нѣжность и зазвучала на губахъ: жизнь моя, счастье мое, прелесть!

Но не даромъ же у него сверхъестественная сила воли; онъ не допуститъ себя до такой слабости. Онъ лечится, и хотя мало выходитъ, за то предается въ комнатахъ очень усердному движенію.

Онъ предается чисткѣ и перестановкѣ съ мѣста на мѣсто своихъ дорогихъ вещей, считаетъ ложки, стаканы, галстухи, бѣлье, провѣряетъ свои сокровища. И хорошо сдѣлалъ Чурка, что ушелъ, по крайней мѣрѣ, все теперь цѣло будетъ. Вѣдь, это онъ, каналья, отломилъ ручку отъ чашки, а сколько лѣтъ она служила, бѣдная. И вилку онъ, варваръ, погнулъ — никакого сожалѣнія къ чужимъ вещамъ!

Чѣмъ чаще прикасается онъ къ вещамъ, ежедневно ихъ убирая, тѣмъ милѣе и дороже становятся онѣ ему. Уходя обѣдать, онъ за вторымъ блюдомъ начинаетъ безпокоиться, его тянетъ домой взглянуть на вещи: такъ-ли стоитъ стеклянная кружка, не сдвинулась-бы на край, не упала-бы — мерзавцы извощики тряску такую производятъ на улицѣ, что всѣ стѣны дрожатъ. Онъ торопитъ ресторанную прислугу, глотаетъ непрожеванную пищу и уходитъ съ полнымъ ртомъ.

— Прелесть моя, цѣлехонька стоитъ! подскакиваетъ онъ прямо къ кружкѣ, не раздѣвшись и не заперевъ за собой дверь, — погоди, я тебя подальше отъ края отодвину, хорошая ты моя.

Съ утра онъ принимается за половую щетку, шмыгаетъ ею по всѣмъ угламъ, и все кругомъ оживаетъ. Со стономъ раздвигаются стулья, визжатъ колесики застоявшихся креселъ, скрипятъ столы, стучитъ, звенитъ посуда, хлопаютъ вытрясаемые скатерти и ковры, ше-

леститъ бумага; все приняло праздничный видъ, заговорило, засмѣялось.

— Не качайся, совѣтуетъ Монументовъ стулу, нехорошо, братецъ, некрасиво. Вдругъ она захочетъ на тебя сѣсть, а ты... того, неловко будетъ. Вѣдь она высокаго полета птица, у ней стѣны-то шелковымъ плюшемъ обтянуты. Важное лицо являлъ изъ себя ея отецъ, а ты вдругъ закачаешься, стыдъ какой! Постой я подложу подъ твою ножку кусокъ пробки. Отчего это она у тебя короче другихъ, скажи на милость? Уродъ ты. Э, да это полъ немного подался на этомъ мѣстѣ, а ножки у тебя всѣ, какъ слѣдуетъ. Извини, братецъ, что напрасно обругалъ тебя уродомъ. Ты у меня вотъ гдѣ будешь стоять, тебѣ тутъ удобнѣе.

И онъ ласково гладилъ ладонью по сидѣнью переставленнаго стула, морщинки собрались вокругъ его смѣющихся глазъ, отечески покровительственная улыбка показалась на губахъ.

— Вотъ коммодъ, такъ молодецъ у меня! Сколько лѣтъ простоялъ у матери еще до ея замужества, и вѣдь, новехонекъ. Если бы люди могли такъ сохраняться! вздыхая, разсуждаетъ онъ и сладко улыбается стакану для бритья.— Какой ты пузатенькій помпончикъ, дай я тебя вытру хорошенько, ты будешь сіять, какъ алмазъ, смотри только, не выскользни изъ рукъ.

Но съ особенной любовью разбирался онъ въ своемъ зеркальномъ шкафу. Весело смотрѣлъ оттуда хорошенькій графинчикъ желтаго стекла съ золотыми полосками; такъ и смѣялся графинчикъ. Онъ бережно вынулъ изъ него остроконечную пробочку, понюхалъ горлышко одной ноздрей, потомъ другой, заглянулъ въ него однимъ глазомъ и поставилъ на мѣсто, полюбовавшись имъ. Рядомъ съ графинчикомъ поставилъ онъ пользующуюся его особенной симпатіей хрустальную мыльницу съ матовой птицей на крышкѣ, и любовно, съ отеческой нѣжностью оглядывалъ все,—такъ бы онъ все и обнялъ. Ящички, футляры, бритвы, бинокль, дорожный несессеръ, флаконы, баночки жались другъ къ другу.

— Тѣсно вамъ, друзья мои! Гдѣ-же мыльница съ птичкой? Да вотъ она. Подвинься, прелесть моя, сюда, тебѣ тамъ скучно, темно.

Онъ взялъ къ себѣ на колѣни черный сундучекъ, погладилъ рукой, отперъ, провѣрилъ оставшуюся отъ капитальца небольшую сумму денегъ, и долго наслаждался переборкой въ немъ нетлѣнныхъ сокровищъ. Перстни онъ всѣ надѣлъ на растопыренные пальцы, привѣсилъ къ жилету три золотыхъ цѣпочки, и жмурясь отъ удовольствія, вкололъ въ галстухъ четыре булавки — и сидѣлъ такъ. Каждый день находилъ онъ въ этомъ занятіи новую пріятность, каждый день разсматривалъ всѣ свои вещи, и всѣ онѣ были у него передъ глазами, даже когда онъ не смотрѣлъ на нихъ.

А время идетъ все быстрѣе. Онъ опускался и дряхлѣлъ и по привычкѣ ждалъ, прислушиваясь напряженнымъ ухомъ: не раздадутся ли на лѣстницѣ шаги, и съ сердечнымъ замираніемъ, отворивъ дверь, высовывалъ голову въ темныя сѣни.

— Кто тамъ?

Но никто не отвѣчалъ ему.

Однажды онъ проснулся очень поздно и, чувствуя недомоганіе и слабость, въ полномъ бездѣйствіи лежалъ до самаго обѣда, черезъ силу дошелъ до ресторана и спросилъ бутылку вина. Первый стаканъ согрѣлъ и оживилъ его, со вторымъ стаканомъ въ немъ возросла увѣренность, что въ этотъ вечеръ непремѣнно должна явиться Ярославцева; а когда опустѣла бутылка, имъ овладѣло тревожное нетерпѣніе, сообщившее судорожную торопливость движеніямъ. Онъ еще не видѣлся съ вещами и не помнилъ, куда поставлена мыльница съ матовымъ голубкомъ, не соскочила-бы, не завалилась-бы за сундучекъ, не разбилась-бы. Проклятая полиція совсѣмъ не слѣдитъ за бѣшеной ѣздой извощиковъ! Что это за страшный грохотъ на всѣхъ улицахъ, что это за шумъ! Сквозь явственное біеніе жилъ на вискахъ и головокруженіе ему слышалось, что весь шкафъ его рушится на полъ. — Фу, чортъ, чуть я не подавился...

Онъ чуть не задохнулся на бѣгу. Не помня себя и весь въ поту онъ взбѣжалъ на свою лѣстницу и, оставивъ дверь отворенной, ринулся къ шкафу и дрожащей рукой трясъ ключъ, отпирая дверцу.

— Вотъ она! мыльница моя, прелесть! Такъ и бѣлѣетъ при свѣтѣ въ окно уличнаго фонаря голубь на крышкѣ. Уфъ! Красавица моя, какъ же ты меня напугала! Дай разсмотрѣть тебя поближе, дай наглядѣться на тебя... Аяяяй! Аяяяй!

Крышка вылетѣла изъ дрожащихъ рукъ и ударилась объ полъ. Все тѣло его охватилъ холодъ ужаса, и съ механической безжизненностью руки сами распахнулись, выронивъ мыльницу. Звенящій стукъ разбитаго стекла жалобно задребезжалъ въ ушахъ и звукъ безконечно повторяется въ темнотѣ, пронзая болью застывающую грудь. Блестящіе хрустальные круги подступили къ глазамъ, а среди круговъ сидѣвшая на крышкѣ мыльницы птица ожила, вспорхнула и ударилась въ зеркало.

Высокаго полета птица, вся бѣлая, какъ матовый хрусталь; лучами свѣтятся небесно-голубые глазки, зарей горитъ румянецъ на щекахъ, какъ музыка играетъ ея голосъ:

— Вы меня ждали?

— Ждалъ! Я всегда ждалъ тебя до изнеможенія, ждалъ до болѣзни, и всегда любилъ тебя, прелесть моя! Останься со мной! Бей меня по лицу ногами, только не уходи отъ меня никогда, никуда.

Онъ упалъ ницъ передъ открытой дверью шкафа и безсвязно вопилъ коснѣющимъ языкомъ:

— Я разбилъ тебя, жизнь моя, счастье мое, бей меня, бей хорошенько, больнѣе!..

На утро принесшій самоваръ дворникъ нашелъ его на полу, рядомъ съ хрустальными осколками въ параличномъ состояніи, и доставилъ въ пріемный больничный покой.

Монументовъ лѣвой рукой не владѣлъ совсѣмъ и чуть-чуть шевелилъ пальцами правой, безуспѣшно силясь захватить въ горсть булку или платокъ. Глаза его слезились, голосъ дребезжалъ, языкъ заплетался, и при всякой попыткѣ заговорить нижняя губа отпадала вмѣстѣ съ челюстью, что, однако, не умѣряло его словоохотливости.

— Я суровъ, знаете, къ женщинамъ, а это имъ и нравится, шепелявилъ несчастный, — какую угодно пріарканю, она за мной и побѣжитъ. Господинъ докторъ, выпишите меня скорѣе, нельзя же оставлять мои вещи безъ призора. У меня дома ларецъ, какого не найдешь ни за какую цѣну въ Европѣ, и въ немъ рѣдкостныя драгоцѣнности,—все подарки женщинъ. Всѣ женщины отъ меня безъ ума.

Онъ былъ неизлечимъ и до такой степени жалокъ, что даже не смѣшонъ своей хвастливостью.

XXIV.

Соня сидитъ на верху. Рѣшивъ, во что бы то ни стало, побѣдить въ борьбѣ за свое счастье, и зная, чѣмъ всего сильнѣй подѣйствовать на мать, она отказывается отъ обѣдовъ, отсылаетъ кушанья нетронутыми, услаждаясь тортами и конфетами, которые получаетъ отъ Тереши. Задаренная имъ горничная то и дѣло бѣгаетъ съ записочками отъ барышни къ жениху и обратно.

Дверь, ведущая изъ комнаты Сони въ садъ, и обѣ калитки сада заколочены, но Соня не унываетъ, проводя ужъ третьи сутки въ одиночествѣ.

Что ей до того, что нельзя видѣться съ Терешей, когда извѣстно ей, какъ неограниченно владѣетъ она его сердцемъ! И ея собственное сердце съ радостно потрясающей силой воспринимаетъ милыя черты его характера. Съ умиленіемъ глядитъ она въ окно, возстановляетъ въ памяти подробности знакомства съ нимъ, и каждая дорожка, каждый кустъ свидѣтельствуютъ ей о непрерывномъ рядѣ угожденій, преданныхъ взглядовъ, подавленныхъ вздоховъ, принятыхъ ею какъ должное или съ глумленіемъ отъ добраго, любящаго мальчика, котораго она должна вознаградить за все своей взаимностью. Съ мамой она бу-

детъ дѣлить всѣ свои радости, никогда съ ней не разстанется, и ее вознаградитъ за все, только вынудить бы у ней согласіе.

Что ей до того, что старые шкафы съ желтыми книгами, носящіе гербъ фамиліи Ярославцевыхъ, сурово вытянуты по стѣнамъ, а съ потолка глядятъ еще суровѣе лѣпныя стрѣлы и кольчуги ихъ герба. Фамилію и гербъ забудутъ ея дѣти, и въ концѣ концовъ мама согласится съ ней, что не въ породѣ счастье, — вѣдь она съ Вѣрой раздѣляла такой взглядъ.

— Ахъ, мама, мама! Что она дѣлаетъ, родная, посмотрѣть бы на нее!

Въ однихъ чулкахъ Соня спускалась съ лѣстницы и, прячась за портьеру, глядѣла издали на мать. Но лица Софьи Васильевны не видно; она закрыла его рукой, нагнувшись надъ столомъ. Если она оглянется, увидитъ Соню, позоветъ ее и приласкаетъ, то Соня будетъ въ ея власти; нѣтъ, лучше убѣжать ей, и поставить на своемъ.

По цѣлымъ часамъ не поднимая головы отъ вышиванья, но мало работая, мать предавалась своимъ размышленіямъ. Ей слѣдовало, какъ она теперь видитъ, уклониться отъ прямого отвѣта дочери, увезти ее заграницу и тамъ направить ея симпатіи въ другую сторону. Но арендаторъ совсѣмъ прекратилъ высылку денегъ, придется вести съ нимъ судебный процессъ, а это отниметъ много времени. Все безотрадныя мысли вмѣстѣ съ сознаніемъ, что не такъ она взялась за Соню, сдѣлавъ непоправимую ошибку, приводили ее въ отчаяніе. Въ то же время надежда на причудливое непостоянство дочери поддерживала въ ней рѣшимость не отступать отъ начатаго способа борьбы: истомивъ ее скукой, склонить на уступчивость. То ей хотѣлось пойти къ ней и со всей убѣдительностью материнской ласки упросить ее, уговорить не отдаваться человѣку, нестоющему развязать ея ботинокъ. Двѣ ночи къ ряду она входила наверхъ со свѣчей, подолгу всматривалась въ безмятежно спавшую радость-Соню свою; тогда мысль, что она войдетъ въ семью лохматаго Пантелея, казалась ей несбыточной нелѣпостью. Почти успокоившись, мать съ улыбкой цѣловала Соню и тихонько уходила внизъ. И снова, не видя дочери, охватывалась страхомъ за нее. Софья Васильевна изстрадалась. Въ воскресенье она страстно молилась у обѣдни, потомъ въ грустномъ одиночествѣ позавтракала, и будучи обрадована появленію Полѣновой, протянула ей обѣ руки, которыя та съ участіемъ удержала въ своихъ при видѣ ея измѣнившагося лица: ея глубокіе глаза свѣтились изнурительнымъ блескомъ и вѣки потемнѣли.

— У меня большое горе, Елена Михайловна, сказала она. Соню видѣли?

— Я хотѣла къ ней пройти, но узнавъ, что она подъ опалой, явилась къ вамъ за разрѣшеніемъ.

— Подите побраните ее: отсылаетъ нетронутыми всѣ блюда для того, чтобы измучить меня окончательно.

— Что у васъ вышло?

Софья Васильевна пожала плечами.

— Собралась замужъ выходить за Рыбникова, начала она довольно сдержанно, но потомъ, сжавъ губы, стала выбрасывать слова: за мужика, раба, плебея! я изъ нея выбью эту блажь.

Полѣнова отвѣтила ей не съ разу и безъ обычной своей рѣзкости; она усѣлась поудобнѣе, продолжая держать ея руку, и привѣтливо улыбнулась.

— Да, сказала она. Мужъ съ высокимъ положеніемъ годился-бы для Сони. И помолчавъ, она спросила: Софья Васильевна, можете-ли вы назвать себя счастливой?

— Если бы не умеръ мужъ...

— Если бы не было причинъ для его преждевременной смерти.

— Если бы Вѣра была жива...

— Она бы вамъ тоже сказала, что и я: Соня будетъ счастлива за Рыбниковымъ, наживающимъ вмѣстѣ съ отцомъ ежегодно милліоны. Ей необходимо богатство, и притомъ она еще настолько не установилась, что за ней нуженъ глазъ, а онъ будетъ на нее смотрѣть какъ на святыню. Онъ ее любитъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ.

Чтобы дать собесѣдницѣ время проникнуться сказаннымъ, Полѣнова умолкла, поправила шпильку въ ея косѣ, заглянула ей въ глаза, и замѣтивъ, что трогательная печаль въ нихъ замѣнилась раздумьемъ, продолжала:

— Онъ мужикъ, которому никто не можетъ помѣшать богатѣть или бѣднѣть; онъ отпахалъ, и никого знать не хочетъ, кромѣ своей жены. Онъ не обязанъ никому давать отчета въ своихъ дѣлахъ, предугадывать чужія мысли и желанія, согласовать свою волю съ чужой; онъ гораздо менѣе рабъ... чѣмъ вы думаете. И положеніе его прочнѣе, чѣмъ... вы полагаете.

— Это ваши теоріи, слабо возразила Софья Васильевна.

— Это сама жизнь. Не страдайте, Софья Васильевна. Онъ порядочный, простой, сердечный человѣкъ. А плебей, это пустой звукъ, тоже самое и Вѣра вамъ сказала бы.

Сдѣлавъ надъ собой громадное усиліе, Софья Васильевна медленно проговорила:

— Надо послать за нимъ, посмотрѣть, что это такое.

— Посмотрите. Могу я передать Сонѣ ваше прощеніе?

— Скажите ей, чтобы она ѣла, съ уступчивой улыбкой промолвила Софья Васильевна и вздохнула.

Соня сердилась. Тетка, не желая вмѣшиваться въ это дѣло, отка-

залась ее навѣстить, а могла бы повліять на маму и вообще быть полезной. Одиночество начинало ее сильно тяготить, кабинетъ какъ мѣсто заключенія ей опротивѣлъ — положительно ей не везло съ кабинетами. Нетерпѣливо дергая бровями, она спрашивала вслухъ: „когда же рѣшится, когда же наконецъ рѣшится моя участь, nom de Dieu!

— Рѣшается, отвѣтила ей Полѣнова, входя.

Соня повисла у ней на шеѣ.

— Вы первая посѣтили заключенную въ темницѣ, вы истинная христіанка, Елена Михайловна!

— Не ожидала я отъ тебя такой стойкости!

— О, если бы вы слышали, какъ я съ ней говорила! Разбила ее на всѣхъ пунктахъ. Ну, что она, моя родная? Видѣли вы ее?

— Сдается. Хочетъ видѣть Терешу.

— Голубка моя! Какъ я рада! Хотите конфектъ, у меня подъ диваномъ спрятаны на случай, если она войдетъ производить ревизію. Какой у меня тортъ: самъ таетъ во рту. Надо, чтобъ Тереша одѣлся, гантировался, вообще нужно научить его, какъ себя держать, съ оживленіемъ болтала долго молчавшая затворница.

— Не надо его учить, онъ на это неподатливъ, возразила ей Полѣнова. А за то, что ты кушанья отсылаешь, слѣдуетъ дать тебѣ хорошій нагоняй. Ты не думаешь о томъ, что матери тяжко съ тобой бороться, ты усиливаешь ея страданіе капризами, безсмысленнымъ упрямствомъ. Вѣдь жалость на нее смотрѣть, какъ она, бѣдная, разстроена, какъ измѣнилась.

Полѣнова усѣлась поудобнѣе и стала разсматривать взятый съ этажерки бюстикъ Моцарта. Соня притихла и, постепенно блѣднѣя, опустилась на стулъ. Вдругъ она вскочила и подойдя къ двери, въ полуоборотъ нерѣшительно глянула на Полѣнову.

— Я пойду ее утѣшу, я откажусь отъ Тереши, молвила она дрогнувшимъ голосомъ.

— И останешься старой дѣвой, такой злючкой, что вгонишь ее въ могилу.

Слава эти заставили Соню сѣсть и задуматься.

— Господи, какъ я ее люблю, вздохнула она, — но и Тереша мнѣ съ каждымъ днемъ становится милѣе, что же мнѣ дѣлать?

— Хорошенько пообѣдай, она и успокоится. Веди начатое до конца, пора тебѣ быть женщиной, а не безхарактерной дѣвчонкой.

— Vous avez raison, il faut être femme avant tout, согласилась Соня, и не успѣла она договорить, какъ запыхавшаяся горничная вбѣжала съ извѣстіемъ.

— За женихомъ вашимъ послали!.. Ѳедоръ ливрею одѣлъ и пошелъ.

Соня и Полѣнова сошли внизъ и спрятались въ портьеру между залой и гостиной, гдѣ сидѣла Софья Васильевна.

Тереша не замедлилъ явиться. Застегнутый на всѣ пуговицы въ безукоризненномъ черномъ сюртукѣ, въ жемчужнаго цвѣта перчаткахъ со шляпой въ рукѣ онъ вошелъ, блѣдный и серьезный, и поклонившись, на мгновеніе оставилъ голову наклоненной, потомъ почтительно остановилъ глаза на лицѣ Софьи Васильевны.

Съ непріязненнымъ чувствомъ оглядѣла она его и, похлопывая ладонью по валику кресла, медлила заговорить; наконецъ, чуть-чуть приподнявъ плечи, сквозь зубы сказала ему:

— Прошу садиться.

Онъ сдѣлалъ два шага, положилъ куда-то шляпу, и вдругъ его высокая фигура легко, безшумно и красиво опустилась на полъ, головой къ ея ногамъ.

Смущенная неожиданностью Софья Васильевна откачнулась отъ него на креслѣ, но онъ подвинулся за ней и лицомъ коснулся ея ногъ.

— Встаньте, молодой человѣкъ, сказала она мягко зазвучавшимъ голосомъ.

Но не вставая, онъ тихо промолвилъ:

— Смилуйтесь надо мной.

Тогда она сказала еще мягче:

— Я ничего не имѣю противъ васъ.

Онъ поднялся и, склонивъ немного на бокъ голову, выразилъ всѣмъ лицомъ горячую мольбу.

— Люблю, непроизвольно вырвалось у него, и затѣмъ наступило молчаніе. Не совладѣвъ съ волненіемъ, онъ умолкъ, румянецъ покрылъ его щеки, грудь замѣтно поднималась отъ сильнаго дыханія, и ни одного слова онъ не могъ больше сказать. Софья Васильевна грустно улыбнулась глазами, указавъ ими на стулъ, и онъ поспѣшно сѣлъ, не отводя отъ нея просящаго взгляда.

— Вы куда-то уѣзжали? спросила она тономъ, какимъ разговариваютъ съ гостями.

— Въ Самарской губерніи пробылъ семь мѣсяцевъ, отвѣтилъ онъ несовсѣмъ свободно, но при дальнѣйшихъ ея вопросахъ объ урожаѣ, цѣнахъ на рожь и землю понемногу овладѣлъ собой, давая ей подробныя объясненія, даже увлекся описаніемъ своей поѣздки.

— Долго на родинѣ не побываешь, такъ словно каждый кустикъ говоритъ и кланяется, и все обвѣяно такимъ привѣтливымъ спокойствіемъ, что, кажется, лучше и мѣста нѣтъ на всей землѣ. По вашимъ владѣніямъ проѣзжалъ, и много думалъ. Какія громадныя затраты дѣлали ваши предки въ виду прочности возводимыхъ построекъ: изъ одного фундамента подъ желѣзной рѣшеткой вокругъ усадьбы можно

домъ выстроить. И думалъ я, что приходилось бы и мнѣ чистить ваши дорожки или конюшни, а теперь... Съ виноватой улыбкой онъ блеснулъ синеватыми бѣлками въ ея сторону:—какъ я понимаю, что слишкомъ многаго хочу...

— Арендатора моего вы не встрѣчали?

— Слышалъ о немъ. Въ очень плохомъ состояніи держитъ ваше имѣніе.

И онъ распространился о поступкахъ арендатора.

По мѣрѣ того, какъ глаза Софьи Васильевны все снисходительнѣе на немъ останавливались, онъ охватывался веселымъ страхомъ: выдержитъ-ли какъ должно наплывающее счастье? Но рѣчь его становилась увѣреннѣе.

— Я не противлюсь волѣ дочери, сказала, наконецъ, Софья Васильевна, сдѣлавъ знакъ головой, что можно кончить разговоръ.

Съузивъ глаза, онъ глубоко передохнулъ, подошелъ къ ея рукѣ и вышелъ очень пристойно, но на улицѣ пробѣжалъ бѣгомъ мимо забора до своихъ воротъ и подсѣлъ на скамейку къ отцу.

Пантелей Акимычъ по привычкѣ проводилъ свободное время у калитки своего дома и одѣтъ былъ по случаю жары проще обыкновеннаго. На немъ была только низко подпоясанная русская рубашка съ темными крапинками по бѣлому полю и заправленные въ голенища плисовые шаровары.

Насмѣшливо лукавымъ взглядомъ смѣрилъ онъ такъ стремительно явившагося сына, продолжая напѣвать начатую пѣсенку:

Сова моя теща,
Синица сестрица,
Воробышекъ братецъ.

Тереша сорвалъ съ рукъ перчатки, свернулъ ихъ комочкомъ и бросилъ черезъ голову. Неудержимая рѣзвость заговорила въ немъ, кровь клокотала въ груди. Съ наслажденіемъ потянулъ онъ ноздрями пыльный уличный воздухъ, повелъ кругомъ блестящими глазами и хлопнулъ отца по колѣнкѣ.

— Поешь, батюшка, значитъ весело тебѣ, оно и кстати: я на Сонѣ Ярославцевой женюсь.

— У-у, куда хватилъ, сдѣлавъ губы кружочкомъ, протянулъ старикъ, да полно, такъ-ли оно? Небось, одни разговоры, ась? Ты, сынокъ, раньше времени ничему не радуйся, а то горчѣе горе будетъ, неодобрительно пошевелилъ онъ своей стрехой. Гордыня вѣдь сама-то, не отдастъ тебѣ ее.

— Отдастъ, сейчасъ сказала.

Схвативъ съ головы фуражку и держа ее на-отмашь лѣвой рукой, Пантелей Антипычъ перекрестился на небо.

— Ну, слава тебѣ, Іисусе Христе, сына вывелъ изъ темноты, не напрасно потрудился! — Онъ потянулся губами къ сыну, и они облобызались троекратно. — Для тебя, сынокъ, я жилъ, для тебя нажилъ, такъ мой приказъ тебѣ будетъ такой: застели ей глаза богачествомъ, чтобы не видѣла нашего мужичества, ты тоже свою гордость соблюди. А я какъ кротъ, мнѣ въ темнотѣ-то лучше, я, пожалуй, и не покажусь ей на глаза, взволнованный добавилъ онъ.

Тереша съ ласково шутливымъ смѣхомъ положилъ ему руку на плечо.

— Не трусь, старикъ, не обидитъ она тебя, почтеніе тебѣ окажетъ, я ручаюсь.

— Не, на што мнѣ ея почтеніе, я самъ постою у ея притолки, накланяюсь ей въ поясъ, съ пеленокъ только тому и учился. Со всякимъ моимъ удовольствіемъ поклонюсь, было бы кому, и тебѣ поклонюсь. Будь настоящимъ бариномъ, Тереха, ужъ коли Богъ тебя на такую линію навелъ. Баринъ и господинъ два слова совсѣмъ особливыя, тутъ разница немаловажная. Баринъ громко приказываетъ, серчаетъ, палку пускаетъ въ ходъ, либо кулакъ, по этимъ примѣтамъ сейчасъ видно, что онъ тароватъ и что есть изъ чего ему тароватымъ быть. А господинъ бочкомъ въ дверь пройдетъ, таково сладко поговариваетъ: „не желаете-ли? какъ вамъ угодно“, и значитъ, шарамыга онъ. И сколько этихъ господиновъ развелось, такъ упаси Боже. Господинъ фершелъ, господинъ урядникъ, господинъ веретинаръ, господинъ межевой — чуть живой...

— Ну, ну, обрадовался поговорить-то, съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Тереша. Когда ты меня отдѣлять начнешь, вотъ что лучше скажи.

— Хоть съ завтрашняго дня. А ты въ гору иди. Не будешь, сынокъ, идти въ гору, такъ безпремѣнно подъ гору покатишься; ужъ на что Ярославцевы богаты были, а скатились. За то нашъ баринъ въ полномъ своемъ званіи настоящій былъ баринъ,—не останавливалъ старикъ свою неодолимую, возбужденную радостью потребность говорить: А сама-то, небось видѣлъ, какая. Я ее махонькую помню и невѣстой помню. За полторы версты другъ отъ дружки ихъ усадьбы стояли, въ своей церкви и повѣнчались. Ѣдутъ, бывало, молодые и дорогу серебрятъ. Мѣшки у нихъ подъ ногами съ серебряными деньгами лежали. Она выставитъ ручку изъ коляски и посыпаетъ, посыпаетъ деньгами-то, сама смѣется. Деревень восемь этакъ проѣхали.

— Да будетъ тебѣ, ты совсѣмъ заговоришься, ласково перебилъ его Тереша.

Но не слушая его, отецъ съ блаженствомъ продолжалъ свои воспоминанія:

— И старъ, и младъ, и ребятишки бѣгутъ слѣдомъ, подбираютъ, и кто дальше пробѣжитъ, тотъ больше денегъ наберетъ. Можетъ, съ

*

ея легкой ручки я и нажился. Опять онъ снялъ фуражку, перекрестился, и съ дѣловымъ видомъ кивнулъ на заборъ сада: — Ты, когда женишься, распорядись подъ постройки садикъ-то срубить.

— Эка! Алчная твоя душа, родитель! Какъ-же я срублю садъ, если въ немъ счастье мое найдено? Ни на одинъ кустикъ рука не поднимется. А главное: вѣдь, это ея собственность, а не моя.

Въ глубокомъ раздумьѣ погладивъ бороду, Пантелей Акимычъ, повелъ далѣе свою рѣчь разсудительнымъ и грустнымъ тономъ:

— Я не то что алчный, а только я къ примѣру весь свой вѣкъ зданіе возвожу, и все по одному камушку, и ничего кромѣ этого самаго камушка, который у меня подъ рукой, либо въ рукѣ, не вижу я. Къ примѣру и садъ этотъ камушекъ для меня, и тоже годится мнѣ въ постройку, я и зарюсь на него, хочу въ руку взять. А ты кругомъ себя дальше видишь, ты учился, тебѣ оглядѣться можно и въ вышину, и въ ширину, и въ глубину. Вонъ ты какія мысли выговариваешь, а я тоже понять ихъ очень могу, когда услышу, только самъ не придумаю.

Тереша взялъ отца за локоть и насильно потащилъ домой.

XXV.

Когда Тереша вышелъ отъ Софьи Васильевны, изъ другой двери въ гостиную вбѣжала веселая Соня, и не вѣря, что все пришло къ благополучному концу, растерянно остановилась передъ матерью, закрывшей глаза рукой. Смѣшанное чувство нѣжной благодарности и состраданія къ ней смутной тревогой шевельнуло ея переполненное радостью сердце. Она почти безъ участія мысли дала свободу языку.

— Ну, вотъ, мама моя, теперь пойдетъ хорошая жизнь. У насъ будетъ огромный домъ, какой ты сама выберешь, на Итальянской или на Садовой, мы будемъ принимать, веселиться, много замѣчательныхъ людей насъ окружатъ, я выберу лучшаго изъ нихъ...

— Вѣдь ты ужъ выбрала! съ невольнымъ ужасомъ воскликнула Софья Васильевна.

И подошедшая проститься Полѣнова изумилась.

— Нѣтъ, братъ, никого больше не выберешь, не такой человѣкъ твой будущій мужъ, чтобъ отъ своихъ правъ отступиться; онъ вѣдь и по Домострою...

Дрогнувъ плечами, Софья Васильевна подняла безпомощный взглядъ на портретъ Вѣры, и глаза ея наполнились слезами.

Полѣнова, предвидя трогательную сцену и почувствовавъ себя лишней, проворно вышла, не прощаясь. Собравъ всю твердость своего

духа, мать велѣла сѣсть вконецъ смутившейся Сонѣ и съ непоколебимой увѣренностью сказала ей:

— Ты его не любишь. Провѣрь себя, дитя мое, пока не поздно.

— Мнѣ кажется, мамочка, что я его очень люблю.

— Если есть желаніе выбрать лучшаго, стало быть не любишь. Нельзя при такихъ условіяхъ выходить замужъ; подумай хорошенько! питаешь-ли ты къ нему безграничное уваженіе?

Соня подумала и сказала:

— Мамочка, я ему „цыцъ“ говорю.

— Ну, вотъ видишь. Да нѣтъ, это невозможно! Тебѣ нуженъ мужъ, какъ твой отецъ, изъ круга, къ которому ты принадлежишь по рожденію. Помоги мнѣ встать.

Съ трудомъ поднялась она и насилу дошла до своей комнаты; послѣднее усиліе надъ собою дорого ей обошлось.

— Когда ты будешь матерью, ты поймешь, какъ мнѣ больно теперь, со вздохомъ промолвила она. Лицо ея мгновенно потемнѣло.

Соня заплакала, припавъ къ ея рукѣ.

— Утѣшься, родная, я отъ него откажусь. Не будь такъ огорчена. Кого ты сама выберешь, за того и пойду.

Мать горячо расцѣловала ее и прижала слабѣющими руками къ сердцу.

— Не отдамъ я свою радость-Соню мужику.

— Никому не отдавай, я только тебя и люблю, тихо засмѣялась Соня, и вглядѣвшись въ дорогія опустившіяся очертанія ея лица, стала растегивать на ней лифъ. — Тебѣ надо лечь отдохнуть. Не зови горничную, мнѣ самой хочется тебѣ послужить, вели мнѣ всю жизнь ходить за тобой, королева моя, не нужно мнѣ жениховъ.

Говоря это, она съ нѣжной осторожностью раздѣла мать, приготовила постель и помогла ей лечь.

Софья Васильевна съ страдальчески насильственной улыбкой спросила ее:

— Ты не уйдешь, если я засну?

— Не отойду отъ тебя ни на секунду. Позвать тетю?

Соня рванулась къ двери, хотѣла позвать кого нибудь, но мать удержала ее.

— Ни шагу отъ меня! Я боюсь, что ты встрѣтишься тамъ съ нимъ, и опять... Дай твою руку.

И взявъ ея руку подъ одѣяло, она закрыла глаза.

Соня съ протянутой рукой наскоро присѣла на край низенькаго пуфа и въ самой неудобной позѣ оставалась неподвижной, чтобъ не обезпокоить мать. Она размышляла о счастьѣ посвятить ей свою жизнь, пожертвовать собой. Она представляла себя старой, смѣшной дѣвицей,

вродѣ одной изъ ея гувернантокъ, Клементины Францовны, и такой-же преданной, предупредительно услужливой, веселой. Была-же у ней неистощимая радость въ сердцѣ, если, несмотря на свое безобразіе и зависимое положеніе въ чужомъ домѣ, беззавѣтная веселость никогда ее не покидала, и доходила до экстазовъ въ дни посылки своихъ трудовыхъ денегъ матери и полученія писемъ отъ нея. Вотъ и Соня подъ старость будетъ весела и счастлива одной любовью къ своей красавицѣ мамѣ.

Съ полчаса Соня не шевелилась. Ея вытянутая рука затекла и онѣмѣла въ рукѣ матери, тонкими иглами кололо плечо, но только что она хотѣла повернуться, ея невольное движеніе локтемъ встревожило мать.

— Куда ты, Соня?

— Никуда, никуда, я съ тобой, родная моя, будь покойна, я всю жизнь проведу только съ тобой. Позволь немного подвинуться, позволь позвонить.

Мать не отвѣтила. Чрезъ нѣсколько минутъ Соня осторожно привстала, стараясь, не шевеля взятой рукой, измѣнить нѣсколько положеніе тѣла, но мать испуганно открыла на нее свои измѣнившіеся, впалые глаза.

— Пусти-же на минуту, мама.

— Никуда не пущу, отрывисто сказала Софья Васильевна, не хитри лучше, не уйдешь отъ меня. Какъ могла ты допустить его до ухаживанья за тобой!

— Да не тревожься. Я ни за кого не выйду замужъ, только будь здорова. Возьми другую руку, мнѣ такъ неловко, и усни.

— А ты не выдернешь руки, если я засну?

Еще прошло нѣсколько времени тягостной неподвижности и душевной муки для Сони; во всемъ плечѣ ея ощущалась ломота, неловко подогнутая нога словно одеревенѣла, но она на это не обращала вниманія, лишь-бы мама покрѣпче заснула. Когда она проснется, можно повести ее въ садъ, усадить въ прохладной бесѣдкѣ, подать туда молока; это ее освѣжитъ. Она скоро поправится и попрежнему расцвѣтетъ, моложавая и граціозная: Господи, помоги ей!

Шли минуты томительнаго напряженія; Сонѣ хотѣлось переставить замлѣвшую ногу, но это оказывалось невозможнымъ безъ того, чтобы не тронулся пуфъ.

Вошла Луша доложить, что готово обѣдать, остолбенѣла при видѣ барыни въ постели, и опрометью бросилась исполнить приказаніе барышни по одному шопотомъ произнесенному слову:

— Тетю.

Сквозной вѣтеръ несся изъ окна въ незатворенную дверь, вздувая

Съ ослѣпительной роскошью какъ дворецъ отдѣланъ ея домъ, гдѣ, состоя членомъ и предсѣдательницей нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій, она задаетъ балы, концерты и спектакли въ пользу бѣдныхъ, а также и лично для себя. Ужъ у ней есть два прелестныхъ сына-близнеца, и въ свободные отъ выѣздовъ и пріемовъ часы она ласкаетъ ихъ безъ мѣры, рѣзвится съ ними, подниметъ возню, а когда ей это надоѣстъ, она кричитъ, топая ногами:

— Е-с-с-с-ли вы не перестанете шалить!

Порой прикрикнетъ она и на мужа, командуетъ, повелѣваетъ; капризамъ и причудамъ ея нѣтъ границъ, но стоитъ ему сурово сдвинуть брови, и она ласкающимъ, покорнымъ голосомъ спроситъ его:

— Ты очень недоволенъ, мой милый? Ничего, ничего мнѣ не нужно. Вели мнѣ всю жизнь дома сидѣть, запри меня, если хочешь, я въ твоей власти, мой милый.

Тогда онъ готовъ для нея сдѣлать все на свѣтѣ. По четвергамъ она проситъ его повезти ее „домой“ на Петербургскую сторону, и воображаетъ дорогой, что мамочка живетъ тамъ въ своемъ домѣ, ждетъ ее къ себѣ.

Сергѣй Павловичъ Рыбниковъ подъѣзжаетъ прямо къ своему заново отстроенному дому и проводитъ тамъ дѣловые два часа, а тѣмъ временемъ Софья Петровна обозрѣваетъ садъ, пройдя черезъ калиточку въ старомъ заборѣ, когда-то съ дозволенія мамочки продѣланную par ce pauvre vieux Пантелей Акимычъ, qui est mort lui aussi. Нюши нѣтъ; она вышла замужъ за купца и живетъ въ Саратовѣ. Флигеля нѣтъ, а подъ теткиной березой возвышаются двѣ могилки: бѣлой ангорской кошки и Культяпки. Крытая бесѣдка ежегодно починяется Федоромъ, который остался вмѣстѣ съ дѣвушкой Пашей служить тетѣ. Разросшійся Вѣрочкинъ тополь совсѣмъ заслонилъ верхнія окна, и ея бесѣдка, вызывающая такъ много воспоминаній, стала еще тѣнистѣе.

Скоро въ нѣмой тишинѣ заглохнетъ милый садъ. Некого будетъ ему укрыть въ своей росистой глубинѣ. Въ блескѣ догорающаго вечера некому будетъ упиваться благоуханіемъ пестрыхъ куртинъ. Забудетъ о немъ Софья Петровна тамъ, далеко, вездѣ, гдѣ только можно наслаждаться красотами природы и искусствъ подъ тяготѣніемъ любящихъ взглядовъ мужа.

Она поѣдетъ путешествовать. Тетѣ поручитъ она дѣтей на время своего отсутствія и водворитъ ее въ свой новый домъ вмѣстѣ съ дѣвушкой Пашей, которая очень усердно и преданно ухаживаетъ за постарѣвшей и часто прихварывающей госпожей, однако по прежнему доброй и веселой.

Тетя занимается изученіемъ исторіи, кончивъ свои записки для

потомства, и выбрала для себя бывшую комнату Луши, продолжающей служить Софьѣ Петровнѣ, внеся туда свою обстановку съ деревянными чашками и ложками, съ желѣзнымъ подсвѣчникомъ на покрытомъ клеенкой столѣ. Всѣ остальныя комнаты въ домѣ Софьи Васильевны сохраняютъ прежній характеръ, и въ нихъ по возможности поддерживается порядокъ, заведенный покойной барыней. По четвергамъ зажигаются въ нихъ люстры и канделябры, и въ гостиной подъ портретами Вѣры и Софьи Васильевны, Наталья Владиміровна принимаетъ и угощаетъ племянницу.

— Пусть все такъ и лежитъ, какъ она оставила, родная моя, съ медлительно величавыми пріемами своей матери дѣлаетъ свои распоряженія Софья Петровна: не трогать здѣсь ея начатую работу.

Сколько горькихъ и сладкихъ слезъ за это время пролила она надъ маминымъ рабочимъ столикомъ и множествомъ дорогихъ реликвій.

— Вотъ голубая шапочка, которую она связала для меня, когда мнѣ было восемь лѣтъ, а я хотѣла розовую, а эту пробовала разорвать... Стулъ, на который она меня тогда посадила за капризы... Какъ она меня любила! А я ее все ревновала къ умершей Вѣрочкѣ. Помнишь, тетя, какъ она меня томила за шитьемъ вотъ здѣсь, у своего столика... Я поцѣлую ея столикъ.

— Не плачь, дѣточка, вѣдь она не любила этого.

— Не буду, тетя. А здѣсь я встала передъ ней на колѣни, послѣ того какъ ты меня научила, что дѣлать. Какъ она была счастлива, голубка моя! Поцѣлуй меня, тетя. Знаешь, мнѣ кажется, что она сейчасъ войдетъ и снисходительно засмѣется, и скажетъ: „дурочка моя“. Право, я слышу ея голосъ, слышишь? „Гдѣ моя радость—Соня“? То-то приласкаетъ меня послѣ долгой разлуки, то-то мы наговоримся съ ней... Тебѣ она никогда не представляется? Она здѣсь, она въ своей комнатѣ... Мама моя!

Вся охваченная тихой грустью, съ томнымъ и влажнымъ взоромъ Софья Петровна нѣжно припадала къ плечу входившаго за ней мужа и позволяла себя увести.

Въ минуты такого настроенія ею овладѣвало желаніе сочинить стихи, но лишь бралась она за перо и бумагу своими бѣленькими, блистающими брилліантами на кольцахъ и браслетахъ ручками, какъ ей докладывали о пріѣздѣ гостей. Рѣшительно некогда было думать о поэзіи: пріемы, выѣзды, вечера, обѣды, рауты, театръ... А сколько времени уходило на измышленіе и созиданіе новыхъ туалетовъ!

И Елена Михайловна Полѣнова-Гроховская послѣ замужества оставила всякую мысль о литературѣ, не смотря на то, что Сергѣй Павловичъ Рыбниковъ былъ во всякое время не прочь исполнить свое обѣщаніе выдать капиталъ на изданіе журнала „Вѣра“. Елена Михайловна

серьезно вознамѣрилась посвятить себя медицинѣ и сдать въ Парижѣ экзаменъ на врача.

Въ спокойной, мягкой обстановкѣ она охотно носитъ мягкіе, широкіе капоты. Она пополнѣла. Утратившія проворство движенія ея не лишены небрежной, плавной нѣги, и рѣчь ея стала нетороплива; она говоритъ, придавая вѣсъ своимъ словамъ. Съ мужемъ она ладитъ, изрѣдка обмѣниваясь полушутливыми препирательствами по поводу обѣдающей вмѣстѣ съ ними дочери Вѣрочки. Отецъ морщитъ свой прямой носъ, находя, что она мила родительскому сердцу, даже когда ѣстъ руками, но думаетъ, что, ради постороннихъ слѣдовало бы внести нѣкоторую культуру въ ея обычаи, и на это супруга ему возражаетъ, что если онъ только ради другихъ заботится о дочери, то въ будущемъ лишится права быть отцомъ. И вслѣдъ затѣмъ она вскользь дѣлаетъ замѣчаніе дочери:

— Я бы на твоемъ мѣстѣ, Вѣрочка, взяла на вилку рыбу, благо это орудіе изобрѣтено очень давно.

Малютка только ее и слушается.

Свой будуаръ Елена Михайловна устроила между дѣтской и комнатой Аграфены Ерофеевны, у которой висятъ портреты высокочтимыхъ архипастырей и стоятъ на окнахъ горшки фуксій и герани, а столъ заваленъ невыглаженнымъ бѣльемъ, такъ какъ она вмѣнила себѣ въ непремѣнную обязанность все въ домѣ штопать и чинить. Она съ тѣмъ лишь условіемъ согласилась поселиться у сына, чтобы онъ ее не называлъ матерью.

— Мнѣ это будетъ въ укоръ, увѣряла она. Все равно, что въ глаза мнѣ плюнуть, если матерью меня назвать. Не надоть этого. Знать я его не знала, вспоминать о немъ правъ не имѣла, такъ нешто я мать? Экономка и больше ничего: кулебяку спеку такую, что объѣдѣнье, драчену спроворю: любо-два! Только совсѣмъ я не мать.

Она ужъ не толчетъ воду на воеводу, что всегда тяготило ея совѣсть, и доподлинно нѣтъ у ней теперь въ мысляхъ „ничего такого“, потому что весь день, чувствуя довольство во всемъ тѣлѣ, она занимается полезнымъ дѣломъ. При встрѣчѣ съ ней Гроховскій мягко улыбается:

— Какъ поживаете, Аграфена Ерофеевна?

— Вашими милостями, Алексѣй Николаичъ, живу, хлѣбъ жую, отвѣчаетъ она съ поклономъ.

— Она, положительно, нравственная, личность, отзывается о ней Елена Михайловна, сдавшая ей все хозяйство, къ которому у самой нѣтъ ни охоты, ни умѣнья, да и времени не достаетъ.

Гроховскіе охотно бываютъ на вечерахъ Софьи Петровны Рыбниковой, съ которой Елена Михайловна любитъ вспоминать старое время.

— Помнишь, Соня, какъ за тобой ухаживалъ мой мужъ?

Софья Петровна озарится широкой улыбкой съ ямочками на розовыхъ щекахъ, погрозитъ Гроховскому тонкимъ пальчикомъ и прыснетъ веселымъ смѣхомъ.

— А Кузмина помнишь? Ты была причиной его самоубійства. Вся цѣль его жизни состояла въ томъ, чтобы дождаться твоей взаимности, для того онъ и стремился разбогатѣть. Во всемъ ему везло, а онъ все-таки застрѣлился въ день твоей свадьбы. Неужели тебѣ не жаль его?

Пожавъ плечами, Софья Петровна холодно возражаетъ:

— Онъ имѣлъ безтактность сдѣлать мнѣ предложеніе чуть-ли не надъ трупомъ моей матери; достаточно этого, чтобы оттолкнуть отъ себя и влюбленную дѣвушку, а мнѣ онъ никогда не нравился, и это я высказывала ему. Чѣмъ же я виновата?

— И Монументовъ, по всѣмъ даннымъ, изъ любви къ тебѣ погибъ.

— Ne m'en parlez-pas!

Два раза въ годъ, всей компаніей, съ мужемъ, съ тетей, съ Еленой Михайловной и Гроховскимъ, Софья Петровна отправляется въ Сергіевскую лавру, гдѣ покоится прахъ Софьи Васильевны Ярославцевой въ богатомъ мраморномъ склепѣ, рядомъ съ Вѣрочкой и папой. На памятникѣ, на половину скрытомъ подъ неувядаемыми вѣнками, передъ свѣжимъ снимкомъ съ Мадонны великаго мастера, въ которой она находила сходство съ матерью, горитъ неугасимая лампада за стекломъ. Съ неземнымъ выраженіемъ въ ясныхъ, голубыхъ глазахъ, съ благоговѣйнымъ шепотомъ Софья Петровна простираетъ къ нему руки: — Мама моя, мадонна моя... И граціозно опускаясь на колѣни, она ударяетъ себя кулачкомъ въ перси, какъ это дѣлали, молясь, ея гувернантки-француженки:

— Господи! Не лиши ее царства небеснаго и сотвори ей вѣчную память.

А. Винницкая.

ДВѢ ЭЛЕГІИ.

I.

Безсонная полночь паритъ надо мной,
Звенятъ ея крылья чуть внятно.
Забывшись, читаю строку за строкой,
А сердце далеко и полно тоской
О томъ, что прошло безвозвратно.

И грезой безумной душа плѣнена:
Что̀ если измѣна любимой
И горе мое — только призраки сна?
Вотъ шумно впорхнетъ въ эти двери она
И спроситъ: ты плакалъ, родимый?

— Мой другъ, я скажу, тяжкій сонъ я видалъ.
Мнѣ снилось, что ты измѣнила...
Мнѣ снилось: межъ тѣмъ какъ одинъ я страдалъ,
И смерти у неба просилъ, и рыдалъ,
Ты счастье другому дарила...

Прильнетъ она съ ласковымъ смѣхомъ ко мнѣ
И вскрикнетъ: не стыдно-ль, мой милый!
Какъ могъ ты забыть, хоть-бы только во снѣ,
Тѣ рѣчи, что шепчемъ въ ночной тишинѣ,
Тѣ клятвы любить до могилы!

Такъ въ полночь, безумною грезой плѣненъ,
Я самъ создаю сновидѣнья.
Увы! Если горе мое — тяжкій сонъ,
То съ жизнью лишь вмѣстѣ разсѣется онъ,
И нѣтъ отъ него пробужденья!..

II.

Въ страданьяхъ гордость позабывъ,
Я гнулъ колѣни предъ тобою
И длилъ униженной мольбою
Давно свершившійся разрывъ.
Въ какой-то призрачной надеждѣ
Шепталъ я нѣжныя слова,
Такъ много значившія прежде,
Теперь понятныя едва...

Но между тѣмъ какъ я устами
Взывалъ о жалости къ тебѣ,
Въ мечтахъ молился я судьбѣ,
Чтобъ ты не тронулась мольбами,
Чтобъ горе бурное зажгло
Мой духъ, коснѣющій въ покоѣ,
Чтобъ чувство, все равно какое,
Хоть разъ всю душу потрясло,
Чтобъ опьянѣлъ я, чтобъ забылся
Отъ гнета вѣчной пустоты!

Судьбѣ недаромъ я молился:
Моимъ слезамъ не вняла ты...

Н. Минскій.

КАКЪ МЫ СУДИЛИ.

(Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя).

> Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ?
> (Изъ Записки Тверскаго Губернскаго Комитета по освобожденію крестьянъ).

Одинъ изъ нашихъ выдающихся публицистовъ, указывая на то, какое важное значеніе имѣютъ для оцѣнки дѣятельности суда присяжныхъ, все еще обрѣтающагося не въ авантажѣ, достовѣрныя свѣдѣнія о мотивахъ ихъ вердиктовъ, справедливо замѣчаетъ, что «на обязанности присяжнаго, сколько нибудь владѣющаго перомъ, лежитъ оглашеніе впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ залы суда и изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ» [1]). Въ исполненіе этой обязанности считаю не лишнимъ подѣлиться съ публикою своими впечатлѣніями, вынесенными изъ недавней сессіи одного центральнаго окружнаго суда.

I.

Въ половинѣ января я получилъ отъ предсѣдателя коммисіи по составленію списка присяжныхъ засѣдателей извѣщеніе о внесеніи меня въ списокъ очередныхъ присяжныхъ на октябрь мѣсяцъ. Октябрь мѣсяцъ былъ для меня неудобенъ, и я попросилъ предсѣдателя окружнаго суда перевести меня на другую сессію. Просьба моя была удовлетворена безъ затрудненія. Признаться, я не безъ нетерпѣнія и даже нѣкотораго внутренняго волненія ждалъ результата жребія. Вотъ уже лѣтъ шестнадцать, какъ я наблюдаю и соприкасаюсь съ судомъ присяжныхъ. Въ качествѣ адвоката, газетнаго репортера, публициста, я прослушалъ и изучалъ массу дѣлъ, рѣшенныхъ присяжными, причемъ уваженіе мое къ этому институту росло и укрѣплялось, по мѣрѣ озна-

[1]) См. общественную хронику «*Вѣстника Европы*» 1890 г. № 4.

комленія съ дѣятельностью этого мірового института. Только теперь [1]) впервые мнѣ представлялась возможность проникнуть, такъ сказать, за кулисы этого высшаго учрежденія или, вѣрнѣе, въ святую святыхъ совѣщательной комнаты, гдѣ свершаются тайнодѣйствія отправленія суда общественной совѣсти. Къ счастью, жребій оказался для меня благопріятнымъ; я вызванъ былъ въ судъ.

Среди присяжныхъ у меня почти не оказалось ни одного знакомаго. Составъ присяжныхъ былъ почти исключительно интеллигентно-чиновничій: къ нему принадлежало человѣкъ 20; человѣкъ 10 было изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, 1 былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, 2 отставныхъ полковника, 2 педагога, 2 юриста, 2 инженера, 2 провизора. Съ точки зрѣнія образовательнаго ценза составъ былъ изъ лучшихъ. Даже крестьяне оказались съ очень порядочнымъ образованіемъ и со всѣми наружными признаками «цивилизаціи» (черная пара, чистое бѣлье, носовой платокъ и пр.). Одинъ изъ нихъ въ особенности производилъ хорошее впечатлѣніе. Дѣтство этого крестьянина прошло среди мрачныхъ картинъ добраго стараго времени крѣпостной зависимости, не оставившихъ, однако, никакихъ дурныхъ слѣдовъ на его душѣ. Судьба его забросила въ Москву, гдѣ онъ научился ремеслу. Подъ вліяніемъ любящей образованной жены уже по двадцатому году онъ сталъ учиться грамотѣ и занялся самообразованіемъ. Благодаря природнымъ способностямъ и трудолюбію, оно пошло такъ успѣшно, что нашъ крестьянинъ-самоучка почти осуществлялъ искомый народниками идеалъ «синтетическаго мужика»: сохранивъ первоначальную простоту нравовъ и физическое здоровье, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ вкусъ къ высшимъ духовнымъ наслажденіямъ, научно-литературнымъ и эстетическимъ. И при всемъ этомъ нашъ «интеллигентный мужичекъ» отличался необыкновенною скромностью, не всегда встрѣчающейся у даровитыхъ самоучекъ, и удивительною гуманностью.

Затѣмъ остался у меня въ памяти образъ одного злющагося желчнаго геморроидальнаго купчины, буквально безпощаднаго ко всѣмъ подсудимымъ, и еще одного молодого техника—олицетвореніе кротости и мягкости; одного военнаго съ фигурою Бетрищева, довольно ограниченнаго и крайне не твердаго въ своихъ мнѣніяхъ. Въ общемъ-же у меня сохранилось самое отрадное воспоминаніе о моихъ случайныхъ товарищахъ: огромное большинство ихъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдило за ходомъ дѣлъ и дѣйствительно стремилось приложить «всю силу своего разумѣнія для тщательнаго разсмотрѣнія дѣлъ», какъ гласитъ присяга, и справедливаго рѣшенія ихъ.

[1]) Только въ послѣдніе три-четыре года стали вносить въ списки присяжныхъ — присяжныхъ повѣренныхъ. Раньше считалось это неудобнымъ, хотя въ законѣ на этотъ счетъ не было ни прямого воспрещенія, ни разрѣшенія.

II.

Хотя присяжные и вызывались къ $10^1/_2$, но не ранѣе 12 пригласили насъ въ залъ судебнаго засѣданія. Не явились двое извѣстныхъ московскихъ богачей. Оба они оказались выбывшими заграницу. Судъ оштрафовалъ обоихъ на сто рублей, принявъ на видъ, что они оба, получивъ предварительное извѣщеніе, не озаботились о переносѣ ихъ въ другой періодъ засѣданій.

При полномъ комплектѣ очередныхъ присяжныхъ (запасныхъ почти всегда увольняютъ) началось слушаніе *перваго* дѣла о грабежѣ. Стороны правомъ отвода не воспользовались. Первымъ изъ урны вышло мое имя, и, быть можетъ, отчасти благодаря этому случайному обстоятельству предложили мнѣ принять званіе старшины. Указывали, впрочемъ, и на то, что я, въ качествѣ юриста, легче справлюсь съ обязанностями этого званія. Но я наотрѣзъ отказался принять это званіе, ссылаясь на то, что принятіе мною обязанностей старшины можетъ дать поводъ къ несправедливымъ и незаслуженнымъ нареканіямъ на вердиктъ присяжныхъ. Старшиною былъ выбранъ старый чиновникъ, съ Владиміромъ на шеѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, отставной педагогъ.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли трое рецидивистовъ: лѣтъ 28 землекопъ съ отталкивающимъ, хищническимъ выраженіемъ лица безъ лѣваго уха; 22-хлѣтній парень, лишенный всѣхъ особенныхъ правъ — уже бывалый на судѣ, но, очевидно, не вполнѣ съ нимъ освоившійся и дико исподлобья озирающійся кругомъ; 17-тилѣтній невзрачный, болѣзненный на видъ, худой, зеленый, тщедушный мальчишка съ оловянными глазами. Дѣло было такъ: подвыпившій плотникъ взялъ женщину въ одномъ изъ трактировъ возлѣ петербургскаго шоссе. Его нагнали неизвѣстные ему люди и стали душить. Одному изъ нихъ онъ откусилъ ухо. Женщина окликнула дворниковъ. Двое грабителей разбѣжались, третій (безъ уха) былъ взятъ вмѣстѣ съ плотникомъ въ участокъ. Больнаго отправили въ больницу, а плотника — посадили за рѣшетку (въ виду откушенія имъ уха). Но затѣмъ дѣло приняло другой оборотъ, и вмѣсто дѣла объ увѣчьи (откушеніи уха), возникло дѣло о грабежѣ.

На судѣ потерпѣвшій, ссылавшійся на сильное опьяненіе, не могъ никого признать въ лицо, кромѣ одного, а именно того, у котораго онъ откусилъ ухо, и то только взглянувъ на ухо. Главною и единственною свидѣтельницею обвиненія была вышеупомянутая женщина легкаго поведенія, по указанію которой и были розысканы двое остальныхъ подсудимыхъ. Никто изъ нихъ на судѣ не сознался, а меньшой изъ подсудимыхъ, сознававшійся и на предварительномъ слѣдствіи и оговорившій другихъ, снялъ свой оговоръ, заявивъ, что сдѣлалъ его по злобѣ,

полагая, что онъ самъ по ихъ оговору привлеченъ къ дѣлу. Старшій же изъ подсудимыхъ говорилъ, что онъ хотѣлъ отнять «знакомую» ему женщину и что изъ-за этого произошла драка, во время которой у него откушено было ухо.

Прокуроръ *энергически* поддерживалъ обвиненіе, не видя или не желая видѣть никакихъ его слабыхъ сторонъ. Защитники, напротивъ, доказывали, что имѣющіяся данныя не заслуживаютъ никакого довѣрія. Одинъ изъ нихъ указывалъ на то, что потерпѣвшій, боясь отвѣтственности за откушеніе уха, со страху свелъ дѣло на самооборону. Защитникъ даже утверждалъ, что дѣлу данъ неправильный оборотъ, что на скамьѣ подсудимыхъ долженъ-бы сидѣть потерпѣвшій, совершившій бо́льшее преступленіе.

Но тутъ защитникъ былъ остановленъ предсѣдательствующимъ, сдѣлавшимъ замѣчаніе защитнику, тономъ крайне рѣзкимъ и запальчивымъ. Не избѣгъ столкновенія съ предсѣдателемъ и второй защитникъ, несмотря на свой смиренный и, можно сказать, подобострастный тонъ Онъ хотѣлъ разъяснить смыслъ сдѣланнаго предыдущимъ защитникомъ заявленія, не оконченнаго вслѣдствіе замѣчанія предсѣдателя. Но тутъ произошелъ второй «инцидентъ». Предсѣдатель, не поднимая головы и не отнимая руки отъ лица, процѣдилъ сквозь зубы:

— Вы, кажется, начинаете говорить обо мнѣ...

Резюмѐ не было почти вовсе сказано предсѣдателемъ не смотря на то, что это было первое дѣло, а между тѣмъ толково сказанное резюмѐ даже на присяжныхъ изъ юристовъ произвело-бы впечатлѣніе, если даже ничего новаго они ни слышали-бы въ немъ. А въ данномъ случаѣ было что разъяснять — и значеніе оговора и силу наказанія потерпѣвшаго и значеніе справки о судимости — не говоря ужъ о разъясненіи суровыхъ обязанностей судьи.

На что ужъ я не новичекъ былъ въ этомъ залѣ, не мало видѣлъ я и подсудимыхъ, и осужденій, а когда впервые пришлось увидѣть, въ патетическую минуту произнесенія послѣдняго слова, устремленные съ мольбою взоры подсудимыхъ, услышать напоминанія объ отсутствующихъ женѣ и дѣтяхъ—я чувствовалъ явно, что что-то дрогнуло внутри, что охотно-бы ушелъ отъ этой почетной, но суровой обязанности, словомъ, болѣзненно ощущалось, что не хватитъ мужества опустить занесенный уже мечъ правосудія... Громче всѣхъ вопилъ старшій изъ подсудимыхъ, даже на глаза старался онъ выжать неискреннюю слезу; да, «неискреннюю» — что чувствовалось сразу, а все-таки и онъ, и этотъ молчаливый сосѣдъ его по скамьѣ, усиленно замигавшій вмѣсто послѣдняго слова, и этотъ изнуренный юноша, пробормотавшій что-то невнятное—всѣ они казались глубоко несчастными.

Надѣваетъ-ли сумку неволя,
Неохота-ли взяться за трудъ,
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!..

Оно, конечно, не къ лицу судьѣ такъ «разчувствоваться», каюсь въ своей слабости, которой, какъ мнѣ передавали потомъ, заплатили дань и другіе присяжные, но не нужно забывать, что это было первое дѣло, такъ сказать, первая юридико-хирургическая операція. Впослѣдствіи мы стали безчувственнѣе, обтерпѣлись, стали черствѣть и привыкать къ своимъ обязанностямъ, къ своей тяжелой роли карателей...

Вошли въ совѣщательную комнату. У всѣхъ лица серьезныя, сосредоточенныя, почти суровыя и мрачныя. Тутъ въ тиши и уединеніи еще разъ и чуть не сильнѣе еще, чѣмъ тамъ, на людяхъ, почувствовали всѣ, какая это страшная власть право карать и миловать, именно теперь, когда отъ одного твоего слова зависитъ—получить-ли человѣку свободу или каторгу...

Долго никто не рѣшался прервать молчанія. Кто прогуливался, кто сидѣлъ, кто курилъ. Наконецъ, когда прошло первое возбужденіе и смущеніе, стали перекидываться односложными замѣчаніями, какъ-бы сказанными про себя.

Никто, однако, не рѣшался прямо высказать свое мнѣніе первымъ. Старались говорить околичностями. Многіе выражали сожалѣніе, что на первый-же разъ досталось такое трудное дѣло. (Инымъ это замѣчаніе можетъ показаться наивнымъ, но, право, оно не лишено нѣкотораго значенія, и едва-ли кто нибудь пострадалъ-бы, если-бы предсѣдающіе приняли его въ соображеніе).

Подходя ближе къ дѣлу, одинъ изъ присяжныхъ какъ-бы вскользь замѣтилъ.

— Не дай Богъ попасть подъ руку этакому... (намекъ на перваго подсудимаго съ отталкивающимъ лицомъ).

Старшина вторично прочелъ вопросы. Я все время молчалъ. Одинъ изъ присяжныхъ въ упоръ поставилъ мнѣ вопросъ.

— Вы юристъ, и намъ-бы интересно знать ваше мнѣніе.

Но я рѣшительно отказался пользоваться предложеннымъ пріоритетомъ и возразилъ, что если-бы законъ придавалъ значеніе въ подобныхъ дѣлахъ мнѣніямъ юристовъ, то рѣшеніе вопроса о виновности предоставилъ-бы судьямъ-юристамъ, а не призывалъ-бы присяжныхъ.

Мало-по-малу стали подходить ближе къ вопросу о виновности. Въ резюме своемъ предсѣдатель, между прочимъ, сказалъ, что присяжнымъ предстоитъ рѣшить—былъ-ли тутъ грабежъ или сцена ревности? Собственно съ этого пункта и началось обсужденіе. Одинъ или два голоса высказались за ревность, другіе возражали.

— Какая у нихъ бываетъ ревность, жена, что-ли? Да если-бы и ревность, то онъ ударилъ-бы ее, а не его.

Но и противъ грабежа раздавались голоса: «трактирной барышнѣ» не рѣшались дать вѣру, тѣмъ болѣе что неискренность ея была очевидна: она увѣряла, что ни съ однимъ изъ подсудимыхъ она не была близка, а между тѣмъ по ея подробнымъ указаніямъ были розысканы двое изъ подсудимыхъ.

Оставался потерпѣвшій, давшій искреннее, но запутанное показаніе. По его словамъ, онъ былъ сильно пьянъ; сколько у него было денегъ, какого онѣ были достоинства и гдѣ именно онѣ хранились, онъ не могъ хорошенько разъяснить. Онъ увѣрялъ, что въ рукѣ держалъ «трешницу» для нея, («вѣдь не жена-же она!») и такъ въ рукѣ и донесъ до участка. Между тѣмъ о деньгахъ этихъ ни слова никто не говорилъ, и даже представлялось невѣроятнымъ, чтобы при столкновеніи, во время котораго потерпѣвшій откусилъ даже ухо, онъ не разжалъ-бы кулака. Такимъ образомъ, представлялось крайне сомнительнымъ нахожденіе у потерпѣвшаго денегъ, а потому и ограбленіе, въ концѣ концовъ, нельзя было счесть доказаннымъ. Послѣ уясненія элементовъ вопроса, большинство склонялось въ пользу того мнѣнія, что первый изъ подсудимыхъ (относительно двухъ другихъ не было и разговора), хотя и напалъ, но не грабилъ. Будь въ вопросномъ листѣ вопросъ о покушеніи на грабежъ, быть можетъ, на него и отвѣтили-бы утвердительно, но при данной редакціи вопроса, всѣ единогласно отвѣтили отрицательно.

Само собою разумѣется, что я передаю лишь немногіе изъ оставшихся у меня въ памяти пунктовъ сужденія, а ихъ было гораздо больше, и дѣло, благодаря разбору съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ уяснилось подъ конецъ, что голоса подавались безъ малѣйшаго колебанія, и даже тѣ, которые въ первую минуту готовы были поддаться дѣйствію неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго подсудимыми и справкою о судимости (одинъ изъ присяжныхъ, изъ купцовъ, съ самаго начала такъ и заявилъ на прямки, что разъ судился, значитъ, и теперь виноватъ) охотно присоединились къ единогласному оправдательному вердикту.

На судъ нашъ вердиктъ, повидимому, не произвелъ неблагопріятнаго впечатлѣнія. Но прокуроръ, очевидно, былъ раздосадованъ. При разсмотрѣнія второго, тоже кончившагося оправданіемъ, и третьяго дѣла — я былъ отведенъ; всѣ присяжные были этимъ непріятно удивлены. Очевидно, прокуроръ считалъ меня главнымъ виновникомъ своей неудачи, но онъ сильно ошибался, что и доказали два послѣдующихъ дѣла, разбиравшіяся безъ моего участія [1]).

[1]) Въ послѣдующіе дни, впрочемъ, хладнокровіе вернулось къ этому прокурору, и

III.

Второе дѣло, на которое я попалъ въ качествѣ запасного засѣдателя, принадлежало къ той категоріи, которая наичаще даетъ поводъ къ жалкимъ ламентаціямъ по поводу присвоенія присяжными права помилованія, оправданія завѣдомыхъ преступниковъ, словомъ къ извѣстнымъ декламаціямъ на тему: fiat justitia, pereat mundus.

Дѣло было самое простое. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ юноша лѣтъ 17, сирота, оберъ-офицерскій сынъ. Судился онъ за растрату 6 р. 80 коп., совершенную *пять* лѣтъ тому назадъ. Деньги эти были довѣрены ему хозяиномъ въ конвертѣ для передачи. Онъ вскрылъ пакетъ. Деньги, частью пропилъ—частью потерялъ. Послѣ совершенія преступленія онъ уѣхалъ изъ Москвы на заработки. Лѣтъ пять служилъ въ экономіи гдѣ-то въ Бессарабіи и оттуда-то былъ вытребованъ въ Москву, чтобы дать отвѣтъ за старый свой грѣхъ. Молодой адвокатъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, въ коротенькой, но теплой рѣчи выяснилъ присяжнымъ, какому риску подвергаютъ они юношу, уже ставшаго, повидимому, на хорошую дорогу, если его, по формальнымъ соображеніямъ, сочтутъ нужнымъ наказать за давно-прошедшій проступокъ и этимъ способомъ привести въ соприкосновеніе съ растлѣвающей тюремной средою. Наука уголовнаго права и законъ, сказалъ защитникъ, даже простое нераскрытіе виновниковъ въ теченіи извѣстнаго времени считаетъ основаніемъ для погашенія уголовнаго взысканія; тѣмъ болѣе въ глазахъ суда совѣсти можетъ служить основаніемъ для оправданія продолжительная безупречная трудовая жизнь [1]).

Вопреки ожиданію, совѣщаніе присяжныхъ длилось довольно долго. Какъ впослѣдствіи мнѣ передавали, большинство, нужное для оправданія, давно уже съ избыткомъ было образовано, но только одинъ отставной военный никакъ не могъ взять въ толкъ, что можно оправдать, несмотря на наличность сознанія подсудимаго.

— Я тоже былъ судьею, горячился сѣдовласый воинъ, и разъ сознался: шабашъ—виноватъ!

онъ меня болѣе не отводилъ, а присяжные, настойчиво уговаривали меня сдѣлаться старшиною, и я согласился.

[1]) Замѣтимъ кстати, что новѣйшее движеніе въ уголовномъ правѣ идетъ еще дальше въ этомъ направленіи и предоставляетъ суду постановленіе *условнаго осужденія*, приводимаго въ исполненіе имъ лишь по истеченіи извѣстнаго времени, впродолженіи котораго подсудимый такъ сказать выдерживаетъ искусъ. Таковъ, напр., бельгійскій законъ 31-го мая 1888 г., въ силу котораго тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ можетъ быть пріостановлено до 5 лѣтъ, и если втеченіи этого времени подсудимый не совершитъ болѣе или менѣе важнаго преступленія (crimes et délits) то приговоръ теряетъ всякую силу. (См. Труды Пенитенціар. ком. Петер. Юрид. Общ.).

Не знаю, уломали-ли упрямаго формалиста или оправдали подсудимаго 11 голосами, только военный присяжный наравнѣ съ другими принялъ участіе въ денежномъ сборѣ въ пользу подсудимаго.

Нужно было видѣть, какимъ изумленіемъ и радостнымъ умиленіемъ озарилось лицо бѣднаго и блѣднаго юноши. Изъ глазъ закапали хорошія слезы. Кто знаетъ, это гуманное отношеніе присяжныхъ, это неожиданно оказанное вспомоществованіе, быть можетъ, дѣйствительно спасло человѣка, находившагося на волосъ отъ окончательнаго паденія?

Ригористы формы совсѣмъ иначе будутъ разсуждать, но нужно сожалѣть, что этотъ вопросъ, едва ли не намѣренно, старательно обходится предсѣдателями въ ихъ резюме. Правда, въ судебной практикѣ существуетъ направленіе, отрицающее у присяжныхъ право на оправданіе при наличности сознанія подсудимыхъ, но взглядъ этотъ лишенъ, какъ превосходно доказалъ одинъ изъ видныхъ представителей прокуратуры, не только научнаго, но и легальнаго основанія; нашъ новый уголовный процессъ не налагаетъ такого формальнаго ограниченія даже на коронный судъ, а тѣмъ паче на судъ присяжныхъ [1]).

Третьимъ дѣломъ была мелкая кража 40-лѣтней бабы, уже осужденной за три кражи. Она была безъ мѣста и стащила ватное одѣяло, но была поймана, когда перелѣзала черезъ заборъ. Мѣсяцевъ 6 она содержалась подъ стражею. На судѣ она чистосердечно созналась и все-таки выслушала довольно жесткій и не совсѣмъ понятный окрикъ предсѣдателя:

— Что же намъ съ вами дѣлать?

За оправданіе было всего только два голоса: молодой техникъ находилъ, что за ватное одѣяло, да вдобавокъ возвращенное хозяину, довольно и предварительнаго 6-тимѣсячнаго ареста. Остальные голоса, въ виду рецидива, стояли за обвиненіе съ снисхожденіемъ. Приговоръ суда объ отдачѣ въ арестантскіе роты на $1^1/_2$ года всѣ единогласно нашли не въ мѣру строгимъ.

Затѣмъ судилась кухарка, укравшая у одной женщины легкаго поведенія разныя принадлежности туалета. Въ виду запирательства подсудимой не было дано даже снисхожденія. Большая часть совѣщанія ушла на возможно справедливое опредѣленіе стоимости похищеннаго (болѣе или менѣе 300 руб.), играющее важную роль при опредѣленіи наказанія. Высказано было однимъ присяжнымъ мнѣніе, чтобы старыя вещи цѣнить какъ новыя, въ виду того, что потерпѣвшій долженъ былъ вмѣсто покраденнаго завести новыя, но взглядъ этотъ признанъ былъ всѣми другими несправедливымъ и оцѣнка производилась по дѣйствительной стоимости.

---

[1]) См. «Юрид. Вѣст.» 1880 № 10. Хроника угол. суда. «Оправд. вердикты при наличности сознанія».

IV.

По двумъ послѣдующимъ дѣламъ впервые выступило во всей своей серьезности значеніе правильной постановки вопросовъ. Какъ извѣстно, одною изъ причинъ, вызывавшихъ и отчасти вызывающихъ неожиданные и не вполнѣ согласные съ сужденіемъ присяжныхъ вердикты, — это неудачная постановка вопросовъ. Очень часто присяжные не могутъ вполнѣ сознательно формулировать свой вердиктъ въ тѣсныхъ рамкахъ поставленныхъ имъ вопросовъ. Для устраненія этого неудобства и издана была новелла (ст. 762 уст. уг. суд. по прод. 1886 г.), предоставившая присяжнымъ *право* просить судъ о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ. Но къ сожалѣнію, со стороны суда осуществленіе этого права далеко не встрѣчаетъ желательнаго содѣйствія, а тѣмъ менѣе поощренія. Нѣкоторые изъ предсѣдателей даже вовсе не сообщаютъ присяжнымъ объ этомъ принадлежащемъ имъ правѣ, а если кто изъ присяжныхъ, поборовъ столь естественную для нихъ, непривыкшихъ къ публичному судоговоренію, робость и замѣшательство, и заявляетъ не совсѣмъ умѣло о своемъ желаніи поставить новый вопросъ, то такое заявленіе встрѣчается судомъ далеко не сочувственно. Даже по замѣчаніямъ сторонъ далеко неохотно исправляется редакція вопросовъ до утвержденія ея судомъ, а тѣмъ болѣе по утвержденіи ихъ. Между тѣмъ необходимость постановки новыхъ вопросовъ можетъ для присяжныхъ выясниться лишь въ совѣщательной комнатѣ, когда они приступаютъ къ постановкѣ рѣшенія. Такъ что въ большинствѣ случаевъ можно ждать отъ присяжныхъ требованія постановки новыхъ вопросовъ лишь послѣ удаленія ихъ въ совѣщательную комнату, такъ какъ только здѣсь и можетъ выясниться, раздѣляется это желаніе большинствомъ присутствія присяжныхъ, или нѣтъ. А если это такъ, то, казалось-бы, судъ долженъ охотно идти на встрѣчу желанію присяжныхъ поставить новый вопросъ, желанію, высказанному, послѣ предварительнаго совѣщанія, въ виду того, что оно служитъ вѣрнымъ признакомъ недостаточности поставленныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ этого не видно. Халатность-ли, рутинное-ли отношеніе къ дѣлу, почти неизбѣжное для профессіональныхъ судей, тому причиной или излишняя самонадѣянность ихъ—только судъ всегда отказывалъ въ ходатайствѣ о постановкѣ новаго вопроса, оправдываясь ничего не объясняющею, но все прикрывающей формулой, что вопросы не вытекаютъ будто-бы изъ существа, т. е. обстоятельствъ дѣла.

Благодаря такому отношенію къ дѣлу юристовъ-техниковъ, дважды пришлось присяжнымъ вынести не тѣ вердикты, которые считали они соотвѣтствующими истинѣ и именно существу дѣла. По одному дѣлу

судился сапожникъ, пропившій сапоги, взятые имъ въ мастерской, гдѣ онъ работалъ. Присяжные находили несогласнымъ съ истиною обвинить въ *тайномъ* похищеніи, какъ стояло въ вопросѣ, такъ какъ, хотя сапоги и были взяты въ отсутствіи хозяина, но они были на рукахъ у рабочаго. Присяжные склонялись къ признанію проступка если не вполнѣ, то очень близко подходящаго къ растратѣ. Выйдя изъ совѣщательной комнаты, присяжные заявили о встрѣченномъ недоумѣніи и просили о дополненіи вопроснаго листа. Но предсѣдатель заявилъ, что, если присяжные признаютъ, что похищеніе не было «тайное», то они должны оправдать. Но сконфуженные присяжные не желали полнаго оправданія, и пришлось имъ обвинить подсудимаго въ кражѣ, т. е. въ томъ, въ чемъ признавали раньше несправедливымъ обвинить подсудимаго. Объ этомъ неудачномъ вердиктѣ присяжные не разъ вспоминали впослѣдствіи съ сожалѣніемъ.

Другое дѣло, по которому присяжные просили о постановкѣ вопроса, было дѣло о похищеніи 25 мѣшковъ пробки. Предварительное слѣдствіе, вообще неудовлетворительно производимое, было особенно плохо по этому дѣлу. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли дворникъ дома, гдѣ былъ складъ пробокъ, и дворникъ сосѣдняго дома. Противъ послѣдняго, человѣка съ безукоризненнымъ прошлымъ и хорошими аттестатами (хозяинъ не разсчиталъ его даже послѣ возникновенія настоящаго дѣла и явился на судъ свидѣтельствовать въ его пользу), была единственная улика—нахожденіе въ дворницкой нѣсколькихъ мѣшковъ изъ-подъ пробокъ. Подсудимый объяснялъ, что мѣшки эти, какъ ненужные, получилъ онъ отъ сосѣдняго дворника и собирался отправить ихъ въ деревню. Объясненіе это казалось весьма правдоподобнымъ и, за неимѣніемъ другихъ уликъ, не могло быть и рѣчи объ обвиненіи этого дворника.

Противъ другого подсудимаго, дворника при складѣ, тоже не было никакихъ уликъ въ похищеніи пробокъ, но были нѣкоторые, хотя и слабые, намеки на то, что, если онъ и не похищалъ пробки, то, быть можетъ, имѣлъ выгоду отъ похищенія ихъ другимъ [1]). Присяжные также и по этому дѣлу просили о постановкѣ новаго вопроса по признакамъ укрывательства, попустительства или недонесенія, но судъ, согласно своей стереотипной формулѣ, отказалъ въ постановкѣ вопроса, находя, что онъ не вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла. Послѣ этого единогласно былъ оправданъ и второй изъ подсудимыхъ.

По одному дѣлу обнаружилось, что присяжные признаютъ иногда весьма цѣлесообразнымъ, оправдывая подсудимаго, дѣлать ему торжественное предостереженіе или внушеніе. Несовершеннолѣтній сапож-

[1]) Изъ объясненія потерпѣвшаго было видно, что гораздо съ бо̀льшимъ удобствомъ могъ похитить и сбыть пробки прикащикъ, ходившій въ складъ. Онъ и былъ уволенъ хозяиномъ по подозрѣнію, но къ дѣлу не былъ привлеченъ.

никъ стащилъ у своего хозяина, тоже несовершеннолѣтняго, сапоги и квитанцію на заложенные пиджакъ и пальто хозяина. Послѣднія вещи были выкуплены, такъ какъ квитанція была именная. Кражу документа, серьезность которой и не могъ понимать подсудимый, присяжные признали невозможнымъ вмѣнить ему въ вину. Что-же касается похищенія сапогъ, то хотя оно не подлежало сомнѣнію, но въ виду исключительныхъ смягчающихъ обстоятельствъ (хозяинъ вмѣстѣ съ работникомъ покучивали), рѣшено было оправдать его. Одинъ изъ присяжныхъ, не возражая противъ оправданія, предложилъ просить судъ, чтобы онъ сдѣлалъ подсудимому внушеніе о томъ, что присяжные простили его по несовершеннолѣтію и по случаю имѣющаго быть на другой день большого праздника. Нѣсколько голосовъ поддержало это предложеніе. Послѣ провозглашенія вердикта и резолюціи суда, старшина заявилъ о желаніи присяжныхъ, чтобы подсудимому сдѣлано было внушеніе. Предсѣдатель отвѣтилъ, что онъ самъ считаетъ невозможнымъ этого сдѣлать (если не ошибаюсь, попытки такого рода были признаны сенатомъ несогласными съ закономъ), но не препятствуетъ присяжнымъ самимъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Тогда иниціаторъ этого предложенія (отставной военный) подошелъ къ подсудимому и сказалъ ему нѣсколько словъ, довольно безтолково, на вышеуказанную тему о значеніи праздника. Сцена вышла не изъ удачныхъ. Если дѣлать внушеніе, то нужно его дѣлать въ внушительной формѣ, могущей запечатлѣться въ умѣ подсудимаго.

Если не считать этого единственнаго случая съ присяжнымъ изъ военныхъ, то вообще всѣ дѣла рѣшались на основаніи исключительно обстоятельствъ даннаго дѣла, а не по какимъ нибудь постороннимъ, хотя-бы и почтеннымъ, соображеніямъ. Лучшимъ доказательствомъ, что въ вышеуказанномъ дѣлѣ ссылка на праздникъ была сдѣлана такъ себѣ, для краснаго словца, служилъ исходъ слушавшагося вслѣдъ за этимъ большаго дѣла о растратѣ товара на нѣсколько тысячъ, ввѣреннаго извощикамъ. Несмотря на то, что оно было послѣднимъ въ сессіи и тоже приходилось наканунѣ праздника Благовѣщенія, присяжные разсмотрѣли его крайне внимательно и даже снисхожденіе давали не зря, а обдуманно. Изъ подсудимыхъ нѣсколькихъ обвинили, но съ отрицаніемъ нѣкоторыхъ признаковъ состава преступленія, а остальныхъ оправдали; одному, сознавшемуся, отказали въ снисхожденіи, потому что онъ ложно оговорилъ товарища. Одного подсудимаго оправдали, несмотря на двукратную судимость; изъ присяжныхъ только одинъ, вышеупомянутый купецъ, стоялъ на томъ, что въ виду его судимости нужно обвинить. Но этотъ крайній взглядъ никѣмъ не былъ поддержанъ.

Этотъ послѣдній вердиктъ, свидѣтельствовавшій о крайне внимательномъ обсужденіи всѣхъ оттѣнковъ виновности и тщательномъ раз-

борѣ всѣхъ деталей, произвелъ и на судъ, и на обѣ борящіяся стороны крайне благопріятное впечатлѣніе. Не послѣднюю роль играло въ такомъ исходѣ то обстоятельство, что на этомъ дѣлѣ предсѣдателемъ былъ человѣкъ сдержанный, гуманный, напоминавшій черты судей начала судебной реформы.

V.

Отпуская присяжныхъ домой, предъ слушаніемъ послѣдняго дѣла, предсѣдатель принесъ присяжнымъ благодарность за внимательное и добросовѣстное отношеніе ихъ къ своимъ обязанностямъ и за всестороннее изученіе дѣлъ. По окончаніи послѣдняго дѣла старшина присяжныхъ, съ своей стороны, обратился къ предсѣдателю съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Исполненные глубокой признательности къ памяти творца великаго института суда присяжныхъ и счастливые возможностью, на чредѣ своей, принять посильное участье въ отправленіи суда общественной совѣсти, присяжные выражаютъ суду, въ лицѣ вашемъ, признательность за предупредительную готовность, съ которою вы способствовали имъ въ всестороннемъ уясненіи обстоятельствъ дѣла, и, покидая зданіе суда, не безъ чувства нравственнаго удовлетворенія, они уносятъ отрадное сознаніе, что въ немъ, дѣйствительно, замѣчается стремленіе водворить у насъ судъ правый и милостивый, согласно завѣту незабвеннаго творца новаго суда».

Ошибочно было-бы думать, что приведенныя заявленія не болѣе, какъ обмѣнъ банальныхъ оффиціальныхъ любезностей. Всѣ сколько нибудь близко наблюдавшіе судъ присяжныхъ единогласно свидѣтельствуютъ, что судъ присяжныхъ относится къ дѣламъ съ чрезвычайною добросовѣстностью и съ неостывающимъ вниманіемъ. Въ этомъ живомъ отношеніи къ дѣлу, въ этомъ избыткѣ свѣжести и впечатлительности и отсутствіи предвзятыхъ мнѣній и рутинныхъ обобщеній—заключается едва ли не самое главное преимущество и неизмѣримое превосходство его надъ судомъ дореформеннымъ.

Что же касается всесторонняго обсужденія дѣлъ, то, благодаря участію представителей разнообразныхъ слоевъ общества, на судѣ присяжныхъ сглаживаются крайности и беретъ верхъ среднее направленіе, служащее компромиссомъ между требованіями неумолимаго закона, безъ котораго немыслимъ общественный порядокъ, и человѣческаго отношенія къ ближнему, безъ котораго немыслимо нравственно-разумное общежитіе. «Судъ чрезъ присяжныхъ, разсуждали составители судебныхъ уставовъ, тогда только достигаетъ своего назначенія, когда устроенъ такимъ образомъ, что они оказываются дѣйствительно

представителями большинства благонамѣренныхъ гражданъ, когда мнѣніе присяжныхъ можетъ быть признано за приговоръ *общественной совѣсти*». Дѣйствительность всегда ниже идеала, но чтобы разстояніе между ними было не черезчуръ велико, необходимо помнить весьма глубокое и разумное соображеніе, высказанное тѣми же знаменитыми дѣятелями судебной реформы. «Для каждаго подсудимаго, писали они, долженъ служить важнымъ огражденіемъ такой составъ суда присяжныхъ, въ которомъ находились-бы люди не слишкомъ самонадѣянные, не легко поддающіеся впечатлѣніямъ, производимымъ доводами обвинителей, наконецъ, люди, произносящіе сужденіе, не *отрѣшаясь* отъ круга понятій подсудимаго» [1]). Въ этомъ отношеніи нашъ составъ присяжныхъ оставлялъ желать кое-чего: какъ уже было выше замѣчено, крестьянскій элементъ былъ представленъ очень слабо.

Не могу не упомянуть о пріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ защитою. Раньше не разъ приходилось замѣчать, что молодые адвокаты, увлекаясь дурнымъ примѣромъ извѣстныхъ корифеевъ, впадали въ риторическій тонъ и пышною фразеологіею старались прикрыть незнакомство съ дѣломъ и недостаточность своей подготовки. Во время нашей сессіи и помощники присяжныхъ повѣренныхъ, наоборотъ, производили отличное впечатлѣніе превосходнымъ знаніемъ дѣла и содержательностью рѣчей. То же можно сказать, если не обо всѣхъ, то о большинствѣ присяжныхъ повѣренныхъ...

Едва ли настоитъ надобность подводить итоги моимъ болѣе или менѣе случайнымъ впечатлѣніямъ. Могу сказать только одно, что близкое ознакомленіе съ нашимъ судомъ присяжныхъ нисколько не умалило моего глубокаго уваженія къ нему и моего убѣжденія въ его незамѣнимости, какъ органа истиннаго правосудія, а также и какъ орудія гражданскаго воспитанія.

Гр. Джаншіевъ.

---

[1]) См. т. XIX. Дѣла о преобраз. суд. части. «Журн. Госуд. Совѣта» 1862 г. № 65.

* * *

Какъ отъ рожденія слѣпой
Своими тусклыми очами
На солнце смотритъ и порой,
Облитый теплыми лучами,

Лишь улыбается въ отвѣтъ
На ласку утра, но не можетъ
Ея понять, и только свѣтъ
Его волнуетъ и тревожитъ:

Такъ мы порой на смерть глядимъ,
О смерти думаемъ, живые,
Все что-то въ ней понять хотимъ,
Понять не можемъ, какъ слѣпые...

1890 г. **Д. Мережковскій.**

ВѢЧНАЯ ЗАГАДКА.

I.

Ранней весной 1861 года я ѣхалъ изъ Петербурга въ деревню. Тогда еще не было ни одной желѣзной дороги изъ тѣхъ, которыя покрываютъ теперь цѣлой сѣтью всю среднюю черноземную полосу Россіи, и потому отъ самой Москвы приходилось ѣхать на почтовыхъ и вольныхъ, въ тарантасахъ, если гдѣ они попадались, въ кибиткахъ, а то и просто на перекладныхъ, т. е. въ маленькихъ, трясскихъ телѣжкахъ, очень легонькихъ, но за то точно нарочно сдѣланныхъ для того, чтобы вытрясти всю душу изъ сѣдока.

Я ѣхалъ не одинъ, а съ двумя товарищами-пріятелями, студентами московскаго университета, также, какъ и я, дѣтьми помѣщиковъ. Всѣ трое мы ѣхали домой, въ деревни, и ѣхали веселые, потому что мы были молоды, довольные, потому что всего у насъ было вдоволь, нужды мы не знали, и бодрые духомъ, потому что у всѣхъ духъ тогда былъ бодрый...

Мы всѣ трое были исполнены, конечно, самыхъ высокихъ чувствъ къ великой реформѣ 19 февраля, только что передъ тѣмъ объявленной. По счастливой случайности мы всѣ трое принадлежали къ культурнымъ, не крѣпостническимъ семьямъ и ѣхать теперь домой намъ было весело, потому что мы не разсчитывали встрѣтить дома ни уныній по случаю отмѣны крѣпостного права, ни затаенной ненависти, ни злобной, желчной раздражительности, превратившихъ, какъ мы знали это, семейную домашнюю жизнь у очень многихъ изъ нашихъ сосѣдей въ настоящій адъ.

Мы ѣхали, напротивъ, съ полной увѣренностью, что встрѣтимъ дома одно только сочувствіе къ нашимъ планамъ о тѣхъ подвигахъ, которые мы самоотверженно и великодушно намѣревались совершить на благо народа, помогая ему, заступаясь и защищая его...

Мы всѣ трое съ измалѣтства, конечно, видали и знали нашихъ мужиковъ, знали ихъ бытъ — трудовой и домашній — знали много и другихъ, чужихъ мужиковъ, знали, привычнымъ ухомъ слыхали и сами многое множество разъ произносили слово *народъ;* но теперь это слово вдругъ получило какое-то новое представленіе въ нашемъ сознаніи, выросло, стало громаднымъ; передъ нимъ всѣ другія слова стали маленькими, блѣдными, утратившими значеніе...

Этому слову-гиганту нельзя не служить, не поклоняться. Въ новомъ этомъ словѣ все заключается. И какъ это странно: только съ положенія 19 февраля оно получило это свое настоящее значеніе. Точно раньше это было совсѣмъ другое слово...

— „Народъ“ собрали, говорилъ староста—сотню разъ мы слыхали это: — что прикажете дѣлать — косить или возить?

— Косить.

И „народъ“, эта кучка мужиковъ человѣкъ въ тридцать-сорокъ, идетъ куда-то.

Вечеръ, ужъ темно, садится роса; въ воздухѣ пахнетъ сѣномъ, откуда-то потянуло дымкомъ.

— Постой-ка. Что это такое? Поютъ гдѣ-то?

— „Народъ“ съ поля идетъ...

И въ сознаніи опять представленіе: нѣсколько десятковъ мужиковъ, нѣсколько десятковъ бабъ.

Вотъ къ какому слову народъ было привычно до сихъ поръ ухо. Но развѣ это слово то самое теперь означаетъ? Какъ вдругъ измѣнился его смыслъ и какъ вдругъ и неожиданно оно стало первымъ и самымъ большимъ словомъ...

Какъ поразительно живо помню я этотъ переворотъ.

На какой-то станціи, сейчасъ за Москвой, на второй, на третьей — намъ пришлось долго ожидать лошадей. Отъ нечего дѣлать мы пошли бродить по селу, присматриваясь къ незнакомому намъ быту и обстановкѣ подмосковнаго „народа“. Поражали нашъ непривычный взглядъ, послѣ сѣрыхъ грубыхъ армяковъ, лаптей, въ которыхъ ходятъ наши мужики, пестрыя ситцевыя рубашки, синіе кафтаны, картузы этого московскаго „народа.“ Несравненнымъ благополучіемъ казались намъ ихъ избы, домики, крытые тесомъ, съ раскрашенными рамами въ окнахъ, пестрыми ставнями. Какъ и сравнивать ихъ съ низкими, курными, заваленными до половины навозомъ, крытыми почернѣлой соломой избами нашихъ мужиковъ, въ нашей далекой, степной, черноземной полосѣ... Но при этомъ одно поражало насъ: мы не видали ихъ гуменъ, не видали гдѣ ихъ хлѣбъ — скирды ржи и овса — безъ которыхъ мы не могли никакъ представить себѣ благополучную деревню. Какая-бы бѣдная она ни была, но все-же у двухъ-трехъ дворовъ непремѣнно

оставались отъ прошлаго года, стояли на гумнахъ кладушки ржи. А тутъ, при такомъ видимомъ богатствѣ и довольствѣ — ни у кого ни одной?... Странно. Что это такое?

— Надо кого-нибудь спросить, сказалъ кто-то изъ насъ.

У одного домика на скамейкѣ сидѣлъ, по нашему, купецъ или мѣщанинъ, по здѣшнему, мужикъ. Мы хотѣли спросить его, но не рѣшились и прошли было ужъ мимо, какъ вдругъ одинъ изъ насъ сказалъ:

— Да что за глупость, господа, отчего-же не спросить его? Что-жъ, это ему оскорбленіе, что-ли, какое?

И мы вернулись, подошли къ нему.

Онъ странно, съ ироническою улыбкой выслушалъ насъ и сказалъ:

— Та сторона богатая, черноземная. Тамъ развѣ такъ, какъ у насъ, хлѣба родятся?

— Да вы богаче живете.

— Богаче!

— У васъ избы какія, одѣты вы какъ.

Онъ усмѣхнулся:

— По пословицѣ живемъ: на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ.

— Зачѣмъ-же вы такъ живете?

— А затѣмъ, что весь хлѣбъ, скотъ, птица, масло, яйца — все это отъ васъ идетъ, все ваше ѣдимъ; сами на сторонѣ заработокъ свой имѣемъ: на фабрикахъ, на заводахъ, по городамъ, въ столицахъ—въ Москвѣ, въ Петербургѣ. Дома у насъ на землѣ взять нечего. Домой только гулять, отдыхать, на побывку пріѣзжаемъ.

Больше мы ужъ не стали разспрашивать: намъ и это показалось неделикатнымъ съ нашей стороны. Мы вѣжливо поблагодарили его, приподнявъ фуражки; онъ, сидя, не привставъ даже, поправилъ свой картузъ и сталъ смотрѣть въ сторону, совсѣмъ ужъ нами нисколько не интересуясь.

— Лѣтъ черезъ десять, попомните — сказалъ одинъ изъ насъ— увидите, и наши мужики будутъ такими-же.

— То-есть какими?

— Такими-же вотъ точно.

— Будутъ жить такъ?

— И жить такъ, и вообще такими-же...

Мнѣ непремѣнно захотѣлось узнать, что такое именно подразумѣваетъ онъ подъ словомъ „такими-же“? У меня у самого мелькнуло что-то въ головѣ по поводу этихъ мужиковъ, — и я спросилъ его:

— Ну, да, отвѣтилъ онъ: — будутъ такими-же, т. е. будутъ жить такъ и будутъ такъ относиться къ намъ—вотъ, какъ эти теперь. Развѣ наши, тамошніе, мужики къ намъ такъ относятся или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ относились къ намъ такъ, какъ эти?

Эти, вы видите, говорятъ съ нами, относятся къ намъ, совсѣмъ какъ равные съ равными...

Я не то думалъ, но похоже на это. И я живо помню, что мысль объ этомъ вдругъ какъ то сдѣлалась у меня нераздѣльной съ другой мыслью и даже собственно не мыслью, а съ какимъ-то предчувствіемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ мы станемъ и совершенно чужими другъ съ другомъ, что мы совершенно въ разныя стороны разойдемся съ народомъ. Теперь, до сихъ поръ мы были свои, а дальше будемъ ужъ не свои другъ для друга — станемъ чужими...

Я выросъ въ добромъ, хотя и помѣщичьемъ, но не крѣпостномъ семействѣ, и дома у себя я видѣлъ только добрую, хорошую сторону того порядка, который конченъ теперь и вмѣсто котораго будетъ устанавливаться новый. При этомъ другомъ порядкѣ я инстинктивно какъ-то чувствовалъ, что, все равно, распадутся отношенія, несмотря на то, что они были и добрыя, и хорошія. А всѣ мои планы о моихъ подвигахъ для народа были построены, зиждились именно на этой почвѣ старыхъ добрыхъ отношеній... И мнѣ было жаль ихъ потерять — и эти мои планы, и эти добрыя прежнія отношенія, на которыхъ планы были построены...

У нихъ, у товарищей, начался споръ о томъ, что отношенія эти вездѣ установятся совершенно различными, такъ какъ это будетъ въ зависимости и отъ земли, и отъ почвы, и отъ промысловъ, вообще, отъ экономическихъ условій. Я слушалъ ихъ, они обращались ко мнѣ, я отвѣчалъ имъ, но я думалъ совсѣмъ о другомъ, — о своемъ все: какъ-бы это сохранить и добрыя стороны стараго порядка, и сдѣлать такъ, чтобы не было ужасовъ крѣпостного права, о которыхъ столько разсказывалось, и я самъ слышалъ и зналъ? Очень мнѣ жаль было потерять эту прочную старую связь, потому что очень хорошо я видѣлъ, что ей не удержаться никоимъ образомъ... Великое дѣло среда, въ которой выростетъ человѣкъ: непреодолимую печать кладетъ она на работу его мысли на всю жизнь...

Когда мы вернулись на станцію и усѣлись вокругъ самовара пить чай и закусывать — съ нами своя была провизія, накупленная въ Москвѣ—я, все еще подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, спросилъ какого-то ямщика или станціоннаго служителя, собиравшаго намъ все это: чье было это село?

— Графа О—ва, отвѣтилъ онъ, и добавилъ: Да оно и теперь его.

— Нѣтъ, я про мужиковъ спросилъ: Чьи они были крѣпостные прежде?

— Графа О—ва, повторилъ онъ. И опять добавилъ: Да мы барина-то своего и не видѣли никогда въ глаза, не знаемъ какой онъ и есть-то.

И сказалъ онъ это такъ равнодушно, такъ безучастно, даже съ какой-то глупой усмѣшкой, что я пожалѣлъ его: такъ, говорятъ, любящіе музыку жалѣютъ тѣхъ, у кого нѣтъ слуха... А онъ на мои глаза былъ именно такой, достойный сожалѣнія: онъ, вѣрно, не зналъ даже о существованіи тѣхъ добрыхъ, теплыхъ отношеній, которыя имѣли мѣсто и при старомъ порядкѣ. Кто же о немъ и обо всѣхъ о нихъ заботился? невольно думалъ я...

Къ вечеру слѣдующаго дня мы добрались наконецъ до Р—ской губерніи. Дорога была отвратительная, а тутъ еще начинался теперь черноземъ — грязь невылазная, колеса до половины тонутъ то въ жидкой, то въ густой, липкой грязи; лошади почти всю дорогу идутъ шагомъ.

На почтовыхъ станціяхъ задержки безъ конца. На каждой станціи приходится сидѣть часа по три, по четыре.

— Нѣтъ лошадей, объявляетъ всякій разъ смотритель.

Мы и просили, и горячились, и грозили „обличеніемъ“ — ничего не помогало. Кто-то, наконецъ, надоумилъ насъ взять вольныхъ.

— Что это такое „вольные“?

— А это не почтовые, а вольные... которые съ воли нанимаются.

— Да гдѣ же они?

— А вотъ тутъ въ селѣ... У нихъ и тарантасы тоже есть.

Мы обрадовались этому открытію. Кто-то изъ насъ пошелъ и нанялъ „вольныхъ“—немного подороже, но зато у нихъ такіе большіе, помѣстительные тарантасы, не то что почтовыя перекладныя телѣжки, на которыхъ мы сидимъ и ѣдемъ въ такомъ несчастномъ видѣ. А главное—задержекъ не будетъ ужъ никакихъ: въ каждомъ селѣ есть вольные.

Мы усѣлись въ тарантасъ съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что мы побѣдили, перехитрили и смотрителя, и его ямщиковъ.

Только смотритель какъ-то подозрительно посмѣивался, когда мы усаживались и, наконецъ, тронулись.

— Съ Богомъ, послышалось за нами.

— Ладно, думали мы. Теперь мы выскочили изъ вашихъ лапъ...

Моросилъ дождикъ. Становилось темнѣе; сумерки быстро набѣгали. Мы едва тащились. Вдругъ — трахъ!

— Что такое?

Ямщикъ молчитъ. Тарантасъ накренило на бокъ.

— Колесо сломалось... наконецъ, услыхали мы.

Одинъ по одному мы повылѣзали изъ тарантаса и стояли чуть не по колѣна въ грязи. Ямщикъ тоже сошелъ съ козелъ и возмутительно равнодушно снималъ, не торопясь, съ себя армякъ, чтобы остаться въ одной поддевкѣ, какъ было удобнѣе ему орудовать около колеса.

*

— Что же мы будемъ дѣлать теперь? Вѣдь запасного колеса у тебя нѣтъ? спрашивали мы его.

— Да что-жъ дѣлать теперь? Надо посмотрѣть еще.

— Что же смотрѣть? Вѣдь колеса другого нѣтъ?

Онъ, не отвѣчая ничего, засучилъ рукава по локоть и началъ что-то ощупывать и тащить изъ грязи. Это были спицы и ступица разрушеннаго колеса.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать? приставали мы.

Онъ бросилъ вытащенные остатки опять въ грязь, обтеръ руки о бокъ тарантаса и, все не отвѣчая намъ, сталъ глядѣть на край дороги, туда, гдѣ шелъ какой-то овражекъ, и росли одинокія ветла.

— Ты что смотришь? опять спросили мы.

— Да смотрю, народа нѣтъ-ли гдѣ. Безъ народа что-жъ мы тутъ подѣлаемъ?

Въ совершенно пустынномъ мѣстѣ, вечеромъ, въ дождикъ, въ этакое нерабочее время — какого народа ждетъ онъ тутъ?

А ямщикъ продолжалъ все смотрѣть, вглядываясь въ даль.

Кто-то спросилъ его про „народъ“.

— Извѣстно, какой народъ: какой при этакомъ дѣлѣ всегда бываетъ, небрежно отвѣчалъ онъ и, видимо, съ досадой.

Мы ничего не понимали.

Наконецъ, онъ проговорилъ: — Вонъ они — и свистнулъ. Въ отвѣтъ ему, мы услыхали, тоже кто-то свистнулъ. Тогда онъ пересталъ смотрѣть въ даль и обернулся къ намъ.

— Это кто же? Какой же это „народъ“? недоумѣвающе спросили мы его.

— Какой! Извѣстно какой: — вотъ какой. Это кто сдѣлалъ-то? Вы какъ думаете? проговорилъ онъ и кнутикомъ показалъ на разломанное колесо.

— Кто?

— Вотъ въ томъ то и дѣло: „кто“. Они, вонъ! отвѣчалъ мужикъ, указывая головой на приближавшихся къ намъ четверыхъ или пятерыхъ мужиковъ.

Мы рѣшительно ничего не понимали. Какъ это такъ и что такое могли сдѣлать они такого, почему могло бы сломиться у нашего тарантаса колесо?

А ямщикъ продолжалъ уже самъ съ собою:

— Ахъ, чтобъ ихъ... И колесо то еще новое сломали...

Между тѣмъ подошли мужики, очень вѣжливо раскланялись съ нами и стали участливо разспрашивать о томъ, что такое съ нами случилось, разсматривали валявшіеся остатки сломаннаго колеса. Ничего не понимая, мы начали обращаться къ нимъ съ вопросами:

что намъ дѣлать, какъ мы доѣдемъ, гдѣ возьмемъ колесо, далеко ли до ближайшаго отсюда села? Обѣщали дать имъ хорошо на чай, если они помогутъ намъ.

— Да ужъ это, извѣстно, отвѣчали они увѣренно. Безъ этого ужъ нельзя. Кто же въ это время даромъ возиться станетъ.

И вдругъ прямо объявили:

— Это пятнадцать рублей вамъ будетъ стоить... И колесо свое новое дадимъ. Вытащимъ и колесо свое дадимъ.

Мы молчали, переглядываясь другъ съ другомъ: дескать, что это все означаетъ?.. Нашъ ямщикъ заговорилъ первый:

— Ну, ужъ и пятнадцать! Сейчасъ ужъ и пятнадцать...

— А тебѣ что за дѣло? накинулись они на него: — Мы съ господами говоримъ, не съ тобой. Много — такъ вытаскивай самъ. Ты взялся везть, ты и долженъ господъ доставить до мѣста.

Ямщикъ притихъ, ничего имъ не отвѣчалъ, замолчалъ:

Дождикъ льетъ; стало совсѣмъ темно.

— Вы дешевле съ насъ возьмите, сказали мы.— Пятнадцать рублей — это Богъ знаетъ, что такое!

— Нельзя меньше-то, господа. Вѣдь надо колесо новое достать. Двухъ лошадей надо привести да припречь, чтобы вытащить тарантасъ-то. Вѣдь онъ теперь какъ загрузъ-то. Народомъ его развѣ поднимешь?

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, во время которыхъ мужики хотѣли было уже уходить и бросить насъ на произволъ судьбы, мы поладили вытащить насъ и дать намъ новое колесо за десять рублей и, потомъ, „что мы пожалуемъ еще на водку“.

Мы приняли ихъ условіе — не сидѣть же намъ ночью среди дороги.—Двое пошли куда то за лошадьми и колесомъ, а остальные трое остались съ нами, закурили трубочки, и мы начали съ ними разсуждать и бесѣдовать.

Оказалось, что они тоже были чьи-то господскіе, теперь вольные, земли у нихъ мало, да и то почему то плохая; всѣ силы ихъ въ заработкахъ, въ отхожихъ промыслахъ.

— Куда же вы ходите на работу? въ Р—нь, въ Москву? спрашивали мы.

— Въ Москву, а то и здѣсь кой-какая работишка есть.

— А теперь откуда вы шли? кто-то спросилъ ихъ.

Они усмѣхнулись, какъ будто мы наивность или глупость какую спросили, и отвѣчали, что такъ изъ села въ село шли...

Черезъ часъ, и даже меньше, явились и тѣ, которые уходили за лошадьми и за колесомъ. Колесо они достали, принесли, а лошадей не привели.

— Что-жъ такъ?

— Да нѣтъ лошадей: уѣхали на нихъ. Мы вѣдь также ѣздимъ, съ воли нанимаемся.

— Какъ же теперь быть?

— Да какъ же быть — нечего дѣлать, на себѣ потянемъ.

Подперевъ чѣмъ-то тарантасъ, приподняли его, надѣли колесо, которое пришлось какъ нельзя лучше, точно по заказу сдѣланное, помогли лошадямъ тронуть съ мѣста и, когда все было готово — лошадей, оказалось, ни на что и не нужно было еще припрегать — спросили съ насъ условленныя деньги и „что пожалуемъ имъ на водку".

Мы расплатились и тронулись въ путь при всяческихъ пожеланіяхъ намъ успѣха и дальнѣйшаго благополучнаго пути.

— Ты что это говорилъ, обратился я къ ямщику, что они, мужики-же эти и сдѣлали, что колесо твое сломалось?

— А то кто-же? Извѣстно они. Они этимъ дѣломъ и живутъ. Накопаютъ весною, въ распутицу, канавокъ да ямъ по дорогѣ, грязью ихъ затянутъ, не видать,—кто ѣдетъ, и попадаются: у кого колесо сломится, у кого ось лопнетъ, у кого шкворень. А они по близости сидятъ, караулятъ, а потомъ вотъ такъ вытаскиваютъ, деньги получаютъ... Народъ — извѣстно, кормится этимъ... добавилъ онъ.

„Народъ"! — ужасно непріятно мнѣ было услыхать это слово съ такимъ дополнительнымъ объясненіемъ.

— Какъ ты глупо говоришь: „народъ"! сказалъ я. Какое-же это имѣетъ отношеніе къ народу? Это грабители, мошенники какіе-то, а вовсе не народъ.

— Ну, какъ-же сказать? Извѣстно — здѣшній народъ, отвѣтилъ въ свое оправданіе ямщикъ...

Когда мы подъѣзжали къ какому-то селу — ужъ видны были огоньки въ избахъ — съ нами случилось опять несчастіе: мы опять попали въ какую-то яму или канавку на дорогѣ, и у насъ сломалась пополамъ ось.

Мы опять стали.

— Что-жъ, опять ловушка? спросили мы ямщика.

— Да кто-жъ ее знаетъ? Развѣ тутъ ночью-то разберешь, ужъ съ сердцемъ говорилъ онъ, и началъ ругать, неизвѣстно, кого.

Мы опять вышли изъ тарантаса, который своимъ передкомъ совсѣмъ уткнулся въ землю, и стояли, не зная, что́ намъ дѣлать.

— Я сбѣгаю за народомъ въ село, сказалъ, наконецъ, ямщикъ. Отпрягу пристяжную и сейчасъ живо сбѣгаю. Тутъ недалече. Версты полторы, больше отсюда не будетъ.

Мы согласились. Онъ поѣхалъ. Въ ожиданіи его возвращенія мы обсуждали положеніе, въ которое мы попали.

— Они, навѣрно, эти вольные, всѣ въ стачкѣ между собою, гово-

рили мы: одни ямки да канавки копаютъ, другіе нарочно попадаютъ въ нихъ. Потомъ вытаскиваютъ и дѣлятся другъ съ другомъ. Это здѣсь у нихъ, видно, профессія, отхожій ихъ промыселъ.

Было очень что-то похожее на это. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ: ѣхали столько времени и ничего не было съ нами, а тутъ, какъ только взяли этихъ „вольныхъ“, такъ и пошло. Но я счелъ долгомъ заступиться, началъ доказывать, что стачки тутъ ужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть, — напротивъ — ямщики даже жалуются на нихъ, потому что они терпятъ отъ нихъ...

Тѣмъ не менѣе, однако-жъ, мы рѣшили, что, какъ доѣдемъ до почтовой станціи, все равно, возьмемъ опять почтовыхъ — иначе, когда-же это мы домой попадемъ.

Но, когда вернулся нашъ ямщикъ и съ нимъ еще двое какихъ-то мужиковъ съ новой осью, и они узнали отъ насъ о нашемъ намѣреніи, то начали говорить, что если мы хотимъ такъ поступить, они тогда не станутъ ни вытаскивать насъ, ни везти дальше.

— Это почему?

— Потому что мы подрядились на всю дорогу до Р—ни.

— Да когда мы только и дѣлаемъ, что сидимъ, насъ вытаскиваютъ, и мы за это еще платимъ.

— Всѣ платятъ. Даромъ никто не вытаскиваетъ. Вы не одни такъ.

Насъ опять вытащили.

Село, которое было вдали, оказалось станціоннымъ, съ казенной почтовой станціей, гдѣ можно было намъ получить почтовыхъ, и потому ямщикъ промчалъ насъ по этому селу во весь духъ, мимо станціи: ихъ, вольныя, станціи, нарочно дѣлаются въ промежуточныхъ селахъ, чтобы нельзя было достать почтовыхъ.

Но это все мы узнали потомъ ужъ, отъ почтовыхъ ямщиковъ, которыхъ, наконецъ, взяли-таки, а теперь мы должны были страдать еще цѣлую ночь и насъ еще одинъ разъ вытаскивали,—тоже что-то сломалось или испортилось.

— Да вѣдь народъ здѣсь что, разсказывалъ намъ потомъ почтовый ямщикъ, когда мы тряслись съ нимъ на казенной перекладной:— Народъ здѣсь все мошенникъ одинъ. Кого ни возьми, только и норовятъ, что содрать съ тебя.

— А ты не здѣшній развѣ?

— Я-то?

— Да.

— Да я что... я казенный, нашелся онъ, наконецъ, отвѣтить и въ утѣшеніе себѣ стегнулъ по лошадямъ.

— Стало быть, и ты норовишь тоже содрать?

— Съ кого мнѣ драть-то? Съ меня дерутъ.

— А съ тебя кто?

— Кто? Да всѣ. И смотритель, и староста, и въ волостномъ. Всѣ только съ тебя и норовятъ, что содрать...

Дома, когда я пріѣхалъ, я никого не засталъ. Матушка была у своихъ родныхъ, отецъ, мнѣ сказали, только что сейчасъ уѣхалъ въ Дубовку — большое село верстахъ въ семи отъ насъ — къ владѣльцу ея, который при смерти боленъ, а можетъ ужъ и умеръ, такъ какъ посланный разсказывалъ, что онъ ужъ „отходитъ“.

Я хотѣлъ, было, на первыхъ порахъ самъ ѣхать къ отцу въ Дубовку, потомъ хотѣлъ послать туда письмо, что я пріѣхалъ, но все это отложилъ; собрались, пришли одинъ по одному, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, почти всѣ дворовые, которые, оказалось, всѣ живутъ у насъ, несмотря и на волю, — я увидалъ все знакомыя съ дѣтства мнѣ лица,—началъ говорить съ ними, распрашивать ихъ, и самъ не замѣтилъ, какъ прошло въ этихъ разговорахъ часа два или три, и изъ Дубовки пріѣхалъ отецъ, привезъ съ собою извѣстіе, что Василій Ильичъ умеръ: онъ ужъ не засталъ его въ живыхъ.

Похороны, по разсказамъ отца, должны быть черезъ четыре дня, раньше не поспѣть, потому что, по распоряженію племянницы Василія Ильича, единственной наслѣдницы его большого очень состоянія, послали въ губернскій городъ за архіерейскими пѣвчими и всѣмъ прочимъ, необходимымъ для похоронъ.

— Но что́ меня удивило, сказалъ отецъ — это плачъ по всей деревнѣ. Ты знаешь вѣдь, что́ это былъ за звѣрь все время съ ними, и, представь, — молебны народъ служилъ, чтобъ онъ выздоровѣлъ! Всю ночь, говорятъ, церковь была отворена, освѣщена, и въ ней было много молящихся. Удивительно.... удивительно, повторялъ отецъ...

На него, видимо, это произвело сильное впечатлѣніе, и онъ то и дѣло возвращался къ тому-же, т. е., что это за всепрощающій народъ!

— Ты поѣдешь на похороны? спросилъ я его.

— Да какъ-же — нельзя не ѣхать.

— Я тоже хочу поѣхать.

— Отчего-же нѣтъ? Поѣдемъ.

Къ вечеру вернулась матушка съ моей сестрой Соней. Онѣ обѣ, конечно, обрадовались мнѣ — меня не ждали такъ рано — и тоже, и онѣ, съ удивленіемъ слушали отца, когда онъ разсказывалъ о томъ, что́ такъ неожиданно встрѣтилъ онъ въ Дубовкѣ.

— Христіанинъ все долженъ прощать, съ чувствомъ проговорила матушка.

— Да, но что они вынесли!

— Все это ужъ прошло теперь...

И они начали вспоминать про другихъ, которые также, и даже еще хуже, обращались съ людьми, и съ которыми, когда хоронили, тоже деревня поголовно приходила прощаться...

Дубовку я помню, какъ сталъ себя помнить. Помню и Василія Ильича, когда я былъ еще совсѣмъ маленькимъ, когда мнѣ было, можетъ быть, лѣтъ шесть-семь. Я все всматривался въ его худощавое красное лицо и какіе-то черненькія пятнушки на немъ. Меня постоянно останавливали, запрещали мнѣ такъ смотрѣть на него, но я никакъ не могъ преодолѣть себя и все смотрѣлъ, все всматривался въ него.

— Да отчего у него эти черныя пятнышки?

— Отъ пороху.

— Отъ какого пороху?

— На войнѣ. Онъ въ сраженіи былъ.

— Онѣ болятъ у него?

— Нѣтъ не болятъ.

— Онѣ, эти пятнушки, у него теперь зажили?

— Зажили... Перестань. Что ты только объ этомъ все и говоришь, отвѣчали мнѣ, когда я ужъ очень надоѣдалъ съ своими вопросами и приставаніями.

Но я все-таки не удержался и однажды, когда онъ, здороваясь со мною, хотѣлъ меня поцѣловать, я вырвался у него изъ рукъ, отбѣжалъ отъ него и къ ужасу присутствующихъ наивно спросилъ его ужъ напрямикъ:

— Что это у тебя за черныя пятна на лицѣ?

Онъ не обидѣлся нисколько, говорятъ, и далъ мнѣ тоже самое объясненіе, которое я слыхалъ ужъ столько разъ и ранѣе отъ другихъ. Но нянька, гувернантка наша нѣмка Анна Карловна, матушка и всѣ были въ ужасѣ отъ меня и послѣ этого долго не пускали меня ни въ зало, ни въ гостиную, ни въ столовую, ни въ кабинетъ, гдѣ онъ былъ, когда пріѣзжалъ къ намъ.

Изъ этого-же времени помню еще одинъ случай.

Дѣло было осенью, такъ, должно быть, въ концѣ сентября или въ началѣ октября, когда въ полѣ всѣ работы ужъ кончены, хлѣбъ весь въ гумнахъ и помѣщики, бывало, собираются по двое, по трое, на не надолгую, короткую, въ своемъ округѣ, по ближайшимъ мѣстамъ, охоту. Въ большія, продолжительныя охоты они собирались потомъ ужъ и цѣлыми партіями—полъ-уѣзда,—помѣщиковъ двадцать и болѣе, всѣ, у кого были собаки.

Вотъ, однажды, послѣ такой маленькой, предварительной охоты, устраивавшейся больше для собакъ, чтобы ихъ испытать, лучше разсортировать по сворамъ и проч., къ намъ заѣхали двое нашихъ сосѣдей. Собакъ, по обыкновенію, они оставили на деревнѣ а сами, какъ были, въ высокихъ сапогахъ и въ охотничьихъ костюмахъ, съ кинжалами, съ трубами явились въ домъ и прошли въ кабинетъ къ отцу. Собакъ, т. е. гончихъ, борзыхъ, вообще, охоты, у отца никогда не было, и мы, дѣти, я помню, всегда съ нетерпѣніемъ ожидали, когда къ намъ пріѣдутъ „охотники“ — эти загорѣлые, усатые, съ обвѣтренными лицами, всѣ въ позументахъ, съ серебряными поясами, съ кинжалами, необыкновенно красивые, казалось, и храбрые люди.

Въ этакихъ случаяхъ, снисходя къ нашимъ страстнымъ просьбамъ посмотрѣть и послушать „охотниковъ“, намъ не возбранялось входить и въ кабинетъ, гдѣ они сидѣли, и намъ запрягали всякій разъ экипажъ какой нибудь, и мы ѣхали въ сопровожденіи гувернантки на деревню и тамъ, съ великими предосторожностями, смотрѣли и на собакъ, и на доѣзжачихъ, борзятниковъ и проч., которые своимъ усатымъ и молодцоватымъ видомъ интересовали насъ больше самихъ собакъ.

Когда я вошелъ въ кабинетъ къ отцу, тамъ шелъ оживленный разговоръ, и я услыхалъ:

— Странно даже какъ-то: въ шестьдесятъ лѣтъ и занимается этимъ, разсказывалъ одинъ.

— А „рододендронъ“ что-жъ? спросилъ отецъ.

Рододендронъ высокое растеніе, которое стояло у насъ въ залѣ, и которое почему-то — я ужъ давно замѣтилъ это — вспоминалось и называлось всякій разъ почти, когда заходила рѣчь о Васильѣ Ильичѣ. Кого-то этимъ именемъ несомнѣнно называли изъ близкихъ ему, но кого именно, я не зналъ.

— Это-то и удивительно! Вы поймите — кричалъ сосѣдъ-охотникъ — старикъ видимо съ ума начинаетъ сходить, а она ничего... покровительствуетъ, кажется, еще его затѣямъ...

Въ это время вдругъ, совершенно неожиданно, въ дверяхъ кабинета появился лакей и проговорилъ:

— Василій Ильичъ Назаровъ пріѣхалъ.

И вслѣдъ затѣмъ лакей посторонился, а онъ входилъ уже въ кабинетъ.

Всѣ обратились къ нему, а я, пользуясь тѣмъ, что теперь ужъ и подавно не до меня, отошелъ въ самый уголъ большого отцовскаго кабинета и усѣлся тамъ въ глубокомъ креслѣ, совершенно въ тѣни и въ дали отъ всѣхъ.

Назаровъ, оказывалось, откуда-то возвращался—былъ у кого-то изъ помѣщиковъ-сосѣдей въ гостяхъ и по дорогѣ теперь заѣхалъ къ намъ.

Обыкновенно суровый, тихо и, притомъ, нѣсколько въ носъ, говорившій отрывистыя фразы, часто употребляя въ разговорахъ: „стало-быть“, „слѣдовательно“ и проч., онъ былъ на этотъ разъ, напротивъ, какъ-то особенно веселъ и разговорчивъ. Спросилъ у гостей сосѣдей-охотниковъ, удачно ли было у нихъ поле сегодня, куда у нихъ ушли волки—они упустили двухъ—шутя замѣтилъ, что волки, все равно, не уйдутъ, ихъ возьмутъ, и началъ толковать съ отцомъ о какомъ-то ихъ дѣлѣ, которое было у нихъ вмѣстѣ противъ кого-то еще третьяго, живущаго постоянно въ Москвѣ. Объ этомъ дѣлѣ я тоже постоянно слышалъ: это дѣло какое-то тяжебное, и оно тянулось давно. По этому же дѣлу Назаровъ главнѣйше бывалъ у отца и, въ свою очередь, и отецъ ѣздилъ къ нему.

Передъ самымъ обѣдомъ, когда въ домѣ зажгли уже свѣчи и лакей съ подносомъ обходилъ гостей, предлагая водки и закуски, кто-то изъ этихъ пріѣхавшихъ охотниковъ въ разговорѣ о томъ, когда будетъ общая охота, когда и куда лучше всѣмъ съѣзжаться и откуда охоту начинать, спросилъ Назарова:

— Да у васъ, Василій Ильичъ, говорятъ, и помѣщенія теперь въ домѣ нѣтъ; всѣ комнаты пѣвицами заняты.

— Вотъ вздоръ какой. Я велѣлъ, чтобы онѣ въ залъ приходили спѣваться, стало быть, онѣ и приходятъ. Въ манежѣ, на конюшнѣ онѣ спѣвались прежде, но тамъ перестройка идетъ, слѣдовательно, онѣ и спѣваются теперь въ домѣ у меня, въ залѣ.

— А послушать, пріѣдемъ когда, позволите?

— Пожалуй. Напомните тогда...

Вскорѣ послѣ обѣда Назаровъ уѣхалъ къ себѣ домой, а двое сосѣдей-охотниковъ остались у насъ ночевать, и вечеромъ, я помню, опять нѣсколько разъ въ кабинетѣ у отца, гдѣ обязательно, конечно, ужъ и я присутствовалъ, рѣчь заходила объ этой новой затѣѣ Назарова, т. е. о его хорѣ, и я услыхалъ и узналъ еще многое. Привезена, правильнѣе, вытребована изъ Москвы какая-то знаменитая пѣвица цыганка Матрешка, которая оказалась, неожиданно и для самого Назарова, его крѣпостной. Объ этомъ проболтался ему совершенно случайно одинъ его сосѣдъ-помѣщикъ, который былъ въ Москвѣ, былъ у цыганъ, тѣ ему пѣли; онъ спросилъ эту Матрену, откуда она? и она сказала ему, ничего не подозрѣвая, что она числится крѣпостной Назарова, Ш—скаго помѣщика, но что она и многіе еще цыгане въ хору убѣжали давно отъ него. Она не знала, конечно, что этотъ помѣщикъ сосѣдъ ея барина и передастъ объ этомъ ему, иначе она, конечно-бы, не выдала ему своей тайны, не стала-бы этого разсказывать. Оказывалось,—для меня это была новость—у Назарова въ его имѣніяхъ, въ сосѣдней съ нашей губерніи было много цыганъ

крѣпостныхъ, они тамъ дѣлали у него какіе-то безпорядки, воровали, и онъ рѣшилъ ихъ переселить на пустопорожнія земли сюда, въ нашу губернію, недалеко отъ своей Дубовки. Для этого онъ имъ выстроилъ избы, давъ все обзаведеніе; но они черезъ годъ весь поселокъ сожгли, а сами разбѣжались. Онъ ихъ, однако, всѣхъ переловилъ и вторично выстроилъ имъ избы и далъ все обзаведеніе, но они и второй разъ все пожгли. Тогда онъ жестоко наказалъ ихъ всѣхъ, однако-же согласился на ихъ просьбу и отпустилъ ихъ на оброкъ. Но какой ужъ оброкъ съ цыганъ? Гдѣ ихъ было ловить каждый годъ, чтобы получать съ нихъ этотъ оброкъ? Такъ про этихъ цыганъ, мало-по-малу, Назаровъ сталъ ужъ забывать, какъ вдругъ пріѣхалъ къ нему возвратившійся изъ Москвы сосѣдъ его помѣщикъ и въ разговорѣ какъ-то, между прочимъ, проболтался о томъ, что былъ вотъ у цыганъ, слушалъ ихъ, и самая первая между ними оказывается его крѣпостная Матрена. Назаровъ сейчасъ-же написалъ кому-то въ Москву объ этомъ, или послалъ своего человѣка, и знаменитую пѣвицу московскую, по которой тамъ всѣ вздыхали, привезли къ нему въ Дубовку...

Она, говорятъ, рыдала, плакала, валялась у него въ ногахъ, прося, чтобы онъ отпустилъ ее опять въ Москву, предлагала ему какой угодно оброкъ, даже выкупъ за себя,—старикъ ничего знать не хотѣлъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ поручилъ ей составить ему изъ его крѣпостныхъ бабъ и дѣвушекъ, собранныхъ со всей Дубовки (у него было болѣе тысячи душъ), свой собственный хоръ. Матреша, повинуясь его приказанію, начала подбирать голоса, набрала до пятидесяти женщинъ и дѣвушекъ, и вотъ теперь у нихъ идутъ спѣвки и пробы...

О самой Матренѣ разсказывали, что она удивительно поетъ: и съ душой, и голосъ у нея необыкновенный.

— Не даромъ-же всю Москву плѣняла. Вся Москва, говорятъ, была отъ нея безъ ума, добавляли разсказчики.

Много наслушался я въ тотъ вечеръ о старикѣ Назаровѣ.

По обыкновенію, какъ это всегда со мною бывало, когда я узналъ что нибудь въ такомъ родѣ, нѣсколько дней я ходилъ весь подъ впечатлѣніемъ услышаннаго: приставалъ съ разспросами къ матушкѣ, къ отцу, къ Аннѣ Карловнѣ, къ нянькѣ, дѣлился своими соображеніями и объясненіями съ сестрой,—надоѣдалъ до тѣхъ поръ, пока не случалось еще чего нибудь или не узналъ я этого изъ разсказовъ и разговоровъ.

Однажды въ это время — недѣли черезъ двѣ — въ ясный, теплый, осенній день, какіе нерѣдко бываютъ у насъ въ серединѣ октября, къ намъ пріѣхалъ нашъ любимый дядя — „дядя Вася“. Онъ ѣхалъ на охоту, на сборный пунктъ къ одному изъ сосѣдей, у котораго должны

были всѣ собраться, и откуда они должны были начать большую, общую охоту. Дядя разсказывалъ очень картинно, что соберутся въ этотъ разъ до тридцати помѣщиковъ, что собакъ у всѣхъ будетъ до пятисотъ, что людей, т. е. охотниковъ, кучеровъ и подводчиковъ, да еще поваровъ и прислуги, которые съ ними поѣдутъ въ обозахъ, болѣе ста человѣкъ.

— Цѣлая армія, заключилъ онъ свой разсказъ. Соберемся всѣ и выстроимся на скурлятовскомъ выгонѣ, а отсюда ужъ и двинемся, какъ и куда кому порѣшатъ.

Разсказывалъ дядя до того любопытно и картинно, что я слушалъ его, и сердце просто замирало.

— Да ты хочешь посмотрѣть? Вѣдь это отсюда не далеко, верстъ семь, не больше. Отпустите его со мною, обратился онъ къ сидѣвшимъ тутъ же отцу и матушкѣ. — Запрягутъ пускай дроги, онъ и доѣдетъ съ Никифоромъ. Посмотритъ, а потомъ и назадъ пріѣдетъ. Погода прелесть сегодня.

Отецъ и матушка согласились. Дроги запрягли, меня одѣли въ полушубчикъ, посадили со мною нашего лакея Никифора, и мы тронулись вслѣдъ за дядей Васей, который ѣхалъ впереди верхомъ съ своими охотниками, окруженный собаками. Верстахъ въ двухъ отъ дома на встрѣчу намъ попался верховой, который везъ дядѣ записку съ извѣщеніемъ, что общій сборный пунктъ перемѣненъ и теперь назначенъ не у того сосѣда, къ которому мы ѣхали, а на такомъ же разстояніи, только въ другую сторону,— у Назарова, въ Дубовкѣ.

— Ну, въ Дубовку, такъ въ Дубовку — все равно, сказалъ дядя, и мы повернули направо, на дорогу, которая шла въ Дубовку. Но, я помню, это извѣстіе и то, что мы ѣхали теперь къ Назарову, на меня какъ-то странно подѣйствовало: и очень мнѣ хотѣлось видѣть кучами собравшихся охотниковъ, даже усадьбу дубовскую и самого Назарова, но я думалъ почему-то, что и отецъ, и матушка будутъ недовольны, и я чувствовалъ поэтому что то въ родѣ угрызеній совѣсти... И страшно было въ то же время... Почему — я не зналъ, не понималъ, но я чувствовалъ это только.

Еще издали, какъ подъѣзжали лишь къ Дубовкѣ, мы увидѣли на выгонѣ, передъ усадьбой цѣлый раскинутый станъ: подводы, экипажи, фуры, много людей, лошадей, цѣлыя стада собакъ. Картина, на тогдашній мой взглядъ, дѣйствительно, была великолѣпная, — все такъ и блестѣло на солнцѣ подъ яркимъ голубымъ осеннимъ небомъ.

Но господъ никого тутъ не было, всѣ были въ домѣ, и тамъ еще шелъ завтракъ передъ отправленіемъ въ походъ.

— Поѣзжай къ дому, крикнулъ кучеру дядя, и поѣхалъ самъ впередъ туда же. Собаки его и охотники — человѣкъ восемь —

остались на выгонѣ, составивъ тоже отдѣльную группу, какъ бы отдѣльную часть войска.

Войдя въ домъ, дядя оттмыгнулъ въ передней ноги и, взявъ меня за руку, пошелъ дальше, откуда слышались голоса, смѣхъ и звуки какого то инструмента, похожаго на скрипку. Мы шли по огромнымъ, но сравнительно низкимъ комнатамъ; по стѣнамъ, на особенныхъ полочкахъ, были разставлены серебрянные кубки, чаши, вазы и пр.

— Видишь, сколько призовъ, сказалъ дядя: — Это все его лошади набрали.

Потомъ висѣли пучками лисьи и волчьи шкуры, совсѣмъ ужъ выдѣланныя, съ опущенными внизъ хвостами. Потомъ чучела павлиновъ съ великолѣпными длинными лучезарными перьями. А стѣны въ комнатахъ, между тѣмъ, были бревенчатыя, не штукатуренныя и ничѣмъ не оклеенныя. И ужасно странно было видѣть золоченыя бра на нихъ, золоченую люстру, спускавшуюся съ потолка.

Наконецъ мы очутились въ дверяхъ огромной комнаты, наполненной народомъ. Знакомыя все лица, все наши же сосѣди, которыхъ всѣхъ я знаю; но только они теперь въ охотничьихъ уборахъ и почему то всѣ раскраснѣлись, говорятъ громче обыкновеннаго, почти кричатъ и хохочутъ; необыкновенно, отчего, то веселъ тоже и самъ хозяинъ, старикъ Назаровъ. Лицо у него ужъ не красное съ черненькими пятнышками, а темное, багроваго цвѣта, даже сизое стало, и на всемъ лицѣ голубоватый налетъ, какъ на спѣлой сливѣ. Онъ пьянъ и сильно охмѣлѣлъ. Къ нему всѣ пристаютъ, просятъ его о чемъ то, обступили. И онъ улыбается. Это страшное лицо улыбается!..

Вдругъ раздалось: — Матрешу! Матрешу! Василій Ильичъ позволилъ! Василій Ильичъ приказалъ!..

Нѣсколько человѣкъ кинулось, очевидно, чтобы отдать какое-то приказаніе.

Дядя здоровался то съ однимъ, то съ другимъ, разговаривалъ, смѣялся; я, охваченный невидимымъ зрѣлищемъ, почти испугавшись, слѣдовалъ за нимъ, крѣпко держась за руку его.

Прошло сколько то времени, и вдругъ изъ тѣхъ комнатъ — большихъ, длинныхъ и низкихъ — которыя мы проходили, послышались голоса, какъ бы кто приготовляется спѣваться и пробуетъ брать отдѣльныя ноты; опять послышались звуки струнъ...

Толпа, засѣдавшая и расхаживавшая въ столовой, какъ только услыхала голоса, моментально прекратила разговоры, стихла и направилась въ двери. Назаровъ тоже поднялся съ своего стула, оправился, какъ-то перевелъ плечами и своей тяжелой походкой—точно онъ хотѣлъ раздавить землю — пошелъ впереди всѣхъ.

Въ первой комнатѣ, отъ передней, въ залѣ, я увидалъ странную

для меня картину: полукругомъ стояло до пятидесяти женщинъ, одѣтыхъ такъ, какъ одѣваются кормилицы—въ красныхъ, голубыхъ, малиновыхъ, зеленыхъ сарафанахъ съ позументами, съ лицами, до половины прикрытыми кисеей. При нашемъ приближеніи, шаговъ за десять, онѣ всѣ разомъ, какъ по командѣ, поклонились намъ въ поясъ и опять стали неподвижными; ни звука, глаза опущены, не шевельнутся. Мы всѣ остановились посреди комнаты. Назаровъ что-то сказалъ, и вслѣдъ затѣмъ раздалось тихое, протяжное, заунывное пѣніе.

— Очень хорошо... очень... вскорѣ послышалось кругомъ меня.

Кончалась одна пѣснь, начинали другую... Но это все было что-то грустное, неподходящее совсѣмъ къ тону настроенія, въ которомъ всѣ сейчасъ были. Вдругъ Назаровъ кашлянулъ и проговорилъ:

— Мою.

Раздалась веселая, бойкая пѣсня. Назаровъ сдѣлалъ шага два впередъ, и всѣ пѣвицы собрались въ кругъ, опустились на колѣни, низко наклонивъ голову, уставившись въ землю. Назаровъ вынулъ платокъ изъ кармана, вошелъ въ этотъ кругъ, поднялъ платокъ надъ головой и пошелъ, присѣдая слегка, обходить. Пѣвицы продолжали пѣть, не поднимая глазъ на него, а онъ, сѣдой старикъ, ходилъ, приплясывая, и обошелъ такъ раза три или четыре.

— Браво!.. Бра-а-аво!.. раздалось въ залѣ.

Назаровъ вышелъ изъ круга, улыбаясь и тоже раскланиваясь, а женщины поднялись, встали и продолжали пѣть.

— Вотъ это такъ! Это такъ! Это понятно! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Въ это время лакеи на подносахъ внесли вино. Вдругъ одинъ изъ нихъ зацѣпился, поскользнулся, чуть не упалъ; подносъ съ виномъ у него полетѣлъ на полъ. И произошло это въ то время, когда опять слышалось уже тихое, заунывное пѣніе. Назаровъ быстро обернулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ лакею, мотнулъ какъ-то головой и, я услыхалъ, проговорилъ только:

— Триста...

Лакей весь какъ-то съежился, умалился подъ его взглядомъ, потомъ тихо неслышными шагами пошелъ къ выходу...

Одинъ или двое сказали возлѣ меня:

— Ну, зачѣмъ это... Вѣдь не нарочно-же онъ...

Было ужъ поздно довольно; скоро должны были начаться сумерки, а никто, повидимому, и недумалъ объ охотѣ. Дядя нагнулся ко мнѣ и проговорилъ:

— А знаешь что: ты поѣзжай-ка домой. А то поздно, и тамъ, дома, будутъ безпокоится.

Онъ проводилъ меня до передней, сказалъ что-то дожидавшемуся тамъ лакею нашему Никифору и мы поѣхали домой.

Когда мы проѣзжали мимо конюшни, въ глубинѣ темныхъ дверей, я замѣтилъ какое-то оживленіе. Тамъ стояло нѣсколько конюховъ и между ними вотъ этотъ самый лакей, который уронилъ подносъ со стаканами. Смутно я догадывался, въ чемъ дѣло... Никифоръ пояснилъ мою мысль.

— Сейчасъ Сашку вотъ наказывать будутъ, сказалъ онъ какимъ-то особеннымъ голосомъ...

Отецъ за мой визитъ къ Назарову чуть не поссорился съ дядей.

— Помилуйте, это Богъ знаетъ что такое, восклицалъ онъ: ребенка, и куда везти! Это только одинъ Василій Николаевичъ, кажется, этого не понимаетъ. И какъ это въ голову можетъ придти! Ну, не тамъ назначенъ сборъ—отпусти его, а не везти же его съ собою къ Назарову. Онъ тамъ, Богъ знаетъ, чего могъ насмотрѣться!

Я ужъ не разсказывалъ, чего я тамъ насмотрѣлся...

Припоминаю и другой еще случай.

Стояла холодная зима. Глубокій снѣгъ выпалъ еще съ осени, и не было ни одного наводка, ни одной оттепели. Къ праздникамъ начались морозы, и до того крѣпкіе, что солнце стояло „съ ушами“, какъ называютъ мужики боковыя отраженія его въ морозномъ воздухѣ. Птицы мерзли на лету.

Это было въ зиму передъ Крымской войной.

Я въ это время былъ уже въ гимназіи, въ нашемъ губернскомъ городѣ, и помню мою дорогу оттуда въ деревню въ эту морозную зиму. Тепло одѣтый и кромѣ того еще закутанный въ отцовскую медвѣжью шубу, я сидѣлъ въ саняхъ, весь заиндевѣлый, съ сосульками на воротникѣ отъ замерзлаго дыханія. Рядомъ со мною сидитъ нашъ человѣкъ Никифоръ; лицо красное у него, брови, рѣсницы совсѣмъ бѣлыя, и весь онъ бѣлый, такъ же какъ и я, отъ снѣгу, что летитъ отъ копытъ пристяжныхъ, и не догодаться даже, что на немъ шуба, крытая сукномъ. Впереди, передъ нами, на козлахъ, огромная заиндевѣлая фигура бородатаго кучера Ермила, да прыгаютъ спины пристяжныхъ. И кругомъ все бѣло, ослѣпительно бѣло.

Доскакали до села, гдѣ насъ ждетъ подстава, взошли въ избу, обогрѣлись, сняли эти сосульки съ волосъ, съ воротниковъ — чай пить, какъ можно, простудишься сейчасъ — и опять дальше на свѣжихъ лошадяхъ.

Было уже темно, когда мы подъѣзжали къ нашей усадьбѣ. Въ деревнѣ въ окнахъ горѣли огни и была мертвая тишина: все попряталось отъ холода; ни одна собака даже не тявкнула. Вотъ мы

обогнули застывшій въ серебряномъ своемъ уборѣ садъ, миновали рядъ конюшень, людскихъ и въѣхали въ широкій и просторный дворъ. Отъ крыльца отъѣзжаютъ чьи-то сани, запряженныя тройкой. Въ темнотѣ мы не разобрали, — оказывается это наши-же: отецъ ѣздилъ куда-то и сейчасъ только вернулся домой.

За чайнымъ столомъ, въ угольной, когда объятія, цѣлованія и первые распросы кончились, и всѣ успокоились и усѣлись, отецъ продолжалъ свой разсказъ матушкѣ:

— Такъ онъ поправился, но состояніе духа удручающее у него. То и дѣло раздражается. Драться не можетъ, такъ ужъ локтемъ норовитъ все въ зубы Ефима ударить. Онъ ему и разрѣзаетъ кушанья на тарелкѣ, и кормитъ его съ ложки и съ вилки...

— Это про кого ты расказываешь?

— Про Назарова.

— Онъ развѣ боленъ?

— Его ужъ съ мѣсяцъ какъ параличъ расшибъ. Теперь поправляется... Отвратительно это видѣть — продолжалъ отецъ — я просто едва могъ высидѣть у него полчаса... Позвалъ и велѣлъ Ефиму въ зубахъ у него зубочисткой ковырять. Ну, какъ онъ можетъ знать, гдѣ ему у него ковырять, — такъ онъ его все локтемъ въ лицо, локтемъ...

— Онъ-бы Рододендронъ заставилъ, сказала матушка.

— Не видалъ ее. Должно быть, дома нѣтъ, уѣхала куда-нибудь, отвѣтилъ отецъ.

— Это кто такое Рододендронъ? спросилъ я.

— Это экономка у него живетъ: — старуха, добавила матушка.

— Вотъ это кто, Рододендронъ, сообразилъ я, наконецъ...

Морозы скоро стали мягче. Подходили праздники. Въ теченіи этихъ немногихъ дней я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ разговоровъ о Назаровѣ, и всѣ въ ужасѣ повторяли, до чего въ этомъ старикѣ дошло озлобленіе. Эта чистка зубовъ его, и какъ онъ, немощный ужъ, разбитый параличемъ, все еще хочетъ драться, норовитъ ударить хоть локтемъ человѣка, который ходитъ за нимъ, какъ нянька, ужъ теперь, за ребенкомъ — вызывало у всѣхъ чувство отвращенія и негодованія.

— Положимъ, ударить больно онъ ужъ не можетъ его, говорили, я слышалъ, ну а все норовитъ...

По обыкновенію своему, слушая эти разсказы, я все старался себѣ представить, какъ это онъ сидитъ больной въ креслѣ, а Ефимъ — я зналъ этого человѣка его — перышкомъ ковыряетъ у него въ зубахъ, ошибается, робѣетъ, а тотъ наровитъ его все локтемъ ударить...

Помню также, что кто-то изъ сосѣдей былъ у насъ и говорилъ, что Назарову на столько уже стало лучше, такъ ужъ онъ поправляется, что его теперь, пользуясь мягкой погодой, каждый день во-

зятъ кататься. Запрягутъ послѣ обѣда лошадь въ санки; одѣнутъ его, закутаютъ, онъ и ѣдетъ съ кучеромъ куда нибудь — на деревню, на конюшню, на гумно.

Подошли, наконецъ, и праздники. Былъ сочельникъ. Всѣ были въ церкви, у всенощной, и только что вернулись оттуда. Я запомнилъ это все потому, что этотъ день считался у насъ особенно чтимымъ, и вдругъ въ этакой-то день получилось страшное извѣстіе: кучеръ, съ которымъ ѣздилъ всегда кататься Назаровъ, повѣсился, а самъ онъ съума сошелъ: мечется, дрожитъ весь, и ему все что-то кажется, представляется. Извѣстіе это привезъ бывшій за чѣмъ-то въ Дубовкѣ нашъ конюшій и теперь пришелъ въ домъ, чтобы сообщить отцу всѣ подробности объ этомъ.

— Да когда-же это было? разспрашивали отецъ съ матушкой конюшаго Евтропа, стоявшаго въ дверяхъ передней.

— Сегодня-съ. Какъ вотъ смеркалось. Они покушали, приказали запречь санки. Одѣлись они и поѣхали на гумно. Я и видѣлъ ихъ. У конюшни стою, говорю съ ихъ конюшимъ, а они ѣдутъ. Мы сняли шапки, они проѣхали... И часу не прошло, вдругъ, слышимъ, говорятъ: барина посылаютъ искать... Куда баринъ дѣвался—неизвѣстно... Матрена Никитишна приказали поѣхать узнать, гдѣ онъ. Никто и не думалъ ничего. Ну, такъ полагали всѣ, что съ гумна на деревню проѣхали... ухабы, ѣдутъ шагомъ... А она-то, знать, почуяла, либо догадались.

— Ну и гдѣ-же нашли-то?

— За гумномъ. Первый разъ пріѣхали — это, кто отыскивать-то ѣздили ихъ — на гумно, видятъ, никого тамъ нѣтъ, они на деревню: — Видѣли, спрашиваютъ, барина? Проѣзжалъ онъ по деревнѣ? — Нѣтъ, говорятъ, не видали. Они—туда, сюда, и на конюшню-то, и по дорогѣ къ Сальковымъ, къ Свищовымъ — нѣтъ нигдѣ. Тогда ужъ Матрена Никитишна-то сама велѣла другія санки заложить и поѣхала. Да и тоже ничего не нашла-бы, пожалуй, до утра, потому темно ужъ стало — но лошадь вдругъ заржала. Слушаютъ, слышатъ въ темнотѣ лошадь гдѣ-то на гумнѣ ржетъ: — какая тамъ ночью можетъ быть лошадь? Чья?—а не видятъ. Пошли какъ къ скирдамъ, а они тамъ... Лошадь стоитъ, возжи прикручены; въ санкахъ баринъ сидитъ; кучера нѣтъ. Кинулись къ барину-то, нагнулись, а они глаза вытаращили во какъ, а сами такъ вотъ и дрожатъ, такъ вотъ и дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ, и слова выговорить не могутъ. Только все вотъ эдакъ головой на дерево показываютъ. У нихъ вокругъ гумна-то ветлы насажены, такъ на ветлу-то одну все показываютъ головой. Догадались, наконецъ, взглянули, а кучеръ на кушакѣ-то и виситъ... За становымъ, за исправникомъ послали... Потому барина-то чуть не заморозилъ.

Ужъ застывать, было, стали. Еще-бы немножко до бѣды, заключилъ конюшій...

— Да отчего удавился то онъ?

— Отъ страха, должно быть. Такъ надо полагать. Много они его послѣднее время наказывать приказывали и еще пригрозили... А впрочемъ, неизвѣстно-съ.

— Да что говорятъ-то? продолжали распрашивать конюшаго.

— Да что-же? Извѣстно-съ, вотъ тоже все самое, что я докладываю. Говорятъ, отъ страху онъ это надъ собою сдѣлалъ. Вѣдь каждый день, изо-дня въ день наказывали. Какъ поѣдутъ кататься, чуть тряхнетъ ихъ на ухабѣ — сто розогъ; опять тряхнетъ — еще сто... Вчера, говорятъ, тоже поѣхали кататься, какъ пріѣхали — триста розогъ велѣли дать. Ну, онъ терпѣлъ, терпѣлъ, не выдержалъ и покончилъ съ собою...

Всѣ были въ страшномъ смущеніи, даже почти въ ужасѣ; говорили:

— Вотъ грѣхъ-то. И какъ это можно. Въ этакой-то день. Не могъ онъ претерпѣть еще. А то выбралъ въ какой день — въ сочельникъ!...

И о немъ всѣ тужили, особенно объ его душѣ. Сдѣлалъ надъ собой такой грѣхъ, въ этакій день — за что только душу свою погубилъ, и проч. и проч.

Отецъ хотѣлъ въ тотъ-же вечеръ, сейчасъ-же ѣхать въ Дубовку, но по какимъ-то соображеніямъ остался. Онъ поѣхалъ на другой день утромъ рано. Когда мы встали и вышли къ чаю, его уже не было. Около завтрака кто-то пришелъ въ домъ и разсказывалъ, что сейчасъ проѣхалъ нашъ исправникъ и тоже должно быть туда, потому Дубовка въ ту сторону. Отецъ вернулся къ самому ужъ обѣду и привезъ съ собою исправника. Они оба были смущены и видимо исполнены негодованія на обезумѣвшаго въ своей злости старика.

Матушка ихъ распрашивала. Мы, собравшись тутъ-же въ кучу, слушали. Подробности были ужасны... Когда Назарова привезли домой, онъ былъ, казалось, совсѣмъ помѣшанный и въ такомъ состояніи провелъ всю ночь. Въ домѣ, въ дворнѣ и на деревнѣ никто не ложился даже спать въ эту ночь. Повѣсившагося кучера Игната не снимали съ ветлы до пріѣзда исправника; онъ окоченѣлъ, и видъ его былъ ужасенъ.

— И молодой еще малый. Всего второй годъ какъ женатъ, разсказывалъ отецъ: — былъ конюхомъ, я помню его, ловкій малый, отлично выводилъ лошадей. Я не знаю, зачѣмъ онъ взялъ его въ кучера? Да ты видѣла, навѣрно, его. Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ намъ сюда, и недавно еще, нынче осенью. Бѣлокурый, видный изъ себя, добавлялъ свой разсказъ отецъ, обращаясь къ матушкѣ.

*

— Ну, что-жъ теперь будетъ? спрашивала матушка.

Исправникъ поднялъ плечи, сдѣлалъ грустное лицо и проговорилъ:

— Да что-жъ? Будетъ слѣдствіе... Похоронимъ.

— Нѣтъ, а Василью Ильичу-то?

— Что-жъ Василію Ильичу? Вѣдь не онъ же его повѣсилъ. Самъ повѣсился...

— Да вѣдь, знаютъ-же всѣ отчего онъ повѣсился.

— Знаютъ! Какъ-же вы это докажете? Догадываться можно, а кто-жъ это можетъ сказать навѣрное, что онъ повѣсился отъ жестокаго обращенія съ нимъ его барина? Да, наконецъ, какъ и понимать, что такое жестокое обращеніе? Вѣдь истязаній никакихъ не было?

— А наказывалъ-то онъ его каждый день?

— Это не истязаніе. Это онъ имѣлъ право...

Дня черезъ три, когда собрались въ Дубовку всѣ, кто долженъ былъ производить это слѣдствіе, отецъ опять туда ѣздилъ и привезъ, вмѣстѣ съ дальнѣйшими подробностями, странное извѣстіе: Назаровъ, у котораго до сихъ поръ не дѣйствовала лѣвая рука и одна нога, разбитыя параличемъ, началъ вдругъ теперь, послѣ этого, владѣть ими.

— Понимаешь, говорилъ отецъ матушкѣ, странно и страшно какъ-то его видѣть теперь: въ голову невольно приходитъ, что это въ наказаніе ему...

— Ну, а онъ что-же?

— Ничего. Все молчитъ.

— Что-же, ходитъ?

— Съ трудомъ еще, но ходитъ. Водятъ его подъ руку, опирается на палку...

Я все думалъ: — въ какомъ это смыслѣ отецъ сказалъ, что выздоровленіе Назарова — въ наказаніе ему, и сказалъ однажды объ этомъ при матушкѣ.

Она вздохнула и проговорила:

— А почемъ знать? Можетъ и въ самомъ дѣлѣ, чтобы онъ всю свою жизнь теперь казнился-бы... Вѣдь Назаровъ самъ-то знаетъ, что онъ изъ-за него на себя руки наложилъ...

Помню я и еще одинъ случай, когда этотъ человѣкъ вызвалъ во мнѣ возмущенное чувство.

Были образованы такъ называемые дворянскіе комитеты для обсужденія и разработки готовившагося положенія объ освобожденіи крестьянъ. Былъ такой комитетъ и въ нашемъ губернскомъ городѣ, и въ число членовъ его попалъ одинъ изъ нашихъ сосѣдей, большой пріятель отца, очень почему-то любившій и меня. Въ это время я былъ ужъ

въ шестомъ классѣ гимназіи. По воскресеньямъ, приходя къ нему въ отпускъ, я всегда почти находилъ у него нѣсколько человѣкъ помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ узнать, не слышно-ли чего еще о готовившемся событіи — объявленіи воли. Наслушался я тутъ много тогда всего...

Однажды, придя къ нему, я засталъ у него сидящимъ въ креслѣ Назарова. Онъ читалъ какую-то рукопись. Когда я вошелъ, Назаровъ оглянулся и уставился на меня. Я видѣлъ, что онъ не узналъ меня.

— А, здравствуй!.. Онъ намъ не помѣшаетъ, здороваясь со мною, сказалъ Назарову сосѣдъ и спросилъ его:—А развѣ вы не узнаете его? и назвалъ мою фамилію.

Назаровъ долго пристально посмотрѣлъ на меня, протянулъ мнѣ руку и ничего не отвѣтилъ сосѣду. Я сѣлъ, затѣмъ, въ уголъ, а Назаровъ взялъ рукопись съ окна, куда онъ положилъ ее при моемъ входѣ, и сталъ читать.

Это было одно изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ помѣщики въ то время много написали, но которыя тѣмъ не менѣе не остановили объявленія воли. Въ сочиненіяхъ этихъ обыкновенно приводились, какъ доказательство несправедливости готовящейся реформы, извѣстная преданность дворянства, его служба, опасность, которой могутъ быть подвергнуты: порядокъ, спокойствіе, собственность, правосудіе и проч. и проч. Назаровъ, читая, то и дѣло останавливался, размахивалъ, какъ-бы въ тактъ и для усиленія смысла, рукой, указывалъ въ пространство указательнымъ пальцемъ...

А я смотрѣлъ на него и думалъ: — „Жестокій старикъ, и для чего тебѣ это нужно все сохранять, удерживать всѣ эти права? Мало развѣ ты ужъ наказанъ за пользованіе ими“?..

И вдругъ я услыхалъ, — онъ читалъ о необходимости сохраненія за помѣщиками права наказыванія непослушныхъ, нерадивыхъ, грубыхъ и проч. и проч. Пошли градаціи, параграфы, рубрики... „Отъ двадцати пяти до ста ударовъ“... „Примѣняясь къ правиламъ, дѣйствующимъ въ войскахъ, слѣдуетъ назначать за таковой проступокъ отъ ста пятидесяти до двухсотъ пятидесяти ударовъ“... И т. д., и т. д., цѣлыя страницы все ударовъ и ударовъ, и все отъ такого-то количества до такого-то. Сосѣдъ слушалъ его, облокотившись и положивъ голову на руку, и не то благодушно, не то иронически улыбаясь, а Назаровъ все читалъ и читалъ. Это терпѣніе сосѣда, съ которымъ онъ слушалъ подобный вздоръ—злой вздоръ—раздражало меня.

Наконецъ Назаровъ кончилъ и уставился своими мутными глазами на слушателя.

— Очень хорошо-съ, сказалъ сосѣдъ: — я передамъ, внесу на обсужденіе.

Назаровъ выслушалъ его и заговорилъ:

— Мы, вѣдь, на мѣдные гроши обучались, а кровь свою тоже проливали-съ... Изъ орденскаго кирасирскаго полка, въ которомъ я подъ Бородинымъ имѣлъ честь служить, насъ осталось только двое: я да Чулковъ... Насъ можно, я думаю, выслушать... Вѣдь мы этихъ завиральныхъ идей... Хе, хе, хе...

— Я доложу-съ, повторилъ сосѣдъ.

Назаровъ посидѣлъ еще сколько то, потомъ всталъ, опираясь на палку-костыль, и туть только я замѣтилъ, что онъ былъ совсѣмъ ужъ согнутый и дряхлый старикъ.

Мнѣ вспомнилось, какъ онъ тогда ходилъ, — плясалъ въ кругу стоявшихъ на колѣняхъ пѣвицъ, какъ онъ сдавленнымъ голосомъ тихо сказалъ лакею, уронившему подносъ: — „Триста“... И ясно, живо вообразилъ я себѣ его сидящимъ и замерзающимъ на гумнѣ, въ саняхъ, передъ раскачивавшемся на ветлѣ кучеромъ его Игнатомъ.

Прощаясь и ужъ уходя, онъ очень церемонно раскланялся со мною. Сосѣдъ, депутатъ въ комитетѣ, пошелъ провожать его въ переднюю.

— Уфъ! возвратясь сказалъ онъ:—И уморилъ же онъ меня. Съ десяти утра читалъ все.

— Что же вы слушаете эту чепуху?

— Нельзя. Надо все выслушивать... Ахъ, что это за старикъ. Что въ немъ злобы, ненависти...

Это былъ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ живымъ.

И вотъ, теперь, когда живая жизнь побѣдила, когда все такъ радостно, свѣтло, когда, казалось бы, только и жить,— онъ умеръ, а тѣ, кого онъ давилъ всю жизнь тягостью своей злой власти, говорятъ, все ему простили и еще молятся за него...

Мнѣ хотѣлось непремѣнно своими глазами увидѣть этотъ послѣдній актъ страшной драмы, которая развертывалась и росла у меня на памяти съ дѣтскихъ лѣтъ, тревожа воображеніе.

— Да тебя что интересуетъ-то особенно? спросилъ отецъ, когда мы ѣхали съ нимъ въ Дубовку.

— А вотъ это отношеніе къ нему, умершему, вольнаго уже теперь народа.

— Я тебѣ говорю — самое теплое, участливое...

Передъ огромнымъ дубовскимъ домомъ, широкимъ, низкимъ, длиннымъ, съ коротенькими, деревянными, бѣлыми колоннами, которыя тогда еще были у многихъ домовъ старинной постройки, былъ большой съѣздъ экипажей и много людей.

Въ самомъ домѣ я былъ всего одинъ разъ только, тогда, какъ вотъ разсказывалъ, съ дядей, и видѣлъ Назарова среди колѣнопреклоненныхъ пѣвицъ его. Теперь, проходя комнаты, я почти не узнавалъ ихъ. Онѣ казались мнѣ тогда, хотя и низкими, но большими и длинными; люстры, висѣвшія съ потолка, богатыми и дорогими; теперь это все, опустѣло, предстало передо мною въ самомъ мизерномъ и даже прямо неопрятномъ видѣ: бревенчатыя стѣны грязныя и засиженныя мухами, почернѣли отъ времени; люстры, казавшіяся золотыми, полупились, полиняли, нѣкоторые рожки были отломаны и видно было, что не изъ золота и не изъ бронзы онѣ сдѣланы, а изъ желѣзной проволоки, облѣпленной алебастромъ и потомъ позолоченной. Мизерными, дешевой работы, и ужъ вовсе не художественной, были и эти призы — кубки, вазы, бокалы, разставленные на полкахъ вдоль стѣнъ и долженствовавшіе когда-то свидѣтельствовать о славѣ дубовскаго коннаго завода...

Впечатлѣніе какого то разочарованія, неудовлетворенности, запустѣнія и самаго полнаго ничтожества овладѣло мною.

— И это былъ пріютъ угрюмаго человѣка, который всю жизнь свою тиранилъ и угнеталъ людей, котораго одни ставили себѣ за образецъ, завидовали ему, его положенію, а другіе даже не смѣли и думать объ этакомъ величіи!..

Въ одной изъ дальнихъ комнатъ всѣ собрались. Очевидно, покойникъ стоялъ тамъ. Я, занятый своими воспоминаніями, отсталъ отъ отца и теперь тоже пошелъ туда.

На чемъ-то высокомъ стоялъ огромный гробъ, обитый серебряной матеріей. Въ комнатѣ былъ сильный запахъ хвои, къ которому присоединялся еще запахъ ладона и свѣчной копоти.

Но вотъ гробъ сняли съ постамента, и, колыхаясь и раскачиваясь, онъ двинулся мнѣ на встрѣчу. Я посторонился; его пронесли мимо. Изъ комнаты въ комнату толпа несла тяжелый этотъ гробъ, и наконецъ, всѣ вышли на крыльцо. Море головъ увидѣлъ я отсюда, сверху, и все непокрытыя, наклоненныя. Сколько сѣдыхъ, совсѣмъ бѣлыхъ между ними! Онѣ помнятъ многое, и все-таки и онѣ тутъ...

Отъ крыльца, черезъ дворъ и потомъ дальше, гробъ двигался, колыхаясь, ужъ на плечахъ сѣрыхъ и коричневыхъ зипуновъ. Насъ, ничтожную кучку сосѣдей помѣщиковъ, шедшихъ позади гроба, положительно поглотило это море людей въ лаптяхъ и зипунахъ.

Возлѣ меня, сбоку — я былъ крайній въ этой кучкѣ — шелъ высокій худой мужикъ съ необыкновенно сосредоточеннымъ и серьезнымъ лицомъ. На ходу онъ время отъ времени брался рукой за бороду и дѣлалъ это, мнѣ показалось, отъ нервнаго волненія. Я замѣтилъ его лицо. Потомъ, когда гробъ понесли къ могилѣ, мужикъ

этотъ опять очутился недалеко отъ меня. Гробъ начали опускать въ могилу, застучала земля... Все было кончено.

— Что, братъ, похоронили Василія Ильича-то, сказалъ я. Больше ужъ не увидите его.

— Страшное дѣло, вздохнувъ, проговорилъ онъ.

— Что, смерть-то?

— Тамъ-то какъ будетъ. Смерть что...

Въ это время вдругъ послышались опять голоса священниковъ и пѣніе: — „Что это такое?“ обратился я къ кому-то изъ стоявшихъ по близости.

— Народъ панихиду отъ себя служитъ, отвѣтилъ мнѣ мужикъ: — Народъ заказалъ... Это мы отъ себя, значитъ... наша ужъ...

И вся эта масса коричневыхъ, сѣрыхъ зипуновъ начала усиленно креститься и кланяться.

Въ нашей кучкѣ недоумѣвали, посматривали, обращаясь другъ къ другу.

— Это панихида, которую народъ отъ себя по немъ заказалъ, проговорилъ я.

Всѣ лица обратились ко мнѣ.

— Вонъ онъ мнѣ это сказалъ, объяснилъ я, указавъ глазами на мужика...

Мы поѣхали въ домъ поминать покойнаго обѣдомъ, а народъ-загадка толпами и кучками разбрелся по выгону, направляясь къ своимъ виднѣвшимся вдали избамъ...

С. Терпигоревъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

изъ Боделера.

(Переводъ).

Къ читателю.

Другъ мира, неба и людей,
Восторговъ трезвыхъ и печалей,
Брось эту книгу сатурналій,
Безчинныхъ оргій и скорбей,

Когда въ риторикѣ своей
Ты сатанѣ не подражаешь, —
Брось! ты больнымъ меня признаешь,
Иль не поймешь ни слова въ ней.

Но если умъ твой въ безднахъ бродитъ,
Ища обѣтованный рай,
Скорбитъ, зоветъ — и не находитъ,

Тогда... О, братъ! тогда читай!
И братскимъ чувствомъ сожалѣнья
Откликнись на мои мученья!

* * *

Я мысленно живу прошедшими вѣками,
Когда румяный Фебъ влюбленными лучами
Живыя статуи повсюду золотилъ;
Когда, кипя огнемъ нерасточенныхъ силъ,
Мужчина съ женщиной безъ робости притворной
Вкушали радостей напитокъ благотворный!
Въ тѣ дни Природа мать въ дарахъ любви своей
Не мачихой была для собственныхъ дѣтей,

Но, сердцемъ нѣжная волчица Квиринала [1]),
Сосцами смуглыми вселенную питала.
По мышцамъ Геркулесъ, по виду Антиной,
Мужчина вправѣ былъ гордиться красотой
Богоподобныхъ дѣвъ, его царемъ признавшихъ, —
Плодовъ гранатовыхъ, уста невольно звавшихъ...

Теперь, когда поэтъ усиліемъ мечты
Вновь хочетъ оживить тѣ чистыя черты
Первоначальныхъ лѣтъ съ ихъ гордой наготою,
Онъ содрогается отъ ужаса душою
Предъ полной холода картиной нашихъ дней!
О, куклы мертвыя, пародіи людей,
О, торсы жалкіе, достойные корсета,
Брюха отвислыя, боящіяся свѣта,
Вы всѣ, кого дѣтьми, не знавшими тревогъ,
Въ пеленкахъ бронзовыхъ лелѣялъ Пользы богъ!
И вы, о блѣдныя, какъ свѣчи восковыя,
Матроны нашихъ дней! Вы, дѣвы молодыя,
Носящія въ крови весь темный ядъ вѣковъ —
Пороки матерей и гнусности отцовъ!

То правда: у эпохъ изнѣженныхъ разврата
Есть виды красоты невѣдомой когда-то, —
Печать сердечныхъ ранъ на молодыхъ чертахъ
И прелесть томности мечтательной въ очахъ...
Но эти выдумки поэтовъ запоздалыхъ
Не осчастливили народовъ захудалыхъ,
И мы завидуемъ съ мучительной тоской
Далекой юности, наивной и святой,
Той свѣтлой юности, простой и непорочной,
Со взоромъ голубымъ яснѣй воды проточной,
Богатой пѣснями, безпечной, какъ цвѣты,
Струящей ароматъ любви и красоты!.

---

[1]) Вскормившая Ромула и Рема.

Испытаніе полночи.

Чу! захрипѣвъ, часы сердито
Бьютъ полночи глубокой часъ,
Насмѣшливо и ядовито
Отчета требуя у насъ:

Кому, какой служа святынѣ,
Свой день употребили мы?
Увы! мы шли путемъ гордыни,
Мамона, ереси и тьмы...

Отъ Бога правды, Іисуса,
Мы отрекались со стыдомъ!
Рабы пресыщеннаго вкуса,
За валтасаровымъ столомъ

Лизали руки грубой силѣ,
Слугѣ презрѣнному земли,
Надъ тѣмъ ругались, что̀ любили,
Тому молились, что кляли!

Мы беззащитныхъ огорчали
Всѣхъ, презираемыхъ толпой,
Лобзанья глупости давали,
Быку съ огромной головой;

Хвалили сонъ и отупѣнье,
Своимъ цѣпямъ несли привѣтъ
И омерзительнаго тлѣнья
Благословляли тусклый свѣтъ...

И все, чѣмъ молодость богата,
Чѣмъ свѣтелъ гордый даръ пѣвца,
Въ самозабвеніи разврата
Мы унижали безъ конца,—

И объѣдались до упаду,
И опивались мы виномъ...
Задуемъ-же скорѣй лампаду,
Потонемъ въ сумракѣ ночномъ!

---

* * *

Что вамъ небо съ грядущими вѣчными муками?
Что вамъ строгихъ законовъ земныхъ приговоръ?
Совѣсть, правду,— зовете вы праздными звуками
И не нуженъ вамъ славы ласкающій взоръ.

О, ступайте-жъ, ступайте дорогой паденія,
Ниже, ниже спускайтесь въ зіяющій адъ,
Гдѣ подъ огненной бурею всѣ преступленія,
Точно змѣи, шипя, въ безпорядкѣ кипятъ!

Торопитесь, бѣгите, о тѣни несчастныя,
Расточайте здоровье, разсудокъ и честь!
Ненасытны всѣ ваши мечты сладострастныя,
И на днѣ наслажденья найдете вы месть.

Цыгане въ пути.

Пророческій народъ съ огнемъ во взорахъ смѣлыхъ
Въ путь тронулся вчера — въ нѣмую глубь степей,
Закинувъ за спины малютокъ загорѣлыхъ,
Прижавши ихъ къ сосцамъ цвѣтущихъ матерей.

Мужья идутъ пѣшкомъ вблизи телѣгъ скрипучихъ,
Гдѣ семьи скучены, съ кинжаломъ при бедрѣ,
Задумчиво слѣдя цѣпь облаковъ летучихъ,
Умѣя тайный смыслъ постигнуть въ ихъ игрѣ.

Сверчокъ, завидѣвъ ихъ изъ глубины зеленой
Одѣтыхъ пылью травъ, заводитъ гимнъ влюбленный;
Къ бездомнымъ странникамъ Цибела-мать нѣжнѣй:
Сочится свѣтлый ключъ изъ почвы каменистой,
Въ пустынѣ стелется коверъ цвѣтовъ душистый —
Для нихъ, читающихъ во мглѣ грядущихъ дней!

Метампсихоза.

Подъ сѣнью портиковъ обширныхъ, безъ заботы
Я жилъ, какъ полубогъ. Я помню дивный сонъ,
Какъ превращалъ закатъ въ базальтовые гроты
Величественный рядъ возвышенныхъ колоннъ.

Пурпурная волна, вся полная движенья
И лѣни царственной, и сказочныхъ чудесъ,
Аккорды властные торжественнаго пѣнья
Сливала съ красками пылающихъ небесъ.

Тамъ жилъ я въ царствѣ грезъ, среди аллей тѣнистыхъ,
Среди лазури, волнъ, рабовъ полунагихъ,
Въ лицо мнѣ вѣявшихъ вѣтвями пальмъ душистыхъ,
Ловившихъ каждый взоръ лѣнивыхъ глазъ моихъ
И слившихъ въ цѣль одну всѣ мысли и желанья —
Загадку мукъ моихъ постичь — и увяданья...

Сонъ парижанина.

1.

Еще сейчасъ въ дали неясной,
Въ безбрежный вылившись просторъ,
Пейзажъ таинственно ужасный
Дивилъ и радовалъ мой взоръ.

Сонъ, полный чудныхъ привидѣній!
По странной прихоти мечты,
Міръ хаотическій растеній
Не нарушалъ ихъ красоты;

Но, геній самъ въ себя влюбленный,
Я краски мертвыя лишь бралъ:
Мерцанье влаги монотонной,
Холодный мраморъ и металлъ.

То былъ гигантъ-дворецъ, вмѣщавшій
Аркадъ и лѣстницъ Вавилонъ,
Тяжелымъ золотомъ взметавшій
Фонтановъ рѣзвый легіонъ.

Парчою занавѣсовъ плотныхъ,
Огнемъ расписанныхъ кулисъ,
Рядъ водопадовъ искрометныхъ
Со стѣнъ коралловыхъ повисъ.

Какъ лѣсъ стояли колоннады
Вкругъ мирно дремлющихъ прудовъ,
Гдѣ исполинскія Наяды
Плескались въ пѣнѣ береговъ.

Одѣвшись въ яркіе граниты,
Озера синія текли,
На милліоны верстъ разлиты,
Къ краямъ невѣдомымъ земли.

Цвѣтовъ неслыханныхъ утесы
И волны, полныя чудесъ!
Зеленогривые колоссы,
Блескъ отражавшіе небесъ,

Гдѣ, беззаботны и безмолвны,
Катились Гангесы огня,
Алмазовъ трепетныя волны,
Въ моря лазурныя струя!..

Создатель замковъ вдохновенныхъ,
Шутя бросалъ я, какъ титанъ,
Мосты изъ камней драгоцѣнныхъ
Чрезъ укрощенный океанъ.

Все, даже черный цвѣтъ, сіяло
Какимъ-то радужнымъ огнемъ;
Волна дышала и играла
Кристально-свѣтлымъ серебромъ.

Ничей-бы глазъ подъ небесами
Свѣтила дня не усмотрѣлъ,
Но на волшебной панорамѣ
День ослѣпительно горѣлъ.

И надо всѣмъ, какъ надъ могилой
(Страшнѣй, невиданнѣй всего:
Все — глазу, слуху — ничего!)
Безмолвье вѣчности парило!

2.

Воспламененный взоръ открывъ,
Очнулся я въ своей берлогѣ,
Разбитъ, безпомощенъ, чуть живъ,
Въ тискахъ заботы и тревоги.

Нахально полдень прозвучалъ,
Докучно улица шумѣла
И съ неба сумракъ упадалъ
На этотъ міръ окоченѣлый...

Соотвѣтствіе.

Природа — дивный храмъ съ толпой живыхъ колоннъ,
Намъ что-то шепчущихъ невнятными словами;
Символовъ темный лѣсъ привѣтными очами
На проходящаго глядитъ со всѣхъ сторонъ.

Какъ людныхъ городовъ стозвучные раскаты
Сливаются вдали въ одинъ неясный громъ, —
Такъ въ единеніи находятся живомъ
Всѣ тоны на землѣ, цвѣта и ароматы.

Есть много запаховъ, здоровыхъ, молодыхъ,
Какъ щеки дѣвушки, — какъ звуки флейты, нѣжныхъ, —
Зеленыхъ, какъ луга... И много есть иныхъ, —
Нахально блещущихъ, развратныхъ и мятежныхъ:

Такъ амбра сладкая, и мускусъ, и бензой,
Поютъ пиры любви и сладострастья зной.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЧИТАТЕЛЯ И ПИСАТЕЛЯ ИЗЪ НАРОДА [1].

I.

Въ послѣдніе годы торговля дешевыми или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, народными изданіями, значительно оживилась. Выступили на сцену новые издатели, стало появляться больше хорошихъ книжекъ. Если сравнить торговлю этими книгами прежде и теперь, — качественное и количественное ея развитіе станетъ несомнѣннымъ.

---

[1]) Статья эта представляетъ мой докладъ Спб. комитету грамотности, читанный 13 ноября 1890 г. Въ печати онъ появляется въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ, сообразно вновь полученнымъ матеріаламъ. Онъ составленъ исключительно по рукописнымъ источникамъ, которые получены мною слѣдующимъ образомъ: въ 1889 году, при дѣятельномъ участіи нѣсколькихъ народныхъ учителей и учительницъ, былъ составленъ мною «Опытъ программы изслѣдованія литературы для народа» (№ 56, «Русское Богатство», за 1889 г. и затѣмъ отд. изд.). При составленіи «Опыта программы» имѣлась въ виду прежде всего теоретическая постановка вопроса, на широкое же собираніе свѣдѣній, по многимъ причинамъ, я не разсчитывалъ. Но результаты оказались болѣе значительными, чѣмъ можно было ожидать: «Опытъ программы» не остался безъ отвѣтовъ. Въ разныхъ дальнихъ и близкихъ уголкахъ нашлись люди, сочувственно отнесшіеся къ моему начинанію. Съ 1 сентября 1889 г. по 1 января 1891 г. мною получено болѣе 500 писемъ отъ 303 лицъ. Въ этомъ числѣ преобладаютъ учителя (105) и учительницы (61); есть отвѣты отъ фельдшерицъ, двухъ горныхъ инженеровъ, трехъ священниковъ, девяти рабочихъ, тринадцати крестьянъ, и т. д. По мѣстностямъ большая часть отвѣтовъ падаетъ на среднія губерніи Россіи и губернію Петербургскую. Полученный матеріалъ крайне пестръ и разнообразенъ, напр. большія тетрадки, содержащія отвѣты почти на всѣ вопросы «Опыта программы», мелкія замѣтки на тотъ или иной вопросъ, наброски деревенскихъ впечатлѣній, даже автобіографіи (съ нѣкоторыми изъ нихъ я познакомлю въ настоящей статьѣ), деревенскіе дневники, и т. д. По моему адресу прислано нѣсколько тетрадокъ матеріаловъ, собранныхъ по извѣстной «Программѣ» А. С. Пругавина; письма разныхъ лицъ, близкихъ къ народу, болѣе 450 письменныхъ пересказовъ деревенскими и фабричными читателями разныхъ произведеній нашихъ лучшихъ авторовъ. Кромѣ этого

Это оживленіе торговли дешевыми народными книгами несомнѣнно показываетъ, что спросъ на книгу сравнительно съ прошлымъ увеличился, и увеличился именно въ тѣхъ слояхъ населенія, которымъ не по достатку книжки дорогія. Раскупаетъ дешевыя книжки деревня; раскупаетъ ихъ рабочее, трудовое населеніе городовъ. Уже по одному развитію торговли дешевыми книгами можно предположить, что гдѣ-то «въ глубинѣ Россіи», быть можетъ, даже тамъ, гдѣ «царитъ нѣмая тишина», нарождается и наростаетъ *читатель*.

Да, онъ наростаетъ. Правда, это наростаніе совершается очень медленно, кое гдѣ такъ медленно, что иные могутъ придти отъ этой медленности въ отчаяніе, и всѣ будутъ желать лучшаго... Тѣмъ не менѣе, наростаніе читателя совершается неизмѣнно и непрерывно. Это наростаніе въ сущности есть необходимый выводъ изъ исторіи послѣднихъ 30 лѣтъ незабвеннаго періода реформъ, внесшихъ въ русскую жизнь столько свѣжаго и новаго, оживляющаго, необходимый выводъ изъ эмансипаціи крестьянъ, увеличенія числа школъ, успѣховъ грамотности и т. д. Все это давно было замѣчено и отмѣчено, и объ этомъ совершенно излишне здѣсь говорить. Грамотность вызываетъ стремленіе къ книгѣ; спросъ на книги идетъ даже быстрѣе развитія грамотности. Какъ результатъ этого спроса (и, въ свою очередь, отчасти, какъ причина его), является масса дешевыхъ изданій на книжномъ рынкѣ.

Знаніями, заключающимися въ этихъ изданіяхъ, плохо-ли, хорошо-ли, но многія тысячи деревенскихъ грамотѣевъ пополняютъ или, вѣрнѣе, *могли-бы* пополнять тѣ свѣдѣнія, какія вынесены ими изъ школы.

На рынкѣ имѣются книги очень разнообразнаго содержанія, какъ по беллетристикѣ, такъ и по разнымъ наукамъ. Въ обоихъ томахъ «Что читать народу» зарегистровано 2510 названій. Но это число гораздо ниже дѣйствительности: въ него не вошли очень многія книги, не говоря уже о вышедшихъ въ 1889 и въ 1890 гг.; кромѣ того, въ него не внесены почти всѣ изданія «Никольскаго рынка».

Книжекъ появилось много, — и беллетристическихъ, и научныхъ; многія книжки, въ появленіи на свѣтъ которыхъ принимала участіе интеллигенція, очень не дурны, иныя превосходны. Но, присматриваясь ко всей массѣ этихъ «интеллигентныхъ» книжекъ, нельзя не замѣтить

печатные матеріалы (отчеты, газетныя и журнальныя статьи, и проч. и проч.). Я отъ души благодарю всѣхъ, откликнувшихся на «Опытъ программы» за присланные матеріалы. Еще болѣе дорога мнѣ переписка, возникшая со многими лицами на почвѣ «Опыта программы». Я дорожу ею, какъ однимъ изъ средствъ, правда, очень скромнымъ, но все-таки средствомъ единенія, общенія между работниками. Врядъ-ли можно сомнѣваться, что у насъ не такъ мало работниковъ, какъ мало единенія между ними.

нѣкотораго весьма своеобразнаго отношенія ихъ творцовъ къ своему дѣлу.

Прежде всего, по отношенію къ книжкамъ беллетристическаго содержанія до сихъ поръ упорно держится и отражается на дѣлѣ спеціально русскій взглядъ, что для народа должна существовать *особая* литература, упрощенная, потому что эстетическія и всякія другія тонкости народу не доступны: при этомъ, разумѣется, забываютъ, что, какъ показалъ кружокъ Х. Д. Алчевской, произведенія лучшихъ нашихъ авторовъ понимаются и находятъ прекрасный пріемъ въ деревнѣ; что тѣ-же сочиненія не всѣмъ бываютъ понятны и въ средѣ такъ называемыхъ «чистыхъ господъ»; что привычка читать всякія книги пріобрѣтается крайне быстро, если только экономическія и всякія другія обстоятельства откроютъ доступъ къ книгѣ.

Очень рѣшительно и опредѣленно высказывается въ своемъ обстоятельномъ письмѣ на «Опытъ программы» одинъ читатель изъ народа: «Въ литературѣ для общества попадаются часто скучныя и даже глупыя, ей Богу, глупыя книги (ихъ я могу назвать). Вотъ такую скучную книгу и дадутъ читать крестьянину или мѣщанину. Ну что-жъ? Книга ужасно скучная. Даже попадись вамъ скучная книга, неужели вы прочтете ее безъ всякой мины до конца? Не бросите-ли вы ее, не дочитавши? Такъ и намъ: попадется скучная книга — прочтешь четверть книги и бросишь, а между тѣмъ лица трубятъ: имъ непонятны фразы, они не могутъ читать книгъ, предназначенныхъ для общества. Нѣтъ, народу нужны *не народныя книги, а дешевыя*, потому что онъ *бѣднякъ*, а не *дуракъ*».

«Разъ читатель изъ народа можетъ *быгло* читать, то онъ всякую книжку пойметъ (беллетрист.). Для кого «Бѣдные люди» Достоевскаго нравятся, для кого нѣтъ. Мнѣ «Бѣдные люди» показались скучны, потому что весь романъ тянется въ видѣ письма. Я не хотѣлъ дальше его читать. Такъ развѣ это значитъ, что я не могъ его читать?»

Во вторыхъ, народная литература смѣшивается нерѣдко съ литературой дѣтской, однѣ и тѣ-же книги помѣщаются въ общую рубрику книгъ «для дѣтскаго и народнаго чтенія» [1]). Никто-бы противъ этого не возражалъ, если-бы здѣсь рѣчь шла о такихъ книгахъ для взрослыхъ, которыя прочтутся съ пользою и удовольствіемъ и дѣтьми; нѣтъ, приверженцы этого взгляда какъ-бы приравниваютъ умъ мужика къ уму ребенка, совершенно забывая разницу между сложившимся міровоззрѣніемъ мужика и неокрѣпшими сужденіями ребенка, и пичкаютъ на этомъ основаніи деревенскаго читателя азбучными истинами, облеченными въ дѣтскія формы.

[1]) Сообщ. г. З—на, изъ Херсонской губ.

Быть можетъ, изъ этого взгляда вытекаетъ третья особенность «особой» литературы для народа: утверждаютъ, что народъ нашъ любитъ поученія и назиданія, и такъ вѣритъ имъ, что до него, до этого наивнаго, дѣтски-простодушнаго мужика, одного рода поученія допускать можно и должно, а отъ другихъ слѣдуетъ его ограждать китайскою стѣною, какъ будто онъ безъ книжекъ самъ ни до чего не додумается.

Мы въ другомъ мѣстѣ имѣли уже случай иллюстрировать примѣрами всѣ особенности такихъ взглядовъ, поскольку они отражаются на книжкахъ. Присматриваясь къ нимъ и дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ небольшую экскурсію въ область исторіи, вы не безъ удивленія замѣчаете въ этомъ «ученіи объ особой литературѣ для народа» нѣчто старое, нѣчто знакомое; вамъ вспоминается еще не истершееся изъ памяти народной раздѣленіе на «бѣлую кость» и «черную кость». Переживаніе старыхъ воззрѣній еще удерживается въ области литературы. Бѣлой кости доступны и наука, и искусство, всѣ тонкости эстетики; черная кость всего этого лишена, — это нѣчто невѣжественное, грубое, безъ образованія неспособное подняться до отвлеченныхъ сужденій. Черной кости нужно все «разжевать да въ ротъ положить, да смотрѣть, какъ-бы не подавилась, глотая». Слушая разсужденія объ «особой литературѣ», спрашиваешь себя: что это, — трактованіе-ли деревенскихъ читателей свысока, или незнаніе ихъ? Сравните, какъ говоритъ со своими читателями авторъ Никольскаго рынка, его разговоръ — разговоръ равнаго съ равнымъ; какъ ни плохи его произведенія, но вы не найдете въ нихъ этихъ маскированныхъ третированій свысока, этого квасного, поучительнаго тона, какой претитъ читателю. Посмотрите теперь на какую-нибудь книжку изданій «Общества распространенія полезныхъ книгъ»; какъ часто изъ-за этой книжки рисуется вамъ образъ элегантной столичной барыни и «барина въ шляпѣ», который считаетъ себя вправѣ читать мораль на тему «Thue nichts böses». Читатель «черной кости» прекрасно чувствуетъ этотъ поучительный тонъ и, наученный горькимъ опытомъ, относится къ нему съ недовѣріемъ. «Все нашего брата учатъ!» насмѣшливо выразился одинъ рабочій, ученикъ воскресной школы, возвращая учительницѣ какую-то поучительную книжку [1]). Одинъ крестьянинъ изъ Соликамскаго уѣзда (Кизелов. вол.) выразился такъ: «Читалъ мнѣ мой паренекъ книжку, и ничего-бы она, да какъ будто только смѣются надъ нашимъ братомъ мужикомъ, пошто мы говоримъ, Илья пророкъ гремитъ» и т. д. [2]). «Къ нѣкоторымъ изданіямъ «Посредника» крестьяне относятся симпатично, пишетъ учи-

[1]) Сообщ. учительницей Спб. воскресной школы.
[2]) Сообщ. изъ Соликамскаго уѣзда.

тельница изъ Воронежской губ., Задон. уѣзда, даже часто просятъ у меня подобныхъ книгъ для чтенія, но большое количество этихъ изданій кажутся не только вполнѣ взрослымъ, но и молодымъ парнямъ слишкомъ дѣтскими, на чтеніе которыхъ не стоитъ и времени тратить» [1]). Какъ-то пришли къ одному моему знакомому нѣсколько фабричныхъ, выбирать книжки для чтенія. Тотъ разложилъ передъ ними десятка два брошюръ, которыя онъ считалъ «недурными». Рабочіе отобрали изъ нихъ кой какія, отложили въ сторону лишь поучительныя. — А эти что-же? спросилъ мой знакомый. — Эти-то? Ужо вотъ мы ихъ въ посту почитаемъ, а то больно ужъ поучительны! [2]).

Можно было бы привести и другіе примѣры, какъ претитъ поучительство тѣмъ самымъ читателямъ, до которыхъ желаютъ допускать чуть ли не одни поученія. Если бы писатели для народа и вообще люди, причастные къ составленію «народныхъ» книгъ, болѣе глубоко взглянули на свою задачу, то они не оставили бы безъ вниманія отзывовъ своихъ читателей, присмотрѣлись бы къ нимъ, узнали бы мнѣніе о той или иной книгѣ этихъ самыхъ читателей. Познакомиться съ читателями изъ народа, прислушаться къ ихъ сужденіямъ, поучиться у нихъ — необходимо, и прежде всего необходимо составителямъ книжекъ научно-популярныхъ. Но оно далеко не безполезно и для авторовъ книжекъ беллетристическихъ, не исключая первоклассныхъ талантовъ. Для иллюстраціи этой мысли не могу умолчать объ одной ошибкѣ, сдѣланной въ своихъ произведеніяхъ для народа такимъ замѣчательнымъ писателемъ, какъ Л. Н. Толстой. Во многихъ своихъ сказкахъ Л. Н. Толстой выводитъ дѣйствующими лицами чертей. Какъ же встрѣчены такія дѣйствующія лица читателями изъ народа? Сдѣлали ли они книжку болѣе привлекательной и понятной, какъ того, безъ сомнѣнія, желалъ авторъ, выводя чертей? Въ имѣющихся у насъ отвѣтахъ, присланныхъ изъ деревень, болѣе чѣмъ въ 127 читаемъ, что книжки съ чертями встрѣчаютъ чуть ли не повсюдное осужденіе со стороны взрослыхъ и пожилыхъ читателей. Только въ 37 отвѣтахъ говорится противное или вообще не встрѣчается осужденія. По выраженію деревенскихъ читателей, сказки съ чертями не хороши, потому что въ нихъ «говорится про чертей» [3]), или потому что «тутъ много разныхъ черныхъ словъ» [4]) или «частыя призыванія антихриста» [5]). Крестьянинъ С. Т. Семеновъ, авторъ многихъ изданій «Посредника», человѣкъ, которому, какъ мы увидимъ

[1]) Изъ Воронежской губ., Задонск. уѣзда.
[2]) Изъ С.-Петербургской губ.
[3]) Сообщ. изъ Воронежской губ.
[4]) Изъ С.-Петербургской губ.
[5]) Тульской губ.

дальше, сказка «Иванъ Дуракъ» Л. Толстого весьма понравилась, сообщаетъ, что она «многими обѣгается, потому что въ ней черти» [1]). Многіе отцы, пишутъ изъ Воронежской губ., запрещаютъ своимъ дѣтямъ читать подобныя книги, находя ихъ не только пустыми, но даже антирелигіозными. Вотъ ихъ собственныя выраженія: «къ чему пригодны такія книжки? Въ нихъ только и говорится, что про чертей». Или такой случай. «Учительница даетъ своему ученику 14—15 лѣтнему мальчугану книжку «Первый винокуръ». Черезъ нѣсколько часовъ тотъ приноситъ ее обратно. — Что такъ скоро? прочелъ развѣ? — Нѣту! тятька бранится, —кажутъ, нечистыхъ нанесъ въ избу, не смѣй, кажутъ, читать!» Правда, ребятишки туже сказку прочитываютъ гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ, — но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что масса деревенскихъ читателей относятся къ сказкамъ съ чертями враждебно. Если-бы Л. Н. имѣлъ это въ виду, вѣроятно, онъ не сталъ бы наполнять свои сказки чертовщиной. Отъ такихъ книжекъ отталкиваетъ деревенскихъ читателей то самое суевѣріе, которому авторъ ненамѣренно служитъ. Если такіе промахи можетъ дѣлать такой знатокъ народной жизни, какъ Л. Толстой, то что́ же сказать о другихъ составителяхъ народныхъ книжекъ?

Возьмемъ теперь книжки научнаго содержанія. Присматриваясь къ нимъ, вы тоже замѣчаете своеобразныя особенности въ популяризаціи знанія. Несомнѣнно, ученіе объ особой *научной* литературѣ для народа имѣетъ за себя очень много данныхъ. Польза, которую получаетъ какой либо читатель отъ той или иной популярной книжки, обусловлена запасомъ фактическаго, систематизированнаго матеріала, имѣющагося въ его головѣ; запасъ этотъ въ головѣ мужика необходимо носитъ отпечатокъ односторонности, однообразія, и, кромѣ того, относительно бѣднѣе, чѣмъ запасъ этотъ въ головѣ «культурнаго» читателя. Вести популяризацію во всемъ блескѣ стройной научной теоріи поэтому самому здѣсь не всегда возможно, — нужно справиться съ особенностями міровоззрѣнія читателя. Если изученіе этого послѣдняго далеко не безполезно для беллетриста, такъ для популяризатора оно положительно необходимо. Просматривая существующую популярно-научную литературу, подчасъ просто поражаешься, какъ неумѣло авторы принимаются за свое дѣло, какъ мало знаютъ они и тѣхъ людей, кому говорятъ, и условія жизни, въ какія поставлены эти люди. Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ одной аудиторіи народныхъ чтеній читается лекція по астрономіи. Чтецъ сопровождаетъ чтеніе объясненіемъ картинъ. Послѣ чтенія предлагается нѣсколькимъ слушателямъ (солдатамъ) написать, что они запомнили изъ лекціи. Вотъ одно изъ сочиненій (ихъ доставлено

[1]) Московской губ.

нѣсколько). Писавшій—человѣкъ довольно грамотный, владѣетъ слогомъ. (Сочиненіе имѣетъ форму діалога). «Есть люди, которые и сейчасъ знаютъ, сколько далеко отъ насъ солнце.—Да какъ же они могли узнать, если выше двадцати верстъ человѣкъ не можетъ и жить, потому что тамъ воздухъ очень «чижолый»? — Такъ зачѣмъ? Мы кверху и не полѣземъ, а у насъ есть такой дальномѣръ: возьмемъ примѣръ съ артиллеристовъ: они стрѣляютъ на большія разстоянія, и немного ошибаются: вотъ такимъ то родомъ и мы можемъ узнать хотя бы высоту горы или разстояніе рѣки. Такимъ то родомъ и узнали, сколько далеко отъ насъ солнце, и луна, и звѣзды. Но я этому, ваше благородіе (замѣчаетъ уже отъ себя авторъ сочиненія), плохо вѣрю, потому что на такое большое разстояніе на много тысячъ верстъ можно ошибиться. Теперь будемъ говорить, изъ чего состоитъ солнце и звѣзды. Есть такіе люди, узнали, изъ чего состоятъ солнце и звѣзды. Говорятъ, что они состоятъ изъ разнаго металла и разныхъ камней, и говорятъ, что они разгорячены и свѣтятъ разными огнями. Я этому, ваше благородіе, не вѣрю, чтобы могли узнать на такое большое разстояніе, и *къ тому же не дано людямъ* знать, что есть на небѣ. Еще не вѣрю тому, изъ чего звѣзды, именно потому, что въ откровеніи сказано, что когда человѣкъ родится, въ то время появляется звѣзда на небѣ. Еще говорятъ, что звѣзды одна отъ другой очень далече, хотя они и показываютъ, что совсѣмъ часто. Этому я могу повѣрить», и т. д. Другой солдатъ пишетъ. «Хорошо это, можетъ и вѣрно, да только какъ каменья (т. е. аэролиты) держатся на воздухѣ (т. е. не падая), да кто солнце раскалилъ, да каменья отчего произошли? Кто собралъ комиды изъ камней?» [1]). Можно было бы сдѣлать выписки еще и еще, и всѣ онѣ показали-бы, что авторъ не затронулъ какихъ то общихъ положеній, общихъ доводовъ, тѣхъ китовъ, на которыхъ держится, и крѣпко держится, то или иное суевѣріе. Лекція понята, но она читателя мало въ чемъ убѣдила. Читатель остался при своемъ. Перефразируя слова И. И. Срезневскаго, мы можемъ сказать, что популяризаторъ долженъ ясно представить себѣ, что́ знаютъ тѣ люди, которымъ онъ предназначаетъ свою книжку, и слѣдовательно, какими знаніями ихъ можно воспользоваться для передачи имъ новыхъ знаній, вмѣстѣ съ тѣмъ, чего они не знаютъ и что́ должны знать. При этомъ не могу не привести нѣсколько словъ изъ отвѣта на «Оп. программы» В. И. Савихина: «Если человѣкъ подходитъ къ большой истинѣ постепенно, то онъ усвоитъ ее легко, будь онъ самъ Михаилъ Иванычъ Топтыгинъ. Но когда эта истина попретъ на него быкомъ, ни съ того, ни съ этого, онъ изумится и отодвинется

[1]) Сообщ. изъ Петерб. губ.

въ сторону, и ужъ въ другой разъ — мое почтеніе. Исключенія, разумѣется, есть, но вѣдь они всегда были и всегда будутъ».

Вотъ еще примѣры, нѣсколько въ иномъ родѣ, рисующіе нежеланіе авторовъ обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности жизни своихъ читателей. Очень многія книжки по селькому хозяйству написаны «для крестьянъ вообще», безъ указанія мѣстности, какую имѣлъ въ виду авторъ. Вслѣдствіе этого выходитъ то, что и хорошія книжки для массы читатей пользы не приносятъ. Да и экономическія условія нельзя не принимать въ разсчетъ при составленіи книжекъ по сельскому хозяйству. Пришлось какъ то лѣтомъ мнѣ бесѣдовать съ однимъ очень умнымъ мужикомъ дер. Б. близъ Ораніенбаума, о «Бесѣдахъ по земледѣлію» Котельникова. О книжкахъ былъ данъ отзывъ прекрасный; видно было, что многія явленія въ жизни растеній эта книжка читателю уяснила. Онъ толково разсказалъ мнѣ о значеніи фосфорной кислоты въ питаніи растеній, о поглощающей способности почвы и т. д. Но когда рѣчь зашла о примѣненіи добытыхъ знаній, Иванъ Максимычъ сказалъ: «хорошо это все, только не про насъ,—не по нашимъ мѣстамъ. У насъ какъ тутъ сѣять траву? Вонъ покосъ то какой,— все полосами». Второй выпускъ «Бесѣдъ» уже не прельстилъ его.

Очевидно, въ данномъ случаѣ повторяется басня о соловьѣ, котораго баснями не накормишь. Тоже самое какъ существующими книжками по «гигіенѣ бѣдныхъ людей», книжками, въ которыхъ заключается столько почтенныхъ и научныхъ совѣтовъ, не сдѣлаешь чище избу безземельнаго или малоземельнаго мужика, который весь поглощенъ одною мыслью — о кускѣ хлѣба. Иногда эти басни звучатъ горькой ироніей. «Среди крестьянъ нашей мѣстности, пишетъ одинъ учитель изъ Воронежской губ., такъ мало книгъ для чтенія, что они читаютъ всякую попавшуюся книгу. Этимъ я воспользовался, — давалъ книжки, какія менѣе всего читаются крестьянами. О книжкѣ «Какъ пахать и боронить» Горбунова они сказали: «Это мы и безъ книжки сумѣли бы, — было бы что́ пахать...» Книжка эта не въ ходу и понынѣ».

Было бы излишнимъ увеличивать рядъ отзывовъ деревенскихъ читателей о книгахъ относительно хорошихъ; о дурныхъ (имъ же нѣсть числа) нечего и говорить. Про дурныя и мало понятныя книжки читатели деревенскіе выражаются очень характерно: напр. «такая то книжка изъ разныхъ словъ составлена», «въ памяти не стоитъ», «на чтеніе не хороша», «читаешь ее—она еще ничего, а прочелъ 5—6 страницъ, — и про все забылъ». Отзывы эти весьма поучительны для «писателей народныхъ книжекъ», они прямолинейно, правдиво и безъ злобы обличаютъ ихъ неумѣнье, подчасъ ихъ превратныя представленія о своихъ читателяхъ, заставляющія ихъ то разсыпаться въ фарисейскихъ поученіяхъ, то наперекоръ своимъ убѣжденіямъ выводить на сцену чертей, то подстригать и

подчищать исторію на подобіе деревьевъ версальскаго сада, то кормить соловья баснями и т. д. и т. д. Все это кажется самимъ читателямъ до того безобразнымъ, нелѣпымъ, подчасъ даже обиднымъ, какъ мы это и видѣли, — что не мудрено, если они безъ разговоровъ и съ бо́льшимъ удовольствіемъ читаютъ лубочные романы, чѣмъ услащенныя прописи и другія благожелательные монстры радѣтелей о литературѣ для народа.

Авторы должны прислушиваться и дорожить указаніями своихъ читателей. Изученіе читателей изъ народа имѣетъ не только огромный теоретическій интересъ, въ смыслѣ изученія народнаго міровоззрѣнія,— оно имѣетъ, кромѣ того, интересъ практическій. Въ одномъ изъ своихъ талантливыхъ «Очерковъ русской жизни» Шелгуновъ очень мѣтко замѣтилъ, что извѣстный трудъ, «Что читать народу?» заключаетъ въ себѣ вопросъ, «какъ писать для народа, какъ съ нимъ говорить; какъ создать живую и нравственную связь съ нимъ, какъ установить непосредственныя отношенія». «Что читать народу?» добавимъ мы, вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ и отвѣтъ на этотъ вопросъ; если отвѣтъ не полонъ,— во всякомъ случаѣ, капитальный трудъ кружка Х. Д. Алчевской содержитъ много указаній словами самого народа, какъ писать книжки.

Если тѣ, кто берется за трудъ составленія книжекъ для народа, не знаетъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ желаетъ бесѣдовать,—пусть онъ хоть дорожитъ указаніями, замѣчаніями, мнѣніями этихъ послѣднихъ и учится по нимъ. Эти мнѣнія *безусловно необходимы* составителямъ научныхъ книжекъ; эти мнѣнія *полезны* и авторамъ беллетристическихъ произведеній, для созданія которыхъ первое условіе — талантъ.

Какъ-бы ни посмотрѣлъ кто на эту мысль, — какъ на труизмъ, или какъ на ересь, во всякомъ случаѣ, это труизмъ, съ которымъ необходимо считаться. Что касается до обвиненія въ ереси, то должны признаться: да, мы раздѣляемъ эту ересь, и думаемъ, что ее раздѣлятъ съ нами всѣ, кому приходилось слѣдить за отношеніемъ народа къ книгѣ, и кому удалось познакомиться съ наличностью такъ называемой литературы для народа.

Авторы должны знать своихъ читателей. Это отнюдь не значитъ, что они должны подлаживаться подъ тонъ народа,—наоборотъ: потому то нѣкоторые и подлаживаются, что не знаютъ своихъ читателей, которымъ это подлаживанье претитъ и внушаетъ недовѣріе.

Созданіе популярно-научной литературы, обнимающей всевозможныя отрасли знанія, должно стать дѣломъ русской интеллигенціи. Прямо или косвенно, — всѣ желающіе могутъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Разумѣется, не всѣ могутъ взяться за составленіе книжекъ, но масса интеллигентныхъ людей, стоящихъ у народа, могутъ помочь изученію народа, какъ читателя, и такимъ образомъ оказать неоцѣнимую услугу развитію научной литературы для народа. Слишкомъ еще

мало сдѣлано въ разработкѣ этой стороны дѣла,—главная работа еще впереди. Правда, у насъ существуетъ уже нѣсколько «Программъ для собиранія свѣдѣній о томъ, что читаетъ народъ», какія книги встрѣчаются въ его средѣ, напримѣръ, программа Д. И. Шаховского, программа А. С. Пругавина. Но эти программы обращаютъ главное вниманіе на то, что читаетъ народъ, мало касаясь внутренней, задушевной такъ сказать стороны дѣла,— *впечатлѣній*, которыя производитъ такая-то книжка на такихъ-то читателей [1]). Между тѣмъ эта-то сторона особенно и важна. Много-ли могутъ дать для изученія читателя списки книгъ, найденныхъ у крестьянъ? Разумѣется, кое-что они уясняютъ, но все-таки несомнѣнно, что по спискамъ нужно очень осторожно судить объ отношеніи деревенскихъ читателей къ книгѣ. Приведу два примѣра.

Просматривая длинные списки книгъ, найденныхъ у крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, прежде всего поражаешься огромнымъ преобладаніемъ книгъ религіозныхъ. Безъ сомнѣнія, эти списки говорятъ и о религіозности русскаго народа, но, разумѣется, у всякаго явленія не одна, а нѣсколько причинъ, его объясняющихъ. Вотъ на эту-то мысль и наводятъ нѣкоторые отвѣты на «Оп. программы». Въ 168 отвѣтахъ, словомъ, почти во всѣхъ, которые содержатъ отвѣтъ на 78 вопросъ, говорится, что старики больше любятъ читать книжки духовно-нравственнаго содержанія.

Одинъ учитель, при собираніи свѣдѣній, спросилъ у мужика, почему у нихъ такъ мало книгъ свѣтскихъ. На этотъ вопросъ тотъ отвѣчалъ, что они и рады-бы пріобрѣтать такія книги, да не всегда могутъ купить что желаютъ, — старики не позволяютъ и заставляютъ покупать что имъ, старикамъ, больше нравится, т. е. божественныя книги. «Старики, отъ которыхъ зависитъ пріобрѣтеніе книгъ, продолжаетъ авторъ сообщенія, убѣждены, что свѣтскія книги не даютъ ничего хорошаго, что, читая ихъ, научишься только плохому; по ихъ мнѣнію, одно только божественное проливаетъ свѣтъ. Такое мнѣніе сложилось отчасти потому, что крестьяне, кромѣ дурныхъ и часто безнравственныхъ книгъ. вродѣ «Пана Твардовскаго», Бовы и т. п., мало встрѣчали книгъ хорошихъ». «Старшіе въ семьѣ, пишутъ изъ Соликамскаго уѣзда, заставляютъ читать болѣе духовныя книжки». «Когда принесутъ въ библіотеку (школьную), пишетъ оттуда же другой учитель, только что прочитанную сказку, то непремѣнно просятъ послѣ нея книгу божественную, говоря при этомъ: «Тятенька и дѣдушка велятъ читать теперь божественную книгу, а то, говорятъ, будете все сказки читать, Бога

[1]) Въ новомъ изданіи (1890 г.). «Программа» А. С. Пругавина значительно переработана, и на отношеніе народа къ разнаго рода книгамъ обращено вниманіе. См. прекрасную книгу Пругавина «Запросы народа».

скоро забудете». «Дѣти, пишетъ крестьянинъ С. Г. Журавлевъ [1]), иногда по внушенію своихъ родителей, требовали изъ моей библіотеки книги божественныя, которыя несовсѣмъ охотно читаются ими, развѣ за нѣкоторыми исключеніями; но за то родители весьма довольны». Крестьянинъ Семеновъ [2]) тоже пишетъ: «читая житія святыхъ, читатели и слушатели очень утомляются, особенно изъ молодыхъ».

Съ другой стороны, божественная книжка въ глазахъ деревенскаго читателя окружена какъ-бы ореоломъ. «Разъ ты пріобрѣлъ духовную книжку на собственныя средства, пишетъ одинъ грамотѣй [3]), ты совершилъ цѣль добродѣтели на всегда, не только для себя, но и для ближняго своего». Духовныя книжки хранятся у образовъ, свѣтскія же книжки, особенно такія, какихъ больше всего, т. е. лубочныя, такимъ почетомъ не пользуются: онѣ валяются то на полицѣ, то въ сундукѣ, то въ ящикѣ стола, и т. п. «По прочтеніи, пишутъ изъ Землянскаго уѣзда, купленныя книжки (не божественныя) не берегутъ, а раздаютъ для чтенія и совсѣмъ раздариваютъ своимъ роднымъ и знакомымъ, находя чтеніе въ другой разъ той же самой книжки неинтереснымъ. Потому-то большого запаса книгъ ни въ одной семьѣ не встрѣчается». Можно думать, какъ видно изъ другихъ сообщеній, онѣ и читаются больше, особенно среди молодежи,—поэтому скорѣе треплются и уничтожаются. Происходитъ своего рода тоже естественный отборъ,—наиболѣе подходящія къ семейному режиму выживаютъ, сохраняются, а прочія уничтожаются. Въ результатѣ получаются списки книгъ съ такимъ преобладаніемъ сочиненій изъ даннаго отдѣла, которое нисколько не показываетъ настоящаго отношенія къ книгѣ такихъ-то читателей.

И другіе факты наводятъ на мысль, какъ осторожно нужно относиться къ спискамъ книгъ и по нимъ судить объ отношеніи къ книгѣ. Вотъ списокъ книгъ, выданныхъ изъ школьной библіотеки. Присматриваясь къ нему, вы замѣчаете, что однѣ книги очень мало находятся на рукахъ крестьянъ и успѣваютъ побывать у многихъ, даже изъ разныхъ деревень; другія книги читатели держатъ по долгу. «Изъ училищной библіотеки, пишетъ учительница Саратовской губ., книги берутся мало, но держатся по долгу». Слѣдуетъ ли отсюда, что крестьяне ихъ мало читаютъ? Скорѣе *наоборотъ:* понравится книга тому, кто взялъ ее изъ библіотеки, тотъ, по прочтеніи рекомендуетъ и передаетъ ее другому, третьему, и книга идетъ изъ рукъ въ руки, и только обойдя цѣлый кругъ читателей, ворочается обратно въ книжный шкафъ. Часто можно сказать наоборотъ: чѣмъ больше книга по душѣ, тѣмъ дольше она на рукахъ. «Хорошую книжку, пишетъ Журавлевъ, всегда до тѣхъ поръ

[1]) Изъ Тверской губ.
[2]) Изъ Московской губ.
[3]) Изъ Спб. губ., Петерг. у.

не отдаютъ обратно, пока книга не перебываетъ въ рукахъ у всѣхъ грамотныхъ и мало-мальски читающихъ крестьянъ. Вотъ для примѣра «Князь Серебряный» А. К. Толстого ходитъ по деревнѣ. Въ настоящее время читали его такіе домохозяева, которые даже и не берутъ у меня книгъ. Такіе случаи съ хорошими книгами весьма нерѣдки».

Сводя все предъидущее къ одному, мы видимъ, какое огромное (если не рѣшающее) значеніе имѣетъ для составителей народныхъ книжекъ, прежде всего популярно-научныхъ, затѣмъ книгъ беллетристическихъ, изученіе народа какъ читателя. Для авторовъ и издателей книгъ беллетристическихъ это изученіе разрѣшитъ такого рода пререканія, какъ пререканіе объ особой литературѣ для народа, о дѣтскомъ элементѣ въ народной литературѣ и о поучительной миссіи ея; оно же можетъ удержать подчасъ отъ ошибокъ, какъ наприм. въ случаѣ съ графомъ Л. Толстымъ. Авторомъ книжекъ научно-популярныхъ оно покажетъ, какъ нужно популяризировать знанія въ мало подготовленной массѣ. Нечего говорить, что сама жизнь подскажетъ и самыя темы, за популяризацію которыхъ долженъ приняться тотъ писатель, который своимъ трудомъ желаетъ помочь жизни, той самой жизни, которая, какъ выразился одинъ мой корреспондентъ, «положительно вопіетъ о помощи». Когда нѣсколько лѣтъ назадъ «Посредникъ» обратился къ обществу съ предложеніемъ указать, какія темы требуютъ неотложной разработки,— масса людей, стоящихъ у народа, знающихъ его жизнь, искренне желающихъ помочь въ его нуждахъ, откликнулась на призывъ почтенной фирмы. Мы убѣждены, что такіе люди помогутъ и дѣлу изученія народа какъ читателя, помогутъ собрать отзывы и замѣчанія читателей о различныхъ книгахъ, помогутъ разобраться въ этихъ отзывахъ и выработать по нимъ серьезное мѣрило для сужденія о «книжкѣ для народа», столь важное для правильной критической оцѣнки народныхъ книгъ. Какія знанія болѣе необходимы? Что выносятъ изъ той или иной книжки такіе то читатели? Каковъ долженъ быть планъ такой книжки, ея доводы, ея языкъ? Какъ преломляется мысль писателя въ головѣ читателя? Массу вопросовъ, которые невольно приходятъ на умъ, здѣсь не мѣсто приводить. Въ нашемъ «Опытѣ программы» мы сдѣлали два года тому назадъ скромную попытку обратить вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому дорого образованіе народа, и кто понимаетъ все значеніе образованія внѣшкольнаго, на изученіе этого внутренняго, такъ сказать, отношенія къ книгѣ. Работа надъ книгой для народа, несомнѣнно, и широка, и плодотворна, и врядъ ли не болѣе плодотворна, чѣмъ всякая другая въ области народнаго образованія. Это мы и покажемъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Памятны, вѣроятно, всѣмъ слова Щедрина: «Читатель, гдѣ ты?» Въ высшей степени интересенъ и имѣетъ огромное значеніе для исторіи умственнаго развитія общества отвѣтъ и на другой вопросъ: «Читатель, каковъ ты?»

Всѣ читатели, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, на какой бы степени развитія ни стояли, интересны по своему. Наблюденія надъ читателями городскихъ, общественныхъ и частныхъ библіотекъ даютъ богатый матеріалъ для сравненія читателей «культурныхъ» и читателей «изъ народа». И у тѣхъ и другихъ есть не мало черточекъ сходства. Мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ, какъ «чистая публика» выбираетъ книжку по объему, по формату, по количеству «черточекъ» (тѣхъ самыхъ, которыя ставятся въ началѣ красной строки въ разговорахъ: «черточки» эти—терминъ); иные спрашиваютъ романы непремѣнно такіе, чтобы «порокъ не торжествовалъ». Одна дѣвица настоятельно излагала даже цѣлый рецептъ романа, какой ей требуется, и чтобы онъ непремѣнно кончался свадьбой. Это фактъ. Другіе предъявляютъ рецепты иного рода. У массы подписчиковъ въ такомъ же ходу «Рокамболь», — т. е. безконечная серія анти-естественныхъ романовъ Понсонъ дю Террайля, Ксавье де Монтепена, сказанія объ индѣйцахъ и пр., и пр., какъ въ народѣ «Англинскій милордъ». Правда, здѣсь, въ городскихъ библіотекахъ вы не встрѣтите Бовы, Еруслана и др., но за то есть такія же традиціонныя симпатіи къ Дюма, особенно къ его «Тремъ мушкатерамъ», «Графу Монте-Кристо» и др. Кто читаетъ эти романы? Читаютъ ихъ гимназисты и гимназистки, чиновники, купцы, ихъ чада и домочадцы [1]). Затѣмъ прикащики въ разныхъ торговыхъ заведеніяхъ. Все это читатели «не изъ народа», если можно такъ выразиться. Присматриваясь къ ихъ отношенію къ книгѣ, разговаривая съ ними, вы встрѣчаете здѣсь очень большое разнообразіе. Читатели бываютъ всякіе. Одни схватываютъ только содержаніе, фабулу даннаго литературнаго произведенія, другіе уже вникаютъ въ отношенія дѣйствующихъ лицъ, третьи усваиваютъ идею, четвертые способны къ критическому отношенію къ этой идеѣ, и т. д.

Присматриваясь къ такъ называемымъ читателямъ изъ народа, деревенскимъ, фабричнымъ, въ сущности вы находите тѣ же самыя градаціи. Среди присланныхъ ко мнѣ на «Опытъ программы» матеріаловъ, между прочимъ, имѣются нѣсколько сотенъ письменныхъ работъ сол-

---

[1]) См. мою статью «Внѣклассное чтеніе учащихся и частныя библіотеки». «Женск. Образованіе», 1889 г. №№ 5—6.

датъ, учениковъ воскресныхъ школъ, слушателей повторительныхъ курсовъ, учениковъ начальныхъ училищъ и слушателей изъ другихъ постоянныхъ аудиторій. Это пересказы или отвѣты на поставленные вопросы по поводу нѣкоторыхъ выдающихся изданій для народа. Вмѣстѣ съ этими письменными работами присланы многими характеристики, иногда біографіи, даже автобіографіи писавшихъ. Разсмотрѣніе этого матеріала я откладываю до другого раза; скажу только общее впечатлѣніе отъ знакомства съ нимъ.

Матеріалъ этотъ наводитъ на мысль о возможности классификаціи читателей по ихъ отношенію къ даннымъ группамъ книгъ. Говоря такъ, мы не имѣемъ въ виду теорію Геннекена, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ горячо защищалъ основной принципъ своей научной критики («эстопсихологіи»), а именно: «художественное произведеніе производитъ эстетическое дѣйствіе только на тѣхъ, людей, психическая организація которыхъ является хотя и низшей, но аналогичной психической организаціи автора» [1]) и Геннекенъ въ своей книжкѣ «La critique scientifique» указывалъ, какое значеніе можетъ имѣть изученіе читателей. Этотъ принципъ, какъ мы думаемъ, вполнѣ заслуживаетъ, чтобы на него обратили вниманіе, и въ другомъ мѣстѣ мы постараемся примѣнить его къ разработкѣ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала и классификаціи читателей. Теперь же мы имѣемъ въ виду не классификацію читателей; мы намѣрены познакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ отвѣтахъ на «Опытъ программы» и письменныхъ работахъ, имѣющихся у насъ подъ руками, есть матеріалы, относящіеся къ характеристикѣ какъ крайне неподготовленныхъ читателей, такъ и читателей подготовленныхъ.

Оставляя пока въ сторонѣ читателей мало подготовленныхъ, мы познакомимся теперь съ читателями другого рода, которыхъ можно бы назвать *современными начетчиками*, которые, нужно сознаться, имѣютъ не много общаго съ начетчиками минувшаго. На первыхъ не лежитъ уже библейско-схоластическаго отпечатка вторыхъ; у нихъ иные интересы, иныя стремленія, иныя отношенія къ окружающему. Знакомство съ ними крайне интересно. Оно не только даетъ матеріалы для рѣшенія вопросовъ, поставленныхъ въ предъидущей главѣ, но и открываетъ нѣкоторыя стороны процесса наростанія читателей. Тѣ читатели, съ которыми я сейчасъ познакомлю, почти всѣмъ своимъ богатствомъ знаній обязаны книгѣ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ обучались въ начальной школѣ, но каждый, кто съ ними познакомится, хотя бы по тѣмъ обстоятельнымъ отвѣтамъ, которые они прислали мнѣ на «Опытъ программы», увидитъ, что очень многимъ они обязаны книгѣ, своей любви къ чте-

[1]) La critique scientifique. «Paris». 1887.

нію. Всѣ они любознательны. Книга ихъ привлекаетъ; они ловятъ всякую печатную строку, начиная съ клочка газеты и кончая какой нибудь «Гисторіей о паденіи Трои», изданіемъ 1754 г., купленнымъ случайно на базарѣ [1]). Всѣ попадающіяся подъ руку книги поглощаются безъ всякаго разбора; всѣ онѣ оставляютъ въ способной головѣ какіе либо слѣды, отрывки, намеки, которые своеобразно перерабатываются, дополняются. Мало по малу читатель становится книжнымъ человѣкомъ; міровоззрѣніе его расширяется; онъ чувствуетъ свое преимущество въ этомъ отношеніи надъ другими сверстниками, односельчанами; уваженіе, какое крестьяне питаютъ къ книгѣ, помогаетъ обаянію книжнаго человѣка. Его вліяніе на окружающихъ установляется само собою и само собой уже возростаетъ: читатель становится умственнымъ центромъ, изъ котораго исходитъ вліяніе на другихъ. Любовь къ чтенію, такъ сказать, индуцируется; эта индукція происходитъ, незнаемая, въ разныхъ уголкахъ Россіи, даже самыхъ глухихъ.

Весьма интересно, хоть издали, хоть однимъ глазкомъ, взглянуть на этотъ процессъ образованія и наростанія читателя. Изученіе этого процесса покажетъ, какое значеніе можетъ имѣть въ умственномъ развитіи народа работа интеллигенціи надъ книгой для народа; ниже будетъ идти рѣчь объ *избранныхъ;* работа интеллигенціи надъ созданіемъ книги должна открыть дорогу для *всѣхъ*.

Вотъ нѣсколько сообщеній на «Опытъ программы», писанныхъ такими читателями изъ народа. Они присланы изъ двухъ сферъ или областей: деревни и фабрики. Правда, эти двѣ области имѣютъ между собою кое-что и общее: среди фабричныхъ не мало крестьянъ-земледѣльцевъ, которые зимой — на фабрикѣ, лѣтомъ — въ деревнѣ; многіе фабричные, если и остаются на фабрикѣ круглый годъ, все-таки связи съ деревней не прерываютъ: у нихъ тамъ семья и земля, тамъ привязанности и интересы. Но, рядомъ съ этими полукрестьянами, полуфабричными, есть собственно фабричные, безземельные, *кочевые*, не имѣющіе ничего общаго съ деревней. У фабрики и у деревни — у каждой своя физіономія, свои привычки, своя, если такъ можно выразиться, амплитуда жизни: въ деревнѣ—отъ страды до страды; на фабрикѣ—отъ получки до получки. У читателей изъ той и другой области есть не мало своеобразныхъ особенностей; читатели эти не совсѣмъ одинаковы и по вкусамъ, и по подготовкѣ, и по потребностямъ.

Возьмемъ сначала читателей деревенскихъ. Вотъ рукопись одного крестьянина Тульской губерніи, — Самуила Ксенофонтовича Б—на. Самуилъ Б—нъ учился въ сельскомъ двухклассномъ училищѣ; отъ 12 до 15 лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, на шерстяной фабрикѣ. Пятнадцати

[1]) Собщ. изъ Петерг. у.

лѣтъ онъ поселился въ деревнѣ, гдѣ и живетъ въ настоящее время,— лѣтомъ работаетъ на полѣ, зимою дѣлаетъ лопаты. Деревня эта находится верстахъ въ 20 отъ уѣзднаго города: отъ судоходной рѣки, желѣзной дороги, почтоваго и торговаго тракта далеко. Но въ деревнѣ этой бываютъ небольшія ярмарки, а въ 15 верстахъ отъ нея есть чугунно-литейный заводъ. «Главнымъ образомъ населенію нашей мѣстности, пишетъ Б—нъ, средства къ жизни доставляютъ земледѣліе, лѣсной промыселъ, возка и гонка лѣса. Нашей деревни крестьяне уходятъ въ Петербургъ для работы на фабрикахъ, гдѣ живутъ года по 3, по 4, потому что дорога дальняя. Другихъ деревень крестьяне ходятъ въ плотники, а на зиму возвращаются домой... Недоимокъ у насъ не бываетъ: крестьяне хотя и съ трудомъ, но выплачиваютъ». Такимъ образомъ, изъ предъидущаго видно, что Б—нъ живетъ довольно далеко отъ городскихъ вліяній и на бѣдность своей деревни не жалуется. Въ своемъ отвѣтѣ онъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ школѣ. Онъ печалится о томъ, что «наши грамотѣи, хотя и получаютъ свидѣтельства, но вышедши изъ школы, почти совершенно забываютъ свою науку»; и что другіе при чтеніи желаютъ получить только «удовольствіе». Онъ обстоятельно заноситъ въ свои «отвѣты» тѣ факты, которые показываютъ, что книга дѣйствуетъ на читателя въ хорошую сторону. Онъ самъ большой любитель чтенія, — перечиталъ всю библіотеку школы, многія книжки изъ библіотеки учительской; стремленіе къ книгѣ въ немъ чрезвычайно сильно, и, что особенно интересно, въ немъ не только стремленіе читать, но и стремленіе писать. Сообщеніе его на «Оп. программы» — весьма обстоятельная тетрадка, а одинъ отвѣтъ на 26 вопросъ («нѣтъ-ли какихъ либо особыхъ обстоятельствъ, мѣшающихъ или способствующихъ, по вашему мнѣнію, развитію благосостоянія мѣстныхъ жителей?») занимаетъ цѣлыхъ 16 страницъ. Б—нъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ какъ одинъ изъ героевъ Успенскаго. «По моему мнѣнію, говоритъ онъ, развитію благосостоянія въ нашей мѣстности мѣшаетъ *одиночество*», т. е. недостатокъ взаимопомощи, недостатокъ единенія. Для примѣра Б—нъ разсказываетъ исторію одного крестьянскаго семейства. Очевидно, эта исторія не сочинена, а взята прямо изъ жизни, къ которой такъ вдумчиво относится авторъ. Написана исторія самымъ простымъ, безъискусственнымъ языкомъ, кое-гдѣ картинно и всегда правдиво. Авторъ вездѣ выдерживаетъ тонъ серьезнаго, обстоятельнаго человѣка. Я не буду приводить всего разсказа цѣликомъ,—онъ не хуже многихъ изданій «Посредника», но отличается отъ нихъ тѣмъ, что, какъ мы видѣли, проникнутъ не проповѣдью личной морали, а идеей общественной. Это весьма достойно замѣчанія и интересно для характеристики автора.

Интересно вкратцѣ прослѣдить, какъ проводитъ авторъ свою идею.

«Рядомъ съ нами, такъ начинаетъ Б—нъ свой разсказъ, жилъ крестьянинъ. Звали его Николаемъ Сидоровымъ. Семейство его состояло изъ 5 человѣкъ: онъ, жена, два сына—Семенъ да Иванъ, и дочь, дѣвочка 8 лѣтъ. Николай былъ слабъ здоровьемъ и жилъ въ великой бѣдности, а дѣти съ малолѣтства свыклись съ великой бѣдностью, не просили сладкихъ яствъ, но были рады куску черстваго хлѣба». Николай умеръ. Братья сначала жили въ батракахъ. Авторъ очень картинно описываетъ бѣдность крестьянскую; но вотъ единеніе то и помогаетъ подняться изъ нея, справиться съ нею. «Однажды, читаемъ мы дальше, собравшись крестьяне на сельскій сходъ, дѣлали по душамъ раскладку платежей. Одинокій старикъ, имѣвшій на двѣ души земли, отказывался отъ платежей, говоря: я не въ силахъ обрабатывать землю и не въ силахъ платить податя́». «Силой старика принуждать было нельзя, потому что хлѣбъ безъ навозу родитъ плохо, а платежи большіе. Не долго думавши, крестьяне порѣшили взвалить эту землю на Ивана. Долго отказывался Иванъ, говоря: нѣтъ у меня сохи, нѣтъ бороны. Но крестьяне уговаривали его, обѣщали не принуждать податями, и сѣменовъ дать хотѣли изъ общественнаго магазина, а въ батракахъ сколько ни жить, все хозяиномъ не быть. Согласился Иванъ». И міръ поддерживаетъ Ивана. Поддерживаетъ его и двоюродный дядя Пахомъ, который даетъ деньжонокъ въ долгъ на обзаведеніе; поддерживаетъ Ивана и его братъ Семенъ, котораго дядя Пахомъ увезъ въ Питеръ «обучаться по фабричной части». Эта поддержка и единеніе поднимаютъ хозяйство Ивана на ноги. Авторъ любовно описываетъ, какъ поднимался Иванъ, что́ и въ какомъ порядкѣ онъ покупалъ, сколько уплачивалъ, какъ велъ хозяйство. Онъ пишетъ: «Трудно было Ивану проводить этотъ годъ; нуженъ хлѣбъ, нужны стали податя, а заработковъ нѣту. Все лѣто онъ проводилъ надъ землей, а пользы отъ нея никакой не видалъ, окромя того, что накосилъ возовъ пять сѣна». «Наступила весна. Крестьяне начали пахать землю. Схватился Иванъ за соху, а у нея сошники истерлись, полица тоже плоха, нужно несть въ кузню, да денегъ нѣту. Нужда! Ну да запрегъ Иванъ свою лошадку въ старую соху и поѣхалъ пахать. Пріѣхалъ Иванъ на полосу, — сошники тупые землю не берутъ, лошадка не идетъ, потому что зимою кормъ былъ плохой, да и весной тоже кормить нечѣмъ. Эхъ, бѣдность, бѣдность! За что ни возьмись, — все нѣту. Но вотъ и Семенъ сталъ присылать Ивану денегъ. Сосѣди помогнули»... И поднялся Иванъ. Въ обществѣ онъ сталъ считаться порядочнымъ человѣкомъ, стали его уважать на сходѣ. Сдѣлался онъ зажиточнымъ. Здѣсь авторъ еще болѣе любовно рисуетъ картинку крестьянскаго счастья, когда домъ — полная чаша, въ семьѣ—единеніе, съ сосѣдями—миръ, и отъ нихъ поддержка. «Хлѣба Иванъ покупать не сталъ, а еще бѣднымъ крестьянамъ

давалъ въ займы, кому пудъ, кому два, а должники въ благодарность ему работой помогали». Но это еще не конецъ разсказа: нужно идею развить до конца и доказать, что *безъ единенія—нѣтъ* счастья. Умерла мать Ивана; въ семьѣ пошелъ, по наговору злыхъ людей, разладъ. Жена Ивана поругалась съ женою его брата. Дальше да больше. Дошло до раздѣла, — и распалась семья, и кончилось ея благополучіе. Авторъ кончаетъ свой разсказъ такъ: «Стали каждый для себя строиться, бабы каждая сама себѣ стала топить печи; покамѣстъ вытопятъ да управятся,—на полосу идутъ поздно, съ полосы—рано, чтобы собирать скотину. И работа ихъ пошла всегда сзаду людей. Треплются мужики, работаютъ, а все ничего не прибавляется. Тамъ снопы скотъ побилъ, тамъ сѣно дождь намочилъ, и дровъ стало надо больше, — готовитъ каждый себѣ. И долго, долго теперь имъ не поправиться. И такъ бываетъ у насъ почти со всѣми крестьянами: *одинокій никуда не поспѣшитъ*».

Этимъ кончается разсказъ, который достаточно рисуетъ отношенія автора къ землѣ и достаточно характеризуетъ его интересы и стремленія. Этотъ невѣдомый писатель-самоучка, начитанный болѣе, чѣмъ многіе другіе, становится невольно нѣкоторымъ, какъ мы сказали, умственнымъ центромъ въ деревнѣ; къ нему обращаются за книгами. Онъ нерѣдко читаетъ своимъ односельчанамъ вслухъ. Въ его сообщеніи не мало интересныхъ подробностей о его деревенскихъ бесѣдахъ съ крестьянами и о чтеніяхъ съ ними. «Недавно, пишетъ онъ, я читалъ на улицѣ романъ Соколовскаго «Царь-Освободитель». Мужики до того заинтересовались, что не хотѣли даже идти обѣдать». «Мужики весьма любятъ слушать разсказы о разныхъ земляхъ и народахъ и о животныхъ», пишетъ онъ далѣе. «Когда разговоръ шелъ о силѣ, то всегда вспоминали Бову Королевича и Еруслана Лазаревича, говоря: «Вотъ въ старину были богатыри какіе! «А мы что́ теперь? Люди какъ мухи!» Если скажешь имъ, что это сказка, что богатырей этихъ не было, то въ отвѣтъ получаешь: какъ не было? А вотъ Илья то Муромецъ развѣ не правда, что былъ при Владимірѣ князѣ? А Соловей то разбойникъ жилъ въ Брянскихъ лѣсахъ? Мы сами были въ Брянскихъ лѣсахъ »... Впрочемъ, продолжаетъ Б—нъ, многіе стали теперь искать поученій въ сказкахъ, и когда разсказъ зайдетъ о человѣческой зависти, то всегда поминаютъ сказку изъ «1001 ночи» — «Чудесныя мази» и часто зазнавшимся бабамъ мужики напоминаютъ сказку о «Рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина».

Въ сообщеніи Б—на приведено еще нѣсколько разсказовъ о спорахъ и разговоровъ съ односельчанами. Но и вышеприведеннаго достаточно для характеристики Б—на, его интересовъ и симпатій.

Возьмемъ теперь другое сообщеніе, котораго сопоставленіе съ преды-

дущимъ крайне интересно. Писано оно тоже крестьяниномъ, какихъ очень много. Это человѣкъ болѣе пожилой, начитанный преимущественно въ писаніи, учился въ *земской* школѣ, немного занимается земледѣліемъ, но зимою иногда ѣздитъ въ извозъ или ходитъ «по торговой части». Деревня его въ 50 в. отъ Петербурга, 21 в. отъ желѣзнодорожной станціи, на почтовомъ нарвскомъ трактѣ. Этотъ *читатель*, Романъ В—въ, совершенно иной человѣкъ, чѣмъ Б—нъ. У него и иная физіономія, и иныя симпатіи, и иныя стремленія. Это будетъ видно изъ выписокъ.

«Я съ малыхъ лѣтъ, пишетъ Романъ В—въ, былъ по торговой части и по приготовленіи хлѣбовъ. Есть у насъ крестьяне, — уходятъ въ Петербургъ, — кто въ дворники, кто въ извощики, да и *то лишь только на зимнее время. Оттого*, по нашей мѣстности и нѣтъ примѣрно зажиточныхъ крестьянъ, какъ въ прочихъ, напр., губерніяхъ, — Московской, Ярославской, и т. д.» «Мнѣ самому приходилось жить съ ними, и они говорили: меня въ Петербургъ привезли въ корзинкѣ, а теперь я ѣду жениться. Такъ вотъ и сравните насъ, (т. е. Петергофскихъ) съ ними: онъ съ мальчика дѣлается прикащикомъ или мастеромъ, а изъ прикащика или мастера уже хозяиномъ. Такихъ я и самъ хорошо знаю: даже у одного изъ нихъ жилъ. *Такой крестьянинъ не въ примѣръ противъ деревенскаго.* Не говоря уже о средствахъ, онъ своему обществу всегда можетъ полезнымъ быть не однимъ, такъ другимъ. Вотъ примѣръ одного крестьянина Московской губерніи. Онъ пожертвовалъ въ свою приходскую церковь паникадило въ двѣ тысячи рублей! Я такъ думаю, что деревенскимъ крестьянамъ всѣмъ большимъ обществомъ въ десятки лѣтъ не собрать сей жертвы, на что есть и пословица: *отъ сохи не будешь богатъ, но будешь горбатъ*».

Эти выписки достаточно ясно показываютъ, коего духа этотъ читатель изъ народа. Онъ отрицаетъ единеніе; его симпатіи лежатъ въ «торговой части». По этимъ выпискамъ можно бы заключить, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ скорѣе съ отрицательнымъ крестьянскимъ типомъ. Но это заключеніе требуетъ смягченія. Хотя несомнѣнно, многія черточки въ сообщеніи Романа В. далеко не симпатичны, но однѣми вышеуказанными черточками личность Романа В. не исчерпывается. Куда бы его ни влекли его симпатіи, Романъ В. все-таки остается земледѣльцемъ, живетъ въ деревнѣ, и лишь въ годины трудныя, въ неурожайный годъ, напримѣръ, идетъ въ прикащики къ какому нибудь мѣстному торговцу. Если цѣлый строй жизни сложился такъ, что «на крестьянскомъ положеніи» сытно и тепло не живется, естественно, помыслы многихъ обращаются въ ту сторону, гдѣ предполагаются выходы изъ тяготы крестьянской, тѣмъ болѣе, что этихъ выходовъ не такъ ужъ много, чтобы выбирать... Дальнѣйшее изложеніе «отвѣтовъ»

Романа покажетъ намъ и другія стороны его личности. Во всѣхъ этихъ отвѣтахъ чувствуется, что авторъ ихъ знаетъ себѣ цѣну и имѣетъ на все свои взгляды. Кое-гдѣ онъ даже иронизируетъ, напр. такъ: «Благодаря нынѣ существующимъ нашимъ начальникамъ, какъ волостному старшинѣ, такъ и сельскимъ старостамъ общественнымъ голосомъ уничтожили у насъ наружную продажу крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ, но за то по милосердію тщательной и энергичной нашей мѣстной полиціи, начиная съ самообладающаго урядника и кончая деревенскимъ десятскимъ, бойко идетъ торговля не крѣпкимъ, а слабымъ, не превышая тридцати градусовъ, напиткомъ. Такъ иногда и случается, — крестьянинъ слабой жизни оставляетъ свои пожитки за полъ цѣны мѣстному кулаку».

Въ изложеніи своихъ отвѣтовъ онъ не столько пишетъ о томъ, что читаетъ народъ, сколько высказываетъ свои взгляды на литературу вообще и разные ея отдѣлы. «Я самъ вижу, пишетъ онъ напримѣръ, въ своихъ односельчанахъ, не говоря уже о сосѣднихъ деревняхъ, недостатокъ къ достиженію правильной жизни, какъ для себя, такъ и для ближняго. А это необходимо нужно». «Если полезно и интересно чтеніе изъ какого либо содержанія, то непремѣнно слѣдуетъ читать при собраніи народа». «Большинство хочетъ читать ту книгу, которая со временемъ можетъ дать пользу въ жизни, гдѣ есть много доказательствъ, которыя встрѣчаются и при нашихъ глазахъ: разъ если ты ее прочитаешь, то будешь имѣть въ опасномъ дѣлѣ предосторожность. Но есть и такіе желатели чтенія, чтобы только посмѣяться. Для того едва ли подѣйствуетъ и полезная цѣль».

За этими не совсѣмъ удачными выраженіями, имѣющими претензію на литературную форму, которую деревенскіе начетчики нерѣдко не отличаютъ отъ витіеватости, несомнѣнно скрыты очень интересныя требованія, предъявленныя Романомъ В. къ книгѣ. На первый планъ авторъ, разумѣется, выдвигаетъ книги божественныя. «По моему мнѣнію, пишетъ онъ, какъ я и самъ любитель читать священнаго содержанія книги,—поэтому желаю передать и ближнему своему, какъ объяснился одинъ святый отецъ о священномъ писаніи: оно есть корень добродѣтели, на коей основывается вся наша христіанская жизнь». Авторъ очень подробно и обстоятельно доказываетъ всю пользу чтенія житій святыхъ. «Это есть обязательный священный долгъ, пишетъ онъ: такъ какъ каждый христіанинъ носитъ имя какого нибудь святого, то долженъ познакомиться съ его житіемъ». Про апокрифическій «сонъ Богородицы» онъ говоритъ: «Могу объяснить, что до 1881 г. я твердо и надежно вѣрилъ симъ пустымъ и нелѣпымъ писаніямъ; но извѣстный проповѣдчикъ (sic) отецъ Полисадовъ вразумилъ и укрѣпилъ меня впредь не вѣрить ложному писанію, во что сознательно и не вѣрю». О сонни-

кахъ онъ выражается такъ: «Какъ не дорожить такою книгой, которая объясняетъ счастливую судьбу въ жизни человѣка. Но, по моему, конечно, это есть явная ложь или скорѣе выманка денегъ». О свѣтскихъ книгахъ: «Не могу оставить безъ вниманія и прочаго содержанія книгъ не священнаго писанія, такъ какъ бываютъ неравныя книги и священнаго содержанія. Мнѣ приходилось читать свѣтскаго содержанія книги, весьма поучительныя для общественнаго порядка и для обязательнаго повиновенія властямъ,—и разсказы, и повѣсти, и были. Иная книга очень можетъ повліять на добродѣтельную общественную жизнь». Весьма интересны взгляды автора на образованіе вообще. «Какъ не благодарить нашихъ общественныхъ дѣятелей по распространенію литературы, пишетъ онъ. Чуть не въ каждой деревнѣ подъ какимъ либо попечительствомъ состоитъ школа (sic). Въ нынѣшнія времена грамотѣ учиться доступно каждому, только бы было свое желаніе. Поэтому и рѣдкій домъ безъ грамотнаго, очень даже рѣдкій. Если въ прожитые нами годы учителя были не высшей науки, то нынѣ несравненно противъ прежнихъ образованнѣе, такъ какъ годъ отъ году науки въ Россіи увеличиваются». При этомъ авторъ высказываетъ благодарность Государю Императору за распространеніе образованія, пользу и необходимость котораго авторъ сознаетъ. «Для распространенія литературы въ бѣдно-народномъ крестьянскомъ населеніи не только для тѣхъ, кого въ школу ходятъ дѣти, но и для взрослыхъ и отцовъ семействъ, учреждены чуть ли не при каждомъ сельскомъ училищѣ безплатно-народныя библіотеки». Слѣдуетъ восторженная благодарность за библіотеки, которую, за неимѣніемъ мѣста, не выписываю. Но тутъ же авторъ жалуется на недостатокъ книгъ. «Мнѣ самому пришлось читать много, только къ сожалѣнію, великъ недостатокъ книгъ къ *стремительному чтенію*. Если я ходилъ въ библіотеку два, три, четыре раза, и все вижу одно и тоже, на слѣдующій разъ я и совсѣмъ переставъ быть участникомъ библіотеки, и остается такимъ образомъ неоконченною стремительная цѣль» (sic). О своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ Романъ В. пишетъ. Я самъ вижу въ своихъ односельчанахъ, не говоря уже о сосѣднихъ деревняхъ, недостатки къ достиженію правильной жизни, какъ для себя, такъ и для ближняго, а это необходимо нужно».

Выше было уже приведено мнѣніе автора, что такія поучительныя книжки нужно читать въ собраніи народа. «Случалось такъ, въ лѣтнее время, пишетъ онъ, въ праздничные дни, собирается человѣкъ пять или болѣе. Я въ то время возьму книгу, заранѣе мною прочитанную, и вижу, что̀ полезно для народа, и читаю, а они слушаютъ. По прочтеніи еще для ясности познанія объясню ту же книгу словесно. Приходилось мнѣ не разъ въ своей приходской церкви читать часы во время божественной литургіи». Учительница, любезности которой мы обязаны

тѣмъ, что имѣемъ сообщеніе Р. В—ва, сообщаетъ, что В—въ большой любитель книгъ, что въ его распоряженіи находится небольшая библіотечка дешевыхъ изданій, купленныхъ имъ на свои деньги или подаренныхъ; книжное богатство В—ва не лежитъ безъ дѣла, а гуляетъ по избамъ его и сосѣднихъ деревень. При покупкѣ книгъ В—въ обращаетъ вниманіе на издателя и видимо избѣгаетъ нѣкоторыя издательскія фирмы. По этому поводу онъ говоритъ въ своемъ сообщеніи: «По нашему состоянію и средствамъ единственный издатель есть Шатаевъ, Манухинъ и братья Евстигнѣевы (sic), которые не дорожатъ содержаніемъ книги, а дорожатъ числомъ экземпляровъ для карманной выгоды. А я совѣтовалъ бы имѣть при каждомъ сельскомъ училищѣ хотя бы единомѣсячныя отдѣльныя книги (т. е. журналъ)».

Два деревенскихъ читателя, съ сообщеніями которыхъ мы только что познакомили, въ сущности самые обыкновенные люди, — такихъ много. Поэтому самому оба они типичны. Вмѣстѣ съ тѣмъ это *разные* люди. Интересы перваго выражаются «единеніемъ»; интересы второго— «торговой частью», которая можетъ дать средства къ душеспасительнымъ пожертвованіямъ. Первый, впрочемъ, не замыкается въ томъ узкомъ, регламентированномъ искони вѣковъ шаблонѣ, какъ второй. Все это отражается на отношеніи того и другого къ книгѣ. Это и видно изъ предыдущихъ выписокъ. Оба предъявляютъ къ книгѣ болѣе или менѣе опредѣленныя требованія. Вмѣстѣ съ этимъ они оба собственнымъ примѣромъ вызываютъ потребность въ чтеніи, даже любовь къ книгѣ въ окружающихъ ихъ людяхъ. Въ этомъ ихъ глубокое общественное значеніе; и Б—нъ, и В—въ—одни изъ тѣхъ незнаемыхъ и малыхъ, которыхъ на Руси теперь ужь много и которые здѣсь и тамъ, въ разныхъ глухихъ уголкахъ, работаютъ, если такъ можно выразиться, надъ *созданіемъ читателя*.

III.

Что результаты этой работы, внутренней, глубокой, быть можетъ заложенной на той же глубинѣ, какъ работа мысли религіозной,—о которой мы знаемъ изъ исторіи русскаго раціонализма,—что результаты ея, говоримъ мы, уже опредѣляются,—это несомнѣнно. Не только то интересно и важно, что предъявляются запросы *на* книжку, запросы на чтеніе вообще, но то, что предъявляются извѣстныя требованія *къ* книжкѣ. Все болѣе и болѣе понимается ея значеніе.

Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду не духовно нравственную книгу, ореолъ которой созданъ вѣками. Мы говоримъ о книгѣ *свѣтскаго содержанія*. Требованія чего то лучшаго, болѣе внушительнаго, чѣмъ ко-

пѣчная литература, раздаются изъ разныхъ мѣстъ. Въ отвѣтахъ на «Опытъ программы» почти во всѣхъ констатируется это повышеніе уровня требованій. Такъ изъ Смоленской губ. намъ пишутъ, со словъ офени-книгоноши, что «народъ нонѣ на книги сталъ разборчивѣе» [1]). Даже изъ далекаго Сургута сообщаютъ, что маленькія книжки не удовлетворяютъ взрослаго читателя. «Мнѣ приходилось слышать не разъ, отъ взрослыхъ читателей, что «мы-де не дѣти, чтобы читать эти сказки. Мы можемъ читать и романы» [2]). Одною занимательностью книжки не удовлетворяются. Многія свѣтскія книжки, которыя «пустое пишутъ», крестьяне называютъ *побасенками*. Намъ сообщаютъ даже дѣленіе литераторовъ на писателей (кто «хорошее пишетъ») и сочинителей (кто «зря болтаетъ») и дѣленіе литературы на «божественное» и на «сказки» или «басни». Басни—это такъ, пустяки, забава; онѣ не нравятся, ихъ не любятъ, о нихъ говорятъ, что изъ нихъ ничего вынести нельзя. Но только что они поймутъ, что и въ баснѣ содержится правда, нравоученіе и т. п., тогда и басни начинаютъ нравиться, ихъ любятъ и читаютъ. «Вначалѣ, до чтенія съ туманными картинами, пишетъ учительница Петергофскаго уѣзда В. Т. Добрынина, къ баснямъ крестьяне относились презрительно; у нихъ даже есть особое слово «побасенки», которымъ они клеймятъ всякіе пустые разговоры и чтенія. Но съ тѣхъ поръ, какъ читались и объяснялись басни на чтеніяхъ съ туманными картинами, крестьяне стали смотрѣть на нихъ совсѣмъ иначе, слушаютъ съ большимъ интересомъ и считаютъ полезнымъ и поучительнымъ чтеніемъ. Во всякомъ случаѣ взглядъ на басни измѣнился» [3]). Тотъ же процессъ совершается и по отношенію къ другимъ беллетристическимъ произведеніямъ и инымъ книгамъ. Если книга ничего не даетъ, она—«пустяки», «побасулька». Деревенская читающая публика не гонится за щекотаньемъ нервовъ, какъ дѣлаетъ это публика столичная. Она требуетъ отъ книги *пользы*.

О поднятіи уровня требованій къ книгѣ свидѣтельствуютъ въ своихъ письмахъ и отвѣтахъ на «Опытъ программы» и самоучки-писатели и дѣятели на почвѣ народнаго образованія, выдвинувшіеся изъ народной массы, представители *народной интеллигенціи*, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Это тоже *читатели изъ народа*, тоже люди, обязанные многимъ книгѣ, которая замѣнила имъ или значительно дополнила школу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это люди, не ушедшіе изъ своей среды. Они живутъ въ деревнѣ, занимаются земледѣліемъ, исполняютъ все то, что и другіе ихъ односельчане, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они сознательно пользуются

[1]) Сообщилъ И. И. Дмитревскій.
[2]) Сообщеніе Ф. З. изъ Сургута.
[3]) Сообщеніе изъ Петергофскаго уѣзда.

такимъ орудіемъ, какъ грамотность и знанія, заключающіяся въ книгѣ одни изъ нихъ занимаются литературнымъ трудомъ, другіе дѣйствуютъ, устраивая библіотеки, становясь учителями въ школахъ, ими самими основываемыхъ, дѣлаясь добровольными лекторами, и т. д. Въ Нижегородской губерніи, въ одномъ изъ большихъ селъ, живетъ молодой молоканинъ-самоучка. Это человѣкъ весьма начитанный, развитой, дѣятельный. По дѣламъ своей общины онъ очень нерѣдко разъѣзжаетъ по Россіи, видаетъ виды и людей. Въ свободное время онъ читаетъ и пишетъ. Онъ выписываетъ одинъ изъ лучшихъ «толстыхъ» журналовъ; въ его небольшой библіотечкѣ можно найти рядомъ съ беллетристическими произведеніями сочиненія Бокля и т. п. Имъ написано и издано одною изъ лучшихъ нашихъ издательскихъ фирмъ нѣсколько разсказовъ; нѣкоторые изъ нихъ одобрены критикой. Всѣ разсказы его проникнуты евангельской идеей. Недавно имъ написанъ одинъ разсказъ, въ которомъ онъ излагаетъ «исторію одного преступленія, гдѣ главную роль играютъ тѣ побочныя обстоятельства, которыя подталкиваютъ человѣка и дѣлаютъ его преступникомъ, какъ несчастную жертву ненормальныхъ условій жизни, и послѣ того его же караютъ». Такъ выражаетъ основную мысль своего разсказа самъ авторъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ. Другой весьма симпатичный крестьянинъ-самоучка, авторъ нѣсколькихъ изданій «Посредника» — Сергѣй Тимофѣевичъ Семеновъ, въ своемъ обстоятельномъ отвѣтѣ на «Опытъ программы», сообщаетъ о себѣ кой-какія біографическія свѣдѣнія. На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ такъ: «Свѣдѣнія собраны крестьяниномъ *земледѣльцемъ*, образованія никакого не получилъ. Грамотѣ выучился самоучкой». С. Т. родился въ дер. Андреевской, Волоколамскаго уѣзда Московской губ. До 16-ти лѣтняго возраста онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ находился въ услуженіи у какого-то господина и вмѣстѣ съ нимъ разъѣзжалъ по Россіи. Лѣтъ 18 онъ вернулся въ деревню, обзавелся семьей и живетъ тамъ и понынѣ. Деревня Андреевская находится въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго города, мало имѣетъ съ нимъ сношеній; отъ станціи желѣзной дороги она въ 60 верстахъ, а отъ почтовой станціи въ 10 вер. Главное занятіе жителей въ настоящее время—земледѣліе. Сѣютъ и ленъ. Многіе изъ деревни уходятъ въ Москву, гдѣ занимаются извозомъ или служатъ на фабрикахъ. Четвертая часть деревни Андреевской—старообрядцы-преображенцы; есть и послѣдователи разныхъ сектъ. Въ самой деревнѣ школы нѣтъ, но въ сосѣднихъ деревняхъ за 4 вер. земская, за 10 в.—министерская, за 7 в.—церк.-приходская. Больше половины населенія въ настоящее время грамотны. Семеновъ выучился грамотѣ самоучкой и пристрастился къ чтенію. «Книжки, пишетъ онъ въ отвѣтъ на «Опытъ программы», имѣли на меня большое вліяніе. Едва я только выучился читать, я страшно полюбилъ литературу, и всякую

книжку, всякій лоскутокъ, попадавшійся мнѣ въ руки, я читалъ и перечитывалъ. Лѣтъ до 16 я глядѣлъ на литературу какъ на предметъ удовольствія. Но вотъ выходитъ въ изданіи «Посредника» разсказъ «Чѣмъ люди живы». Я прочиталъ его. Не могу высказать, что я пережилъ при чтеніи его. Мнѣніе мое перемѣнилось. Я сталъ глядѣть на книжку какъ на предметъ поучительный; особенно на изданія «Посредника» я обращалъ вниманіе. Каждую его книжку, выходящую изъ печати, я сейчасъ же пріобрѣталъ и читалъ. Книжки эти, съ помощью Евангелія, которое я пріобрѣлъ послѣ прочтенія «Чѣмъ люди живы», помогли мнѣ понять смыслъ жизни, и я сталъ стремиться къ истинной жизни. Наконецъ выходитъ «Иванъ Дуракъ» (Л. Толстого). Меня ужаснуло то, по прочтеніи ея, что я, природный крестьянинъ, и чуждаюсь земледѣльческаго труда (я жилъ тогда въ городѣ). Первымъ моимъ желаніемъ стало тогда сѣсть на землю и стараться жить своими трудами. Черезъ полгода съ небольшимъ я привелъ это намѣреніе въ исполненіе. И вотъ теперь живу въ деревнѣ, занимаюсь земледѣліемъ, зимой пишу книжки, обзавелся семьей и, благодаря Бога, могу считать себя счастливымъ. Правда, иногда я увлекаюсь и сбиваюсь съ истиннаго пути, но скоро умъ мой проясняется при воспоминаніи о Христѣ, и я, забывши всѣ мелочи и невзгоды, исполняюсь духовной бодрости и смѣло гляжу впередъ». Свою литературную дѣятельность Семеновъ началъ съ того, что въ подражаніе разсказамъ Л. Толстого и подъ ихъ вліяніемъ взялся за перо и написалъ разсказъ «Два брата». Не зная, куда послать его, онъ послалъ въ «Посредникъ». Разсказъ понравился редакціи. Л. Н. Толстой тоже отозвался о немъ крайне одобрительно. И вотъ въ печати появилось первое произведеніе нашего самоучки. Въ отвѣтъ на 5 вопросъ «Опыта программы» Семеновъ излагаетъ подробно свои взгляды на задачу его какъ писателя. Эти взгляды крайне интересны для характеристики писателя изъ народа, и мы приведемъ отрывки изъ письма С. Т. Указывая книжки, которыя онъ давалъ читать своимъ односельчанамъ, Семеновъ говоритъ, что выбиралъ тѣ, въ коихъ проводится какое нибудь «полезное нравоученіе», «чего очень нуждается наше крестьянское общество», добавляетъ онъ. По его мнѣнію, задача человѣка, сочувствующаго народному просвѣщенію, это «*будить людей*. Первый способъ пробужденія есть книжка, хорошо составленная, ясно изложенная». Дальше С. Т. пишетъ: «Въ книжкѣ должна быть проведена какая нибудь мысль, имѣющая связь съ тѣми нравственными недостатками народа, которые всего болѣе требуютъ искорененія. Первый недостатокъ есть отчужденіе народа отъ ученія Христа и ложное пониманіе законовъ нравственности. Второй недостатокъ есть излишнее пристрастіе къ богатству и довольству и избѣжаніе ручного труда, стремленіе къ пользованію чужими трудами; потомъ понятіе о пьянствѣ, рас-

путствѣ и тому подобныхъ мерзостяхъ, какъ о разрѣшенныхъ закономъ забавахъ и слѣдовательно безгрѣшныхъ, и много другихъ ложныхъ понятій, которые мѣшаютъ человѣку жить по правдѣ и причиняютъ ему множество несчастій. Вотъ противъ этого то прежде всего и должны писаться книги. Нравственные вопросы, продолжаетъ С. Т., мнѣ кажется, всего удобнѣе затрогивать въ книжкахъ беллетристическаго содержанія, такъ какъ духовныя книжки и нравоучительныя многіе очень неохотно читаютъ». Нельзя сказать, чтобы Семеновъ былъ чуждъ вліянію Толстого, но разумѣется, не это вліяніе поставило его на ноги. Нельзя не обратить вниманія на такое сознательное отношеніе писателя-самоучки къ своей работѣ.

У Семенова есть небольшая библіотечка, которою пользуется вся деревня. Въ составъ этой библіотечки входятъ не только дешевыя изданія, но и собранія сочиненій русскихъ классиковъ. Семеновъ никому не отказываетъ въ книгахъ. Онъ указываетъ книги для чтенія, читаетъ ихъ вслухъ и самъ вступаетъ въ споры и т. д.

Въ средѣ односельчанъ С. Т. Семеновъ пользуется большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ книжный. «Ко мнѣ обращались съ просьбами, разсказываетъ онъ, не только дать почитать посмѣшнѣе, но и составить (т. е. написать) что нибудь посмѣшнѣе. Книжка моя «Наслѣдство» очень нравилась нашимъ крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что герои этого разсказа — наши деревенскіе мужички, а случай, описанный въ книжкѣ, правда. Нѣкоторые говорили мнѣ по поводу моей книжки «Два брата»: вотъ это хорошо, по крайней мѣрѣ про нашего брата написана-то. А то напишутъ незнамо про что, а тутъ все ясно: знаешь, что такъ можетъ случиться». Изъ этихъ выписокъ можно видѣть, что отношеніе односельчанъ Семенова къ писательству его — самое сочувственное. По настоящее время Семеновымъ составлено около десяти разсказовъ, написанныхъ съ задатками таланта [1]), которому остается только пожелать, чтобы онъ окрѣпъ и запасся знаніями, какихъ ему еще во многомъ недостаетъ.

Перейду теперь къ другому выдающемуся представителю народной интеллигенціи, также не мало обязанному своимъ развитіемъ книгѣ. Въ настоящее время Сергѣю Григорьевичу Журавлеву около тридцати лѣтъ. Онъ родился въ небольшой деревнюшкѣ Ямъ, въ 7 в. отъ Краснаго Холма. Его отецъ, крестьянинъ земледѣлецъ, въ прежнее время самъ училъ грамотѣ ребятишекъ,— своихъ односельчанъ; другими словами, въ его избѣ была небольшая школка грамотности. Въ этой-то школѣ и обучался С. Г. Обученіе шло по псалтирю, и

[1]) Кромѣ того, одинъ разсказъ С. Т. «Жена безъ мужа» напечатанъ въ книжкахъ «Недѣли» за 1889 годъ.

изъ него многаго вынести С. Г. не могъ. Даровитый, любознательный мальчикъ не могъ удовлетвориться такими скудными знаніями. Онъ любилъ книжки, любилъ читать. И съ нимъ повторилось то же, что со многими другими. Сначала были прочитаны книги, какія нашлись въ деревнѣ. Затѣмъ маленькій Журавлевъ сталъ пользоваться библіотекой ближней школы. (Въ деревнѣ Ямъ, кромѣ школки грамотности, другой не было). Журавлевъ читалъ все, что попадалось подъ руку, въ томъ числѣ и научныя книги, а при случаѣ пріобрѣталъ книги и въ собственность. Мало-по-малу у него накоплялась своя небольшая библіотечка. Чего это ему стоило, мы узнаемъ изъ его писемъ, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ онъ «пріобрѣталъ книги, сберегая копѣйки, добытыя трудомъ, работая для этого почти въ часы отдыха или откладывая самые ничтожные проценты съ заработанныхъ денегъ во время зимы, да и то такъ, чтобы о нихъ батюшка никакимъ образомъ не узналъ». «Захотѣлось мнѣ купить книгу «Школа здоровья», ц. 3 рубля, то я насилу убѣдилъ отца согласиться удѣлить десять процентовъ съ заработанныхъ мною денегъ. Только одну книгу «Четьи-Миней» за мѣсяцъ августъ отецъ купилъ за два рубля». Библіотечка, хотя и медленно, все-таки росла. Въ нее стали жертвовать книги; между прочимъ, его односельчане, жившіе въ Петербургѣ, однажды прислали въ библіотеку сорокъ двѣ книги на 50 рублей. Въ 1882 году библіотека состояла болѣе чѣмъ изъ ста книгъ; разумѣется, ею пользовались всѣ односельчане. Молва о библіотекѣ распространилась; стали приходить къ Журавлеву за книгами и изъ сосѣднихъ деревень. Отказа не было Дѣло пошло какъ слѣдуетъ. Выдаваемыя книги записывались, при возвращеніи же вычеркивались. «Я давалъ книги, пишетъ С. Г., по своему разумѣнію»; но въ настоящее время стали обращаться къ книгамъ болѣе сознательно. Нѣкоторые желали улучшить свое хозяйство, — земледѣліе и огородничество,— скотоводствомъ, и спрашивали книгъ объ этихъ предметахъ. «Не мало вліянія оказала на этотъ спросъ книгъ самая личность Сергѣя Григорьевича. Дѣло въ томъ, что онъ не только читалъ книги, но и пользовался ими. Почерпнутыя знанія онъ примѣнялъ на дѣлѣ, и всѣ деревенскіе видѣли, какую существенную пользу приносятъ книги. По медицинскимъ книжкамъ, имъ прочитаннымъ, С. Г. лечитъ своихъ односельчанъ. Онъ вступаетъ съ ними въ споры, открывая имъ глаза на тѣ или иные лечебные предразсудки. Мѣстная знахарка, которая раньше пользовала не мало народа, сама, наконецъ, пошла за совѣтомъ къ Журавлеву. Затѣмъ онъ занялся оспопрививаніемъ. Земская управа снабдила его инструментами и платила за тѣхъ, кому Журавлевъ привилъ оспу. Въ 1884 году Журавлевъ получилъ и свидѣтельство на право оспопрививанія. Когда С. Г. получилъ впервые деньги за оспопривитыхъ дѣтей, то отецъ его

остался очень доволенъ. «Онъ, наконецъ, увидѣлъ, пишетъ С. Г., что и моя работа даромъ не пропадаетъ». Въ 1882 году Журавлевъ выписывалъ вмѣстѣ съ пріятелемъ сосѣдней деревни журналъ «Докторъ». «Я самъ, пишетъ С. Г., выучился садоводству и огородничеству по руководству, составленному Рего. Книгу эту я бралъ въ школѣ, находящейся при волостномъ правленіи. Книга эта сдѣлала изъ меня садовода и огородника, и не одного меня, а и другихъ многихъ. Можно-ли сомнѣваться, чтобы не принесли народу такой огромной пользы другія подобныя книги? Теперь я учусь пчеловодству по книгѣ «Пчела и ея жизнь» Бутлерова. *Хочу доказать народу*, меня окружающему, что по книгѣ можно всему научиться. Многіе меня спрашивали: «да неужели ты все это по книгѣ научился?» Разумѣется, я не упускалъ случая говорить крестьянамъ о пользѣ грамотности и о томъ, что, выучившись хорошенько читать и писать, можно научиться всему». Затѣмъ, тоже по книгѣ, С. Г. выучился переплетать, и переплеталъ не только книги своей библіотеки, но бралъ работу и отъ своихъ деревенскихъ, и отъ священника, и даже изъ города. Въ 1884 г. онъ писалъ: «Мнѣ удалось провести одну мысль въ народъ своей деревни, — завести травосѣяніе. Это мнѣ удалось какъ нельзя лучше. Мужички согласились и купили на деревенскія деньги сѣмянъ травы тимофеевки, по одному фунту на душу, а которые подостаточнѣй, тѣ прибавили себѣ клеверу». Дѣлается эпидемія на скотъ,—С. Г. выписываетъ изъ управы подходящія книги и пользуется ими по мѣрѣ силъ. Въ 1889 году онъ выписываетъ «Курсъ геометріи» Линкевича. «Прочитавши эту книжку, пишетъ онъ, я приступилъ нынѣшнею весною къ устройству астролябіи по рисунку, помѣщенному въ этой книжкѣ. Астролябія вышла удачно. Тутъ-же вскорѣ началъ я и работать съ ея помощью и разбилъ на полосы 107 десятинъ, купленныхъ нами и нашими крестьянами у г. К. (мѣстнаго помѣщика). Крестьяне остались довольны моей работой и говорили, что они никогда не видали такой точной размежевки. Теперь по осени Козловское товарищество рѣшило нарѣзать 36 десятинъ строевого лѣса, и мнѣ сдали эту работу по размѣркѣ десятинъ, которую я окончилъ въ недѣлю, и получилъ за эту работу 15 рублей. Теперь я рѣшилъ пріобрѣсти настоящую астролябію. Хочу выписать ее либо изъ Москвы, либо Петербурга, такъ какъ моей работы астролябія безъ компаса и на большіе участки до 1,500 десятинъ пожалуй неудобна». Занимаясь всѣмъ этимъ, С. Г. по прежнему занимается земледѣліемъ, живетъ въ деревнѣ, въ избѣ, и не только не сторонится общественныхъ деревенскихъ и земскихъ дѣлъ, но относится къ нимъ весьма серьезно и съ большой симпатіей. 8 октября 1884 года крестьяне выбрали его въ сельскіе старосты «Отецъ говоритъ, пишетъ по этому поводу С. Г., что напрасно я взялъ на себя такую заботу, что, молъ, жилъ-бы себѣ

въ покоѣ. Но я молчу себѣ, не объясняюсь ему, знаю, что на 26 году моей жизни я призванъ къ общественному труду. Тѣмъ болѣе въ такой трудный нынѣшній годъ, когда мужикамъ не только что подати платить, а большой половинѣ ѣсть будетъ нечего». Будучи старостой, С. Г. хлопочетъ о закрытіи кабаковъ, объ устройствѣ продажи книгъ, объ учрежденіи библіотекъ. 17 сентября 1884 года тверскимъ губернскимъ правленіемъ было разрѣшено управѣ открыть библіотеку при Рычмановскомъ приходскомъ училищѣ. Завѣдующимъ этой библіотекой былъ утвержденъ Журавлевъ. Читая письма Журавлева, на каждомъ шагу видишь, что этотъ дѣятельный человѣкъ никогда не упускаетъ изъ виду общественныхъ интересовъ. То его занимаетъ мысль о сельскомъ банкѣ, то онъ уговариваетъ крестьянъ, хлопочетъ о покупкѣ земли, то засѣдаетъ въ земскомъ собраніи, гдѣ относится къ дебатамъ не безучастно [1]), ставитъ вопросы, напримѣръ, объ открытіи школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успѣваетъ еще участвовать въ любительскомъ спектаклѣ и читать. Чтобы судить о немъ, какъ о читателѣ, которому, разумѣется, особой литературы не нужно, приведу нѣсколько выписокъ изъ его писемъ. «Книга Энгельгардта «Изъ деревни» мнѣ на столько понравилась, что не зналъ, какъ и выразить это. Энгельгардтъ и Успенскій (Глѣбъ) такъ вѣрно описываютъ жизнь крестьянъ, что я, какъ ни старался отыскать что либо несогласное съ дѣйствительною жизнью крестьянъ, не могъ найти. Такъ живо и вообще очень добросовѣстно они описываютъ крестьянина, даже и преувеличеній я почти не замѣтилъ. Только вотъ что мнѣ кажется очень преувеличеннымъ. На стр. 289 книги «Изъ деревни» говорится: «у бабы на первомъ планѣ деньги» и т. д. Вотъ это мнѣ и кажется невѣроятнымъ, даже невозможнымъ». «Большія книги понятны всѣ и очень интересуютъ читателей, пишетъ онъ дальше, за исключеніемъ Глѣба Успенскаго, въ сочиненіяхъ котораго дѣйствительно есть много непонятнаго для крестьянъ». «Недавно мнѣ пришлось прочесть изъ сочиненій Добролюбова т. III, «Когда-же придетъ настоящій день?» Такое пріятное впечатлѣніе произвела на меня эта книга, что я даже не полѣнился захватить ее съ собою въ фотографію, и тамъ, на столѣ уложивши подлѣ себя, снялся. Да, статья Добролюбова очень порядочно мнѣ дала. Я узналъ, какъ можно понимать статьи разныхъ писателей». «Получилъ «Что читать народу?» Книгу эту мнѣ пришлось посмотрѣть очень мало, но я увидѣлъ, что книга эта довольно хорошая вещь, а главное тѣмъ, что въ ней преобладаетъ болѣе практика, чѣмъ теорія, и для меня довольно интересно почитать тѣ отзывы о тѣхъ книгахъ, которыя чи-

[1]) Между прочимъ онъ ставитъ на собраніи вопросъ о контролѣ волостныхъ правленій, чтобы при учетѣ ихъ находились выборные отъ крестьянъ.

таны или мною самимъ, или другими крестьянами, или дѣтьми. А также полезно знать и о тѣхъ книгахъ, которыя у меня не имѣются». «Читаю книжки Блинова (Сельская служба) и Фармаковскаго [1]). Эти книжки очень полезны для тѣхъ крестьянъ, которые интересуются службою по волости». Въ другомъ письмѣ С. Г. пишетъ: «Очерки Тимощенкова «Борьба съ земельнымъ хищничествомъ» мнѣ не совсѣмъ понравились, когда я познакомился съ книгой. Выдержки, взятыя Скабичевскимъ, несравненно лучше мнѣ понравились, такъ какъ въ книгѣ Тимощенкова слишкомъ много сказочнаго, невѣроятнаго, которое только испортило самыя лучшія мѣста, какъ напримѣръ, о личности Петра Ивановича и его матери». «Вопросъ воспитанія дѣтей въ настоящее время меня занимаетъ больше, чѣмъ когда либо. Желая удовлетворить этому моему влеченію, я, наконецъ, дождался два года просимой мною для чтенія изъ управы книги о воспитаніи. Книгу я получилъ въ февралѣ. Вотъ ея заглавіе «Эмиль XIX вѣка», соч. Эскироса. Эта книга меня очень заинтересовала. Конечно, если кто не обладаетъ такими средствами, какими обладали воспитатели Эмиля, тому нельзя приложить высказанныхъ Эскиросомъ взглядовъ на практику воспитанія дѣтей. Но тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что въ книгѣ Эскироса есть очень не мало такихъ хорошихъ мыслей, которыя при нѣкоторомъ знаніи можно вполнѣ примѣнить къ воспитанію дѣтей въ крестьянской жизни. Желательно, чтобы книга указала, какъ воспитать высокую нравственность въ человѣкѣ, чтобы дѣти обладали такими высокими умственными способностями, какія только позволитъ здоровье мозга».

Можно было бы привести много выписокъ изъ писемъ С. Г. Журавлева, чтобы видѣть его отношеніе къ книгѣ. Но и вышеприведенныя достаточно характерны; практически-утилитарныя требованія, какія Журавлевъ предъявляетъ къ книгѣ, очевидны. Добролюбовъ учитъ его критикѣ; «Что читать народу?—выбору книгъ и т. д. Не мудрено, что такой человѣкъ окозываетъ весьма благотворное вліяніе на окружающихъ. Это вліяніе отражается не только на выборѣ книгъ. Иногда С. Г. самъ превращался въ чтеца; слушатели всегда находились, и вотъ,—то у церкви, то въ церковной сторожкѣ, то на улицѣ, то у себя въ избѣ устраивались импровизированныя литературныя утра и литературные вечера. «Я читалъ на праздникъ у себя, потомъ у церкви. Я чувствовалъ себя весьма счастливымъ, какъ никогда, когда видѣлъ, что книга производитъ весьма сильное и хорошее впечатлѣніе. Эти минуты служили для меня большой наградой. Послѣ не проходило дня, чтобы не приходили желающіе, чтобы взять эту понравившуюся книгу. Это дало большой толчокъ ходу библіотеки», добавляетъ С. Г. «При

[1]) О мировомъ судѣ, о волостномъ судѣ и др.

чтеніи, читаемъ мы въ другомъ письмѣ, я старался указывать на наши мѣстные недостатки, какъ-то въ выборѣ людей на общественныя должности, о дурномъ вліяніи кабаковъ на нравственность подростающаго поколѣнія, а также о плохомъ воспитаніи дѣтей и о нравѣ крестьянъ, желающихъ закрыть кабаки. Народъ никто не собиралъ. Они сами приходили до обѣдни по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ. Но такъ какъ народъ по большей части приходитъ еще къ утренѣ, въ такомъ случаѣ промежутокъ между утреней и обѣдней бываетъ часа два и болѣе. Народъ въ это время собирается или въ сторожку при церкви, зимой, или на улицѣ лѣтомъ». Въ 1889 году библіотекой Журавлева пользовалось около 40 человѣкъ. Если принять во вниманіе, что есть такіе города, какъ Онега, гдѣ въ то же самое время, т. е. въ 1889 г. какъ пишутъ оттуда, было всего въ библіотекѣ при уѣздномъ училищѣ 4 подписчика, то число 40 покажется для деревни очень значительнымъ.

На примѣрѣ Журавлева весьма ярко видно благотворное воздѣйствіе одной такой личности на населеніе. «Мой родной братъ, 19 лѣтъ, много читаетъ въ мужицкихъ собраніяхъ своей деревни, пишетъ С. Г. Только въ ноябрѣ и декабрѣ почти каждый вечеръ неупустительно онъ читалъ часа по $2^1/_2$ и до $3^1/_2$ часовъ и даже болѣе, если слушатели пожелаютъ дослушать разсказъ. Иногда засиживались до 11 часовъ ночи, такъ что чтецъ утомлялся до невозможности даже читать. Онъ перечиталъ много книгъ, все выбирая которыя были бы интереснѣе для крестьянъ. Читали Гоголя, Соловьева, Загоскина, Погосскаго и др. Четвертый, самый меньшой братъ помогаетъ мнѣ при веденіи библіотеки. Я разобралъ книги на два отдѣла: для дѣтей и для взрослыхъ. Брату стало удобнѣе разбираться въ книгахъ. Теперь, когда я ухожу, онъ выдаетъ и получаетъ прочитанныя книги, совѣтуетъ, какую взять, и т. д. Я очень радъ, что братъ занялся этимъ дѣломъ, вмѣсто того, чтобы гулять по бесѣдамъ. Вообще дѣло библіотеки не останавливается, когда я уѣду для сбора податей или по дѣламъ хозяйства. Въ прочихъ деревняхъ тоже, болѣе или менѣе, начинаютъ собираться въ одну избу. Это мнѣ передаютъ тѣ лица, которыя берутъ у меня для прочтенія книги. Такъ обыкновенно, кто пограмотнѣе и посвободнѣе, ходитъ и читаетъ по вечерамъ. Другой крестьянинъ сосѣдней деревни тоже завелъ свою библіотечку».

Такимъ образомъ, вліяніе личности на личность индуцировалось весьма быстро. Въ письмахъ того же Журавлева мы читаемъ о крестьянинѣ сосѣдней деревни Д. А. Козловѣ. Это молодой человѣкъ, лѣтъ 30, занимается земледѣліемъ, а въ зимнее и прочее свободное время отъ крестьянскихъ работъ занимается сапожнымъ ремесломъ и отчасти извозомъ. Въ Петербургѣ никогда не бываетъ и не бывалъ. «Козловъ, пишетъ С. Г., мнѣ хорошо знакомъ, почти съ дѣтства. Года 4 или 5 до

этого, отецъ мой отдалъ за него замужъ свою падчерицу, которая до выхода замужъ жила у насъ въ семьѣ 4 года, и за это время присмотрѣлась и привыкла ко всѣмъ работамъ по огородничеству и отчасти садоводству. Такъ что, когда она приложила практическія знанія по выходѣ замужъ къ обработкѣ огорода и когда отъ этого приложенія знаній получился блестящій результатъ, то мужъ и всѣ семейные были очень рады такой блестящей перемѣнѣ ихняго огорода. Мнѣ со своей стороны также очень хотѣлось заинтересовать такимъ исходомъ дѣла Козлова и его семейныхъ. И вотъ этотъ одинъ изъ выдающихся фактовъ повліялъ на Козлова весьма благотворно. Онъ началъ болѣе интересоваться книгами, какъ виновниками счастливой жизни человѣка, да кстати въ то самое время у меня уже собиралась библіотека, такъ что было чѣмъ удовлетворить любознательность Козлова. Съ самаго начала библіотеки онъ пользуется книгами, и теперь, какъ я знаю, онъ старается нѣкоторыя книги по хозяйству пріобрѣсти на собственныя средства, также и болѣе дешевыя и хорошія книги для чтеніи пріобрѣтаетъ для себя и своего семейства. Теперь въ дер. Коробовѣ смотрятъ на него какъ на примѣрнаго въ отношеніи къ работѣ крестьянскаго хозяйства и въ отношеніи къ общественнымъ дѣламъ человѣка». Д. А. Козловъ, подобно младшему Журавлеву, тоже нерѣдко читаетъ вслухъ своимъ односельчанамъ.

Однажды онъ началъ ходить въ крестьянскую избу, въ которой крестьяне дер. Коробова собирались прежде играть въ карты, и тамъ читалъ для нихъ книги, которыя съ этою цѣлью приносилъ съ собою отъ Журавлева или пріобрѣталъ самъ. «Какъ онъ мнѣ говорилъ, пишетъ Журавлевъ, мужики оставались болѣе довольны чтеніемъ, чѣмъ картами. Они убѣдительно просили, чтобы онъ читалъ для нихъ такія прекрасныя книги, какъ разсказы Наумова, «Касимовская невѣста» Соловьева, «Юрій Милославскій» Загоскина, и многія другія. Мы вмѣстѣ съ нимъ въ этомъ году выписываемъ огородныя сѣмена отъ Шимпера».

Картина, которая невольно возсоздается при чтеніи писемъ Журавлева, не можетъ не навести на мысль о томъ, какъ одинъ читатель порождаетъ массу другихъ, *не* можетъ *не* порождать другихъ; какъ передается и усиливается стремленіе къ книгѣ и попытки пользоваться ею. Журавлевъ всею своею дѣятельностью непрестанно доказываетъ своимъ собратьямъ по труду непосредственно осязательную пользу грамотности, книги и книжнаго знанія. Нельзя не обратить вниманія и на то, какъ критически относится С. Г. къ книгѣ. Независимость его мышленія бросается въ глаза, равно какъ и жилка общественности въ его дѣятельности. Несомнѣнно, что личность Журавлева выше многихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и то, что по неизвѣстнымъ, глухимъ;

весямъ, не одинъ, а много Журавлевыхъ, и такихъ, и менѣе крупныхъ; еще большему числу ихъ не даютъ проявиться или стать на ноги тѣ или иныя условія жизни, семейныя, общественныя, напр., недостатокъ школъ, библіотекъ и проч. и проч.

Между прочимъ, намъ пишутъ изъ Новгородской губерніи. «Я познакомился съ молодымъ крестьяниномъ Семеномъ, лѣтъ 23. Отличительная черта его — любознательность. Онъ разспрашиваетъ обо всемъ: и объ удобреніи полей, и о землѣ, и о звѣздахъ, и о тѣхъ камняхъ, которые во множествѣ валяются на поляхъ — откуда они взялись, и т. д., и т. д. Семенъ учился въ П—ской школѣ, когда въ ней былъ еще учитель. «Хорошій былъ учитель, добрый, книжки давалъ читать. Да и на домъ къ себѣ, бывало, зазоветъ, начнетъ все разсказывать и объяснять». Семенъ пытался было сдѣлать, согласно наставленію отъ земской управы, у себя соломенно-ковровую крышу, но въ этомъ дѣлѣ помѣшалъ ему отецъ. «Да главное, говоритъ Семенъ, *еще нѣтъ никого* въ деревнѣ, съ кѣмъ-бы дѣло обсудить... одному трудно...» (Деревня въ 10 дворовъ). «Сельскій календарь» Я. Абрамова, который я ему далъ, Семенъ прочелъ съ замѣчательною внимательностью, а статьи о построеніи литушекъ и глиносоломенныхъ овиновъ Дюмина списалъ дословно. — А зачѣмъ ты списывалъ то? — «А когда женюсь и отдѣлюсь отъ отца, тогда пригодится: буду строить литушки» [1]).

Характерно здѣсь выраженіе «еще нѣтъ никого». То-то, что «еще нѣтъ никого», а тѣ интеллигентные работники, которые и есть, сидятъ по угламъ, безъ малѣйшей связи между собою, безъ общенія и поддержки. Здѣсь будетъ умѣстнымъ разсказать объ одномъ выдающемся самоучкѣ, тоже начетчикѣ, личности, выросшей еще на почвѣ печальной памяти крѣпостного права [2]). Пишетъ мнѣ о немъ тотъ самый молодой молоканинъ, о которомъ я говорилъ выше. Приведу его письмо дословно. Оно характерно для обоихъ.

«Константинъ Ивановичъ Т—въ, онъ-же К—нъ, родился въ томъ-же селѣ Нижегородской губерніи, гдѣ я теперь живу, въ крестьянской семьѣ. Теперь ему уже около 55 лѣтъ. Въ молодые годы у него рано проснулась страсть къ чтенію, но, по тогдашнему порядку вещей, книги для народа не были такъ доступны, какъ нынѣ. Нерѣдко любознательные крестьяне платились своимъ благосостояніемъ за всякую попытку къ просвѣтлѣнію своего сознанія, и даже ссылались за это въ отдаленныя имѣнія владѣльца-помѣщика и отдавались въ рекруты.

К. И—чу пришлось какъ-то самоучкой выучиться читать и писать и по странной случайности приблизиться къ олицетворенію тогдашняго строя жизни — помѣщику, который сдѣлалъ его волостнымъ

[1]) Сообщ. К. Подозерскій.

[2]) Сообщ. Ж—въ. Нижегородской губ.

писаремъ Б—скаго вотчиннаго правленія. Вотъ тутъ ему иногда приходилось прерывать частью ту завѣсу, которая скрывала отъ крестьянскаго люда остальной міръ. Онъ украдкой читалъ получаемыя помѣщикомъ газеты, рискуя постоянно подвергнуться за это гнѣву грознаго владѣльца. Газеты получались не только русскія, но и иностранныя. Должно быть, стремленіе къ знанію было велико, когда полуграмотный мужикъ рѣшился изучать французскій языкъ, чтобы знать, что дѣлается въ остальномъ мірѣ. Съ помощью кого-то изъ дворовыхъ, близко знакомыхъ съ нимъ, онъ кое-какъ усвоилъ самое элементарное знакомство съ французскимъ языкомъ. Все это раздвинуло его міровоззрѣніе, и его сознаніе потребовало себѣ дальнѣйшей пищи. Какимъ-то образомъ ему попались астрономическая книга, и онъ весь отдался изученію звѣзднаго неба, проводя нерѣдко цѣлыя ночи напролетъ въ наблюденіяхъ надъ ярко пылающими въ далекой синевѣ прозрачнаго неба звѣздами и планетами. Что тамъ? Какъ это все создано? Какіе законы надъ всѣмъ этимъ царятъ? Какъ-бы постигнуть это все, все? Но отвѣтомъ ему были тѣ-же мучившія его мысли».

«19 февраля 1861 года, продолжаетъ авторъ письма, совершился историческій переломъ, разомъ разбившій тѣ вѣковыя цѣпи, которыми была скована мысль, свобода и человѣческое общество. Подъ новымъ небомъ, на новой землѣ, пошли и новыя вѣянія, и новый духъ, — залогъ перерожденія человѣческой жизни и дальнѣйшаго движенія мысли [1]). К. И. набросился на всѣ книги, какія онъ только могъ достать тогда по интересующему его вопросу — астрономіи. Но русская литература была тогда бѣдна такими изданіями, которыя были-бы популярны. Она если и обладала, то лишь немногими, сухими, слишкомъ спеціальными сочиненіями. Кто-то сказалъ К. И—чу, что надо знакомиться съ французской литературой, и вотъ, черезъ нѣкоторое время, К. И. получаетъ уже французскія книги, французскій журналъ и еще больше осваивается съ французскимъ языкомъ. Познакомившись съ писаніями астронома К. Фламмаріона, онъ многое усвоилъ изъ того, что хотѣлъ знать. Теперь ужъ онъ имѣетъ инструментъ (телескопъ), выписанный имъ прямо изъ Франціи, по рекомендаціи самого Фламмаріона, которому онъ писалъ по поводу этого письмо. Нечего и говорить, что съ этихъ поръ онъ весь отдался своимъ любимымъ занятіямъ, и каждую благопріятную ночь онъ производитъ въ тиши и уединеніи свои наблюденія надъ небомъ, а въ свободные дни сидитъ за чтеніемъ книгъ и журналовъ по астрономіи, преимущественно французскихъ. У него образовался кружокъ любителей, такихъ-же какъ и самъ онъ крестьянъ, довольно сносно толкующихъ всѣ тайны астрономіи. Самъ

[1]) Пишетъ крестьянинъ.

онъ въ лѣтніе дни часто проводитъ свободное время гдѣ-нибудь въ полѣ, въ средѣ своихъ знакомыхъ любителей, въ бесѣдахъ о природѣ, имѣющихъ характеръ лекцій. Надо сказать, что К. И. обладаетъ самыми скромными средствами, существуя почти однимъ личнымъ трудомъ (онъ по ремеслу рукавичникъ), и все-таки это не останавливаетъ его отъ той жизни, умственнымъ интересамъ которой онъ отдался. Вообще это человѣкъ спеціально преданный астрономіи», заканчиваетъ свое письмо мой корреспондентъ, и затѣмъ прибавляетъ слѣдующія слова, какъ кажется, отчасти разрушающія иллюзію предыдущихъ строкъ: «К. И.— человѣкъ, выводящій изъ астрономіи обобщенія, касающіяся человѣческой жизни». Такимъ образомъ, можно думать, что въ К. И—чѣ Т. натуралистъ-естествоиспытатель уживается рядомъ съ астрологомъ.

Н. Рубакинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Это-ли жизнь!
Вторникъ, среда иль суббота,
Все равно — тягостный гнетъ
Мелкихъ и крупныхъ заботъ...
Въ будень и въ праздникъ — работа,
Такъ и проходитъ весь годъ —
Это-ли жизнь!

Это-ли жизнь!
Нѣтъ ни простора, ни воли,
Скованы сердце и умъ...
И отъ мучительныхъ думъ
Чувствуешь тяжесть до боли,
Какъ-то бредешь на-обумъ!
Это-ли жизнь!

Это-ли жизнь!
О, надоѣло ненастье,
Иго заботъ и тревогъ!
Такъ подводи-же итогъ
Злая судьба, или счастье
Дай, чтобъ воскликнуть я могъ:
Вотъ это жизнь!

А. Кругловъ.

POLLICE VERSO.

PANNEAUX.

. . . . въ природѣ всюду видимъ мы споръ, борьбу, попеременную побѣду, и далѣе яснѣй увидимъ въ этомъ свойственное волѣ раздвоеніе въ самой себѣ. Каждая ступень объективаціи воли оспариваетъ у другой матерію, пространство и время.

А. Шопенгауэръ.

I.

Munera nunc edunt, et verso pollice vulgi
Quemlibet occidunt populariter.

Juvenalis.

Теплая, темная, южная ночь.

Заснуло все въ природѣ; не щебечутъ птицы, не плещетъ о берегъ волна, веселыя пчелы не жужжатъ надъ ароматными цвѣтами. Ночной воздухъ, какъ-бы сторожа всеобщій покой, усыпилъ въ своихъ объятьяхъ эти чудныя горы и долины, лѣса, сады, ручьи и рѣки, да и самъ какъ будто замеръ въ сладострастной истомѣ. Спитъ благодатная Кампанья...

Но Римъ не спитъ.

Глухой рокотъ доносится съ отдаленныхъ улицъ вѣчнаго города и со стороны via Appia: какъ будто вода размыла акведуки и ревущіе потоки хлынули съ высокихъ аркадъ на землю. Чѣмъ ближе къ цирку, тѣмъ шумъ сильнѣе, явственнѣе. Это шумъ спѣшащей толпы. Въ общемъ гулѣ слышатся то громкія ругательства, то повелительные возгласы эдиловъ и ночныхъ тріумвировъ, то смѣхъ, то оклики по именамъ.

Это римская и прибывшая изъ ближайшихъ окрестностей чернь спѣшитъ занять даровыя мѣста на завтрашнія игры. Давя и толкая другъ друга, врывается она въ открытыя ворота цирка и темными клубками разсыпается по широкимъ скамьямъ погруженнаго во мракъ амфитеатра. Вмѣстѣ съ плебеями множество знатныхъ дамъ и спут-

никовъ ихъ, принадлежащихъ къ сословію всадниковъ. Это самые горячіе, самые страстные любители игръ; они боятся придти позднѣе и, пожалуй, не найти лучшихъ мѣстъ, ни свободныхъ, ни у спекуляторовъ-локаріевъ. Эти дамы и эти всадники предпочитаютъ сами провести ночь на скамьяхъ цирка, лишь-бы помѣститься какъ можно ближе къ аренѣ.

Все прибываетъ толпа. Давка становится сильнѣе. Вдругъ страшный, душу раздирающій крикъ раздается въ самыхъ воротахъ. Всѣ на одно мгновеніе пріостанавливаются, оглядываются, словами и взглядами спрашивая другъ друга, что́ случилось? Ничего, пустяки — кому-то вывихнули руку. И всѣ опять, по прежнему давя другъ друга, рвутся впередъ. Начальникъ стражи расталкиваетъ толпу, чтобъ высвободить изувѣченнаго, уносимаго общимъ потокомъ и продолжающаго кричать о помощи. Какъ-бы въ отвѣтъ на эти крики, подъ сводами цирка отозвалось мощное рычаніе льва; толпа обрадована, и отъ воротъ до верхнихъ рядовъ амфитеатра, гдѣ нѣкоторые зрители начинали уже дремать, проносится веселый, одобрительный говоръ.

Всю ночь шумитъ толпа. Она растетъ ежеминутно, и восходящее солнце озаряетъ циркъ наполненнымъ сверху до низу. Свободны еще только мѣста сенаторовъ да между двухъ лѣстницъ, около императорской ложи, большой клинъ — cuneus — остался незанятымъ: всѣ мѣста въ немъ охраняются стражей для друзей Спурія Агалы, виновника сегодняшняго празднества. Онъ вступилъ въ должность квестора и, по обычаю, даетъ римлянамъ ихъ любимыя зрѣлища въ циркѣ.

Но вотъ и эти мѣста наполняются; вотъ и сенаторы въ своихъ бѣлыхъ съ пурпурной каймой претекстахъ одинъ за другимъ усаживаются на мягкія, шелковыя подушки.

Вотъ и цѣломудренныя блюстительницы священнаго огня богини Весты заняли вестальскую ложу.

Ждутъ еще только самого цезаря: Клавдій сегодня, противъ обыкновенія, опоздалъ.

Въ ожиданіи толпа развлекается. Мальчики-разносчики, бродя между рядами зрителей, по широкимъ уступамъ амфитеатра, выкрикиваютъ названія лакомствъ. Какой-то старый толстякъ сердито торгуется съ молоденькой продавщицей и не хочетъ отдать ей того, что она требуетъ за поданную ему чашку воды. Въ ряды патриціевъ пробрался хитрый graeculus [1]), выдаетъ себя за халдейскаго астролога и за бросаемыя ему монеты смѣшитъ окружающихъ невозмож-

---

[1]) Graeculus — уменьшительное, презрительное названіе грека. Заѣзжихъ грековъ многіе римляне считали одной изъ причинъ упадка нравовъ. Ювеналъ безпощадно бичуетъ ихъ въ своихъ сатирахъ.

ными предсказаніями. Нѣсколько молоденькихъ плебеекъ недовѣрчиво слушаютъ, какъ имъ что-то нашептываетъ красивый юноша, и на ихъ хорошенькихъ личикахъ играетъ веселая улыбка. Знатныя дамы ищутъ глазами по всѣмъ скамьямъ цирка знакомыхъ и обмѣниваются съ ними привѣтственными знаками. Сосѣдки разсказываютъ другъ другу свои похожденія, сплетничаютъ, злословятъ, клевещутъ.

Вонъ Кальпурнія Терентилла, жена богатаго патриція. Ея губы плотно сжаты, брови сдвинуты; она озлобленно косится на одно изъ сосѣднихъ мѣстъ амфитеатра. Она возмущена, какъ никогда! Проклятые локаріи, содравъ съ нея страшныя деньги, не нашли ничего лучшаго, какъ посадить ее и дочь ея, Цинтію, именно сюда, какъ на смѣхъ, какъ на пытку: только два мѣста отдѣляютъ ихъ отъ этого негодяя Сицинія и его гетеры Сильвіи. Сициній такъ нагло... не оправдалъ ея надеждъ и промѣнялъ ея милую Цинтію, едва распускающійся цвѣтокъ, на эту негодницу, отказался отъ узъ Гименея, чтобъ раздѣлить ложе разврата съ тремя любовниками Сильвіи, не считая ея мужа. И теперь они всѣ сидятъ чуть не рядомъ. Великіе боги! Куда-же идетъ міръ! Честнымъ матронамъ нѣтъ болѣе мѣста въ Римѣ.

— Посмотри, посмотри, какая стола [1]) у этой развратницы, говоритъ Кальпурнія Цинтіи. — Развѣ матронѣ, женѣ патриція, пристало носить публично такую прозрачную ткань, сквозь которую видно тѣло? Впрочемъ, что-жъ! если нѣтъ стыдливости, значитъ нечего и прикрывать.

Съ негодованіемъ, приправленнымъ завистью и любопытствомъ, разсматриваетъ молодая дѣвушка свою соперницу и шепчетъ: „О, злая, злая!“ Но, увлеченная свойственной и ей страстью къ нарядамъ, и она прежде всего обращаетъ вниманіе на нарядъ Сильвіи.

— Смотри, говоритъ она матери: — какъ ловко набросила она эти складки паллы [2]) съ золотымъ фригійскимъ шитьемъ.

— Ей-бы слѣдовало дать черную тогу гетеры, язвительно шепчетъ Кальпурнія: — но что-же дѣлать, моя милая, если у насъ эдилы плохо смотрятъ за нравами, и сама Мессалина подаетъ дурные примѣры. О, еслибъ я была цензоромъ нравовъ, еслибъ я имѣла власть воздать всѣмъ имъ должное!

Цинтія внимательно слушаетъ и въ то-же время еще внимательнѣе разсматриваетъ бѣлый, шитый золотомъ soccus [3]), такъ красиво

---

[1]) Stola—родъ туники, которыя носили римскія дамы.

[2]) Palla — большой кусокъ матеріи, набрасываемый поверхъ столы; палла соотвѣтствовала тогѣ у мужчинъ. Искусство изящно драпироваться въ паллу очень цѣнилось римлянками.

[3]) Родъ ботинокъ.

обрисовывающій красивую ногу Сильвіи; недаромъ Сильвія выставила ее на показъ.

— Я-бы не позволила ей, продолжаетъ ворчать Кальпурнія: — я-бы не позволила ей распространять здѣсь ароматъ благовоннаго ассирійскаго нарда отъ ея позорнаго и, вѣроятно, смраднаго тѣла! Я-бы ей! Вѣдь эта старая мегера всего нѣсколькими годами моложе меня, и если этотъ негодный дуракъ Сициній увидитъ когда нибудь, какъ она на ночь намазываетъ себѣ на лицо тѣсто на ослиномъ молокѣ, онъ навѣрное отвернется отъ своей красавицы. Вѣдь она вся раскрашена!

А Цинтія съ завистью любуется окрашенной въ золотисто-рыжую краску галльской прической Сильвіи, и ей такъ и хочется вытащить изъ этой прически драгоцѣнную булавку, скрѣпляющую пряди волосъ, и воткнуть его въ шею своей соперницѣ.

— А откуда взялись всѣ эти драгоцѣнныя украшенія? продолжаетъ свою филиппику неугомонная Кальпурнія: — откуда у нея эти жемчужины, стоющія жемчужинъ Клеопатры? Пусть другихъ матронъ упрекаютъ хоть въ томъ, что ихъ наряды — плоды ограбленныхъ провинцій; да вѣдь, по крайней мѣрѣ, все это наворовано и награблено ихъ мужьями и отцами. А у этой вѣдь все это отъ любовниковъ! О времена, о нравы!

И, не довольствуясь поношеніемъ Сильвіи за дѣйствительно существующіе проступки и пороки, Кальпурнія начинаетъ приписывать ей другіе, возможные или воображаемые.

— О, я даже увѣрена, шепчетъ она себѣ подъ носъ, — что еслибъ эту Сильвію начать преслѣдовать за развратъ, она-бы все-таки не отказалась отъ него, а, по примѣру Вистиліи, сложила-бы съ себя достоинство римской матроны, патриціанки и записалась-бы въ спискахъ у эдиловъ содержательницей лупанара. Тамъ-бы ей и мѣсто! Да и Синію тоже — быть-бы ему тамъ прислужникомъ!

И вдругъ понявъ, что она зашла, быть можетъ, дальше, чѣмъ-бы слѣдовало въ присутствіи ея молоденькой дочери, Кальпурнія примолкла. Однако она не утерпѣла, чтобъ не докончить свою мысль, и еще проворчала, указывая дочери на Синія:

— Посмотри, съ какими смѣшными движеніями обмахиваетъ онъ ее опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ, посмотри, какъ онъ старается показать при этомъ всѣ драгоцѣнныя кольца на своихъ пальцахъ. Это пристало ему больше, чѣмъ мечъ и щитъ.

А прежній женихъ все еще нравится Цинтіи, и она съ нѣкоторой грустью думаетъ о разбитыхъ надеждахъ. „И все это сдѣлали Баіи, шепчетъ про себя молодая дѣвушка, развратныя Баіи, littora

castis inimica puellis [1])! Тамъ онъ измѣнилъ мнѣ, тамъ завладѣла имъ Сильвія!“

Сильвія и Сициній не остаются въ долгу и въ свою очередь злословятъ по поводу Кальпурніи и Цинтіи.

На другихъ скамьяхъ амфитеатра другія группы тоже сводятъ такъ или иначе домашніе счеты и городскія распри: всѣхъ это занимаетъ пока болѣе, чѣмъ интересъ предстоящаго зрѣлища, хотя и любимаго, но привычнаго.

Но мало по малу арена завладѣваетъ вниманіемъ зрителей.

Игры уже начались. Клавдій и Мессалина, встрѣченные многократными привѣтственными возгласами народа, давно уже заняли свои мѣста въ императорской ложѣ; давно прошла торжественная процессія всѣхъ гладіаторовъ, принимающихъ участіе въ разныхъ отдѣленіяхъ сегодняшнихъ игръ; уже кончилась прелюдія — состязаніе въ ловкости, гдѣ нѣсколько гладіаторовъ сражались кольями и деревянными мечами — praeludebant; взявъ острое оружіе, они сразились уже и съ дикими звѣрями, и кончился и этотъ бой. Лораріи — прислуга цирка — стащили въ spoliarium [2]) нѣсколькихъ растерзанныхъ гладіаторовъ и выбросили за ворота цирка, на улицу, двухъ убитыхъ львовъ, медвѣдя и гіену: тамъ, не попавшая въ циркъ, голодная чернь разрываетъ ихъ на куски и уноситъ домой на обѣдъ.

А взрытая во время боя арена цирка выравнивается для дальнѣйшаго представленія, и лужи крови засыпаются свѣжимъ пескомъ изъ блестящей, серебристой слюды.

Вниманіе толпы уже слегка возбуждено. Но далеко не всѣ зрители страстные любители звѣриной травли и увлекаются ею; большинство съ нетерпѣніемъ ждетъ другого зрѣлища: боя человѣка съ человѣкомъ.

Труба возвѣщаетъ начало этого отдѣленія.

Привѣтственными криками встрѣчаетъ толпа вышедшихъ на арену двухъ гладіаторовъ.

Это мирмиллонъ и ретіарій [3]).

---

[1]) Городокъ Баіи (близь нынѣшняго Неаполя) — мѣсто дачной жизни и теплыхъ и морскихъ купаній для римской знати. Littora castis inimica puellis — берега враждебные непорочнымъ дѣвамъ — стихъ Горація, относящійся къ Баіямъ.

[2]) Споліаріумъ—мѣсто въ циркѣ, куда стаскивали съ арены убитыхъ гладіаторовъ для снятія съ нихъ вооруженія, прежде чѣмъ отправить трупы ихъ для погребенія; spolia — добыча, грабежъ, spoliator — грабитель.

[3]) Mirmillo — названіе рыбы; гладіаторы, называвшіеся мирмиллонами, носили галльскій шлемъ съ изображеніемъ рыбы и въ своихъ движеніяхъ подражали плаванію рыбы; ихъ ловили сѣтью гладіаторы, называвшіеся retiarii (отъ rete—сѣть) и, поймавъ, прикалывали, какъ рыбу, острогой-трезубцемъ. Кромѣ этихъ родовъ гладіаторовъ извѣстны еще: secutores—преслѣдователи, Threces—Ѳракійцы, hoplomachi—

Легко вооруженный, увертливый рыба-мирмиллонъ становится въ позицію и выжидаетъ удобный моментъ, чтобы наброситься на ретіарія и нанести ему ударъ мечомъ. А ретіарій, вооруженный острымъ трезубцемъ на длинномъ копьѣ, да сѣтью, въ которую онъ долженъ поймать рыбу-мирмиллона, уже размахнулся этой сѣтью въ воздухѣ, и мирмиллонъ едва успѣлъ увернуться отъ нея и отбѣжать въ сторону. Ретіарій бросается за нимъ, преслѣдуетъ его, мирмиллонъ убѣгаетъ, а длинная сѣть снова пролетаетъ почти надъ самой его головой.

Теперь очередь мирмиллона подбѣжать къ ретіарію, чтобы поразить его. Но и ретіарій ловокъ не менѣе своего противника: онъ тоже отскочилъ въ сторону, сталъ въ позицію и опять замахнулся сѣтью, грозя гибелью мирмиллону.

Долго длится искусная борьба, поощряемая страхомъ. Смерть павшему! И каждый изъ борцовъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы остаться побѣдителемъ.

Но зрителямъ это уже надоѣло, и громкими криками требуетъ соскучившаяся толпа, чтобы борцы скорѣе кончали бой — одинъ изъ нихъ долженъ скорѣе пасть и умереть, чтобы, по программѣ зрѣлищъ, дать мѣсто другимъ очереднымъ бойцамъ. Уже многіе изъ зрителей цирка побились между собой объ закладъ на десятки тысячъ сестерцій, на чьей сторонѣ будетъ побѣда; они горятъ нетерпѣніемъ обогатиться выигрышемъ заклада и требуютъ скорѣе чьей нибудь смерти.

Да и сами противники уже дошли до изступленія. И вотъ мирмиллонъ быстро устремляется на ретіарія въ надеждѣ нанести ему ударъ, хотя бы подъ самой сѣтью. Но тотъ уклонился, а предательская сѣть въ одно мгновеніе охватываетъ голову и плечи мирмиллона. Сильнымъ движеніемъ руки дернувъ сѣть, ретіарій роняетъ соперника на землю и, прежде чѣмъ мирмиллонъ успѣваетъ обратиться съ просьбой о пощадѣ къ этой толпѣ, кричащей со всѣхъ сторонъ: „поймалъ! поймалъ!“ — ужасный трезубецъ уже вонзается ему въ грудь. Безъ крика, безъ стона, рыба-мирмиллонъ корчится въ предсмертной агоніи.

Ретіарій поступилъ противъ правилъ, но соскучившаяся толпа не винитъ его въ этомъ; она довольна, что онъ, не дожидаясь разрѣшенія зрителей убить павшаго, сразу прикололъ пойманную рыбу; зрѣлище вышло живѣе, и толпа привѣтствуетъ побѣдителя.

Межъ тѣмъ всѣ съ любопытствомъ слѣдятъ за непроизвольными движеніями умирающаго мирмиллона. Пока его кололи, онъ, по пра-

---

тяжеловооруженные, Samnites — самниты, essedarii — сражавшіеся съ колесницъ, andabatae — съ закрытыми глухимъ шлемомъ глазами, dimachaeri — сражавшіеся на коняхъ и пѣшіе, и laquearii — арканьщики. Подробное описаніе ихъ въ сочиненіи *J. Lips*'a: Saturnalium sermonum libri duo qui de gladiatoribus, Lutetiae parisior. CDDXXCV. Lib. II c. VII. и др.

виламъ гладіаторскаго искусства, не долженъ былъ защищаться или съёживаться; онъ долженъ былъ неподвижно принять ударъ; но теперь предсмертныя содроганія интересуютъ толпу, пріятны ей. Зрители смѣются, показывая другъ другу, какъ онъ двигаетъ руками и ногами: „какъ будто плаваетъ! Настоящій мирмиллонъ, настоящая рыба! Да нѣтъ, не выплыветъ! Вонъ и лорарій!“

Лорарій подходитъ къ умирающему, тяжелымъ молоткомъ добиваетъ его по головѣ на смерть и, зацѣпивъ крюкомъ, за что попало, тащитъ, уже бездыханнаго, въ споліаріумъ. Борозду, проведенную на аренѣ трупомъ, засыпаютъ свѣжимъ пескомъ.

Снова загремѣли трубы.

Отворяются ворота съ двухъ противуположныхъ сторонъ арены, съ востока и съ запада, и, по двое въ рядъ, выѣзжаютъ на бѣлыхъ коняхъ четыре пары андабатовъ. Снова шумные крики встрѣчаютъ ихъ появленіе, и сотни одеждъ полетѣли въ воздухъ, падая назадъ на головы неистовствующей отъ восторга толпы.

Солнце поднялось теперь уже выше стѣнъ ничѣмъ не покрытаго цирка и яркими лучами отразилось на золоченыхъ шлемахъ, на легкихъ щитахъ и короткихъ мечахъ андабатовъ. Но они не видятъ ни солнца, ни другъ друга: глухіе шлемы закрываютъ имъ глаза. Ихъ смертный бой — игра въ жмурки.

Лораріи берутъ подъ уздцы лошадей, разводятъ ихъ въ разныя мѣста арены и удаляются.

По данному знаку противники начинаютъ съѣзжаться, отыскивая другъ друга... Противники!.. Сейчасъ, передъ выѣздомъ на арену, они дружески разговаривали и пили вино, которымъ ихъ угощали предъ боемъ; но теперь они противники, они должны перерѣзать другъ друга, и всѣ до одного.

Медленно двигаются кони, направляемые слѣпыми всадниками на удачу, по слуху, на шорохъ копытъ, на ржаніе другихъ коней.

Вотъ двое съѣхались. Но они повернули своихъ коней не другъ противъ друга, они ошибаются въ разстояніи и, думая уловить противника тутъ же, рядомъ, наносятъ удары въ воздухѣ. Толпа смѣется, а болѣе нетерпѣливые изъ зрителей кричатъ андабатамъ:

— Не туда! Направо, направо!

— А ты лѣвѣй. Не туда!.. Экой оселъ!

Но андабаты еще болѣе сбиваются съ толку. Тотъ, которому надо взять направо, ѣдетъ направо; другой, принимая этотъ крикъ за указаніе себѣ, поворачиваетъ тоже направо. Недовольная толпа осыпаетъ ихъ обоихъ ругательствами.

Но теперь вниманіе зрителей привлекаютъ уже двое другихъ: эти ѣдутъ какъ разъ навстрѣчу одинъ другому.

— Прямо, прямо! кричатъ имъ со всѣхъ сторонъ, и андабаты съѣхались — слѣпые — лицомъ къ лицу, нога къ ногѣ. Кони встали бокъ о бокъ. Всадники ощупали другъ друга, перегнулись и почти одновременно острые клинки вонзаются въ ихъ тѣло. Выпустивъ изъ рукъ мечи и поводья, противники падаютъ: одинъ, пораженный до самаго сердца, склоняется безъ стона; другой, едва успѣвъ вскрикнуть, хватается лѣвой рукой за врѣзавшійся ему въ животъ ножъ, а правой за плечо своего товарища-врага, увлекаетъ его вмѣстѣ съ собой на землю и въ предсмертныхъ судорогахъ пачкается въ лужѣ собственной и товарищеской крови. Лишенные всадниковъ, обагренные кровью бѣлые кони шарахнулись въ стороны и понеслись по аренѣ. Радостными, одобрительными возгласами зрители награждаютъ убитыхъ гладіаторовъ за эти ловко нанесенные ими удары.

Но на время удовлетворенная смертью двухъ бойцовъ, толпа сейчасъ же и отвернулась отъ нихъ и теперь терпѣливо слѣдитъ, какъ другіе андабаты ищутъ другъ друга.

Нѣсколько коней уже ранено, всадники сброшены, пѣшіе и конные—всѣ бродятъ по аренѣ навстрѣчу смерти, смѣша зрителей неловкими шагами, неловкими движеніями протянутыхъ впередъ рукъ? То тутъ, то тамъ столкнутся двое, трое; боковой ударъ клинка оторветъ кусокъ мяса на рукѣ, на бедрѣ; ранятъ лошадь или ударъ копыта сшибетъ кого нибудь съ ногъ; но потомъ противники опять потеряютъ направленіе и разойдутся. Каждый стережетъ, чтобы не получить ударъ сзади, каждый прислушивается къ шороху шаговъ, къ топоту копытъ, ошибается и, подстрекаемый возгласами толпы, продолжаетъ смѣшить зрителей своей неловкостью. Стоны, хохотъ, говоръ, крики и ржанье сливаются въ одинъ общій гулъ.

Но солнце жжетъ. Толпа раздражается, и андабаты начинаютъ надоѣдать ей. Зрители требуютъ развязки.

Тогда появляются на арену служители цирка съ раскаленными, желѣзными копьями и, касаясь ими до обнаженныхъ частей тѣла андабатовъ, направляютъ и подгоняютъ бойцовъ другъ къ другу. Столкновеніе неизбѣжно. Теперь уже всѣ пары сошлись, всѣ спѣшились, одни уже рѣжутся, другіе пали, третьи, чтобы избѣжать ударовъ клинка въ грудь, сцѣпились руками, борются, упали, и душатъ другъ друга, пока одинъ изъ двоихъ не испуститъ послѣдняго, хриплаго вздоха, а другой такъ и закоченѣетъ со сжатыми руками у горла своего товарища. Побѣдивъ одного, андабатъ опять ищетъ новаго противника и сцѣпляется съ нимъ, а зрители съ разгорѣвшимися глазами слѣдятъ за зрѣлищемъ и подбодряютъ умирающихъ умирать скорѣе, чтобы не задерживать представленія.

Всѣ пали; лораріи трогаютъ раскаленнымъ желѣзомъ лежащихъ

на аренѣ гладіаторовъ и, если они подаютъ признаки жизни, прокалываютъ ихъ еще горячими копьями и на крючьяхъ утаскиваютъ трупы ихъ въ споліаріумъ.

Арена снова выравнивается и посыпается свѣжимъ пескомъ. Но и сквозь песокъ, подъ лучами горячаго солнца, запахъ крови поднимается къ зрителямъ, поднимается къ голубому, безоблачному небу.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ждутъ римляне продолженія зрѣлища; они довольны, счастливы. Но есть и неудовлетворенные; эти или равнодушны, или прямо высказываютъ неудовольствіе.

Самъ императоръ, большой любитель игръ, сегодня что-то плохо развлекается. Хотя надъ императорской ложей раскинутъ шитый золотомъ шелковый пологъ, но Клавдій уже видимо истомился отъ жары. Къ тому же онъ неохотно смотритъ андабатовъ, потому что ихъ закрытые шлемы мѣшаютъ видѣть искаженныя агоніей лица; это наслажденіе доставляютъ ему чаще всего ретіаріи. Теперь онъ апатично смотритъ по сторонамъ и, думая о другомъ, болѣе потрясающемъ представленіи, изрѣдка перемигивается съ своимъ любимцемъ Нарциссомъ. У нихъ есть общая мысль. Они задумали удивить римлянъ зрѣлищемъ наумахіи [1]), которое должно затмить наумахію Августа. Работы по спуску водъ Фуцинскаго озера въ Тибръ приближаются къ концу. Одиннадцать лѣтъ и тридцать тысячъ человѣкъ работали надъ этимъ каналомъ. Празднество открытія должно быть величественно. И вотъ уже 20 тысячъ преступниковъ, обреченныхъ на смертную казнь, собрано въ тюрьмахъ Рима и провинцій — это будущіе участники въ наумахіи. И судьи болѣе усердно, чѣмъ когда либо, продолжаютъ произносить смертные приговоры: преступниковъ нужно еще много — зрѣлище спуска водъ Фуцинскаго озера должно быть величественно! Понятно, что Клавдію скучно теперь смотрѣть на эти четыра пары андабатовъ. Онъ уже не прочь бы и уйти, но, по обычаю и въ угоду Мессалинѣ, досидитъ до конца. Впрочемъ, безпамятный, онъ уже и забылъ, давно ли началось представленіе и скоро ли оно кончится, забылъ даже, о чемъ онъ сейчасъ думалъ, и теперь мысли его во дворцѣ, гдѣ его сотрудникъ по историческимъ изысканіямъ, историкъ Поливій, разбираетъ надписи на недавно найденной старинной этрусской вазѣ. Чудная ваза! Ахъ, скоро-ли всѣ эти гладіаторы перерѣжутъ другъ друга. Клавдію хочется поскорѣе опять углубиться въ этрусскія надписи. А тутъ еще новые гладіаторы выходятъ на арену! Ну ихъ!

Межъ тѣмъ недалеко отъ императорской ложи одинъ изъ сенато-

---

[1]) Наумахія—*ναυμαχία*—бой гладіаторовъ на корабляхъ и лодкахъ, изображавшій примѣрное морское сраженіе.

ровъ едва уловимымъ презрительнымъ взглядомъ смотритъ на императора. Обрюзглое лицо сенатора напоминаетъ безсмысленное лицо Клавдія, но сенаторъ не узнаетъ въ другомъ своихъ чертъ; онъ смотритъ на Клавдія свысока. „Какой онъ императоръ! думаетъ старикъ: — Развѣ такіе императоры были у Рима, развѣ такіе императоры нужны Риму! Жалкій старикашка, занимающійся старыми камешками и обломками этрусскихъ горшковъ и до сихъ поръ не съумѣвшій устроить даже порядочныхъ игръ въ циркѣ. Вотъ какими зрѣлищами должны мы теперь довольствоваться!“

И обратившись къ сосѣду, старикъ съ брезгливой ироніей прошамкалъ беззубымъ ртомъ:

— Этотъ несчастный Спурій Агала не далъ намъ даже настоящаго боя съ дикими звѣрями — слишкомъ дорого для него. Всего два льва, и затѣмъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ гладіаторовъ. Какія это зрѣлища!

— Ты правъ, отвѣтилъ ему сосѣдъ, такой же старый сенаторъ; какъ родные братья, такъ оба старика наружностью были похожи другъ на друга: — ты совершенно правъ, Пульхеръ, и ты знаешь, какъ давно я говорю въ сенатѣ о томъ, что пора закономъ отмѣнить обычай, чтобы каждый, вступающій въ должность квестора, давалъ народу игры. Не всякій имѣетъ средства для этого.

— Отнынѣ я присоединяю свой голосъ къ твоему, Статилій, сказалъ, кивнувъ головой, Пульхеръ.

— Говорятъ, обычай этотъ разорителенъ для квесторовъ, продолжалъ Статилій: — а по моему, хуже того — онъ просто развращаетъ вкусы публики, когда ей показываютъ такія нищенскія зрѣлища. Лучше никакихъ, чѣмъ такія! Для развитія духа римскихъ гражданъ не достаточно показывать имъ, какъ рабы умираютъ достойной ихъ рабской смертью — надо и блеску, больше блеску. Помнишь, при Калигулѣ?

При воспоминаніи о прежнихъ, хотя и недавнихъ дняхъ, когда у обоихъ стариковъ и чувства были еще нѣсколько помоложе и впечатлительность посильнѣе, глаза сенаторовъ заблестѣли, лица оживились.

— Помнишь, продолжалъ Статилій: — какія зрѣлища далъ намъ Калигула при первомъ празднованіи дня его рожденія?

„О, дорогой императоръ, Каій! Зачѣмъ они убили тебя! думалъ въ это время Пульхеръ, слушая сосѣда: — За одну роскошь твоихъ игръ ты уже заслужилъ безсмертіе!.. Да, Калигула былъ императоръ, какого не скоро дождаться Риму: художникъ-императоръ“.

Оба сенатора перенеслись мыслями въ прошлое.

— Тогда и народъ рвался въ циркъ совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, произнесъ Пульхеръ послѣ нѣкотораго молчанія.

Старики жили уже воспоминаніями; все настоящее имъ не нравилось и, казалось, не должно было нравиться и другимъ. Теперь, прерывая одинъ другого, они напоминали другъ другу эпизоды изъ прежнихъ представленій.

— Помнишь, Статилій, какъ шумъ собравшейся ночью въ циркъ толпы разбудилъ Калигулу, и онъ велѣлъ всѣхъ разогнать палками.

— Еще-бы: онъ боялся, что разбудятъ Инцитата [1]), на которомъ онъ по утру долженъ былъ выѣхать на ристалище, чтобы одержать побѣду. И разогнали, чтобъ не шумѣли.

— При этомъ погибло много народу и, кажется, десятка два патриціевъ и дамъ.

— Что за важность; на утро циркъ все равно былъ полонъ сверху до низу. Да и какъ было не рисковать жизнью, чтобъ увидать то божественное зрѣлище, которое готовилъ намъ Калигула.

— Зато какъ привѣтствовалъ его народъ, когда онъ во-главѣ цѣлой сотни колесницъ выѣхалъ самъ на арену.

— А помнишь, какъ онъ потомъ ловко подшутилъ надъ нами, велѣвъ сначала закрыть циркъ отъ солнца покрываломъ, потомъ сдернуть покрывало, заставить насъ пожариться на солнцѣ, и вдругъ — о, наслажденіе! окропить мелкимъ, прохладнымъ дождемъ изъ благовонныхъ водъ.

— Да, да. Желалъ-бы я узнать, куда дѣвалось теперь это покрывало, кто укралъ его?

— А вотъ по такимъ-же точно желобкамъ, что у насъ подъ ногами только для стока дождевой воды, была пущена тогда струя благовонной кроковой эссенціи.

— А сколько разныхъ дикихъ звѣрей было тогда здѣсь на аренѣ: слоны, львы, тигры, носороги, жираффы, крокодилы — всѣхъ и не вспомнишь.

— Чудное зрѣлище! А все-таки ничто не произвело болѣе сильнаго впечатлѣнія, какъ то, когда, помнишь, Пульхеръ, послѣ того, какъ всѣ бестіаріи [2]) были растерзаны звѣрями, а многіе изъ звѣрей еще были живы, Калигула велѣлъ бросить на арену десять человѣкъ изъ числа зрителей.

— Да!.. Положимъ, это было немножко жестоко, но за то художественно придумано.

— И, право, празднество дня рожденія такого императора, какъ Каій Калигула, требовало подобной жертвы со стороны народа. Да

---

[1]) Любимый конь Калигулы.

[2]) Гладіаторы, сражавшіеся съ дикими звѣрями.

и народу это понравилось. Погибло десятеро, а сколько тысячъ получили наслажденіе отъ зрѣлища.

— А подарки, подарки? Помнишь подарки? Помнишь, какую драку подняли тогда римляне, когда, по окончаніи игръ, имъ были брошены на арену, на драку, разныя матеріи и вещи, и какъ они, въ дракѣ разорвавъ все это на мелкіе кусочки, тащили потомъ домой эти обрывки и обломки, какъ трофеи.

— Подлая сволочь! Зато какое зрѣлище это было для насъ. Не то, что вотъ эти три пары гладіаторовъ, которые являются, чтобъ закончить представленіе.

— Развѣ это конецъ?

— По программѣ—да. Сегодня вѣдь никакихъ послѣобѣденныхъ игръ не назначено. Какія это зрѣлища! Я не знаю, зачѣмъ я приходилъ!

Три пары гладіаторовъ въ разнородномъ вооруженіи вышли на арену. Тутъ были и тяжело-вооруженные hoplomachi, и блещущіе серебромъ и золотомъ самниты, и съ кривыми мечами ѳракійцы.

По данному знаку, пары стали въ позицію, и схватка началась. Застучали мечи о щиты и шлемы.

Но изъ трехъ паръ — двѣ бились какъ будто для себя: равнодушно, лишь на мгновеніе толпа пробѣгала по нимъ взоромъ, когда они кололи другъ друга, боролись, падали и на землѣ продолжали бой. За то третья пара привлекала особенное вниманіе зрителей: одинъ изъ бьющихся въ ней бойцовъ былъ Маркъ, по прозванію Споліаторъ, извѣстный Риму своей силой и ловкостью, поразившій уже не одного противника на этой самой аренѣ и получившій за это не одну пальмовую вѣтвь въ награду — plurimarum palmarum gladiator. Онъ не былъ изъ числа преступниковъ. Онъ auctoratus — вольный гладіаторъ, свободный римскій гражданинъ, за деньги и сладость успѣха служащій на аренѣ цирка, связанный страшной клятвой сражаться до смерти своего противника или своей собственной.

Сегодня на состязаніе съ нимъ выступилъ въ первый разъ нѣкій рабъ, обученный въ гладіаторской школѣ и уже составившій себѣ тамъ славу. Онъ былъ и выше ростомъ, и мускулистѣе, и лицомъ красивѣе Марка, и совсѣмъ юноша.

Взоры римскихъ матронъ невольно устремились на этого красавца. Сама Мессалина обратила на него вниманіе: завтра-же, если онъ останется живъ, онъ проведетъ съ нею ночь. У Мессалины даже рождается мысль купить этого раба у его ланисты [1]), сдѣлать его свободнымъ, приближеннымъ... Но нѣтъ... присутствіе его на аренѣ,

---

[1]) Lanistae — назывались сначала учителя гладіаторовъ, а позднѣе содержатели гладіаторскихъ труппъ, отдававшіе ихъ на прокатъ устроителямъ игръ.

видъ крови и другихъ бойцовъ возбуждаетъ въ ней внезапно другія мысли. Ей уже представляется, какъ она, когда нибудь впослѣдствіи, послѣ проведенной съ этимъ гладіаторомъ, наканунѣ боя, страстной ночи, утромъ будетъ смотрѣть, какъ его заколютъ при ней, здѣсь, на этой самой аренѣ. О, какое это будетъ наслажденіе увидѣть его тогда въ предсмертной агоніи!.. Но только-бы теперь, только-бы сегодня онъ вышелъ побѣдителемъ! О, Киприда, помоги ему!

И сотня дамъ, и тысячи другихъ зрителей одушевлены тѣмъ-же желаніемъ успѣха молодому красавцу и привѣтствуютъ его за каждое удачное его движеніе. Они уже забыли, что еще на прошлыхъ играхъ они такъ-же восторгались его противникомъ, Маркомъ Споліаторомъ, и опять будутъ привѣтствовать его-же, Марка, если онъ побѣдитъ. Впрочемъ, Маркъ уже прискучилъ римлянамъ: видѣть все одного и того-же побѣдителемъ — это, наконецъ, надоѣдаетъ.

А мечи уже давно стучатъ о щиты и шлемы, и жадные взгляды примолкнувшей толпы пожираютъ бойцовъ.

Вотъ! Маркъ ранилъ своего противника въ руку, и кровь брызнула струей.

— Hoc habet! Hoc habet! [1]), громко проносится крикъ по скамьямъ цирка.

Но крики одобренія на этотъ разъ смѣшались съ ругательствами: многіе недовольны, что рана досталась не Марку. Мессалина внѣ себя отъ ярости; она шепчетъ проклятіе и, по привычкѣ, призываетъ боговъ, въ которыхъ давно не вѣруетъ.

За то Споліаторъ одушевился и уже готовится нанести рѣшительный ударъ, пользуясь временной растерянностью раненаго противника. Но тотъ, разсвирѣпѣвъ, внезапно бросается на него, налегаетъ щитъ на щитъ и ранитъ Марка въ ключицу. Клинокъ выпадаетъ изъ рукъ Марка. Нажимаемый противникомъ, Споліаторъ падаетъ на арену, роняя съ головы златокованный шлемъ. Счастливый соперникъ гордо наступаетъ ему на грудь ногой. Красивымъ, изысканнымъ движеніемъ руки направляетъ побѣдитель свой мечъ прямо къ горлу побѣжденнаго и окидываетъ взглядомъ весь амфитеатръ, ожидая отъ толпы знака убить или помиловать сраженнаго гладіатора.

Неистовые крики раздаются на скамьяхъ цирка: одни требуютъ пощады — Маркъ Споліаторъ все-таки рѣдкій, ловкій боецъ; большинство-же въ восторгѣ отъ побѣды новаго любимца, новаго солнца арены, и кричитъ: убей! убей! И крики эти сливаются въ одинъ неясный гулъ, и только по внѣшнимъ знакамъ можно различить, гдѣ боль-

[1]) Hoc habet — *есть!* — восклицаніе, означавшее, что кто нибудь раненъ.

шинство: лишь немного рукъ, то тутъ, то тамъ, поднялось кверху — знакъ пощады павшему [1]).

Самъ Маркъ, лежа подъ ногой противника, не поднялъ руки, чтобъ вымолить себѣ жизнь у этой толпы. Онъ, свободный римлянинъ, краса всѣхъ игръ, постоянный побѣдитель, лежитъ теперь во прахѣ, подъ ногой раба, и онъ не хочетъ больше жить, онъ хочетъ умереть, какъ честный гладіаторъ; его первое пораженіе будетъ и послѣднимъ, будетъ его смертью.

Да и безполезно было-бы взывать о пощадѣ. Онъ видитъ, какъ кругомъ, по всему амфитеатру, и въ императорской, и въ весталь-ской ложѣ, вездѣ, сверху до низу pollice verso толпа требуетъ его смерти. Этотъ страшный жестъ опущеннаго книзу большого пальца правой руки яснѣе всякихъ криковъ подтверждаетъ его смертный приговоръ. Онъ видитъ, какъ тысячи этихъ рукъ съ опущенными пальцами движутся въ воздухѣ и, кажется, всѣ они вонзаются ему въ грудь. И молодежь, и старики, и женщины, и дѣти — всѣ отдались неумолимому влеченію этого жеста — pollice verso! Толпа требуетъ смерти сраженнаго гладіатора, она хочетъ видѣть еще его агонію — безъ этого она не испытаетъ конечнаго наслажденія битвой.

И Маркъ Споліаторъ самъ схватываетъ острое лезвіе меча противника и окровавленной рукой направляетъ его себѣ въ горло. Гладіаторъ-побѣдитель нажимаетъ на мечъ, какъ-бы прикалывая имъ шею побѣжденнаго къ землѣ. Кровь яркой пурпурной струей брызжетъ вверхъ, обливаетъ руку побѣдителя и разливается по блестящему песку изъ серебристой слюды. Нѣсколько быстрыхъ содроганій, и жизнь Марка Споліатора кончена.

Побѣдитель вынимаетъ свой мечъ изъ неподвижнаго трупа. Со всѣхъ сторонъ онъ слышитъ восторженныя привѣтствія, и римскія красавицы, съ радостной улыбкой, бросаютъ къ его ногамъ розу за розой: бѣлыя, блѣдныя, темно-пурпуровыя и ярко-красныя розы падаютъ въ кровь, обагрившую арену.

Побѣдитель зажимаетъ теперь свободной рукой свою первую рану, кланяется и при всеобщемъ ликованіи уходитъ съ арены. Нѣсколько женскихъ голосовъ кричатъ вслѣдъ ему: missio! missio! rudis [2]). Но они теряются въ общемъ гулѣ.

---

[1]) Когда побѣжденный, павшій, молилъ о пощадѣ, онъ поднималъ кверху руку, а зрители, въ знакъ согласія, также поднимали руки, выставляя вверхъ большой палецъ. Это называлось pollicem premere. Наоборотъ, когда хотѣли, чтобъ павшій былъ убитъ, оборачивали большой палецъ руки книзу. Это называлось pollicem vertere, а жестъ опущеннаго книзу большого пальца назывался pollice verso. Pollex — большой палецъ, vertere — оборачивать.

[2]) Отпущеніе на волю раненаго гладіатора называлось missio. Rudis — родъ

И только теперь замѣчаетъ толпа, что двѣ другія пары гладіаторовъ, изрѣзавъ другъ друга, корчатся въ предсмертныхъ мукахъ на другомъ концѣ арены, ползая по окровавленному песку. Служители цирка направляются къ нимъ, чтобъ приколоть ихъ на смерть.

Зрѣлище кончено.

Толпа встаетъ и расходится, то продолжая говорить о видѣнномъ, то смѣясь остротамъ и шуткамъ, то переходя къ разговорамъ о домашнихъ дѣлахъ.

Слонообразные каппадокійскіе рабы подхватили на свои широкія плечи золоченыя носилки и понесли своихъ знатныхъ господъ и госпожъ къ давно ожидающему ихъ обѣду. Безцеремонно расталкиваютъ они толпу, торопясь впередъ, а ихъ въ свою очередь обгоняютъ горячіе кони, запряженные въ роскошныя pilenta [1]) — роскошь недавняя, непозволительная, стѣсняющая движеніе и возбуждающая общій ропотъ не только пѣшеходовъ, но и владѣльцевъ лектикъ.

У воротъ споліаріума кучка черни глазѣетъ въ отворенную дверь на убитыхъ гладіаторовъ. Нѣсколько суевѣрныхъ смѣльчаковъ пробрались къ самымъ трупамъ. Они отыскиваютъ, нѣтъ-ли оживш ихъ, еще дышащихъ, и, найдя, жадно впиваются губами въ свѣжія раны и пьютъ горячую кровь изъ живого, трепещущаго тѣла: говорятъ, это лучшее цѣлебное средство отъ всѣхъ недуговъ [2]).

Однимъ изъ послѣднихъ поднимается со своей скамьи молодой сенаторъ Камиллъ Барбатъ. Онъ, казалось, безучастно относился къ зрѣлищу: онъ не поднималъ руки въ знакъ просьбы о пощадѣ павшимъ, онъ не произносилъ имъ pollice verso смертнаго приговора. Въ глубокой задумчивости слѣдилъ онъ и за бойцами на аренѣ, и за зрителями, и теперь, когда уже всѣ сенаторы удалились одинъ за другимъ, онъ все еще, подъ вліяніемъ совершавшейся въ немъ мозговой работы, продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, какъ бы боясь впечатлѣніями внѣ стѣнъ цирка прервать нить своихъ мыслей.

А мысли въ головѣ его бѣгутъ нескончаемой когортой.

Вся исторія Рима передъ нимъ — и вездѣ и во всемъ — кровь и pollice verso. Горе побѣжденнымъ! На крови Римъ построенъ, кровью

раниры, которую давали заслуженнымъ гладіаторамъ-побѣдителямъ при отпущеніи ихъ на волю, и тогда они назывались rudiarii. Это избавляло ихъ отъ обязанности, но не лишало права вновь выступить гладіаторами по добровольному найму.

[1]) Pilentum — родъ кареты, въ которой ѣздили римскія дамы.

[2]) Nec defuisse e populo scite qui gladiatorum sanguinem ex ipso vulneris hiatu biberent, calidum adhuc spirantemque, contra morbum, fateor, sed justa Plinii (lib. XXVIII cap. I) detestatione, cum plagis ne ferarum quidem admoveri ora fas sit humana. *J. Lips.* Saturn Serm. lib. II cap. XXII.

вспоенъ, кровью держится! Кровавый богъ войны былъ отцомъ Ромула и Рема, кровожадная волчица вскормила ихъ, кровью брата обагрилъ Ромулъ первый камень, положенный въ основаніе вѣчнаго города!.. А кругомъ — толпа, всегда примыкающая къ побѣдителю. Если она иногда и не кричала ему: убей побѣжденнаго противника, то самое молчаніе ея — развѣ это не pollice verso? Когда старикъ Тарквиній былъ сброшенъ съ лѣстницы своимъ зятемъ, Сервіемъ Тулліемъ, его такъ же добили изъ жалости его же приверженцы, какъ здѣсь въ циркѣ Iогагіі добиваютъ гладіаторовъ... Вся исторія Рима— а Римъ — это вѣдь все человѣчество, весь міръ, за предѣлами римской власти вѣдь нѣтъ ничего, тамъ сказочныя страны, басни и чудовища, тамъ *„невѣдомое“*, — вся исторія Рима не есть ли сплошное зрѣлище борьбы гладіаторовъ на аренѣ! Не потому ли римляне такъ и любятъ эти зрѣлища?..

— Римляне! съ ироніей, почти вслухъ произнесъ сенаторъ: — а кого въ Римѣ такъ радуютъ эти зрѣлища, кто является вершителемъ судьбы этихъ павшихъ бойцовъ, чьи тысячи рукъ поднимаются pollice verso? Вѣдь это все подлая чернь, плебсъ, въ угоду которому сами сенаторы стали такой же дикой сволочью. Мы презираемъ его, а во время выборовъ мы на форумѣ жмемъ руки этой черни, покупаемъ подъ тѣмъ или другимъ видомъ ея голоса. Мы строимъ для нея цирки, термы, даемъ ей хлѣбъ, устраиваемъ зрѣлища, тріумфаторы сыплютъ ей деньги, награбленныя у побѣжденныхъ, а этотъ плебсъ не знаетъ ни труда, ни обязанностей. И даже отвѣтственность за все зло римскаго міра падаетъ не на него, а на насъ, его руководителей... „Римъ, Римъ! только въ немъ можно жить, говоритъ Цицеронъ, только его жизнью можно существовать; нельзя дорожить никакой славой, когда можно пріобрѣсть славу въ Римѣ“. А слава въ Римѣ— это воля черни. Галлъ, германецъ, іудей — душой и тѣломъ стремятся къ Риму, міръ варварскій ищетъ правъ римскаго гражданства, а римское гражданство — это вотъ эта подлая чернь! Мы же, патриціи — рабы ея страстей и страстей своихъ собственныхъ. Гдѣ нашъ старый патриціатъ? Отпущенники и иноплеменники засѣдаютъ въ сенатѣ!.. Страсть къ зрѣлищамъ, къ гладіаторству перешла съ арены во весь строй государства. Наемные обвинители публично обвиняютъ ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ въ преступленіяхъ, въ оскорбленіи величія Рима и цезарей... все для того, чтобы въ случаѣ изгнанія обвиняемаго завладѣть тѣми или другими путями его имуществомъ. Развѣ эти публичныя обвиненія не такія же зрѣлища, развѣ эти риторы не тѣ же гладіаторы? Хуже, сто разъ хуже. Гладіаторы на аренѣ борются одинаково, а здѣсь, кто является обвинителемъ, уже на половину побѣдитель. Отъ обвиняемаго, не разбирая, правъ

онъ или нѣтъ, тотчасъ же всѣ начинаютъ сторониться, боятся быть обвиненными вмѣстѣ съ нимъ, а обвинитель найдетъ за деньги тысячу лжесвидѣтелей... Да, обвиняемому надо быть сильнымъ, очень сильнымъ, чтобы не пасть духомъ, потому что вѣдь ему дѣваться некуда, бѣжать некуда — всюду Римъ, весь міръ Римъ, вездѣ достанетъ рука обвинителя. За Римомъ невѣдомыя, варварскія страны, въ Римѣ же толпа только и ждетъ удобной минуты, чтобы pollice verso помочь обвинителю покончить съ обвиняемымъ. Толпѣ нужно зрѣлище или хотя бы разсказы, слухъ о зрѣлищѣ, все равно о какомъ; ей нужно видѣть или знать, что кто-то гдѣ-то содрогается въ предсмертной агоніи!.. Да вотъ давно ли это было: Мессалина — кто бы другой, а то она! — Мессалина обвиняла Валерія Азіатика за связь съ Поппеей. Обвиненіе было нагло, подло, Валерій оправдывался горячо и вѣдь до слезъ растрогалъ даже и Мессалину — и что-жъ? Поппея сама наложила на себя руки, Валерія присудили къ смертной казни и, какъ милость, предоставили выбрать родъ смерти... А ты, развратный, подлый Римъ! ты говорилъ объ этомъ событіи такъ же, какъ говоришь о борьбѣ гладіаторовъ. Ты такъ же восторгался красотой защитительной рѣчи Валерія, какъ и красотой обвиненія, и, самъ весь погрязшій въ развратѣ, ты былъ нѣмымъ лжесвидѣтелемъ прелюбодѣянія, ты стоялъ зрителемъ борьбы, ты жаждалъ крови обвиняемаго. И бойцы, и судьи знали, что тебѣ нужно это зрѣлище, нужна жертва. Вѣдь ты, твоя душа и тѣло — вѣчно въ одной позѣ: pollice verso! Не даромъ Тиверій презиралъ въ твоемъ лицѣ все человѣчество, не даромъ Калигула жалѣлъ, что не одна голова у всѣхъ римлянъ, чтобы можно было разомъ отрубить ее... Званіе римскаго гражданина, званіе образованнаго властителя міра становится позорнымъ, и некуда бѣжать, некуда скрыться!.. А *такъ* жить — дольше нельзя...

Камиллъ Барбатъ всталъ и медленно направился къ выходу.

„Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ правы,—продолжалъ онъ думать, пробираясь по скамьямъ амфитеатра и по сумрачнымъ корридорамъ цирка: — быть можетъ, правы та ничтожная кучка галилеянъ, которые проповѣдуютъ, что наступитъ скоро новое царствіе на землѣ, царствіе какого-то сына Божія, родившагося гдѣ-то у нихъ въ Виѳлеемѣ и погибшаго на крестѣ... Эта дѣвочка христіанка, которую я недавно защитилъ отъ преслѣдованія, была мнѣ смѣшна, говоря, что она не признаетъ знамени римскихъ цезарей, а знамя ея — крестъ, на которомъ былъ распятъ, *какъ рабъ*, ихъ сынъ Божій, ихъ христіанскій царь. А вѣдь все же это какое ни на есть знамя, это *нѣчто*, это знамя жизни духа. А мы, римляне, что можемъ мы выставить, какъ знамя нашей духовной жизни? Даже „*senatus populusque*

romanus“ съ римскимъ орломъ [1]) не знамя болѣе римскаго народа... самое лучшее знамя для теперешняго Рима — вздѣть бы на древко кулакъ съ опущеннымъ внизъ пальцемъ и надписью: „*pollice verso*“. Нѣтъ, я не хочу, я не могу стоять подъ этимъ знаменемъ, и, право, знамя Распятаго на крестѣ мнѣ кажется болѣе достойнымъ человѣка... Не слишкомъ ли мы безпощадны къ слабому, не слишкомъ ли мы горды своей силой, своей славой? Гордый Римъ въ ежегодную *перепись* римскаго *имущества* включилъ, что *славный впкъ Августа* ознаменовался, *между прочимъ*, рожденіемъ у евреевъ сына Божія... А что если ученіе этого Галилеянина откроетъ новый свѣтъ міру?..“

И по прежнему задумчивый, съ опущенной головой вышелъ молодой сенаторъ изъ цирка и направился къ одному изъ своихъ друзей, который, какъ онъ зналъ, тайно покровительствовалъ христіанской сектѣ.

Пуста арена цирка, пустъ амфитеатръ. Люди сдѣлали свое дѣло: одни убили, другіе умерли, третьи насладились зрѣлищемъ смерти и— ушли... Пуста арена цирка, и только свѣтлыя облачка съ лазурнаго неба заглядываютъ въ нее, да безмолвныя, неподвижныя статуи, свидѣтельницы нескончаемаго ряда зачѣмъ-то совершенныхъ мученій и потоковъ зачѣмъ-то пролитой крови, стоятъ на своихъ мѣстахъ, безучастно взирая своими бронзовыми и мраморными очами на пустую арену, и будутъ стоять еще цѣлые вѣка, все такія же безстрастныя и прекрасныя, выразительницы отвлеченныхъ, безконечныхъ идей въ конкретной, законченной формѣ.

II.

Quid gladiatoribus quare populus irascitur et tam inique ut injuriam putet, quod non libenter pereunt? Contemni se judicat et vultu, gestu, ardore, de spectatore in adversarium vertitur.

Seneca, de Ira, lib. I.

Gran Plaza de Toros [1]).

Король пріѣхалъ.

Эти слова, какъ огонекъ по ниткѣ, пробѣжали по всѣмъ скамьямъ цирка, переполненнаго пестрой толпой, и вездѣ, вслѣдъ за этими словами, шумный говоръ десятитысячной массы зрителей стихалъ, и общее вниманіе сосредоточивалось на королевской ложѣ, куда уже входили король, королева и ихъ свита.

[1]) Знамя римскихъ легіоновъ было древко, наверху котораго сидѣлъ золотой одноглавый орелъ, а подъ орломъ дощечка съ надписью: SPQR, представлявшей начальныя буквы словъ Senatus populus que romanus, т. е. *сенатъ и народъ римскій*.

[1]) Мѣсто для боя быковъ въ испанскихъ городахъ.

— Viva el Rey!

Король любезно раскланялся на всѣ стороны, занялъ свое мѣсто, и алькадъ подалъ знакъ.

Трубы заиграли сигналъ.

Внизу, подъ королевской ложей распахнулись ворота; оттуда на арену выѣхали четыре алгвазила. Вороные кони, черныя, бархатныя епанчи, бѣлыя перья на шляпахъ, серебряная отдѣлка сѣделъ — чѣмъ-то траурнымъ, торжественнымъ повѣяло на арену. Впрочемъ, эта сторона цирка вся такая: здѣсь тѣнь, солнце не падаетъ на эту сторону, и здѣсь сидитъ знать, вся въ черномъ, любимомъ цвѣтѣ испанскихъ синьоръ. Зато какой контрастъ напротивъ, на другой сторонѣ, гдѣ подъ яркими лучами солнца, яркимъ, пестрымъ калейдоскопомъ переливаются всевозможные цвѣта одеждъ мадридскаго простонародья.

Ворота за алгвазилами запахнулись. Медленнымъ, торжественнымъ шагомъ объѣзжаютъ алгвазилы кругомъ всю арену и становятся, наконецъ, на противуположной сторонѣ ея, попарно по обѣ стороны другихъ воротъ, какъ разъ противъ королевской ложи.

Снова гремятъ трубы, и ворота, охраняемыя алгвазилами, отворяются. Пестро-чешуйчатой змѣей выползаетъ изъ нихъ на арену процессія.

Это квадрилья — cuadrilla. Какая пестрота, какая роскошь костюмовъ! Какіе прихотливые узоры вышивокъ. Серебро и золото на шелковыхъ тканяхъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, и опять золото, серебро и золото.

Впереди всѣхъ идутъ рядомъ три матадора, три любимца всей Испаніи. Здѣсь, въ этой десятитысячной толпѣ, каждый зритель знаетъ нхъ въ лицо, знаетъ всѣ ихъ имена и прозвища, здѣсь всѣ ихъ любятъ, боготворятъ; на этой аренѣ они проходили опасную науку тауромахіи, здѣсь они стяжали не мало лавровъ еще пикадорами и здѣсь же получили почетное званіе матадоровъ — званіе, дающееся не наукой только, а талантомъ, „врожденной искрой генія“. Матадоромъ, какъ и поэтомъ, надо родиться — таково убѣжденіе всей Испаніи. И громъ рукоплесканій, громъ, заглушающій звуки торжественнаго марша, встрѣчаетъ выходъ этихъ героевъ во главѣ квадрильи-тореадоровъ. Бандерильеры, капеадоры, пикадоры, чулосы — все это для толпы только аксессуары, а сущность зрѣлища, ядро боя — въ матадорахъ. Къ нимъ обращены всѣ взоры, за нихъ бьются всѣ сердца.

Квадрилья направляется къ королевской ложѣ и останавливается у нея, кланяясь королю. Алькадъ бросаетъ на арену ключъ отъ ториля — темницы, въ которую сегодня были заключены назначенные къ бою быки. Чулосы поднимаютъ ключъ и идутъ отпирать торилъ, а квадрилья разсыпается по аренѣ. Лишніе пикадоры уѣзжаютъ назадъ, за ними уѣзжаютъ и алгвазилы. Ворота замыкаются.

Только одинъ матадоръ, пикадоры, нѣсколько капеадоровъ да нѣсколько бандерильеровъ остались на аренѣ — остальные перескочили за первый, окружающій арену, барьеръ и ходятъ между нимъ и высокой стѣной, надъ которой уже начинаются мѣста для зрителей.

Но вотъ изъ открывшихся дверей ториля доносится грозное мычанье.

Чрезъ минуту на арену выбѣгаетъ разъяренный быкъ. Озлобленный нѣсколькими часами, проведенными въ полномъ мракѣ тюрьмы, онъ теперь ошеломленъ яркимъ свѣтомъ солнца и широкой ареной. Онъ останавливается посрединѣ, мычитъ, наклоняетъ голову, смотритъ исподлобья и начинаетъ бить землю копытомъ.

Вдругъ ему что-то рѣжетъ глаза: передъ нимъ, будто кровь, мелькаетъ на пескѣ арены огромное красное пятно. Это одинъ изъ капеадоровъ, раскинувъ плащъ, началъ свою suerte — игру съ быкомъ.

Быкъ сердится на это дразнящее его пятно и хочетъ нанести ему ударъ, разорвать его. Огромная голова раскачивается, и грозные рога ударяютъ въ красное пятно. Но пятна уже нѣтъ, плащъ уже въ рукахъ у капеадора, и остріе рога проводитъ только глубокую борозду въ пескѣ.

Снова, у самыхъ глазъ, замелькали ненавистные красные плащи, и быкъ бросается преслѣдовать надоѣдающихъ ему враговъ. Они убѣгаютъ отъ него, продолжая дразнить, они увертываются, и быкъ съ разбѣгу налетаетъ на стоящаго у арены пикадора. Рога уже приближаются къ груди лошади; но маленькое, коротенькое остріе пики вонзается между рогами въ загривокъ, давая отпоръ стремительному набѣгу. Пришпоривъ лошадь, пикадоръ ловко поворачиваетъ ее вокругъ быка, избѣгая удара.

А быкъ, раздраженный теперь уже не краснымъ плащемъ, а уколомъ копья, мчится далѣе по окружію арены и, прежде чѣмъ попавшійся ему на пути другой пикадоръ успѣваетъ направить противъ него свое копье, быкъ уже подхватилъ его лошадь на рога, приподнимая коня и всадника, при неистовыхъ рукоплесканіяхъ и „браво“ всѣхъ десяти тысячъ зрителей.

Но рога проникаютъ слишкомъ глубоко въ брюхо лошади, быку неловко, онъ наклоняетъ голову, трясетъ ею и сбрасываетъ лошадь у самаго барьера. Пикадоръ, падая, ударяется головой о барьеръ. Къ нему подбѣгаютъ чулосы и безъ чувствъ уносятъ его съ арены.

Быкъ несется далѣе. Кровь лошади на рогахъ у него, на темени, кровь струится по скулѣ до самыхъ губъ и, смѣшавшись съ бѣлой, выступившей изъ рта пѣной, падаетъ розовыми хлопьями на арену. На бѣгу быкъ распарываетъ брюхо еще одной лошади. Кишки выпадаютъ у нея наружу и болтаются между ногами; но лошадь устояла, и пикадоръ остается сидѣть на ней, ожидая новаго нападенія.

А быкъ уже далеко, на другомъ концѣ арены, и опять передъ нимъ красные плащи, бѣгущіе капеадоры.

Съ пѣной у рта, ворочая налившимися кровью глазами, быкъ останавливается, тяжело дышетъ, бока его поднимаются и опускаются, какъ мѣхи. Два пикадора подъѣзжаютъ къ нему съ двухъ сторонъ. Быкъ озирается, дѣлаетъ шагъ, высматривая на кого броситься. Одна изъ лошадей дрожитъ вся съ головы до ногъ и жалобно ржетъ, испуганная видомъ грознаго чудовища. Еще мгновеніе — и она, съ распоротымъ животомъ падаетъ на землю, придавивъ собой упавшаго подъ нее пикадора, а быкъ еще разъ и еще разъ вонзаетъ свои чудовищные рога въ брюхо несчастному коню. Капеадоры опять дразнятъ его своими плащами, отвлекая въ сторону, а чулосы освобождаютъ изъ-подъ лошади пикадора: онъ невредимъ и удаляется за барьеръ, чтобы взять другого коня.

Зрѣлище продолжается. Еще двѣ лошади убиты и бьются въ лужѣ собственной крови, разбрасывая брызги ея во всѣ стороны.

Потомъ звукъ трубы. Пикадоры удаляются съ арены. Вмѣсто нихъ появляются бандерильеры.

— Какіе красавцы! раздается гдѣ-то въ амфитеатрѣ звучный женскій голосъ.

Толпа, насладившаяся зрѣлищемъ растерзанныхъ лошадей и разъяреннаго быка, дошла уже до счастливаго, блаженнаго настроенія. Наступаетъ зрѣлище менѣе кровавое, хотя не менѣе опасное — ловкость прежде всего.

Бандерильеры втыкаютъ въ загривокъ быку острыя съ зарубками бандерильи, украшенныя пестрыми бумажками. Какъ ловко бѣгутъ они, съ двумя бандерильями въ рукахъ, прямо на встрѣчу быку. Мгновеніе — и бандерильи уже проткнули кожу бычьей выи и повисли въ ней, причиняя быку острую боль. А бандерильеръ уже отскочилъ въ сторону; быкъ и не видитъ своего врага.

Еще и еще бандерильеры втыкаютъ быку свои бандерильи и убѣгаютъ. Быкъ бросается за однимъ изъ нихъ, а тотъ, чтобъ поиграть съ быкомъ, схватываетъ валяющееся на аренѣ копье пикадора, смѣло, лицомъ къ лицу, встрѣчаетъ бѣгущее на него чудовище и, воткнувъ копье въ землю подъ самымъ носомъ быка, опирается на копье руками и, съ ловкостью акробата, перескакиваетъ черезъ быка. Быкъ, вмѣсто врага, видитъ только у себя подъ ногами снова упавшее на землю копье и въ ярости начинаетъ кидаться во всѣ стороны, ища себѣ жертву. Неистовыя „браво“ ловкому бандерильеру.

Труба. Бандерильеры кончили свою игру, теперь очередь матадора.

Вотъ онъ. Гордый и смѣлый выходитъ онъ на арену.

Здѣсь онъ царитъ. Здѣсь нѣтъ ему равнаго во всемъ циркѣ.

Тысячи черныхъ глазъ устремлены съ любовью на этого смѣльчака. Онъ вышелъ на битву съ разъяреннымъ звѣремъ болѣе страшнымъ, чѣмъ левъ и тигръ, да, болѣе страшнымъ, потому что на этой самой аренѣ еще не такъ давно былъ устроенъ бой быка со львомъ и тигромъ, и быкъ прокололъ ихъ обоихъ своими рогами, не давъ имъ вонзить въ него свои зубы. И теперь матадоръ знаетъ, что одно неловкое движеніе съ его стороны, малѣйшая неосторожность, и онъ будетъ прободенъ насквозь.

Но онъ не чувствуетъ страха, онъ смѣло выходитъ на встрѣчу сопернику-бойцу: восторгъ отваги подавляетъ всякую мысль объ опасности. Это презрѣніе къ опасности, подъ угрозой смерти игра со смертью есть высшее наслажденіе, доступное немногимъ. Въ такой игрѣ идетъ жизнь на ставку и нерѣдко проигрывается; но это не останавливаетъ другихъ смѣльчаковъ рисковать жизнью за сладостную минуту сознанія своей безумной, отчаянной храбрости. Развѣ не это чувство заставляло людей, одаренныхъ всѣми благами міра, самихъ королей Испаніи, выходить на эту самую арену и становиться лицомъ къ лицу съ разъяреннымъ быкомъ? И у нихъ также, какъ у всякаго матадора, въ рукахъ была только *muleta*, этотъ лоскутокъ красной матеріи на палочкѣ, которымъ раздражаютъ быка, да небольшая шпага, съ которой нужно выйти побѣдителемъ.

Да, для каждаго истаго испанца участь матадора завиднѣе участи короля.

Вотъ онъ стоитъ передъ быкомъ и, слегка покачивая мулету, дразнитъ противника. Быкъ бросается на него. Но граціознымъ движеніемъ матадоръ отскочилъ въ сторону, и быкъ пронесся мимо. Разсерженный, быкъ возвращается назадъ и снова бросается на дразнящую его красную мулету. Опять обманутый ловкостью противника, онъ, минуя матадора, проносится съ разбѣгу до барьера арены, заставляя разступиться столпившихся въ этомъ мѣстѣ капеадоровъ. Капеадоры перепрыгиваютъ чрезъ барьеръ вездѣ, гдѣ быкъ набѣгаетъ на нихъ: быкъ сердится и въ напрасныхъ поискахъ, кого-бы ударить рогомъ, носится вокругъ арены. Завидя красную мулету матадора, онъ подбѣгаетъ къ своему ловкому и лукавому противнику. Но онъ боится быть опять обманутымъ и останавливается передъ матадоромъ, въ двухъ шагахъ отъ него, какъ бы обдумывая и разсчитывая ударъ и выжидая моментъ.

А матадоръ, не двигаясь съ мѣста, съ вызывающей усмѣшкой смотритъ на его налившіеся кровью глаза и окровавленную пѣну, падающую съ его морды. Тысячи зрителей съ замираніемъ слѣдятъ за ними. Матадоръ дѣлаетъ шагъ впередъ — быкъ не пошевельнулся. Матадоръ нарочно роняетъ къ его ногамъ мулету; быкъ, готовясь

броситься, отступаетъ на одинъ шагъ назадъ. Толпа впилась глазами въ матадора, а онъ спокойно поднимаетъ мулету изъ-подъ ногъ своего противника, и когда быкъ опять бросается на него — матадоръ уже въ сторонѣ. Быкъ мычитъ и рветъ ногами землю въ безсильномъ бѣшенствѣ. Циркъ дрожитъ отъ рукоплесканій.

Противники опять встрѣтились, опять разошлись и снова встрѣтились. Быкъ нѣсколько разъ пробуетъ напасть и, наконецъ, съ разбѣгу бросается на матодора. Рѣшительный моментъ. Губительные рога уже готовы подхватить матадора на воздухъ, гибель его кажется неизбѣжной. Но острая шпага во время вонзается въ выю быка и уходитъ въ нее по самую рукоятку, достигая сердца. Быкъ падаетъ мертвымъ у самыхъ ногъ матадора, и струя алой крови вытекаетъ у него изо рта на взрытый песокъ арены.

Крикамъ и рукоплесканіямъ и конца нѣтъ. Цвѣты, сигары, шляпы, деньги, все, что попалось подъ руку — все летитъ на арену, какъ дань счастливому побѣдителю. Крики, крики, привѣтствія, ласкательныя имена со всѣхъ сторонъ, и со всѣхъ сторонъ восторженныя лица.

Матадоръ, весело улыбаясь, кланяется. Схвативъ на лету одинъ изъ брошенныхъ ему букетовъ, онъ машетъ имъ то въ ту, то въ другую сторону. Капеадоры помогаютъ ему собрать брошенные зрителями подарки и возвратить по принадлежности вѣера и шляпы слишкомъ увлекшихся почитателей и почитательницъ храбрости и таланта.

Но, чу! раздается погребальный маршъ, ворота на арену раскрываются, и четыре мула въ одной общей упряжкѣ, гремя своими пестрыми побрякушками вбѣгаютъ на арену. Къ ихъ шорамъ прицѣпляютъ трупы убитыхъ быкомъ лошадей, и мулы въ галопъ увозятъ ихъ на задній дворъ цирка. Послѣднимъ увозится быкъ. Чулосы засыпаютъ повсюду кровь свѣжимъ пескомъ. Арена опять свободна и готова для новаго боя.

Снова сигналъ трубы, и новый быкъ вбѣгаетъ на арену и тотчасъ же останавливается у самыхъ воротъ. Ворота позади его быстро закрываются.

— Какой чудный звѣрь! — восклицаютъ зрители.

И дѣйствительно; быкъ рѣдкой красоты и силы. Даже привычнымъ посѣтителямъ цирка рѣдко приходилось любоваться такой мясистой съ толстыми складками шеей. Какія стройныя, красивыя ноги! Что за удивительные рога: какая тонкость ихъ очертаній, какое изящество изгиба!

Сердца зрителей радостно бьются въ ожиданіи потоковъ крови, которую долженъ пролить этотъ рѣдкостный звѣрь. Ему уже заранѣе рукоплещутъ.

Но быкъ поднялъ голову, осматривается, и не двигается съ мѣста Капеадоры дразнятъ его плащемъ — но быкъ спокойно отходитъ въ сторону. Одинъ изъ пикадоровъ пришпориваетъ своего коня, подскакиваетъ къ быку и втыкаетъ ему въ шею свое копье. Но упрямый быкъ только пятится, трясетъ шеей и не хочетъ нападать; онъ отходитъ въ сторону и озирается вокругъ, какъ бы ища выхода. Тогда недавнія привѣтствія зрителей смѣняются ругательствами, и оглушительные свистки проносятся по всему цирку, сверху до низу. Этотъ красавецъ быкъ, который могъ бы пролить столько крови и умереть героемъ, оказался трусомъ! И разочарованная въ надеждѣ увидать прекраснѣйшее зрѣлище, разсерженная толпа освистала его. Она уже разгорячена предыдущимъ боемъ, ей нужно крови, крови, отваги, побѣды одного и гибели другого, и она неистовствуетъ, неудовлетворенная въ своемъ законномъ желаніи.

Какъ ни стараются капеадоры и пикадоры вызвать раздраженіе въ быкѣ, онъ только слегка обороняется взмахами роговъ, отшатывается, отходитъ въ сторону, но не нападаетъ.

Вдругъ кто-то изъ зрителей произноситъ слово: fuego! И мгновенно подхваченное всѣми зрителями, это слово, какъ выстрѣлы на перестрѣлкѣ, перекатывается по всему амфитеатру и, наконецъ, сливается въ одинъ оглушительный вопль: fuego! fuego! banderillas de fuego! [1]).

И зрители машутъ платками, шляпами, вѣерами по направленію къ ложѣ алькада, безъ разрѣшенія котораго нельзя пустить въ ходъ огневыя бандерильи.

Но алькадъ колеблется. Разрѣшить fuego — это значитъ наложить пятно на владѣльца ганадеріи [2]), откуда доставленъ этотъ быкъ. А этотъ владѣлецъ — личный другъ алькада и самъ присутствуетъ здѣсь въ числѣ зрителей. Никогда еще изъ его старинныхъ ганадерій не было на аренѣ ни одного быка, котораго бы нужно было вызывать на бой огневыми бандерильями. Это было бы позоромъ!

И алькадъ дѣлаетъ отрицательный знакъ — отказываетъ въ требованіи толпы. Онъ увѣренъ, что быкъ еще войдетъ въ ярость. Онъ не можетъ объяснить себѣ, какъ могла напасть на быка такая апатія. Алькадъ самъ присутствовалъ сегодня утромъ на apartado [3]) и любовался этимъ быкомъ; онъ помнитъ его еще въ первую tienta [4]), еще молоденькимъ бычкомъ, и онъ уже тогда обѣщалъ быть однимъ

[1]) Огня! Огня! Огненныхъ бандерилій!

[2]) Ganaderias — тѣ заводы, гдѣ разводится спеціальная порода быковъ для боя. Владѣльцы наиболѣе извѣстныхъ заводовъ: герцогъ Veragna, графъ Patilla, Miura, Hernandez и др.

[3]) Отдѣленіе назначенныхъ для боя быковъ изъ общаго стада боевыхъ быковъ.

[4]) Испытаніе ярости молодыхъ бычковъ, отбираемыхъ для воспитанія къ боямъ.

изъ лучшихъ, и вдругъ теперь — дать ему banderillas de fuego! При одной мысли объ этомъ у алькада мучительно сжимается сердце.

А быкъ между тѣмъ стоитъ неподвижно, и тщетны всѣ усилія тореадоровъ расшевелить его. Онъ не хочетъ ни убивать, ни быть убитымъ.

Неудовольствіе толпы доходитъ до крайнихъ предѣловъ, и, забывъ присутствіе короля, она разражается ругательствами и угрозами алькаду. Разсерженные его упорствомъ, зрители грозятъ ему кулаками, и, наконецъ, надъ всѣмъ циркомъ проносится неистовый крикъ:

— Fuego al alcade! Banderillas al alcade! [1]).

Невольная улыбка появляется на лицахъ короля и его свиты.

Алькадъ долженъ уступить.

Бандерильи, всемогущія огневыя бандерильи, наконецъ принесены. Толпа смолкла и впилась взглядами въ перваго же бандерильера, пошедшаго съ ними прямо на быка. Быкъ стоитъ спокойно, но при видѣ украшенныхъ пестрыми лентами бандерилій онъ начинаетъ пятиться, сердитымъ взглядомъ окидывая бандерильера. Вдругъ трескъ, какъ будто выстрѣлъ, и быкъ дѣлаетъ отчаянный прыжокъ: бандерильеръ успѣлъ воткнуть ему въ загривокъ двѣ огневыхъ бандерильи.

Дьявольская боль!

Въ тотъ самый моментъ, какъ крючки бандерилій вонзились въ шею, кусочки самовоспламеняющагося состава отъ давленія на кожу съ трескомъ вспыхнули у самыхъ этихъ крючковъ и ожгли свѣжія раны. Дьявольская боль!

Съ грознымъ мычаньемъ понесся теперь быкъ по аренѣ, и довольная толпа уже кричитъ ему:

— Bravo, bravo, toro!

А онъ трясетъ загривкомъ, стараясь стряхнуть вцѣпившіяся въ него бандерильи и утишить мучительную боль ожога.

Между тѣмъ и другой бандерильеръ уже успѣлъ попасть на встрѣчу скачущему быку и воткнуть ему еще двѣ огневыя бандерильи. О, какъ жгучи эти раны!

Быкъ ищетъ теперь на комъ-бы выместить свои ничѣмъ не заслуженныя страданія, бросается во всѣ стороны, страшно потрясая въ воздухѣ рогами. Эти рога теперь какъ будто еще выросли, стали еще ужаснѣе.

Теперь все раздражаетъ быка: и красные плащи, и одинъ видъ копья пикадоровъ.

И вотъ уже пала жертвой, съ распоротымъ животомъ, одна лошадь; качаясь, волочитъ свои выпавшія внутренности другая; осто-

---

[1]) Огня алькаду! Бандерилій алькаду!

рожнѣе играютъ съ быкомъ капеадоры; осмотрительнѣе пикадоры; а быкъ свирѣпѣетъ все больше и больше и носится по аренѣ въ облакахъ пыли.

Вотъ онъ погнался за бандерильеромъ, догоняетъ бѣгущаго, надвигается на него, какъ туча, какъ вихрь. Притиснутый къ барьеру, бандерильеръ перескакиваетъ чрезъ него, быкъ съ разбѣгу прыгаетъ за нимъ чрезъ барьеръ же.

Громкія браво служатъ быку наградой за этотъ отчаянный скачокъ.

И вотъ, въ узкомъ корридорѣ между двумя барьерами вокругъ арены, разсвирѣпѣвшее животное бѣгаетъ, ища жертвы своему гнѣву. Но всѣ передъ нимъ сторонятся. Ворота отворяются, чтобы выпустить его на арену; быкъ пробѣгаетъ мимо отворенныхъ воротъ, оставаясь въ корридорѣ. Тогда его начинаютъ бить и гнать. Но онъ не выходитъ; съ пѣной у рта, весь обрызганный кровью, онъ непремѣнно хочетъ въ этомъ узкомъ пространствѣ поймать врага-человѣка.

И это ему удается. Неловкій чулосъ подвертывается ему на пути: быкъ подхватилъ его на рога и въ одно мгновеніе перебросилъ чрезъ барьеръ на арену. Какъ брошенный камень, падаетъ человѣкъ замертво на землю.

Происходитъ временное замѣшательство. Нѣсколько сочувственныхъ восклицаній, нѣсколько вздоховъ. Товарищи спѣшатъ унести разбитаго чулоса. Но это также мало нарушаетъ настроеніе толпы, какъ и убитая лошадь, и снова всеобщее вниманіе уже приковано къ быку. Онъ выбѣжалъ теперь изъ-за барьера и дикими прыжками несется на пикадора.

Но вотъ и очередь espad'ы [1]).

Все замерло вокругъ, смотря, какъ сходятся два противника. Для того и другого дѣло идетъ о жизни и смерти.

Конечно, быкъ будетъ убитъ—въ этомъ никто не сомнѣвается... Ну, а если?... Этотъ матадоръ извѣстенъ своей ловкостью, силой, смѣлостью, и не было примѣра, чтобы быкъ не падалъ подъ его ударомъ, нанесеннымъ по всѣмъ строгимъ правиламъ тауромахіи. Но и быкъ... этотъ быкъ — онъ ужасенъ. Насколько онъ былъ вялъ вначалѣ, настолько свирѣпъ онъ теперь. Раны огневыхъ бандерилій, не обезсиливая, но раздражая, мучаютъ его нестерпимо. Проклятыя бандерильи, какъ змѣи, впились ему въ разорванную и сожженную кожу, болтаются и колотятся по спинѣ.

Быкъ тяжело дышетъ — отъ злобы, не отъ усталости—и не ждетъ нападеній, не ждетъ, чтобы его дразнили, — онъ самъ нападаетъ на

---

[1]) Espada — шпага. Такъ называютъ матадоровъ, что равнозначуще съ названіемъ матадоръ.

своихъ мучителей, онъ ловитъ ихъ на каждомъ шагу, и матадоръ едва успѣваетъ махнуть своей мулетой, какъ уже долженъ заботиться, чтобы увернуться отъ смертельнаго удара, которымъ грозитъ ему быкъ. Матадоръ даже не можетъ уловить всѣхъ движеній быка: они необычны, они сбиваютъ опытнаго матадора съ толку, и онъ невольно блѣднѣетъ. Онъ чувствуетъ, что слишкомъ рано вышелъ одинъ на одинъ на быка: быкъ еще недостаточно обезумѣлъ и изнемогъ въ игрѣ съ пикадорами и капеадорами, и бой изъ неравнаго, какъ большею частью бываетъ — въ пользу матадора — становится теперь для него сомнительнымъ. Рискъ жизнью слишкомъ очевиденъ.

Но отступленія нѣтъ, и матадоръ сбираетъ всѣ свои силы, призываетъ на помощь свое знаніе, ловкость, присутствіе духа — и выбираетъ моментъ, чтобы поскорѣе покончить съ этимъ быкомъ. Однако онъ не можетъ сдѣлать этого инымъ образомъ, какъ по извѣстнымъ правиламъ; онъ долженъ нанести ударъ непремѣнно такъ-то, непремѣнно въ то, а не въ другое мѣсто шеи, — иначе это будетъ позоромъ для него и для искусства. Онъ знаетъ, что всѣ зрители, „вся Испанія“ ждетъ отъ него именно такого, а не другого удара, онъ знаетъ, что всѣ слѣдятъ за нимъ.

Да, толпа слѣдитъ.

И чѣмъ труднѣе его положеніе, чѣмъ оно опаснѣе, тѣмъ это пріятнѣе зрителямъ. Еслибъ быкъ распоролъ ему животъ, ему, любимцу толпы, то, конечно, толпа была-бы этимъ потрясена — но какъ? — это было-бы удивительное зрѣлище, которое у всѣхъ осталось-бы надолго въ памяти; это былъ-бы исключительный бой, о которомъ всѣ присутствующіе долго потомъ, съ увлеченіемъ и съ мнимымъ ужасомъ разсказывали бы другимъ, не бывшимъ въ это время въ циркѣ, и отсутствовавшіе втайнѣ сожалѣли бы, что имъ не удалось увидать этого рѣдкостнаго представленія: они охотно заплатили бы за мѣста на него вдвое, втрое дороже. Вѣдь въ ожиданіи возможности увидать именно это зрѣлище всѣ и стремятся такъ азартно на бой быковъ. Увы, немногимъ счастливцамъ достается выиграть въ эту лоттерею: большинству приходится довольствоваться видомъ только того, какъ матадоръ избѣгаетъ возможной опасности и убиваетъ быка. Не будь опасности для матадора, не будь тайной, быть можетъ, безсознательной надежды увидать его растерзаннымъ, не было-бы такого азарта и въ зрителяхъ: видѣть, какъ убиваютъ быковъ, можно и на простыхъ бойняхъ.

А ужасный быкъ, весь въ крови, въ пыли и пѣнѣ, все носится кругомъ. Гибелью грозитъ каждая встрѣча съ нимъ, и матадоръ не даромъ блѣднѣетъ.

Зато доволенъ теперь алькадъ. Онъ говорилъ, онъ говорилъ,

что быкъ разойдется и безъ огневыхъ бандерилій! О, это чудный, рѣдкій быкъ!

И вовсе не желая зла матадору, алькадъ невольно ждетъ, что быкъ вотъ-вотъ подброситъ несчастнаго на воздухъ. О, это удивительный быкъ!

Матадоръ напрасно ловитъ удобные моменты, чтобы поразить быка. Какъ нарочно, быкъ становится передъ нимъ въ небывалые обороты, не давая ему возможности нанести правильный ударъ, не давая даже подразнить себя мулетой и заставляя матадора только показывать свою ловкость въ отступленіи и отскакиваніи.

Вдругъ вся толпа ахнула. Быкъ задѣлъ рогомъ матадора, зацѣпилъ остріемъ золотошвейную отдѣлку рукава и разорвалъ ее.

Но матадоръ не раненъ; онъ съ улыбкою поправилъ клочки разорваннаго рукава и, въ свою очередь, разсерженный быкомъ, еще внимательнѣе выслѣживаетъ минуту для удара, Вотъ, вотъ она! — и шпага вонзается въ шею быка. Но быкъ уже успѣлъ сдѣлать неожиданный поворотъ, ударъ пришелся не туда, шпага проникла недостаточно глубоко, и, спасаясь онъ остраго рога, обрызганный кровью, матадоръ долженъ былъ выпустить шпагу изъ рукъ и отскочить въ сторону.

Минутная тишина, какъ предъ грозою, и вдругъ толпа безпощадными свистками награждаетъ матадора за его неудачу.

— Трусъ! Трусъ! раздается на скамьяхъ цирка.

Между тѣмъ раненый быкъ съ дикимъ мычаньемъ несется по аренѣ, потрясая и бандерильями, и воткнутой въ шею шпагой. Шпага, впрочемъ, тотчасъ выпадаетъ изъ раны. Одинъ изъ чулосовъ подхватываетъ ее и подноситъ матадору.

Противники опять лицомъ къ лицу.

Ошеломленный первой неудачей, неудачей, небывалой съ нимъ, матадоръ ищетъ опять момента дать быку послѣдній, смертельный ударъ. Но рука его дрожитъ, онъ чувствуетъ страшное раздраженіе, злобу и на быка, и на себя, и больше всего на эту толпу, которая сейчасъ освистала его и освищетъ еще при малѣйшей неловкости.

Быкъ бросается на него. Матадоръ наноситъ ударъ — на этотъ разъ еще неудачнѣе перваго. Неловко направленная шпага ударилась о крючокъ бандерильи, скользнула сначала по ней, потомъ дальше и разорвала длинную рану на шеѣ быка. Матадоръ отъ неожиданности такого движенія шпаги качнулся въ сторону и едва не попалъ на рога быку. Быкъ даже задѣлъ его шеей и вымазалъ кровью. Но шпага не вырвалась изъ рукъ, и — жизнь или смерть! матадоръ ищетъ новой встрѣчи съ разъяреннымъ, дважды раненымъ имъ звѣремъ. Внѣ себя отъ волненія, матадоръ почти не видитъ, не слышитъ, что дѣлается вокругъ него.

Сдѣланный имъ промахъ ужасенъ. Не только онъ самъ — его друзья волнуются за него. Вонъ этотъ юноша, почти мальчикъ, одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ бандерильеровъ, тореадоръ по призванію: онъ закрылъ лицо руками, чтобъ не видѣть униженія лучшаго изъ матадоровъ; онъ даже заплакалъ и, отойдя къ барьеру, только грустно качаетъ головой, повторяя: o, la prima spada d'Espana! o, la prima spada d'Espana [1]). Великое искусство Сида Кампеадора и Франциска Ромера де Ронда запятнано неудачей перваго матадора, его любимца, общаго любимца, и бѣдному мальчику кажется, что солнце перестало свѣтить, что все померкло, а сейчасъ кончится и самая жизнь на землѣ.

И никто не проститъ неудачи. Циркъ неистовствуетъ. Свистки и ругательства уже недостаточны теперь, чтобъ выразить всю степень неудовольствія толпы. Окурки и апельсинныя корки летятъ въ матадора. Толпа, какъ стихія, оскорбляетъ его теперь такъ-же, какъ за минуту предъ этимъ была-бы готова боготворить его, дай онъ то, что отъ него ожидалось: граціозный, красивый и смертельный ударъ.

— Мясникъ! Убійца! кричатъ со всѣхъ сторонъ.

А онъ опять стоитъ лицомъ къ лицу передъ своимъ противникомъ, котораго онъ теперь ненавидитъ всѣмъ существомъ своимъ. И некогда матадору прислушиваться къ крикамъ толпы — на ставкѣ жизнь.

Но и онъ невольно различаетъ, какъ всеобщіе крики и свистки покрываются чьимъ-то рѣзкимъ хриплымъ голосомъ на одной изъ верхнихъ скамей амфитеатра. Вокругъ этого крика затихаютъ всѣ другіе крики, сначала только вблизи его—и тогда всѣхъ покрывающій голосъ становится еще рѣзче и громче—потомъ дальше и дальше, по всему цирку смолкаютъ всѣ одинъ за другимъ, прислушиваясь къ тому, что выкрикиваетъ эта вставшая на скамью растрепанная старуха. Кто она? Какая нибудь торговка, служанка, быть можетъ, старая гитана? Все равно—всѣ слушаютъ, какъ она кричитъ на весь циркъ, обвиняя матадора въ трусости, въ неправильныхъ ударахъ. На ея искаженномъ злобой, желтомъ, морщинистомъ лицѣ лихорадочно горятъ глубоко впалые глаза, на трясущейся отъ крика головѣ трясутся пряди растрепанныхъ волосъ, костлявыя, до локтей голыя руки старой мегеры жестикулируютъ и протягиваются къ матадору и, вытягиваясь, кажется, вотъ-вотъ достанутъ до арены. Острую косу въ руки—и это будетъ олицетвореніе смерти, сама смерть. Какъ фурія, какъ Немезида, раскрываетъ она предъ матадоромъ весь смыслъ его кроваваго ремесла: умри, но не смѣй лишать насъ возможности видѣть то, за чѣмъ мы пришли сюда! Она доказываетъ, что всѣ удары были не-

[1]) О, первая шпага, первый матадоръ Испаніи!

правильны потому, что матадоръ боялся встать, какъ нужно. „Несчастный“ быкъ долженъ терпѣть лишніе удары шпаги, потому что этотъ трусъ боится рисковать своей жизнью! Какъ будто онъ не зналъ, что ремесло матадора опасно. Зачѣмъ-же онъ выходилъ на арену? Зачѣмъ онъ позоритъ своей трусостью el toreo [1])? Здѣсь не мясная лавка! Пусть быкъ хоть убьетъ его, но онъ долженъ строго держаться правилъ. Она сама torera [2]) — она сама когда-то выходила въ Гренадѣ на арену и убивала быковъ не такъ, какъ этотъ трусъ, а однимъ ударомъ, прямо въ rubios [3])!

Костлявая рука безобразной старухи дѣлаетъ при этомъ грозный и красивый жестъ въ воздухѣ, какъ-бы пронзая шпагой невидимаго быка.

И по всему амфитеатру, то тутъ, то тамъ, десятки, сотни голосовъ, какъ эхо, повторяютъ послѣднія слова каждой грозной фразы этой фуріи. Да и самое молчаніе, самое вниманіе къ безпощадному обвиненію какъ-бы подтверждаетъ требованіе старухи: хоть умри, но рискуй жизнью, чтобъ доставить намъ удовольствіе: или видѣть, какъ ты убьешь быка однимъ граціознымъ ударомъ, или видѣть самого себя раненымъ, окровавленнымъ, даже убитымъ; мы здѣсь именно за этимъ, и намъ нужно зрѣлище и красивое, и потрясающее, а не отталкивающее своей неловкостью и ненужной пачкотней въ крови. Здѣсь не мясная лавка!

Тѣмъ временемъ матадоръ, оскорбленный, освистанный, поруганный, все еще не можетъ одолѣть своего врага. Проклятый этотъ быкъ! Какъ онъ вертится! Приходится опять рисковать и жизнью, и новымъ поруганіемъ за новую неудачу. А рука уже дрожитъ, дрожатъ уже и колѣни, дрожатъ и отъ раздраженія, и отъ усталости.

Ударъ!.. Шпага погрузилась въ мясо по самую рукоятку!..

Быкъ закачался. Опять и тутъ неудача! У этого проклятаго быка и сердце гдѣ-то не на мѣстѣ! Кровь потекла у него изо рта, а онъ все еще не падаетъ.

Но быкъ уже опустилъ голову, онъ уже качается, онъ раненъ на смерть. Мутнымъ взглядомъ смотритъ онъ на своего противника и на подбѣжавшихъ со всѣхъ сторонъ капеадоровъ. Его еще разъ раздражаетъ видъ этихъ лицъ и пестрыхъ нарядовъ; но онъ уже не въ силахъ броситься на нихъ и хочетъ только уйти.

---

[1]) Искусство веденія быковъ, боя тауромахія.

[2]) Torera — женщина-тореадоръ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Испаніи старыя женщины выступаютъ иногда въ качествѣ тореадоровъ, но для такого рода боевъ быки выбираются старые и смирные, и такіе бои представляютъ болѣе комическое, чѣмъ потрясающее зрѣлище.

[3]) Rubios—загривокъ; то именно мѣсто, куда по правиламъ toreo надо ударить быка.

Спотыкаясь, онъ трогается съ мѣста. Съ опущенной головой, оставляя за собой кровавый слѣдъ, подвигается онъ впередъ къ барьеру... Какъ погребальный кортежъ, слѣдуютъ за нимъ съ торжественнымъ спокойствіемъ всѣ тореадоры.

У барьера быкъ припадаетъ на колѣни и, долго качаясь, готовится совсѣмъ рухнуть. Слабое, какъ стонъ, мычанье вырывается изъ его груди.

Мертвая тишина царитъ на скамьяхъ цирка и въ группѣ тореадоровъ...

Чрезъ барьеръ прыгаетъ съ кинжаломъ въ рукахъ puntillero [1]), подкрадывается къ быку и даетъ ему, наконецъ, послѣдній ударъ, правильный, смертельный ударъ.

Быкъ падаетъ.

III.

. . . etiam forte prolapsos jugulari jubebat...
Suetonius.

Онъ подошелъ къ проверченному въ занавѣси маленькому отверстію и чрезъ него взглянулъ на зрительную залу.

Театръ уже былъ почти полонъ.

Какія все странныя лица!.. Какіе эти фламандцы, въ большинствѣ, лоснящіеся, толстые, флегматичные. Какъ эта толпа не похожа на его Испанію!.. И ему суждено зажечь огонь восторга вотъ въ этомъ рядѣ широкихъ спинъ и гладко-стриженныхъ или совсѣмъ безволосыхъ затылковъ, что стоитъ передъ нимъ у барьера оркестра... Холодная и мокрая страна!.. Тюльпаны... луковицы... О, надо бросить въ нихъ одуряющимъ ароматомъ андалузскихъ розъ и гвоздики!

При этой мысли онъ невольно притопнулъ носкомъ своего шитаго золотомъ башмака и крѣпко сжалъ золотой эфесъ своей настоящей, не бутафорской, шпаги.

Кто-то положилъ ему руку на плечо. Онъ оглянулся.

— Ты, Инесъ, нѣжно произнесъ онъ, обнимая за талію молодую дѣвушку и цѣлуя ее въ лобъ.

— Ахъ, Пабло, Пабло! Я боюсь за тебя.

— Не бойся. Сейчасъ ты будешь радоваться моему успѣху.

— Пабло, Пабло! Они настроены враждебно! Я прошла по кор-

[1]) Одинъ изъ тореадоровъ, на обязанности котораго лежитъ приколоть кинжаломъ быка, уже раненаго матадоромъ на смерть, но долго не умирающаго.

ридорамъ и фойе: Бюнеманъ мечется отъ одной группы къ другой и бранитъ тебя...

— О, моя шпага съумѣла-бы заставить его замолчать, еслибъ потомку грандовъ было прилично драться съ бывшимъ извощикомъ, воскликнулъ пѣвецъ.

Лицо его вспыхнуло, глаза сверкнули лихорадочно. Но онъ подавилъ волненіе и спокойнѣе произнесъ:

— Что-же онъ говоритъ?

— Я слышала, какъ онъ сказалъ кому-то, что это дерзость, нахальство — начинающему пѣвцу появиться въ первый разъ предъ такой просвѣщенной публикой, какъ антверпенская, и притомъ появиться еще, какъ нарочно, для того, чтобъ помѣшать ему, извѣстному Бюнеману, вынудить у импрессаріо требуемыя имъ уступки.

— Какое мнѣ дѣло до его ссоры съ его импрессаріо! Мнѣ нужно было здѣсь пѣть, и я пою, хотя-бы тысячи Бюнемановъ были противъ этого.

— Но публика за него...

— Публика еще не знаетъ, никогда не слыхала меня. Повторяю тебѣ, что Бюнеманъ просто боится. Голосъ у него начинаетъ пропадать, сохранилась еще только любовь публики. У меня голосъ свѣжѣе, мой успѣхъ поколеблетъ устарѣвшія симпатіи къ Бюнеману. И онъ, и импрессаріо это знаютъ.

— Но ты боленъ, Пабло. Какъ ты будешь пѣть? Я страшно боюсь за тебя.

— Что-жъ дѣлать? Правда, я весь горю, но голосъ чистъ. А, можетъ быть, это и не простуда, а невольное волненіе, и послѣ дебюта я буду совсѣмъ здоровъ. Во всякомъ случаѣ на сегодня меня хватитъ.

— Но докторъ...

— Ахъ, оставь, Инесъ. Я знаю, ты очень любишь меня и волнуешься за меня, но не надо, не надо, милая, говорить мнѣ теперь, предъ самымъ поднятіемъ занавѣса, чтобъ я не пѣлъ. Этимъ ты только повредишь мнѣ. Слышишь: капельмейстеръ ударилъ палочкой по пюпитру. Увертюра начинается. Дай мнѣ успокоиться, я хочу быть одинъ.

Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее и отошелъ къ одной изъ кулисъ, а сестра отошла на противуположную сторону сцены.

Печально-задумчивымъ взглядомъ она продолжала слѣдить за нимъ. Ее съ утра смущали и этотъ быстрый переходъ отъ блѣдности къ слишкомъ яркому румянцу у ея дорогого Пабло, и лихорадочный блескъ его глазъ, и синіе круги подъ глазами, закрашенные теперь румянами, и дрожь, которая пробѣгала у него отъ времени до времени по всему тѣлу. Несомнѣнно, что вчера онъ простудился здѣсь,

на репетиціи въ сыромъ и холодномъ театрѣ. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ему было нужно ѣхать изъ Севильи въ Антверпенъ!

А онъ стоялъ и прислушивался къ гремѣвшей въ оркестрѣ увертюрѣ. Могучіе звуки невольно поднимали настроеніе духа, и пѣвецъ уносился за ними. Чу! притихъ оркестръ, и только флейта, аккомпанируемая віолончелью, поетъ что-то грустно-мелодичное. Это его арія... Чудная, вдохновенная арія! Онъ будетъ пѣть ее въ третьемъ актѣ; это кардинальный, доминирующій мотивъ увертюры... Оркестръ подхватилъ смѣлое allegro: это уходъ...

... Удовлетворенъ порывъ благороднѣйшей страсти, съ дѣтства волновавшей его впечатлительное сердце: онъ будетъ пѣть въ большомъ оперномъ театрѣ, онъ пойдетъ по пути къ славѣ, къ вѣчному празднику торжествующаго пѣвца, къ побѣдѣ надъ людскими сердцами, побѣдѣ, которая дается таланту, дару Божію, искрѣ Божіей. Онъ на порогѣ у давно намѣченной цѣли. Онъ увѣренъ въ себѣ, и радостное волненіе заглушаетъ боль въ вискахъ, заглушаетъ ощущеніе свинцовой тяжести въ рукахъ и ногахъ.

... Онъ у цѣли... Влекла его на подмостки театра любовь къ музыкѣ; но не больше-ли еще влекли его и тѣ оваціи толпы, которыхъ онъ бывалъ свидѣтелемъ. Сколько разъ онъ самъ, охваченный энтузіазмомъ, горячо апплодировалъ и кричалъ „браво!“ и въ театрахъ, и въ циркѣ. Какія безсонныя ночи восторга проводилъ онъ послѣ спектаклей и послѣ боя быковъ. О, онъ понималъ этихъ матадоровъ, которые опасностью жизни покупали поклоненіе себѣ. О, это сладостное чувство было вѣдомо ему!.. И еслибы не прирожденная мягкость характера, женственность, невольное отвращеніе ко всякому насилію, онъ, забывъ предразсудки своего знатнаго рода, сдѣлался-бы, пожалуй, тореадоромъ.

... Но другое поприще борьбы представилось ему, гдѣ также возможна побѣда надъ людскими сердцами. Кто лучше его пѣлъ серенады у балконовъ его многочисленныхъ новій, чей голосъ заставлялъ замолкать и говоръ толпы, и самый плескъ волны Гвадалквивира? Севилья знала, что у нея есть рѣдкій соловей...

... Но выступить пѣвцомъ на сценѣ — ни родня, ни знатное знакомство не одобряютъ этого шага. Это нужно завоевать, взять славу въ чужой странѣ и привезти ее домой, нужно взять чужое, неизвѣстное имя и заставить его прогремѣть по цѣлому міру... Пусть оно на крыльяхъ молвы донесется до родной Севильи болѣе громкое, чѣмъ самое имя его предковъ, и тогда Севилья дважды признаетъ его своимъ любимымъ сыномъ... Онъ молодъ, красивъ, образованъ и богатъ—цѣлый міръ открытъ передъ нимъ. Онъ будетъ учиться, работать надъ своимъ талантомъ, онъ увѣренъ въ себѣ...

*

И вотъ онъ на порогѣ у намѣченной цѣли...

Занавѣсъ поднимается.

Речитативы нѣсколькихъ второстепенныхъ пѣвцовъ. Они уходятъ. Очередь за нимъ. Онъ выходитъ. На встрѣчу ему — примадонна. Не шопотъ одобренія — мертвое молчаніе встрѣчаетъ ихъ. Послѣ нѣсколькихъ речитативовъ они начинаютъ дуэтъ...

И вдругъ, будто шквалъ налетѣлъ, первый-же тактъ дуэта прерванъ страшнымъ шумомъ въ театрѣ. Отъ партера до парадиза проносится дружное шиканье, топотъ, свистки и крики: „импрессаріо! импрессаріо!“, сначала одиночные, потомъ переходящіе въ одинъ общій содомъ.

Пѣвцы останавливаются, оркестръ пробуетъ продолжать, но шумъ только усиливается.

Занавѣсъ опускается.

Шиканье, топотъ прекратились, но крики: „импрессаріо!“ раздаются все настойчивѣе.

Сбоку изъ-за занавѣси выходитъ къ рампѣ лысый господинъ во фракѣ. Все стихаетъ.

— Что угодно почтенной публикѣ отъ импрессаріо? обращается онъ къ зрителямъ сдержаннымъ, спокойнымъ тономъ.

— Вы прочли тѣ записки, которыя мы, публика, опустили вамъ въ театральный почтовый ящикъ? [1]) раздается въ партерѣ чей-то твердый, нѣсколько надменный голосъ.

— Да, господа, отвѣчаетъ импресаріо.

— Вамъ былъ заявленъ протестъ публики противъ состава вашей труппы къ нынѣшнему сезону.

— Да, да, раздается въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ партерѣ и ложахъ: — вамъ были указаны имена пѣвцовъ и пѣвицъ, которыхъ мы хотимъ видѣть на сценѣ.

— Mesdames et messieurs, начинаетъ импрессаріо: — выступившая сейчасъ передъ вами синьора Челано, которую вы одобряли въ прошломъ году...

— Да, во *вторыхъ* партіяхъ, прерываетъ его кто-то изъ зрителей.

— ...синьора Челано, невозмутимо продолжаетъ импрессаріо: сегодня только временно исполняетъ эту партію. Я уже обмѣнялся вчера телеграммами съ синьорой Тинтамаре, и она ѣдетъ сюда.

— Браво!

— Но синьоръ Скала, котораго вы желали, ангажированъ въ Лондонъ...

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ европейскихъ городахъ существуютъ при театрахъ, у входа, ящики, въ которые абоненты и вообще посѣтители театра опускаютъ записки на имя антрепренеровъ или распорядителей съ заявленіемъ своихъ желаній.

— Чего же вы зѣвали?..

— А синьоръ Бюнеманъ предложилъ такія тяжелыя условія, что я не могъ согласиться.

— Это ваше дѣло — уломать его! Не можемъ же мы слушать Богъ знаетъ кого! Дайте намъ настоящихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, а не учениковъ! Вы берете съ насъ деньги, дайте намъ оперу, а не школу! раздаются отовсюду голоса.

— Дайте намъ Бюнемана, мы хотимъ слушать Бюнемана! Бюнемана! Бюнемана! настойчиво кричитъ публика, начиная снова топать ногами.

— Mesdames et messieurs, возвышаетъ голосъ импрессаріо: — я постараюсь еще разъ войти въ соглашеніе съ господиномъ Бюнеманомъ. Можетъ быть, въ виду выраженнаго вами сейчасъ желанія, чтобы онъ былъ у меня въ труппѣ, и онъ будетъ нѣсколько уступчивѣе...

— Бюнемана! Бюнемана! раздаются крики.

— Но, mesdames et messieurs, продолжаетъ импрессаріо: — я все-таки позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на синьора Монегро, который сейчасъ выступалъ передъ вами: у него прекрасный голосъ.

— Мы этого не замѣтили, кричатъ въ партерѣ.

— Онъ должно быть скрываетъ отъ насъ этотъ прекрасный голосъ, вашъ синьоръ Монегро; онъ или застѣнчивъ, или скупъ, или вы ему мало платите, кричитъ какой-то шутникъ сверху, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ ему вторятъ смѣхомъ.

— Вы не дали ему пѣть, возражаетъ импрессаріо.

— Покажите намъ его сначала во второстепенныхъ партіяхъ. Мы оцѣнимъ. Вамъ выгодно ставить безголосую неизвѣстность, взамѣнъ хорошаго пѣвца съ именемъ, но мы не можемъ заботиться о вашемъ карманѣ...

— Мы заботимся о своихъ ушахъ!..

— Бюнемана! Бюнемана!..

— Я сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть, произноситъ съ вѣжливымъ поклономъ импрессаріо.

— Посмотримъ! раздаются голоса.

— Позволите продолжать представленіе? спрашиваетъ импрессаріо.

— Велите поднимать занавѣсъ: послушаемъ синьора Монегро, отвѣчаетъ публика.

Импрессаріо исчезаетъ за кулису.

А тамъ, за кулисами, Монегро сидитъ, опустивъ голову на руки и закрывъ лицо руками. И напрасно Инесъ старается ласковымъ шопотомъ заставить брата очнуться. Неудача страшно поразила его; онъ не можетъ прійти въ себя. Онъ ожидалъ всего — но не этого! Ему даже не дали пѣть!.. Развѣ онъ зналъ, что этой толпѣ нуженъ не

голосъ его, а *имя* Бюнемана. О, слава, слава! Какъ не похожи другъ на друга двѣ стороны твоей медали и какъ ярки та и другая, какой рѣзкій контрастъ между ними. О, какъ трудно достаются лавры! Какъ неблагодарна толпа! Онъ принесъ ей энтузіазмъ молодого сердца, она встрѣтила его предубѣжденіемъ, требованіемъ уступить мѣсто другому, тому, кто... можетъ быть, путемъ такихъ же горькихъ разочарованій и неудачъ — завоевалъ уже себѣ ея расположеніе.

...Нѣтъ, онъ не хочетъ больше пѣть предъ этими бездушными куклами! Имъ нуженъ Бюнеманъ, пусть онъ и поетъ!.. О, какъ что-то жжетъ въ груди... какъ болитъ голова, какая тяжесть во всемъ тѣлѣ!..

— Пабло, Пабло, поѣдемъ домой. Милый, дорогой мой, поѣдемъ.

Онъ пристально смотритъ на сестру, онъ не можетъ дать себѣ отчета, что нужно теперь сдѣлать.

— Посмотри, Пабло, ты совсѣмъ боленъ. Откажись пѣть, совсѣмъ откажись... поѣдемъ...

„...Отказаться... уѣхать... провалъ, полный провалъ! Печально начатый путь къ славѣ...“

...А въ головѣ стучитъ... Да, онъ уѣдетъ, онъ не будетъ пѣть предъ этими идіотами... но нужно все-таки, чтобы они услыхали его голосъ, нужно, чтобы они знали, какого пѣвца они теряютъ... Нужно уйти побѣдителемъ!

— Инесъ!.. вели дать мнѣ воды... мнѣ жарко, душно... пить...

Между тѣмъ импрессаріо, окончивъ разговоры съ публикой, подходитъ къ Монегро и, почтительно наклоняясь, бормочетъ что-то успокаивающее и проситъ его опять на сцену, пѣть.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ, дрожащимъ голосомъ говоритъ за него сестра, обращаясь то къ импрессаріо, то къ брату: — онъ боленъ, публика настроена враждебно... Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не пой, Пабло! Возьмите неустойку, но Пабло не будетъ пѣть...

— Полноте, carissimi amici, мнѣ не нужна неустойка: я хочу, чтобы вы, синьоръ Монегро, вышли побѣдителемъ. Весь этотъ взрывъ неудовольствія у публики прошелъ, теперь она будетъ спокойно слушать васъ, и удачно спѣтая арія можетъ вызвать громъ апплодисментовъ. Повѣрьте мнѣ...

— Но вы должны были предвидѣть это, пробуетъ возразить Монегро.

— Да я же вамъ и говорилъ, что вамъ придется выдержать борьбу съ расположеніемъ публики къ зазнавшемуся Бюнеману и съ равнодушіемъ къ вамъ, начинающему пѣвцу. Вы думаете и Бюнеману это расположеніе досталось сразу?.. Что говорить — бываетъ, что овацiи выпадаютъ счастливымъ дебютантамъ съ самаго начала; но бываетъ и обратное. Повѣрьте мнѣ, я не даромъ двадцать лѣтъ импрессаріо, не

даромъ имѣлъ дѣло съ разными городами Европы, я знаю мою публику. То неподвижная, упрямая, то вдругъ увлекающаяся, публика— сфинксъ для дебютантовъ. Никогда нельзя быть увѣреннымъ, кого и какъ она встрѣтитъ и проводитъ. Одно несомнѣнно: публика держится моды — это нерѣдко замѣняетъ ей отсутствіе критерія, вкуса, пониманія. Здѣсь Бюнеманъ до сихъ поръ былъ въ модѣ, и сегодня еще всѣ симпатіи на его сторонѣ; увлеките публику, у васъ есть для этого средства, и она будетъ за васъ. Будьте побѣдителемъ. Иначе, за глаза, выйдя изъ театра, они, легко можетъ быть, и пожалѣютъ о вашей неудачѣ, и отъ души пожалѣютъ; но здѣсь, на сценѣ, на состязаніи за лавровый вѣнокъ, толпа зрителей не знаетъ пощады. Для нея нѣтъ ни ранговъ, ни заслугъ: она на сторонѣ побѣдителя, она противъ побѣжденнаго. Будьте смѣлѣе, я увѣренъ, что вы возьмете свое. Идите на сцену. Слышите, уже начинается шумъ въ партерѣ. Нельзя заставлять ждать долѣе. Идите, идите!

— Но нельзя ли хоть отложить до другого разу, робко пробуетъ противиться Инесъ: — Пабло, ты боленъ...

— Теперь или никогда! настойчиво твердитъ импрессаріо.—Нельзя упускать ни минуты. А болѣзнь — это нервы. Спросите хоть моего театральнаго доктора; въ слѣдующемъ же антрактѣ я позову его. Но, вѣрьте, мнѣ случалось привозить въ театръ пѣвцовъ и пѣвицъ съ компрессами на головѣ и все-таки видѣть ихъ громадный успѣхъ. Все пройдетъ, какъ только вы распостесь. Выпейте скорѣе воды и идите, ради Бога, идите скорѣе. Я велю поднимать занавѣсъ и распоряжусь, чтобы клякёры хорошенько поддержали васъ въ концѣ этого акта. Идите!

Монегро, молча и мрачно выслушивавшій импрессаріо, при послѣднихъ словахъ всталъ и твердо произнесъ:

— Хорошо, я иду. Но, какъ я и раньше вамъ говорилъ, я требую, чтобы вы сдержали ваше честное слово: чтобы клякёровъ не было! Я хочу знать, мнѣ ли дѣйствительно апплодируютъ, или...

— Но для перваго дебюта... возражаетъ импрессаріо; ему нѣтъ дѣла до щепетильныхъ соображеній пѣвца, ему дороже всего успѣхъ представленія.

— Все равно не надо, сурово отрѣзываетъ Монегро. — Ну, поднимайте занавѣсъ.

Онъ снова на сценѣ. Безмолвно встрѣчаетъ публика его выходъ. При мертвомъ молчаніи кончаетъ онъ дуэтъ съ примадонной и провожаетъ ее за кулисы. Выходятъ и уходятъ еще пѣвцы, обмѣниваются съ нимъ речитативами.

И вотъ онъ одинъ передъ этой пестрой толпой, передъ этимъ сфинксомъ.

„Теперь или никогда!“ — вспоминаются ему слова импрессаріо, и въ то же время онъ чувствуетъ, какъ имъ овладѣваетъ какое-то враждебное настроеніе ко всѣмъ этимъ людямъ, отъ которыхъ зависитъ вся дальнѣйшая судьба его. Онъ предъ грознымъ сонмомъ судей, могущихъ произнести ему смертный приговоръ. По какому праву?.. Зачѣмъ онъ здѣсь?.. Онъ шелъ побѣдить ихъ сердца, и онъ стоитъ теперь передъ ними, какъ подсудимый. О, побѣда, побѣда на подмосткахъ сцены! Какъ близко граничишь ты съ полученіемъ милостыни...

Его врожденная гордость возмущается...

Онъ поетъ теперь неудовлетворительно, онъ самъ это чувствуетъ, и это еще больше озлобляетъ его противъ публики: зачѣмъ она прервала его вначалѣ?

Все время теперь онъ не можетъ войти въ роль, онъ думаетъ о другомъ, онъ только машинально улавливаетъ тактъ и поетъ свою партію, но нѣтъ вдохновенія, нѣтъ увлеченія, голосъ не развертывается, фразировка натянута. Онъ поетъ слова любви, а кипящее внутри озлобленіе кладетъ свой отпечатокъ на его голосъ. Онъ равнодушенъ къ тому, что̀ поетъ, и публика равнодушна къ нему. Онъ даже сбился разъ, отсталъ отъ оркестра. Голова тяжелѣетъ, глаза застилаются туманомъ, душно, въ груди что-то жжетъ, горло сдавливаетъ... ему какъ будто плакать хочется..! Это все разростается въ немъ негодованіе на толпу.

А пѣть надо. „Теперь или никогда!“. Надо вотъ этой аріей растопить ледъ, разогнать набѣжавшую мглу...

Но звуки выходятъ какіе-то деревянные. Онъ поетъ и слышитъ самъ себя какъ будто издали и не узнаетъ своихъ кристально-чистыхъ нотъ средняго регистра... Здѣсь ему нужно взять si-бемоль, эта нота всегда выходила у него ярко, чисто — онъ вѣдь можетъ взять и do-діэзъ — и вдругъ...

Голосъ не повинуется ему, слышится какая-то хриплая нота, онъ невольно вытягиваетъ ее дольше, чѣмъ нужно, опять отстаетъ отъ оркестра, совсѣмъ обрывается и прежде чѣмъ все-таки подсаженные импрессаріо клакёры успѣли дать ему хоть одинъ апплодисментъ — точно свистъ вѣтра, пронеслось по всему театру шиканье, дружное, ровное, медленное, настойчивое. Никакого другого звука, ни шороха, ничего, кромѣ шиканья. Какъ будто все притихло, чтобъ лучше прислушаться къ этому зловѣщему, безпощадному шипѣнію. Оно захватило сразу весь театръ, оно, какъ сквозникъ, пронизало пѣвца до костей и заставило его задрожать нервической дрожью. Онъ бросился бѣжать отъ него, какъ отъ надвигающагося урагана, онъ не слыхалъ, какъ раздались, прозвучавшіе рѣзкимъ диссонансомъ, апплодисменты,

какъ кто-то крикнулъ: „молчите, наемная кляка!“ — не слыхалъ и дружнаго смѣха, который проводилъ его со сцены.

Онъ очнулся только уже въ номерѣ своей гостинницы, когда сестра, помогая ему снять театральный нарядъ, робкимъ голосомъ твердила ему:

— Ничего, ничего, Пабло! Это все оттого, что ты былъ боленъ. Докторъ сейчасъ пріѣдетъ. Ложись скорѣе въ постель, успокойся, согрѣйся. Посмотри, какъ ты вздрагиваешь...

И онъ повиновался ей, какъ ребенокъ; повиновался, какъ въ тѣ времена, когда она, старшая, еще учила его играть на роялѣ гаммы и повторять за ней: do, re, mi, fa, sol, la, si.

Воспаленіе обоихъ легкихъ — таковъ былъ діагнозъ, который Инесъ услыхала отъ доктора въ этотъ же вечеръ.

Черезъ день докторъ добавилъ:

— Исходъ весьма сомнителенъ.

И дѣйствительно, ея братъ уже бредилъ, уже не узнавалъ ее.

Въ бреду онъ порывался встать, начиналъ пѣть, но снова падалъ безпомощно на подушки, кому-то грозилъ, и затихалъ.

По временамъ сознаніе возвращалось къ нему, и тогда онъ бралъ сестру за руку и слабымъ, но настойчивымъ голосомъ говорилъ:

— Скажи импрессаріо, что какъ только я выздоровѣю, я буду опять пѣть. Пусть онъ скажетъ публикѣ, что я былъ боленъ на первомъ дебютѣ. Они еще услышатъ меня... настоящаго...

— Хорошо, Пабло, скажу. Но не лучше ли бросить этотъ враждебно встрѣтившій тебя городъ, не лучше ли дебютировать въ Севильѣ?

Она знала, что уже въ тотъ же вечеръ, когда она увезла больного брата изъ театра, Бюнеманъ продолжалъ его партію со 2-го акта, и съ огромнымъ успѣхомъ.

— Никогда! — возражалъ больной.— Я хочу *здѣсь*, слышишь, *здѣсь*. Потомъ я поѣду въ Норвегію... въ Петербургъ... въ Канаду, въ страну холоднаго климата, холодныхъ сердецъ... Я хочу славы, настоящей славы! Севилья — это будетъ вѣнцомъ, а прежде я долженъ показать свою силу надъ... ледяными горами... надъ камнями. Въ Испаніи мое родовое имя заглушило бы мой театральный псевдонимъ, а я хочу славы, не подкупленной ни моимъ происхожденіемъ, ни сочувствіемъ моихъ знакомыхъ, ни моимъ золотомъ. Легкаго успѣха мнѣ не надо. Пусть они встрѣтили меня здѣсь шиканьемъ, пусть они видѣли, какъ я постыдно, жалкій трусъ, убѣжалъ со сцены... Неужели это было страшнѣе свиста пуль?.. Ты знаешь, я не боялся даже картечи... За то, какое удовольствіе будетъ для меня заставить ихъ прійти въ восторгъ, яростно хлопать мнѣ, и прогнать, совсѣмъ прогнать Бюнемана... Не правда ли, Инесъ? А?

— Да, да, милый...

— Я не хочу ихъ *благосклонности*, я возьму у нихъ то, что мое, я вырву у нихъ мою славу...

— Пабло, не волнуйся. Тебѣ нуженъ покой.

— Пошли за импрессаріо... скажи, что я не хочу имъ кланяться за аплодисменты, быть благодарнымъ за овацiи... это должно быть справедливой данью... моя слава...

И онъ снова впадалъ въ бредъ.

Чрезъ два дня въ одной изъ мѣстныхъ газетъ появилось краткое извѣстiе, что неудачно дебютировавшiй пѣвецъ Монегро скончался отъ воспаленiя легкихъ. Другiя газеты перепечатали эту замѣтку.

Импрессаріо явился тотчасъ же въ гостинницу, возложилъ лавровый вѣнокъ на гробъ, выразилъ сестрѣ покойнаго свое искреннее соболѣзнованiе, великодушно отказался отъ сомнительнаго права взыскивать съ покойника неустойку, и уѣхалъ. Надежда обойтись въ этомъ сезонѣ безъ дорого стоющаго Бюнемана была теперь окончательно для него потеряна.

Вслѣдъ за нимъ привезъ большой лавровый вѣнокъ и Бюнеманъ: онъ всегда называлъ самъ себя за кулисами хорошимъ товарищемъ, за нимъ это повторяли и другiе, и онъ не упускалъ случая поддержать это реноме. Но въ магазинѣ, гдѣ Бюнеманъ бралъ этотъ вѣнокъ, другой лавровый вѣнокъ, еще больше и лучше этого, бросился ему въ глаза, и онъ кстати купилъ и его — для себя; теперь этотъ вѣнокъ лежалъ у него въ каретѣ. Поклонившись праху умершаго соперника, Бюнеманъ отвезъ этотъ другой вѣнокъ своему ближайшему, „интимному“ другу.

И на другой день, въ тотъ самый часъ, когда погребальная карета, при свѣтѣ факеловъ, везла тѣло Монегро на желѣзную дорогу, и уличная толпа, жадная до всякихъ зрѣлищъ, показывала другъ другу пальцами на роскошный гробъ и плачущую Инесу — въ этотъ самый часъ въ оперномъ театрѣ капельмейстеръ подалъ вышедшему пѣть Бюнеману большой лавровый вѣнокъ. Громкiя рукоплесканiя всего театра поддержали это подношенiе: изъ зрителей каждый былъ радъ, что и онъ участвуетъ въ этой овацiи, въ этомъ поднесенiи прославленному популярному пѣвцу кѣмъ-то купленнаго подарка; каждому этодоставляло удовольствiе и, кстати, ничего не стоило.

А. Луговой.

(Окончанiе слѣдуетъ).

ФАБРИЧНАЯ РАБОТА СЪ САНИТАРНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

«...Въ такихъ вопросахъ дѣло идетъ не о политикѣ и не о философіи, а объ общественномъ здоровьѣ»...

Въ послѣднее время чуть ли не ежегодно собираются съѣзды врачей и натуралистовъ, то въ одномъ, то въ другомъ изъ нашихъ крупныхъ промышленныхъ центровъ. Врачи, стекающіеся сюда со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, усердно обозрѣваютъ всѣ диковинки этихъ центровъ, осматриваютъ больницы, музеи, клиники, бойни, увеселительныя учрежденія и совершенно, игнорируютъ фабрично-заводскую промышленность — эту, можно сказать, злобу дня 19-го столѣтія. Выходитъ по-истинѣ трагикомичное недоразумѣніе, напоминающее извѣстную крыловскую басню о господинѣ, посѣтившемъ кунсткамеру и незамѣтившемъ въ ней... слона. Промышленная армія Россіи ростетъ и крѣпнетъ съ каждымъ годомъ подобно сказочному ребенку-богатырю, и уже не за горами то время, когда будетъ странно помѣщать Россію въ разрядъ странъ съ исключительно земледѣльческими цѣлями и стремленіями [1]). Въ этой арміи не мало имѣется генераловъ и полководцевъ

---

[1]) Если судить по числу городского населенія, то Россія, несомнѣнно, окажется страною деревенскою, такъ какъ 88,1% ея жителей проживаютъ въ деревнѣ и лишь 11,9% въ городахъ. Такимъ образомъ процентъ городского населенія у насъ чуть не впятеро меньше, чѣмъ въ Англіи, вчетверо меньше, чѣмъ въ Саксоніи, и почти втрое меньше, чѣмъ въ Пруссіи и во Франціи. Но съ другой стороны, численность нашего промышленнаго населенія, считая и ремесленниковъ, и кустарей, составляетъ 11% всего населенія, тогда какъ по нѣсколько устарѣвшимъ даннымъ *Кольба* численность промышленнаго населенія Англіи, Франціи и Пруссіи не выше, а даже ниже этой цифры. Такимъ образомъ, прежняя манера причислять Россію къ государствамъ исключительно земледѣльческимъ основана не болѣе какъ на недоразумѣніи. Въ подтвержденіе справедливости этого положенія напомнимъ еще, что чистый заработокъ лицъ, участвующихъ лишь въ кустарной и ремесленной промышленности, всего лишь въ три раза меньше дохода всѣхъ русскихъ земледѣльцевъ и землепашцевъ ($1^1/_2$ милліарда).

во образѣ нашихъ крупныхъ промышленниковъ, еще больше командировъ отдѣльныхъ частей во образѣ различныхъ директоровъ, начальниковъ мастерскихъ, главныхъ мастеровъ и пр. Къ сожалѣнію, эта категорія лицъ пока, по необходимости отчасти, рекрутируется изъ лицъ иностраннаго происхожденія. И, наконецъ, общую массу — рядового — этой арміи составляетъ тотъ же беззавѣтный типъ сѣраго воина, который покрылъ себя неувядаемой славой во всѣхъ войнахъ стараго и новаго времени. Этотъ рядовой, не покладая рукъ, трудится надъ превращеніемъ вещества, даетъ ему иную форму, застилаетъ дымомъ небосклонъ нашихъ городовъ и въ будущемъ приведетъ наше отечество къ прочнымъ и крупнымъ экономическимъ побѣдамъ и завоеваніямъ.

Мы обязаны гордиться успѣхами нашего фабричнаго рабочаго и должны не закрывать глазъ на его нужды. Къ сожалѣнію, вопросы профессіональной, промышленной гигіены до сихъ поръ мало интересуютъ наше общество, въ которомъ и врачи, и техники чужды этой стороны дѣла, и въ нашихъ университетскихъ и высшихъ техническихъ заведеніяхъ не имѣется даже каѳедры фабричной гигіены. 19 вѣкъ называютъ вѣкомъ промышленнаго развитія по преимуществу, и потому несомнѣнно, что и для русскихъ врачей наступила эпоха, когда становится неизбѣжнымъ знакомство съ тѣми этіологическими моментами, кои вліяютъ на заболѣваемость среди промышленной части населенія общества. Врачу, практикующему среди обитателей фабричныхъ промышленныхъ центровъ, должны быть знакомы симптомы тѣхъ страданій, которыя зависятъ и опредѣляются работой въ мастерскихъ, переполненныхъ пылью, вредными газами и испареніями. Даже наше общество охраненія народнаго здравія — единственное чисто санитарное общество въ Россіи — и то, за массою всякихъ дѣлъ, не можетъ преслѣдовать разработку вопросовъ промышленной гигіены. Между тѣмъ всѣ нужды рабочаго сословія, нужды, соприкасающіяся съ санитарными вопросами, давно сознаны гигіенической наукой, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что удовлетвореніе этихъ нуждъ одновременно съ выполненіемъ нѣкоторыхъ мѣропріятій, на которыхъ давно настаиваютъ гигіенисты, будетъ крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ разрѣшенія такъ называемаго рабочаго вопроса, который, такимъ образомъ, утратитъ значительную долю своего остраго характера.

Въ самомъ дѣлѣ, не трудно убѣдиться, что работы гигіенистовъ создали и привели къ идеѣ о необходимости международной конференціи для изученія и урегулированія рабочаго вопроса.

На первомъ гигіеническомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, собравшемся въ 1876 году, уже былъ поднятъ и намѣченъ рядъ вопросовъ, такъ или иначе затрагивающихъ гигіену работника. Въ 1878 году гигіенической конгрессъ, состоявшійся въ Парижѣ, включилъ въ программу своихъ занятій обсуж-

деніе мѣропріятій, ограждающихъ здоровье рабочихъ при манипуляціяхъ съ ядовитыми веществами. Докладчиками были извѣстный докторъ Напіасъ и профессоръ Гублеръ. Въ 1880 г. на туринскомъ конгрессѣ единогласно была вотирована резолюція, коей постановлено ходатайствовать передъ правительствами разныхъ государствъ о необходимости международныхъ договоровъ относительно фабричной работы, особенно же относительно фабричной работы дѣтей. Въ 1882 году гигіеническій конгрессъ, засѣдавшій въ Женевѣ, поставилъ на очередь вопросъ о воскресномъ отдыхѣ фабричнаго работника съ санитарной точки зрѣнія. Въ 1884 году на конгрессѣ, собравшемся въ Гагѣ, докторъ Напіасъ вновь выступилъ докладчикомъ по цѣлому ряду вопросовъ профессіональной гигіены, а одинъ англійскій гигіенистъ снова поднялъ вопросъ о международной регламентаціи фабричнаго труда. Наконецъ, въ 1887 г. на гигіеническомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ произвелъ громадное впечатлѣніе докладъ *Шулера*, делегата отъ Швейцаріи и извѣстнаго фабричнаго инспектора. Между прочими резолюціями этого конгресса стоитъ отмѣтить слѣдующія: воспрещеніе извѣстныхъ процедуръ фабричной работы, признаваемыхъ безусловно опасными для здоровья и жизни рабочихъ; ограниченіе работы женщинъ и дѣтей; воспрещеніе ночной работы для тѣхъ же категорій лицъ; удаленіе женщинъ съ работы за 6 недѣль до родоразрѣшенія и въ теченіи того же времени послѣ; установленіе максимальнаго рабочаго дня для взрослыхъ въ размѣрахъ 10—11 часовъ; установленіе воскреснаго отдыха.

Извѣстно, что и рабочіе конгрессы, и конгрессы соціалистовъ, въ свою очередь, также берутся за рѣшеніе вопросовъ, обсуждаемыхъ учеными гигіенистами съ точки зрѣнія законовъ справедливости и науки, причемъ резолюціи нѣкоторыхъ изъ этихъ съѣздовъ мало чѣмъ расходятся отъ постановленій, вотируемыхъ единогласно представителями чистаго знанія. Такъ, напр., рабочій конгрессъ въ Парижѣ 1889 г. принялъ слѣдующія резолюціи:

а) Введеніе максимальнаго рабочаго дня для взрослыхъ въ размѣрѣ 8 часовъ.

б) Воспрещеніе работы дѣтей, не достигшихъ 14-ти лѣтъ, на фабрикахъ. Отъ 14 до 18 лѣтъ оба пола работаютъ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки.

в) Воспрещеніе ночной работы на фабрикахъ, за исключеніемъ тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ безусловно необходима непрерывная работа

г) Воспрещеніе участія женщинъ во всѣхъ производствахъ, которыя спеціально вредны для женскаго организма.

д) Воспрещеніе ночной работы для женщинъ и для подростковъ обоего пола ниже 18 лѣтъ.

ж) Еженедѣльный отдыхъ для каждаго рабочаго въ теченіи $1^1/_2$ сутокъ.

з) Воспрещеніе нѣкоторыхъ особенно опасныхъ для здоровья рабочихъ фабричныхъ операцій и процедуръ.

и) Воспрещеніе расплачиваться съ рабочими взамѣнъ денегъ вещами и купонами.

і) Учрежденіе правительственнаго института фабричной инспекціи, причемъ половина членовъ института избираются самими рабочими, но утверждаются правительствомъ. Надзору инспекціи подлежатъ не только фабрики и заводы, но и всѣ ремесленныя и кустарныя производства.

Въ мартѣ 1889 года президентъ швейцарской республики обратился къ европейскимъ правительствамъ съ предложеніемъ собрать въ Бернѣ международную конференцію для обсужденія слѣдующихъ неотложныхъ вопросовъ рабочей гигіены:

1) Воспрещеніе воскресной работы.

2) Установленіе предѣльнаго возраста для дѣтей, допускаемыхъ къ фабричной работѣ.

3) Установленіе максимальнаго рабочаго дня для фабричной молодежи.

4) Воспрещеніе работы женщинъ и дѣтей въ отрасляхъ производства, отличающихся особой опасностью для здоровья рабочихъ.

5) Воспрещеніе ночной работы для дѣтей, подростковъ и женщинъ.

Время созыва конференціи опредѣлялось окончательно на весну 1890 года. Франція, Бельгія, Великобританія, Португалія, Австро-Венгрія, Италія, Люксенбургъ и Нидерланды уже изъявили согласіе принять участіе въ этой конференціи, какъ вдругъ въ февралѣ 1890 года грянулъ рескриптъ молодого Вильгельма.

Нѣмецкій императоръ объявлялъ, что онъ давно задумалъ прійти на помощь рабочему классу и давно рѣшилъ улучшить положеніе нѣмецкаго работника, но, полагая, что трудности, могущія приэтомъ возникнуть, объясняются существованіемъ международной конкурренціи, онъ предлагаетъ прійти къ общему соглашенію и приглашаетъ правительства сообща обсудить этотъ вопросъ.

Какъ извѣстно, засѣданія конференціи состоялись въ Берлинѣ (отъ 15 до 29 марта), причемъ были вотированы слѣдующія резолюціи, которыя въ виду ихъ общаго интереса мы позволяемъ себѣ возобновить въ памяти читателей:

1) Цѣлый рядъ регламентацій горнаго промысла; мы не останавливаемся на этихъ desiderata, такъ какъ они не входятъ въ предметъ нашей статьи.

2) За малыми исключеніями, признана необходимость установленія воскреснаго отдыха для рабочихъ. Исключеніемъ являются производства, требующія, по условіямъ техническимъ или въ силу доставленія обществу предметовъ первой необходимости, непрерываемой дѣятельности.

3) Предѣльнымъ возрастомъ для допущенія малолѣтнихъ на фаб-

рику принято 12 лѣтъ; для южныхъ странъ эта граница понижается до 10 лѣтъ. Ниже 14 лѣтъ дѣти не допускаются ни къ ночной, ни къ воскресной работѣ. Дѣтямъ воспрещается работа въ нездоровыхъ производствахъ, а самая работа ограничивается 6 часами, съ получасовымъ перерывомъ для отдыха.

4) Подростки обоего пола отъ 14 до 16 лѣтъ не допускаются также ни къ ночной, ни къ воскресной работѣ. Продолжительность ихъ работы не должна превышать десяти часовъ съ перерывомъ для отдыха въ полтора часа. Для нѣкоторыхъ отраслей промышленности допускаются исключенія.

5) Желательно полное воспрещеніе ночной работы дѣвушекъ и женщинъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Продолжительность женской работы не должна превышать одиннадцати часовъ въ сутки съ перерывомъ для отдыха по крайней мѣрѣ на полтора часа. Послѣ родовъ женщина не допускается къ фабричной работѣ въ теченіи 4 недѣль.

Въ общихъ чертахъ мы воспроизвели всѣ самыя существенныя вожделѣнія берлинской конференціи и, конечно, нельзя не согласиться, что различныя, только что приведенныя, выдержки изъ постановленій гигіеническихъ конгрессовъ и даже рабочаго конгресса поразительно совпадаютъ между собой и съ резолюціями означенной конференціи, причемъ ко всѣмъ имъ вполнѣ приложима мысль, поставленная у насъ въ эпиграфѣ и высказанная лордомъ Салисбюри, *что въ такихъ вопросахъ дѣло идетъ не о политикѣ и не о философіи, а объ общественномъ здоровьѣ.* Въ сущности вся программа занятій берлинской конференціи свелась къ регламентаціи фабричнаго труда малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ и къ упорядоченію воскреснаго отдыха. Первоначальная широкая программа императора Вильгельма подверглась такой основательной урѣзкѣ, пройдя сквозь горнило строгой международной цензуры, что, пожалуй, кабы знать, да вѣдать, такъ незачѣмъ было и огорода городить, созывая европейскую конференцію по вопросамъ, которые преисправно могутъ рѣшаться и рѣшаются законодательною властью каждаго отдѣльнаго государства. Щекотливые вопросы международныхъ таможенныхъ тарифовъ оставлены были безъ разсмотрѣнія, равно какъ жгучій вопросъ о максимальномъ рабочемъ днѣ взрослаго работника—этомъ конькѣ нѣмецкихъ соціалистовъ.

Какъ ни беззаботны господа экономисты по части гигіеническихъ вопросовъ, все-же нынѣ врядъ-ли найдется хотя-бы одинъ экономистъ, который сталъ-бы утверждать, что фабричная работа женщинъ и дѣтей, все увеличивающаяся, благодаря колоссальному развитію машиннаго производства, принадлежитъ къ числу явленій отраднаго, утѣшительнаго характера. Нынѣ стало уже общимъ мѣстомъ, что фабричный трудъ женщинъ и дѣтей въ экономическомъ отношеніи для семьи даетъ слиш-

комъ мало, въ санитарномъ-же—отнимаетъ слишкомъ много, подрывая здоровье женскаго организма и разстраивая еще болѣе нѣжное здоровье подростающаго поколѣнія. Ограждая работу дѣтей, законодатель дѣйствуетъ не только во имя принциповъ гуманности, но и во имя патріотизма. Французская пословица говоритъ «de petit enfant petit deuil» и во Франціи это мудрое изрѣченіе уже привело къ тому, что ежегодный приростъ населенія равняется 3 на каждую тысячу человѣкъ, тогда какъ это число для Германіи равняется 10, а для Россіи 12,09 [1]). Намъ, конечно, не слѣдъ подражать этому взгляду нашихъ союзниковъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи мы имѣемъ громовыя предостереженія въ видѣ громадной смертности дѣтей въ нашихъ мануфактурныхъ и промышленныхъ округахъ и въ отсутствіи въ этихъ округахъ годныхъ рекрутъ. Фабричный инспекторъ Швейцаріи д-ръ Шулеръ показалъ, что въ Швейцаріи фабричные округа даютъ 19,7 — 23% рекрутовъ, коимъ приходится давать отсрочку на 1 годъ и на 2 вслѣдствіе недостаточнаго развитія, тогда какъ въ малопромышленныхъ округахъ такая отсрочка нужна 14,3 — 18, 9% рекрутовъ. Онъ-же показалъ, что во всей восточной Швейцаріи пришлось вовсе уволить отъ военной службы 11,3% рекрутовъ вслѣдствіе недостаточнаго развитія, тогда какъ изъ числа ткачей нельзя было принять по этой причинѣ 14,5%, а изъ числа другихъ фабричныхъ рабочихъ 19,3%. Для Франціи и для Россіи существуютъ точно такія-же указанія.

Мы проходимъ молчаніемъ *нравственное* значеніе фабричной работы для женщинъ и дѣтей, такъ какъ опредѣленіе его едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Особенно печальной репутаціей славятся въ этомъ отношеніи тѣ производства, гдѣ работать приходится всѣмъ вмѣстѣ, безъ различія пола, по ночамъ и при высокой температурѣ, разжигающей страсти и заставляющей быть въ полуобнаженномъ видѣ. Таковы, напримѣръ, работы на сахарныхъ заводахъ. Недурной иллюстраціей нравственности является, между прочимъ, и тотъ общеизвѣстный фактъ, что количество всевозможныхъ преступленій въ промышленныхъ фабричныхъ округахъ значительно превышаетъ количество тѣхъ-же преступленій въ округахъ земледѣльческихъ. Право государственнаго вмѣшательства во всѣ эти вопросы первостепенной важности оспариваютъ развѣ только одни господа промышленники, да и тѣ врядъли дѣлаютъ это вполнѣ искренно. Принципы ученія Адама Смита и его послѣдователей давно отжили свой вѣкъ, и сама жизнь выдвинула взамѣнъ нѣкогда знаменитой формулы: laissez faire, laissez passer—другой вѣчно юный афоризмъ: salus populi suprema lex (благо народа —

[1]) Каждая тысяча жителей во Франціи даетъ въ годъ 23,09 новорожденныхъ, въ Англіи число рожденій на 1000 жителей поднимается до 32,9, а въ Россіи достигаетъ 48,8 (см. Lagneau. La situation démographique de la France)

высшій законъ). Конечно, всякій, кто не отрицаетъ смысла всего современнаго соціальнаго строя былъ-бы крайне непослѣдователенъ, если бы, признавая *право* государства во имя общаго блага ограничивать *всякое право* индивидуума, напримѣръ, право на личный трудъ (отдача въ солдаты), право на личную собственность (налоги), сталъ-бы отрицать право государственнаго вмѣшательства въ дѣло регулированія данныхъ условій промышленности, въ интересахъ того-же общаго блага, и видѣлъ-бы въ этомъ какое-то посягательство на личную свободу.

Аргументъ, который столь часто любятъ пускать въ ходъ защитники мнимой экономической свободы работника, заключается въ томъ, что если рабочій остается на фабрикѣ сверхъ узаконеннаго срока, напримѣръ, на ночь или на воскресенье, то это дѣлается въ силу существованія добровольнаго, якобы, между нимъ и хозяиномъ условія, и что такая дополнительная работа оплачивается и дополнительнымъ гонораромъ. Но кому неизвѣстно, что зачастую о добровольномъ соглашеніи здѣсь смѣшно говорить. Первымъ условіемъ безвредности работы является отсутствіе при ней переутомленія, за каковое не вознаградитъ рабочаго никакой комфортъ, обусловливаемый добавочной заработной платой. Но если вопросъ объ огражденіи работы дѣтей не имѣетъ почти противниковъ, то далеко нельзя того-же сказать относительно регламентаціи женской фабричной работы. Между тѣмъ стоитъ лишь вспомнить, что женскій организмъ вообще оказываетъ меньше противодѣйствія болѣзненнымъ вліяніямъ всякаго рода, чѣмъ мужской, чтобы обезоружить этихъ противниковъ. Подрывая здоровье женской части населенія, фабричная работа вредитъ не только имъ самимъ, но и будущимъ поколѣніямъ, и слѣдовательно, затрагиваетъ прямо интересы всей націи. Напримѣръ, промышленныя отравленія крайне рѣзко отражаются на здоровьѣ фабричной работницы, вызывая выкидышъ, преждевременные роды, роды мертворожденныхъ и хилыхъ дѣтей. Не говоря о роли женщины какъ матери, какъ центра «семейнаго очага», какъ «добраго его ангела», приведемъ слѣдующіе краснорѣчивые факты въ защиту идеи объ удаленіи женщинъ, если не вовсе отъ фабричной работы, то по крайней мѣрѣ отъ ночной. Въ Соединенныхъ Штатахъ особыя коммисіи изслѣдовали состояніе здоровья 17,429 работницъ передъ поступленіемъ ихъ на фабрики. Затѣмъ, тѣ же коммисіи изслѣдовали тотъ-же контингентъ рабочихъ, спустя 4 года и 9 мѣсяцевъ. При первомъ изслѣдованіи изъ общаго числа 16,360 оказались вполнѣ здоровыми, 882 признаны удовлетворительнаго здоровья и 185 оказались больными. При вторичномъ изслѣдованіи всего лишь 14,000 работницъ сохранили хорошее здоровье, число лицъ съ удовлетворительной отмѣткой съ 882 поднялось на 2,385, а число больныхъ съ 185 превысило тысячу.

Другой еще болѣе поучительный фактъ этого рода сообщилъ проф.

д-ръ *Прустъ* (Proust) въ парижской академіи наукъ (14 іюня 1890 г.). Среди кассы взаимной помощи шелковыхъ рабочихъ Ліона съ числомъ 4,117 рабочихъ всѣхъ возрастовъ въ теченіи 1889 года мужчины дали 1,552 дней болѣзни, а женщины 3,978. Между тѣмъ и тѣхъ, и другихъ состояло членами кассы почти одинаковое число. Члены этой кассы между 18 и 53 годами дали у мужчинъ 4,995 дней болѣзней или 4,8 на тысячу, у женщинъ эта пропорція дала 6,6 на тысячу. Смертность между мужчинами выразилась $3^0/_{00}$, а у женщинъ $10^0/_{00}$. Наконецъ, мужчины выше 50 лѣтъ и хворали, и умирали значительно меньше, чѣмъ работницы соотвѣтствующаго возраста. Такимъ образомъ эти цифры наглядно показываютъ, на сколько женскій организмъ подъ вліяніемъ фабричной работы подлежитъ заболѣваемости и полному уничтоженію, и все это въ цвѣтущемъ возрастѣ, когда женщина способна быть матерью. Беременность и послѣродовое состояніе одни уже сами по себѣ оправдываютъ положеніе, что промышленный трудъ, вообще, какого бы рода онъ ни былъ, производитъ у женщины гораздо большее предрасположеніе къ заболѣваніямъ, чѣмъ у мужчины. Слишкомъ раннее возвращеніе работницъ послѣ родовъ къ своимъ фабричнымъ занятіямъ не только разрушаетъ ихъ собственное здоровье, но, какъ показалъ Гиртъ, пагубно отзывается и на здоровьѣ грудныхъ дѣтей; такъ изъ дѣтей, матери которыхъ работали на фабрикахъ г. Дольфуса въ Мюльгаузенѣ, умирало прежде на первомъ году жизни 38 и $39^0/_0$, но съ тѣхъ поръ какъ этотъ гуманный фабрикантъ позволилъ своимъ работницамъ оставаться дома по 3 недѣли до и послѣ родовъ, безъ вычета заработной платы, смертность грудныхъ дѣтей упала до $25^0/_0$.

Такимъ образомъ, очевидно, что если законодатель съ одной стороны ограждаетъ ребенка отъ эксплоатаціи со стороны фабрики и не дозволяетъ преждевременно разрушать здоровье этого ребенка, а съ другой стороны дозволяетъ женщинѣ по ночамъ работать на той-же фабрикѣ и оставлять своихъ дѣтей безъ надзора и молока, то онъ поступаетъ не логично и не гуманно, причемъ правая его рука разрушаетъ то добро, которое сдѣлала лѣвая.

У насъ въ Россіи съ 1882 года, т. е. вотъ уже *восемь лѣтъ*, установлена довольно обстоятельная регламентація фабричнаго труда женщинъ, дѣтей и подростковъ, регламентація въ общемъ довольно близко подходящая къ прошлогоднимъ резолюціямъ берлинской конференціи по тому же вопросу. Въ общихъ чертахъ русскій фабричный законъ уже восемь лѣтъ нормируетъ эти отношенія слѣдующимъ образомъ: дѣти до 12 лѣтъ вовсе не допускаются у насъ по фабричнымъ работамъ, и кромѣ того изданъ весьма обширный списокъ *вредныхъ* производствъ, при коихъ *вовсе* воспрещена работа малолѣтнихъ до 15 лѣтъ. Правда, списокъ этотъ далекъ отъ совершенства, но и теперь уже онъ состав-

ленъ гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ таковой же списокъ, обязательный, напримѣръ, для французскихъ фабричныхъ заведеній и введенный во Франціи указомъ 2 мая 1877 года.

Въ Англіи всюду фабричная работа дозволяется дѣтямъ, начиная съ десятилѣтняго возраста, и исключеніе составляетъ лишь занятіе рудокоповъ, гдѣ предѣльный возрастъ установленъ въ 12 лѣтъ. Данія и Испанія допускаютъ также къ фабричной работѣ дѣтей, начиная съ десятилѣтняго возраста, а Италія даже съ девятилѣтняго.

Въ остальныхъ государствахъ, какъ-то: во Франціи, Германіи, Австріи, Швеціи и Норвегіи установленъ, такъ же какъ и въ Россіи, предѣльный возрастъ въ 12 лѣтъ для поступленія на фабрику; исключеніе составляетъ одна лишь Швейцарія, которая подняла этотъ предѣлъ до 14-ти лѣтняго возраста.

Ночная работа запрещена въ Россіи *во всѣхъ производствахъ* для дѣтей, недостигшихъ 15-ти лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ, именно въ группѣ фабрикъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества (Textilindustrie), т. е. въ группѣ, въ которой всюду, какъ у насъ, такъ и заграницей, пользуются всего болѣе работой дѣтей и подростковъ, и въ которой вообще всего чаще практикуется именно ночная работа, таковая не разрѣшается до 17 лѣтняго возраста лицамъ обоего пола, причемъ ночью считается время между 9 часами вечера и 5 часами утра. Въ Даніи такая работа запрещена лишь до 14 лѣтъ. Въ Испаніи ночная работа запрещена лишь до 15 лѣтъ мальчикамъ и до 17 лѣтъ дѣвочкамъ; даже во Франціи ночная работа запрещена мальчикамъ лишь до 16 лѣтъ, а въ Италіи она дозволяется—horribile dictu—съ 11 лѣтняго возраста.

Кромѣ того русскимъ фабричнымъ дѣтямъ законъ предоставляетъ въ годъ minimum семьдесять два дня отдыха въ году, считая тутъ 52 воскресныхъ дня. Въ остальные дни малолѣтніе не могутъ быть занимаемы работой болѣе восьми часовъ въ сутки (иногда и девяти); при этомъ работа не должна продолжаться долѣе *четырехъ часовъ сряду*. Женская фабричная работа въ Россіи также не дозволена ночью (съ 1886 года) во всѣхъ фабрикахъ, гдѣ искони женскій трудъ находилъ себѣ наибольшее примѣненіе, именно на фабрикахъ полотняныхъ, шерстяныхъ, хлопчатобумажныхъ, льнопрядильныхъ, джутовыхъ и изготовляющихъ смѣшанныя ткани. Подобнаго запрещенія не существуетъ до сихъ поръ ни въ одномъ фабричномъ законодательствѣ европейскихъ странъ, кромѣ Англіи и отчасти Франціи, гдѣ, впрочемъ, женщины, начиная съ 21 года, уже могутъ участвовать въ ночной фабричной работѣ.

Кромѣ особенностей своей организаціи женщина не должна участвовать въ ночной работѣ также и потому, что всѣ мастерскія нашихъ фабрикъ сами по себѣ устроены крайне нецѣлесообразно и негигіенично. Если бы этотъ послѣдній моментъ могъ быть устраненъ

соотвѣтствующими санитарными узаконеніями, которыя у насъ совершенно отсутствуютъ, то тогда вопросъ о ночной работѣ, какъ имѣющій весьма сложное экономическое и соціальное значеніе, могъ бы быть разрѣшенъ гигіеной въ нѣсколько иномъ болѣе толерантномъ духѣ. При хорошемъ устройствѣ мастерскихъ, хорошей въ нихъ вентиляціи, хорошемъ освѣщеніи, ночная работа въ нихъ могла бы быть запрещена лишь для слабыхъ женщинъ, для беременныхъ, недавно родившихъ и кормящихъ грудью. Если промышленнику дается разрѣшеніе запихивать на ночь въ маленькое помѣщеніе, бѣдное кислородомъ и переполненное угольной кислотой, кучу рабочихъ, то простая логика требуетъ признать, что подобное разрѣшеніе равносильно разрѣшенію на человѣкоубійство.

Вотъ краткій перечень тѣхъ техническихъ мѣръ, которыя, по предложенію д-ра Напіаса, должны быть примѣнены ко всѣмъ фабричнымъ заведеніямъ и особенно къ мастерскимъ, дабы ослабить вредное вліяніе производствъ на рабочихъ и дабы въ случаяхъ крайней необходимости въ нихъ могла совершаться и ночная работа не только мужчинъ, но и женщинъ. Всѣ помѣщенія, гдѣ совершается работа, должны содержаться въ чистотѣ, хорошо освѣщаться и провѣтриваться. Всѣ двигатели, трансмиссіи, передачи, приводы и пр. должны быть такъ ограждены, чтобы не представляли для рабочаго ни малѣйшей опасности. При началѣ и концѣ работы, ежедневно, полы въ мастерскихъ должны быть тщательно выметены. Потолокъ и стѣны обмываются по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Въ мастерскихъ, гдѣ имѣютъ дѣло съ органическими веществами, полъ долженъ быть непроницаемымъ, а стѣны покрыты масляной краской или стеклянной эмалью, или сдѣланы изъ стекла, глазированныхъ кирпичей и проч. По мѣрѣ надобности, полъ и стѣны такихъ помѣщеній дезинфицируются. Всѣ загнивающіе отбросы должны ежедневно по мѣрѣ накопленія вывозиться изъ заведенія. Атмосфера мастерскихъ должна быть свободна отъ всякихъ испареній, происходящихъ изъ выгребныхъ и помойныхъ ямъ, отхожихъ мѣстъ и тому подобнаго. Всѣ спуски помой въ городскую канализацію должны быть снабжены гидравлическимъ затворомъ, ежедневно и тщательно промываемымъ. Отхожія мѣста обильно снабжаются водой и устраиваются по разсчету одного на 20 лицъ. На каждаго рабочаго въ мастерской должно приходиться не менѣе 8 куб. метр. воздуха. Условія вентиляціи и освѣщенія опредѣляются особо и подробно. Въ случаяхъ, гдѣ воздухъ особенно подверженъ порчѣ вслѣдствіе условій производства, устраивается искусственная вентиляція съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждаго человѣка въ часъ доставлялось minimum 24 куб. метра чистаго воздуха. Пыль, вредные и ядовитыя газы и испаренія удаляются изъ мастерской тотчасъ по мѣрѣ ихъ образованія (здѣсь подробно приве-

дены техническіе пріемы для улавливанія пыли и разнаго рода испареній и ядовитыхъ газовъ). Во время перерыва работы для пріема пищи, никто не остается въ мастерскихъ, и все помѣщеніе энергично провѣтривается. Пріемъ пищи въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для работы, строго воспрещается. Хозяева предоставляютъ рабочимъ всѣ средства для поддержанія чистоты тѣла (умывальники, вода, мыло, полотенца и пр.).

Мы умышленно привели эти постановленія, чтобы показать, какъ далеки наши мастерскія отъ подобнаго рода требованій.

Вопросъ о максимальномъ рабочемъ днѣ для взрослаго работника отличается гораздо большей запутанностью и, конечно, не можетъ быть рѣшенъ такъ просто, какъ вопросъ о дѣтской работѣ и ночной работѣ женщинъ. Американская формула—восемь часовъ работать, восемь часовъ отдыхать и восемь часовъ спать, конечно, на первый взглядъ весьма не сложна, но на самомъ дѣлѣ, какъ всякая схема, она ведетъ ко многимъ недоразумѣніямъ. Если легко проконтролировать, сколько часовъ остается рабочій въ мастерской, то какъ учесть, что дѣлаетъ онъ, вернувшись домой, не принялся ли здѣсь онъ снова за работу, создавая такимъ образомъ опасную конкурренцію для тѣхъ, кто прямо изъ мастерской отправился на отдыхъ; какъ учесть время, которое работникъ долженъ спать, посвящать самообразованію и пр., и пр. Извѣстно, что даже въ фантастическомъ романѣ Э. Беллами подъ заглавіемъ «Черезъ сто лѣтъ» (Looking Backward) пылкая фантазія автора не справилась съ этимъ вопросомъ и онъ, рѣшая однимъ взмахомъ пера всѣ самыя сложныя задачи соціологіи и политической экономіи, обходитъ вопросъ о максимальномъ рабочемъ днѣ. Человѣческое общество представляетъ слишкомъ сложную машину и не всегда можно къ ней приложить формулу только на основаніи того, что она проста. Международное соглашеніе въ такомъ вопросѣ также, конечно, немыслимо, какъ немыслимо, напр., обязать европейскія державы держать у себя одинаковое количество солдатъ, вооруженныхъ одинаковыми ружьями, одинаковымъ порохомъ и пр. Во всякомъ случаѣ позволительно предположить, что до тѣхъ поръ пока конкурренція будетъ существовать въ дѣлахъ разрушенія, она не исчезнетъ и изъ той сферы дѣятельности человѣка, которая опредѣляется понятіемъ «промышленности».

Съ точки зрѣнія физіолога, восьмичасовая работа, конечно, была бы желательна. Силы человѣка, которыя онъ можетъ дать, работая на фабрикѣ, очевидно не безграничны и объемъ ихъ довольно свободно можетъ быть вычисленъ. Петенкоферъ и Фойтъ произвели такой опытъ. Они устроили герметическую стеклянную камеру, заключили въ нее крѣпкаго работника, кормили его смѣшанной пищей, привычной для него, и заставили вертѣть колесо, на которое наматывалась цѣпь, снаб-

женная тяжестью въ 25 кило. Вычитая изъ рабочаго дня время, потребное на отдыхъ и на пріемъ пищи, оказалось, что онъ проработалъ девять часовъ. Рабочій былъ взвѣшенъ передъ помѣщеніемъ въ камеру и при выходѣ изъ нея, пища была также взвѣшена и анализирована, а равно подвергнутъ былъ изслѣдованію и воздухъ камеры до входа туда рабочаго и по выходѣ. Не входя въ детальное описаніе опыта скажемъ, что въ результатѣ рабочій въ теченіи 9-ти часового трудового дня израсходовалъ въ формѣ угольной кислоты лишнихъ 192 грамма кислорода, противъ того, что онъ могъ поглотить въ теченіи того же періода времени. Это уже несомнѣнный дефицитъ и чтобы покрыть его, ему необходимо было потребить приблизительно 20% того запаса кислорода, который заключался во всемъ его организмѣ. Къ счастью, въ теченіи ночи и отдыха человѣкъ поглощаетъ больше кислорода, чѣмъ тратитъ его, но такъ какъ въ это время дыхательная функція не столь энергична, то онъ не успѣваетъ скопить нужнаго запаса для новаго рабочаго періода. Петенкоферъ и Фойтъ при этомъ полагаютъ, что ежедневная убыль кислорода не можетъ быть возмѣщена въ теченіи одной ночи, *если работа была слишкомъ утомительна.* Одинъ докторъ, опираясь на этотъ интересный опытъ, нарисовалъ даже кривую, которая наглядно показываетъ ежедневный дефицитъ организма при тяжелой работѣ. Дефицитъ этотъ ежедневно наростаетъ и нуженъ въ концѣ недѣли цѣлый день отдыха, чтобы наверстать всю потерю, не покрываемую даже ежедневнымъ спаньемъ. Однако эти опыты производились при опредѣленной и притомъ тяжелой работѣ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ фабричному работнику приходится расходовать меньше мышечной силы и гораздо больше вниманія. Кромѣ того при фабричной работѣ необходимо принять во вниманіе нездоровую обстановку большей части мастерскихъ и крайне плохой составъ въ нихъ воздуха. Вообще, пожалуй, можно принять, что 12-ти часовой трудъ на вольномъ воздухѣ, напр. подъ открытымъ небомъ, даже при затратѣ массы физическаго напряженія, все же не такъ вредитъ здоровью, какъ восьмичасовой трудъ, хотя и менѣе тяжелый, но въ душной и пыльной мастерской, переполненной ядовитыми испареніями. Затѣмъ далѣе необходимо принять во вниманіе, что работа одной и той же продолжительности становится тѣмъ утомительнѣе и опаснѣе, чѣмъ больше она требуетъ затраты мышечной энергіи, и чѣмъ менѣе она разнообразна.

Наконецъ, какъ учесть еще одинъ моментъ, именно, что при физическомъ переутомленіи человѣческій организмъ утрачиваетъ способность противодѣйствовать болѣзнетворнымъ вліяніямъ, напримѣръ, гораздо легче подвергается всевозможнымъ заразнымъ заболѣваніямъ. И несмотря на все это, многіе гигіенисты не рѣшаются установить никакой

точной нормы для продолжительности труда и становятся на сторону защитниковъ «свободы» работы для взрослыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ вопросъ такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о заработной платѣ, что всѣ самые раціональные взгляды могутъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и при извѣстномъ строѣ общества вмѣшательство въ этотъ вопросъ невозможно даже во имя науки, какъ невозможно во имя науки заставить фабрикантовъ платить рабочимъ за ихъ трудъ двойное или тройное вознагражденіе.

Весьма важно, чтобы техника и санитарія обратили вниманіе на тотъ вредъ, который сопряженъ съ нѣкоторыми фабричными работами, и на ту опасность, которая связана съ машинной работой. *Фрейсине* давно уже сказалъ, что на свѣтѣ не существуетъ здоровой фабричной работы; пародируя эту мысль, можно сказать, что на свѣтѣ нѣтъ и вполнѣ безопасныхъ машинъ, но натурально, что, даже признавая справедливость этихъ положеній, мы не приглашали-бы упразднить всѣ фабрики и замѣнить ручной работой машинную. Машину обвиняли въ томъ, что она сократила число рабочихъ на фабрикѣ и наплодила нищихъ, и нерѣдко рабочіе съ яростью ломали и коверкали какую-нибудь вновь изобрѣтенную машину, лишившую ихъ, якобы, куска хлѣба. Но такое разсужденіе слишкомъ близоруко. Машина, наоборотъ, содѣйствовала громадному расширенію производства и притянула на фабрику не только всѣхъ нищихъ, но и ихъ женъ и дѣтей. Въ этомъ и заключается ея главное зло. А потому задача гигіенической науки сводится не только къ удаленію дѣтей и женщинъ отъ опасной работы, но и къ возможному огражденію взрослыхъ рабочихъ отъ риска, сопряженнаго со всякой профессіональной работой. Во многихъ европейскихъ странахъ, въ видахъ удовлетворенія этой тенденціи, введено уже обязательное страхованіе фабричныхъ рабочихъ и примѣняется законъ объ отвѣтственности владѣльцевъ за увѣчья рабочихъ, кромѣ тѣхъ, конечно, случаевъ, гдѣ владѣлецъ *докажетъ* собственную вину пострадавшаго. Въ Германіи и Австріи уже въ ходу подобныя постановленія и, по слухамъ, и у насъ будетъ введено нѣчто аналогичное. Мы не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ анализъ австрійскаго и германскаго законовъ объ отвѣтственности, замѣтимъ лишь, что самыя высокія цѣны вознагражденія работника за потерянный глазъ, руку или ногу не освобождаютъ технико-санитарную науку отъ изысканія средствъ и пріемовъ, устраняющихъ, если возможно, совсѣмъ фабричный травматизмъ и обезвреживающихъ всѣ процессы фабричной работы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякія затраты въ этомъ направленіи имѣютъ полное оправданіе, ибо пониженіе въ стоимости продуктовъ промышленности никогда не должно совершаться на счетъ здоровья и жизни работниковъ. Оздоровленіе мастерской не только влечетъ за собою матеріальную выгоду, но и

нравственную. По этому поводу приведу одинъ анекдотъ, который разсказываетъ Напіасъ. У него былъ одинъ пріятель, который, начитавшись, вѣроятно, горячихъ филлипикъ Толстого противъ вина и куренія, очень любилъ разглагольствовать на тему о пьянствѣ среди рабочаго сословія. Напрасно Напіасъ возражалъ ему, что человѣкъ, который провелъ цѣлый день въ душной атмосферѣ мастерской и страшно усталъ отъ работы, тѣмъ охотнѣе заходитъ по выходѣ съ фабрики въ кабакъ, чѣмъ меньше онъ имѣетъ основаній спѣшить въ свою убогую, грязную конуру. Но другъ Напіса не хотѣлъ ничего слушать и продолжалъ громить патологическую черту пристрастія рабочаго къ кабаку. Онъ приводилъ въ примѣръ самого себя, который ни послѣ самыхъ тяжелыхъ переходовъ на охотѣ, ни послѣ экскурсій въ Швейцаріи въ качествѣ члена альпійскаго клуба, никогда не поддавался желанію подкрѣпить себя рюмкой водки и всегда довольствовался простымъ глоткомъ воды. По его мнѣнію, все зло можно было-бы отлично искоренить немедленнымъ и повсемѣстнымъ закрытіемъ всѣхъ кабаковъ. Однажды Напіасъ, который былъ въ то время фабричнымъ инспекторомъ въ Парижѣ, пригласилъ своего пріятеля осмотрѣть съ нимъ вмѣстѣ одно большое промышленное заведеніе, съ которымъ тотъ давно хотѣлъ ознакомиться. Осмотръ продолжался битыхъ два часа, и пріятели вышли съ фабрики усталые, мокрые отъ пота, покрытые пылью, съ пересохшимъ горломъ и противнымъ вкусомъ во рту. Тогда философъ, ярый апостолъ воздержанія, вдругъ схватилъ Напіаса за руку и повлекъ его въ café, виднѣвшійся на другомъ концѣ улицѣ, и здѣсь передохнулъ и отдышался, только выпивъ залпомъ цѣлую кружку холоднаго пива.

Упомянувъ о пыли, я позволю сказать нѣсколько словъ объ этомъ вредномъ моментѣ, который играетъ такую роль въ огромномъ большинствѣ профессій. Пылевыя частицы, или въ силу присущихъ имъ токсическихъ свойствъ, или просто въ качествѣ инородныхъ тѣлъ, раздражаютъ, въ бо́льшей или меньшей степени, всѣ слизистыя оболочки и, нарушая ихъ цѣлость, открываютъ какъ-бы ворота для входа въ организмъ другихъ болѣе тяжелыхъ заболѣваній. Гигіеническая наука, путемъ точныхъ статистическихъ цифръ, установила крайне частое появленіе чахотки среди рабочихъ пылевыхъ профессій. Точильщики иголъ, рабочіе, шлифующіе жернова и напильники, даютъ на всякую сотню больныхъ чуть-ли не 80 чахоточныхъ и никакой кохинъ, впрыскиваемый этимъ людямъ, хотя-бы ежедневно, не предохранитъ ихъ отъ этого заболѣванія и не вырветъ ни одну жертву изъ рукъ неумолимой смерти. Пыль растительнаго и животнаго происхожденія обыкновенно не приноситъ такого вреда, какъ пыль минеральная. Изъ животныхъ сортовъ пыли щетина (щеточники), повидимому, даетъ наиболѣе тяжкія послѣдствія. Работы англійскихъ статистиковъ съ убѣдительной

ясностью показали, что производство, въ которомъ введены пріемы, устраняющіе поглощеніе пыли, экономизируетъ жизнь и здоровье рабочихъ. Оказывается, напримѣръ, что точильщики иголъ мокрымъ путемъ, т. е. при томъ условіи, что пыль увлекается водой, живутъ чуть-ли не вдвое дольше, чѣмъ точильщики сухимъ путемъ—безъ помощи воды. Такихъ примѣровъ можно было-бы привести десятки.

Но даже и самое идеальное устройство мастерскихъ, и самые усовершенствованные технико-санитарные пріемы производства не спасутъ рабочаго и не дадутъ ему долгой и счастливой жизни, если по выходѣ изъ фабрики онъ будетъ возвращаться отдыхать и спать въ свое нездоровое логовище, которое называется жилищемъ бѣдняка 19 столѣтія.

Переполненіе промышленныхъ центровъ фабричнымъ пролетаріемъ достигло въ послѣднее время невѣроятно колоссальныхъ размѣровъ, и хотя санитарная наука выработала уже много лѣтъ назадъ наилучшія формы для реализаціи нормальнаго рабочаго жилища, ни одна страна міра не можетъ похвастаться до сихъ поръ, что ея рабочій имѣетъ сносное и удовлетворительное жилье. Кому неизвѣстно, какъ переполнены и тѣсны квартиры бѣдняковъ, какъ онѣ грязны, какъ много въ нихъ дѣтей, и какъ мало въ нихъ воздуха и солнечнаго свѣта. Всѣ самыя отвратительныя постройки города, всѣ его подвалы, въ которыхъ хорошій хозяинъ не станетъ хранить своихъ дровъ, идутъ на удовлетвореніе квартирныхъ нуждъ бѣднаго городского населенія. Владѣльцы разныхъ «вяземскихъ лавръ» не имѣютъ нужды реставрировать свои жалкія лачуги, которыя и въ этомъ видѣ приносятъ имъ наилучшій доходъ. Съ другой стороны спекуляторы воздвигаютъ спеціальные дома съ квартирами для рабочихъ, причемъ правила гигіены также смѣло попираются, какъ и правила архитектурнаго и строительнаго искусства. Промышленные центры Франціи, Англіи и Германіи полны этими домами съ заманчивыми вывѣсками: «Logements de nuits», «Logements garnis», «Commonloging Houses», «Logirhäuser» и пр.

Въ одномъ Парижѣ считается не менѣе 30,000 семей, состоящихъ изъ 5—6 человѣкъ, которые проживаютъ въ одной комнатѣ и пользуются на всѣхъ одной кроватью. Ужасы лондонской нищеты, съ точки зрѣнія квартирнаго вопроса, несмотря на всѣ громадныя, притомъ, усилія частной благотворительности, превосходятъ всякое описаніе. Въ Ирландіи и въ Соединенныхъ Штатахъ дѣло идетъ не многимъ лучше. Въ Берлинѣ еще въ 1880 году въ подвалахъ жило и размѣщалось до 100,000 человѣкъ (всего занято было 23,000 подваловъ); не менѣе 200,000 жителей спало по четверо и по пятеро въ одной комнатѣ и въ 3,230 квартирахъ не было печки. Однодневная перепись, произведенная въ Варшавѣ въ 1882 году, показала, что въ это время въ городѣ было 79,000 квартиръ и 310,000 комнатъ. Изъ числа этихъ квартиръ почти

половина состояла изъ одной комнаты, 23% изъ двухъ. На подвалы, сырые и холодные, приходится 15% жилыхъ помѣщеній, и живетъ въ нихъ до 60,000 человѣкъ. Въ 1890 году ничего изъ этого не перемѣнилось. Въ этихъ убѣжищахъ, гдѣ проживаетъ все фабричное населеніе города, зачастую не имѣется оконъ (2%), сквозь которыя могъ бы проникать въ нихъ дневной свѣтъ, нѣтъ очаговъ (4%). На одну комнату здѣсь приходится среднимъ числомъ по 4 жильца. Въ этихъ подземельяхъ ютится иногда по двѣ или по три семьи въ одной комнатѣ, безъ разбора пола и возраста жильцовъ. Число однокомнатныхъ квартиръ въ Варшавѣ ростетъ быстро. Въ 1868 году число одно и дву-комнатныхъ квартиръ было одинаковое, въ 1882 г. первыхъ уже вдвое больше, чѣмъ вторыхъ. Населеніе подваловъ увеличилось за это время вдесятеро, между тѣмъ какъ общее населеніе города только вдвое. Вліяніе переполненія жилищъ хорошо изучено гигіенистами. *Корози* даже высчиталъ, что средняя продолжительность жизни въ Буда-Пештѣ равняется

35 годамъ и 5 мѣсяцамъ въ квартирахъ, гдѣ по 2 живутъ на одну комнату;

33 годамъ и 2 мѣсяцамъ тамъ, гдѣ приходится отъ 2—5 человѣкъ на одну комнату;

31 годамъ и 11 мѣсяцамъ тамъ, гдѣ приходится отъ 5—10 челов. на 1 комнату.

30 годамъ и 6 мѣс. тамъ, гдѣ приходится болѣе 10 чел. на 1 комнату.

Въ Берлинѣ доказано, что, чѣмъ тѣснѣе живетъ населеніе, тѣмъ сильнѣе для даннаго квартала города и смертность.

Гигіенисты и филантропы пытались рѣшить рабочій квартирный вопросъ двумя способами. По первому способу воздвигаютъ цѣлые рабочіе кварталы съ казарменными помѣщеніями, напр. cité Napoléon въ Парижѣ, гдѣ при помощи правительства устроено 194 квартиры, въ которыхъ помѣщается до 500 жильцовъ. Опытъ, впрочемъ, давно убѣдилъ всѣхъ благотворителей, что подобныя квартиры занимаются обыкновенно не бѣдняками рабочими, а мелкими чиновниками, стариками, пенсіонерами и пр. Вдобавокъ, рабочіе не долюбливаютъ эти казармы, гдѣ личность жильца и его семьи третируются самымъ безпощаднымъ образомъ. Другой способъ состоитъ въ устройствѣ отдѣльнаго, хорошенькаго домика, который къ тому же со временемъ могъ бы сдѣлаться собственностью своего жильца. Въ 1835 г. Андрей Кехлинъ выстроилъ возлѣ своей фабрики въ Мюльгаузенѣ 36 домиковъ, состоящихъ изъ 2 комнатъ, кухни, погреба, сарая и садика. Рабочій получалъ за умѣренную плату въ наемъ этотъ домикъ, подъ условіемъ самолично обрабатывать свой садъ, посылать дѣтей въ школу, откладывать еженедѣльно небольшое сбереженіе въ сберегательную кассу и вносить 15 сантимовъ въ больничную кассу. Таково было возникновеніе знаменитаго мюль-

гаузеновскаго общества, извѣстнаго всякому образованному человѣку. Въ 1881 году общество имѣло уже 996 домиковъ, изъ коихъ 672 были вполнѣ оплачены рабочими и, слѣдовательно, пріобрѣтены ими въ собственность (рабочіе сдѣлали болѣе 3.800,000 р. взносовъ). Въ настоящее время число домиковъ доходитъ до 1,124, а число жильцевъ въ нихъ до 8,000 человѣкъ. На первомъ планѣ въ статутахъ общества стоитъ слѣдующее объявленіе: «удобство и чистота жилища—суть необходимыя условія для поддержанія нравственности среди рабочихъ. Кто послѣ продолжительной работы долженъ вернуться въ грязную жалкую трущобу, служащую ему жилищемъ, тотъ не въ состояніи будетъ найти въ ней нравственнаго и физическаго покоя. Онъ будетъ бѣгать такого дома, пойдетъ въ кабакъ, и этотъ путь неизбѣжно доведетъ его до нищеты. Постараемся же дать рабочимъ удобныя, веселыя, чистыя жилища, дадимъ имъ маленькіе садики, въ которыхъ они и ихъ семьи могли бы полезно и пріятно проводить время». На послѣдней парижской выставкѣ мюльгаузеновское общество выставило нѣсколько типовъ своихъ домиковъ, причемъ постройка каждаго двухъ-этажнаго домика и мѣста обходятся обществу въ 5,000 франковъ, а одно-этажнаго — въ 4,000 франковъ. Плата за наемъ не превышаетъ 7% стоимости дома, т. е. не болѣе 18—25 фр. въ мѣсяцъ. Продается домъ за ту же цѣну, въ какую онъ обошелся обществу и притомъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: при заключеніи контракта рабочій долженъ внести сразу 250—300 фр., затѣмъ ежемѣсячно платить отъ 18—25 фр., до тѣхъ поръ пока не погаситъ весь долгъ. Однако, въ послѣднее время не мало раздается голосовъ противъ подобнаго пріобрѣтенія въ собственность рабочихъ домиковъ, причемъ указываютъ прежде всего на то, что подобные домики располагаютъ къ скученности при увеличеніи числа членовъ семьи и при допущеніи въ нихъ постороннихъ квартирантовъ. Кромѣ того, послѣ смерти главы семьи домъ, пріобрѣтенный цѣною большихъ усилій, обыкновенно продается и зачастую переходитъ въ руки людей постороннихъ и спекуляторовъ. Говорятъ также, что рабочіе, превращаясь въ домовладѣльцевъ закабаляются на вѣки вѣчные къ данной фабрикѣ, которая эксплоатируетъ ихъ самымъ безобразнымъ способомъ. Сколь ни справедливы нѣкоторыя изъ этихъ утвержденій, все же мы полагаемъ, что русская промышленность сдѣлала бы большой шагъ впередъ, если бы перешла отъ теперешнихъ отвратительныхъ жилищъ своего работника хотя бы и къ такимъ домикамъ.

Примѣру Мюльгаузена послѣдовали многія страны Европы, и въ настоящее время сами французы въ этомъ отношеніи изрядно отстали отъ англичанъ. Англійское законодательство по этому вопросу весьма обстоятельно, и послѣдній актъ, относящійся къ 1885 году (Housing of the working classes Act), даетъ мѣстнымъ властямъ массу полномочій относительно приведенія въ порядокъ квартиръ для рабочихъ и пре-

доставляетъ имъ средства облегчать рабочимъ пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ для постройки на нихъ домовъ. Въ Германіи, только въ Баденѣ администрація облечена извѣстными полномочіями относительно надзора за квартирами бѣдняковъ. Большинство гигіенистовъ склоняется къ тому, что благополучно рѣшить проблему квартирнаго вопроса не могутъ ни сами рабочіе, ни правительственное вмѣшательство. Рабочая масса повсюду, кромѣ развѣ Англіи, далеко не обладаетъ способностью образовывать прочные союзы въ цѣляхъ самопомощи. Да и англійскіе, и американскіе рабочіе союзы мало подвинули практическое рѣшеніе квартирнаго вопроса. Вмѣшательство государства также не можетъ идти далеко въ этомъ дѣлѣ. Было бы также странно требовать отъ государства принять на себя функцію домовладѣльцевъ, какъ было бы странно желать, чтобы государство торговало хлѣбомъ и мясомъ, занималось промышленностью и земледѣліемъ. Такой большой авторитетъ, какъ французскій гигіенистъ *Рошаръ*, полагаетъ, что государство въ квартирномъ вопросѣ должно ограничиться ролью покровителя. Оно должно содѣйствовать и облегчать частную предпріимчивость, направленную въ эту сторону, но отнюдь не должно само принимать на себя эту роль. Его миссія должна ограничиться внесеніемъ свѣта въ эту область, необходимо организовать коммисіи, которыя бы обстоятельно обслѣдовали этотъ вопросъ. Желательно было бы, чтобы правительство приняло подъ свое покровительство всѣ подобныя строительныя общества, по аналогіи съ тѣмъ, какъ это дѣлается для желѣзнодорожныхъ предпріятій. Муниципалитеты съ своей стороны также должны облегчить всѣми силами задачу подобныхъ предпріятій. Несомнѣнно, что хозяйства большихъ и промышленныхъ городовъ должны быть заинтересованы въ этомъ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ государство. Такъ, напримѣръ, городъ могъ бы взять на себя не самую постройку домовъ для бѣдныхъ, а доставленіе за уменьшенную плату воды въ эти дома, устройство безвозмездно канализаціи, устройство хорошихъ улицъ, удобнаго сообщенія съ центромъ города и пр. Вообще разрѣшеніе всей проблемы квартирнаго вопроса Рошаръ видитъ въ ассоціаціи капиталистовъ и интеллигенціи. Такая ассоціація, вложивъ въ дѣло свои капиталы и знаніе, помимо всякой филантропіи, но игнорируя также и спекулятивныя цѣли, могла бы создать для бѣдняка XIX-го вѣка здоровое и дешевое жилище.

Идеи великаго французскаго гигіениста осуществлены въ послѣднее время en grand новымъ бельгійскимъ закономъ «о рабочихъ жилищахъ», утвержденнымъ недавно бельгійскимъ парламентомъ [1]) и выработаннымъ министромъ финансовъ Beernaert'омъ.

---

[1]) Самый текстъ новаго закона желающіе могутъ найти въ приложеніи за 1890 г. къ бельгійскому журналу «Le Mouvement hygiénique de Bruxelles».

Бельгійское правительство или вѣрнѣе новый законъ не является прямымъ покровителемъ въ своей странѣ различнымъ строительнымъ обществамъ, которыя имѣютъ цѣлью, помимо всякой спекуляціи и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ санитарной науки, воздвигать дома для рабочихъ, но онъ создаетъ промежуточную инстанцію между властью и этими обществами. Такая инстанція носитъ названіе особаго благотворительнаго комитета (comité de patronage). Задачею этихъ комитетовъ, учреждаемыхъ во всѣхъ округахъ, является содѣйствіе дѣятельности всякихъ предпринимателей, воздвигающихъ здоровое жилище для рабочихъ и перепродающихъ таковыя рабочимъ за наличныя деньги или въ разсрочку. Комитетъ обязанъ подробно изучать все, относящееся до гигіеническаго устройства жилищъ, занятыхъ рабочимъ классомъ, и санитарію той мѣстности, гдѣ находятся означенныя жилища. Въ то же время комитетъ содѣйствуетъ развитію среди рабочихъ кассъ взаимной помощи, ссудосберегательныхъ, больничныхъ, взаимнаго страхованія и пр. Такимъ образомъ самая широкая иниціатива предоставлена въ распоряженіе этихъ комитетовъ, и Европѣ предстоитъ ознакомиться на практикѣ съ дѣятельностью новаго гуманнаго учрежденія, которому, вѣроятно, суждено будетъ играть крупную роль въ общественномъ здравохраненіи конца 19-го столѣтія. Оставляя въ сторонѣ политическое значеніе этого учрежденія его нельзя не признать величайшимъ національнымъ актомъ филантропіи и общественной гигіены.

Къ сожалѣнію, фабричное законодательство большинства европейскихъ странъ почти не затрагиваетъ санитарныхъ вопросовъ. Даже берлинская конференція прошла мимо, обстоятельство, впрочемъ, и не удивительное, такъ какъ гигіенисты почти не принимали участія въ конгрессѣ, а экономисты не достаточно компетентны въ обсужденіи такого рода предметовъ, истинное значеніе коихъ для нихъ неясно. Ни бельгійскій фабричный законъ 13 декабря 1889 г., ни голландскій (5 мая 1889 года), ни австрійскій (21 мая 1884 года), ни итальянскій (11 февраля 1886 г.), ни наше юное фабричное законодательство не коснулись пока ни словомъ вопроса объ оздоровленіи производствъ и объ огражденіи рабочихъ отъ увѣчья. Датскій законъ 12 апрѣля 1889 г. ввелъ регламентацію огражденія отъ увѣчій, но игнорировалъ всѣ остальныя санитарныя мѣропріятія, которыя до сихъ поръ предписаны лишь нѣмецкимъ фабричнымъ законодательствомъ, англійскимъ, шведскимъ и швейцарскимъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ соотвѣтствующія постановленія не одинаковы для различныхъ штатовъ.

И только тогда, когда обстановка труда будетъ вполнѣ оздоровлена и, такъ сказать, очищена отъ окружающихъ ее вредныхъ моментовъ, только тогда можно будетъ согласиться съ Вольтеромъ, что трудъ удаляетъ отъ насъ три главныхъ зла: скуку, порокъ и нужду.

В. Святловскій.

ВЪ ВЕСЕННЮЮ НОЧЬ.

Дышетъ тайной небесная высь;
Надъ рѣкою туманы бѣлѣютъ...
Чьи-то тѣни съ земли поднялись
И задумчиво въ воздухѣ рѣютъ...
Высокó надъ уснувшей землей
Смотритъ съ неба луна безучастно,
Холодна, какъ улыбка больной,
Какъ застывшая греза, прекрасна...
Тайно шепчутъ о чемъ-то кусты,
Тихо дышатъ уснувшія розы,
И неслышно родятся мечты
Въ этóмъ царствѣ истомы и грезы...

Л. Вечерній.

НОВЫЯ ВѢЯНІЯ.

РОМАНЪ

БЬЕРНСТЬЕРНА БЬЕРНСОНА.

Переводъ съ норвежскаго

М. В. Лучицкой.

---

3. Собраніе.

Какое-то особенное волненіе было замѣтно во всемъ старшемъ классѣ и слѣдующемъ за нимъ второмъ.

Рендаленъ также былъ пораженъ происшедшей перемѣной, хотя никакъ не могъ догадаться, въ чемъ дѣло. Онъ спросилъ, и ему разсказали все, какъ было. Это его очень позабавило; онъ далъ четыремъ дѣвушкамъ то знаменитое прозвище, о которомъ мы говорили выше, и предложилъ имъ устроить общество «ферейнъ». Конечно, онѣ уже собирались разъ въ недѣлю по вечерамъ у его матери и могли продолжать собираться тамъ; но было-бы гораздо лучше, если-бы онѣ взяли дѣло собраній въ свои руки, сами рѣшали, что читать или о чемъ имъ разсказывать и какіе вопросы слѣдуетъ обсуждать. Особенно послѣднее. У молодыхъ дѣвушекъ вертится всегда столько вопросовъ въ головѣ, фантазія ихъ такъ усиленно работаетъ; необходимо возможно раньше дать ей исходъ, дать имъ возможность свободно высказать свои мысли, преслѣдовать опредѣленные интересы.

Общество! Старшій классъ долженъ основать общество и сзывать членовъ его на засѣданіе! Можно будетъ приглашать подругъ изъ города, родственниковъ; и на этихъ собраніяхъ можно будетъ свободно говорить обо всемъ, чего онѣ только пожелаютъ, приглашать читать, кого онѣ хотятъ, заниматься музыкою; сами онѣ будутъ хозяевами, — онѣ, и никто другой. Онѣ могутъ выработать себѣ уставъ, избрать президента, секретарей, назначать штрафы!.. Какъ много фантазировалось

по поводу этого — не только въ одномъ старшемъ классѣ, но и во всѣхъ, включая и тѣхъ, гдѣ читали еще по складамъ и пѣли пѣсню про котика; что за оживленіе царило теперь надъ скамьями въ классѣ, шопотъ во время урока, громкіе возгласы во время перемѣнъ!

Когда какой-либо интересъ, не имѣющій ничего общаго съ уроками, овладѣваетъ школою, онъ можетъ привести въ отчаяніе учителей. Никто не учится, никто не слушаетъ, никто не соблюдаетъ порядка, никто ничего не помнитъ. Если вы желаете получить надлежащее понятіе о царившемъ въ классѣ потаенномъ волненіи, вы не должны становиться впереди, потому что тогда дѣвочки немедленно успокоятся; нѣтъ, слѣдуетъ стать позади и издали смотрѣть на косы. Можно подумать, что онѣ зажили настоящею самостоятельною жизнью. Онѣ танцуютъ, скачутъ, толкутся, разсыпаются по плечамъ; смѣшеніе ихъ цвѣтовъ, въ виду этого громаднаго смятенія, рѣжетъ глазъ, кажется невѣроятно комичнымъ. Всѣ эти русые, рыжіе, темнорусые волоса, рядомъ съ черными, изсиня-вороного цвѣта, одни блестящіе, точно ихъ кто покропилъ водою или напомадилъ, другіе матовые, всякаго рода бѣлокурые волоса, отъ золотистыхъ до пепельныхъ... однимъ словомъ, всѣ тѣ невозможные оттѣнки цвѣтовъ, которые свойственны переходному возрасту... Косы приходятъ въ азартъ, онѣ какъ-бы болтаютъ другъ съ другомъ, скачутъ; жизнь на спинѣ является вѣрнымъ отраженіемъ жизни впереди.

Въ первомъ засѣданіи «ферейна», такъ сказать учредительномъ, Нора была избрана президентомъ. Тинка свыклась съ тѣмъ, что всѣ трудныя занятія ложились непремѣнно на нее, и была заранѣе увѣрена, что ее выберутъ секретаремъ. Такъ и случилось; притомъ единогласно. Нора говорила, что это и лучше; она будетъ имѣть возможность сейчасъ-же пересылать протоколы засѣданій своему Фридриху. Правда, на первомъ-же засѣданіи было рѣшено, что пренія собраній будутъ сохраняться втайнѣ; но Тинка, вѣдь, была помолвлена.

Онѣ начали собираться безъ всякихъ правилъ; но Фридрихъ убѣждалъ ихъ изъ Христіаніи выработать поскорѣе точно опредѣленный уставъ. Онъ даже прислалъ имъ цѣлый проектъ устава съ штрафомъ за непосѣщеніе засѣданій, штрафомъ, если кто отказывался отъ возложеннаго на него дѣла, штрафомъ за всякаго рода безпорядки, штрафомъ за отказъ отъ подачи голоса. Но дѣвушки взглянули на это дѣло гораздо практичнѣе, — «дуракъ», такъ назвала его по этому случаю Тинка. Она съ Норою выработала потихоньку новый проектъ, переданный на обсужденіе ближайшаго засѣданія и возбудившій массу толковъ; молодыя дѣвицы не имѣли, повидимому, много понятія о томъ, что такое уставъ общества и какія въ немъ должны быть правила.

Въ городѣ устройство «ферейна» возбудило массу насмѣшекъ; нѣко-

торые нашли эту идею просто неприличною, другіе даже опасною. Но когда въ городъ пріѣхало драматическое товарищество и лучшее его представленіе совпало съ днемъ собранія «ферейна», а между тѣмъ многія изъ членовъ «ферейна», за малыми исключеніями, не пожелали пожертвовать засѣданіемъ для театра, тогда всѣ убѣдились, что ученицы дѣйствительно отъ души предались затѣянному Рендаленомъ дѣлу. Ихъ оставили въ покоѣ.

Вскорѣ въ правилахъ устава обнаружился крупный недостатокъ. Каждый могъ анонимно присылать на имя президента предложеніе подвергнуть обсужденію собранія тотъ или иной вопросъ. Предложеніе это подвергалось немедленно баллотировкѣ. Такимъ образомъ было прислано анонимное предложеніе обсуждать вопросъ о «безсмертіи»; при голосованіи за это предложеніе не было подано ни одного голоса, изъ чего можно было заключить, что и лицо, предложившее его, не находилось среди голосовавшихъ. Другое предложеніе гласило слѣдующее: «Почему мужчинамъ разрѣшено носить бороду?» — оно было написано тою-же рукою, что и предъидущее. Тогда кто-то изъ членовъ собранія предложилъ принимать во вниманіе только тѣ записки, которыя будутъ положены на столѣ президента во время самаго засѣданія. На это возразили, что тогда предложенія не будутъ анонимны; ну, это ужъ дѣло ловкости, замѣтили другія; предложеніе было принято.

Хотя пренія хранились въ глубокой тайнѣ, тѣмъ не менѣе въ городѣ увѣряли, что одна изъ молодыхъ дѣвицъ держала рѣчь о томъ, какъ ужасно со стороны мужчинъ, что они не соблюдаютъ обѣта невинности такъ-же строго, какъ женщины. Тогда Дузенъ сочинилъ свое знаменитое

Nora, Tora, ora pro nobis.

Но, что-бы тамъ ни разсказывали, а никто въ точности не зналъ, что обсуждали дѣвушки на своихъ засѣданіяхъ. Онѣ сговорились подтверждать все, что ни будутъ о нихъ сочинять, и строго придерживались этого саркастическаго образа дѣйствій.

Но никто не умѣлъ дразнить ихъ лучше консула Энгеля. Онъ скоро примирился съ генеральнымъ штабомъ, извинившись передъ ними черезъ посредство своей дочери. Торѣ онъ приподнесъ японскую шкатулку съ массою отдѣленій въ ней, причемъ въ самомъ маленькомъ изъ нихъ былъ положенъ прехорошенькій игольникъ. И чтобы окончательно уладить ссору, онъ устроилъ примирительный обѣдъ, на который Милла пригласила многихъ изъ своихъ подругъ. Онъ выписалъ товарнымъ поѣздомъ большой скорости громадную куклу, которую посадилъ въ видѣ украшенія на столѣ и затѣмъ торжественно преподнесъ всѣмъ четыремъ подругамъ; это было великолѣпно. Тинка надѣла самое крѣпкое свое платье; Тора была въ самомъ веселомъ расположеніи

духа и сидѣла рядомъ съ Миллою, болтая безъ конца, такъ что Милла должна была дергать ее за платье подъ столомъ, чтобы заставить замолчать; это разсмѣшило Тору, и она стала хохотать какъ сумашедшая. Нора выскочила изъ-за стола, когда принесли дессертъ, и запѣла пѣсню, которую консулъ еще не слышалъ. Онъ увѣрялъ потомъ, что никогда еще не веселился болѣе невиннымъ и пріятнымъ образомъ. Онъ не умѣлъ разговаривать съ ними иначе, какъ только поддразнивая ихъ, и больше всего, конечно, доставалось «ферейну». Онѣ смѣялись его шуткамъ, давали ему сдачу, но стояли твердо на своемъ. Женщины привыкли выслушивать насмѣшки надъ тѣмъ, что имъ дорого.

«Ферейнъ» представлялъ въ ихъ жизни новый элементъ; вскорѣ онъ получилъ для нихъ и бо́льшее значеніе. Но чтобы разсказать, какъ это случилось, мы должны вернуться назадъ къ одной особѣ, которая ждетъ насъ.

Анна Рогнъ не явилась въ школу въ понедѣльникъ, но Милла ждала ея прихода съ сильно бьющимся сердцемъ, чувствуя угрызенія совѣсти за случившееся. Тотчасъ послѣ окончанія уроковъ Милла заѣхала къ ней въ экипажѣ, но Анна оказалась больною; ея тетка любезно встрѣтила ее, увѣряя, что лучше всего не тревожить Анны. На слѣдующій день Милла опять пришла и спросила, не можетъ ли она увидѣть больную. Анна и она начали читать вмѣстѣ *Fabiola*; нельзя ли ей почитать Аннѣ вслухъ продолженіе? Маленькая Анна извинилась; тетки ея любезно улыбнулись, — и Милла ушла.

Три недѣли Анна не ходила въ школу. Два раза еще Милла навѣщала больную, но всякій разъ ее не допускали къ ней. Она и перестала ходить.

Анна не была больна; она откровенно разсказала теткамъ, въ чемъ дѣло; она была обманута и унижена; да, болѣе того, она была ограблена. Что она подразумѣвала подъ этими послѣдними словами—нельзя было отъ нея добиться; она не могла сказать. Она должна остаться совершенно, совершенно, совершенно одной. Тетки ея слышали, какъ она по цѣлымъ днямъ ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, — иногда также и по ночамъ; онѣ страшно боялись за нее, но исполняли всѣ ея желанія.

Каждый разъ, когда онѣ сходились на молитву и чтеніе священнаго писанія, онѣ звали ее,—но она не приходила. Увидѣвъ ихъ возраставшее удивленіе и огорченіе, она не выдержала и разразилась самыми горькими жалобами: *тутъ-то* она и потерпѣла наибольшую потерю, потому что все, что у нея было самого дорогого, она дѣлила съ Миллою. Не было псалма, молитвы, любимыхъ мѣстъ въ библіи, которыя онѣ не перечитывали бы вдвоемъ сотни разъ; онѣ составляли для нея такія же дорогія воспоминанія, какъ кольца для помолвленныхъ, по-

дарки, которыми обмѣниваются любящіе другъ друга, она не хотѣла больше видѣть ихъ, слушать ихъ, думать о нихъ!

Она не плакала, во всякомъ случаѣ, если и плакала, то такъ, что никто не видѣлъ; у маленькой Анны было много воли. Она вспоминала о томъ, что было, какъ врагъ вспоминаетъ о врагѣ. Она ненавидѣла ту, другую; она презирала себя. Ея заблужденіе, ея самообманъ до той минуты въ воскресенье, когда она стояла передъ запертою дверью Миллы и слышала, какъ подруги смѣялись въ ея комнатѣ, можно-ли представить себѣ что нибудь болѣе комичнаго? Глубоко-серьезное значеніе, которое она придавала ихъ дружбѣ, глубокая внутренняя сила, которую она приписывала этой дѣвушкѣ, при мысли объ этомъ, ее охватывало мучительное чувство стыда. А между тѣмъ она не могла не думать объ этомъ, постоянно и постоянно. Она принудила себя сознаться во всѣхъ своихъ мысляхъ и чувствахъ теткамъ; она заставила себя прослѣдить ихъ до самыхъ первичныхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ. Это было трудно, но это ее успокоило.

Она нѣсколько оправилась, — начала выѣзжать, дѣлать длинныя одинокія прогулки и, наконецъ, заниматься. Черезъ три недѣли она явилась въ школу, нѣсколько болѣе блѣдная и худая, чѣмъ обыкновенно; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, повидимому, совершенно такая-же, какъ и прежде.

Она не сѣла на свое прежнее мѣсто, но была любезна со всѣми, а также и съ Миллою. Послѣдняя не пробовала вступать съ нею въ объясненіе; но Тора попыталась было сдѣлать это, быть можетъ, безъ вѣдома Миллы. Анна выслушала ее и попросила дать нѣсколько ниточекъ желтой бумаги: она вернетъ ихъ ей черезъ нѣсколько дней.

Анна не пропускала ни одного засѣданія «ферейна»; они, повидимому, сильно интересовали ее; но дѣятельнаго участія въ нихъ она не принимала.

Около Рождества Рендалена пригласили — по предложенію Норы — прочесть лекцію о *предшественникахъ* Генриха Ибсена; онъ отказался, но попросилъ, чтобы ему разрѣшили прочесть вмѣсто этого нѣсколько словъ о родовой отвѣтственности; онъ говорилъ, что эта идея, будучи разработанною и перечувствованною, создастъ цѣлый рядъ новыхъ нравственныхъ правилъ; да, что она во многомъ произведетъ настоящій переворотъ. Это возбудило интересъ; всѣ радовались случаю услышать такъ много новаго, занимательнаго, ожидали спокойнаго, цѣльнаго изложенія, — и получили урывчатую, но бурную импровизацію. Молодыя дѣвушки сидѣли испуганныя столько же его словами, сколько волненіемъ. Онъ вскричалъ наконецъ, что тѣ, кто передаетъ наслѣдственныя болѣзни своимъ дѣтямъ, тѣ, напр., у которыхъ сумашествіе въ роду, и которые тѣмъ не менѣе позволяютъ себѣ вступать въ бракъ,

*

тѣ, которые, истощенные всякаго рода излишествами, производятъ на свѣтъ дѣтей; тѣ, которые ради денегъ женятся или выходятъ замужъ за сумашедшихъ или больныхъ и имѣютъ отъ нихъ дѣтей, хуже, чѣмъ величайшіе въ свѣтѣ негодяи, хуже, чѣмъ воры, фальшивые монетчики, разбойники, убійцы, и т. д. въ такомъ родѣ.

Что нибудь, повидимому, случилось; г-жа Рендаленъ уже нѣсколько дней ходила съ красными отъ слезъ глазами, а самъ онъ уѣзжалъ изъ дому, должно быть, въ Христіанію.

По окончаніи его лекціи Анна подошла къ нему и поблагодарила съ свойственной ей претенціозной манерой. Когда онъ ушелъ, она заявила, что никогда не слышала ничего лучшаго. Только одно лицо согласилось съ ней — миссъ Голль; другія ничего не говорили; водворилось долгое, непріятное молчаніе. Наконецъ одна изъ молодыхъ дѣвушекъ замѣтила, что рѣчь была ужасно рѣзка. На это маленькая Анна отвѣтила, что нужно же наконецъ сказать такое слово, которое подѣйствовало бы возбуждающимъ, оживляющимъ образомъ, а то все у нихъ обращается въ «забаву», — это вошло уже въ привычку въ собраніяхъ ихъ «ферейна». Слова ея не понравились многимъ; Нора была непріятно поражена ими и спросила, не захочетъ ли сама Анна принять дѣятельное участіе въ ихъ собраніяхъ и внесть въ нихъ что-нибудь болѣе серьезное. Анна покраснѣла, но къ общему удивленію отвѣтила: да, она попробуетъ.

Она исчезла изъ школы на нѣсколько дней; но въ послѣднее засѣданіе передъ Рождествомъ заявила о своемъ намѣреніи держать рѣчь въ собраніи. Она попросила присутствовать на этой рѣчи г. и г-жу Рендаленъ и Карла Вангена; она желаетъ, чтобы свѣтъ ея озарилъ всѣхъ,— смѣялись подруги. Приглашенные, конечно, явились.

Маленькая Анна казалась очень взволнованною, когда взошла на каѳедру; руки ея дрожали, когда ея худые, блѣдные пальцы перелистывали лежавшую передъ нею тетрадь и оправляли подсвѣчники.

Она начала говорить тихимъ, ровнымъ голосомъ; ея большіе глаза рѣдко подымались; когда это случалось, они глядѣли такъ многозначительно, что дѣйствовали раздражающимъ образомъ. Свою рѣчь она читала съ тетради, не прибавляя ни одного новаго слова.

«Женщины не такъ много работаютъ надъ собою, какъ онѣ стараются показать мужчинамъ. Онѣ не прилагаютъ никакихъ стараній, чтобы избавиться отъ недостатковъ, которые были привиты имъ въ другія, болѣе печальныя, времена. Сегодня вечеромъ я упомяну только объ одномъ изъ этихъ недостатковъ — о лжи».

«Какъ болѣе слабая сторона, женщина привыкла лгать. Но теперь она находится въ совершенно иномъ, болѣе самостоятельномъ положеніи и не нуждается больше въ лжи».

«Когда женщина старается выказать себя кроткою, набожною, скромною, любезною передъ посторонними, какъ только посторонній покажется въ виду,— она лжетъ. Она лжетъ и тогда, когда, находя неудобнымъ для себя идти по прямому пути, вывертывается, отыскиваетъ какую-нибудь обходную дорогу; то придумываетъ какой-нибудь не существующій предлогъ, то представляется. Какъ только она должна сдѣлать что-нибудь, что ей не нравится, у нея тотчасъ болитъ голова; если приходитъ къ ней лицо, котораго она вовсе не желаетъ видѣть, она заявляетъ, что ея нѣтъ дома, хотя она въ это время преспокойно сидитъ въ гостиной. Она нисколько не стѣсняется тѣмъ, что ей приходится для этого употреблять свою служанку, свою дочь, своихъ подругъ и заставлять ихъ лгать за нее, когда она сама не можетъ.»

«Нѣкоторыя дамы — я должна была бы сказать многія — до такой степени привыкли ссылаться на несуществующія причины и не обращать вниманія на настоящія, до такой степени привыкли вообще выдумывать, что онѣ продолжаютъ дѣлать это даже тогда, когда это оказывается совершенно излишнимъ; онѣ какъ бы кокетничаютъ своею лживостью».

«Это было бы еще ничего, если бы онѣ вели себя такимъ образомъ только относительно людей, но онѣ ведутъ себя такимъ же образомъ и относительно Бога. Приведу слова одного извѣстнаго писателя. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: думаютъ обыкновенно, что женщины глубоко религіозны, что религія составляетъ ихъ важнѣйшій духовный интересъ. Но, когда сто, двѣсти дамъ увлекаются однимъ и тѣмъ же моднымъ священникомъ, возникаетъ невольно подозрѣніе, что тутъ что-то не ладно. Нѣтъ ничего легче, какъ вмѣсто того, чтобы думать,— воспринимать на вѣру слова и мысли другого; но еще легче перейти отъ этого къ поклоненію этому другому, къ обожанію, а самое легкое — это дѣлать видъ, что обожаешь его вмѣстѣ съ другими, чтобы не отставать отъ моды».

«Вѣра, отказавшаяся отъ своихъ земныхъ идеаловъ и возносящаяся вся къ небу, не можетъ встрѣтить у нихъ такого благопріятнаго пріема, какъ издаваемые священникомъ законы. Отъ нея остается чаще всего только одно неопредѣленное стремленіе».

«Много есть женщинъ предусмотрительныхъ, рачительныхъ, которыя кладутъ всю свою душу только на то, чтобы обезпечить себя и своихъ. Интересно знать, что сказалъ бы на это Господь Богъ»?

Она продолжала цитировать, и многія изъ ея цитатъ возбуждали смѣхъ — особенно много смѣялся Карлъ Вангенъ. Затѣмъ она перешла къ участію женщинъ въ благотворительныхъ обществахъ, благотворительныхъ дѣлахъ, разсказала, какъ онѣ пользуются нуждою бѣдняковъ, чтобы устраивать веселые балы («въ пользу бѣдныхъ», какъ пишется на

афишахъ), всякаго рода наводненіями и пожарами, чтобы устраивать шумные базары, да, давать даже театральныя представленія,— какъ онѣ, наконецъ, даже въ такихъ обществахъ, какъ настоящее, забавляются всякаго рода великими вопросами, увлекаются тѣми или другими референтами; Анна говорила очень рѣзко,— молодежь всегда рѣзка, когда пускается въ критику.

Когда она кончила, она не сразу могла сообразить, что ей говорятъ; она ничего не отвѣчала или отвѣчала невпопадъ. Но мало-помалу она пришла въ себя,— и сейчасъ стала искать глазами Рендалена. Но его уже не было въ залѣ.

Это ее очень удивило. Она подошла къ г-жѣ Рендаленъ, чтобы узнать причину его ухода. Но начала съ того, что спросила, какого *она* мнѣнія о ея рѣчи.

— Да, голубка моя, ты, конечно, права; но я такъ боюсь, чтобы вы не начали всему придавать слишкомъ серьезное значеніе, гоняться исключительно за «серьезнымъ». Бѣдняжки, тогда-то вы и начнете настоящимъ образомъ лгать. Мало женщинъ въ состояніи предаваться исключительно «серьезнымъ» дѣламъ. Но притворяться, что онѣ заняты «серьезнымъ» дѣломъ, обольщать себя онѣ могутъ,— о Боже — да! Онѣ часто совершенно коверкаютъ себя,— въ томъ-то и горе!

Наконецъ Анна спросила медленно, осторожно:

— Почему ушелъ г. Рендаленъ?

— А Богъ его знаетъ! — она вздохнула, посмотрѣла на дверь, въ которую онъ исчезъ, встала и вышла.

Карлъ Вангенъ разговаривалъ съ Торою; замѣтивъ, что Анна стоитъ одна, онъ подошелъ къ ней и сказалъ, что нѣкоторыя изъ цитатъ «очень позабавили его», — онъ зналъ книгу. Карлъ Вангенъ чуть было самъ не сдѣлался моднымъ священникомъ, но счастливо избѣгнулъ этой опасности; онъ не могъ и теперь безъ страха вспоминать о ней. Анна знала объ этомъ отъ своихъ тетокъ, такъ что имѣла ключъ къ его словамъ: онъ говорилъ исключительно о религіозности женщинъ и не вполнѣ соглашался съ ней. Тогда она спросила его мнѣніе объ остальной части ея рѣчи.

— Я такъ мало знаю женщинъ въ другихъ отношеніяхъ, сказалъ онъ, слегка покраснѣвъ. Я не могу ничего вамъ сказать объ этомъ.

Какъ только старшіе ушли, все пришло въ волненіе, потому что дѣвушки были всѣ въ восторгѣ. «Маленькая Анна» была старшею изъ нихъ, хотя объ этомъ забывали вслѣдствіе ея отсталости въ физическомъ развитіи. Онѣ никогда не считали ее способною сказать такую рѣчь. «Какъ она хорошо говорила, какъ прекрасно! И это — одна изъ нашихъ».

Особенно пылко восхищались Нора и Тора.— «Да, это правда! Мы

лживы,— особенно въ мелочахъ, конечно! А какъ часто мы обращаемъ въ шутку серьезныя вещи,— о, нѣтъ! нужно исправиться, нужно вести себя иначе! Стыдно даже думать о томъ, какія мы».

Онѣ хотѣли всѣ провожать Анну домой,— да, всѣ. Обѣ тетушки Анны въ своихъ ночныхъ чепчикахъ были сильно напуганы, когда услышали подъ окнами шумъ многихъ шаговъ и возгласы: «спокойной ночи! спокойной ночи! спокойной ночи!», произнесенные двадцатью звонкими женскими голосами. А сама маленькая Анна? Она должна была выйти къ нимъ и разсказать, что случилось; но могла только выговорить одно, что онѣ «провожали ее». Она не была въ силахъ сказать ни слова болѣе; она находилась въ такомъ странномъ недоумѣніи. Рѣчь эту она написала кровью своего сердца; въ основаніе ея она положила весь свой горькій опытъ; она была вполнѣ увѣрена, что всѣ нападутъ на нее, будутъ бранить, осуждать,— а вмѣсто того, она слышала только благодарности и благодарности безъ конца, радостные возгласы, похвалы, похвалы и похвалы. Она лежала въ постели безъ сна, ворочаясь изъ стороны въ сторону. Было ли это отъ радости? Или отъ страху? Во всякомъ случаѣ, овладѣвшее ею чувство было далеко не изъ пріятныхъ. И многія другія маленькія головы провели эту ночь въ размышленіи. Стремленіе отнестись къ чему-нибудь серьезно, быть глубоко правдивымъ — должно же найти себѣ исходъ, иначе оно можетъ легко замереть, заглохнуть. И этотъ исходъ былъ найденъ! Милла въ горѣ; Милла не можетъ выѣзжать на вечера въ это Рождество: никто не поѣдетъ на вечера на Рождество; да, можете смѣяться, сколько хотите! но это было рѣшено единогласно; нельзя оставить подругу одну въ горѣ. Ни одна изъ «генеральнаго штаба» не будетъ танцовать въ эту зиму. Милла почувствовала себя глубоко польщенною этимъ участіемъ; но... Никакого но! Непоколебимое твердое рѣшеніе. Но это было не единственное; много другихъ проектовъ зародилось въ юныхъ умахъ.

Городская молодежь глубоко сожалѣла объ отсутствіи столькихъ молодыхъ дамъ на рождественскихъ празднествахъ, но пришлось мириться съ неотвратимымъ. Да, а онѣ радовались тому, что тѣ огорчались.

Но, какъ сказано выше, этимъ дѣло не ограничилось.

4. На лѣстницѣ.

Эта тѣсная дружба между тѣми, кто игралъ въ школѣ первенствующую роль и давалъ ей направленіе, это живое стремленіе къ знанію, къ самостоятельному мышленію, если и подавало поводъ для критики и возбуждало иногда насмѣшки, то служило, тѣмъ не менѣе, неопровер-

жимымъ доказательствомъ, что школа идетъ впередъ и попала на настоящую дорогу.

Въ городѣ были поражены интересными познаніями, обнаруженными дѣтьми относительно вещей понятныхъ для всѣхъ, относительно предметовъ первой необходимости; и все это, благодаря массѣ матеріаловъ, накопленныхъ въ школѣ, опытамъ, которые въ ней производились, всему новому строю преподаванія. По возвращеніи домой, дѣти постоянно разсказывали родителямъ что нибудь новое, интересное, выказывали большую любознательность, приставали съ просьбами купить имъ то или иное, необходимое для химическихъ или физическихъ опытовъ, микроскопъ, историческіе рисунки, которые изображали бы наглядно вѣрованія и образъ жизни давно прошедшаго времени. Нельзя было даже сравнивать между собою дѣвочекъ и мальчиковъ, если вопросъ шелъ о прилежаніи, любви къ занятіямъ и обширности свѣдѣній.

Всѣ дѣвочки съ увлеченіемъ занимались во время уроковъ; большія же собранія ихъ за столами на «завтракъ» въ 12 часовъ были у нихъ настоящими празднествами. А послѣ обѣда онѣ живо сбѣгали съ горы безъ книгъ, безъ всякихъ заботъ о завтрашнихъ урокахъ, свободныя, свободныя, свободныя...

Но никто не былъ такъ счастливъ, какъ тѣ, которые оставались тамъ наверху въ Годсетѣ, именно г-жа Рендаленъ и Карлъ Вангенъ. Когда г-жа Рендаленъ двигалась стремительно впередъ съ очками, надѣтыми нѣсколько криво на носу (привычка, которую она пріобрѣла въ недавнее время), тихонько мурлыча про себя своимъ немузыкальнымъ голосомъ, казалось, что встрѣчаешься на дорогѣ осенью съ большимъ возомъ сѣна, такою свѣжестью, здоровьемъ и силою несло отъ нея, и всѣ охотно сторонились, чтобы пропустить впередъ такой величественный, полезный предметъ. Ротъ у Карла Вангена былъ теперь постоянно до ушей; онъ не могъ никакъ подавить своей улыбки. Онъ буквально сіялъ, какъ только при немъ заговаривали о школѣ, и могъ до безконечнаго слушать и разсказывать о разныхъ мелкихъ подробностяхъ школьной жизни, находя ихъ необыкновенно оригинальными и интересными.

Одинъ *Томасъ* не подходилъ подъ общее настроеніе. Вообще съ нимъ всегда было трудно кашу варить, если подразумѣвать подъ этимъ откровенное, дружеское обращеніе съ окружающими, постоянно ровное, хорошее расположеніе духа. Онъ то гимнастировалъ съ длиннымъ Карломъ Вангеномъ внизу, въ аллеяхъ сада, или въ своей комнатѣ, забавляясь этимъ какъ мальчикъ, — заставлялъ его, напр., стоять передъ собою на четверенькахъ, а самъ прыгалъ черезъ него, — или ходилъ взадъ и впередъ, взадъ и впередъ, въ глубокомъ раздумьи, заложивъ руки въ карманы, такъ что голова кружилась при взглядѣ на него,—

или садился за фортепіано и игралъ по цѣлымъ часамъ,—или работалъ въ школѣ безъ отдыху; или погружался въ чтеніе новой книги и не терпѣлъ, чтобы прерывали его занятія,—или дѣлалъ безконечныя прогулки,—или читалъ молодымъ дѣвушкамъ и забавлялся вмѣстѣ съ ними, какъ товарищъ,—или не могъ выносить ихъ присутствія, не могъ выносить школы и всего, принадлежащаго къ ней. Мать читала тогда за него литературу, миссъ Голль химію и физику, Нора брала на себя уроки пѣнія; онъ не хотѣлъ, онъ не могъ. Затѣмъ онъ возвращался опять къ своимъ занятіямъ, болѣе веселымъ и оживленнымъ, чѣмъ когда-бы то ни было, и работалъ за двоихъ. Мать приписывала всѣ эти причуды тому, что онъ столько лѣтъ провелъ на полной свободѣ, безъ правильныхъ, опредѣленныхъ занятій.

Если у матери собиралось общество, онъ иногда совсѣмъ не показывался; другой разъ приходилъ и оживлялъ всѣхъ, или приходилъ и сидѣлъ молча. На всѣ обращенные къ нему вопросы отвѣчалъ только: «Да, конечно! Вы совершенно правы!»—уходилъ и больше не возвращался.

На всѣ его странные поступки смотрѣли подъ однимъ угломъ зрѣнія, съ точки зрѣнія геніальности,—было нѣчто геніальное въ Томасѣ Рендаленѣ.

Еще до отъѣзда въ Америку онъ открылъ учительницу исторіи;—онъ имѣлъ вообще слабость къ «открытіямъ». Звали ее Каренъ Лота и она занималась преподаваніемъ рукодѣлія, чистописанія и рисованія. Рендаленъ замѣтилъ, что она обладаетъ довольно обширными свѣдѣніями относительно различныхъ стилей въ искусствѣ и вскорѣ узналъ, что она имѣетъ и довольно значительныя познанія въ исторіи искусствъ. «Расширьте эти познанія, займитесь изученіемъ исторіи культуры!» Онъ постоянно и постоянно повторялъ ей это, не уставалъ давать ей этотъ совѣтъ. «У насъ въ Норвегіи культурно-историческія свѣдѣнія очень ничтожны, а одна только эта исторія имѣетъ значеніе для школы». Онъ въ это именно время началъ собирать свою большую коллекцію историческихъ рисунковъ и поддерживалъ этимъ ея интересъ. Онъ не переставалъ возбуждать его и во время своихъ путешествій, посылая ей книги и совѣты, руководя ея занятіями, а вернувшись домой, онъ взялъ на себя преподаваніе исторіи во всей школѣ, чтобы показать ей наглядно, чего собственно онъ желаетъ, къ чему стремится. Онъ старался изобразить развитіе человѣчества въ одной цѣльной, грандіозной картинѣ, въ которой одинъ фактъ вытекалъ непосредственно изъ другого, причемъ всѣ излагаемыя имъ свѣдѣнія иллюстрировались картами и рисунками; онъ излагалъ это вкратцѣ для маленькихъ, въ обширныхъ размѣрахъ для большихъ; прибѣгалъ къ подробностямъ только для характеристики извѣстныхъ явленій. Онъ преподавалъ одно-

стороннимъ образомъ, но необыкновенно ясно и картинно, такъ что получались ясныя историческія представленія. Каренъ Лоте была покорена, увлечена; оригинальность его личности, его мнѣній, его необыкновенный педагогическій талантъ, энергія, съ которою онъ всегда выражался, и которая заставляла собесѣдника думать, что только тотъ предметъ сосредоточиваетъ на себѣ все его вниманіе, который затрогивается въ данную минуту, — изысканный вкусъ, съ какимъ онъ одѣвался, его заботливое отношеніе къ своей внѣшности, даже легкій запахъ тонкихъ духовъ, который исходилъ всегда отъ него... талантливая, впечатлительная молодая дѣвушка въ свои двадцать шесть лѣтъ ни разу не встрѣчала никого, кто хотя бы немного походилъ на него, и вдобавокъ этотъ удивительный человѣкъ каждый день посвящалъ ей значительную часть своего времени, тщательно слѣдилъ за ея занятіями.

Непониманіе, которое онъ встрѣтилъ при началѣ своей дѣятельности, преслѣдованія, которымъ онъ подвергся послѣ этого, его страданія усилили ея чувство, довели его до обожанія, поклоненія. Но до этого никому не было дѣла.

Наконецъ, онъ взялъ въ свои руки управленіе школою. Онъ приходилъ къ ней въ классъ, присутствовалъ при ея урокахъ, — всякій разъ, когда у него улучалась свободная минута, онъ приходилъ и принималъ дѣятельное участіе въ преподаваніи,—или уходилъ, не сказавъ ей ни слова. Долгое время послѣ того не являлся, затѣмъ приходилъ опять каждый день, нѣсколько часовъ подъ рядъ занимался вмѣсто нея,—или расхаживалъ молча по классу, взадъ и впередъ, взадъ и вперядъ,—и затѣмъ, молча, уходилъ.

Передъ Рождествомъ Каренъ Лоте пришла къ г-жѣ Рендаленъ и заявила ей, что она не можетъ и дня больше оставаться въ школѣ.

Какъ только она слышала его шаги въ корридорѣ, она начинала дрожать; въ его присутствіи она не въ силахъ была разсказать самое простое историческое событіе, дать самое обыкновенное объясненіе.

— Но почему, почему?

— Онъ самымъ очевиднымъ образомъ выказываетъ ей презрѣніе!

Она разрыдалась.

— Презрѣніе?

— Да! Онъ или самымъ рѣзкимъ образомъ прерываетъ ее на полусловѣ и цѣлый часъ занимается вмѣсто нея, — или не находитъ ее достойною даже замѣчанія, поворачивается къ ней спиною, не кланяется, не приходитъ.

Неудержимый потокъ словъ лился изъ ея устъ.

Г-жа Рендаленъ созвала учительницъ и изложила имъ жалобы фрэкенъ Лоте, въ полной увѣренности, что это не болѣе, какъ самое удивительное недоразумѣніе.

Но учительница, занимавшаяся рисованіемъ вмѣсто фрэкенъ Лоте, стала увѣрять, что, если бы ей не приходилось поддерживать матери, она давно бы ушла; она не выносила его рѣзкихъ выговоровъ въ присутствіи дѣтей. Онъ былъ нестерпимый тиранъ; требовалъ, чтобы все дѣлалось именно такъ, какъ она хочетъ, а не иначе, даже въ мелочахъ. Онъ до такой степени разстроилъ ей нервы, что ее охватывала дрожь, какъ только она слышала его шаги въ корридорѣ. И она также заплакала.

Пораженная г-жа Рендаленъ обратилась поспѣшно къ другимъ: что же это такое? Учительницы языковъ, ея ученицы, которыя съ ея помощью довершили свое образованіе заграницею, должны были высказать свое мнѣніе. Да, онѣ заявили, что Рендаленъ навѣрное не имѣетъ самъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ «выговариваетъ» и что онъ ставитъ учительницъ въ неловкое положеніе, вмѣшиваясь въ ихъ преподаваніе, заставляя дѣтей замѣчать свое превосходство, — но, конечно, онъ весьма часто оскорбляетъ учительницъ своимъ поведеніемъ. Онъ такъ неровенъ, какъ съ учительницами, такъ и съ дѣтьми; никогда не относится одинаково къ однимъ и тѣмъ же самымъ случаямъ, а всегда, смотря по настроенію духа. По ихъ мнѣнію, къ которому присоединились и всѣ присутствующія, онъ совершенно неспособенъ играть роль начальника школы. Даже миссъ Голль, не имѣвшая никакихъ поводовъ жаловаться на него, согласилась съ этимъ.

Г-жа Рендаленъ попросила ихъ, Бога ради, подумать, что это онѣ говорятъ? Неужели онѣ желаютъ уничтожить школу? Она была сильно взволнована и заявила, что она, положимъ, можетъ принять на себя временно управленіе школою. Но онѣ не должны никому говорить объ этомъ. Она сказала это съ свойственною ей горячностью. Слушательницы ея испугались; начались трогательныя сцены; онѣ хвалили ея сына, одна за другою; если бы кто посторонній услышалъ ихъ, онъ бы подумалъ, что онѣ всѣ въ неописанномъ восторгѣ отъ Рендалена.

Наконецъ, онѣ пришли единогласно къ слѣдующему мнѣнію: выработать превосходный планъ школы по лучшимъ образцамъ своего времени и быть однимъ изъ самыхъ выдающихся преподавателей въ ней,— нѣчто иное, несравненно болѣе важное, чѣмъ быть хорошимъ начальникомъ школы. Мать согласилась съ ними, и онѣ стали утѣшать другъ друга, на сколько могли.

Но для Рендалена это было цѣлью жизни; разъ онъ утрачивалъ ее, онъ утрачивалъ все.

Съ тѣхъ поръ, какъ Августа сошла въ могилу, и онъ узналъ, что ему не стоитъ основывать собственной семьи, онъ рѣшилъ взять на себя въ будущемъ управленіе школою своей матери и сдѣлать изъ нея то, о чемъ она мечтала и чего никакъ не могла осуществить, — это замѣнило для него помолвку, женитьбу, семью. Онъ гордился этимъ. Цѣль

эта въ ранней юности поддерживала въ немъ энергію, заставляла его работать, сдерживать себя, свои порывы; она возбуждала горячее сочувствіе въ Карлѣ Вангенѣ, составляла постоянный предметъ разговоровъ Рендалена съ матерью, ея писемъ къ нему.

Конечно, ему приходилось весьма часто бороться съ собою, и при его необузданномъ характерѣ эта борьба не всегда кончалась удачно. Но при этомъ его каждый разъ охватывало глубокое чувство стыда предъ своимъ идеаломъ, которое доходило до ужаса, — того страшнаго ужаса, который испытывала его мать, когда носила его подъ своимъ сердцемъ. Она часто въ яркихъ краскахъ описывала ему пережитыя ею волненія, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ему приходилось переносить; это было ужасно. Это заставило его прибѣгать постоянно къ помощи матери, открывать ей свое сердце; онъ держался за эту откровенность, за это задушевное между ними отношеніе, какъ за якорь спасенія. Они оба всегда глубоко серьезно относились другъ къ другу; у нихъ была общая цѣль.

Быть можетъ, онъ швырнулъ бы за бортъ и мать, и свою цѣль жизни, и свой ужасъ, если бы его чувственныя страсти сосредоточились вокругъ одного предмета, потому что въ немъ была дикая энергія, которая въ этомъ случаѣ пришла-бы въ напряженіе и была-бы направлена на совершенно другое. Но благодаря врожденному, наслѣдственному безпокойному характеру, одно впечатлѣніе смѣнялось у него быстро другимъ; во время этого перехода имъ всякій разъ овладѣвалъ ужасъ, который все сильнѣе дѣйствовалъ на него, пока, наконецъ, совершенно не овладѣвалъ имъ. Его жизненная цѣль была спасена и сіяла опять передъ нимъ.

Когда онъ окончательно овладѣлъ собою, въ немъ развилась страсть къ умственнымъ отвлеченіямъ, стремленіе смотрѣть на все съ абстрактной точки зрѣнія. У него давно были задатки къ этому; это напоминало о пристрастіи его отца къ яркимъ образамъ, о его привычкѣ всегда разсказывать все въ преувеличенномъ видѣ.

Занятія его шли всегда форсированнымъ маршемъ; онъ никогда не занимался однимъ только предметомъ, а всегда нѣсколькими заразъ, которые находились, съ его точки зрѣнія, въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Если бы онъ не смотрѣлъ такимъ образомъ на свои экзамены, онъ никогда бы не выдержалъ ихъ; потому что, когда ему приходилось ихъ держать, онъ уже давно потерялъ всякій интересъ къ нимъ, и увлекался другими вопросами. Онъ мысленно былъ всегда далеко впереди того, чѣмъ занимался въ данную минуту; то, чѣмъ онъ занимался, представляло только одно звено въ цѣпи или одну часть обширнаго цѣлаго. Карлъ Вангенъ, видѣвшій, какъ онъ занимался, часто не вѣрилъ своимъ глазамъ,—столько могъ сдѣлать за короткое время этотъ человѣкъ, не-

смотря на всѣ свои странныя уклоненія. То же повторялось и въ его сношеніяхъ съ людьми: онъ часто какъ-бы не замѣчалъ ихъ, а между тѣмъ получалъ самыя оригинальныя впечатлѣнія.

Но всѣ эти впечатлѣнія располагались у него всегда въ извѣстномъ порядкѣ. Они оставались у него въ памяти въ образѣ картинъ и служили доказательствомъ справедливости занимавшей его въ данную минуту теоріи. Онъ видѣлъ образы, но не людей; идеи, но не вещи.

Пока ему приходилось обучать Каренъ Лоте своему историческому методу, она невѣроятно интересовала его; когда же она постигла, наконецъ, чего онъ хотѣлъ, его интересъ совершенно исчезъ. То же случилось и съ другими—за исключеніемъ миссъ Голль. Ея преподаваніе было совершенно новое; онъ напряженно слѣдилъ за послѣдствіями, къ какимъ оно должно привести, сначала въ умственномъ, а затѣмъ въ физическомъ отношеніи.

Но *его* собственная работа? Послѣ того какъ его многолѣтняя неутомимая погоня по всему свѣту за матеріалами и методомъ пришла къ концу; послѣ того какъ его школьный планъ, задуманный за годъ до того и тщательно выработанный въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, былъ пущенъ въ ходъ, но особенно послѣ того какъ встрѣченное имъ сначала рѣзкое сопротивленіе было благополучнымъ образомъ подавлено, — да, что же это такое? ему казалось, что возникло нѣчто новое, загораживавшее ему дорогу впередъ. Неужели онъ больше не *можетъ*? Неужели онъ больше не *хочетъ*? Неужели онъ потерялъ всякій интересъ къ своему дѣлу?

Всѣ окружающіе его люди радовались его успѣху; особенно трогательна была радость его матери. «Вотъ школа, о которой я мечтала, мой сынъ! Мой дорогой Томасъ!» — Онъ слышалъ это почти каждый день; онъ благодарилъ и цѣловалъ ее за это; ему пріятно было слушать ея слова. Но однако преподаваніе, его излюбленное дѣло, — да, онъ могъ и теперь напрягать всѣ свои силы, чтобы уяснить дѣтямъ непонятную вещь, заставить ихъ хорошенько запомнить руководящую нить, облегчить встрѣчающіяся имъ на пути затрудненія; ему попрежнему доставляло удовольствіе внушать новыя понятія на мѣсто старыхъ, сосредоточивать ихъ вниманіе на какомъ либо великомъ современномъ вопросѣ. Все, что было ново, представляло для него необыкновенный интересъ; онъ могъ съ безконечнымъ терпѣніемъ заниматься этимъ; но кромѣ этого ничто не интересовало его, — нѣтъ, ничто.

Онъ сознавалъ свои недостатки; они тѣмъ болѣе мучили его, что онъ любилъ постоянно копаться въ своемъ «я». Были минуты, когда онъ не выносилъ школы.

Тогда онъ чувствовалъ полную пустоту вокругъ себя,—ни жизненной цѣли, ни привязанностей, ни... онъ хотѣлъ было прибавить: любви,

но вспомнилъ, что у него есть мать и Карлъ Вангенъ; Карлъ его очень любилъ. Чувство, овладѣвшее имъ, было не чувство тоски по женѣ и семьѣ, о, конечно, нѣтъ; онъ-же не чувствовалъ никакого стремленія къ чему либо подобному.

Неужели это составляло его несчастье? То, что онъ не могъ полюбить. Когда онъ былъ ребенкомъ, онъ могъ, онъ любилъ.

Когда человѣкъ, размышляющій объ этихъ вопросахъ неотступно цѣлые дни, подвергается вдругъ вечеромъ нападенію своей матери, которая съ горькими слезами и жалобами заявляетъ ему, что учительницы не желаютъ имѣть его больше своимъ начальникомъ,—онъ никогда въ отвѣтъ на это не разразится гнѣвомъ, какъ при видѣ чего-то неожиданнаго. Томасъ остался сидѣть за фортепіано, за которымъ застала его мать. Онъ продолжалъ наигрывать однимъ пальцемъ мелодію, пока мать его долго и прерывисто разсказывала ему случившееся; онъ видѣлъ отчаяніе своей матери, это заставило его забыть свое горе. Онъ чувствовалъ, что ему здѣсь больше нечего дѣлать.

Онъ замѣтилъ тихо, что будетъ, быть можетъ, лучше всего, если *она* приметъ въ свои руки управленіе школою; онъ сказалъ это невольно, не размышляя о значеніи своихъ словъ. Она отвѣтила, что уже заявила имъ это. Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть. Она поспѣшила прибавить, что, конечно, онъ самъ будетъ наблюдать за выполненіемъ своего собственнаго плана. Она попросила его немедленно переговорить съ учительницами. Онъ никогда не разговаривалъ съ ними. Онѣ, конечно, не понимаютъ его; это только простое недоразумѣніе. Онъ оттолкнулъ ихъ отъ себя, потому что не выказывалъ имъ достаточно довѣрія, былъ часто неделикатенъ съ ними. Неужели онъ ихъ не любитъ?

Это было слишкомъ для Томаса; онъ бросился на фортепіано и заплакалъ, затѣмъ быстро всталъ, взялъ шляпу и пальто и вышелъ, несмотря на просьбы матери остаться и переговорить съ нимъ, какъ въ добрые старые дни. Онъ не могъ этого.

Потому что и въ поведеніи матери было нѣчто, обижавшее его, причинявшее ему боль. Когда онъ вернулся домой, она съ восторгомъ встрѣтила его; все, что онъ ни говорилъ, было справедливо,—но послѣ его рѣчи ею овладѣло сомнѣніе. Мало-по-малу сомнѣніе это, усиливаясь, дошло до того, что она послѣ всѣхъ его замѣчаній ставила вопросительный знакъ, а теперь, при первой жалобѣ учительницъ, отняла у него школу! Какъ могло это уживаться въ ней съ гордостью, какую она чувствовала при мысли о томъ, какъ хорошо онъ устроилъ школу, съ ея радостью по поводу того, какъ хорошо эта школа шла.

Конечно, она должна была чувствовать отъ времени до времени сомнѣнія; такой практическій умъ, какъ ея, не могъ принимать все на вѣру. Онъ не обвинялъ ее за это; онъ не могъ только выносить этого.

Случай съ учительницами былъ ужасенъ. По его мнѣнію, онѣ всѣ были замѣчательно хороши, конечно, ни одна такъ, какъ Каренъ Лоте,— иначе онъ никогда не обратилъ-бы на нее никакого вниманія.

Разъ могли въ такую дурную сторону перетолковать его поступки, значитъ въ его обращеніи съ людьми, въ его отношеніи къ нимъ было, въ сущности, что-то безобразное, безумное. Быть можетъ, отсюда то и вытекало то чувство пустоты и недовольство, которое онъ такъ часто ощущалъ?

Всѣ эти дѣвушки когда-то поклонялись ему, были привязаны къ нему. Онѣ и старшій классъ... Неужели и это былъ обманъ? Или это чувство уже прошло?

«Обожать», «поклоняться», — что значитъ это слово? Онъ съ презрѣніемъ отвернулся... А между тѣмъ это когда-то радовало его, вводило въ заблужденіе. Онъ опирался на это, какъ на каменную стѣну.

Нѣтъ; тотъ, кто хочетъ имѣть, долженъ давать. Тотъ, кто хочетъ быть любимымъ, долженъ любить. А онъ не могъ этого... такъ... какъ другіе любили, какъ онъ это видѣлъ.

Да въ этомъ не было ничего удивительнаго. Его родъ истощилъ всю свою способность любить. Чѣмъ же объяснить иначе то, что одни его члены за другими нарушали всѣ законы любви, законы вѣрности, попирали ногами общественное мнѣніе, заражали свою кровь, разрушая себя и свое потомство, — а также другихъ и ихъ потомство.

Онъ пошелъ влѣво, черезъ поле — по той самой дорогѣ, по которой проходилъ весною, послѣ своей рѣчи. Онъ вспомнилъ, съ какими радостными чувствами возвращался домой изъ Америки; какъ онъ мечталъ дать своимъ соотечественникамъ примѣръ, который озарилъ бы ихъ новымъ свѣтомъ, если бы они послѣдовали ему. Развѣ можно было придумать что нибудь лучше для маленькаго народа: напрягать всѣ свои силы для воспитанія своихъ дѣтей? вкладывать въ это великое дѣло всѣ свои сбереженія? Пусть большіе народы тратятъ свои деньги на арміи!

Онъ вспомнилъ, какъ онъ радовался тогда при мысли, что онъ этимъ искупаетъ прегрѣшенія своихъ предковъ. Такъ всегда и бываетъ на свѣтѣ. Сознаніе раньше всего пробуждается въ наиболѣе выдающихся, сильныхъ родахъ; онн инстинктивно чувствуютъ свои недостатки и стараются исправить ихъ примѣсью новой крови. Все хорошее и великое имѣетъ всегда своимъ источникомъ одинъ какой-либо родъ. Страстность его порождаетъ стремленіе къ лучшему, иному, это стремленіе ищетъ себѣ исхода въ работѣ, неустанномъ трудѣ, а въ результатѣ этого труда является какое-либо великое открытіе, причемъ энергія, присущая роду, помогаетъ ему сосредоточить вокругъ этого открытія лучшія силы.

Когда сотни молодыхъ голосовъ шумѣли въ школѣ, сотни пылкихъ головъ высказывались въ ней, сотни искрящихся глазъ устремлялись къ великой цѣли, которую онъ указалъ имъ; когда старшія ученицы, наэлектризованныя имъ, давали остальнымъ направленіе и шли впередъ съ его флагомъ въ рукѣ, — тогда онъ чувствовалъ съ гордостью, что это домъ *его рода*, въ которомъ идетъ эта работа будущаго, что онѣ продолжаютъ дѣло, начатое *его родомъ*. *Его родъ* олицетворялся въ школѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ основаніе всего была вложена и болѣзнь, присущая его роду. Въ немъ, въ строителѣ, сосредоточивались и разрушительныя силы; онъ не могъ ничего подѣлать съ этимъ. Въ немъ недоставало необходимой для этого дѣла выносливой любви, — талантомъ, рвеніемъ, честолюбіемъ, всѣмъ этимъ онъ обладалъ, но... Ему дано было все необходимое для войны, — ничего необходимаго для мира.

Когда онъ въ тотъ вечеръ послѣ рѣчи проходилъ по этой самой дорогѣ съ болью въ сердцѣ и со страхомъ, ахъ, съ такимъ больнымъ страхомъ, потому что его многолѣтняя увѣренность была поколеблена, — Карлъ слѣдовалъ за нимъ какъ вѣрная собачка, глядя на него своими добрыми глазами, молча... Онъ шелъ и теперь по тому самому мѣсту, съ тою только разницею, что теперь была зима и что онъ былъ одинъ; онъ устыдился бы общества другого. Чувство неувѣренности, тогда впервые испытанное имъ, — обратилось теперь въ увѣренность. Онъ не могъ идти дальше. О, Господи Боже, онъ не могъ. Онъ былъ болѣзнью въ школѣ.

Снѣгъ кучами возвышался вокругъ; на поляхъ онъ уже начиналъ таять и принималъ при лунномъ свѣтѣ странныя очертанія. Дорога была очень испорчена — глубокія колеи отъ телѣгъ, слѣды копытъ, кучи мелкихъ камешковъ; гдѣ снѣгъ растаялъ, тамъ было очень трудно ходить. Онъ чувствовалъ такую страшную усталость, душевную и тѣлесную, какую еще никогда не испытывалъ. Проходя мимо новаго кладбища, гдѣ лежали его отецъ и дѣдъ, и по другую сторону котораго бушевало море, онъ подумалъ вдругъ, что стоитъ на поворотѣ своей жизни, вверхъ или внизъ, а быть можетъ и то, и другое вмѣстѣ, — это можно было соединить, бросившись изъ оконъ замка внизъ.

Часы пробили двѣнадцать; какъ въ ночь послѣ рѣчи, онъ не хотѣлъ возвращаться домой, не будучи увѣреннымъ, что мать перестала его ждать; она обыкновенно ложилась между девятью и десятью. Но въ аллеѣ сада онъ замѣтилъ въ ея комнатѣ свѣтъ, а также въ комнатѣ Карла Вангена. Если бы онъ не былъ такъ страшно утомленъ, онъ бы повернулся и ушелъ. Теперь онъ только остановился.

Мать встрѣтила его въ корридорѣ со свѣчею въ рукѣ. «О, Боже, Томасъ, какъ ты меня испугалъ!» шепнула она.

Что она хотѣла этимъ сказать? Онъ взглянулъ на нее; бѣдняжка,

она казалась постарѣвшею по меньшей мѣрѣ на десять лѣтъ, такою заплаканною, взволнованною, печальною. Она начала: «Томасъ, поговоримъ». — «Нѣтъ, мама», — и онъ махнулъ рукою; — «я такъ страшно усталъ, о, такъ усталъ». — Онъ медленно прошелъ мимо ея комнаты во внутренній корридоръ, не сказавши спокойной ночи, не оглядываясь; она услышала его шаги по корридору, какъ онъ отворилъ дверь, затворилъ за собою и... заперъ на ключъ извнутри! Она всегда содрогалась при этомъ звукѣ, такъ много напоминалъ онъ ей! — Зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, зачѣмъ заперся? Казалось, онъ хотѣлъ возвесть между ними стѣну.

Зажигая свѣчу, онъ услышалъ, что Карлъ тихонько отворяетъ дверь изъ своей комнаты въ его. Поставивъ свѣчу на столикъ, Томасъ вышелъ за перегородку и увидалъ блѣдное, озобоченное лицо Карла, выглядывавшее изъ-за двери. Почему онъ и его мать сидѣли въ разныхъ комнатахъ? Конечно, для того, чтобы мать могла наединѣ переговорить съ сыномъ. Онъ готовъ былъ броситься на шею Карлу и зарыдать. Все, что онъ сдержалъ при видѣ матери, рвалось теперь наружу. Непоколебимое довѣріе Карла къ нему служило для него значительною опорою. Даже въ эту минуту довѣріе это не было нарушено; оно проглядывало изъ-за его безпокойства, точно свѣтъ, отражавшійся изъ-за двери на его головѣ и платьѣ, потому что пространство комнаты, раздѣлявшее ихъ, не было освѣщено. — «Нѣтъ, Карлъ, дорогой, не сегодня вечеромъ, я такъ усталъ, такъ усталъ». — Медленно, неслышно отступилъ Карлъ своими длинными ногами и заперъ за собою дверь, тихонько, тихонько.

Томасъ легъ немедленно въ постель, сейчасъ же заснулъ и проспалъ, не просыпаясь, до утра. Проснувшись, онъ тотчасъ всталъ и посмотрѣлъ на часы; было больше восьми.

Сознаніе долгаго, укрѣпляющаго сна прогнало вчерашнюю печаль, пробудившуюся было въ немъ. «Разъ я еще такъ силенъ, у меня не можетъ быть столько неодолимыхъ препятствій къ пути, какъ я думалъ вчера». Онъ вскочилъ. «Если эта дѣятельность не годится, я найду себѣ другую,—не можетъ же быть, чтобы всѣ пути къ дѣятельности были закрыты для меня». Онъ быстро одѣлся и рѣшилъ, что поѣдетъ на нѣсколько дней путешествовать. Ему хотѣлось обсудить хорошенько собственное положеніе, а для этого необходимо было быть одному. Это все, что услышала отъ него мать, когда подошла къ нему во время его завтрака. Онъ попросилъ ее передать поклонъ Карлу и уѣхалъ въ 10 часовъ.

Г-жа Рендаленъ была даже довольна этимъ. «Онъ такъ часто мѣняется, подумала она,—быть можетъ онъ вернется совершенно инымъ, чѣмъ уѣхалъ». Его основной, самый крупный недостатокъ, то, что онъ всегда говорилъ и дѣйствовалъ по данному настроенію, заставляло ее

всегда смотрѣть на него именно съ этой точки зрѣнія, ставить вопросительный знакъ ко всѣмъ его словамъ,—онъ это замѣтилъ и теперь.

Какъ онъ ненавидѣлъ это!

Но на этотъ разъ она ошиблась: онъ вернулся, не перемѣнившись ни на іоту; она замѣтила только, когда въ первый разъ разговаривала съ нимъ, что онъ нѣсколько озлобленъ противъ учительницъ; «неблагодарныя дуры», говорилъ онъ, «онъ научилъ ихъ всему, потратилъ на нихъ столько времени, далъ имъ столько новыхъ познаній, сколько могъ дать только такой человѣкъ, какъ онъ, такъ много путешествовавшій, наблюдавшій, занимавшійся! Онъ не желаетъ имѣть съ ними больше никакого дѣла»! Встрѣчаясь съ ними, онъ ихъ непріятно поражалъ своею изысканною вѣжливостью. Это забавляло его; онъ былъ даже жестокъ къ нимъ. Преподаваніемъ онъ занимался по прежнему,—за исключеніемъ пѣнія, которое перешло къ Норѣ; она была въ одно и то же время учительницей и ученицей. Онъ увѣрялъ, что у нея необыкновенный талантъ къ преподаванію.

Быть можетъ, онъ опять заинтересуется школою, если перемѣнить учительницъ, подумалъ Карлъ. Онъ заговорилъ объ этомъ съ г-жею Рендаленъ. Она рѣшила осторожно изслѣдовать почву и начала говорить Томасу объ обсерваторіи, которая была такъ скудно обставлена наверху въ башнѣ. У нея тогда не было денегъ. Но слѣдующимъ лѣтомъ она надѣется имѣть достаточно, чтобы исправить и пополнить ее. Какое его мнѣніе на этотъ счетъ?

«А Богъ знаетъ, гдѣ я буду тогда»! отвѣтилъ онъ и быстро ушелъ.

Что, если я переговорю съ учительницами, подумала его неутомимая мать, заставлю ихъ попросить у него прощенія? Она собрала ихъ за день до Рождества и разсказала имъ глубоко взволнованнымъ голосомъ, что изъ нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ ея сыномъ, она пришла къ заключенію, что онъ намѣренъ уѣхать.

На лицахъ всѣхъ выразился испугъ. Наконецъ, заговорила фрэкенъ Лоте, такъ какъ взоры всѣхъ обратились немедленно на нее. Она вовсе не имѣла этого въ виду,—она только хотѣла,—она не хотѣла сказать ничего дурного, но нервы ея были такъ разстроены. Она думала, что онъ недоволенъ ею. Учительница рисованія и рукодѣлья, высокая блондинка съ добрымъ выраженіемъ лица, тоже заволновалась. Эта спенсеровская метода, введенная Рендаленомъ, показалась и ей сначала такою нелѣпою; она никакъ не могла понять ее, а Рендаленъ не давалъ ей ни минуты покою, вѣчно торчалъ за ея спиною и подгонялъ ее. Но, конечно, она не должна была ничего говорить, конечно, нѣтъ. Она заплакала.

Всѣ учительницы говорили въ одинъ голосъ, что онъ принималъ необыкновенно живое участіе въ преподаваніи; онъ столько видѣлъ и

слышалъ и такъ много полезнаго сообщилъ имъ. Но одно только было невыносимо,—онъ обращался съ ними, какъ будто бы онѣ ничто.

Г-жа Рендаленъ снимала очки, вытирала ихъ и опять надѣвала, снимала и опять надѣвала.

— Нѣтъ, заговорила миссъ Голль, вотъ въ чемъ собственно суть. Онъ неровно обращается со всѣмъ и со всѣми. Это уничтожаетъ увѣренность въ учительницахъ и оскорбляетъ чувство справедливости у дѣтей, а для ребенка нѣтъ ничего хуже, какъ утратить это чувство.

Она такъ охотно переговорила бы сама съ Рендаленомъ, сказала маленькая американка, но онъ держитъ себя такъ недоступно. Сегодня и она была нервна.

Это совершенно уничтожило планъ г-жи Рендаленъ; она не знала, что́ отвѣчать. Но вдругъ всѣ дальнѣйшіе переговоры были прерваны; на лѣстницѣ раздался дружный хоръ звонкихъ женскихъ голосовъ, и всѣ поспѣшили къ окнамъ. Это была Нора со своими ученицами. Въ послѣдніе дни передъ Рождествомъ у дѣтей было меньше занятій, и онѣ воспользовались этимъ временемъ, чтобы разучить нѣсколько новыхъ хоровыхъ пѣсень; но обученіе кончалось всякій разъ наверху на лѣстницѣ,—одна изъ многихъ выдумокъ Норы. Это доставляло всѣмъ такое большое удовольствіе, что не только маленькія, не принимавшія участія въ пѣніи, высыпали всѣ на лѣстницу и ожидали съ нетерпѣніемъ начала, но даже изъ города приходили многіе, чтобы послушать, и толпились внизу въ аллеѣ. Какъ только ученицы показывались изъза угла въ своихъ пальто и шляпахъ и взбѣгали вверхъ по лѣстницѣ, толпа въ аллеѣ тоже приближалась. Г-жа Рендаленъ и учительницы всякій разъ надѣвали пальто и становились у открытыхъ оконъ.

Дѣвушки располагались въ порядкѣ по ступенькамъ лѣстницы, сверху до низу; маленькія, не пѣвшія, размѣщались по обѣимъ сторонамъ. Въ самомъ низу стояла Нора съ свѣтлыми волосами, собранными подъ шляпу и спускавшимися внизъ по плечамъ. Она переняла у Рендалена его манеру управлять хоромъ,—единственное, что́ этотъ безпокойный человѣкъ дѣлалъ спокойно; онъ только слегка двигалъ кистью правой руки и подавалъ знакъ лѣвою. Нора держала правую руку совершенно такъ, какъ онъ, на томъ самомъ мѣстѣ груди. Это ей часто говорили.

Какою-то необыкновенною прелестью отличалось это пѣніе, звучавшее съ лѣстницы; дружно и звонко раздавалось оно сверху. Быть можетъ, молодыя дѣвушки пѣли съ бо́льшимъ увлеченіемъ, вдохновляясь разстилавшимся у ихъ ногъ видомъ, который фантазія ихъ облекала въ звуки, а быть можетъ, не мало способствовала усиленію производимаго ими впечатлѣнія и «старинная хроника» [1]), недавно открытая и

[1]) Въ предисловіи приведено нѣсколько отрывковъ изъ нея.

извѣстная цѣлому городу изъ первыхъ, вторыхъ или третьихъ рукъ. Быть можетъ, всѣ эти мрачные голоса прошлаго слышались одновременно съ радостными голосами настоящаго, и это противопоставленіе придавало еще большую прелесть пѣнію дѣвочекъ и возвышало торжественность минуты. Онѣ стояли и пѣли хоромъ рождественскія пѣсни на большой Куртовской лѣстницѣ.

Внизу разстилался городъ съ гаванью между материкомъ и косою, наполненною въ эту зимнюю пору кораблями. Внутри бухты вдоль глинистыхъ покатостей большіе лѣсопильные заводы въ полномъ ходу, съ своими громадными складами досокъ. Слѣва гора съ массою лѣпившихся по ней домиковъ наверху, съ лодочною гаванью внизу; а за горою и городомъ острова и море. Погода въ береговыхъ мѣстностяхъ измѣнчива; когда онѣ стояли тамъ наверху и пѣли, имъ казалось иногда, что небо заволакивается тучами и готовится буря, но внезапно прорывался солнечный лучъ и озарялъ весь ландшафтъ; иногда на сушѣ было свѣтло и радостно, море же бушевало, грозное, мрачное. Быть можетъ, этимъ объясняется пристрастіе дѣвочекъ къ грустнымъ мелодіямъ.

Для ученицъ и учительницъ пѣніе на лѣстницѣ пріобрѣло съ самого начала особую прелесть. Если-бы работа всѣхъ классовъ, цѣлыхъ недѣль, цѣлыхъ годовъ, могла быть выражена и воплощена въ пѣніи, если-бы всѣ хорошія побужденія, всѣ благія намѣренія, всѣ прекрасныя начинанія могли быть усилены гармоніею всѣхъ этихъ голосовъ, то и тогда эти пѣвческія собранія не могли бы доставить имъ большаго удовольствія. Старшія дѣвочки, особенно члены ферейна, относились къ нимъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ благоговѣнія. Все, что у насъ есть хорошаго, возбуждается всегда при звукѣ пѣсни; всякое идеальное стремленіе находится въ естественномъ сродствѣ съ гармоническимъ состояніемъ музыкальныхъ звуковъ.

Но ни на кого пѣніе не производило такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на того, кто стоялъ теперь у закрытаго окна, старательно скрываясь за нимъ. Онъ видѣлъ свѣтлую шляпу Норы, ея поднятую кверху голову, видѣлъ, какъ она въ тактъ размахивала рукою, но не хотѣлъ быть замѣченнымъ.

Пѣніе надъ городомъ и къ городу, начавшееся у могилы фру Энгель,—воплощало въ этихъ женскихъ голосахъ все, чего онъ желалъ на землѣ. Какимъ несчастнымъ чувствовалъ онъ себя теперь! Какъ противовѣсъ овладѣвшему имъ чувству отчаянія, онъ старался вспомнить, что онъ пережилъ въ эти годы, сколько потрудился, сколько поработалъ! Потому что это было не мало! Не всякій человѣкъ могъ достигнуть того, чего онъ достигъ,—но теперь его дѣятельности былъ положенъ предѣлъ. Прекратится ли сейчасъ же за нимъ и пѣніе... или бу-

детъ звучать и послѣ него? Онъ подумалъ о матери. *Онъ* все еще стоялъ на лѣстницѣ. Войти ли ему или выйти?

Широкою толпою разсѣялись онѣ по аллеѣ, «генеральный штабъ» позади. Тора что-то съ увлеченіемъ разсказывала подругамъ или предлагала имъ. Онѣ шли медленно, по временамъ останавливаясь. «Да, въ томъ то и горе его жизни, что онъ ничѣмъ не можетъ дѣлиться съ другими, ни радостью, ни печалью».

V.

ОХОТА.

1. «Дитя-ли она? Женщина-ли она?»

Весна пришла рано. Радостно привѣтствовала ее молодежь. Весна сидѣла у нихъ въ крови; она была сродни этимъ безпокойнымъ головамъ, съ ихъ безконечными затѣями, обширными планами, громкими шутками, бурною веселостью. Иные дни школьная машина, казалось, готова была распасться на части, и всѣ приказанія встрѣчались смѣхомъ. Шумъ, гамъ, выговоры старшихъ, старавшихся водворить порядокъ и ввести все въ прежнюю колею...

Даже школьныя собранія пришли въ разстройство. Теперь, когда деревья начинали распускаться, возможно-ли было проходить чинно мимо нихъ, затѣмъ черезъ задній дворъ въ классъ и слушать тамъ скучное чтеніе одной изъ подругъ о «Современной женской одеждѣ». Если-бы собранія эти сзывались въ лѣсу, онѣ, пожалуй, готовы были-бы таскать «современную женскую одежду» по кустарникамъ, рвать ее тамъ на куски и даже повѣсить на дерево. Пусть-бы надъ ней распѣвали птички! Но слушать длиннѣйшій рефератъ о ней съ тетради, — нѣтъ, покорно благодарю. Кончилось тѣмъ, что онѣ совсѣмъ не пришли. Нора употребляла все свое краснорѣчіе, всю свою изобрѣтательность, чтобы убѣдить ихъ не разстраивать собраній — все было напрасно. Но тутъ случилось событіе, быть можетъ также порожденное весною и весенними стремленіями, и «собраніе состоялось въ полномъ составѣ», какъ говорила Тора.

Миссъ Голль дѣлала все, отъ нея зависящее, чтобы дать прочныя, основательныя знанія ученицамъ старшаго класса и подготовить ихъ къ слушанію лекцій, которыя она должна была читать для нихъ уже въ этомъ году, согласно новому плану преподаванія. Она и болѣе взрослыя изъ ученицъ дружно трудились вмѣстѣ. Эта усиленная совмѣстная работа способствовала возбужденію ихъ довѣрія къ маленькой женщинѣ. Онѣ съ полною откровенностью, не стѣсняясь, разсуждали съ ней о сложеніи женщины, ея здоровьи и воспитаніи дѣтей. Городскія матери

держали себя необыкновенно стыдливо относительно дѣтей, когда тѣ становились нескромными и задавали смущающіе ихъ вопросы. Отцы подражали своимъ женамъ, были также страшно конфузливы и скромны. При этомъ не принималось вовсе въ разсчетъ то обстоятельство, что эти безстыдные мальчишки и дѣвочки, не смотря на всѣ старанія родителей помѣшать этому, непремѣнно узнаютъ интересующія ихъ вещи, только узнаютъ ихъ иногда при самыхъ безобразныхъ обстоятельствахъ.

Что касается до «собраній» ферейна, то, благодаря этимъ знаніямъ, а также и въ силу вліянія миссъ Голль, обсуждая женскій вопросъ, его стали изслѣдовать съ физической стороны и на ней главнымъ образомъ основывать свои заключенія. На одномъ изъ собраній была, между прочимъ, изложена книга, въ которой проводилась слѣдующая основная мысль; свобода, которою мужчина пользуется до брака, а отчасти и послѣ него, пагубно дѣйствуетъ какъ на мужчину, такъ и на женщину, коверкаетъ ихъ совмѣстную жизнь и способствуетъ передачѣ по наслѣдству, изъ рода въ родъ, наклонностей къ измѣнѣ и тиранніи.

Читая исторію культуры, Каренъ Лоте обратила особенное вниманіе на исторію развитія брака. Она доказывала, что новая теорія, которая такъ часто предлагается теперь, а именно, чтобы женщина пользовалась тою-же свободою любви, какъ и мужчина, представляетъ собою ничто иное, какъ шагъ назадъ, нарушеніе правильнаго прогрессивнаго движенія впередъ. Прогрессъ клонится несомнѣнно къ установленію единобрачія, одинаково священнаго какъ для мужчинъ, такъ для и женщинъ. Въ слѣдующемъ собраніи миссъ Голль начала разсматривать этотъ вопросъ съ физической стороны. Можно-ли доказать, на основаніи физическаго устройства организма, что мужчина испытываетъ больше искушеній, чѣмъ женщина? И слѣдовательно, имѣетъ больше правъ на извиненіе? Она доказывала, напротивъ того, что женщина подвергается несравненно бо̀льшимъ искушеніямъ. Но, несмотря на это, можно признать за правило, что женщина уважаетъ бракъ и ведетъ скромную жизнь, а мужчина поступаетъ совершенно наоборотъ.

Слова эти возбудили сильное волненіе. Слѣдовательно, и здѣсь мужчина воспользовался правомъ сильнаго для своей личной выгоды, но, въ дѣйствительности въ ущербъ себѣ и обществу. Напротивъ того, женщина цивилизованнаго общества въ теченіи цѣлой сотни поколѣній принадлежала всегда одному мужчинѣ. Поэтому она обладаетъ наслѣдственною способностью къ вѣрности. Слѣдовательно, и мужчина могъ пріобрѣсть эту способность.

Во время разговоровъ, возбужденныхъ этою лекціею, возникло много новыхъ вопросовъ, и черезъ недѣлю пришлось созвать новое собраніе.

На этотъ разъ, впервые послѣ учрежденія ферейна, выступила съ рѣчью Тинка Гансенъ. Женщина, выходившая замужъ за человѣка съ

безнравственнымъ прошлымъ, дѣлается его соучастницей. Она, слѣдовательно, одобряетъ такое возмутительное отношеніе къ своему полу. Поэтому и несетъ сама соотвѣтственное наказаніе. Неужели какая-либо женщина можетъ вообразить, что мужчина, пріучившійся вести такую жизнь, способенъ вдругъ измѣниться?

Да, но *они*, выслушавшія цѣлый рядъ лекцій о силѣ привычки, не могутъ заблуждаться такимъ образомъ. Едва одинъ изъ ста добровольно преодолѣваетъ дурную привычку; большею частью его принуждаетъ къ тому горькая необходимость.

Тинка, какъ всегда, обсудила этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ «съ Фридрихомъ»; неудивительно, поэтому, что она такъ смѣло выражалась: она говорила за двоихъ.

Всѣ заговорили разомъ; начался такой шумъ, какого еще никогда не слышали со времени открытія собраній. Нора выступила впередъ, какъ выразительница негодованія, охватившаго всѣхъ. Она взошла на каѳедру и заявила, что, прежде чѣмъ разстаться, онѣ должны обѣщать другъ другу сдѣлать все зависящее отъ нихъ, чтобы собственнымъ примѣромъ усилить у женщинъ чувство самоуваженія, чувство собственнаго достоинства, чувство отвѣтственности. Едва она успѣла проговорить эти слова, какъ всѣ встали, точно подавая голосъ за ея предложеніе.

Нѣсколько дней спустя у нихъ опять было собраніе. Но въ промежуткѣ случилось нѣчто, уничтожившее царившее единодушіе, — новое событіе.

Мы уже замѣтили страсть Торы разсказывать разнаго рода фантастическія событія, чудесныя приключенія; любимымъ ея чтеніемъ былъ теперь романъ Бульвера A strange history. Эта маленькая Августовская головка, полная мыслями о нарядахъ, модахъ, матеріяхъ, чудесныхъ исторіяхъ и разнаго рода пустякахъ — увлекалась мистикою!

Она перестала разсказывать чудесныя исторіи подругамъ, но каждый разъ, когда встрѣчалась съ Карломъ Вангеномъ, одна или въ присутствіи двадцати другихъ лицъ, устраивала всегда такъ, что между ними завязывалась продолжительная бесѣда и притомъ шопотомъ. Это непріятно поражало ея подругъ. О чемъ это она такъ долго шепчется съ священникомъ? Онъ недавно далъ ей читать книгу о Джонѣ Уэслеѣ. Она проглотила эту книгу, какъ проглатывала вообще всѣ книги, которыя ей попадались подъ руку. Теперь они разговаривали о чудесныхъ обращеніяхъ Джона Уэслея. Люди, приходившіе въ сообщеніе съ нимъ, слушавшіе его рѣчь, немедленно подчинялись ему. Онъ происходилъ изъ духовнаго сословія и имѣлъ цѣлый рядъ предковъ—священниковъ съ отцовской и материнской стороны; благодаря этому, въ немъ была значительнымъ образомъ концентрирована способность вѣровать и со-

общать другимъ эту вѣру. Онъ электризовывалъ своихъ окружающихъ; нѣкоторые были не въ силахъ противостоять ему.

Какимъ образомъ разговоръ перешелъ отсюда къ Куртамъ, сильно интересовавшимъ въ это время Тору, неизвѣстно. Но какъ только рѣчь зашла о нихъ, Карлъ Вангенъ сейчасъ же началъ восторженно разсказывать о борьбѣ, которую вынесъ Томасъ Рендаленъ, стараясь освободиться отъ унаслѣдованныхъ имъ куртовскихъ качествъ. И прежде между предками его существовали отдѣльныя личности, боровшіяся противъ этихъ наслѣдственныхъ привычекъ, нравовъ, но воспитаніе и борьба Томаса Рендалена были безпримѣрны по своей энергіи. Вангенъ спросилъ таинственно Тору, замѣтила-ли она необыкновенную опрятность Томаса, его изысканный туалетъ? А легкій запахъ духовъ, и такихъ тонкихъ, нѣжныхъ духовъ, который всегда сопровождаетъ его? Онъ очень много времени употреблялъ на то, чтобы мыться и купаться, прибавилъ, краснѣя, молодой священникъ. Большинство воображаетъ, что это все происходитъ отъ суетности, тщеславія. Не догадается-ли она, въ чемъ тутъ суть? А вотъ въ чемъ: Томасъ Рендаленъ во время своей борьбы пріобрѣлъ такую же страсть къ чистотѣ, такое же благоговѣйное отношеніе къ ней, какое бываетъ врожденнымъ у молодыхъ дѣвушекъ. Для него забота о тѣлѣ, его украшеніе является чѣмъ-то въ родѣ служенія при храмѣ, точь въ точь какъ у молодыхъ женщинъ, имѣющихъ для этого достаточно свободнаго времени. Онъ понялъ это изъ нѣкоторыхъ выраженій, вырвавшихся у Томаса; онъ увѣренъ, что это такъ. Да, какъ странно, не правда-ли, что это приняло у него такую форму? Быть можетъ, все объясняется тѣмъ, что онъ воспитывался среди дѣвочекъ? Какого она мнѣнія на этотъ счетъ? Карлъ Вангенъ предложилъ послѣдній вопросъ съ крайне смущеннымъ видомъ; для него, по той или иной причинѣ, было очень важно дать ей понять, что можно быть безупречнымъ человѣкомъ, не наряжаясь и не надушиваясь.

Съ этой минуты Тора Гольмъ нашла, *кому* покланяться — новый предметъ въ ея богатомъ репертуарѣ.

Теперь она вообразила, что вполнѣ понимаетъ планъ жизни, начертанный себѣ Рендаленомъ, и его дѣятельность среди нихъ! И хотя она не понимала причинъ его измѣнчиваго, капризнаго расположенія духа, его холоднаго ко всѣмъ отношенія, быть можетъ, даже и не думала о нихъ, это нисколько не разстраивало представленія, которое она себѣ составила объ этой «энергической» натурѣ. Она любила его! Нельзя было инымъ словомъ выразить то чувство, которое она къ нему испытывала: она готова была сдѣлать для него все, чего бы онъ только ни пожелалъ. И она разсказала объ этомъ и другимъ, разсказала сначала своимъ ближайшимъ подругамъ, затѣмъ слѣдующимъ ближайшимъ, еще слѣдующимъ и еще слѣдующимъ. Прежде, чѣмъ успѣлъ наступить другой день,

исторія эта разсказывалась въ двадцатый разъ послѣдней изъ цѣлой серіи подругъ. Такое восторженное поклоненіе заразительно; если до сихъ поръ никто не увлекался Томасомъ Рендаленомъ, то теперь имъ стали увлекаться всѣ. Несмотря на рыжіе волосы, широкій носъ, мигающіе глаза, безпокойное лицо безъ бровей... онъ былъ признанъ почти единогласно идеаломъ мужчины! Онъ нѣсколько охлаждалъ ихъ пылъ, когда, прійдя въ классъ, начиналъ бѣгать вдоль скамеекъ взадъ и впередъ, не глядя на нихъ, или когда приходилъ въ необузданный гнѣвъ, накидывался на все, что прерывало теченіе занятій, потому что съ нимъ нельзя было шутить! Но какъ только онъ уходилъ, онѣ опять восторгались имъ, особенно когда онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа и излагалъ урокъ съ своею обычною энергіею, необыкновенно ясно и картинно, — тогда не было никого, равнаго ему.

Но такъ какъ на свѣтѣ былъ только одинъ Томасъ Рендаленъ, то нѣкоторыя изъ болѣе слабыхъ духомъ стали естественно задавать себѣ вопросъ: «Но, Господи Боже, какъ же это? онъ одинъ, а насъ столько».

Не могу сказать, кто впервые усумнился и сколько нашлось сразу сомнѣвающихся? Вопросъ въ этихъ случахъ имѣетъ наименьшее значеніе, важнѣе всего отвѣтъ. Отвѣтъ! Мы можемъ заявить здѣсь при случаѣ, что нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ покривили душою въ тотъ вечеръ, когда такъ единогласно отвѣтили *да* на торжественную рѣчь Тинки Гансенъ и предложеніе Норы о принесеніи присяги. Онѣ это поняли позже, когда начали на свободѣ раздумывать о тѣхъ, кѣмъ онѣ немного увлекались и кому охотно позволили бы любить себя... хотя имъ было извѣстно, что они уже... Да, старый Куртовскій городъ былъ необыкновенно грязенъ въ нравственномъ отношеніи.

Онѣ стали робко высказывать свои сомнѣнія. Неужели дѣвушка не могла довѣриться вполнѣ извѣстному молодому человѣку, любившему ее, довѣриться, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его прошлую жизнь? Когда она еще вдобавокъ любила его? О, конечно, онъ будетъ хорошо вести себя, навѣрное будетъ, какъ только она станетъ вліять на него. Великія теоріи неосуществимы на практикѣ.

Нѣкоторыя нашли, что это измѣна, и разсердились. Созвано было новое собраніе. Приверженцы Тинки потребовали, чтобы тѣ, которыя пришли къ противоположнымъ заключеніямъ, высказались. Онѣ долго отказывались. Наконецъ, одна мужественная брюнетка заявила, что, по ея мнѣнію, онѣ зашли слишкомъ далеко въ послѣднемъ собраніи. Если бы всѣ мужчины были такими, какъ... какъ онѣ желали; тогда, конечно! Но разъ они не такіе, а совершенно наоборотъ — что же тогда? Да, вотъ мы и остаемся однѣ!

«Ну, такъ и останемся!» былъ отвѣтъ. На этотъ героическій отвѣтъ былъ данъ новый отвѣтъ, — такимъ образомъ возникли двѣ партіи и

между ними одна средняго направленія, — послѣдняя была совершенно неопредѣленнаго характера, какъ часто случается съ такого рода партіями. Тинка Гансенъ (и «Фридрихъ») и всѣ, державшіяся одинаковаго мнѣнія съ нею и имъ, стояли за полное равенство между полами. Безнравственное поведеніе должно было всегда осуждаться одинаково строго, безъ различія половъ. Миссъ Голль была единственною изъ учительницъ, принявшихъ участіе въ этомъ собраніи; она оказалась горячею сторонницею «фредерикіанокъ». Теперь, когда нашъ кругозоръ расширился, говорила она, мы видимъ ясно, что послѣдствія дурного поведенія одинаковы для обоихъ половъ. Даже этого извиненія мужчины не могутъ противопоставить женщинамъ. Тѣ, которые видятъ различіе въ томъ, что проступокъ женщины оскорбляетъ ея домъ, между тѣмъ какъ проступокъ мужчины... оскорбляетъ чужой домъ, оскорбляетъ жену другого или дочь другого, должны были-бы устыдиться и замолчать.

Миссъ Голль два раза настойчиво повторила это, но никто ей не возражалъ. Онѣ обходили этотъ вопросъ молчаніемъ, а только утверждали, что мужчина можетъ остаться превосходнымъ человѣкомъ и сдѣлаться превосходнымъ мужемъ, хотя-бы онъ и совершилъ проступокъ, совершенно извинительный при существующемъ положеніи дѣлъ. Только одинъ бьющій въ глаза развратъ дѣлаетъ бракъ невозможнымъ.

«Фредерикіанки» возмущались такими легкомысленными рѣчами. Споръ разгорался. Онѣ начали употреблять такія сильныя выраженія, что противницы ихъ пришли также въ раздраженіе. Начался шумъ и гамъ. Всѣ говорили разомъ, никто не хотѣлъ слушать.

Это было въ четвергъ. На слѣдующій вечеръ «генеральный штабъ» собрался у Миллы. Онѣ начали разговаривать о томъ-же вопросѣ, но затѣмъ перешли къ Рендалену, который составлялъ еще болѣе неистощимый предметъ для разговоровъ.

Тинка сѣла и начала подражать почерку Рендалена на большомъ полу-листѣ бумаги. Другія внимательно слѣдили за ея попыткою. Его оригинальный почеркъ представлялъ полную противоположность его изысканному туалету—неровный, неправильный, вычурный, одна буква наскакивала на другую... Слова, написанныя Тинкою, представляли довольно удачную каррикатуру на него.

Вотъ что она писала: «Я не въ силахъ больше выносить этого; — приходите на площадь сегодня вечеромъ въ 9 часовъ!»—Она написала это въ шутку, потому что онѣ только что говорили о томъ, какъ осчастливило-бы нѣкоторыхъ полученіе такого письма, написала вкось большими буквами на цѣлой страницѣ почтовой бумаги. Она исписывала такимъ образомъ одинъ листъ за другимъ.

Кто изъ нихъ первый предложилъ то, что было ими затѣмъ сдѣлано? Относительно этого онѣ никакъ не могли впослѣдствіи согласиться.

Одно было вѣрно, что Милла сначала возражала, но возражала такъ слабо и кротко, что слова ея можно было легко истолковать въ смыслѣ согласія. Каждая изъ нихъ запаслась письмомъ; одно было положено въ карманъ пальто Каренъ Лоте, другое — въ карманъ длиннаго синяго долмана учительницы рисованія, а третье и четвертое въ карманы накидокъ миссъ Голль и одной изъ учительницъ языковъ.

Письма не были подписаны; они были вложены въ незапечатанные конверты, безъ адресовъ; приглашенія были написаны такъ небрежно, что все это могло быть легко сочтено за шутку. Этого то онѣ и хотѣли.

Но съ другой стороны нельзя было отрицать, что именно эта небрежность и заставляла думать о Рендаленѣ; *такъ* могъ онъ поступить, если-бы что-либо мучило его и онъ пришелъ къ рѣшенію покончить съ нимъ, покончить поскорѣе.

Въ субботу въ 9 ч. вечера цѣлыя вереницы гуляющихъ возвратились домой со своей поэтичной вечерней прогулки по окрестностямъ города; большая часть ихъ повернула черезъ площадь въ городъ. Пансіонерки же, вышедшія подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, поспѣшили вверхъ по годсетовской аллеѣ. «Генеральный штабъ» рѣшилъ присоединиться къ одной изъ этихъ группъ, чтобы не дать повода къ подозрѣніямъ, если бы разыгралась какая-либо исторія по случаю ихъ продѣлки.

Онѣ были вмѣстѣ, какъ всегда, всѣ четыре. Встрѣтившись въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Годсета съ нѣкоторыми изъ своихъ пансіонскихъ подругъ, онѣ пошли съ ними. Онѣ разсчитали время какъ разъ такъ, чтобы проходить по площади ровно въ назначенный для свиданія часъ. И въ самомъ дѣлѣ: о Боже милосердный! — вверху площади, впереди аллеи справа, показалась въ ту же минуту *Каренъ Лоте*; это была несомнѣнно она; ея тонкая, гибкая фигура, ея сѣрое пальто и шляпа съ перомъ. Четыре подруги до такой степени не ожидали встрѣтить *ее*, что если бы пансіонерки не были такъ утомлены и разсѣяны, онѣ непремѣнно замѣтили бы ихъ смущеніе.— Неужели это была Каренъ Лоте?

Она повернула опять влѣво; она очевидно ждала.

Онѣ посмотрѣли на нее, затѣмъ другъ на друга; онѣ не смѣялись, не говорили ни слова; онѣ были испуганы.

Но смѣхъ овладѣлъ ими, когда, повернувъ въ аллею, онѣ увидали прохаживавшуюся въ ней высокую учительницу рисованія. Она быстро шла имъ на встрѣчу; въ запискѣ ей было назначено свиданіе въ аллеѣ въ это именно время. Милла спряталась за Тору, Тора также охотно спряталась бы за чью-нибудь спину; необходимо было найти благовидный поводъ для смѣха. Въ ту минуту, какъ взволнованная учительница быстро промчалась мимо нихъ, Тинка Гансенъ споткнулась, и онѣ залились всѣ неудержимымъ хохотомъ.

Теперь нужно было посмотрѣть, что дѣлаютъ остальныя двѣ. Онѣ побѣжали въ комнаты пансіона, выходившія во дворъ; миссъ Голль было назначено свиданіе за гимнастическимъ зданіемъ. Но ее не было видно. Не было видно также никого и на площадкѣ, выходившей на море справа, гдѣ должна была ожидать учительница языковъ. Какъ разъ въ эту минуту она показалась на тропинкѣ изъ лѣсу; но она шла не одна, а съ цѣлою кучей другихъ, весело болтая. Она даже не оглядывалась. Если она и прочла письмо, то приняла его за шутку. Четыре подруги проскользнули черезъ садъ по той же дорогѣ: онѣ не хотѣли встрѣчаться съ Каренъ Лоте.

Но, если бы онѣ знали, что происходило во время ихъ отсутствія за нѣсколько часовъ до того, онѣ никогда не рѣшились бы завернуть въ этотъ день въ пансіонъ.

Миссъ Голль, вернувшись съ прогулки въ 6 часовъ, въ очень нервномъ настроеніи, потребовала немедленно свиданія съ г. Рендаленомъ. Какъ только онъ пришелъ, она подала ему письмо. Онъ взялъ его, прочелъ, повернулъ во всѣ стороны и засмѣялся; когда она начала серьезно кипятиться, онъ засмѣялся еще сильнѣе и наконецъ расхохотался самымъ настоящимъ образомъ. Десять минутъ спустя ему подали письмо отъ миссъ Голль, въ которомъ она заявляла ему о своемъ рѣшеніи уѣхать отсюда съ первымъ пароходомъ. Онъ страшно разсердился и побѣжалъ искать мать, которую нашелъ въ коровникѣ. Разсказавъ ей съ насмѣшкою все, что случилось, онъ объявилъ, что миссъ Голль навѣрное помѣшалась. Г-жа Рендаленъ отправилась поспѣшно къ миссъ Голль и застала ее въ сильномъ волненіи, заплаканною. На всѣ вопросы г-жи Рендаленъ она давала гнѣвные, раздражительные отвѣты, между тѣмъ, какъ г-жа Рендаленъ все снимала и вытирала свои очки; она ничего не понимала въ этомъ. «Поговоримъ лучше по-англійски», подумала г-жа Рендаленъ, быть можетъ, мы тогда лучше поймемъ другъ друга».

— Коротко и ясно; на что она сердится? Почему хочетъ уѣхать? Чего она желаетъ? Какого требуетъ удовлетворенія?

— Она требуетъ, чтобы виновныя были *наказаны*.

— И только это!

Обѣ отправились въ пансіонскія комнаты, теперь совершенно пустыя, и стали изслѣдовать тетради, портфели, папетри; онѣ хотѣли узнать, кто изъ старшаго класса подражаетъ почерку Рендалена. Затѣмъ спустились внизъ въ классы, открыли пюпитры, обыскали всѣ находящіяся въ нихъ бумаги, тетради, книги. Онѣ хотѣли во что бы то ни стало узнать, кому это пришла въ голову злосчастная мысль упражняться въ почеркѣ Рендалена.

Всѣ это дѣлали!

Когда этотъ фактъ выяснился вполнѣ, когда онѣ увидали, что всѣ старшія ученицы писали на своихъ тетрадяхъ *Рендаленъ* и *Рендаленъ* и опять *Рендаленъ*... миссъ Голль утихла; онѣ вышли молча изъ класса, не глядя другъ на друга.

Миссъ Голль больше не упоминала о случившемся.

Но г-жа Рендаленъ имѣла объ этомъ бесѣду съ Карломъ Вангеномъ. Въ понедѣльникъ утромъ онъ держалъ рѣчь о томъ, что нужно всегда поступать съ другими такъ, какъ мы бы желали, чтобы поступали съ нами. А между тѣмъ молодежь часто поступаетъ обратно: «она находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы отыскивать слабые пункты въ своихъ ближнихъ и ударять по нимъ».

«Генеральный штабъ» не смѣлъ поднять глазъ, — не смѣлъ обращать ихъ въ сторону учительницы рисованія, которая сѣла сегодня какъ разъ противъ нихъ, у лабораторнаго стола. Она опиралась одною изъ своихъ длинныхъ рукъ о столъ, положивъ на нее голову; другая рука играла на столѣ чѣмъ-то, на что были неподвижно устремлены ея глаза. Одна слеза за другою текли по ея лицу; она не вытирала ихъ, не шевелилась; она была, очевидно, погружена въ глубокое раздумье.

Всѣ четыре видѣли это. А когда наступила третья перемѣна, а учительница продолжала сохранять свой грустный, печальный видъ—Нора не выдержала; она взяла ее за руку, потащила въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ пансіона и здѣсь, обвивъ руками ея шею, попросила простить ее, простить, — она не сказала за что.

Онѣ крѣпко сжали другъ друга въ объятіяхъ; горе, сочувствіе, стыдъ, прощеніе, всѣ эти чувства слились въ одно. Бѣдная дѣвушка, у которой выманили ея сердечную тайну, утѣшилась нѣсколько при видѣ такого искренняго раскаянія, такого полнаго пониманія, такого глубокаго сочувствія.

Въ тотъ же день Нора разсказала Торѣ и Тинкѣ, что она сдѣлала; онѣ хотѣли сейчасъ же подражать ей; но она удержала ихъ: бѣдняжка не должна знать, что ея тайна извѣстна столькимъ лицамъ.

Каренъ Лоте сказалась больною и не пришла на уроки. Рендаленъ долженъ былъ преподавать вмѣсто нея и уступилъ часть своихъ уроковъ миссъ Голль.

Всѣ трое почувствовали, что Каренъ Лоте больше не появится въ школѣ.

Какимъ образомъ пришла имъ въ голову такая сумасбродная мысль? Какъ могли онѣ поступить такимъ возмутительнымъ образомъ? И вдобавокъ еще среди торжественныхъ преній о положеніи женщины, о чести женщины и ея отвѣтственности?

Милла перестала разговаривать съ подругами; въ школѣ она держала себя въ сторонѣ отъ нихъ, а если онѣ приходили къ ней на домъ,

то никогда не заставали ее. Всѣ чувствовали какъ-бы приближеніе грозы.

Нора не могла выносить мысли, что Милла сторонится отъ нихъ, точно виноваты *онѣ* однѣ, а не она также, вмѣстѣ съ ними; однажды онѣ всѣ три отвели ее въ сторону—и буря разразилась. Милла хотѣла съ гордостью отказаться отъ всякихъ объясненій, но ничего не могла съ ними подѣлать. Тогда она объявила, что онѣ искусили ее, убѣдили поступить такимъ безобразнымъ образомъ. А теперь она ни за что не хочетъ подвергаться больше такимъ искушеніямъ.

При видѣ несказаннаго удивленія, выразившагося въ большихъ, широко открытыхъ глазахъ Норы, Милла покраснѣла и прибавила: «Конечно, и она нѣсколько виновата въ томъ, что случилось; она не отрицаетъ этого; но она не желаетъ больше стыдиться самой себя; а этотъ стыдъ она испытывала всѣ послѣдніе дни». Подруги спросили, неужели она думаетъ, что онѣ стыдились меньше ея?

Милла призналась имъ затѣмъ нѣсколько принужденно, что въ первую минуту испуга послѣ рѣчи Карла Вангена, она обратилась къ отцу съ просьбою взять ее съ собою на воды въ южную Германію, куда онъ собирался ѣхать. Онъ съ большою радостью согласился на ея просьбу; теперь поздно уже было ей отступать; они уѣзжаютъ чрезъ нѣсколько дней.

Сначала подруги почувствовали себя обиженными, услышавъ, что Милла собиралась исчезнуть, не предупредивши ихъ объ этомъ. Милла сама поняла все безобразіе своего поведенія. Съ этой минуты она употребила всѣ усилія, чтобы изгладить произведенное ею непріятное впечатлѣніе. Она была необыкновенно мила и любезна со всѣми. Когда учительница рисованія вышла однажды къ нимъ въ прехорошенькомъ пальто и шляпѣ и заявила, что получила ихъ отъ какой-то неизвѣстной «пріятельницы», всѣ три догадались сейчасъ, что это дѣло рукъ Миллы. Милла отрицала, но это было еще милѣе съ ея стороны. Такимъ образомъ временное охлажденіе между пріятельницами перешло въ еще болѣе тѣсную дружбу на то короткое время, которое имъ оставалось пробыть вмѣстѣ.

Отецъ ея задалъ прощальный обѣдъ; наибольшее впечатлѣніе во время этого обѣда произвелъ внесенный въ столовую пирогъ, на верхушкѣ котораго четыре сахарныя дѣвицы, держась за руки, танцовали вокругъ флага, съ надписью на немъ: «Эмансипація». На самомъ пирогѣ было вытѣснено слово «Ферейнъ».

Но теперь насмѣшки никого не затрогивали за живое. На другой день тотъ же самый ферейнъ устроилъ празднество въ честь Миллы. Оно необыкновенно удалось и отличалось замѣчательно задушевнымъ характеромъ: говорили небольшія рѣчи, пѣли, играли. Одна молодая дѣвушка напомнила, что все хорошее, пережитое ими въ этотъ годъ,

началось со времени похоронъ фру Энгель и заканчивается теперь прощальнымъ празднествомъ въ честь Миллы. Это тронуло Миллу до глубины души. Она объявила, что считаетъ себя совершенно недостойной вниманія, которое ей оказываютъ; она не заслуживаетъ такой доброты, такого расположенія; она вовсе не такая, какъ онѣ думаютъ.

Тора подошла и обняла ее отъ искренняго сердца; всѣ это чувствовали. Тора была благодарна ей за лучшіе дни своей жизни; это она и шепнула Миллѣ, и это произвело хорошее впечатлѣніе. Всѣ рѣшили провожать Миллу домой. Она взяла подъ руку Тору.

— Теперь начинаются для меня печальные дни, сказала Тора, рыдая.

— Но я же вернусь, Тора!

Тинка побранила Тору, говоря, что она все принимаетъ въ трагическомъ тонѣ, преувеличиваетъ. Это случалось съ Торою не первый разъ.

Когда онѣ простились съ Миллою передъ ея дверью, Тора побѣжала вслѣдъ за нею по лѣстницѣ и въ корридоръ. Здѣсь она вынула изъ кармана ящикъ и открыла. Милла сразу узнала его: въ немъ лежала единственная драгоцѣнность Торы, брошка, унаслѣдованная ею отъ дяди, который привезъ ее въ молодости изъ Калифорніи. Она втиснула ее въ руку Миллы, — сама она никогда ее не носила.

Но Милла ни за что не захотѣла принять этого подарка; какъ объяснитъ она отцу такого рода поступокъ со своей стороны. Она рѣшительно отказалась и, наконецъ, заговорила такимъ холоднымъ тономъ, что Тора обидѣлась и бросилась бѣжать отъ нея. Но Милла поймала ее, прижала къ себѣ и поцѣловала. Неужели она думаетъ, что Милла не понимаетъ, какую жертву она хотѣла принесть для нея, разставаясь съ вещью, подаренною ей дядей. Но Милла обязана отказаться — это вопросъ совѣсти. Онѣ не должны изъ-за этого разстаться въ гнѣвѣ. Тора останется у нея. Онѣ переночуютъ вмѣстѣ. Хорошо?

На томъ и порѣшили. Когда молодыя дѣвушки искренно привязаны другъ къ другу, онѣ любятъ проводить вмѣстѣ ночь.

Публика внизу ждала нѣкоторое время молча. Но когда прошло много времени, а Тора все не показывалась, молодыя дѣвушки потеряли, наконецъ, терпѣніе и повернулись, чтобы идти домой. Затѣмъ всѣ опять возвратились и тихонько прошли черезъ дверь въ садъ, мимо конторы. Вскорѣ обѣ подруги наверху въ спальнѣ услышали тихій женскій хоръ внизу—подъ окномъ. Среди него выдавался низкій контральто Тинки. Онѣ пѣли: «Спи спокойно».

Гардины на окнѣ приподнялись, и изъ окна выглянули, улыбаясь и раскланиваясь, двѣ молодыя дѣвушки, одна бѣлокурая, другая черноволосая; онѣ стояли, обнявшись, въ своихъ бѣлыхъ ночныхъ костюмахъ.

На слѣдующій день вся школа собралась внизу на пристани, г-жа

Рендаленъ, учителя, учительницы, всѣ — за исключеніемъ Анны Рогнъ, которая не присутствовала и на вчерашнемъ празднествѣ.

Много было слезъ, поцѣлуевъ и восторженныхъ возгласовъ по поводу новаго дорожнаго костюма Миллы. И маленькія принимали участіе въ общей суетѣ: онѣ не плакали, но непремѣнно хотѣли поцѣловать уѣзжавшую. Сначала одинъ маленькій ротикъ потянулся къ Миллѣ, затѣмъ другой, третій. Наконецъ, всѣ бросились къ ней, съ криками и смѣхомъ.

Служанка Миллы буквально падала подъ тяжестью цвѣтовъ, которыми была нагружена.

Заплаканная Тора пришла также на пристань вмѣстѣ съ Миллою и Энгелемъ, который чрезвычайно любезно обходился съ нею; но теперь она спряталась за другими. Милла должна была отыскать ее, чтобы пожать ей руку и поцѣловать на прощаніе.

Когда пароходъ, сдѣлавъ свой послѣдній оборотъ, проѣхалъ мимо пристани, а стоящая на палубѣ стройная фигура въ траурѣ махнула платкомъ своимъ пріятельницамъ,—въ ту же минуту вся пристань показалась покрытою какъ-бы большою бѣлою массою. Маленькія впереди, большія позади, всѣ размахивали своими бѣлыми носовыми платками. Съ парохода казалось, точно это—пѣна отъ большой волны, набѣжавшей въ этомъ мѣстѣ на берегъ.

2. Встрѣча.

Въ полдень въ гимнастической залѣ, гдѣ упражнялись старшіе классы, на этотъ разъ нѣсколько лѣниво, потому что погода была слишкомъ хороша, а черезъ большія окна, открытыя по направленію къ горѣ, доносился такой чудный запахъ распустившихся деревьевъ и цвѣтовъ;—въ полдень въ гимнастической залѣ, когда миссъ Голль вошла и занялась распредѣленіемъ упражненій между различными дѣтьми, а часть дѣвушекъ, пользуясь свободною минутою, подошла къ окну, чтобы бросить взглядъ на сотни цвѣтущихъ плодовыхъ деревьевъ, покрывавшихъ амфитеатромъ значительную часть горы одною сплошною густою короною;—въ полдень въ гимнастической залѣ, когда тѣ-же самыя дѣвушки не могли вполнѣ наслаждаться разстилавшимся передъ ними зрѣлищемъ, потому что подъ самымъ окномъ росло дерзкое молодое дерево, которое такъ сильно разрослось за послѣднее время, что только мѣстами прорывался изъ-за его вѣтвей видъ цвѣтущей горы; но что было еще хуже, это молодое дерево привлекало къ себѣ изъ сосѣдняго пчельника массу пчелъ, еще болѣе дерзкихъ, чѣмъ оно, которыя жужжали у открытыхъ оконъ и пугали дѣвушекъ, когда онѣ хотѣли выглянуть изъза вѣтвей дерева; — въ полдень въ гимнастической залѣ, когда всѣ

младшіе рабочіе сада, тѣ, которые дѣйствуютъ костяными заступами и мотыками, а не стальными, и начинаютъ работать каждый день съ восходомъ солнца и кончаютъ вмѣстѣ съ его заходомъ, и трудятся неутомимо безъ всякаго контракта, но также и безъ надзора и понуканія, и живутъ на счетъ г-жи Рендаленъ съ женами и дѣтьми, находясь въ дружбѣ со всѣми, кромѣ кошки;—въ полдень въ гимнастической залѣ, когда всѣ эти младшіе рабочіе слетѣлись въ садъ со всѣхъ концовъ и поднялись вверхъ, чтобы опять спуститься и спрятаться въ кустахъ въ разныхъ сторонахъ сада,—а дѣвушки стояли и смотрѣли на все это съ любопытствомъ;—деревья ближайшаго лѣса, слѣва отъ сада, низко наклонились, между тѣмъ какъ внизу поднялся вихрь изъ песка и пыли и понесся по направленію къ саду; сильный «береговой вѣтеръ» подулъ черезъ гору, слѣва направо, совершенно неожиданно, безъ малѣйшаго предупрежденія;—едва успѣлъ онъ приблизиться къ саду, какъ цвѣты деревьевъ перестали принадлежать себѣ и сдѣлались собственностью воздуха; каждый лепестокъ отдѣлился отъ своей чашечки и полетѣлъ вверхъ, кружась въ воздухѣ гораздо легче и быстрѣе, чѣмъ снѣжинки, потому что тѣхъ притягиваетъ земля. Милліоны милліоновъ лепестковъ, носясь надъ садомъ, казались одной сплошной бѣлой пеленой, застилавшей небо, причемъ зеленые оазисы, проглядывавшіе мѣстами изъза нея, казались островами на небесномъ морѣ, а все имѣло видъ какой-то чудной фаты-морганы.

Дѣвушки закричали отъ восторга и удивленія, захлопали въ ладоши и бросились всѣ къ окну, между тѣмъ, какъ блестящее видѣніе проносилось надъ садомъ. Мрачный преслѣдователь изъ лѣсу слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, занимая немедленно мѣсто, только что оставленное цвѣтами. Цвѣточная линія опустилась, сдѣлалась тоньше, но они тѣмъ съ большею быстротою неслись впередъ.

Дѣвушки бросились къ большой выходной двери, стоявшей полуоткрытой; имъ хотѣлось побѣжать за чуднымъ видѣніемъ, за бѣглецами съ плодовыхъ деревьевъ. Онѣ забыли о своихъ гимнастическихъ костюмахъ, за домъ не заходилъ никогда никто посторонній,—онѣ кричали, прыгали,—когда дверь раскрылась настежъ и на верху лѣстницы показался молодой человѣкъ въ бѣлыхъ брюкахъ, въ мундирѣ флотскаго офицера и такой же шляпѣ. Онъ засмѣялся и поклонился. Онъ поклонился опять и засмѣялся. Это былъ Нильсъ Фюрстъ.

За нимъ, во дворѣ, стояла Кая Грэндаль въ свѣтлой шляпѣ съ фіолетовымъ зонтикомъ въ рукахъ. Она казалась прехорошенькой. И она также смѣялась.

— Здѣсь Элиза? спросила она. Никто въ обоихъ старшихъ классахъ не назывался Элизой; никто не зналъ ни одной Элизы въ школѣ.

— Нѣтъ, не Элиза, сказала она; а Олава?

Не было также и никакой Олавы въ обоихъ старшихъ классахъ. Олава? Никто не зналъ ни одной Олавы въ цѣлой школѣ. Онъ хохоталъ отъ души, такъ что всѣ поняли, что это шутка. Онъ смотрѣлъ на нихъ въ ихъ гимнастическихъ костюмахъ, переводя взоры отъ одной къ другой. Обѣ руки у него были полны цвѣтовъ; чтобы поклониться, онъ долженъ былъ прижать тѣ, которые онъ держалъ въ правой рукѣ, къ груди лѣвой рукой. Г-жа Грэндаль держала также въ рукахъ большой букетъ цвѣтовъ. Они, повидимому, только что купили ихъ въ саду, и услышавъ, что оба старшіе класса занимаются въ это самое время гимнастикою, онъ захотѣлъ посмотрѣть на нихъ.

— Извините, сказалъ онъ, быть можетъ, ее зовутъ Петрою? А быть можетъ, еще какъ нибудь иначе?

Онъ поднялъ шляпу и всѣ бѣлокурые завитки его волосъ, повидимому, также засмѣялись; засмѣялись и всѣ дѣвушки, такъ что по всему гимнастическому зданію разнесся громкій хохотъ. Онъ быстро сбѣжалъ внизъ, г-жа Грэндаль повернулась и пошла съ нимъ; поворачивая за уголъ, онъ еще разъ обернулся и поклонился имъ.

Хохотъ дѣвушекъ громко раздавался по залу. Большинство находилось въ сильномъ возбужденіи; онѣ бѣгали другъ за другомъ, задавали вопросы, не ожидая отвѣта; гдѣ стояло три, туда немедленно присоединялись и многія другія; если въ какомъ либо углу слышался болѣе громкій смѣхъ, всѣ немедленно устремлялись туда.

Двѣ заспорили; къ нимъ присоединились сначала двѣ, потомъ больше, а затѣмъ и всѣ.

Тинка была одною изъ двухъ споривших; она была возмущена его дерзостью и громко выразила свое негодованіе. Не встрѣтивъ сочувствія, она стала искать себѣ сторонницъ. Тутъ взоръ ея упалъ на Тору, сидѣвшую на одной изъ скамей возлѣ дверей съ мертвенной блѣдностью на лицѣ. Миссъ Голль ухаживала возлѣ нея.

Тинка быстро подбѣжала къ ней и еще издали закричала.

— Что это значитъ? Что случилось?

Тора стояла отдѣльно отъ другихъ и гимнастировала; она въ послѣднее время страстно полюбила гимнастику и преслѣдовала собственную систему упражненій. Въ самый разгаръ своихъ занятій она увидала черезъ полуоткрытую дверь пару маленькихъ птичекъ, которыя быстро вспорхнули и улетѣли за кусты. Что это значитъ? Не стоитъ-ли кто передъ дверью? Или у нихъ тамъ гнѣздо? Или онѣ просто играютъ?

Тутъ она увидала, какъ свѣтлое платье Каи Грэндаль закрыло кустарники; на мѣсто, гдѣ порхали птички, помѣстились громадный букетъ и зонтикъ, а рядомъ съ Каей стоялъ молодой человѣкъ въ мундирѣ морского офицера и съ руками, полными цвѣтовъ. Она его не знала. Теперь взоръ Каи упалъ на нее, и Торѣ показалось, что

Кая сказала ему: «это она!» послѣ чего морской офицеръ посмотрѣлъ на Тору. Съ тѣхъ поръ онъ ни на минуту не сводилъ съ нея глазъ; а глаза эти смѣялись и пронизывали ее насквозь. Кая Грэндаль начала удерживать его и сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, но онъ продолжалъ идти впередъ, все впередъ, не остановился даже на лѣстницѣ, но быстро взошелъ на нее и двинулся дальше, продолжая упорно смотрѣть ей прямо въ глаза. Она не могла пошевельнуться. Сильный шумъ у окна, вѣтеръ, чуть не снесшій вуаль г-жи Грэндаль и не вырвавшій у нея изъ рукъ зонтика, сильное движеніе среди кустовъ, шумъ въ деревьяхъ... все это она видѣла и слышала, но какъ-бы издали. Она не въ силахъ была сообразить все это, не въ силахъ была сопоставить одно съ другимъ; страшная слабость овладѣла ею, особенно въ колѣняхъ; они отказывались служить ей.

Въ эту минуту дѣвочки громко закричали и толпою бросились къ двери; тогда онъ сильнымъ ударомъ ноги растворилъ двери. Свѣжій воздухъ ворвался въ дверь; она почувствовала въ себѣ притокъ новыхъ силъ. Но пока онъ стоялъ передъ дверью, она никакъ не могла тронуться съ мѣста, несмотря на все свое желаніе. Она *должна была* стоять на мѣстѣ, точно прикованная.

Только когда онъ ушелъ, она осмотрѣлась кругомъ, отыскивая гдѣ либо скамейку; и когда она сѣла на нее, только тогда она почувствовала себя дурно. Она старалась побороть эту дурноту, придти въ себя; миссъ Голль подошла къ ней, затѣмъ Тинка, и когда Тинка громко и рѣшительно спросила: «Что съ ней?» это помогло — она заплакала.

Другія быстро подбѣжали къ нимъ; но при видѣ этого мертвенно-блѣднаго лица, онѣ замолкли и стояли тихо, тихо. Онѣ даже не задавали никакихъ вопросовъ.

— Она слишкомъ увлеклась гимнастикой, шепнула миссъ Голль.

— Она всегда такая увлекающаяся, сказала нѣжно Нора, сѣвъ рядомъ съ ней и обнявъ ее за талію.

Другія ушли по просьбѣ миссъ Голль. Слышно было, какъ онѣ въ сосѣдней маленькой комнатѣ снимали свои гимнастическіе костюмы и надѣвали вмѣсто нихъ обыкновенные. Вся ихъ прежняя веселость вернулась къ нимъ; слышно было затѣмъ, какъ онѣ одна по одной уходили.

Когда зазвонили къ обѣду, Тора сидѣла съ Тинкою по одну сторону, Норою—по другую, а миссъ Голль впереди. Тора нѣсколько разъ увѣряла, что ей хорошо. Всѣ три думали, что она слишкомъ долго и сильно гимнастировала. Она сама была въ этомъ убѣждена, но сказала внезапно:

— О, Боже, что за гадкій, злой человѣкъ!

Молодыя дѣвушки посмотрѣли другъ на друга.

— Ты говоришь о Нильсѣ Фюрстѣ?

*

Она не сейчасъ отвѣтила.

— Такъ *это* былъ Нильсъ Фюрстъ?

Нѣсколько минутъ спустя она задрожала, точно отъ холода, но не дала никакихъ опредѣленныхъ объясненій. Она думала, что съ ней случилось полу-обморочное состояніе потому, что она слишкомъ напрягала свои силы во время гимнастики; и что именно въ виду этого состоянія онъ произвелъ на нее такое сильное впечатлѣніе. Она не хотѣла распространяться объ этомъ.

И миссъ Голль ушла. Другія двѣ опять сѣли по обѣимъ сторонамъ Торы; она просила ихъ остаться съ нею, не уходить. Такъ пріятно было держать ихъ руки въ своихъ.

3. Разлученная съ другими.

На другой день Тора узнала, что Нильсъ Фюрстъ сказалъ о ней, будто она «самая красивая дѣвушка», какую онъ когда-либо видѣлъ въ Норвегіи. Сначала она не повѣрила этому, но въ слѣдующіе затѣмъ дни ей со всѣхъ сторонъ пересказывали его слова, всѣ одинаково лестныя. Когда она однажды встрѣтила на улицѣ Каю Грэндаль, послѣдняя также заговорила объ этомъ. Тора нѣсколько разъ видалась съ ней у Миллы и съ тѣхъ поръ кланялась ей. На этотъ разъ Тора быстро овладѣла собою и отвѣтила:

— Если-бы у лейтенанта Фюрста не было такого дурного вкуса, норвежскія дѣвушки могли-бы огорчиться.

Наступило жаркое, душное лѣто. Всѣ, кто могъ, переселились изъ города на дачи вдоль моря или высоко на горы. Какъ только кончились занятія, школа немедленно разсѣялась, исчезла; только немногія бѣдняжки остались въ ней, между прочимъ и Тора. Нора уѣхала съ матерью на купанья; родители Тинки были богаты и имѣли собственную дачу. Анна Рогнъ одна находилась въ городѣ; она съ помощью Рендалена изучала исторію, приготовляясь занять въ школѣ мѣсто преподавательницы исторіи вмѣсто Каренъ Лоте, покинувшей навсегда школу. Но Анна съ трудомъ сходилась съ кѣмъ-либо, особенно-же сторонилась она Торы, въ виду ея отношенія къ Миллѣ; когда-же Тора, тѣмъ не менѣе, сдѣлала попытку сблизиться съ ней, Анна пришла въ такое волненіе и смущеніе—ей было страшно много дѣла, она должна была взять на себя послѣ каникулъ преподаваніе исторіи въ низшихъ классахъ, что Тора немедленно охладѣла.

Вслѣдствіе отъѣзда изъ Годсета г-жи Рендаленъ, Тора пришла опять жить къ своей матери (объ этомъ никогда не говорилось) на косѣ; она помѣщалась въ мансардѣ съ двумя своими сестрами, въ постоянномъ шумѣ и толкотнѣ, вѣчно выслушивала выговоры матери, съ

сильнымъ недовольствомъ въ душѣ, отъ котораго она освобождалась только тогда, когда переправлялась на другую сторону и убѣгала черезъ лѣсъ въ Годсетъ или отправлялась направо черезъ площадь гулять въ «лѣски». Такъ называлось въ лѣсу на большой дорогѣ одно мѣсто для гуляній, большая площадка съ многими «лѣсками», т. е. расчищенными мѣстами, гдѣ стояли скамьи и столы, и было проведено много красиво извивающихся тропинокъ.

Въ одну субботу, послѣ обѣда, она только что собиралась идти туда и хотѣла только забѣжать къ фрэкенъ Зенгенъ, чтобы попросить ихъ составить ей компанію, какъ встрѣтила въ городѣ Каю Грэндаль; она выѣхала навстрѣчу мужу; но онъ не пріѣхалъ. Не пожелаетъ ли Тора прокатиться къ ней вмѣсто него? Пароходъ отходитъ черезъ часъ.

Тора очень любила приглашенія. Черезъ часъ она была на пристани съ большою коробкою отъ шляпы въ рукѣ, въ которую были положены ея ночной костюмъ и бѣлое платье.

На слѣдующее утро въ воскресенье она стояла на террасѣ передъ маленькой дачей Грэндалей. Справа отъ нея были разставлены комнатные цвѣты, вынесенные на дождь. Впереди растилался туманъ, влажный, густой туманъ; за садомъ выдѣлялся изъ за него хвойный лѣсъ; она видѣла ближайшія деревья и внизу, у моря, обнаженную гору; она могла разглядѣть смутно и очертанія самого моря. Туманъ былъ страшно густъ; погода не обѣщала ничего хорошаго.

Она услышала шумъ парохода; только что раздался свистокъ слѣва, гдѣ находилась пристань; теперь онъ быстро скользилъ мимо нея, точно пятно сгущеннаго, болѣе темнаго тумана среди свѣтлаго, застлавшаго всю окрестность. Она посмотрѣла на дорожку, которая вела съ пристани и соединяла сосѣдній садъ съ садомъ Грэндалей. Второй былъ окруженъ низкой желтой оградою, первый — высокою чугунною, очень изящною; за ней возвышались старинныя деревья въ обширномъ саду, а за ними много построекъ, не видныхъ съ террасы. Тамъ жили Вингаарды и у нихъ сегодня былъ назначенъ большой вечеръ. Его она тамъ встрѣтитъ? Она стояла и думала объ этомъ. Г-жа Вингаардъ была урожденная Фюрстъ; не пріѣдетъ ли къ ней и Нильсъ Фюрстъ? Она стояла и думала объ этомъ. Онъ находился недалеко со своимъ судномъ.

Почему ему не пріѣхать? Сегодня воскресенье. Почему ему не привезть съ собою и нѣсколькихъ офицеровъ?

Поѣхала-ли бы Тора на вечеръ, если бы знала о немъ заранѣе, до отхода парохода? Она задавала себѣ сегодня этотъ вопросъ. Какъ только ей сказали о вечерѣ, она почувствовала внутреннюю дрожь; ее охватило какъ бы предчувствіе, и сегодня она испытывала то же чувство; но на этотъ разъ оно не было такимъ непріятнымъ, какъ всегда,— какъ это странно, подумала она. Неужели она желаетъ встрѣтиться

съ нимъ? Она не желаетъ, чтобы онъ дотрогивался до нея, о нѣтъ. Не желаетъ также, чтобы онъ смотрѣлъ на нее такъ, какъ прошлый разъ. Но самой посмотрѣть на него? И дать ему возможность взглянуть на нее, только чтобы это произошло случайно, независимо отъ нея?.. Да, ей этого хотѣлось, ей это доставило бы большое удовольствіе.

Когда она по террасѣ проходила мимо лѣстницы, находившейся слѣва, она могла заглянуть въ комнату; она могла видѣть въ зеркалѣ дверь, ведущую въ спальню г-жи Грэндаль и посмотрѣть, открыта ли она. Нѣтъ, она заперта. Она вернулась на прежнее мѣсто.

Пароходъ все еще виднѣлся вдали большимъ чернымъ пятномъ. Балюстрада террасы была мокрая; Тора только что вытерла руку, но по разсѣянности опять положила ее на перила. Она могла бы не брать съ собою бѣлаго платья; шелъ небольшой дождь. Птички, повидимому, наслаждались имъ, онѣ щебетали вокругъ нея. Цвѣты, деревья и трава также съ радостью воспринимали его. Тора стояла и съ удовольствіемъ вдыхала въ себя свѣжій воздухъ.

Ей вспомнилась дача возлѣ Гавра, у моря. Тамъ они жили со своимъ пріемнымъ отцомъ. Тотъ же свѣжій рѣзкій воздухъ, паруса, туманъ, длинная песчаная полоса и набѣгавшія на нее съ плескомъ большія волны... Маленькая дверь къ морю была открыта; она стояла въ саду на каменной скамейкѣ, въ короткомъ платьѣ, съ голыми руками и выглядывала за ограду. Былъ вечеръ; скоро долженъ былъ прійти изъ города дядя. Дорожка въ яблочномъ саду была покрыта пескомъ; она услышала его шаги по песку.

Слѣва отъ нея показался зонтъ, а подъ нимъ пара бѣлыхъ брюкъ. Зонтъ такъ сильно закрывалъ идущаго, что его никакъ нельзя было узнать; даже теперь, отворяя калитку, онъ не приподнялъ зонта, а еще сильнѣе наклонилъ его впередъ,— но она знала, что эти шаги по песку направляются не въ дачу возлѣ Гавра, а сюда, къ г-жѣ Грэндаль. Это не былъ ея дядя, а...?

Зонтъ былъ приподнятъ, когда его собственникъ вступилъ въ садъ. Изъ за него показались, черный сюртукъ, соломенная шляпа и сильно удивленное лицо. Она почувствовала опять то стѣсненіе, отъ котораго она, какъ ей казалось, уже освободилась. Но какъ только онъ взглянулъ на нее, оно исчезло — совершенно наоборотъ тому, что она испытала въ первый разъ, когда увидала его. Онъ, конечно, вовсе не ожидалъ встрѣтить на террасѣ молодую черноволосую дѣвушку, да еще такъ рано утромъ. Но это, повидимому, не было для него непріятнымъ сюрпризомъ; онъ улыбнулся и поклонился, но на этотъ разъ не глядѣлъ ей пристально въ глаза, какъ тогда. Онъ остановился у лѣстницы.

Зонтъ лежалъ у него на лѣвомъ плечѣ, между тѣмъ какъ правая опиралась о перила. Рука была выхоленная, на одинъ изъ пальцевъ

было надѣто кольцо съ печатью. Онъ былъ высокій, стройный, гибкій человѣкъ; три вещи выдѣлялись на его лицѣ: нервный, чувственный ротъ, съ постоянно двигавшимися губами, которыя то сжимались, то разжимались; губы эти были короткія и полныя; затѣмъ большіе, веселые, добродушные глаза, но когда онъ наклонялъ голову назадъ и жмурилъ ихъ, они получали пронзительное выраженіе; наконецъ, курчавые волосы съ золотистымъ оттѣнкомъ и длинные, рыжеватые бакенбарды.

Лицо его имѣло спокойное, веселое, добродушное выраженіе, когда онъ наклонился такимъ образомъ надъ перилами. Но въ то же время въ немъ было нѣчто, заставлявшее невольно остерегаться его, нѣчто въ его головѣ, фигурѣ, рукахъ, напоминавшее кошку. Тора почувствовала это, но сегодня это внушило ей скорѣе любопытство, чѣмъ страхъ.

— Не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь. Давно ли вы пріѣхали?

— Вчера съ г-жею Грэндаль; она ѣздила въ городъ.

— Неужели?

И между ними завязался разговоръ о путешествіи сюда, о погодѣ, мѣстоположеніи, хотя они не были представлены другъ другу,— разговоръ, который велся только съ цѣлью хорошенько разглядѣть другъ друга. Предметы затрогивались слегка, вскользь, чтобы что-нибудь сказать и продлить бесѣду. Онъ пользовался этимъ временемъ, чтобы любоваться ею и изучить ея физіономію — эта замѣчательно красивая форма головы, правильныя черты лица, эта осанка и выраженіе... Глаза сверкали изъ-подъ длинныхъ, густыхъ рѣсницъ; какого они цвѣта? Они казались черными, но...? А бюстъ! А фигура? Шея, грудь, руки, цвѣтъ лица, густые черные волосы, ея костюмъ...

Никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ долго это длилось. Онъ не хотѣлъ прерывать своихъ наблюденій, а она не желала мѣшать ему любоваться ею. Ей казалось, что она находится передъ живымъ зеркаломъ; удовольствіе было далеко не изъ невинныхъ; наконецъ и она почувствовала это.

Она опомнилась и прервала разговоръ; подошла къ цвѣтамъ, сорвала нѣсколько цвѣтковъ и стала играть ихъ лепестками.

Онъ приблизился къ ней медленно, съ зонтомъ на плечѣ и правою рукою на перилахъ.

— Вы будете сегодня на вечерѣ у моей сестры?

— Г-жа Грэндаль достала мнѣ приглашеніе.

— О конечно. Такъ мы будемъ, значитъ, танцовать. Вы мнѣ обѣщаете первый туръ вальса?

Она не поднимала глазъ.

— Развѣ вы не хотите танцовать со мною этого вальса?

Она чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, что не должна отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Извините, я вспоминаю, что не имѣлъ чести быть вамъ представленнымъ; но разъ вы знаете, кто моя сестра, вы должны знать, кто я?

Онъ улыбнулся и подошелъ все еще съ большимъ зонтомъ на плечѣ и правою рукою на перилахъ. Она встала, но ничего не отвѣчала.

— Слѣдовательно, вопросъ о первомъ вальсѣ рѣшенъ? Онъ сказалъ это нѣсколько рѣшительнымъ, высокомѣрнымъ тономъ, точно чувствуя себя оскорбленнымъ.

Закрывъ зонтъ, онъ повернулся къ входной двери: «Г-жа Грэндаль дома?». Онъ вышелъ. Тора хотѣла было отвѣтить: «Но она еще не встала». Но эти слова онъ могъ перетолковать въ такомъ смыслѣ, какъ будто она желаетъ, чтобы онъ остался. Впрочемъ, г-жа Грэндаль навѣрное уже не спала и могла сама отвѣтить ему.

Онъ вошелъ въ комнату, но не вернулся обратно. Г-жа Грэндаль, значитъ, вышла къ нему? Но нѣтъ, не слышно никакого разговора.

Она подошла къ лѣстницѣ и посмотрѣла въ зеркало: дверь въ спальню была открыта настежъ.

Она быстро сбѣжала съ лѣстницы и черезъ садъ въ лѣсъ; но здѣсь было слишкомъ грязно; она вышла изъ лѣсу и взбѣжала на гору по его опушкѣ; здѣсь она сѣла на камень. Она дрожала всѣмъ тѣломъ; грудь высоко подымалась.

— Фрэкенъ Гольмъ! закричала г-жа Грэндаль, «фрэкенъ Гольмъ!» закричалъ другой голосъ.

Значитъ она уже одѣта! Крикъ этотъ раздавался съ террасы или изъ сада. Фру Грэндаль, быть можетъ, уже вышла изъ спальни, когда онъ вошелъ въ гостиную. Потому то они и не разговаривали.

Но Тора не могла сразу собраться съ силами, чтобы отвѣтить на зовъ г-жи Грэндаль. А разъ она не отвѣтила на первый зовъ, она должна была молчать и на второй зовъ, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ей. Вскорѣ крики замолкли.

Который это могъ быть часъ? Могъ ли онъ такъ рано прійти съ визитомъ къ посторонней дамѣ? Притомъ прямо съ парохода, не къ сестрѣ, а къ ней? который теперь часъ?

Но у нея не было часовъ при себѣ. Она забыла ихъ надѣть.

А вотъ показались вдали бѣлые брюки и зонтъ. Онъ поднимался на гору къ ней. Она казалась сильно сконфуженною.

— Но, дорогая фрэкенъ, развѣ вы не слышали, какъ г-жа Грэндаль звала васъ? Тора ничего не отвѣчала. — Какъ же сильно вы измокли! Безъ зонта? Что за неосторожность! Почему вы убѣжали? Никакого отвѣта. — Г-жа Грэндаль сегодня цѣлое утро занималась приготовленіемъ для насъ яичницы.

— Неужели?

— Да, конечно. Ея мужъ долженъ былъ пріѣхать сюда, а онъ проигралъ мнѣ яичницу. Но онъ не пріѣхалъ.

— Который теперь часъ?

— Часъ? А вамъ зачѣмъ? — Скоро одиннадцать.

— Скоро одиннадцать?

— Да, посмотрите сами. Онъ протянулъ ей массивные американскіе золотые часы, открывая крышку.

Она молча послѣдовала за нимъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она спросила, какъ онъ могъ такъ скоро найти ее. О, онъ замѣтилъ на песку слѣды ея ногъ, а объ остальномъ сейчасъ догадался; никто не ходилъ въ лѣсъ въ такой дождь; вотъ онъ и пошелъ на гору.

Они съѣли втроемъ яичницу, и завтракъ прошелъ очень весело. Но черезъ часъ Тора убѣжала въ свою маленькую комнату наверху и заперлась въ ней. Въ 6 часовъ послѣ обѣда, когда гости начали собираться у Витгаардовъ, она сѣла на пароходъ, возвращавшійся въ городъ, и уѣхала.

Что случилось? Ничего, рѣшительно ничего. Но подобно тому какъ туманъ продолжалъ застилать передъ нею пейзажъ, хотя не такъ густо, какъ утромъ, она чувствовала вокругъ себя что-то смутное, нелѣпое, невозможное. Ей было нестерпимо сидѣть между Фюрстомъ и г-жею Грэндаль; она чувствовала себя между ними страшно неловко; все, что она говорила или дѣлала, было невпопадъ.

Поэтому она не рѣшалась итти съ ними на вечеръ. При одной мысли о томъ, чтобы вальсировать съ Фюрстомъ, она вздрагивала. Это не годилось. Въ такомъ случаѣ, одно только оставалось—бѣжать. Она стала изобрѣтать самые невозможные предлоги для отъѣзда. То ея бѣлое платье сильно смялось въ коробкѣ — но на это ей возразили, что можно разгладить его горячимъ утюгомъ; то ея мать ждетъ ее, — но къ ея услугамъ былъ телеграфъ.

Какъ бы то ни было, но теперь она сидѣла на пароходѣ. Это былъ настоящій подвигъ, — и она была очень рада.

Остальные пассажиры размѣстились въ каютѣ или въ рубкѣ. Она вышла на палубу и присѣла на скамейку. Кромѣ двухъ рабочихъ, никого не было вблизи. Она испытывала пріятное чувство одиночества. Когда пароходъ проѣхалъ мимо горы, на которую она взбѣгала утромъ, ее охватило какое-то глубоко радостное чувство, точно она избавилась отъ чего-то необыкновенно тяжелаго, непріятнаго.

Несмотря на туманъ, погода была прекрасна; воздухъ былъ теплый, дождь больше не шелъ. Острова, мимо которыхъ они проѣзжали, красиво выдѣлялись на морѣ: ихъ многочисленныя горы, покрытыя роскошною растительностью, ихъ зеленыя лужайки, сады съ домами, — о, ихъ было такъ много, одинъ возлѣ другого,—обрисовывались необыкновенно ясно; такъ же хорошо были видны и люди, сидѣвшіе и стоявшіе, и глядѣвшіе оттуда на пробѣгавшій мимо пароходъ. Ей захотѣлось жить

тамъ, среди нихъ. Она вообразила, что уже живетъ на одномъ изъ этихъ острововъ и устраиваетъ домъ по собственному вкусу, на этотъ разъ чрезвычайно скромно. Какъ хорошо она чувствовала себя теперь послѣ всего, отъ чего избавилась!

Но вдругъ ею опять овладѣло смущеніе! Что-то стало давить ее; прежнее чувство неувѣренности...

Конечно, это только воспоминаніе, подумала она, глядя въ даль. Но нѣтъ, она принуждена была повернуться и посмотрѣть назадъ.

Тамъ стоялъ онъ! Въ четырехъ-пяти шагахъ отъ нея на палубѣ. Онъ поклонился и улыбнулся.

Она отвернулась въ страшномъ испугѣ, то блѣднѣя, то краснѣя.

— Послушайте, вы же не сердитесь на меня? Я предпочелъ вернуться съ вами въ городъ, чѣмъ танцовать тамъ до 5 часовъ утра. Не ужели *это* такъ ужасно?—За что вы не хотите смотрѣть на меня? За что?

Онъ сѣлъ на скамейкѣ позади нея. Она замѣтила это и быстро отодвинулась.

— Почему вы это дѣлаете? Конечно, я сѣлъ на пароходъ только для того, чтобы поговорить съ вами? Развѣ это для васъ обидно?

Смѣшанное чувство страха и стыда овладѣло ею; она была одна, разлучена съ другими; она готова была громко вскрикнуть и позвать ихъ. Каждый разъ, когда Тора чувствовала, какъ она покинута, она начинала плакать.

Онъ замѣтилъ это и сказалъ совершенно другимъ тономъ: «Дорогая фрэкенъ, вы, повидимому, не понимаете меня! Я вовсе не имѣю намѣренія мучить васъ; совершенно напротивъ! Я очень желалъ-бы поболтать съ вами, это правда. Неужели вы мнѣ не разрѣшите этого? Почему вы не хотите разговаривать со мною?»

Она ничего не отвѣчала, но перестала плакать. Онъ сталъ говорить о разныхъ постороннихъ вещахъ и мало по малу успокоилъ ее. Онъ замѣтилъ, какъ ему жалко, что они до сихъ поръ не были знакомы другъ съ другомъ. «Я пожалѣлъ объ этомъ, какъ только васъ увидѣлъ. Но мнѣ очень хотѣлось еще разъ увидать васъ. Я и увидѣлъ васъ сегодня утромъ. Но мы не могли говорить другъ съ другомъ. Вы были все время такая странная. Почему это?—Быть можетъ, это мнѣ только такъ показалось? Но почему вы, напримѣръ, захотѣли непремѣнно уѣхать?—Я думаю, что я одинъ въ этомъ виноватъ. Вы-же не хотѣли ѣхать, пока я не явился? Не правда-ли? — Ну, вотъ понятно, я и полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло. Разъ я выгналъ васъ изъ дому вашей знакомой, я долженъ-же былъ узнать, чѣмъ я васъ напугалъ? Быть можетъ, моимъ большимъ зонтомъ? Да, теперь вы смѣетесь. Но почему-же вы во что бы то ни стало хотѣли ѣхать, фрэкенъ? Скажите мнѣ это!»

Онъ подвинулся къ ней ближе, но она не тронулась съ мѣста. Онъ болталъ безъ умолку, весело и шутливо. Иногда она оборачивалась къ

нему вполовину и смѣялась вмѣстѣ съ нимъ, при одномъ взглядѣ на его насмѣшливую, веселую физіономію. Онъ былъ очень забавенъ.

У одной изъ пристаней они увидѣли красный домъ, а возлѣ него цѣлую массу молодежи, занимавшейся гимнастикой съ помощью нѣсколькихъ гимнастическихъ аппаратовъ. Молодая дѣвушка и молодой человѣкъ держались каждый за веревку, вдѣтую въ круглую дыру на столбѣ; онъ бѣжалъ за ней изо всѣхъ силъ, дѣлая нѣсколько шаговъ по землѣ, затѣмъ длинный прыжокъ въ воздухѣ, затѣмъ опять нѣсколько шаговъ и опять большой воздушный прыжокъ. Поймаетъ-ли онъ ее? О нѣтъ! Она была гораздо легче его и ловчѣе; у нея были, очевидно, гораздо болѣе сильныя ноги; она прыгала такъ быстро, быстро, что едва можно было разглядѣть ея ноги, и точно летала по воздуху! Волоса ея и платье развѣвались.

Тора и Фюрстъ напряженно слѣдили за этою погонею. Вдругъ Тора почувствовала точно огонь на своей спинѣ: онъ незамѣтно подвинулся къ ней. Быстро вставши, она пошла въ рубку и сѣла среди другихъ пассажировъ.

Онъ стоялъ на пристани, когда она сходила внизъ на косу, и подалъ ей руку, но она отказалась отъ его помощи; предложилъ понести за ней ея коробку, но она вмѣсто отвѣта быстро пошла впередъ. Тогда онъ опять взошелъ на пароходъ и отправился во внутреннюю гавань.

4. Охота.

Она вернулась домой почти одновременно со своимъ отцомъ, который ѣздилъ кататься по морю съ товарищами. Онъ былъ пьянъ. Дѣти разбѣжались; Тора заперлась въ своей мансардѣ и не рѣшалась выйти даже къ ужину, хотя была очень голодна. Ей пришлось вскорѣ отпереть своимъ сестрамъ, но съ ними она немедленно поссорилась: въ ея отсутствіи онѣ надѣвали ея лучшіе ботинки и совершенно испортили ихъ. Кончилось тѣмъ, что одна изъ нихъ швырнула ей въ лицо ботинокъ, а она ее побила. Сестра побѣжала жаловаться матери. Взбѣшенная мать поднялась вверхъ и выбранила Тору. Тора расплакалась и долго рыдала, лежа въ постели, пока не заснула, какъ маленькое дитя. На слѣдующій день она попробовала помочь матери по хозяйству, но дѣло не обошлось безъ грубыхъ словъ и колкихъ замѣчаній, въ родѣ того, что такія изнѣженныя благородныя барышни только мѣшаютъ. Тѣмъ не менѣе она поставила на своемъ и, если не могла помочь матери по хозяйству, занялась вмѣсто нея шитьемъ. Изъ своей маленькой пожизненной ренты она давала имъ все, что могла, такъ что отношенія между ними были еще довольно хороши. Но Торѣ казалось, что въ виду этого она была вправѣ удѣлить себѣ хоть немного времени. Каждый день, за нѣсколько времени до ужина, она переѣзжала на ту

сторону залива и отправлялась или черезъ лѣсъ въ Годсетъ, или въ «лѣски»; дома она не могла имѣть ни минуты покоя. Куда-бы она ни шла, въ лѣсъ или «лѣски», она всякій разъ приказывала высадить себя въ Боммонѣ и проходила черезъ него, хотя это былъ далеко не самый близкій путь. Но она не знала лучшаго мѣста въ городѣ, какъ домъ въ большомъ саду въ Боммонѣ, такъ что ей доставляло всегда большое удовольствіе смотрѣть на него. Обѣ части сада принадлежали когда-то фамиліи Вингаардъ, но затѣмъ одна изъ нихъ была обмѣнена на домъ Фюрста на площади, гдѣ Вингаарды продолжали торговлю Фюрстовъ. Слѣдовательно домъ, стоявшій въ большомъ саду въ Боммонѣ, принадлежалъ теперь шурину Вингаарда, Нильсу Фюрсту.

Тора всякій разъ проходила мимо этого дома со страхомъ, — хотя ужасный человѣкъ находился не здѣсь, а тамъ, на военномъ суднѣ. Этотъ страхъ вносилъ нѣкоторое разнообразіе въ ея скучную жизнь, занятіе, и составлялъ одну изъ прелестей ея прогулки.

Каждый разъ, когда домъ оставался благополучно позади, она тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ озиралась по сторонамъ. Въ такомъ маленькомъ норвежскомъ городкѣ дѣвушки всегда ходятъ однѣ, куда хотятъ. Онѣ встрѣчаютъ подругъ и присоединяются къ нимъ или продолжаютъ свой путь въ одиночествѣ. Тора бо́льшею частью предпочитала гулять одной часъ—два; у нея были свои любимыя мѣстечки и, дойдя до одного изъ нихъ, она открывала книгу, если таковая была у нея съ собою, или мечтала безъ помощи книгъ. Или — это она начала дѣлать только теперь — она писала длинныя письма — по одному каждый день — о томъ замѣчательномъ приключеніи, которое случилось съ ней въ эти дни. Она брала съ собою свой портфель, а чернильницу клала въ карманъ; пришедши на мѣсто, она или ложилась на траву, положивши портфель на камень, или садилась на камень съ портфелемъ на колѣняхъ и чернильницей возлѣ. Дѣло спорилось у нея въ рукахъ. Эти письма прекрасно отражали окружающую обстановку; слова навѣвались въ нихъ вѣтромъ, и всѣ бродившія въ головѣ мысли излагались свободно, по мѣрѣ того какъ онѣ приходили. А какъ хорошо было здѣсь въ рощѣ, куда съ трудомъ прорывался солнечный лучъ; ее оживляло пѣніе порхающихъ по деревьямъ птичекъ, и изрѣдка тишина прерывалась шумомъ вѣтвей отъ прыгающихъ по нимъ бѣлокъ. Отдаленные звуки, доносившіеся сюда изъ гавани и мастерскихъ у устья рѣки, голоса разговаривавшихъ въ «лѣскахъ» или на дорогѣ, а иногда и доходившая до нея музыка только усиливали прелесть ея уединенія. Это было ея лѣтней поэзіей. Какъ только она просыпалась, она начинала мечтать о томъ, какъ пойдетъ сюда. Шумъ и ссора дома перестали задѣвать ее за живое; они точно не касались ея; жила она здѣсь въ рощѣ. Великія событія своей жизни—поѣздка къ фру Грэндаль, ея возвращеніе домой на кораблѣ, были, конечно, описаны самымъ подроб-

нымъ образомъ въ письмахъ къ Миллѣ, Норѣ и Тинкѣ. На четвертый день она рѣшилась прочесть произведенія предыдущихъ трехъ дней; она заранѣе радовалась этому; ей нравилось, что она такъ хорошо съумѣла разнообразить сюжетъ. Но уже при чтеніи перваго письма она задумалась, она вспомнила остальныя два, и различіе между ними рѣзко бросилось ей въ глаза. Что, если подруги когда-либо сойдутся и начнутъ вспоминать письма, сравнивать, да, тогда легко можетъ произойти одна изъ тѣхъ непріятныхъ сценъ, за которыя отвѣчать придется одной только Торѣ. Нѣтъ, эти сцены уже надоѣли ей. Въ первомъ письмѣ она отнеслась къ случившемуся совершенно серьезно, описывала свое смущеніе, свои ошибки, свой страхъ; никто, читавшій его, не могъ сомнѣваться ни одной минуты, что Тора имѣетъ передъ собою человѣка, котораго она дѣйствительно боится. Въ другомъ письмѣ она смѣялась надъ нимъ, надъ собою и надъ всѣмъ. Въ третьемъ — она описывала молодую дѣвушку съ черными волосами, которая гуляла по песчаному берегу чужой земли, какъ вдругъ изъ моря вышелъ водяной съ бѣлокурыми бакенбардами и курчавыми волосами. Страшно испугавшись, молодая дѣвушка поспѣшила сѣсть на корабль, который долженъ былъ отвезти ее домой, но водяной продолжалъ плыть за ней, держа руку на сердцѣ. Когда она сошла съ корабля, онъ испустилъ жалобный возгласъ. Вопль этотъ вспоминался ей каждую ночь.

Она порвала всѣ три письма, и больше ни одного не написала.

Но отъ прогулокъ она не отказалась. Она не имѣла никакого понятія о томъ, что Нильсъ Фюрстъ пріѣхалъ вновь въ городъ, что одинъ товарищъ занялъ его мѣсто во флотѣ, а онъ самъ трудится теперь надъ изученіемъ иностранныхъ языковъ, приготовляясь къ новой карьерѣ, болѣе блестящей, чѣмъ прежняя. Тѣмъ менѣе могла она думать, что онъ увидалъ ее черезъ свои большія зеркальныя окна въ первый же день своего пріѣзда въ городъ, увидалъ, какъ она прошла мимо его дома и застѣнчиво посмотрѣла вверхъ; онъ замѣтилъ ее и на слѣдующій день. Онъ зналъ, что это далеко не ближайшій путь въ лѣсъ, куда она ходила въ первый день, — ни въ «лѣски», куда она ходила во второй. Онъ оба раза прослѣдилъ ее издали. Но на третій день онъ рѣшилъ послѣдовать за ней; ему казалось, что онъ понялъ ее.

Онъ понималъ толкъ въ дѣвушкахъ, которыя и хотятъ, и не хотятъ; онѣ вели себя буквально такимъ образомъ.

Она пришла и сегодня; поднявъ боязливо глаза вверхъ, она быстро прошла впередъ съ своимъ портфелемъ подъ рукою. Что-то остановило ее на дорогѣ и заставило обернуться. Тутъ она замѣтила его! Онъ быстро шелъ за ней, точно гнался.

Она отвѣтила на его поклонъ, но, какъ только могла сдѣлать это такъ, чтобы ее никто не видѣлъ, она немедленно ускорила свой шагъ; она почувствовала страхъ, необъяснимый страхъ. Лучше всего было-бы,

конечно, если-бы она вернулась назадъ, но сегодня она не могла собраться съ мужествомъ, чтобы встрѣтить смѣло его взглядъ, а никто изъ знакомыхъ не жилъ по-близу. Она шла все впередъ, впередъ и впередъ; ей казалось, что онъ слѣдуетъ за ней по пятамъ; она почти чувствовала это.

Она не рѣшалась бѣжать по большой дорогѣ, но она вспомнила, что въ лѣсу она лучше знаетъ всѣ выходы, чѣмъ онъ, и легко можетъ скрыться. Она пошла поэтому въ сторону, въ лѣсъ; къ своему ужасу она увидала, что и онъ поворачиваетъ въ сторону и идетъ слѣдомъ за ней. Тогда она пустилась бѣжать, повернула круто влѣво и спряталась за большимъ камнемъ. Она сдѣлала это очень ловко. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ она увидала его; онъ бѣжалъ нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ она сидѣла съ сильно бьющимся сердцемъ. Здѣсь, гдѣ никто не могъ его видѣть, онъ бѣжалъ во всю прыть, скакалъ, перепрыгивалъ; его длинныя ноги преодолѣвали всѣ препятствія.

Она подождала, пока онъ не скрылся изъ виду, и побѣжала черезъ лѣсъ въ противоположномъ отъ него направленіи; она бѣжала, не останавливаясь, пока не взбѣжала на гору, возвышавшуюся надъ Годсетомъ; здѣсь она сѣла на камень, подъ единственнымъ хвойнымъ деревомъ, выдѣлявшимся среди массы лиственныхъ. И когда она съ сверкающими глазами, блѣдная, какъ смерть, оглянулась вокругъ, онъ представился передъ ея мысленнымъ взоромъ такимъ, какимъ пробѣгалъ сейчасъ мимо камня. Какъ онъ былъ безобразенъ! Этотъ человѣкъ могъ на все рѣшиться!

Съ этого времени она никакъ не могла отъ него отдѣлаться. Вездѣ и повсюду слышала она о немъ и встрѣчала его, точно онъ одинъ наполнялъ собою весь городъ. Или скорѣе, она ежечасно и ежеминутно убѣгала отъ него, а онъ опять и опять становился передъ ней.

Сестры ея разсказывали ей, что онъ проѣзжалъ мимо и смотрѣлъ въ окна, или-же, что онъ проходилъ мимо ихъ дома и поручилъ имъ поклониться ей. Это приводило ихъ въ сильнѣйшее возбужденіе. Онѣ также слышали о комплиментахъ, которые Нильсъ Фюрстъ сказалъ о Торѣ, именно, что она «самая красивая» дѣвушка въ Норвегіи.

Но ужасъ Торы все усиливался; за ней гнались какъ за дичью. Она не выдержитъ этой борьбы, она это чувствовала.

Къ кому ей обратиться? Никого изъ Рендаленовъ не было дома. Г-жа Рендаленъ должна была вернуться къ концу каникулъ, но до того времени было еще три недѣли. Ни съ кѣмъ другимъ она не смѣла заговорить объ этомъ: она чувствовала такой стыдъ. Она вспомнила о башмачникѣ Гансенѣ, но жена его была такъ строга; она не пойметъ ее. О своей матери она даже не подумала.

Но вѣдь это было нѣчто, происходившее въ ней самой. Не могла же она попасть во власть другого человѣка, пока сама не пожелала-бы этого.

Но когда она чувствовала себя настолько слабою, что даже не въ силахъ была прогнать его изъ своихъ мыслей!

Въ субботу вечеромъ она легла въ кровать страшно уставшею, точно послѣ тяжелыхъ физическихъ трудовъ. Она лежала и слѣдила изъ окна за кораблемъ, въѣзжавшимъ въ рейдъ. Она смотрѣла, какъ свертывали паруса, развѣваемые вѣтромъ. Это было такъ близко, что ей казалось, будто она можетъ рукою тронуть ихъ. Вдали бушевало море. Спасаясь отъ моря, отъ бури, отъ высоко подымавшихся волнъ, корабль входилъ въ гавань. И она поищетъ себѣ гавани!

Это было въ субботу вечеромъ; на другой день она должна была пойти въ церковь. При этой мысли лицо Карла Вангена улыбнулось ей; она успокоилась и немедленно заснула. Если бы онъ былъ дѣвушкою, она немедленно пошла-бы къ нему, именно къ *нему* съ мучившими ее мыслями.

На другой день она сидѣла въ церкви на самой задней скамейкѣ. Карлъ Вангенъ встрѣтилъ ее и сказалъ, какъ это пріятно, что она скоро вернется въ Годсетъ и будетъ помогать г-жѣ Рендаленъ.

Эти слова заставили ее сѣсть на самую заднюю скамейку; она чувствовала, что готова заплакать.

Но она этого не сдѣлала. Въ церкви было прохладно и тихо, и полно людей; ничто не напоминало знойнаго лѣтняго дня. Кромѣ того, когда Карлъ Вангенъ взошелъ на каѳедру, онъ началъ свою проповѣдь съ того, съ чего началъ въ день ея вступленія въ школу, онъ заговорилъ о встрѣчахъ—это слово смутило ее, напомнивъ ей ея мученіе. Она перестала слушать. Карлъ Вангенъ говорилъ объ обращеніяхъ; онъ, какъ всегда, дополнялъ свой разсказъ примѣрами изъ жизни. Но эти примѣры были знакомы ей еще со школы.

Она пробудилась при имени Джона Уэслея. Его обращеніе, говорилъ Вангенъ, было самое основательное и полное изъ всѣхъ, какія онъ когда-либо зналъ. Онъ разсказалъ о немъ и затѣмъ привелъ нѣсколько примѣровъ внезапныхъ обращеній, между прочимъ два, произведенныя самимъ Уэслеемъ. Эти внезапныя обращенія составляли главнымъ образомъ предметъ его настоящей бесѣды. Онъ зналъ одну молодую дѣвушку, которая мучилась при мысли о своихъ грѣхахъ, увѣренная, что не можетъ получить за нихъ прощеніе, — пока однажды не увидала картины Рубенса — Марію Магдалину съ длинными, распущенными волосами у ногъ распятаго Христа. Она сейчасъ же вообразила себѣ, что она именно и есть Марія Магдалина, и что она именно и лежитъ у ногъ распятаго Христа, живо представила себѣ это — и немедленно увѣровала, что Іисусъ Христосъ распятъ за нея, и что грѣхи ея прощены. Глубокая, глубокая радость охватила ее. Много подобныхъ примѣровъ могъ привесть ораторъ, особенно изъ жизни женщинъ. Онѣ хватались за какой-либо отдѣльный случай изъ жизни Іисуса, за

какое-нибудь отдѣльное его слово, — всецѣло проникались имъ, и новый свѣтъ внезапно озарялъ ихъ, точно наитіе находило на нихъ. Съ этой минуты имъ было ясно, что грѣхи ихъ прощены, онѣ начинали бодро и смѣло идти впередъ.

Тора перестала слушать, тѣмъ болѣе что Вангенъ началъ говорить *противъ* такого рода обращеній.

Она стала немедленно дѣлать надъ собою пробы. Его знакомый голосъ раздавался гдѣ-то вдали; все исчезло вокругъ нея; она увидала Іисуса на крестѣ въ чужой странѣ, съ низко плывущими надъ нимъ мрачными облаками; все было мрачно—деревья, долины, горы. Она видѣла, какъ глаза его закрывались, какъ грудь его подымалась и опускалась, и какъ наступила ночь. Она чувствовала, что ея маленькое страданіе исчезаетъ въ этомъ большомъ, ужасномъ.

Она не знала, сколько времени сидѣла такимъ образомъ.

Проповѣдь еще продолжалось. Но она не могла ни выйти изъ церкви, ни слушать она не хотѣла.

По выходѣ изъ церкви, она чувствовала одно только желаніе—поскорѣй, поскорѣе возобновить этотъ опытъ.

Всѣ эти дни она не выходила изъ дому. Сегодня послѣ обѣда она рѣшилась прогуляться. Изъ страха къ Фюрсту она сдѣлала обходъ черезъ кладбище въ лѣсъ и, взобравшись на гору, сѣла на низкомъ, плоскомъ камнѣ, подъ большимъ хвойнымъ деревомъ.

Теперь она серьезно относилась къ своему положенію; она уже не мечтала, не искала наслажденія, удовольствія, а только одной помощи—средства выйти изъ теперешняго невыносимаго состоянія, зажить новою, лучшею жизнью. Эти тяжелые дни просвѣтили ее. Она поняла, что жила слишкомъ бездѣльною жизнью, ничѣмъ не интересуясь, вела себя слишкомъ легкомысленно, сама поддавалась искушенію, какъ-бы кокетничала съ нимъ, и потому могла легко сдѣлаться жертвою негодяя. Она сразу не защитила себя, не стала на сторожѣ, — да, опасность даже имѣла для нея свою привлекательную сторону.

Но теперь все кончено. Она должна серьезно заняться какимъ-либо дѣломъ, отдаться ему душою, только это одно могло спасти ее. Не честолюбіе говорило въ ней, а только одинъ страхъ.

Она бросилась на колѣни и съ сильно бьющимся сердцемъ начала молиться. Это была самая горячая, самая смиренная молитва. Опасность висѣла надъ нею.

О, дай мнѣ силу противиться тому, кто преслѣдуетъ меня! Она не сомнѣвалась ни одной минуты, что такая сила можетъ быть дарована ей только свыше, внезапнымъ наитіемъ.

Она увидала себя мысленно сильною, энергичною, избавленною отъ своего страха, занятою дѣломъ, — какимъ-бы то ни было, только чтобы ея мысли могли сосредоточиваться на немъ. Хотя-бы ей пришлось по-

святить ему всю жизнь, все равно! Она не могла представить себѣ бо́льшаго счастья, бо́льшей чести, какъ трудиться надъ чѣмъ нибудь всѣми своими силами, отдаваться какому-либо дѣлу всѣмъ своимъ существомъ. Крайности были у нея въ характерѣ: она не умѣла ничего дѣлать вполовину.

Теченіе ея мыслей было внезапно прервано: она вспомнила о своихъ подругахъ. Милла выражала въ послѣднемъ письмѣ *страхъ*, что погода перемѣнится къ худшему, а Нора — *страхъ*, что ей забудутъ прислать новыхъ нотъ. Почему она одна принуждена прятаться здѣсь вдали отъ всѣхъ и притомъ такъ ужасно страдать? Ея одинокое положеніе должно было бы возбудить къ ней состраданіе, а оно, напротивъ того, только подстрекаетъ другихъ пользоваться имъ.

Она сидѣла на камнѣ, опираясь о большую ель, спиною къ виду на море. Передъ ней разстилалось большое пастбище, кое-гдѣ поросшее молодыми деревьями и кустарниками.

О Боже, какъ далеко отъ нея то время, когда онѣ ходили подъ руку и болтали въ собраніяхъ ферейна и другихъ мѣстахъ! Прошло только нѣсколько недѣль, а она уже должна была прятаться здѣсь. Если бы ея мученія стали извѣстны, она утратила бы, вѣроятно, и то небольшое положеніе, какое занимала теперь въ обществѣ. Ей нельзя бы было бывать у Энгелей, быть дружной съ Миллой, ходить наверхъ къ г-жѣ Рендаленъ!

И она заплакала. Но она соберется съ силами, она подавитъ въ себѣ эти чувства! Но проклятое, раскраснѣвшееся, разгоряченное лицо, промелькнувшее передъ ней, когда она пряталась за камень! Оно приворожило ее! Она сама понимала, что испытываемый ею страхъ опаснѣе для нея, чѣмъ самъ человѣкъ.

Въ то самое время, когда Тора поднялась по горѣ, Нильсъ Фюрстъ расхаживалъ на пароходѣ, съ капитаномъ котораго былъ знакомъ; и когда она стала приближаться къ плоскому камню подъ елью, онъ взялъ въ руки новую зрительную трубу, купленную для парохода, и сталъ наводить ее. Онъ навелъ ее на устье рѣки и затѣмъ началъ медленно двигать взадъ и впередъ, вверхъ и внизъ, расматривая окрестности.

Она едва успѣла сѣсть на камень, какъ онъ замѣтилъ ее.

Онъ немедленно направился черезъ площадь направо, мимо садовъ Годсета.

Въ послѣднее время онъ ни о чемъ другомъ не думалъ. Онъ съ трудомъ занимался и почти не спалъ. Никогда еще ему не приходилось охотиться за такою замѣчательною красавицею. Когда она день за днемъ проходила мимо дома, въ которомъ онъ жилъ, и затѣмъ пря-

талась, какъ только онъ появлялся, онъ не обвинялъ ее, считалъ это вполнѣ естественнымъ съ ея стороны. Его уже дѣло было найти ее тамъ, гдѣ она пряталась, — онъ не могъ бы доставить ей бо́льшаго удовольствія. Чѣмъ чаще она пряталась, тѣмъ сильнѣе она желаетъ, чтобы онъ ее нашелъ. Онъ понимаетъ теперь, почему она въ тотъ день убѣжала отъ фру Грэндаль. Онъ понимаетъ, почему она плакала на пароходѣ. Ахъ, эти дѣвчонки! Но эта охота затянулась слишкомъ долго, она становилась утомительною. Къ этому присоединилось еще чувство оскорбленнаго достоинства: неужели она думаетъ одурачить *его?* Съ нимъ этого еще никогда не случалось. Только-бы она не увидѣла его сегодня слишкомъ рано! Если бы онъ могъ настолько приблизиться къ ней, чтобы встрѣтиться съ ея взглядомъ!

Не смотря на свое сильное возбужденіе, онъ осторожно подвигался впередъ, -- не по тропинкѣ, но прямо черезъ лѣсъ, прячась за деревья. Онъ ползъ тамъ, гдѣ не могъ идти. Она сидѣла, задумавшись, стараясь вызвать въ головѣ такое представленіе, которое могло бы всецѣло овладѣть ею и заставить забыться, но это ей не удавалось; что-то прерывало всякій разъ теченіе ея мыслей, — вдругъ вѣтка внизу хрустнула. Ей все время хотѣлось обернуться назадъ. Нѣтъ-ли кого-нибудь за ней? Она посмотрѣла внизъ. Сначала она ничего не замѣтила; да, какое-то движеніе въ вѣтвяхъ; она услышала также шелестъ въ листьяхъ. Это, должно быть, корова или лошадь изъ Годсета; онѣ пасутся здѣсь лѣтомъ. Тѣмъ не менѣе она вся вспыхнула; ей захотѣлось встать и уйти; но глаза были устремлены неотвязно на вѣтви внизу; что то темное виднѣлось изъ за нихъ. Показалась голова, туловище — *онъ*. Какимъ это образомъ? Развѣ онъ зналъ, что она здѣсь? — Откуда онъ пришелъ? — Вопросы эти безпорядочно носились въ ея головѣ. — Вдругъ онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее. Она собрала всѣ свои силы, хотя ей казалось, что сто пудовъ виситъ у нея на ногахъ. Но она не отвернулась отъ него и не двинулась съ мѣста; она не могла совладать съ собою. Онъ подошелъ, одинъ только камень раздѣлялъ ихъ. Ужасъ охватилъ ее, она задрожала съ головы до ногъ; отвернувъ голову, она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и встрѣтила его. Она отшатнулась, но онъ дотронулся до нея, руки его обвили ея станъ точно огненнымъ поясомъ. Она такъ неожиданно и такъ тяжело упала, что онъ чуть не свалился вмѣстѣ съ нею.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нуждается ли русская интеллигентная женщина въ спеціальномъ сельскохозяйственномъ образованіи?

(моимъ ученикамъ).

Наше отечество — страна по преимуществу земледѣльческая: слишкомъ 80% ея населенія занимаются сельскимъ хозяйствомъ; главную цѣнность продуктовъ нашего народнаго труда и сбываемыхъ нами заграницу товаровъ составляютъ произведенія нашего сельскаго хозяйства; малѣйшее неблагополучіе въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ тяжело отзывается на нашихъ государственныхъ и земскихъ финансахъ, на нашей заводской и фабричной промышленности, на нашей внутренней и внѣшней торговлѣ, на заработкѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и т. д.

У насъ много имѣній, которыми владѣютъ женщины, или въ которыхъ некому болѣе заняться хозяйствомъ какъ женщинѣ, между тѣмъ мы встрѣчаемъ лишь въ видѣ исключенія женщинъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ; хотя надобно отдать справедливость, что, въ этихъ, сравнительно немногихъ, случаяхъ, женщины ведутъ хозяйство часто небезуспѣшно

Наши многочисленные сельскіе хозяева—собственники земли, арендаторы и управляющіе, имѣютъ семьи, которыхъ члены—женщины стоятъ близко къ сельскому хозяйству, а между тѣмъ весьма рѣдко принимаютъ болѣе дѣятельное участіе въ этомъ послѣднемъ.

Много нашихъ интеллигентныхъ женщинъ и дѣвушекъ ищутъ заработка и не находятъ его на поприщахъ дѣятельности, уже освященныхъ нашимъ обычаемъ для женскаго труда; педагогическомъ, медицинскомъ, торговомъ.

Все это не новые, всѣмъ извѣстные факты, которые, казалось-бы, прежде всего должны были-бы вызвать у насъ запросъ на сельскохозяйственное женское образованіе; между тѣмъ у насъ имѣются курсы высшаго общаго женскаго образованія, правда только въ С.-Петер-

бургѣ; у насъ были курсы высшаго медицинскаго женскаго образованія и имѣются школы фельдшерицъ и акушерокъ; у насъ кое-что сдѣлано для спеціальнаго педагогическаго образованія женщины; за невозможностью пріобрѣсти извѣстное образованіе въ своемъ отечествѣ, многія наши соотечественницы искали высшаго образованія, медицинскаго, юридическаго, естественно-научнаго, математическаго, заграницей; и надобно отдать справедливость, русская женщина оказалась способною къ научному образованію, въ особенности-же медицинскому.

Мы съ гордостью можемъ указать на множество пользующихся большимъ довѣріемъ народа женщинъ-врачей, за которыми самимъ правительствомъ признаны весьма широкія права медицинской практики; на нѣсколько женщинъ, извѣстныхъ своими юридическими и естественно-научными познаніями; на пользовавшагося европейской извѣстностью стокгольмскаго профессора математики С. В. Ковалевскую, такъ рано утраченную стокгольмскимъ университетомъ, Россіей и наукой.

Въ послѣднее время у насъ проводится мысль о необходимости спеціальнаго фармацевтическаго и даже коммерческаго женскаго образованія, но пока почти ничего не сдѣлано и почти вовсе не говорится о спеціальномъ женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи. Никто изъ нашихъ соотечественницъ, насколько мнѣ извѣстно, не искалъ сельскохозяйственнаго образованія заграницей.

Правда, попытка получить сельскохозяйственное образованіе была у насъ — въ 1869 г. дѣвушка, дочь одного крупнаго землевладѣльца, получивъ естественно-научную подготовку заграницей, между прочимъ изучивъ химію въ Гейдельбергѣ, безуспѣшно хлопотала прослушать курсъ сельскаго хозяйства въ петровской академіи. Въ 1876 г. одна изъ московскихъ дамъ возъимѣла было мысль сдѣлать что либо для сельскохозяйственнаго женскаго образованія, но мысль эта скоро уступила мѣсто иной. Есть проектъ сельскохозяйственной школы г. Армфельда, появившійся въ нашей періодической печати нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, мы имѣемъ двѣ низшія профессіональныя школы: одну для учениковъ и учениць въ Евдиловѣ, Тверской губерніи, а другую исключительно женскую въ имѣніи Зазулинцы, Кіевской губ., съ 8 мѣсячнымъ всего курсомъ для изученія мелкихъ отраслей сельскаго хозяйства: маслодѣлія, сыроваренія, птицеводства и т. д. Но все это не болѣе, какъ капля воды въ морѣ того, что должно-бы и могло бы быть сдѣлано для сельскохозяйственнаго образованія русской женщины.

Не слѣдуетъ-ли изъ всего этого заключить, что у насъ въ обществѣ слишкомъ слабо, можно сказать почти еще не существуетъ убѣжденіе въ необходимости сельскохозяйственнаго образованія для жен-

щины? Если-же это такъ, то, конечно, нельзя не признать своевременности и интереса за разсмотрѣніемъ поставленнаго въ заголовкѣ настоящей статьи вопроса.

Вопросъ этотъ ставитъ сама жизнь; къ ней же слѣдуетъ обратиться и за отвѣтомъ на него. А потому, пояснивъ, что даетъ человѣку сельскохозяйственное образованіе, я постараюсь, хотя въ общихъ чертахъ, показать неудовлетворительное положеніе нашего сельскаго хозяйства, преимущественно въ средней, великорусской, мнѣ болѣе извѣстной, части Россіи, для того, чтобы сдѣлать очевиднымъ, что улучшеніе этого положенія мы можемъ ожидать только при участіи въ нашей сельскохозяйственной промышленности и при заботѣ о ней гораздо бо́льшаго, сравнительно съ настоящимъ, числа интеллигентныхъ лицъ съ сельскохозяйственнымъ образованіемъ, и что въ числѣ этихъ послѣднихъ весьма видное мѣсто должно принадлежать женщинѣ.

Что же даетъ человѣку сельскохозяйственное образованіе? Оно научаетъ человѣка сельскохозяйственнымъ работамъ: пахать, сѣять, косить, жать, доить и т. д., притомъ такъ, чтобы эти работы достигали наиполнѣе своей цѣли. Далѣе, оно научаетъ, что и какъ дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, чтобы, производя растительныя и животныя произведенія, получать постоянный, наибольшій доходъ отъ земли; наконецъ, оно научаетъ, почему нужно что и какъ дѣлать въ различныхъ случаяхъ для достиженія только что указанной выше цѣли.

Соотвѣтственно преобладанію одной изъ этихъ трехъ задачъ въ сельскохозяйственномъ образованіи и различаютъ: низшее или ремесленное образованіе, съ преобладаніемъ первой, среднее—съ преобладаніемъ второй и высшее или научное, съ преобладаніемъ третьей задачи.

Но, если сельскохозяйственное образованіе научаетъ тому, какъ, когда, что́ дѣлать для полученія постояннаго наивысшаго дохода отъ земли, то, казалось-бы, затѣмъ ничего большаго и не нужно. На дѣлѣ же это оказывается не такъ, потому что, не понимая хорошо различныхъ условій хозяйства, ихъ вліянія на растительную и животную жизнь, на пріемы культуры тѣхъ и другихъ, на строй хозяйства; не будучи въ состояніи, однимъ словомъ, дать себѣ отчета въ томъ, почему слѣдуетъ дѣлать то или другое, такъ или иначе въ различныхъ случаяхъ, сельскій хозяинъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ наилучшимъ образомъ ведетъ свое хозяйство въ данную минуту, хотя-бы онъ и велъ его согласно установившемуся въ мѣстности обычаю; тѣмъ менѣе можетъ онъ безъ этого приноровиться въ веденіи хозяйства къ новымъ, измѣнившимся условіямъ. Условія же хозяйства весьма различны въ различныхъ мѣстностяхъ, и очень измѣнчивы: съ теченіемъ времени изъ года въ годъ измѣняется погода, въ теченіе же болѣе продолжи-

тельнаго времени измѣняются и физическія условія, напр. истощается или улучшается почва, и въ особенности экономическія условія — усиливается народонаселеніе, умножаются и улучшаются пути сообщенія, повышаются или понижаются цѣны и т. д.

Такое знаніе особенно важно, когда приходится переустраивать хозяйство вслѣдствіе быстро измѣнившихся условій, какъ напр. у насъ, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, проведенія желѣзныхъ дорогъ и измѣненій, происшедшихъ на международномъ рынкѣ съ сельскохозяйственными произведеніями.

Высшее сельскохозяйственное образованіе, поэтому, заключается: въ изученіи спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ наукъ: земледѣлія, скотоводства, экономики сельскаго хозяйства и вспомогательныхъ наукъ: сельскохозяйственной механики, сельскохозяйственной технологіи, скотоврачеванія, землемѣрія, главнымъ же образомъ въ основательномъ изученіи основныхъ наукъ: естественныхъ и экономическихъ; далѣе, въ пріобрѣтеніи способности наблюдать разнообразныя сельскохозяйственныя явленія, опредѣлять или изслѣдовать ихъ причины, предвидѣть или изучать ихъ послѣдствія и, наконецъ, въ развитіи критическаго взгляда на сельскохозяйственные культурные пріемы и строй хозяйства въ отношеніи соотвѣтствія ихъ, съ одной стороны, съ условіями, при которыхъ они примѣняются, съ другой — съ тою цѣлью, которой ими предполагается достигнуть. Такимъ образомъ высшее сельскохозяйственное образованіе не только даетъ сельскому хозяину возможность вести вполнѣ соотвѣтствующее мѣстнымъ условіямъ доходное хозяйство, но и вооружаетъ его научными средствами изученія явленій, съ которыми ему приходится имѣть дѣло въ хозяйствѣ, и производства правильно поставленныхъ опытовъ съ цѣлью разрѣшенія возникающихъ въ его практикѣ вопросовъ. Это-же послѣднее, кромѣ удовлетворенія научнаго интереса хозяина, обогащаетъ его самого знаніями, полезными для прогресса его собственнаго хозяйства, а науку сельскаго хозяйства новыми, вполнѣ пригодными для научныхъ выводовъ наблюденіями.

Но сельскохозяйственное образованіе можетъ сдѣлать полнымъ хозяиномъ только того, кто получитъ соотвѣтствующія воспитаніе и общее образованіе и пріобрѣтетъ сельскохозяйственную опытность.

Соотвѣтствующимъ для сельскаго хозяина воспитаніемъ слѣдуетъ считать такое, которое снабжаетъ его здоровымъ организмомъ, сильной волей, ровнымъ характеромъ, развиваетъ въ немъ наклонность къ сельскому хозяйству и прививаетъ ему извѣстныя привычки; «привычка — говоритъ пословица—вторая природа». То, къ чему человѣкъ привыкъ, составляетъ для него потребность, въ удовлетвореніи которой онъ находитъ удовольствіе. Для сельскаго хозяина важна привычка къ труду

и простотѣ въ жизненной обстановкѣ, которыя поддерживаютъ въ немъ бодрость духа, энергію, свѣжесть мысли. Такое воспитаніе по его цѣли и по сельскохозяйственной средѣ, въ которой оно лучше всего пріобрѣтается, я называю сельскохозяйственнымъ.

Необходимость общаго образованія не требуетъ поясненія; что же касается сельскохозяйственной опытности, то она пріобрѣтается въ самомъ занятіи сельскимъ хозяйствомъ, начиная съ перваго соприкосновенія человѣка съ этимъ послѣднимъ, и заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что опытный человѣкъ весьма часто можетъ предвидѣть послѣдствія того или другого дѣйствія въ тѣхъ даже случаяхъ, когда этого нельзя сдѣлать на научномъ основаніи. Научное знаніе, сельскохозяйственное воспитаніе и опытность опредѣляютъ въ сельскомъ хозяинѣ высокое для этого послѣдняго качество — быстро и вѣрно опредѣлить соотвѣтствующее даннымъ обстоятельствамъ дѣйствіе и быстро и энергично приводить его въ исполненіе.

Посмотримъ теперь, каково положеніе нашего сельскаго хозяйства, и чего оно требуетъ для своего улучшенія. Говорить объ этомъ послѣднемъ нельзя, не различая двухъ главныхъ типовъ нашего хозяйства— *общиннаго* или исключительно *крестьянскаго* и *частно-владѣльческаго* или преимущественно *дворянскаго*, и двухъ группъ хозяевъ — *крестьянъ-общинниковъ* и *частныхъ землевладѣльцевъ*.

Крестьяне-общинники, при искони ведущемся у нихъ полевомъ хозяйствѣ, воздѣлываютъ въ полѣ почти исключительно одни зерновые хлѣба, а потому имѣютъ въ немъ весьма скудный кормъ для скота: мякину, яровую солому, да скудное пастбище въ паровомъ полѣ; озимая солома идетъ въ кормъ преимущественно въ безкормицу; обыкновенно же употребляется на подстилъ, на крыши, а въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ и на топливо. Понятно, поэтому, какъ важно для крестьянъ имѣть при такомъ полевомъ хозяйствѣ достаточно луговъ и выгоновъ, а между тѣмъ ихъ то они и не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ, сколько нужно; да и тѣ, которые они имѣютъ, находятся въ плохомъ состояніи. Находясь въ общемъ пользованіи всѣхъ хозяевъ общества, они большею частію страдаютъ отъ сырости, покрыты кочками и кустарниками, изрыты ямами, рытвинами, колевиками проложенныхъ по нимъ дорогъ, а потому производятъ мало травы, къ тому же часто дурного качества. Безпорядочная пастьба на нихъ скота и несвоевременная уборка сѣна, при отсутствіи всякихъ мѣръ къ ихъ улучшенію — вотъ причины, которыя не только поддерживаютъ луга въ плохомъ состояніи, но еще и ухудшаютъ ихъ. Недостаткомъ кормовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ объясняется то, что крестьяне не могутъ содержать столько рабочаго и другого разнаго скота и кормить имѣющійся у нихъ

скотъ настолько хорошо, чтобы хорошо обработывать землю и имѣть заработокъ на извозѣ, достаточно молока, столь важнаго для дѣтей, кусокъ мяса, хотя бы во всѣ праздники, шерсть на одежду, кое-какую денежную выручку отъ продажи животныхъ или животныхъ произведеній и наконецъ, достаточное количество хлѣвнаго навоза для надлежащаго удобренія земли. Недостатокъ выгона заставляетъ крестьянъ приступать къ вспашкѣ парового поля очень поздно, не ранѣе того, какъ наступаетъ возможность выгнать скотъ на лугъ, послѣ уборки сѣна съ этого послѣдняго; такая же поздняя вспашка пара, особенно въ засушливомъ климатѣ, какъ нашъ, чрезвычайно вредна для озими,— подъ которую готовится паръ. Плохо же обработанная и унавоженная земля даетъ скудные урожаи. Тѣмъ же недостаткомъ кормовъ объясняется, почему такъ часты потравы крестьянской скотиной чужихъ земель,— почему крестьяне такъ охотно снимаютъ луга и выгоны въ аренду и платятъ за нихъ высокую цѣну деньгами или работой; — почему, наконецъ, благосостояніе крестьянъ въ такой высокой степени зависитъ отъ количества и качества луговъ и выгоновъ, которыми они владѣютъ, или которое они по крайней мѣрѣ могутъ снимать за подходящую цѣну на сторонѣ.

Воздѣлываніе крестьянами въ полѣ исключительно почти хлѣбовъ, кромѣ того, что даетъ мало корма для скота въ полѣ, представляетъ еще и другія неудобства для крестьянскаго хозяйства. Оно подвергаетъ это хозяйство громадному риску въ случаѣ неурожая или недорода, такъ какъ эти послѣдніе, какова бы ни была ихъ причина: погода, вредныя насѣкомыя или болѣзни, постигаютъ большею частью все поле или значительную часть его. Далѣе, оно истощаетъ односторонне поле, потому что всѣ воздѣлываемыя въ полѣ растенія берутъ изъ почвы одни и тѣ же питательныя для растеній вещества, въ одномъ и томъ же количественномъ между этими послѣдними отношеніи; не благопріятствуетъ хорошей раздѣлкѣ земли и способствуетъ засоренію поля сорными травами и размноженію извѣстныхъ вредныхъ насѣкомыхъ, такъ какъ обработка земли мало разнообразится, и по способу, и по времени ея выполненія, а главное рѣдко можетъ быть произведена въ наиболѣе благопріятное для этого, по состоянію почвы, время. Наконецъ, оно занимаетъ сравнительно небольшое по отношенію къ площади поля количество рабочихъ рукъ, а между тѣмъ требуетъ ихъ преимущественно въ извѣстное, сравнительно непродолжительное, время въ году, напримѣръ во время яровыхъ посѣвовъ, уборки хлѣбовъ, и потому, при недостаткѣ у крестьянъ полевой земли, оставляетъ много рабочихъ рукъ безъ работы круглый годъ, а тѣ, которыя занимаетъ, оставляетъ безъ работы не только въ теченіи нашей продолжительной зимы, но и въ теченіи

довольно значительнаго времени весной, лѣтомъ и осенью. Измѣнить крестьянское полевое хозяйство вполнѣ можетъ только все крестьянское общество, а не одинъ какой-либо или нѣсколько крестьянъ изъ общества, потому что небольшіе полевые участки отдѣльныхъ крестьянъ расположены черезполосно. Согласить же на такое измѣненіе все общество не такъ легко, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для того пониманія и денежныхъ средствъ у большинства крестьянъ, а часто и вслѣдствіе недостатка для того земли въ крестьянскомъ владѣніи. Что же касается отдѣльныхъ хозяевъ, то они, безъ согласія общества, могутъ ввести лишь нѣкоторое измѣненіе въ полевое хозяйство. Напримѣръ засѣять вмѣсто засѣваемаго остальными хозяевами растенія другое какое-либо, которое однако могло бы быть убрано одновременно съ первымъ, или же не позже того, какъ долженъ быть выгнанъ на это поле деревенскій скотъ.

Полевой земли у крестьянъ немного, а между тѣмъ эта земля расположена часто такъ, что крестьянину приходится возить съ нея свой хлѣбъ за нѣсколько верстъ, а о возкѣ навоза на такое отдаленное поле не можетъ быть и рѣчи.

При тѣхъ плохихъ кормовыхъ средствахъ, которыми располагаютъ крестьяне для скота, неудивительно, если крестьянское скотоводство *изрѣдка* находится въ хорошемъ состояніи, когда крестьянскій дворъ имѣетъ не только нѣсколькихъ рабочихъ лошадей или воловъ, но и нѣсколько коровъ, овецъ, свиней; когда онъ воспитываетъ въ своемъ хозяйствѣ не только поросятъ, ягнятъ, но и телятъ, и жеребятъ. Не дурно еще и такое хозяйство, которое имѣетъ все это хотя и въ меньшемъ, крайне необходимомъ для самаго хозяйства, количествѣ, которое можетъ выростить лошадь или корову на смѣну имѣющимся, въ случаѣ негодности этихъ послѣднихъ или возможности продать ихъ за выгодную цѣну. Терпимо еще, если въ крестьянскомъ дворѣ есть пара рабочихъ лошадей, хотя бы одна изъ нихъ и годилась лишь въ борону; если есть корова, не оставляющая семьи безъ молока, если есть хоть пара овецъ, да откармливающійся отбросами поросенокъ для своего продовольствія. За этимъ предѣломъ начинается, къ сожалѣнію, все чаще и чаще встрѣчающееся бѣдствіе для крестьянской семьи безъ коровы, а затѣмъ безъ лошади, хотя эта послѣдняя исчезаетъ иногда изъ крестьянскаго хозяйства раньше коровы.

Наше крестьянское хозяйство, говоря вообще, довольствуется пока еще весьма примитивнымъ инвентаремъ: соха, косуля, сабанъ и деревенская борона для обработки полевой земли; серпъ и коса для уборки хлѣба, цѣпъ и лопата для обмолота хлѣба и раздѣлки зерна. Правда, встрѣчаются крестьянскія хозяйства, въ которыхъ имѣются лучшаго

устройства плуги, желѣзныя бороны, катки; въ которыхъ хлѣбъ убирается даже жатвенной машиной, а обмолачивается конной или даже паровой молотилкой и раздѣлывается на вѣялкахъ и сортировкахъ, но это исключенія, которыя не измѣняютъ еще въ этомъ отношеніи общаго характера крестьянскаго хозяйства на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества; если же измѣняютъ его, то развѣ на небольшихъ пространствахъ отдѣльныхъ мѣстностей, уголковъ Россіи.

Полевымъ хозяйствомъ, скотоводствомъ и небольшимъ огородомъ, который наичаще занятъ картофелемъ и коноплей, рѣже другой огородиной, исчерпываются для большинства крестьянскихъ хозяйствъ источники дохода въ деньгахъ или матеріалахъ, идущихъ главнымъ образомъ на продовольствіе крестьянской семьи. Изрѣдка эти источники дополняются еще плодовымъ и ягоднымъ садомъ, огородомъ съ болѣе цѣнными растеніями на продажу, какъ-то мятой, табакомъ, хмѣлемъ, цикоріемъ и др.; пчельникомъ, мельницей, крупорушкой, маслобойней, картофельной теркой или крахмально-паточнымъ производствомъ и др. За то во всѣхъ случаяхъ, когда имѣются такія дополненія, они обыкновенно значительно поднимаютъ благосостояніе крестьянской семьи; между прочимъ, многія изъ нихъ именно потому, что даютъ занятіе большему числу людей, начиная съ взрослыхъ и кончая дѣтьми, къ тому же въ теченіи болѣе продолжительнаго времени въ году, чѣмъ воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній въ полѣ.

Выше сказалъ я, что полевое хозяйство нашихъ крестьянъ, при нашихъ продолжительныхъ зимахъ и недостаточномъ количествѣ земли у крестьянъ, оставляетъ значительное число рабочихъ рукъ безъ работы круглый годъ или въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени въ году, преимущественно же въ теченіи зимы. Поэтому, неудивительно, если крестьяне для этихъ свободныхъ отъ сельско-хозяйственныхъ работъ въ ихъ хозяйствахъ рабочихъ рукъ ищутъ производительнаго заработка; и отъ того, въ какой степени они его находятъ, зависитъ въ высокой степени благосостояніе крестьянъ.

Весьма естественно, что крестьяне для своихъ свободныхъ рукъ ищутъ зароботка прежде всего въ привычныхъ имъ земледѣльческихъ работахъ, по возможности не удаляясь изъ своего хозяйства. Такъ, они прикупаютъ земли или принанимаютъ ее у частныхъ владѣльцевъ за деньги, работу или извѣстную долю урожая; или обращаются къ воздѣлыванію въ полѣ такихъ растеній, какъ картофель, ленъ, которое даетъ занятіе большему числу рукъ и въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, или нанимаются, наконецъ, въ сосѣднія частно-владѣльческія хозяйства годовыми, сроковыми, или поденными рабочими, или на разныя работы издѣльно. Выгоды, доставляемыя крестьянину этими тремя родами заработковъ, далеко, однако, не одинаковы.

Увеличеніе количества земли въ пользованіи крестьянъ, конечно, даетъ занятіе большему числу рабочихъ рукъ, а потому крестьяне охотно покупаютъ землю, если имѣютъ на то денежныя средства или могутъ воспользоваться для этого ссудой изъ крестьянскаго земельнаго банка. При неимѣніи же этихъ средствъ, какъ это большею частью бываетъ, нанимаютъ землю. Прежде, при болѣе высокихъ цѣнахъ на сельско-хозяйственныя произведенія, крестьяне нанимали землю охотнѣе, и при значительномъ спросѣ на послѣднюю съ ихъ стороны и сравнительно слабомъ предложеніи ея со стороны частныхъ владѣльцевъ, подняли мѣстами наемную цѣну земли до того, что такъ называемые *присѣвки*, т. е. посѣвы на наемной землѣ, — къ слову сказать, большею частью истощенной, никогда не видѣвшей удобренія — едва окупали ихъ трудъ, не смотря на весьма низкую оцѣнку крестьянами своего труда и на значительныя въ то время цѣны на сельско-хозяйственныя произведенія. Когда же эти послѣднія упали, тогда въ мѣстахъ, гдѣ наемныя цѣны на землю были особенно высоки или земли особенно плохи, крестьяне значительно понизили наемныя цѣны за землю и уменьшили спросъ на нее или даже вовсе прекратили ея наемъ. Но увеличеніе земли въ пользованіи крестьянъ, при воздѣлываніи все тѣхъ-же хлѣбныхъ растеній, правда, даетъ занятіе бóльшему числу рабочихъ рукъ, но опять-таки въ теченіи короткаго, сравнительно, времени; въ остальное же, болѣе продолжительное, время оставляетъ часто безъ работы также большое число рукъ.

Болѣе интенсивное воздѣлываніе нѣкоторыхъ растеній, къ сожалѣнію, затрудняется для крестьянъ часто отсутствіемъ знанія, недостаткомъ денегъ на увеличеніе необходимаго инвентаря, на тѣ или другія приспособленія, которыхъ требуетъ воздѣлываніе такихъ растеній подъ условіемъ полученія требуемаго рынкомъ продукта, и, наконецъ, пріисканіемъ выгоднаго сбыта для сравнительно небольшаго количества новаго продукта.

Что касается работъ въ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ, то крестьянинъ, нанявшись въ годовые работники, имѣетъ круглый годъ заработокъ; нанявшись же сроковымъ, поденнымъ рабочимъ или на издѣльную работу, онъ имѣетъ временный заработокъ въ теченіи извѣстнаго, часто весьма короткаго времени, а потому послѣдній заработокъ можетъ быть выгоденъ для крестьянина лишь тогда, если временная работа достается ему въ свободное для него отъ сельско-хозяйственныхъ работъ время въ его собственномъ хозяйствѣ, или же если различныя временныя работы чередуются въ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ такъ, что крестьянинъ находитъ въ нихъ постоянный заработокъ. Такъ, для крестьянъ въ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ осо-

бенно выгодны работы по воздѣлыванію картофеля, свеклы, и невыгодны по воздѣлыванію хлѣбныхъ растеній, потому что крестьяне, воздѣлывая мало первыя, воздѣлываютъ преимущественно вторыя. Если-же, несмотря на это, они берутъ издѣльныя работы по воздѣлыванію хлѣбовъ, то большею частью только потому, что нѣтъ другихъ заработковъ и, нанимаясь на эти работы, получаютъ плату за нихъ впередъ—въ то время, когда крайне нуждаются въ деньгахъ. Взявъ-же деньги впередъ и набравъ при этомъ такихъ работъ черезъ силу, исполняютъ ихъ плохо и несвоевременно, въ ущербъ своему или частно-владѣльческому хозяйству или обоимъ вмѣстѣ. Та же нужда въ деньгахъ заставляетъ крестьянина часто предпочитать издѣльную работу за деньги, при которой онъ получаетъ плату деньгами вередъ, издѣльной работѣ изъ доли урожая, когда онъ получаетъ плату натурой, къ тому-же по окончаніи работы. Не нуждающійся же въ деньгахъ крестьнинъ всегда охотно беретъ работу изъ доли урожая, если только доля не очень мала и урожай не очень плохъ.

Издѣльныя работы въ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ представляютъ большею частью то неудобство для крестьянъ, что вмѣстѣ съ работами на своей надѣльной и наемной землѣ ставятъ ихъ въ необходимость производить одну и ту же работу, напр. уборку ржи, на нѣсколькихъ разбросанныхъ участкахъ, удаленныхъ часто на 2—3 и болѣе верстъ одинъ отъ другого и, слѣдовательно, употреблять непроизводительно много времени на переходы отъ работы на одномъ участкѣ къ работѣ на другомъ участкѣ, какъ разъ тогда, когда время особенно дорого, а работа и безъ того особенно утомительна.

Но за то всѣ заработки въ сосѣднихъ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ имѣютъ то хорошее для крестьянъ, что не отрываютъ ихъ совершенно отъ семьи, а нанимающіеся въ годовые и срочные работники, кромѣ того, научаются лучшей сельскохозяйственной техникѣ, если только частно-владѣльческое хозяйство ведется умно и толково. Къ сожалѣнію, частно-владѣльческія хозяйства при настоящихъ условіяхъ и формахъ ихъ, не въ состояніи ни дать такого рода заработокъ всѣмъ излишнимъ крестьянскимъ рабочимъ рукамъ въ мѣстности, ни оплачивать эти руки такъ высоко, чтобы отвлечь всегда мѣстное населеніе отъ другихъ занятій и въ другомъ мѣстѣ.

Эти другія занятія на мѣстѣ доставляютъ крестьянамъ ремесла, кустарные промыслы и сельскохозяйственныя техническія производства. Всѣ они, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ремеслъ и кустарныхъ промысловъ, доставляютъ занятія рабочимъ рукамъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени въ году, преимущественно же зимой. Приэтомъ ремесла и кустарные промыслы могутъ доставлять ихъ и

круглый годъ; за то нѣкоторыя ремесла, напр. каменное, штукатурное, малярное, кровельное, доставляютъ занятія какъ разъ въ то время, когда и сельское хозяйство, а нѣкоторые кустарные промыслы, какъ напр. живопись, дѣлаютъ посвящающія себя имъ рабочія руки неспособными для болѣе грубыхъ сельскохозяйственныхъ работъ. Понятно, что эти послѣднія ремесла и кустарные промыслы могутъ быть пригодны лишь для лишнихъ крестьянскихъ рабочихъ рукъ; остальныя же ремесла и кустарные промыслы, равно какъ и сельскохозяйственныя техническія производства — винокуреніе, сахаровареніе, крахмальныя и маслобойныя производства и др., представляютъ весьма существенное подспорье для крестьянина, давая ему заработокъ въ то время, когда сельское хозяйство оставляетъ его безъ работы. Развитіе ремеслъ между крестьянами, помимо заработка, какой они имъ даютъ въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ работъ время, желательно также въ видахъ удовлетворенія неудовлетворяемой въ настоящее время сполна потребности деревни въ ремесленникахъ. Небольшое число доставляемыхъ въ настоящее время деревнею ремесленниковъ въ значительной части отвлекается въ города имѣющимся для нихъ здѣсь болѣе постояннымъ и высокимъ заработкомъ.

Развитіе между крестьянами ремеслъ и кустарныхъ промысловъ задерживается главнымъ образомъ недостаточнымъ распространеніемъ между ними ремесленнаго образованія, затѣмъ недостаткомъ у кустарей оборотного капитала и доступнаго по цѣнѣ подѣлочнаго матеріала и, наконецъ, отсутствіемъ правильно организованнаго сбыта произведеній кустарнаго промысла.

Крестьянинъ съ лошадью можетъ имѣть еще одинъ заработокъ на мѣстѣ—это извозъ. При неудовлетворительномъ состояніи нашихъ проселочныхъ дорогъ, особенно въ весеннее и осеннее время, извозъ съ этой стороны наиболѣе доступенъ для нашихъ крестьянъ зимой, когда за то для многихъ изъ нихъ онъ дѣлается невозможнымъ за недостаткомъ зимняго корма, да и зимней одежды. Къ тому же извозъ для крестьянина съ одной лошадью на болѣе далекое разстояніе дѣлается невыгоднымъ вслѣдствіе того, что расходъ на прокормленіе крестьянина въ дорогѣ и утрата другого заработка, если онъ можетъ имѣть его въ то же время, ложится очень дорого на одинъ возъ клади, тогда какъ при двухъ, трехъ лошадяхъ тѣ же расходы распредѣляются на двѣ, на три, при которыхъ можетъ быть одинъ возчикъ.

Крестьяне, не находя необходимыхъ для себя заработковъ на мѣстѣ, отправляются искать ихъ болѣе или менѣе далеко отъ мѣста своего жительства — уходятъ въ отхожіе промыслы на болѣе или менѣе продолжительное время. Они уходятъ иногда только на зиму, напр. для

извоза въ города даже съ своей лошадью; или уходятъ только на все теплое время въ году, напр. для плотничьихъ, каменныхъ, штукатурныхъ работъ въ мѣста производства построекъ, преимущественно въ города, причемъ нерѣдко возвращаются въ деревню на время сѣнокоса, уборки хлѣбовъ; или уходятъ далѣе, на извѣстное лишь время лѣта для исполненія земледѣльческихъ работъ, напр. уборки сѣна, хлѣбовъ въ такой мѣстности, гдѣ время этихъ работъ не совпадаетъ съ временемъ ихъ выполненія въ мѣстѣ жительства рабочаго; или уходятъ, наконецъ, на цѣлый годъ въ города, гдѣ нанимаются въ чернорабочіе, въ услуженіе въ частные дома, торговыя и промышленныя заведенія или на фабрики и заводы, причемъ возвращаются домой лишь на короткое время въ году или даже не каждый годъ, для свиданія съ родными. Отхожіе промыслы полезны для мѣстнаго сельскаго хозяйства, если они уводятъ рабочаго изъ деревни лишь на то время, когда въ немъ не нуждается мѣстное хозяйство, преимущественно, слѣдовательно, на зиму; но они вредны для него, если уводятъ рабочаго на время сельско-хозяйственныхъ работъ и въ особенности на горячее время ихъ, какъ то: сѣнокоса, уборки хлѣбовъ. Они выгодны для крестьянъ, если даютъ крестьянамъ заработокъ, котораго они не могли бы имѣть дома, или заработокъ бо́льшій того, который крестьяне могли бы имѣть на мѣстѣ; но они всегда болѣе или менѣе вредны для нравственности крестьянскаго населенія, потому что отрываютъ его отъ семейной и деревенской жизни, они тѣмъ вреднѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ продолжительнѣе время, на которое они отрываютъ и чѣмъ полнѣе они дѣлаютъ это. Поэтому, особенно вредна для нравственности крестьянъ продолжительная жизнь въ городахъ и на фабрикахъ, вдали отъ семьи, такъ какъ она, въ большинствѣ случаевъ, прививаетъ мало развитому крестьянину мало хорошаго—только внѣшній лоскъ, но много дурного—разные пороки и болѣзни, разрушающіе его физическую и нравственную природу и совершенно отчуждающіе его отъ семьи, отъ деревни, такъ что онъ или совсѣмъ уже не возвращается въ деревню или, если возвращается, то заражаетъ мѣстное населеніе, въ бо́льшей или меньшей степени, тѣми же пороками и болѣзнями. Съ величайшимъ сожалѣніемъ приходится указать на то, что въ послѣднее время значительно усиливается уходъ крестьянъ для заработковъ въ города на круглый годъ.

И такъ, крестьяне весьма часто нуждаются въ заработкахъ на сторонѣ, но еще болѣе часта и настойчива нужда ихъ въ деньгахъ. Крестьянское хозяйство требуетъ не мало денегъ на уплату разныхъ повинностей—выкупныхъ, страховыхъ; на духовныя требы; на ремонтъ построекъ, орудій, телѣгъ, сбруи, домашней утвари; на покупку керосина, спичекъ, дегтя, соли; на одежду, на недостающее продовольствіе: капусту,

огурцы, лукъ, постное масло, сало, мясо, а иногда и муку, крупу, картофель, наконецъ, на водку. Если крестьянское хозяйство мало-мальски исправно, то эти расходы оно можетъ покрыть изъ своихъ доходовъ безъ дефицита; затрудненіе можетъ встрѣтиться въ такомъ случаѣ развѣ въ неимѣніи денегъ именно въ ту минуту, когда необходимъ извѣстный расходъ. Такъ, это часто бываетъ при взысканіи податей и недоимокъ, рѣдко сообразующемся съ положеніемъ крестьянскаго кошелька и съ временемъ крестьянскихъ заработковъ и наиболѣе выгодной продажи ихъ произведеній. Но особенно трудны для крестьянскаго хозяйства экстренные расходы, какъ-то: крестины, похороны и въ особенности свадьбы, выправка паспорта, снаряженіе работника въ отхожій промыселъ, сдача въ рекруты, падежъ скота, пожаръ, неурожай, потому что, если у крестьянина не всегда имѣются наличныя деньги на текущіе постоянные расходы, то для такихъ экстренныхъ расходовъ у него еще рѣже бываютъ запасныя деньги. Къ тому-же эти послѣдніе расходы рѣдко могутъ быть покрыты изъ обыкновенныхъ доходовъ, а требуютъ для своего покрытія и экстреннаго дохода. Во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне не имѣютъ легко доступнаго краткосрочнаго кредита; организація такого кредита въ видѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, сельскихъ банковъ и т. д. не могла получить болѣе широкаго, соотвѣтствующаго потребностямъ развитія, вслѣдствіе недостатка на мѣстѣ надлежащихъ интеллигентныхъ руководителей, неграмотности и неразвитости крестьянской массы, слабой нравственности крестьянскаго общественнаго управленія. А потому, за неимѣніемъ такого кредита, крестьяне добываютъ себѣ въ случаѣ нужды деньги весьма различно. Прежде всего крестьянинъ ищетъ прихватить гдѣ-либо денегъ подъ работу—у сосѣдняго частнаго землевладѣльца, а нѣтъ, такъ у деревенскаго кулака—все-же у перваго можно сдѣлать это повыгоднѣе, чѣмъ у второго. Не достанетъ подъ работу, продастъ то, что ему менѣе всего нужно въ данное время, причемъ, продавая къ спѣху, продаетъ за полъ-цѣны. Нечего продать, тащитъ въ залогъ одежду свою и бабью: шубы, поддевки, поневы, холсты и т. д. Не имѣетъ что заложить, заарендовываетъ десятинку земли съ уплатой за нее денегъ мѣсяцевъ черезъ шесть и ее или свою передаетъ другому за наличныя со скидкой 20 — 25%, или продаетъ хорошую лошадь, покупая себѣ похуже, лишь-бы выручить сколько нибудь денегъ на разницѣ въ цѣнахъ; затѣмъ продаетъ уже необходимое: яровыя сѣмена, часть корма для скота, часть хлѣба, назначеннаго для продовольствія семьи, въ надеждѣ все это пополнить, когда понадобится, но какъ—объ этомъ онъ не думаетъ; наконецъ, продаетъ корову, лошадь, сдаетъ незасѣянную или даже засѣянную землю, нанимается въ работники на мѣстѣ или уходитъ на зара-

ботки вдаль, оставляя домъ, семью, на рукахъ бабы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянинъ платитъ, смотря по степени нужды, большіе или меньшіе, во всякомъ-же случаѣ громадные проценты въ той или другой формѣ за полученныя тѣмъ или другимъ путемъ деньги. Мнѣ извѣстенъ случай, когда кулакъ заплатилъ крестьянину, нуждавшемуся въ деньгахъ, 8 рублей за десятину озимаго посѣва, тогда какъ самъ крестьянинъ долженъ былъ заплатить за аренду этой десятины 11 руб., да три раза вспахалъ ее и засѣялъ четвертью ржи, слѣдовательно она стоила ему самому не менѣе 18 руб.

Понятно, что при такихъ тяжелыхъ условіяхъ кредита, не то что экстренный расходъ, но даже обыкновенный, если только онъ найдетъ крестьянскую суму пустой, можетъ ввести крестьянина въ долгъ. Если-же такіе случаи съ обыкновенными расходами повторяются, да къ нимъ присоединяется еще экстренный расходъ, да не одинъ, а по пословицѣ: «пришла бѣда, отворяй ворота»—явятся ихъ заразъ два, три, то крестьянской семьѣ трудно не затянуться въ долги, не раззориться. Скопить крестьянину — исключительно земледѣльцу нѣкоторый оборотный капиталъ или даже запасной — «копѣйку на черный день» — весьма трудно, главнымъ образомъ по тремъ причинамъ: во-первыхъ, онъ, какъ и большая часть русскихъ людей, живетъ сверхъ средствъ, хотя у него это понятнѣе, чѣмъ у другихъ, потому что жизнь по средствамъ для крестьянина, которому нужно опериться, куда какъ тяжела и неприглядна; во-вторыхъ, трудъ его крайне непроизводителенъ, особенно въ крестьянской семьѣ съ однимъ работникомъ; въ третьихъ, онъ за неимѣніемъ кредита постоянно вынужденъ продавать свои произведенія и свой трудъ несвоевременно.

Понятно, поэтому, что крестьянинъ, не имѣющій оборотнаго капитала, не могущій получить его путемъ дешеваго кредита, не можетъ поправить своихъ дѣлъ увеличеніемъ количества земли въ своемъ пользованіи. Если у него нѣтъ достаточно рабочаго скота, орудій, сѣмянъ, чтобы соблюсти какъ слѣдуетъ свою надѣльную землю, то гдѣ-же ему справиться еще съ новымъ количествомъ земли, когда это послѣднее требуетъ отъ него къ тому-же еще новыхъ срочныхъ платежей. Такое увеличеніе земли въ пользованіи крестьянина отдаетъ его еще болѣе въ руки кулака и можетъ раззорить его, вмѣсто того, чтобы его поправить, особенно если имѣть въ виду, что при настоящемъ состояніи крестьянскаго полевого хозяйства съ недостаточнымъ удобреніемъ, дурной и несвоевременной обработкой земли, дурными сѣменами, несвоевременнымъ посѣвомъ и уборкой, неурожаи, недороды въ крестьянскомъ хозяйствѣ все учащаются.

Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать главнымъ образомъ причину неуспѣха

операцій крестьянскаго земельнаго банка. Успѣхъ ихъ не будетъ обезпеченъ даже пониженіемъ процента на ссуды изъ этого банка, если не будетъ прочно и соотвѣтственно организованъ краткосрочный кредитъ для крестьянъ, который освободилъ бы ихъ изъ рукъ кулака.

Неудивительно, поэтому, если въ деревнѣ постепенно появляются съ одной стороны обнищавшіе, безлошадные, фактически безземельные, хотя юридически владѣющіе землей, крестьяне; съ другой—зажиточные, съ достаточнымъ количествомъ всякаго скота, съ большимъ количествомъ земли, такъ что нанимаютъ даже батраковъ, съ порядочной суммой денегъ. Эти послѣдніе—это большей частью деревенскіе кулаки въ различныхъ стадіяхъ развитія; они, пользуясь дешевой рабочей силой своихъ злосчастныхъ односельцевъ, не выходящихъ у нихъ изъ долга, засѣваютъ не только свою надѣльную землю, но и много земли, перешедшей къ нимъ отъ ихъ нуждавшихся въ деньгахъ односельцевъ и принятой ими у частныхъ землевладѣльцевъ. Имѣя въ среднемъ дешевую землю, дешевыя рабочія руки, они довольствуются и мало удовлетворительной работой и сравнительно скудными урожаями, которые все же съ лихвой окупаютъ ихъ скромныя затраты. Поэтому, такой кулакъ и не понимаетъ, какъ можетъ пустовать земля, или какъ можно тратить деньги на улучшеніе земли, когда эта послѣдняя всегда и безъ всякихъ улучшеній даетъ ему доходъ.

Въ крестьянскомъ хозяйствѣ играетъ весьма важную роль женщина; положеніе крестьянки большей частію труднѣе положенія крестьянина: она обременена нерѣдко круглый годъ весьма тяжелой, иногда непосильной работой. Она должна вскормить и выняньчить дѣтей, истопить печь, прибрать избу, испечь хлѣбы, сготовить семьѣ пищу, обшить себя и дѣтей, сшить бѣлье мужу, изготовить нужный для семьи холстъ, спрясть шерсть, соткать сукно, постирать и починить бѣлье, накормить коровъ и овецъ, подоить первыхъ и постричь вторыхъ, выходить телятъ и ягнятъ, вести птицу, справить работы по огороду, жать и вязать хлѣбъ, молотить и раздѣлывать его, убирать сѣно, брать ленъ, коноплю, полоть, убирать картофель, а иногда, въ отсутствіе мужика, пахать землю и косить хлѣбъ. Въ остающееся свободнымъ отъ этихъ работъ время ей приходится зарабатывать еще деньги на поденной работѣ, если таковая имѣется, для своихъ собственныхъ нуждъ, на удовлетвореніе которыхъ иначе остаются у нея лишь деньги, выручаемыя ею отъ продажи сотканнаго ею холста и сукна въ излишнемъ противъ потребностей семьи количествѣ, или другихъ произведеній своего рукодѣлія — кружевъ, наконецъ, яицъ, птицы. Нерѣдко же и эти деньги идутъ на общія нужды семьи. И все это крестьянка должна дѣлать подъ страхомъ еще быть побитой въ случаѣ малѣйшаго невыполненія ею не только своихъ прямыхъ обязанностей, но даже и капризовъ пья-

наго мужика. Бо́льшимъ, относительно, привольемъ пользуется въ крестьянской семьѣ дѣвушка, особенно при жизни матери; дѣвочкой она нянчитъ младшихъ сестеръ и братьевъ, исполняетъ нѣкоторыя, доступныя ей въ этомъ возрастѣ, работы по хозяйству; но позже бо́льшей частью работаетъ исключительно для себя и на себя употребляетъ зарабатываемыя ею деньги, хотя въ послѣднее время болѣе стѣсненнаго положенія крестьянской семьи не рѣдки случаи, что и заработанныя дѣвушкой деньги идутъ въ общую кассу.

Мальчикъ въ крестьянской семьѣ работаетъ по мѣрѣ своихъ силъ: сперва онъ пасетъ лошадей дома или нанимается для пастьбы скота въ частно-владѣльческія хозяйства, какъ подпасокъ; позже начинаетъ пахать сохой и бороновать въ своемъ хозяйствѣ или нанимается для того же въ частно-владѣльческія хозяйства или къ своему же крестьянину, какъ полу-работникъ.

Уже выше приходилось мнѣ замѣтить, насколько трудно положеніе крестьянскаго хозяйства, если въ крестьянской семьѣ мало рабочихъ рукъ: если она состоитъ, напр., какъ это часто случается, изъ мужа да жены съ малолѣтками дѣтьми. Рабочія руки такой семьи совершенно прикованы къ своему дому. Если можетъ отлучаться на заработокъ мужъ или жена, преимущественно первый, то только вблизи, да и то на короткое время, на поденную или на издѣльную работу, такъ какъ не на кого оставить домъ; но поденная работа еще можетъ случиться въ свободное отъ своихъ сельскохозяйственныхъ работъ время, а издѣльная большей частію во время тѣхъ же своихъ работъ—приходится упускать изъ за нея эти послѣднія. Въ зимніе заработки ему тоже уйти не легко: трудно бросить хозяйство на руки одной бабы. Скота въ такой семьѣ большей частью немного — одна рабочая лошадь, съ которой не скоро справишь свои работы, а не то что работу на сторонѣ. Извозъ на одной лошади невыгоденъ. Заболѣетъ мужъ, жена совсѣмъ связана домомъ; заболѣетъ жена, мужъ совсѣмъ связанъ домомъ. Жизнь такой слабой рабочими руками семьи сравнительно съ жизнью семьи, богатой рабочими руками, удорожается тѣмъ, что первая тратитъ относительно того, что производитъ гораздо больше послѣдней на постройки, орудія, телѣги, сбрую, топку.

Совсѣмъ другое крестьянская семья, во главѣ которой находится умный, дѣльный, трезвый, мужикъ, хотя бы и неполный уже работникъ, но все же настолько еще сильный, что можетъ присмотрѣть около дома, за пчелами, за садомъ, а главное по своей опытности способный руководить всѣмъ хозяйственнымъ дѣломъ,—въ которой, далѣе, есть старуха баба, хотя и не работница уже, но способная сдержать порядокъ въ домашнемъ хозяйствѣ, въ домашней работѣ молодыхъ работницъ, и еще на столько сильная, что можетъ присмотрѣть за дѣтьми,

внучатами, въ отсутствіе ихъ матерей,—въ которой, наконецъ, есть два, три работящихъ, трезвыхъ, смышленыхъ работника сына, двѣ, три расторопныя работницы—снохи. Такая семья представляетъ идеалъ крестьянской семьи, обыкновенно пользующейся, если не богатствомъ, то достаткомъ. Въ хозяйствѣ такой семьи бо́льшей частью достаточно рабочаго и другого скота, имѣется необходимый инвентарь и кое-какіе запасы сѣмянъ, продовольствія и т. д. Такая семья можетъ справить всѣ работы быстро, а отъ быстроты исполненія работъ много зависитъ успѣхъ этихъ послѣднихъ, напр. ярового посѣва, уборки хлѣбовъ и т. д. Для такой семьи не такъ чувствительна и разбросанность участковъ, на которыхъ приходится работать: одни изъ ея членовъ работаютъ въ одномъ, другіе въ другомъ мѣстѣ. Имѣя достаточно земли для своихъ посѣвовъ, она можетъ въ то же время свободно исполнять работы на сторонѣ, получая за нихъ настоящую плату, такъ какъ не нуждается продавать свою работу несвоевременно; она всегда свободно можетъ выдѣлить изъ себя работника и вдаль, напримѣръ въ извозъ, особенно выгодный, когда имѣется нѣсколько лошадей, такъ какъ одинъ рабочій можетъ справиться съ 2—3 подводами; можетъ выдѣлить работника и на болѣе продолжительный зимній или лѣтній заработокъ въ свободное отъ своихъ сельско-хозяйственныхъ работъ время, такъ какъ за выдѣленіемъ одного или двухъ рабочихъ, все же остается еще одинъ въ домѣ. Излишнія рабочія руки въ такой семьѣ могутъ удобно заняться ремесломъ, оставаясь въ хозяйствѣ на время скученія сельско-хозяйственныхъ работъ. Бабы и дѣвушки, если послѣднія имѣются въ семьѣ, могутъ свободно заниматься работой на сторонѣ для себя, ткать холсты, сукна въ домѣ и т. д., такъ какъ изъ-за этого не станутъ свои хозяйственныя работы.

Какъ ни хороша жизнь многолюдной семьи и какъ ни тяжела семьи малолюдной, между тѣмъ число первыхъ уменьшается, а вторыхъ растетъ вслѣдствіе раздѣла крестьянскихъ дворовъ, семей. Отчего же дѣлятся семьи? Общее убѣжденіе даже самыхъ крестьянъ, что семьи дѣлятся изъ-за бабъ, которыя никакъ не могутъ ладить между собою въ домашнемъ хозяйствѣ. Но если нельзя отрицать этой причины, то все же должны быть еще и другія, которыя заставляютъ дѣлящихся пренебрегать хорошо сознаваемыми ими удобствами жизни многолюдной семьи. Причины эти заключаются въ отсутствіи экономическаго основанія для распредѣленія доходовъ крестьянскаго хозяйства между членами семьи. Лѣнивый членъ семьи съ большимъ количествомъ дѣтей получаетъ въ видѣ продовольствія, одежды, обуви и т. д. гораздо бо́льшую часть изъ общаго дохода, чѣмъ прилежный съ малымъ числомъ дѣтей. Несмотря на это, многолюдная семья держится, пока во главѣ ея, какъ я сказалъ, стоитъ умный, хозяйственный, трезвый старикъ; но

разъ во главѣ ея глупый, нехозяйственный, пьющій мужикъ, а тѣмъ болѣе, если это не отецъ, а только старшій братъ или дядя, то семья неминуемо дѣлится.

Съ исчезновеніемъ прежнихъ патріархальныхъ нравовъ, конечно, исчезла и патріархальная основа многолюдной семьи; экономическая же основа ея еще не выработалась, да и кто выработаетъ ее? Извнѣ она выработана быть не можетъ, она должна быть выработана самимъ крестьянствомъ или, по крайней мѣрѣ, при крупномъ его участіи, а для того, чтобы это послѣднее стало возможнымъ, необходимо крестьянству большее развитіе, болѣе сознательное отношеніе къ своему положенію, къ причинамъ его неудовлетворительности и къ средствамъ выхода изъ него. Такое тяжелое положеніе значительной части крестьянскаго населенія усиливается еще болѣе многими другими внѣшними для крестьянскаго хозяйства обстоятельствами, какъ-то: неурядицей крестьянскаго общественнаго управленія, господствомъ кулака, произволомъ сельскихъ и волостныхъ властей, отсутствіемъ солидарности интересовъ между членами крестьянскаго общества, затрудненіями, которыя встрѣчаетъ крестьянинъ, при своей безграмотности, малой развитости, незнакомствѣ съ касающимися его узаконеніями, бѣдности, въ полученіи надлежащаго совѣта въ юридическихъ дѣлахъ, необходимой ветеринарной и медицинской помощи и въ пользованіи почтою, судомъ и даже церковью.

Отсутствіе солидарности интересовъ между крестьянами одного общества и неурядица въ крестьянскомъ общественномъ управленіи крайне затрудняютъ всякое общее со стороны крестьянъ предпріятіе, хотя бы, напр., улучшеніе находящагося въ общемъ пользованіи луга, починку плотины, очистку пруда или колодца и т. д. Ведро водки можетъ склонить крестьянскій сходъ къ самому невыгодному для всего крестьянскаго общества рѣшенію, къ самому несправедливому относительно отдѣльнаго члена общества; тѣмъ болѣе, что большей частью никто изъ цѣлаго общества не имѣетъ никакого понятія о законномъ и незаконномъ, о правахъ и обязанностяхъ сельскаго общества, его членовъ и его администраціи. Отсюда частыя растраты общественныхъ суммъ сельскими старостами, волостными старшинами, прекращенія относительно пользованія землей, въ особенности усадебной, относительно наслѣдствъ, возведенія построекъ, продажи этихъ послѣднихъ, и т. д. Чтобы это не показалось голословнымъ, приведу нѣсколько хорошо мнѣ извѣстныхъ случаевъ.

Крестьяне сосѣдняго со мной общества въ 45 дворовъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ нерадивыхъ домохозяевъ, приготовили деньги для уплаты срочныхъ повинностей. Нерадивые два, три хозяина, поддержанные кулаками, уговорили общество отложить уплату повинностей

до слѣдующаго срока. Общество согласилось; собранныя большинствомъ деньги израсходовались совершенно незамѣтно для крестьянъ. Насталъ слѣдующій срокъ, нужно было заплатить повинности за два срока; власти понуждали; кулаки ссудили деньги, отобравъ за полцѣны землю, посѣвы у многихъ изъ своихъ односельчанъ и закабаливъ ихъ въ дешевую работу. Крестьяне спохватились, но поздно. Или, крестьяне двухъ сосѣднихъ со мной обществъ продали свой общій магазинъ для ссыпки запаснаго хлѣба; старосты этихъ обществъ, получивъ за магазинъ деньги—каждый свою долю, вмѣсто уплаты ими продовольственной ссуды, оставили ихъ у себя. Когда крестьяне дознали это, то старосты обѣщали возвратить эти деньги обществу, обязавшись до возврата уплачивать на эти суммы проценты, но когда пришлось сдать эти деньги новымъ старостамъ, то одно крестьянское общество за водку, поставленную ему прежнимъ старостой, простило этому послѣднему долгъ, другое же нѣтъ, и когда новый староста этого послѣдняго общества хотѣлъ заставить бывшаго возвратить деньги обществу, то этотъ послѣдній водкой склонилъ часть общества признать этотъ долгъ имъ уплаченнымъ; другая часть общества однако не согласилась на это. Сколько ни хлопоталъ новый староста о возвратѣ этихъ денегъ обществу, дѣло кончилось тѣмъ, что хлопотавшій староста былъ смѣщенъ. Или, — я отдавалъ крестьянамъ двухъ обществъ, работающихъ у меня издѣльно, угодья — паръ и жнивье въ сдаваемыхъ крестьянамъ подъ посѣвъ озимомъ и яровомъ поляхъ, подъ выпасъ скота за вывозку изъ моей усадьбы навоза на мои поля. Работающіе крестьяне дѣлили этотъ навозъ по числу десятинъ, взятыхъ каждымъ изъ нихъ для работы издѣльно; пользовались же этими угодьями не только работавшіе, но и не работавшіе у меня крестьяне, на что первые справедливо жаловались мнѣ. Я, въ видахъ большей справедливости, сдалъ угодья подъ выпасъ не по условію съ работавшими у меня крестьянами, но по отдѣльному условію съ цѣлымъ обществомъ, такъ какъ на угодьяхъ пасся скотъ всего общества. На основаніи этого условія вывозка навоза стала распредѣляться между всѣми домохозяевами по числу лошадей и коровъ у каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ къ вывозкѣ навоза были привлечены въ значительной степени кулаки, не работавшіе у меня, но владѣвшіе большимъ количествомъ скота, тогда какъ до этого они того не дѣлали. На слѣдующій годъ кулаки однако изъ двухъ обществъ подбили свое общество не брать угодій подъ выпасъ скота, въ надеждѣ заставить меня вернуться къ старому порядку. Общество подчинилось имъ, но я, настаивая на своемъ, сдалъ всѣ угодья другому обществу; первое общество, спохватившись, что оно осталось безъ угодій, обратилось къ снявшему угодья съ просьбой принять ихъ въ долю; послѣднее согласилось, послѣ того, какъ первое по-

ставило ему ведро водки. Черезъ нѣсколько лѣтъ повторилось буквально то же самое, причемъ однако эти два общества помѣнялись ролями. Или,— крестьянское общество дало согласіе открыть кабакъ; кабатчикъ построилъ кабакъ, прихвативъ земли другого общества; это послѣднее и теперь еще не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ непрошеннаго гостя. Можно было бы привести еще много подобныхъ случаевъ въ доказательство неразвитости крестьянъ, власти кулака, неурядицы въ крестьянскомъ общественномъ управленіи, но, полагаю, достаточно для этого и вышеприведенныхъ мной немногихъ примѣровъ.

Крестьянинъ, нуждающійся въ разъясненіи какого-либо сомнѣнія по своимъ дѣламъ, какъ внутри крестьянскаго общества, такъ и въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ для крестьянскаго общества міромъ, не имѣетъ большею частью вблизи себя никого, къ кому бы могъ обратиться за этимъ; ни ближайшій помѣщикъ, ни священникъ, ни школьный учитель — люди наиболѣе близкіе къ его мѣстожительству,—далеко не всегда знакомы съ законами, касающимися крестьянскаго сословія, чтобы быть ему полезными совѣтомъ. Даже волостной писарь и волостной старшина не всегда знаютъ ихъ, но за то всегда готовы получить за это непосильную для крестьянина плату.

При наилучшемъ устройствѣ земской и медицинской части, какое встрѣчается у насъ, крестьянинъ можетъ воспользоваться медицинской помощью не иначе, какъ если въ состояніи отправиться за совѣтомъ въ земскій медицинскій пунктъ или въ случаѣ эпидеміи врачъ, по вызову земскаго или крестьянскаго начальства, явится въ деревню, посѣщенную эпидеміей. Для того, чтобы добраться до медицинскаго пункта, отстоящаго отъ мѣстожительства, нуждающагося въ медицинскомъ совѣтѣ крестьянина, иногда верстъ 20, 25, необходимы: силы, подвода, свободное время и всегда удобная для проѣзда дорога. Для большинства же крестьянскаго населенія эти обстоятельства представляютъ непреодолимыя преграды къ полученію медицинскаго совѣта. Но если бы крестьянину удалось даже получить совѣтъ и лекарство, то часто для выполненія совѣта въ точности ему недостаетъ ни надлежащаго помѣщенія, ни надлежащей пищи, ни надлежащаго ухода. Къ тому же однократнымъ совѣтомъ рѣдко можетъ быть сокрушена болѣзнь даже при самомъ точномъ его исполненіи; часто можетъ представиться надобность измѣнить лекарство, слѣдовательно, бываетъ необходимо повторить поѣздку въ медицинскій пунктъ... опять тѣ же трудности, что и въ первый разъ. Неудивительно, если крестьянинъ, при неудовлетворительномъ результатѣ перваго совѣта, теряетъ вѣру въ медика и медицину и обращается затѣмъ, а иногда и съ перваго же раза, за медицинской помощью къ помѣщику, если этотъ послѣдній не отказываетъ въ доступной его пониманію и опытности медицинской помощи, или

къ знахарю, ворожеѣ, которые ближе къ нему, и къ которымъ онъ удобно можетъ повторить посѣщеніе. Если же у крестьянина заболѣетъ скотина, то онъ въ болѣе безпомощномъ состояніи, такъ какъ ветеринарная помощь организована еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ медицинская. Въ этихъ случаяхъ къ услугамъ крестьянина — коновалъ, который всегда готовъ открыть кровь или дать кладь, въ которой главную роль играетъ сулема.

О почтѣ же, которая съ развитіемъ грамотности, съ усиленіемъ отхожихъ промысловъ, начинаетъ играть роль въ жизни крестьянина, и говорить нечего. Черезъ волостныя правленія крестьяне получаютъ иногда денежныя письма безъ денежнаго вложенія.

Несмотря на значительное развитіе народной школы за время существованія земства, все же пользованіе ею для крестьянства въ особенности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ начальныхъ школъ — мало, весьма затруднительно: трудно посылать ребенка за двѣ, три версты въ школу, которую дѣти посѣщаютъ преимущественно въ свободное отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, осеннее и зимнее, слѣдовательно бо́льшею частью неблагопріятное для такого хожденія, время. Помѣщеніе ребенка на квартиру, при еще болѣе далекомъ разстояніи до школы, сопряжено съ непосильными для большинства крестьянъ расходами. Точно также непосильны бываютъ часто крестьянству расходы для заведенія новой, хотя-бы самой дешевой, школы грамотности. Крестьянинъ не слышитъ почти никогда какого-либо поучительнаго, просвѣтительнаго слова, если не считать изрѣдка доступной ему церковной проповѣди. Прибавлю въ заключеніе перечисленныхъ злополучій, что и церковь мало доступна для крестьянина при значительномъ разстояніи церкви отъ селеній, при дурномъ состояніи осеннихъ дорогъ, при сильныхъ морозахъ и частыхъ мятеляхъ зимой, при плохой лошади, особенно зимой, или даже совершенномъ отсутствіи ея.

Кто не видалъ крестьянской избы зимой съ сырымъ, промозглымъ отъ присутствія въ ней большого числа людей и скота воздухомъ, кому не случалось видѣть крестьянской семьи, питающейся впроголодь сухимъ хлѣбомъ или кусочками; кому не приходилось видѣть поголовно всей крестьянской семьи въ горячкѣ, брошенной на произволъ судьбы, кому не приходилось присутствовать при утратѣ крестьянской семьей послѣдняго работника или послѣдней скотины,—тому трудно представить себѣ, до чего можетъ доходить крестьянская нужда.

Познакомившись съ положеніемъ нашего крестьянскаго хозяйства, едва ли можно удивляться тому, что наше крестьянство, долго и упорно державшееся на мѣстѣ, начинаетъ въ послѣднее время усиленно оставлять свои прежнія мѣста и даже деревню и самое сельское хозяйство. Оно тянетъ въ далекія страны, разыскивая болѣе выгодное занятіе при-

вычнымъ ему сельскимъ хозяйствомъ; оно тянетъ въ города, привлекаемое сюда лучшимъ заработкомъ и болѣе разгульной жизнію. И это явленіе не новое; оно только усилилось за послѣднее время, подъ вліяніемъ упавшихъ цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія. Оно вызывалось, какъ вызывается и теперь, непроизводительностью нашего крестьянскаго труда. Крестьянинъ въ своемъ малоземельномъ хозяйствѣ занимается главнымъ образомъ производствомъ хлѣба и скотоводствомъ, что можетъ вестись выгодно только въ сравнительно большемъ земельномъ хозяйствѣ; а для того, чтобы заняться чѣмъ либо другимъ, ему не достаетъ знанія, денегъ и свободы дѣйствія — онъ стѣсненъ общиннымъ хозяйствомъ; урожаи получаетъ онъ плохіе, такъ какъ землю удобряетъ и обрабатываетъ плохо, обсѣваетъ дурными сѣменами, несвоевременно и несвоевременно убираетъ хлѣбъ съ поля; дѣлаетъ же онъ все это такъ потому, что не имѣетъ ни достаточно скота за недостаткомъ корма, ни удовлетворительнаго инвентаря и сѣмянъ, за недостаткомъ денегъ, ни достаточно времени, потому что долженъ въ это же время для выручки денегъ брать тѣ же работы на сторонѣ и тратить понапрасну множество времени и силъ на постоянные переходы отъ работы на одномъ мѣстѣ къ работѣ на сторонѣ. Значительную часть времени въ году онъ остается безъ заработка, потому что воздѣлываніе хлѣбовъ зннимаетъ его руки не круглый годъ, а въ свободное отъ работъ по воздѣлыванію хлѣбовъ время работы на мѣстѣ не находитъ, потому-ли что, какъ одинокій въ семьѣ не можетъ оторваться отъ дома, или потому, что ничего кромѣ земледѣльческихъ работъ не знаетъ, или не имѣетъ ни лошади, ни корма для нея, чтобы заняться извозомъ, ни денегъ чтобы заняться ремесломъ, кустарнымъ промысломъ, ни какихъ-либо подходящихъ заработковъ въ сосѣдствѣ. Такимъ образомъ, имѣя хотя и свое помѣщеніе, свой хлѣбъ, но все это дорогое, не имѣя достаточно заработковъ для своего и своей семьи прожитія, крестьянинъ-земледѣлецъ по-неволѣ живетъ въ долгъ, долгъ наростаетъ и, наконецъ, онъ разоряется; разорившись же, бросаетъ свое мѣсто и хозяйство. Конечно, на сколько вышеприведенныя причины крестьянскихъ бѣдствій неотвратимы въ настоящее время на мѣстѣ, на столько нельзя не примириться съ выселеніемъ крестьянъ въ другія мѣста; но не слѣдуетъ забывать, что выселеніе въ тѣхъ случаяхъ и въ томъ размѣрѣ, въ которомъ оно не вызывается необходимостью, когда оно можетъ быть предотвращено, оставляя въ сторонѣ частные интересы — роняетъ производительность мѣстности и потому должно быть предотвращаемо всѣми мѣрами, согласными съ интересами всего мѣстнаго населенія.

Изъ этого краткаго свода всего вышесказаннаго, кажется мнѣ, съ полной ясностью вытекаетъ, чѣмъ можно помочь крестьянину. Прежде

всего развитіемъ въ широкихъ размѣрахъ начальной и профессіональной ремесленной школы, чтобы дать крестьянству необходимыя знанія развитіе, а слѣдовательно и возможность устроиться, принять возможно активное, сознательное участіе въ улучшеніи своего положенія, потому что устроить его, улучшить его положеніе безъ его участія—это задача невозможная, разрѣшеніе которой уноситъ безрезультатно множество силъ и денегъ. Но крестьянство, для того чтобы устроиться лучше, должно не только стать грамотнымъ, умственно развитымъ, но должно воспитаться въ другихъ понятіяхъ, потому что только соотвѣтствующее образованію воспитаніе можетъ улучшить дѣятельность человѣка.

Въ воспитаніи-же первенствующую роль, и по времени, и по силѣ, имѣетъ мать, а потому необходимо привлечь въ школу крестьянскую дѣвочку. Но матерью и школой съ школьнымъ учителемъ не исчерпывается для крестьянина воспитывающая его среда; ее составляютъ далѣе духовенство, судъ, администрація, полиція, сельскій хозяинъ, частный землевладѣлецъ, съ которыми крестьянство приходитъ постоянно въ соприкосновеніе. Для того-же, чтобы эта среда могла содѣйствовать перевоспитанію крестьянина къ лучшему, необходимо, чтобы она была по возможности близко знакома съ всѣми сторонами крестьянской жизни и съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ главной промышленностью нашего крестьянства; чтобы ей привоспитана была любовь къ сельской жизни и сельскому обывателю; чтобы она была умственно, а главное нравственно, на высотѣ своего призванія выполнить такую задачу; чтобы она сама стала лучше; чтобы она, какъ болѣе интеллигентная часть населенія, не только словомъ, но и дѣломъ, всей своей жизнью, могла вліять хорошо на крестьянство, служить ему достойнымъ подражанія примѣромъ, такъ чтобы крестьянство могло у нея перенять что-либо лучшее теперешняго стремленія къ внѣшнему щегольству. Въ этомъ отношеніи особенно высоко призваніе сельскаго хозяина—частнаго владѣльца, стоящаго ближе всего къ крестьянству и имѣющаго самыя частыя сношенія съ нимъ.

Но если крестьянству должно принадлежать участіе, даже иниціатива въ улучшеніи своего положенія, то все же оно не въ состояніи выбиться на настоящій путь нравственнаго и экономическаго прогресса безъ содѣйствія правительства, земства, общества и частныхъ владѣльцевъ. Содѣйствіе же это послѣ школы должно быть направлено прежде всего къ открытію ему легко доступнаго, дешеваго, краткосрочнаго кредита, къ увеличенію, гдѣ это нужно, количества земли въ его пользованіи, путемъ ли пріобрѣтенія ея крестьянствомъ въ собственность, или путемъ принайма ея за надлежащую арендную цѣну; къ округленію крестьянскаго землевладѣнія, путемъ ли прикупки земли, или разселе-

нія, или того и другого вмѣстѣ, чтобы приблизить полевую землю къ усадьбѣ и тѣмъ сберечь крестьянину непроизводительно затрачиваемый имъ теперь трудъ на долгіе проѣзды съ хлѣбомъ, навозомъ; къ доставленію крестьянамъ заработковъ на мѣстѣ въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ работъ время въ ихъ собственныхъ хозяйствахъ; къ поощренію и содѣйствію образованія крестьянами товариществъ, которыя должны замѣнить многолюдныя семьи въ экономическомъ ихъ значеніи; къ выселенію, наконецъ, части крестьянскаго населенія, если бы никакими другими мѣрами нельзя было поднять благосостояніе крестьянъ извѣстной мѣстности. Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ мѣры, которыми можно содѣйствовать крестьянству устроиться не только къ его собственному, но и къ общему благополучію. Что эти мѣры дѣйствительно способны произвести такой эффектъ, въ этомъ мы можемъ легко убѣдиться изслѣдованіемъ тѣхъ условій, при которыхъ встрѣчаются у насъ сейчасъ благополучныя селенія и благополучныя отдѣльныя семьи въ селеніяхъ.

И. А. Стебутъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЧѢМЪ ОТЛИЧАЕТСЯ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ИСКУССТВѢ ОТЪ ПАРТІЙНОСТИ.

(По поводу сочиненій г. Н. С. Лѣскова).

VI.

Недавно въ «Русской Мысли», гдѣ имя Н. С. Лѣскова красуется рядомъ съ именами такихъ почтенныхъ писателей, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ ни за что не повѣрили-бы, если-бы имъ кто-нибудь предсказалъ, что они когда-либо въ состояніи будутъ подвергнуться такому пріятному сосѣдству, талантъ Н. С. Лѣскова былъ названъ *блестящимъ*. Скажемъ прямо, что мы далеко не раздѣляемъ подобнаго преувеличеннаго мнѣнія о талантѣ Н. С. Лѣскова. Въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ и въ лучшихъ мѣстахъ этихъ лучшихъ произведеній мы видимъ въ г. Лѣсковѣ талантъ средней величины, ничѣмъ не отличающійся отъ массы столь-же второстепенныхъ талантовъ, каковъ напримѣръ былъ Григорій Данилевскій, каковы и теперь пребываютъ гг. Евгеній Марковъ, гр. Салліасъ, Авсѣенко, и пр. Никто не станетъ спорить, чтобы всѣ названные писатели были безталанные: у каждаго изъ нихъ вы найдете свои неотъемлемыя достоинства, свои шедевры, читающіеся съ удовольствіемъ, но называть ихъ блестящими было-бы слишкомъ смѣло.

Начать съ того, что подобно своимъ упомянутымъ собратьямъ, г. Лѣсковъ никогда не могъ возвыситься до созданія какого-либо своего собственнаго, особеннаго, лѣсковскаго жанра. Всѣ названные писатели воспитали свои таланты на Тургеневѣ и никогда не могли отрѣшиться отъ его вліянія, выбиться на самостоятельную дорогу. У всѣхъ у нихъ вы найдете одни и тѣ же фабулы, основанныя на томъ, что героини жаждутъ сильныхъ людей, героевъ, а встрѣчаютъ однихъ безхарактерныхъ или и совсѣмъ дрянныхъ пошляковъ, и въ концѣ концовъ успокоиваются на мягкодушныхъ, но практичныхъ и исполненныхъ здраваго смысла и вѣрности спасительнымъ традиціямъ устроителей личнаго счастія. У всѣхъ у нихъ одни и тѣ-же поползновенія разрисовывать своихъ героинь, особенно-же всѣ перепитіи ихъ любовныхъ увлеченій, безсонныхъ ночей,

свиданій и пр., и пр. самыми радужными красками; у всѣхъ у нихъ одна и та же страсть къ изображеніямъ красотъ природы: что страница, то ландшафтъ или какое-нибудь буйство стихій. Г. Лѣсковъ, если хотите, нѣсколько даже уступаетъ своимъ собратьямъ относительно прелести женскихъ типовъ и обольстительности объясненій въ любви и свиданій на уединенной скамейкѣ у пруда. Онъ въ этомъ отношеніи нѣсколько и скуповатъ на краски, и суховатъ, слишкомъ ужъ занятъ проводимыми тенденціями, чтобы подолгу останавливаться на изображеніяхъ прелестей героинь, да и по части любовныхъ свиданій не особенный мастеръ.

За то неотъемлемымъ достоинствомъ его является то обстоятельство, что очевидно онъ человѣкъ, что называется, бывалый, провелъ свою жизнь не въ четырехъ стѣнахъ, а много и пострaнствовалъ, и навидался людей самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, племенъ, нарѣчій, состояній. Сочиненія его представляютъ въ этомъ отношеніи пестрый калейдоскопъ портретовъ современныхъ русскихъ людей всѣхъ слоевъ общества; но именно *портретовъ*, а далеко не типовъ, и притомъ, замѣтьте, далеко не всякихъ портретовъ. Для того, чтобы портретъ удался г. Лѣскову и ясно рисовался передъ вами, необходимо, чтобы оригиналъ его былъ и въ переносномъ смыслѣ *оригиналомъ*, т. е. имѣлъ бы какія-либо рѣзкія особенности, отличающія его отъ прочихъ людей, былъ-бы напримѣръ карликомъ, да притомъ не простымъ, а какимъ-то *плодомасовскимъ*, имѣлъ-бы густую гриву, необычайный басъ и силищу дьякона Ахиллы, или вмѣсто волосъ на головѣ нѣчто вродѣ хвоста, который выходилъ-бы вверхъ по затылку изъ-за галстуха и шелъ черезъ голову ко лбу. Но чуть дѣйствующее лицо особыхъ примѣтъ не имѣетъ, а тѣмъ болѣе, если авторъ претендуетъ нарисовать личность, если не вполнѣ идеальную, то во всякомъ случаѣ симпатичную, образъ выходитъ тусклый, неясный, расплывается въ вашемъ воображеніи въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ. Такъ напримѣръ возьмите хотя-бы героинь романа «Некуда», Лизу Бахареву и Женю Гловицкую. Описавши наружность ихъ самыми стереотипными выраженіями, такими-же въ своемъ родѣ казенными, какъ обозначеніе примѣтъ на паспортахъ, авторъ затѣмъ оставляетъ насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно того, гдѣ кончается Лиза Бахарева и начинается Женя Гловицкая; обѣ эти личности не рисуются передъ вами отчетливо каждая своими индивидуальными особенностями, а совершенно сливаются, и если читатель видитъ изъ хода романа, что судьба одной совершенно отличается отъ судьбы ея подруги, то это отличіе читатель выводитъ не изъ характеровъ героинь, а чисто изъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ ихъ жизни: Лиза Бахарева бѣжала изъ родительскаго дома и этимъ своимъ поступкомъ убила отца, а Женя Гловицкая до конца жизни своего родителя

была при немъ, ничѣмъ его не огорчала и нѣжно закрыла ему глаза послѣ смерти. Но за то и старикъ Гловицкій былъ совсѣмъ не то, что Бахаревъ со всѣми его домочадцами; мы не знаемъ, что сталось-бы съ Женей, если-бы она попала въ такую невыносимую семью, какая была у ея подруги, что было-бы съ Лизой на мѣстѣ Жени. Далѣе затѣмъ — Женя вышла замужъ за черстваго карьериста и, разочаровавшись въ мужѣ, вся отдалась воспитанію дѣтей; Лиза-же влюбилась въ пылкаго Райнера и умерла, не вынеся зрѣлища казни,—опять таки мы имѣемъ дѣло съ чисто внѣшними обстоятельствами и никакъ не можемъ изъ самыхъ внутреннихъ качествъ героинь уразумѣть, почему-бы не могло случиться наоборотъ, почему-бы Женя не могла влюбиться въ Райнера, а Лиза въ Вязмитинова?

Въ этомъ отношеніи талантъ г. Лѣскова имѣетъ вполнѣ фотографическій характеръ. Вѣдь и въ фотографіи наиболѣе удаются физіономіи съ рѣзкими, выдающимися чертами; лица-же классически-правильныя или-же заурядныя рѣдко выходятъ сразу похожими и надъ ними долго приходится биться фотографу.

Такимъ образомъ талантъ г. Лѣскова не болѣе, какъ талантъ хорошаго, бывалаго разсказчика. Настоящая сфера его — болѣе или менѣе характерные и пикантные анекдоты изъ современной или исторической русской жизни, и замѣтьте при этомъ не болѣе какъ анекдоты или вообще такія простые и несложные случаи, изображеніе которыхъ не занимало бы много мѣста. Согласитесь, что самыми удачными его произведеніями являются мелкія повѣсти, очерки, сцены, въ родѣ, напримѣръ, святочныхъ разсказовъ или архіерейскихъ мелочей. Когда же г. Лѣсковъ принимается за болѣе или менѣе крупныя произведенія, романы въ нѣсколькихъ частяхъ, занимающіе цѣлые томы, онъ обнаруживаетъ недостатокъ, никакъ не вяжущійся съ понятіемъ о блестящемъ талантѣ. Недостатокъ этотъ заключается въ полномъ отсутствіи художественнаго чувства гармоніи, мѣры, такта, системы. Въ большихъ своихъ произведеніяхъ авторъ томитъ васъ безконечно длинными описаніями внѣшнихъ аксессуаровъ, нескончаемыми діалогами, а подъ часъ и совершенно лишнею, не идущею къ дѣлу, неинтересной, даже и не забавною, болтовнею дѣйствующихъ лицъ, или ихъ письмами на нѣсколькихъ страницахъ; чего, чего только не напихаетъ онъ въ свой романъ, какихъ вставныхъ эпизодовъ, примкнутыхъ мимоходомъ личностей, безъ которыхъ легко можно обойтись. Все это дѣлаетъ большіе романы г. Лѣскова томительно-тяжелыми; чтеніе ихъ можно сравнить лишь съ ѣздою на долгихъ, и къ тому же на заморенныхъ и плохо кормленныхъ, клячахъ, по самой убійственной дорогѣ.

Такъ напримѣръ, обратите вниманіе хотя бы на восьмую главу второй части романа «Некуда», озаглавленную «Люди древняго письма».

Въ главѣ этой описывается вечеринка у московскихъ раскольниковъ, на которую попалъ докторъ Розоновъ. Этого мало сказать, что вся эта вечеринка, изображенная мимоходомъ и имѣя самую слабую связь съ ходомъ романа, совсѣмъ не нужна для развитія сюжета, но кромѣ того въ ней вы встрѣтите такую, напримѣръ, тарабарскую страницу, изображающую разговоръ Розонова съ хозяйкой:

— А вы не здѣшніе?

— Нѣтъ, я недавно пріѣхалъ.

— По какой части?

— Я лекарь.

— А, лекарь! А я думала такъ, что по нашей части, по торговой.

— Нѣтъ, я лекарь.

— У меня вотъ гулька по спинѣ катается, такъ и катается. Вотъ такая въ орѣшекъ будетъ гуличка.

— Это ничего.

— О? А я все боюсь; говорятъ, какъ бы она на сердце не пала. Такъ-то сказываютъ у одного полковника было: тоже гуличка, да кататься, да кататься, да кататься, кататься, да на сердце пала — тутъ сейчасъ ему и конецъ сдѣлался.

— Нѣтъ, не бойтесь, не упадетъ, успокаивалъ Розоновъ.

— Всѣмъ бы вотъ, всѣмъ благодарю моего Господа, да вотъ эта страсть мучитъ все. Просто, не повѣрите, покоя себѣ даже во снѣ не могу найти. Все мнѣ кажется, какъ эта гулька къ сердцу будто идетъ. Я вотъ теперь ужъ бальзамъ такой достала, — дорогой бальзамъ, сейчасъ покажу вамъ.

Хозяйка встала и принесла стклянку, завернутую въ печатную бумажку.

Розоновъ развернулъ бумажку и читалъ:

«Балсамъ іерусалимскій изъ новыхъ и старыхъ рецептовъ».

«Сей балсамъ пользуетъ салвомо оному Стомахе помогаетъ ему къ варенію укрѣпляетъ сердце утоляетъ запоръ чрева полезный противо утесненія персей и стараго кашля. Исцѣляетъ внутреннія раны персей и лехна то (суть вѣлія нитгаины) дизоетъ и прогоняетъ мѣсячныя тови женски нанѣсенныя раны колики стары толикіе новыя напримѣръ съ удареніями меча или ножа и иныя сѣченія употребляется съ травомъ завомо лануонитъ исцѣляетъ всякую фистулу и вся смраднія нужда кіисти достиго долны чудно полезный есть и за текущею ухо капяучи у тодленаи три капли съ гукно виномъ омодойною полагается и на раненія зубныя десны и иснѣдаетъ ю утверждаетъ и колсышіяся и испати хотящіи зубы сохраняетъ отъ умори т. е. куги и помогаетъ отъ всѣхъ скорбей душевныхъ и вкупѣ тѣлесныхъ, внутреннее его употребленіе да Будутъ *Ю* или *АЪ* до 15 капаиума и вина или воды вечеръ и заутра кто его употребитъ и саміамъ искуствомъ чудное богодѣйствіе разумети Будетъ».

— Не все понимаемъ, сказала хозяйка. Это изъ Бѣлой иноки, что по поповщинѣ принесли. Помогаетъ точно, во всемъ помогаетъ, а не понимаемъ. Тови-то это мы поняли; должно что поняли; а *стомаха*, уже все споръ идетъ. Что такое это стомаха?

— Желудокъ, отвѣчалъ Розоновъ, продолжая разсматривать курьезную рекламу.

— Желудокъ? Агафья Ивановна! а, Агафья Ивановна! позвала хозяйка.

— Слышите: стомаха-то это желудокъ называется, а мы то, что мы думали. А мы совсѣмъ вѣдь что другое думали, пояснила она, обратясь къ Розонову.

— Ну, впрочемъ, отличный бальзамъ. Нюрочка застудилась разъ, такъ сейчасъ ей помогло.

Очень можетъ быть, что подобная сцена была бы не лишена инте-

реса въ другомъ мѣстѣ, въ какомъ-нибудь небольшомъ разсказѣ; но въ романѣ она приведена совершенно ни къ селу, ни къ городу, и заставляетъ васъ невольно предполагать, что у г. Лѣскова завалялся вышеприведенный рецептъ, записанный имъ ради курьеза, и онъ не зналъ, какъ имъ воспользоваться, куда его дѣть, и сунулъ въ романъ, думая кстати позабавить читателя. Вообще у г. Лѣскова вы найдете многое, что онъ помѣщаетъ въ своихъ произведеніяхъ единственно ради курьеза. У него какая-то удивительная страсть ко всякаго рода раритетамъ, аномаліямъ, уродливостямъ, странностямъ и т. п. Но эта страсть соприкасается съ особеннымъ недостаткомъ г. Лѣскова, о которомъ мы сейчасъ и поведемъ рѣчь.

VII.

Несомнѣнный и постоянный признакъ всѣхъ истинныхъ и тѣмъ болѣе блестящихъ талантовъ — простота и ясность возложенія. Истинный талантъ по самому существу своему оригиналенъ, а потому и не нуждается въ оригинальничаньи. Величіе въ простотѣ и простота въ величіи — таковъ высшій идеалъ искусства, и классическое искусство древнихъ потому и стоитъ донынѣ на такой недосягаемой высотѣ, что вполнѣ осуществляло этотъ идеалъ. Отступленіе отъ этого идеала, страсть къ вычурности, чудачеству, юродству — появлялись всегда въ эпохи упадка, оскудѣнія умственной жизни общества. Тоже самое мы видимъ и въ индивидуальномъ творчествѣ, сравнивая между собою различныхъ художниковъ. Чѣмъ геніальнѣе, выше талантъ писателя, тѣмъ менѣе нуждается онъ привлекать читателей какими-нибудь эксцентричностями и кувырколегіями. Посмотрите, какъ безхитростно простъ, какъ прозрачно ясенъ въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ. Не найдете вы у него никакихъ околичностей, никакихъ вывертовъ, ни малѣйшаго стремленія, прежде чѣмъ дойти до дѣла, поразить васъ какими-нибудь замысловатыми колѣнцами и словесными сальто-мортале. Онъ сразу выкладываетъ вамъ все, что у него на душѣ, безъ всякихъ предвареній ставитъ передъ вами свой поэтическій образъ и предоставляетъ вамъ любоваться имъ, какъ знаете, устраняя свою личность. Въ стихахъ онъ словно умышленно избѣгаетъ слишкомъ богатыхъ и диковинныхъ риѳмъ и вычурныхъ риторическихъ эффектовъ въ родѣ хотя бы тѣхъ, на которыхъ выѣзжалъ Бенедиктовъ; проза же его по своей крайней безъискусственности до сихъ поръ остается и неоцѣненною и не подражаемою.

Страсть же прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ и вычурностямъ всегда была вѣрнымъ признакомъ творческаго безсилія, соединеннаго съ самолюбивымъ желаніемъ выйти изъ себя и показаться бо́льшимъ,

чѣмъ создала природа. Замѣчательно при этомъ, что до послѣдняго періода нашей литературы, т. е. до пятидесятыхъ годовъ, этотъ недостатокъ не былъ распространенъ въ ней. Мы можемъ насчитать весьма немного именъ писателей, страдавшихъ имъ. Таковы были Марлинскій, баронъ Брамбеусъ, Вельтманъ, Даль (въ качествѣ беллетриста), Кукольникъ, Бенедиктовъ. Обратите при этомъ вниманіе на то, что всѣ эти перечисленные писатели далеко не принадлежатъ къ числу крупныхъ талантовъ. Тѣмъ не менѣе, кромѣ развѣ одного Даля, всѣ они страдали одною и тою же маніею величія и выказывали претензіи на самое высокое положеніе въ литературѣ, что и побуждало ихъ прибѣгать ко всякаго рода эксцентричностямъ и чудачествамъ, съ цѣлью бросить пыль въ глаза читателямъ.

Въ послѣднія же сорокъ лѣтъ число юродствующихъ писателей, словечко въ простотѣ не молвящихъ, а все съ ужимками и никогда не выступающихъ простымъ человѣческимъ шагомъ, а непремѣнно колесомъ, кувыркомъ, а то и совсѣмъ кверху ногами, значительно возрасло, что, конечно, не свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи нашей современной литературы. И дѣйствительно, развѣ не очевиденъ для всѣхъ и каждаго ея несомнѣнный упадокъ и развѣ не всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о немъ?.. Г. Лѣсковъ является именно однимъ изъ самыхъ вычурныхъ представителей нашей современной литературы. Ни одной страницы не обойдется у него безъ какихъ-нибудь экивоковъ, иносказаній, выдуманныхъ или Богъ вѣсть откуда выкопанныхъ словечекъ и всякаго рода кунстштюковъ. Обратите вниманіе прежде всего на заглавія его сочиненій. Вспомните при этомъ, какъ всегда просты и односложны заглавія у нашихъ крупныхъ писателей. Если они не озаглавливаются по именамъ героевъ — «Евгеній Онѣгинъ», «Рудинъ», «Обломовъ», то ограничиваются по большей части однимъ какимъ-нибудь обыденнѣйшимъ словомъ: «Затишье», «Новь», «Гроза», «Женитьба». Г. Лѣсковъ же любитъ сочинять такія заглавія, которыя сразу огорошивали бы васъ своею необычайностью и загадочностью. Въ глазахъ у васъ рябитъ, когда вы читаете: «Запечатлѣнный ангелъ», «Несмертельный голованъ», «Очарованный странникъ», «Антука», «Колыванскій мужъ», «Ракушанскій меламедъ», «Чертогонъ», «Овцебыкъ», «Плодомасовскіе карлики». «Котинъ Доилецъ и Платонида», «Аскалонскій злодѣй», «Чортовы куклы» и пр.

Точно также любитъ г. Лѣсковъ поражать читателей и въ самомъ изложеніи чѣмъ нибудь совершенно необычайнымъ и вполнѣ озадачивающимъ васъ то сверхъестественностью, то дикою фантастичностью. Читаете вы, и глазамъ не вѣрите, что такое передъ вами, словно авторъ восхитилъ васъ на какую-то другую планету; но мало-по-малу туманъ разсѣевается, и вы съ удивленіемъ видите, что ларчикъ откры-

вается весьма просто. Какъ на примѣръ подобнаго рода кунстштюковъ, укажемъ на начало шестой главы «Соборянъ». Изображаются здѣсь вещи самыя простыя и обыденныя: какъ три обывателя захолустнаго уѣзднаго городишки шли утромъ на зарѣ купаться. Но не угодно-ли полюбоваться, какъ фантастически это все разсказывается:

«Разсвѣтъ быстро яснѣлъ, и пока солнце умывалось въ туманѣ за дымящимся боромъ, золотыя стрѣлы его лучей уже остро вытягивались на горизонтѣ. Легкій туманъ всколыхнулся надъ рѣкой и пополз по скалистому берегу; подъ мостомъ онъ клубится и липнетъ около черныхъ и мокрыхъ свай. Изъ подъ этого тумана синѣетъ бакша и виднѣется бѣлая полоса шоссе. На всемъ еще лежатъ тѣни полусвѣта, и нигдѣ, ни внутри домовъ, ни на площадяхъ и улицахъ, не замѣтно никакихъ признаковъ пробужденія.

Но вотъ на самомъ верху крутой, нагорной стороны Стараго Города, подъ узкою крестовою тропой, что ведетъ по уступамъ кремнистаго обрыва къ рѣкѣ, тонко и прозрачно очерчиваются контуры весьма странной группы. При слабомъ освѣщеніи, при которомъ появляется эта группа, въ ней есть что-то фантастическое. Посреднѣ ея стоитъ человѣкъ, покрытый съ плечъ до земли ниспадающимъ длиннымъ хитономъ, слегка схваченнымъ въ опоясьѣ. Фигура эта появилась совершенно незамѣтно, точно выплыла изъ рѣдѣющаго тумана, и стоитъ неподвижно какъ привидѣніе.

Суевѣрный человѣкъ можетъ подумать, что это старогородскій домовой, пришедшій повздыхать надъ городомъ за часъ до его пробужденія.

Однако, все болѣе и болѣе яснѣющій разсвѣтъ съ каждымъ мгновеніемъ позволяетъ точнѣе видѣть, что это не домовой, и не духъ, хотя въ то же время все-таки и не совсѣмъ что либо обыкновенное. Теперь мы видимъ, что у этой фигуры руки опущены въ карманы. Изъ одного кармана торчитъ очень длинный прутъ, съ подвязанною на его концѣ пращей, или, по крайней мѣрѣ, рыболовною лесой, изъ другаго—на четырехъ бичевахъ виситъ что-то похожее на тяжелую палицу. Но вотъ шорохнулъ вѣтерокъ, по сонной рѣкѣ тихо сверкнуло мелкою рябью, за узорною рѣшеткою соборнаго храма встрепенулись листочки березъ, и пустыя складки широкихъ покрововъ нагорной статуи задвигались тихо и открыли тонкія ноги, въ бѣлыхъ ночныхъ панталонахъ. Въ эту-же секунду, какъ обнажились эти тонкія ноги, сзади изъ-за нихъ неожиданно выставилось четыре руки, принадлежащія двумъ другимъ фигурамъ, скрывавшимся на второмъ планѣ картины. Услужливыя руки эти захватили раздутыя концы, собрали ихъ и снова обернули ими тоненькія, бѣлыя ноги кумира. Теперь стоило только взглянуть поприлежнѣе, и можно было разсмотрѣть двѣ остальныя фигуры. Справа виднѣлась женщина. Она бросалась въ глаза прежде всего непомѣрною выпуклостью своего чрева, на которомъ высоко поднималась узкая туника. Въ рукахъ у этой женщины мѣдный блестящій щитъ, посреднѣ котораго былъ прикрѣпленъ большой пукъ волосъ, какъ будто только что снятыхъ съ черепа вмѣстѣ съ кожей! Съ другой стороны, именно слѣва высокой фигуры, выдавался широкобородый, приземистый, черный дикарь. Подъ лѣвою рукой у него было что-то похожее на орудія пытки, а въ правой—онъ держалъ кровавый мѣшокъ, изъ котораго свѣсились книзу двѣ человѣческія головы, блѣдныя, лишенныя волосъ и, вѣроятно, испустившія послѣдній вздохъ въ пыткѣ. Окрестъ этихъ трехъ лицъ всемъ вѣяло воздухомъ сѣверной саги. Но вотъ свѣтъ, ясное солнце всплыло еще немножко повыше, и таинственной саги какъ не бывало. Это просто три живые, хотя и весьма оригинальные человѣка. Они и еще постояли съ минуту и потомъ двинулись книзу.

Далѣе оказывается, что эти три фантастическія фигуры были знакомыя уже изъ предыдущихъ главъ романа дѣйствующія лица его. Ну, а блестящій щитъ, и пукъ волосъ, и висящія головы? И это все объяснилось очень просто: щитъ оказался мѣднымъ тазомъ; пукъ волосъ—мочалкой, висящія головы—пузырями. Вотъ какъ любитъ г. Лѣсковъ морочить своихъ читателей.

Очень часто приходится предполагать, что г. Лѣсковъ нарочно снабжаетъ своихъ героевъ такими аксесуарами которые давали-бы ему поводъ лишній разъ пройтись передъ читателями колесомъ и дать разсказу какое-нибудь странное заглавіе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ аксесуары эти къ дѣлу совсѣмъ не идутъ и можно было-бы вполнѣ обойтись и безъ нихъ.

Такъ напримѣръ, мы видѣли, что г. Лѣсковъ озаглавилъ одну изъ своихъ повѣстей «Овцебыкъ». Какъ вы полагаете, почему? Ни по чему другому, какъ по прозвищу, какое дали герою окружающіе его люди; а прозвище это дано ему по одной наружности.

«Когда, говоритъ авторъ, я познакомился съ Василіемъ Петровичемъ, его уже звали «Овцебыкомъ». Кличку эту ему дали потому, что его наружность необыкновенно напоминала овцебыка, котораго можно видѣть въ иллюстрированномъ руководствѣ къ зоологіи Юліана Симашки. Ему было 20 лѣтъ, а на видъ казалось гораздо болѣе. Это былъ не атлетъ, не богатырь, но человѣкъ очень сильный и здоровый, небольшаго роста, коренастый и широкоплечій. Лицо у Василія Петровича было сѣрое и круглое, но круглое было только одно лицо, а черепъ представлялъ странную уродливость. Съ перваго взгляда онъ какъ будто напоминалъ нѣсколько кафрскій черепъ, но, всматриваясь и изучая эту голову ближе, вы не могли-бы подвести ее ни подъ одну френологическую систему. Прическу онъ носилъ такую, какъ будто «нарочно хотѣлъ ввести всѣхъ въ заблужденіе о фигурѣ своего верхняго этажа». Сзади онъ очень коротко выстригалъ весь затылокъ, а напереди отъ ушей его темно-каштановые волосы шли двумя длинными и густыми концами. Василій Петровичъ обыкновенно крутилъ эти концы, и онѣ постоянно лежали свернутыми валиками на его вискахъ, а на щекахъ загинались, напоминая собою рога того животнаго, въ честь котораго онъ получилъ свою кличку. Этимъ концамъ Василій Петровичъ болѣе всего былъ обязанъ своимъ сходствомъ съ овцебыкомъ. Въ фигурѣ Василія Петровича, однако, не было ни чего смѣшнаго. Человѣкъ, который встрѣчался съ нимъ въ первый разъ, видѣлъ только, что Василій Петровичъ, какъ говорится, «плохо скроенъ, да крѣпко сшитъ», а вглядѣвшись въ его каріе, широко разставленные глаза, нельзя было не видѣть въ нихъ здороваго ума, воли и рѣшительности».

И дѣйствительно, читаете вы повѣсть г. Лѣскова и видите передъ собою въ лицѣ героя ея человѣка ни мало не смѣшнаго, а напротивъ того, въ высшей степени симпатичнаго: бездомнаго бродягу, который всю жизнь не могъ нигдѣ и никакъ устроиться, потому что вездѣ искалъ правды божіей. При такомъ своемъ сподвижническомъ характерѣ и судьбѣ онъ могъ имѣть какую угодно наружность: быть брюнетомъ или блондиномъ и обладать вполнѣ благообразною физіономіею. Зачѣмъ-же понадобилось г. Лѣскову украсить его какими-то нелѣпыми рогами?

Ни для чего иного, какъ именно для того, чтобы не озаглавить повѣсть такъ просто и ординарно, какъ это сдѣлалъ-бы Тургеневъ: «Василій Петровичъ Богословскій» — и вся недолга, а то ли дѣло «Овцебыкъ», — необходимо, чтобы у читателя по прочтеніи такого заглавія глаза подъ вѣки закатились.

VIII.

Ничѣмъ болѣе, какъ все тою-же страстью своей къ чудачеству и юродству можно объяснить и то пристрастіе, какое въ послѣднее время обнаружилъ г. Лѣсковъ къ прологамъ и всяческимъ древнимъ сказаніямъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Всѣ эти повѣсти, помѣщенныя въ десятомъ томѣ его сочиненій, каковы «Гора», «Легенда о совѣстномъ Данилѣ», «Повѣсть о богоугодномъ древоколѣ», «Прекрасная Аза», «Скоморохъ Панфалонъ», «Левъ старца Герасима», «Аскалонскій злодѣй», «Сказаніе о Ѳедорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ жидовинѣ»—страдаютъ однимъ и тѣмъ-же недостаткомъ: полнымъ отсутствіемъ свободнаго и естественнаго творчества, и являются ничѣмъ болѣе, какъ грубыми и весьма неискусными поддѣлками подъ стиль древнихъ повѣствованій.

Я вовсе не стою за тотъ узкій реализмъ, который требуетъ, чтобы художники имѣли дѣло съ одною сегодняшною дѣйствительностью, которая мечется прямо въ глаза художника, и чтобы художникъ, изображая эту сегодняшную дѣйствительность, только и дѣлалъ-бы, что творилъ во что бы ни стало судъ надъ нею, одни явленія ея поощрялъ, другія порицалъ, и чтобы этимъ вполнѣ исчерпывалось все содержаніе искусства. Я признаю, что въ вѣдѣніи искусства находится весь міръ земной со всѣмъ его настоящимъ и прошедшимъ, и что художникъ свободенъ брать матеріалъ для своихъ изображеній, откуда ему угодно, не только изъ прологовъ и древне-египетской жизни, но хотя-бы изъ Ведъ, изъ санскритской древности, даже изъ китайской. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я стою за то, что каждый вѣкъ имѣетъ свое искусство, свое не только внутреннее содержаніе произведеній, но свою технику, свой языкъ, свои манеры изображеній, свои излюбленные образы и пр., и для каждаго художника обязательно пользоваться всѣмъ тѣмъ достояніемъ, какимъ владѣетъ вѣкъ его, получивши это достояніе отъ отцовъ и дѣдовъ путемъ медленнаго накопленія его вѣками неусыпнаго труда сотенъ поколѣній. Иначе было-бы невозможно въ искусствѣ никакого развитія, и оно до сихъ поръ не въ состояніи было-бы возвыситься ни надъ каменными фигурами съ руками приросшими къ туловищу, ни надъ инструментами въ видѣ воловьихъ жилъ натянутыхъ на воловьи же рога, ни надъ народными пѣснями, воспѣвающими о томъ, какъ Илья Муромецъ выпилъ чару вина въ полтора ведра.

Сила искусства въ томъ именно и заключается, что оно не только копируетъ старые образцы, но творитъ вѣчно нѣчто новое, а если беретъ старый матеріалъ, оно этотъ матеріалъ бросаетъ на сломъ въ огненную печь, расплавляетъ его и творитъ изъ этой расплавленной массы опять-таки нѣчто свое, сообразное и потребностямъ, и завоеваніямъ своего времени. Такъ Шекспиръ бралъ для своихъ драмъ сюжеты въ свою очередь изъ разныхъ старыхъ сказаній, легендъ, хроникъ, но ему и въ голову не приходило заботиться о томъ, чтобы перелагать эти сказанія тѣмъ же языкомъ, какимъ они были написаны и тщательно сохранять всѣ ихъ техническія недостатки. Онъ все взятое претворялъ по своему и влагалъ въ него, кромѣ своего шекспировскаго генія, вмѣстѣ съ тѣмъ духъ и художественное богатство своего вѣка.

Байронъ бралъ сюжеты для своихъ произведеній почти изъ всѣхъ странъ и вѣковъ, но какъ въ «Каинѣ», изображающемъ жизнь первыхъ людей на землѣ, такъ и въ поэмѣ «Донъ Жуанъ», дѣйствіе котораго относится къ нынѣшнему столѣтію, онъ является однимъ и тѣмъ же Байрономъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о Пушкинѣ. Глубоко заблуждаются тѣ, которые со словъ Ѳ. Достоевскаго воображаютъ его и въ самомъ дѣлѣ какимъ-то *всечеловѣкомъ*, который былъ способенъ отрѣшаться отъ своего времени, народа и общества и превращаться по прихоти своего генія то во французскаго поэта, то въ нѣмецкаго, то въ англійскаго. Ничего подобнаго у Пушкина не было. Правда, онъ бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ самыхъ разнообразныхъ странъ и вѣковъ: бралъ онъ и изъ средневѣковой жизни («Скупой рыцарь»), и изъ древне-египетской («Египетскія ночи»), и изъ нѣмецкой («Моцартъ и Сальери»), и изъ испанской («Донъ-Жуанъ»), взялъ даже сюжетъ для поэмы изъ драмы Шекспира (Анжело), — но во всѣхъ этихъ произведеніяхъ остался все тѣмъ-же русскимъ геніальнымъ поэтомъ тридцатыхъ годовъ, что и въ своемъ «Евгеніи Онѣгинѣ». Мало того: въ нѣкоторыхъ подобнаго рода, яко-бы иностранныхъ, произведеніяхъ Пушкина мы можемъ подозрѣвать слѣды субъективности, невольнаго стремленія изобразить въ нихъ различные элементы своего собственнаго духа или пережитаго личнаго опыта. Не только типы Донъ-Жуана и Моцарта до извѣстной степени олицетворяютъ самаго Пушкина, нисколько не менѣе чѣмъ Евгеній Онѣгинъ, но даже и въ «Скупомъ рыцарѣ» вы найдете нѣчто пережитое самимъ Пушкинымъ, если вспомните тѣ натянутыя отношенія, въ какихъ находился онъ къ своему отцу, и что онъ вынесъ изъ этихъ натянутыхъ отношеній.

Я не отрицаю, что и старыми произведеніями искусства мы можемъ наслаждаться, цѣнить ихъ, поучаться изъ нихъ всему тому, что въ нихъ можетъ быть поучительно. Но большая разница поучаться у великихъ мастеровъ или рабски слѣдовать за ними, не позволяя себѣ ни на одну іоту отступать отъ нихъ. Въ настоящемъ же случаѣ дѣло идетъ у насъ

не о Рафаэлѣ и не о какихъ-нибудь великихъ мастерахъ, а о подчиненіи лубочнымъ образцамъ, стоящимъ ниже всякаго понятія о художествѣ и искусствѣ. Г. Лѣсковъ является въ своихъ вышеозначенныхъ египетскихъ повѣстяхъ какимъ-то реставраторомъ по части археологіи. Я вовсе не отрицаю археологіи и понимаю любовь къ изученію и собиранію старинныхъ образцовъ примитивнаго искусства. Но большая разница собирать хотя-бы напримѣръ наши до-никоновскіе иконы, или начать вдругъ рабски подражать имъ, видя въ нихъ идеалъ живописи. Представьте себѣ г. Рѣпина, который въ своей знаменитой картинѣ, изображающей эпизодъ изъ житія св. Николая чудотворца, нарисовалъ бы Николая именно такъ, какъ онъ рисовался нашими старыми иконописцами, въ византійскомъ стилѣ, такимъ-же темноликимъ, и съ такими-же прямолинейными морщинами на щекахъ и на лбу. Кстати, г. Рѣпинъ совершенно, повидимому, сошелся съ г. Лѣсковымъ, взявши для своей картины сюжетъ изъ тѣхъ-же первыхъ вѣковъ христіанства, къ которымъ относятся и вышеназванныя повѣсти г. Лѣскова. Но какая неизмѣримая разница въ отношеніи къ сюжету между г. Рѣпинымъ и г. Лѣсковымъ. Картина г. Рѣпина потрясаетъ васъ и приковываетъ къ себѣ именно тѣмъ, что она глубоко прочувствована художникомъ, живущимъ среди насъ одною съ нами жизнію и въ ней вложены всѣ чары современнаго намъ искусства въ тѣхъ предѣлахъ совершенства, до какихъ дошла живопись въ нашъ вѣкъ. Дѣйствительность столь отдаленныхъ отъ насъ вѣковъ воспроизводится здѣсь такъ, какъ никто другой, какъ *мы* способны понимать ее, мы, современники г. Рѣпина. Будь на мѣстѣ Рѣпина Рафаэль или Рубенсъ, и изобрази они тотъ-же сюжетъ,— очень можетъ быть, что картина въ глазахъ знатоковъ живописи казалась-бы еще совершеннѣе, но навѣрное она менѣе говорила-бы нашему уму и сердцу, чѣмъ картина г. Рѣпина, мы могли-бы любоваться ею лишь условно, т. е. переносясь въ вѣкъ Рафаэля и Рубенса и соображая, что этотъ-же самый эпизодъ могъ представляться въ такомъ видѣ, какъ онъ изображенъ, людямъ XV, XVI вѣка, а не намъ.

Въ повѣстяхъ-же г. Лѣскова мы видимъ не одно только заимствованіе сюжетовъ, содержанія изъ прологовъ, но и стремленія, отрѣшившись отъ уровня современнаго искусства, принизиться въ извѣстной степени до безъискусственной, примитивной наивности этихъ старинныхъ повѣствованій. И вотъ это-то стремленіе и производитъ на васъ впечатлѣніе грубой поддѣлки, фальши.

Древнія повѣтствователи прологовъ были, конечно, люди далеко въ искусствѣ не умудренные, да и какое-же было въ тѣ отдаленныя времена искусство? Они вели весь разсказъ однимъ и тѣмъ-же спокойнымъ повѣствовательнымъ или-же нѣсколько торжественно возвышеннымъ тономъ, не измѣняя этому тону ни въ какихъ случаяхъ, такъ что самыя патетическія сцены повѣсти разсказывались съ тѣмъ-же невозмутимымъ

спокойствіемъ, какъ и самыя обыденныя. Объ обрисовкѣ характеровъ о драматическомъ движеніи выводимыхъ лицъ, о соотвѣтствіи въ діалогахъ рѣчей ихъ съ душевными настроеніями и качествами и не подозрѣвалось. Человѣкъ говорилъ: «я тебя сейчасъ-же прикажу заживо сварить въ котлѣ», такъ-же спокойно и хладнокровно, какъ-бы онъ произносилъ: «я тебѣ сейчасъ-же прикажу дать кусокъ баранины». И вотъ подобной архаической прямолинейности тона и сухой книжности сценъ и діалоговъ старается рабски слѣдовать г. Лѣсковъ. Вотъ вамъ образецъ такого архаическаго повѣтствованія:

Начинается расказъ о прекрасной Азѣ, богатой египтянкѣ. Гуляя по своему роскошному саду, Аза увидѣла какого-то незнакомаго человѣка, который какъ будто скрывался и въ тоже время торопливо дѣлалъ что-то у плодовитаго дерева. Она думала, что онъ воруетъ плоды.

«Но когда египтянка подошла ближе, то она увидала что этотъ незнакомецъ не срывалъ плоды, а дѣлалъ что-то совсѣмъ другое: онъ закрѣплялъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось Азѣ непонятно, и она притаилась, чтобы видѣть, что будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнурка петлю и вложилъ въ нее свою голову... Еще одно мгновеніе и онъ удавился-бы въ петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было-бы его вынуть, а пока она успѣла-бы позвать на помощь людей—удавленникъ успѣлъ-бы умереть... Надо было помѣшать этому немедленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросясь къ самоубійцѣ, схватилась руками за петлю веревки.

Казалось-бы, въ какой-бы странѣ въ какой-бы вѣкъ ни произошелъ-бы подобный казусъ, онъ сейчасъ-бы надѣлалъ страшнаго переполоха. Какъ Аза, такъ и незнакомецъ, были-бы потрясены въ равной степени до мозга костей и могли-бы далѣе объясняться не иначе, какъ въ попыхахъ, отрывочными, короткими фразами. Можно было-бы даже предполагать, что въ первый моментъ, незнакомецъ пустился бы бѣжать или же началъ-бы бороться. Во всякомъ случаѣ до того-ли было имъ, чтобы заниматься словопреніями объ относительной красотѣ жизни, а между тѣмъ далѣе повѣствованіе льется все тѣмъ-же спокойнымъ, плавнымъ тономъ и мы читаемъ:

«Незнакомецъ былъ пожилой человѣкъ, эллинъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубленнымъ краемъ. Увидавъ египтянку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду и сказалъ ей.

— Какое несчастіе! Злой демонъ что-ли выслалъ тебя сюда, чтобы остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна? отвѣчала ему египтянка.

— Можетъ быть жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которыя живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я находилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ лишь несносное бремя, ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мнѣ возможность вылѣзть по моей веревкѣ вонъ изъ той житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и каленными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удавиться: я закричу и сейчасъ прибѣгутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ подъ одежду и поди за мной въ мой домъ; разскажи мнѣ тамъ твое горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сдѣлаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ безпомощно, какъ ты думаешь, тогда... выходи отъ меня съ своимъ шнуромъ, куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ незнакомецъ,—и какъ мнѣ ни тяжело медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столько ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повиноваться. Вотъ уже шнуръ мой спрятанъ подъ моею одеждою, и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго незнакомца въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пышномъ коврѣ вышла, чтобы перемѣнить свое купальное платье на другое. Когда-же Аза возвратилась, то она сѣла тутъ-же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кистей, начали приводить въ колебаніе спускавшееся съ потолка огромное, напитанное ароматами опахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ».

Видите, какъ методически бесѣдовали они тотчасъ же послѣ столь трагической сцены. Прекрасная Аза не забыла даже напомнить эллину о такой мелочи, чтобы онъ спряталъ свой шнурокъ подъ одежду, а онъ въ свою очередь не упустилъ обстоятельно извѣстить ее: «вотъ ужъ шнуръ мой спрятанъ подъ одежду»—и далѣе они пошли въ домъ закусывать и баловаться фруктами, точно послѣ веселой прогулки.

Не подумайте, чтобы я нарочно выбралъ самую неудачную страницу. Попробуйте перелистать всѣ египетскія повѣсти, и на каждой страницѣ вы найдете такой-же искусственно-архаическій, монотонный слогъ, такіе-же длинные, безжизненно книжные діалоги. Въ этомъ г. Лѣсковъ, очевидно, полагаетъ весь шикъ и всю суть своего проникновенія въ духъ и поэзію прологовъ. Но Боже, какою мертвечинсю, какимъ убійственнымъ холодомъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ страницъ.

IX.

Но всѣ эти недостатки и излишки: съ одной стороны недостатокъ эстетическаго чутья, вкуса и художественной мѣры, съ другой—излишекъ самолюбія, заставлявшій г. Лѣскова юродствовать, чтобы хоть чѣмъ нибудь выдѣляться изъ массы безцвѣтной посредственности,—все это не Богъ вѣсть, какія литературныя прегрѣшенія г. Лѣскова. Такія прегрѣшенія свойствены многимъ второстепеннымъ писателямъ, что и дѣлаетъ ихъ второстепенными. Всѣ они или вялы и скучны, или черезъ чуръ вычурны. Прочесть «Черноземныя поля» Евг. Маркова стоитъ столь же большаго труда и скуки, какъ и любой изъ большихъ романовъ г. Лѣскова. Если бы г. Лѣсковъ всю свою литературную дѣятельность ограничилъ-бы писаніемъ небольшихъ бытовыхъ разсказовъ и историческихъ картинъ и анекдотовъ, въ родѣ напримѣръ «Чертовы куклы», «Человѣкъ на часахъ», и пр.,—онъ пользовался бы почтенною

репутаціею талантливаго разскащика фотографа, прошелъ-бы свое литературное поприще тихо, смирно и безобидно, и мы, отмѣтивши его достоинства и недостатки, могли-бы заключить наше разсмотрѣніе его сочиненій признаніемъ за нимъ во всякомъ случаѣ права на полное уваженіе, какъ писателя, принесшаго русскому обществу свою лепту пользы.

Къ сожалѣнію, г. Лѣсковъ не могъ ограничиться столь скромною и безобидною ролью. То же самое самолюбіе, которое понудило его чудить въ своихъ произведеніяхъ, придумывая овцебыковъ и голованововъ, состроило съ нимъ еще горшую и болѣе серьезную шутку, сдѣлало его писателемъ крайне антипатичнымъ для весьма многихъ людей, вовсе не какихъ либо задорныхъ и нетерпимыхъ, а лишь ищущихъ въ искусствѣ любви и правды, а не лжи и ненависти.

Впрочемъ, скажемъ по всей справедливости, здѣсь дѣйствовало не одно самолюбіе, а также и иныя побужденія, болѣе почтенныя, но къ сожалѣнію, этимъ почтеннымъ побужденіямъ пришлось сыграть роль тѣхъ прекрасныхъ намѣреній, которыми вымощенъ адъ. Дѣло въ томъ, что г. Лѣсковъ выступилъ на литературное поприще въ 1860 году, т. е. какъ разъ въ такую эпоху, когда тенденціозное искусство господствовало безгранично, когда каждый писатель, не исключая даже и г. Ап. Майкова, стремился къ тому, чтобы быть гражданиномъ и пророкомъ, глаголомъ жечь сердца людей и отзываться на всѣ животрепещущіе общественные вопросы Къ тому-же г. Лѣсковъ по самому типу и характеру своего таланта былъ расположенъ болѣе къ тенденціозному искусству. Мы уже говорили о томъ, что особенною художественностью онъ не блисталъ, и въ то же время, при своемъ несомнѣнно холерическомъ темпераментѣ, былъ слишкомъ увлеченъ горячимъ движеніемъ того времени, чтобы не отдаться ему всецѣло. Онъ выступилъ и на литературное поприще прежде всего публицистомъ, а потомъ уже художникомъ. Идеалъ художника-публициста сохраняетъ онъ до сего дня, какъ о томъ можно судить по одному изъ послѣднихъ его произведеній «Чертовы куклы», гдѣ наибольшими симпатіями его пользуется тенденціозный художникъ Макъ, котораго онъ слѣдующими чертами противополагаетъ художнику чистаго искусства—Пику.

«Макъ былъ крупный брюнетъ съ серьезнымъ, даже нѣсколько суровымъ и задумчивымъ лицомъ, а Пикъ — розовая бѣлокурая крошка, съ личикомъ изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ «овечьею мордочкой». Макъ былъ мыслитель, — его занимали общественные вопросы; онъ скорбѣлъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ и задумывался надъ служебными цѣлями искусства, а Пикъ смотрѣлъ на жизнь въ розовыя стекла и отрицалъ въ искусствѣ постороннія цѣли, кромѣ самой красоты; притомъ Пикъ любилъ и покутить, но только, несмотря на его неразборчивость, онъ почти никогда не имѣлъ удачи, а Макъ былъ само цѣломудріе и обладалъ всѣми шансами на успѣхи, но онъ ихъ не добивался; Пикъ находилъ почти всѣхъ женщинъ очень милыми, а Макъ смотрѣлъ на всѣхъ равнодушно и все надѣялся когда нибудь увидать одну заповѣдную женщину по своимъ мыслямъ. Она должна была обладать красотою духовной болѣе, чѣмъ тѣлесною, — во всякомъ случаѣ, она непремѣнно должна была

имѣть надъ нимъ многія нравственныя превосходства, въ особенности въ деликатности чувствъ, въ тонкомъ ощущеніи благородства, чести и добра. Она должна была не отдалять отъ міра, какъ любятъ дѣлать многія женщины, а роднить его съ высшимъ міромъ. Если случалось, что Пику и Маку нравилось одно и тоже, то оно непремѣнно нравилось имъ съ разныхъ сторонъ! Имъ, напримѣръ, обоимъ нравился Донъ-Жуанъ, и они оба оправдывали байроновскаго героя, но совершенно съ различныхъ сторонъ. Пикъ находилъ, что перемѣнять привязанности очень весело, а Макъ любилъ Жуана за то, что онъ открывалъ во всѣхъ любившихъ его женщинахъ обманъ и не хотѣлъ довольствоваться фальсификаціею чувства. Несмотря на такое несходство во взглядахъ, Пикъ и Макъ были, однако, дружны: Пикъ уважалъ въ Макѣ его думы и даже заботы о служебныхъ задачахъ искусства, а Макъ любилъ въ Пикѣ искренность, съ какою онъ восхищался каждымъ дарованіемъ, кромѣ своего собственнаго.

Впродолженіи всего произведенія авторъ заставляетъ Мака говорить самыя умныя рѣчи. Такъ, между прочимъ, возставая на заносчивое фразерство своего пріятеля, Фебуфиса, онъ рѣзко заявляетъ, что онъ не ссорится изъ-за пустяковъ и не любитъ когда ссорятся; ему дѣла нѣтъ до тѣхъ, которые ищуть для себя расположенія у властей, но ему нравятся тѣ, которые не задираются съ ними; что онъ, пожалуй, аристократъ въ томъ смыслѣ, что не хочетъ подражать слугамъ, передразнивающимъ у себя на застольной своихъ господъ: онъ совсѣмъ не интересуется этими господами.

Весьма вѣроятно, что таковъ и всегда былъ идеалъ г. Лѣскова, но ему не удалось оставаться постоянно на высотѣ его. Г. Лѣсковъ могъ и на поприщѣ тенденціозной литературы ограничиваться скромною ролью разсказчика-фотографа, вполнѣ соотвѣтствующею размѣрамъ его художественнаго таланта равно какъ и всѣхъ прочихъ умственныхъ силъ. Но вотъ тутъ-то именно и выступало на сцену его чрезмѣрное самолюбіе, побуждавшее его воображать, что ему, какъ большому кораблю, подобаетъ большое и плаваніе. Ему захотѣлось принять на себя важную и весьма отвѣтственную роль строгаго и безпощаднаго судіи и обличителя цѣлаго своего поколѣнія и вѣка, — роль, которая оказалась не по силамъ писателямъ, не г. Лѣскову чета, даже и такимъ титанамъ нашей литературы, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій. И еще-бы: для подобной роли прежде всего требуется такой объемъ умственныхъ силъ, и такое универсальное образованіе, которыя ставили-бы писателя на неизмѣримую высоту надъ всѣми своими современниками, на такую высоту, чтобы онъ могъ смотрѣть на всѣ ихъ дѣла и отношенія съ птичьяго полета. Въ противномъ случаѣ писателю трудно бываетъ оріентироваться и познать относительную цѣну различныхъ явленій, особенно, если принять въ соображеніе столь смутную эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь; одни предметы будутъ заслонять въ его глазахъ другіе, и ему очень легко частное принять за общее, общее за частное и совершенно запутаться въ своихъ сужденіяхъ, что и было съ тѣми титанами, о которыхъ мы говорили. Всѣ

ихъ изображенія людей 60-хъ годовъ страдаютъ именно тѣмъ, что ихъ возмутила масса уродствъ и всякаго рода аномалій, естественныхъ и неизбѣжныхъ въ каждую переходную и смутную эпоху; но они мало того, что приписали этимъ уродствамъ гораздо бо́льшую важность, чѣмъ они того заслуживали, но вообразили, что въ этихъ уродствахъ и заключается именно духъ вѣка и вся суть движенія.

Во вторыхъ, не менѣе, если не болѣе необходимо, чтобы судія, берущійся судить огуломъ всѣхъ своихъ современниковъ, былъ судія вполнѣ безпристрастный, чтобы онъ не былъ расположенъ къ одной сторонѣ и ожесточенъ къ другой. Если во всѣхъ гражданскихъ судахъ судьи считаются неподсудными, разъ предполагается въ нихъ хоть тѣнь вражды противъ подсудимыхъ, то тѣмъ болѣе такимъ безпристрастіемъ долженъ отличаться судъ искусства, которое по самому существу своему должно быть преисполнено любви и гуманности, а не злобы и человѣконенавистничества.

И вотъ по нашему мнѣнію, г. Лѣсковъ не удовлетворилъ ни одного изъ этихъ условій, которыя давали-бы ему право быть судьею своего вѣка. Онъ не можетъ имѣть ни малѣйшей претензіи предполагать, чтобы онъ стоялъ на неизмѣримой высотѣ надъ своими современниками, и былъ-бы въ правѣ заявить имъ: вы всѣ глубоко заблуждаетесь, а я одинъ и два-три человѣка мнѣ лично симпатичные познали истину; вы всѣ шуты, пошляки, нравственные уроды, я одинъ—доблестный и прекрасный рыцарь безъ пятна и позора.

Не подходитъ г. Лѣсковъ и ко второму условію: на всѣхъ его произведеніяхъ, посвященныхъ злобамъ дня, мы видимъ не спокойствіе и безпристрастіе неумытнаго судіи, а какую-то глубокую, кровную обиду, мрачную и непримиримую озлобленность. Читая эти вещи, вы невольно приходите къ заключенію: нѣтъ, это не судія, это одна изъ тяжущихся сторонъ. Что̀ до такой степени обидѣло, озлобило, ожесточило г. Лѣскова, что онъ слова не можетъ вымолвить безъ ѣдкой желчи, мы не знаемъ. Это раскроетъ намъ впослѣдствіи исторія. Очень возможно, что и здѣсь, въ этомъ ожесточеніи противъ всѣхъ современниковъ, всего вѣка, въ свою очередь, играло не малую роль самолюбіе г. Лѣскова, но мы объ этомъ судить не будемъ. Мы замѣтили только, что къ г. Лѣскову можно смѣло примѣнить ту сказку о безпечномъ туркѣ, которую въ «Чертовыхъ куклахъ» его излюбленный герой Макъ примѣнилъ къ своему другу Фебуфису. Маленькая сказочка эта заключается въ томъ, что, когда этого турка посадили на колъ, онъ сказалъ: «это не дурно для начала»—и сталъ опускаться. Вотъ и г. Лѣскова какія-то враждебныя обстоятельства, можетъ быть, лежащія въ глубинѣ его собственнаго духа, посадили на колъ озлобленія противъ всѣхъ своихъ современниковъ и онъ началъ опускаться. Картину этого опусканія мы и разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Скабичевскій.

СИБИРСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА

СЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Продолженіе).

Разсматривая желѣзно-транзитную дорогу черезъ Сибирь какъ сплошной рельсъ отъ Урала до Тихаго океана, пришлось-бы къ разсмотрѣннымъ въ первой части этого очерка участкамъ добавить еще линіи: а) отъ Срѣтенска (на рѣкѣ Шилкѣ) до Хабаровки и б) отъ Хабаровки до ст. Графской. По этимъ линіямъ, имѣющимъ въ длину — первая 2000 в., а вторая — 400 в., не только не собрано достаточныхъ экономическихъ и техническихъ данныхъ, но оспаривается и самая ихъ необходимость. Прежде всего замѣтимъ, что по мѣстнымъ географическимъ и климатическимъ условіямъ сооруженіе желѣзнодорожнаго пути между Срѣтенскомъ и Хабаровкой будетъ сопряжено съ большими техническими трудностями и, слѣдовательно, обойдется страшно дорого. По проекту линія должна проходить долиною р. Шилки и лѣвымъ берегомъ Амура, въ нѣкоторомъ, однако, возможно значительномъ удаленіи отъ послѣдняго. Въ этомъ направленіи дорога пересѣкаетъ множество сѣверныхъ притоковъ Амура, изъ коихъ напримѣръ р.р. Зея и Бурея весьма глубоки и широки; у Хабаровки-же она должна перейти на правый берегъ Амура, для чего нуженъ, по всей вѣроятности, постоянный желѣзный мостъ отверстіемъ до 700 саж. Одно устройство этого моста, на подобіе Волжскаго (у Батраковъ), потребуетъ расхода до 7.000,000 р. Недалеко отъ Срѣтенска, а именно на участкѣ между Горбицей и Усть-Стрѣлкой, желѣзная дорога встрѣтитъ почти неприступную мѣстность. Здѣсь повсюду покрытые дѣвственною чащей, никѣмъ необитаемые дикіе утесы и скалы. Сверхъ того на значительномъ протяженіи отъ Срѣтенска до Хабаровки приходится прокладывать дорогу по такъ называемой «*мерзлотѣ*»—вѣчно мерзлой подпочвѣ—отчего всѣ опорныя сооруженія должны быть каменныя и закладываться глубже

обыкновеннаго; водоснабженіе-же дороги потребуетъ дорогихъ спеціальныхъ приспособленій.

Такимъ образомъ, хотя въ проектѣ предлагаемой нѣкоторыми такъ называемой *парово-транзитной* линіи [1]), и предполагается продолжить забайкальскую желѣзную дорогу отъ Срѣтенска до ст. Черняевой, т. е. еще на 700 верстъ, до того мѣста, откуда Амуръ можно считать вполнѣ уже удобнымъ для плаванія большихъ торговыхъ судовъ, однако и противъ этого участка дороги предъявляется много возраженій, какъ со стороны технической, такъ и экономической. Нѣкоторые предлагаютъ довести путь только до Горбицы или Усть-Стрѣлки, либо до Покровки (у сліянія Шилки съ Аргунью) или с. Игнашина, на Амурѣ. Поверстная стоимость постройки дороги на всемъ протяженіи Срѣтенскъ-Хабаровка опредѣляется примѣрнымъ техническимъ разсчетомъ не менѣе 85,000 р. на версту (считая рельсы и всѣ искусственныя сооруженія, а также подвижной составъ), а если предвидѣть весьма возможныя въ такихъ случаяхъ передержки, то придется считать версту круглою цифрою 90,000 руб.

Такимъ образомъ устройство пріамурской желѣзнодорожной линіи, считая отъ Срѣтенска, обошлось-бы: до Черняевой (700 в.) — 63 милл. руб., а до Хабаровки (2000 в.)—180 милл. рублей.

Что же можно сказать въ оправданіе этой громадной затраты съ точки зрѣнія экономическихъ и финансовыхъ выгодъ?

Скудныя данныя, имѣющіяся объ этомъ краѣ, указываютъ только, что желѣзная дорога вдоль сѣвернаго побережья Амура могла-бы имѣть неоспоримое значеніе для развитія промысловаго дѣла, и что долины въ низовьяхъ рр. Зеи, Буреи и Уньжи удобны для хлѣбопашества и поселеній. Но съ другой стороны извѣстно, что Амуръ представляетъ самъ по себѣ дешевый и на столько удобный—отнюдь не хуже Волги—торговый путь, который надолго еще въ состояніи конкурировать съ желѣзною дорогою. При незначительныхъ затратахъ на улучшеніе русла Шилки или Аргуни и при нѣкоторомъ развитіи тамошняго пароходства послѣднее безъ сомнѣнія отниметъ у желѣзной дороги почти всѣ мѣстные грузы, а пожалуй, и часть транзитныхъ.

Въ настоящее время по водной системѣ Амура, Шилки и Уссури ходитъ 42 парохода; изъ нихъ 15 принадлежатъ товариществу амур-

---

[1]) Подъ этимъ названіемъ разумѣется такая желѣзнодорожная линія, которая, подобно *парово-стратегической* линіи, предполагаетъ включеніе въ составъ магистральной сибирской желѣзной дороги обскаго и амурскаго водныхъ путей, но считаетъ при этомъ необходимымъ, въ видахъ привлеченія транзитныхъ товаровъ, связать средне-сибирскій и забайкальскій участки кругобайкальскимъ обходнымъ путемъ, довести забайкальскую дорогу до средняго, вполнѣ судоходнаго, теченія Амура, а также достроить и уссурійскую дорогу вплоть до Хабаровки.

скаго пароходства, а остальные—частнымъ лицамъ. Изъ 15 пароходовъ товарищества 5 легкихъ, почтово-буксирныхъ, служащихъ для сообщенія между Хабаровкой и Южно-Уссурійскимъ краемъ, 3 небольшихъ 40-сильныхъ буксира, которые ходятъ лишь въ низовьяхъ Амура до Благовѣщенска и служатъ преимущественно для перевозки между станціями казенныхъ и частныхъ грузовъ для мѣстныхъ потребностей, 4 большихъ 100-сильныхъ буксира, занятыхъ перевозкой, главнымъ образомъ, транзитныхъ грузовъ изъ Николаевска въ Срѣтенскъ, а также большихъ грузовыхъ партій для мѣстныхъ центровъ. У другихъ пароходовладѣльцевъ имѣется въ общей сложности 4 большихъ буксирныхъ парохода, представляющихъ дѣйствительную грузоподъемную способность. Остальные же 23 парохода частью малые буксиры, частью равныя имъ по грузоподъемности товарныя суда, не представляющія собой ничего особенно благонадежнаго. Товариществомъ амурскаго пароходства перевезено груза противъ теченія:

въ 1885 году	. . . . .	395,000 пудовъ.
» 1886 »	. . . . .	430,000 »
» 1887 »	. . . . .	669,000 »

не считая багажа, пассажировъ и солдатъ. При благопріятной навигаціи можно перевезти и больше, приблизительно на 100,000 пуд. Остальные пароходовладѣльцы въ состояніи перевезти груза до 1.000,000 пуд.

Если, за отсутствіемъ какихъ-либо иныхъ данныхъ, допустить маловѣроятное, на нашъ взглядъ, предположеніе, что желѣзнодорожный участокъ Срѣтенскъ-Хабаровка въ первые-же годы эксплоатаціи привлечетъ къ себѣ столько-же груза, сколько его можетъ перевозиться теперь по Амуру и Шилкѣ, положимъ примѣрно 1.500,000 пуд., то, при среднемъ передвиженіи товара въ обѣ стороны на 2000 в., получилось-бы эксплоатаціоннаго дохода 1.500,000 руб., тогда какъ содержаніе всего этого 2000 верстнаго пути въ безлюдномъ, дикомъ краѣ стоило-бы по меньшей мѣрѣ 2,500 руб. на версту, т. е. 5.000,000 руб.

Этимъ, какъ намъ кажется, все сказано о финансовой судьбѣ восточнаго участка забайкальской желѣзной дороги! Остается теперь разсмотрѣть, во 1-хъ: на столько-ли велики выгоды этого участка въ стратегическомъ отношеніи, чтобы онѣ могли сдѣлать его необходимымъ въ ближайшемъ будущемъ и оправдать потребный на это сооруженіе расходъ почти въ 180 милл. руб.; а во 2-хъ, какіе шансы имѣетъ восточный участокъ сибирской дороги вообще на участіе въ азіатско-европейскомъ торговомъ транзитѣ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на оба эти вопроса, скажемъ нѣсколько словъ объ эксплоатаціонномъ значеніи послѣдняго, еще неразсмотрѣннаго нами желѣзнодорожнаго участка въ 400 в. отъ Хабаровки до ст.

*

Графской. Это, если можно такъ выразиться, предпослѣднее звено въ сплошномъ рельсовомъ пути отъ Петербурга до Владивостока, являющееся въ то же время естественнымъ продолженіемъ уссурійской дороги.

Относительно общаго направленія и техническихъ условій постройки этого участка экспедиціей г. Урсати была уже сдѣлана легкая рекогносцировка. Выяснено, что, продолжая держаться лѣваго берега Уссури, можно проложить путь вплоть до Хабаровки безъ особыхъ затрудненій, при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ южно-уссурійскомъ участкѣ. Поэтому поверстная стоимость сооруженія опредѣляется здѣсь приблизительно тоже около 60,000 руб. Мы думаемъ даже, что общій расходъ на постройку участка Графская-Хабаровка, при одинаковомъ почти размѣрѣ ихъ строительной длины, будетъ меньше расхода на постройку линіи Владивостокъ-Графская, такъ какъ подвозъ матеріала и рабочей силы по готовому уже рельсовому пути отъ Владивостока значительно удешевитъ стоимость перваго изъ этихъ участковъ. Итакъ, если южно-уссурійская дорога обойдется, какъ уже вычислено, въ 23.525,000 руб., то продолженіе ея до Хабаровки можно считать выполнимымъ приблизительно за 20.000,000 рублей. Стоитъ-ли однако теперь-же затрачивать эти 20 милл. руб. въ видахъ болѣе непосредственной сомкнутости уссурійской линіи съ забайкальскою черезъ амурскій водный путь? Въ финансовомъ отношеніи рѣшительно не стоитъ, такъ какъ излишній пробѣгъ на 400 верстъ тѣхъ 1.500,000 пуд. грузовъ, на которые въ общей сложности можетъ разсчитывать уссурійская дорога, дастъ дохода самое большее 300,000 руб., эксплоатація же этихъ 400 верстъ будетъ стоить не менѣе 800,000 руб. Хабаровка дѣйствительно не дастъ, пока, уссурійскому пути новаго рынка и развѣ лишь со временемъ оживитъ его движеніе. Совсѣмъ другое говорятъ соображенія чисто стратегическія. Они въ нашихъ глазахъ представляются одинаково неоспоримыми какъ для южной, такъ и для сѣверной половины уссурійскаго желѣзнодорожнаго участка. Разъ только мы станемъ, какъ сейчасъ будетъ сказано, на сторону противниковъ при-амурскаго участка забайкальской желѣзной дороги и присоединимъ свой голосъ въ пользу отсрочки этой линіи на неопредѣленное время, то будемъ обязаны признать необходимость въ скорѣйшемъ соединеніи рельсами административнаго и военнаго центра Приморской области—Хабаровки съ Уссурійскимъ краемъ въ интересахъ его защиты и колонизаціи. Хабаровка стоитъ въ вершинѣ того остраго угла, которымъ Китай врѣзывается въ наши владѣнія, и слѣдовательно этотъ пунктъ непосредственно можетъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя могли бы произойти на амурско-уссурійской границѣ. Чѣмъ меньше, при отсутствіи сплошнаго рельса до Срѣтенска или Иркутска, возможно будетъ получить резервовъ съ запада,—если китайцы, напримѣръ, будутъ разстраивать наши

сообщенія по Амуру,—тѣмъ важнѣе для войскъ Приамурскаго и Уссурійскаго края возможность быстро сообщаться между собою черезъ Хабаровку, опираясь, въ случаѣ надобности, или на этотъ городъ или на Владивостокскій портъ.

Въ силу подобныхъ соображеній, мы и вводимъ участокъ Хабаровка-Владивостокъ въ общій разсчетъ стоимости сооруженія и валовой доходности магистральнаго пути черезъ Сибирь, принимая для этого участка доходъ по перевозкѣ грузовъ въ 300,000 руб.

Военное значеніе восточно-сибирской части желѣзной дороги — отъ Срѣтенска и даже отъ Читы до Хабаровки — отвергается многими и ничѣмъ пока не доказано. Сошлемся, напримѣръ, на слѣдующее мнѣніе, выраженное лицами, долго жившими въ Забайкальи и знакомыми съ бытовыми условіями и съ мѣстностью по Манчжурской границѣ.

Напрасно полагаютъ — говорятъ эти лица — что, въ случаѣ разрыва съ Китаемъ, мы вынуждены будемъ сейчасъ-же двинуть на Амуръ значительную армію. По всей вѣроятности, для подкрѣпленія войскъ Сибирскаго округа достаточно будетъ прислать изъ Европейской Россіи дивизіи двѣ-три или 1 корпусъ, не больше. Летучіе авангардные отряды, приспособленные къ дѣйствію въ горныхъ мѣстностяхъ, придется во всякомъ случаѣ организовать на мѣстѣ изъ казаковъ. Весьма возможно также, что войско, присланное изъ Казанскаго или Омскаго округа, будетъ оперировать отъ Иркутска къ Маймачину и на той только вдающейся въ Манчжурію пограничной полосѣ, которая тянется полукругомъ въ верховьяхъ Селенги, Онона и по Аргуни. Въ этомъ случаѣ, гораздо полезнѣе были-бы проектированныя вѣтви забайкальской дороги на Троицкосавскъ, на Абагатуй или Цурухайтуй, гдѣ проходитъ скотопрогонный трактъ въ Манчжурію. Такимъ образомъ можетъ случиться, что войско и вовсе не понадобится везти на Благовѣщенскъ и къ Хабаровкѣ.

Такъ или иначе, трудно предвидѣть, къ какимъ именно пунктамъ и въ какомъ количествѣ мы будемъ вынуждены сосредоточивать свои силы по китайской границѣ. Потребуется-ли оборона Амура или нѣтъ? Все это смутные вопросы будущаго. Въ настоящее же время мы знаемъ, что пожертвовать 180 мил. на бездоходную дорогу вдоль Амура для правительства крайне тяжело, а пожалуй, и невозможно. Такого расхода не сдѣлано даже при устройствѣ стратегическихъ полѣсскихъ дорогъ на западно-европейской границѣ, гдѣ, въ случаѣ войны, будутъ дѣйствовать не отряды, а колоссальнѣйшія арміи.

Захватъ сибирскою желѣзною дорогою всемірнаго транзита съ тихоокеанскихъ рынковъ — эта излюбленная тема иныхъ краснорѣчивыхъ защитниковъ сплошнаго пути — представляется намъ чѣмъ-то вродѣ журавля въ небѣ, котораго только сулятъ, вмѣсто того, чтобы дать въ руки синицу! Скажемъ болѣе — мы не вѣримъ въ привлеченіе этого

транзита сибирскою дорогою даже и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, не загадывая конечно про болѣе отдаленное будущее. Первое условіе сухопутнаго торгово-транзитнаго пути, какъ посредника въ международномъ обмѣнѣ товаровъ,— это его дешевизна и краткость въ сравненіи съ морскими или рѣчными путями, вступающими съ нимъ въ естественную конкурренцію. Могущественнѣйшимъ конкуррентомъ сибирской дорогѣ будетъ прежде всего океанскій путь въ Европу. Пароходы доставляютъ товары изъ Китая, Японіи, Остъ-Индіи черезъ Суэцкій каналъ за плату отъ 50—80 коп. и до 1 руб. съ пуда. Доставка же по сплошному рельсу отъ Владивостока до Одессы или до Петербурга (возьмемъ среднее разстояніе 9,000 в.) не можетъ обойтись дешевле 2 р. съ пуда, даже по самому убыточному тарифу. И въ отношеніи быстроты и срочности доставки сибирская дорога не представитъ замѣтнаго преимущества. Разсчитываютъ, что почтовый поѣздъ можетъ совершить переѣздъ отъ Владивостока до Петербуга въ 15 дней, а товарный въ 25 дней. Но вѣдь эти цифры — ничто иное, какъ отвлеченная, математическая выкладка, сдѣланная съ карандашемъ въ рукахъ, приблизительно такъ: пассажирскій поѣздъ, идущій со скоростью 30 в. въ часъ, пробѣгаетъ въ сутки, положимъ, 600 в., и слѣдовательно всѣ 9,000 в. сдѣлаетъ въ 15 сутокъ!.. Какія же сколько нибудь серьезныя заключенія можно основывать на подобныхъ выводахъ!.. Въ дѣйствительности пассажирскій, либо почтовый поѣздъ, опаздывающій отъ Москвы до Петербурга иной разъ на 2 и на 3 часа, доѣдетъ изъ Владивостока въ Петербургъ не менѣе, чѣмъ въ 20—23 дня, потративъ не мало времени на разъѣздахъ, передавая пассажировъ и багажъ по соединительнымъ вѣтвямъ съ одной линіи на другую и т. п. Товарный же поѣздъ, съ неизбѣжными попутными разгрузками и нагрузками, употребитъ на перегонъ до Петербурга, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не менѣе 35 дней. Опредѣливъ продолжительность хода товарнаго поѣзда до Петербурга, скажемъ, въ 35 дней,— необходимо прибавить сюда еще время, которое употребитъ какой-нибудь иностранный отправитель товара, положимъ — ханькоускій купецъ — на подвозъ товара къ Владивостоку, а если онъ адресовалъ грузъ не на петербургскаго своего агента, а прямо, напримѣръ, въ Парижъ, то добавить сверхъ того и время на перетранспортировку груза до Парижа. Въ результатѣ выйдетъ, что грузъ получится въ Парижѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, черезъ 50 дней. Между тѣмъ, французскій или англійскій пароходъ совершаетъ рейсъ отъ Ханькоу до Марсели въ 7 недѣль, а изъ Марсели товаръ доставленъ будетъ въ Парижъ на другія сутки. Конечно, купецъ предпочтетъ отправить свой товаръ на этомъ суднѣ даже и въ томъ случаѣ, если бы рейсъ и нагрузка нѣсколько замедлились; во всякомъ случаѣ, плата и за провозъ, и за

страховку будетъ дешевле, а грузъ придетъ на мѣсто почти въ одинъ и тотъ же срокъ.

Приамурскій участокъ сибирской магистральной линіи менѣе другихъ имѣетъ шансы на ту или другую роль въ азіатско-европейскомъ транзитѣ. Участокъ этотъ представляетъ громадную дугу, выгнутую къ сѣверу и удлинняющую разстояніе отъ Иркутска къ Владивостоку по меньшей мѣрѣ на 1,000 верстъ. Между тѣмъ, если и возможенъ когда-либо иностранный транзитъ черезъ Иркутскъ, то онъ установится по кратчайшему направленію къ Японскому или Желтому морямъ, прорѣзая китайскую территорію. Въ этомъ случаѣ уже гораздо болѣе преимуществъ имѣетъ линія, предложенная адмираломъ Копытовымъ: отъ Иркутска на Абагатуй, Цицикаръ, Ингуту и Владивостокъ, ибо она сокращаетъ путь приблизительно на 700 верстъ. Вопросъ о возможности дипломатическаго соглашенія съ Небесною Имперіей на счетъ продолженія сибирской дороги черезъ Манчжурію на столько же вѣроятенъ, по нашему мнѣнію, въ будущемъ, на сколько вѣроятно обратное: т. е. проведеніе самими китайцами рельсоваго пути къ нашей границѣ. А если-бы Китай современемъ додумался до этого и соединилъ желѣзною дорогой одинъ изъ своихъ портовъ, напримѣръ Ньюнъ-Чангъ съ Кяхтой или съ другимъ какимъ-либо нашимъ пограничнымъ пунктомъ лежащимъ къ югу отъ Байкала, то и копытовская линія стала-бы не нужна: весь транзитъ отвлекла-бы эта новая, кратчайшая линія.

Возвращаясь теперь къ ближайшему предмету нашей статьи, подсчитаемъ окончательно: какой валовой доходъ, собственно, отъ грузоваго движенія дастъ въ ближайшемъ будущемъ сибирская желѣзная дорога, признавая необходимыми, интегральными ея частями все разстояніе отъ Златоуста до Срѣтенска и отъ Хабаровки до Владивостока, т. е. за исключеніемъ Приамурскаго участка.

На основаніи предпосланныхъ соображеній и цифръ доходность отъ *товарнаго движенія* получится слѣдующая:

а)	Линія *Златоустъ-Обь* съ вѣтвью до Томска (1694 в.).	9,300,000	р.
б)	» *Томскъ-Иркутскъ* (1680 в.)	5,000,000	»
в)	» *Иркутскъ-Мысовая* (292 в.)	450,000	»
г)	» *Мысовая-Срѣтенскъ* (1009 в.).	1,250,000	»
д)	» *Хабаровка-Графская* (400 в.)	300,000	»
и е)	» *Графская-Владивостокъ* (393 в.)	500,000	»
	Итого 5468 верстъ . .	*16,800,000*	*р.*

Второй доходъ эксплоатаціи — даетъ *пассажирское движеніе*. Нѣкоторые полагаютъ, что на западно-сибирской и средне-сибирской линіяхъ оно будетъ значительно, и что отъ него смѣло можно ожи-

дать милліона полтора, а то и больше, ежегоднаго дохода. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ускореніе административныхъ и торговыхъ сношеній съ Сибирью привлечетъ къ желѣзнодорожному пути гораздо большее количество народа, чѣмъ то, которое ѣздитъ теперь вдоль московско-сибирскаго тракта: поѣдетъ лишній разъ и купецъ, и чиновникъ, и заводчикъ, и агентъ-коммисіонеръ. Не малое количество пассажировъ дастъ также переселенческое движеніе. Все это позволяло-бы опредѣлить выручку отъ пассажирскихъ поѣздовъ, съ багажемъ, приблизительно въ 2,000,000 р. для всей линіи. Но чтобы не заслужить упрека въ какомъ-либо преувеличеніи эксплоатаціонныхъ выкладокъ, мы совсѣмъ не будемъ принимать въ разсчетъ доходности отъ пассажирскаго движенія, скинувъ, такъ сказать, эти 2 милліона съ предыдущей статьи.

Къ числу денежныхъ выгодъ, которыя получитъ казна непосредственно отъ движенія по сибирской желѣзной дорогѣ, относится также *уменьшеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ расходовъ*.

Сбереженія получатся, напримѣръ, въ слѣдующемъ:

По пересылкѣ арестантовъ	782,784	руб.
» перевозкѣ нижнихъ чиновъ	136,289	»
» содержанію почтовой гоньбы	1,002,522	»
» перевозкѣ казенныхъ грузовъ	82,320	»
Итого. . .	2,003,915	руб.

Остальныхъ правительственныхъ сбереженій здѣсь не исчисляемъ за неимѣніемъ готовыхъ цифровыхъ данныхъ. Скажемъ вкратцѣ, что кромѣ этихъ 2 мил. военное и морское министерства безъ сомнѣнія много выиграютъ: первое — на удешевленіи продовольствія и снаряженія войскъ восточно-сибирскаго округа, а второе—отъ уменьшенія расхода по содержанію въ мирное время тихоокеанской эскадры. Наименьшее, что сбережетъ казна, — это, опредѣляя круглою цифрою, *3.000,000 рублей*.

Остается теперь остановиться на доходѣ съ *чайныхъ грузовъ*, который также находится въ прямой зависимости отъ устройства сибирской желѣзной дороги и начнетъ возмѣщать затрату на этотъ путь на другой-же или третій годъ по открытіи товарнаго движенія.

Мы разсматриваемъ этотъ доходъ отдѣльною статьею потому, что онъ будетъ поступать частью въ видѣ провозной платы, частью въ видѣ таможенныхъ пошлинъ.

Въ настоящее время чай ввозится въ Россію и сухопутно, и моремъ, проходя черезъ различныя таможни. Главная масса чая прибываетъ: черезъ Кяхту и по Амуру въ Иркутскъ (1.050,000 пуд.) [1]), и черезъ

[1]) Въ томъ числѣ: байховаго 350,000 пуд. и кирпичнаго 700,000 пуд.

Одессу (до 700,000 пуд.). Стоимость доставки чая [1]) отъ Ханькоу до Нижняго-Новгорода такая:

при доставкѣ черезъ	Кяхту	18 р. 63 к.
» »	Николаевскъ на Амурѣ .	16 р. 46 к.
» »	Одессу	5 р. 38 к.

Между расходами на провозъ чая байховаго или кирпичнаго разница существуетъ только на нѣсколько копѣекъ.

Причина, почему весь чай не идетъ моремъ на Одессу, заключается въ высокой, покровительственной пошлинѣ на чай по Одесской таможнѣ, установленной съ цѣлью поддержанія извознаго промысла по сибирскому тракту. Чайные грузы, идущіе изъ Сибири въ Россію, удешевляютъ доставку всего товара, подвозимаго на обратныхъ лошадяхъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь; они-же даютъ мѣстному населенію громадный заработокъ. Въ этихъ видахъ продажная цѣна чая, получаемаго морскимъ и сухимъ путемъ, уравновѣшивается тѣмъ, что въ иркутской таможнѣ взимается съ пуда чая только *13 руб. золотомъ*, а въ одесской *21 руб. золотомъ*.

Съ проведеніемъ сибирской желѣзно-транзитной дороги до Владивостока сухопутная доставка чая въ Европу и въ Сибирь значительно удешевится. При непрерывно рельсовомъ пути она будетъ стоить до Нижняго, считая и морской фрахтъ отъ Ханькоу до Владивостока—*6 руб. 72 коп. кредитн.*; а въ случаѣ замѣны рельсоваго участка Хабаровка-Срѣтенскъ пароходствомъ по Амуру — *7 р. 77 к.* [2]) съ пуда. Благодаря существующей въ одесской таможнѣ высокой пошлинѣ, чай несомнѣнно двинется къ Иркутску и пойдетъ по желѣзной дорогѣ черезъ Владивостокъ, ибо доставка его черезъ Китай на Кяхту по прежнему будетъ стоить до Иркутска около 12 руб., а водянымъ путемъ черезъ Николаевскъ — до 10 руб. 50 к. Чай пошелъ-бы, такимъ образомъ, искусственно, почти цѣликомъ на сибирскую дорогу, но въ то-же время конечно отхлынулъ-бы отъ Одессы. Поэтому, чтобы не понести убытка въ таможенныхъ доходахъ отъ сокращенія привоза на Одессу, правительство должно будетъ вскорѣ-же *надбавить пошлину*

---

[1]) Считая тутъ и расходы по страхованію, укупоркѣ, нагрузкѣ и выгрузкѣ, коммиссіонерскіе расходы и друг.

[2]) Расходъ при среднемъ тарифѣ $^1/_{20}$ слагается такъ:

въ 1 случаѣ—фрахтъ отъ Ханькоу до Владивостока, съ перегрузкой—2 р. 15 к., плата желѣзн. дорогъ: Владивостокъ-Иркутскъ —2 р., Иркутскъ-Нижній — 2 р. 57 к., итого 6 руб. 72 коп.

во 2 случаѣ —Ханькоу-Владивостокъ—2 р. 15 к., Владивостокъ-Иркутскъ, съ перегрузкою въ Хабаровкѣ и Срѣтенскѣ—3 р. 5 к., Иркутскъ-Нижній—2 руб. 57 к., итого 7 руб. 77 коп.

на чай по иркутской таможнѣ. Эту добавку надо разсчитать, однако, такимъ образомъ, чтобы, за вычетомъ установившейся новой разницы въ стоимости доставки чайныхъ грузовъ по сибирскимъ желѣзнымъ дорогамъ и по морскому пути, увеличенная пошлина въ Иркутскѣ не сравнялась совершенно съ одесской таможенной пошлиной, а была-бы все-таки немного ниже. Безъ этого условія чайные торговцы предпочтутъ отправлять бо́льшую часть партій моремъ, выгадывая хотя-бы на сравнительной быстротѣ доставки черезъ Одессу,—а сибирскія дороги лишатся заработка.

Пояснимъ сказанное цифрами. Если пошлина съ привознаго чая въ Одессѣ останется прежняя—21 р. золотомъ, что составляетъ по курсу 1 р. 40 к., = *29 р. 40 к. кредитныхъ*, доставка-же до Нижняго будетъ стоить: черезъ Владивостокъ, положимъ, ровно 8 руб., а черезъ Одессу— 5 р. 40 к. — то къ существующей пошлинѣ на чай по иркутской таможнѣ въ 13 р. золот. = *18 руб. 20 коп. кредитн.* придется надбавить не *11 р. 20 к.* и даже не *8 руб. 60 коп.*, совершенно уравнивающихъ стоимость доставленнаго въ Нижній и очищеннаго пошлиною пуда чая, а напримѣръ копѣекъ на 20 меньше, т. е. *8 р. 40 к.* Тогда распредѣленіе чайнаго привоза въ Россію съ моря и сухимъ путемъ сохранится приблизительно такое-же, какъ и теперь, продажная цѣна чая въ общемъ не измѣнится — сибирская-же дорога получитъ всю свою долю заработка отъ чайныхъ грузовъ, а казна выиграетъ на добавочной пошлинѣ по иркутской таможнѣ (съ 1.050,000 пуд. чая) *8.820,000* руб.

Провозная плата по сибирской желѣзной дорогѣ, считая, что до Златоуста будетъ доходить менѣе 1 мил. пуд. разнаго чая, составитъ за этотъ грузъ, въ общей сложности, около *2.000,000 руб.*

По поводу послѣдней цифры могутъ замѣтить, что эти 2 мил. руб. все-же отнимаются желѣзною дорогою у сибирскаго обывателя. Это совершенно вѣрно. Желѣзная дорога уменьшитъ заработокъ трактоваго сибирскаго населенія отъ чайнаго извоза можетъ быть даже на 4 или 5 мил. рублей, но взамѣнъ того дастъ тому-же населенію и на болѣе широкой полосѣ втрое, вчетверо большій заработокъ. Если уничтожится колесное движеніе по тракту, то на мѣсто его откроется обширный извозъ по боковымъ дорогамъ въ сторону отъ тракта. Самая постройка пути—земляныя работы, поставки и проч.—въ теченіи добраго десятка лѣтъ дадутъ значительный заработокъ всей окрестности, да и впослѣдствіи ремонтъ и служба желѣзной дороги будутъ постоянно занимать большое число рабочихъ рукъ. Оживится постепенно вся торговля, удешевятся привозные товары, а сбываемые подымутся въ цѣнѣ, — и въ результатѣ сибирскій крестьянинъ во всякомъ случаѣ выгадаетъ. Впрочемъ много распространяться на эту тему — нечего: тутъ могутъ

быть нѣкоторые спорные тезисы, но въ общемъ благодѣтельное вліяніе желѣзныхъ дорогъ на народное хозяйство достаточно извѣстно.

Сведемъ теперь результаты нашихъ исчисленій въ краткую таблицу, сопоставивъ доходы съ расходами на постройку и эксплоатацію предполагаемой магистральной сибирской желѣзной дороги отъ Златоуста до Амура и далѣе до Владивостока. При этомъ небезъинтересно сравнить эти исчисленія съ тѣми цифрами, которыя приводятся защитниками постройки желѣзной дороги только на участкахъ между Томскомъ и Иркутскомъ, Байкаломъ и Срѣтенскомъ и ст. Графскою и Владивостокомъ.

Ежегодные эксплоатаціонные расходы мы принимаемъ по 2,000 р. [1]) на версту только въ западно-сибирскомъ равнинномъ участкѣ (1611 в.), а на всемъ остальномъ протяженіи—по 2,500 руб. съ версты. (См. таб. на стр. 12).

Строительная длина магистральной линіи и стоимость постройки извлечены нами изъ выработанныхъ въ послѣднее время техническихъ проектовъ и слагаются такъ:

Линія *Златоустъ-Міассъ-Обь*,—съ вѣтвью къ Томску (83 в.), всего-же 1694 в. . .	49.362,356 руб. [2]).
» *Обь-Иркутскъ* (съ постоянными мостами на р.р. Оби и Енисеѣ) 1680 в. . . .	71.788,321 »
» *Иркутскъ-Мысовая* 292 в.	24.063,804 »
» *Мысовая-Срѣтенскъ* (т. е. до села Мотакола безъ переправы къ Срѣтенску, и съ постояннымъ мостомъ черезъ Селенгу) 1009 верстъ	57.586,840 »
» *Хабаровка-Графская* 400 в.	20.000,000 »
» *Графская-Владивостокъ* 393 в. . . .	23.525,571 »
Итого 5468 в. . .	246.326,892 руб.

При сравнительной оцѣнкѣ помѣщенныхъ въ таблицѣ цифръ для магистральной транзитной линіи, и линіи стратегической на волокахъ, не слѣдуетъ забывать, что разсчетъ доходности послѣдней предполагаетъ: средній тарифъ перевозки грузовъ въ $^1/_{10}$ коп. съ пуда, расходъ же эксплоатаціи принимается для нея въ 2,000 р. съ версты на протя-

[1]) Стоимость эксплоатаціи на Самаро-Уфимской линіи—1,776 руб., на Уральской до 2,500 руб., Екатер.-Тюменской желѣзной дорогѣ 2,172 руб. (Отч. за 1887 г.) на Полѣсскихъ дорогахъ 1,800 руб.

[2]) При облегченныхъ условіяхъ постройки и устройствѣ понтоннаго моста на Иртышѣ.

НАЗВАНІЕ ЛИНІЙ.	Строительная длина.	Стоимость постройки.	Расходы по эксплоатаціи.	Доходы по эксплоатаціи и въ зависимости отъ нея.				ВСЕГО ДОХОДА.	БАЛАНСЪ.
				Перевозка товарныхъ грузовъ.	Перевозка чая.	Добавочная пошлина на чай.	Сбереженіе расходовъ казны.		
	ВЕРСТЪ	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.	РУБЛИ.
Магистральная — желѣзно-транзитная (слагающаяся изъ участковъ Златоустъ-Срѣтенскъ и Хабаровка-Владивостокъ).	5468	246.326,000	12.864,500	16.800,000	2.000,000	8.820,000	3.000,000	,000	+ 17.755,500
Стратегическая — на волоковыхъ участкахъ (Томскъ-Иркутскъ, Мысовая-Срѣтенскъ, Графская Владивостокъ)	2952	122.000,000	5.904,000	4.010,000	9.000,000		2.016,000	15.026,000	+ [1] 9.122,000 а за вычет. 4% на капит. 4.242,000

[1]) См. Записка-карта, — Волошинова.

женіи всѣхъ трехъ участковъ, тогда какъ для транзитной магистральной линіи средній тарифъ предположенъ въ $^1/_{20}$ коп., а поверстный расходъ эксплоатаціи на этихъ-же самыхъ участкахъ — по 2,500 руб.

Если приложить ту-же мѣрку къ помѣщенному въ таблицѣ балансу стратегической линіи (Томскъ-Иркутскъ, Байкалъ-Срѣтенскъ, Графская-Владивостокъ), то произойдетъ слѣдующее: расходъ эксплоатаціи *увеличится* съ 5.904,000 до 7.352,500 р., а доходъ отъ грузовъ *уменьшится* на 2.005,000 руб., а слѣдовательно перевѣсъ общаго валоваго дохода надъ расходомъ сократится съ 9.122,000 до 5.669,000 руб. За отчисленіемъ же 4% на строительный капиталъ 4.880,000 руб., получится въ остаткѣ лишь 789,000 рублей, которыхъ не хватитъ и на 1% для погашенія капитала.

Мы увѣрены также, что и доходъ отъ перевозки чая и повышенія на него пошлины въ Иркутскѣ при прерывномъ рельсовомъ пути составитъ не 9.000,000 руб., а гораздо меньше, ибо къ разобщеннымъ волоковымъ участкамъ, неимѣющимъ никакого транзитнаго значенія, чаи отъ Владивостока не пойдутъ, какъ скоро иркутская пошлина будетъ увеличена. Морская перевозка чая до Одессы стоитъ, какъ выше приведено, 5 руб. 38 коп. съ пуда, а черезъ Владивостокъ только до Томска, она обойдется со всѣми перегрузками, по меньшей мѣрѣ, 7 руб.; далѣе начинаются опять смѣшанные пути, съ новыми перегрузками, такъ что вся транспортировка до Нижняго или Ирбита окажется мало чѣмъ дешевле нынѣшней. Кяхтинскій привозъ, въ свою очередь, станетъ уменьшаться и совсѣмъ, пожалуй, прекратится, когда пошлина на него болѣе или менѣе приблизится къ одесской. И такъ, съ какого-же чая выручитъ тогда иркутская таможня, вмѣстѣ съ «желѣзнодорожно-стратегическими волоками» эти пресловутые 9.000,000 руб.? Конечно казна какъ будто-бы ничего не потеряетъ, если таможенные склады въ Иркутскѣ будутъ пустовать, а всѣ чайные транспорты пройдутъ къ намъ съ тою же самой пошлиною, черезъ Одессу и другіе европейскіе порта; но въ такомъ случаѣ, причемъ же тутъ будетъ сибирская желѣзная дорога? Въ дѣйствительности, повысивъ чайную пошлину въ Иркутскѣ, съ проведеніемъ лишь стратегическихъ участковъ желѣзной дороги, казна убила-бы этою мѣрою весь нынѣшній сибирскій трактъ, а взамѣнъ его дала-бы удобнѣйшій путь только срединному сибирскому населенію.

Линія, названная *магистральною желѣзно-транзитною*, при протяженіи въ 5468 верстъ, можетъ дать, какъ видно изъ таблицы, общаго валоваго дохода *30.620,000 руб.* Изъ этой суммы 18.800,000 руб. составятъ собственно доходъ желѣзной дороги, а остальные 11.820,000 р.— выгоду, хотя и косвенную, но непосредственно происходящую отъ поль-

зованія этимъ рельсовымъ путемъ. Грузовымъ своимъ доходомъ сибирская желѣзная дорога покроетъ 12.864,500 руб. издержекъ по эксплоатаціи, и получится еще въ остаткѣ 5.935,500 руб.

Конечно, весь остатокъ пойдетъ на уплату процентовъ съ израсходованнаго на сооруженіе капитала, которые изъ 4% съ 246.326,000 р. составятъ 9.853,060 руб. Прибавляя сюда даже 2% въ погашеніе капитала, ежегодное обязательство уплаты будетъ простираться не свыше 14.779,560 руб. Это обязательство можетъ быть покрыто: а) чистою выручкою эксплоатаціи (5.935,000 руб.), б) сбереженіями по бюджетамъ другихъ вѣдомствъ (3 мил. руб.) и в) увеличеніемъ чайной пошлины (8.820,000 руб.), всего же въ сложности — свободнымъ рессурсомъ въ 17.755,000 руб. За всѣмъ тѣмъ все еще останется 2.975,440 руб.

Просмотрѣвъ изложенные выводы, многіе, быть можетъ, отнесутся къ нимъ съ сомнѣніемъ и даже недовѣріемъ—такъ распространено до сихъ поръ въ обществѣ убѣжденіе въ бездоходности сибирской желѣзной дороги! Мы ожидаемъ, при этомъ, упрека въ гадательности и широтѣ эксплоатаціонныхъ исчисленій.

Что касается до гадательности или, вѣрнѣе сказать, условности нѣкоторыхъ принятыхъ цифръ, то выше была сдѣлана оговорка относительно тѣхъ участковъ дороги, гдѣ изысканія не окончены. Но и тамъ, гдѣ они произведены, кто поручится за непогрѣшимость собранныхъ данныхъ? Откуда взять точныя цифры, если и сами будущіе строители дороги ихъ еще не имѣютъ? Развѣ мыслимо какое-либо сравненіе между обширными подготовительными работами неутомимыхъ практичныхъ янки, создателей трансконтинентальной канадской дороги, и экскурсіями нашихъ собирателей доподлинныхъ свѣдѣній о Сибири — штабныхъ чиновъ, прикомандированныхъ къ сибирскимъ экспедиціямъ! Вы найдете въ ихъ отчетахъ массу теоретическихъ выкладокъ, глубину научныхъ соображеній и рѣшимость разрубить всякіе гордіевы узлы, но цифры, факты, — все это повыдергано, большею частью, изъ таблицъ какихъ нибудь миѳическихъ губернско-статистическихъ комитетовъ, изъ разрозненной переписки рутинныхъ дореформенныхъ канцелярій и изъ дѣлъ совсѣмъ уже малограмотныхъ сибирскихъ городовыхъ управъ.

Начинать теперь съ азовъ, провѣряя всѣ эти, якобы документальные, источники и предпринимая, сообразно новымъ фактамъ, дополнительныя техническія изысканія, было-бы, на первый взглядъ, и желательно, но, по нашему мнѣнію, слишкомъ поздно. Съ 1884 г., когда началась первая техническая рекогносцировка между Златоустомъ и Омскомъ, прошло полныхъ шесть лѣтъ, а въ 6 лѣтъ Канада выстроила всю свою трансъ-континентальную линію!

При такой свойственной русскому человѣку и въ особенности при-

сущей нашему чиновнику медлительности, отложить снова въ долгій ящикъ постройку, съ того или другого конца уже намѣченной, сибирской желѣзной дороги значило-бы погубить все дѣло, не достигнувъ цѣли. Мы увѣрены, что первый рельсъ, проложенный вглубь Сибири, поможетъ несравненно лучше всякихъ коммисій найти искомую кривую: наивыгоднѣйшее направленіе магистральнаго пути, — также какъ онъ облегчитъ и фактическую оцѣнку значенія отдѣльныхъ участковъ желѣзной дороги.

Упрекъ въ преувеличенности исчисленій, вошедшихъ въ нашъ эксплоатаціонный балансъ дороги, едва-ли былъ-бы справедливъ потому, что во всѣхъ цифровыхъ выводахъ мы основывались, какъ припомнитъ читатель, или на существующихъ величинахъ торгово-промышленнаго движенія въ данной мѣстности, или же на минимальномъ размѣрѣ вѣроятнаго возрастанія этихъ величинъ въ случаѣ сліянія въ одно цѣлое всѣхъ частей спроектированнаго рельсоваго пути, создающаго несомнѣнно выгодный транзитъ между сибирскими и русско-европейскими рынками. Замѣтимъ еще кстати слѣдующее: выводы дѣлаются здѣсь для результатовъ эксплоатаціи, отодвинутыхъ впередъ по крайней мѣрѣ на цѣлое десятилѣтіе, а въ этотъ промежутокъ времени, пока будетъ строиться дорога, и пока начнется товарное по ней движеніе, не станетъ-же промышленная Сибирь пятиться назадъ ко временамъ Ермака, а Богъ дастъ подойдетъ вмѣстѣ съ нами къ рубежу истекающаго вѣка!

Мы готовы, наконецъ, сдѣлать уступку придирчивой критикѣ, признавъ вмѣстѣ съ нею, что этотъ схематическій сводъ будущей доходности сибирской желѣзной дороги не есть что-либо такое, что изображало-бы дѣйствительный ея бюджетъ на первыхъ же порахъ эксплоатаціи. Ручаться за это слишкомъ смѣло и на столько-же невозможно, какъ и положительно утверждать противное. Мы, конечно, не задались мыслью составленія бюджета, а постарались только, съ помощью находившихся въ нашемъ распоряженіи цифръ и другихъ данныхъ, представить общую картину финансово-экономической роли будущаго великаго сибирскаго пути, снявъ съ него несправедливое обвиненіе въ бездоходности.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ сторонъ интересующаго общество вопроса о сибирской желѣзной дорогѣ наименѣе выясненною остается, по нашему мнѣнію, именно финансовая сторона. Поэтому-то ей и отведено такъ много мѣста въ настоящемъ очеркѣ. Результатъ получился, какъ кажется, весьма утѣшительный. Онъ оказался даже такимъ, что если-бы всѣ показанные доходы уменьшились даже на половину, то и въ такомъ случаѣ сибирская желѣзная дорога просуществовала-бы безъ де-

фицита, а главное — безъ претензій на тотъ міровой транзитъ, о которомъ могутъ мечтать только не въ мѣру увлекающіеся патріоты.

Предшествующій очеркъ финансово-экономическаго значенія сибирской желѣзной дороги былъ-бы не полонъ, если-бы мы не сдѣлали хотя бѣглаго сравненія между этимъ будущимъ путемъ существующей, почти въ одной и той же земной параллели, канадскою желѣзною дорогою. Этотъ живой примѣръ лучше всего оправдаетъ и защититъ предыдущія наши положенія.

Канада лежитъ къ сѣверу отъ 46° сѣв. шир. т. е. примѣрно на 2° ниже южной границы Забакайля и на 3° сѣвернѣе южной границы Уссурійскаго края. По пространству Канада въ $1^1/_2$ раза меньше Сибири. Географическая полоса, занимаемая Канадской желѣзной дорогой (приблизительно отъ 46°—52° шир.), не многимъ разнится отъ полосы сибирской дороги (52°—55° шир.), если не считать Уссурійской линіи, спускающейся болѣе къ югу. Въ общемъ, климатъ первой полосы мягче, влажнѣе,— но за то она относительно менѣе населена и едва-ли доступнѣе для культуры, чѣмъ нашъ желѣзнодорожный раіонъ въ Западной и Средней Сибири, а также въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

Характеръ мѣстности, по которой проходитъ канадская дорога, обрисовывается въ слѣдующихъ общихъ чертахъ:

Прибрежная, прилегающая къ Атлантическому океану восточная окраина, будучи мѣстностью частью гористою, частью удобною для земледѣлія, отдѣлена скалистою, почти не населенною и не пригодною для заселенія широкою полосой отъ хорошо культивированной и заселившейся еще при французскомъ правительствѣ сосѣдней части страны — это провинція Квебекъ и бассейнъ великихъ озеръ: Онтаріо, Эри и Гуронъ. Далѣе на западъ, съ приближеніемъ къ Верхнему озеру, начинается снова непривѣтливая, каменистая пустыня; непроходимые, скалистые берега этого озера, на десятки саженей отвѣсно подымающіеся изъ воды, напоминаютъ дикіе берега Байкала. Пустынная мѣстность тянется вдоль желѣзной дороги на 1500 верстъ почти до береговъ Красной рѣки. Отсюда рельсовый путь идетъ южнѣе озера Винипегъ, провинціей Манитоба, богатой лѣсомъ и минералами. По ту сторону Винипега открывается безлѣсная прерія, а за нею вплоть до отроговъ Скалистыхъ горъ разстилаются необозримыя степи, пока еще обитаемыя только бродячими индѣйцами. И прерія, и степи почти еще пустынны, но прекрасная черноземная почва даетъ возможность заселенія ихъ и развитія культуры. Еще далѣе къ западу желѣзная дорога на протяженіи около 800 верстъ врѣзывается въ недоступную почти страну скалистыхъ каскадныхъ горъ (продолженіе Сіерра-Невады). Это,

какъ выражаются американцы, цѣлое «море горъ»; локомотивъ вползаетъ тутъ на перевалы не ниже 5000—6000 футъ надъ уровнемъ моря, летитъ стремглавъ по страшнымъ крутизнамъ и оврагамъ, пронизываетъ множество тоннелей. Отсюда уже, слѣдуя все еще холмистою мѣстностью, дорога спускается наконецъ въ низменную часть Британской Колумбіи, къ прибрежью Тихаго океана, и достигаетъ Ванкувера.

Само собою понятны тѣ техническія трудности, которыя пришлось преодолѣть энергичнымъ канадцамъ при устройствѣ своей транзитной дороги, и въ этомъ отношеніи сибирская желѣзная дорога почти не можетъ идти въ сравненіе съ канадскою. Развѣ только кругобайкальская линія, перевалъ черезъ Яблоновый хребетъ, да пресловутые «Семь смертныхъ грѣховъ» предоставятъ нашимъ инженерамъ случай посоперничать въ строительномъ искусствѣ съ американскими. На пространствѣ горнаго участка канадской линіи устроено, между прочимъ, 40 тоннелей. По спуску съ перевала главнаго хребта имѣются предохранительныя стрѣлки, помощью которыхъ оторвавшаяся часть поѣзда или весь поѣздъ, въ случаѣ порчи тормазовъ, можетъ быть направленъ на спеціально устроенные запасные горизонтальные пути. Подъемъ на хребетъ Селькирка замѣчателенъ рядомъ высочайшихъ (до 42 саж.) деревянныхъ віадуковъ, перекинутыхъ черезъ узкіе овраги, въ глубинѣ которыхъ водопадами уносится ледниковая вода. Въ долинѣ р. Томсонъ, тамъ, гдѣ нельзя было основать насыпь на крутомъ косогорѣ, иногда на страшной высотѣ надъ рѣкой, устроены легкія деревянныя эстакады, кажущіяся прилѣпленными къ скалѣ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ еще грандіозныя защиты отъ горныхъ снѣговъ и лавинъ, устроенныя въ ущельяхъ, по отвѣснымъ склонамъ горъ;—это рядъ дорогихъ крытыхъ галлерей и другихъ огражденій, тянущійся на 8 верстъ.

Исполненная въ этой профили Тихо-океанская канадская желѣзная дорога обошлась *246.160,530 р. золотомъ*, или въ среднемъ *47,933 р. золотомъ* на версту. Расходъ во всякомъ случаѣ очень значительный: онъ болѣе чѣмъ въ полтора раза превышаетъ среднюю поверстную стоимость сибирской дороги, исчисленную приблизительно въ 45,000 кредитныхъ рублей!

Но какъ ни покажется удивительною на первый взглядъ такая щедрость американцевъ, она въ сущности есть ничто иное, какъ простой коммерческій разсчетъ. Канадскіе инженеры не пожалѣли денегъ тамъ, гдѣ это было необходимо для приданія рельсовому пути надлежащей транзитной провозоспособности и защиты его отъ существенныхъ поврежденій; они крупно поизрасходовались еще для рекламы своей дороги. Такою рекламою, разсчитанною на слабую сторону янки—на всеобщую ихъ

склонность къ комфорту,—являются напримѣръ: особенно изящная конструкція и роскошная отдѣлка спальныхъ вагоновъ, столовыхъ, и т. п. Спеціально для привлеченія туристовъ имѣются вагоны съ почти сплошными стеклянными стѣнками и такою-же частью потолка, чтобы удобнѣе, не подымаясь съ дивана, можно было любоваться панорамою видовъ. Для нихъ-же въ мѣстахъ наиболѣе живописныхъ или могущихъ почему-либо привлечь спортсменовъ, больныхъ и дачниковъ, станціи превращаются въ прекрасные отели, удовлетворяющіе во всѣхъ отношеніяхъ самымъ изысканнымъ требованіямъ. Чисто антрепренерскіе, но не лишенные практическаго смысла, пріемы канадскихъ строителей характеризуетъ хотя-бы слѣдующій курьезный фактъ. Около одной изъ мелкихъ станцій, въ пустынной преріи, пытались сдѣлать артезіанскій колодезь, но вмѣсто воды колодезь далъ въ большомъ количествѣ газъ; имъ сейчасъ-же воспользовались; но рѣшено было, какъ-бы вы думали, что?... Рѣшили соорудить здѣсь громадную оранжерею, тянущуюся около полуверсты вдоль полотна, для снабженія станцій и вагоновъ цвѣтами—этою необходимою принадлежностью американскаго комфорта! Газъ же былъ употребленъ какъ нагрѣватель и двигатель водоснабженія.

Разумѣется, всѣ эти приманки устраивались не спроста. Были случаи—и они не рѣдки,—что туристы, проѣзжая по дѣламъ или для развлеченія, соблазнялись тою или иною мѣстностью, какими-либо нетронутыми богатствами природы и раскупали мѣста, брались за какое нибудь новое предпріятіе въ окрестности и тѣмъ давали дорогѣ новые грузы. Совершенно иначе поступали строители и администрація канадской дороги во всемъ прочемъ, что не бросалось въ глаза публикѣ, и гдѣ можно было поскупиться безъ ущерба движенію и прочности пути. Въ мѣстностяхъ, никому не интересныхъ—разныхъ медвѣжьихъ углахъ—на станцію смотрѣли только, какъ на необходимый остановочный пунктъ для поѣзда, и тутъ вмѣсто отеля ставился простой баракъ или даже забракованный за негодностью вагонный кузовъ. Всякая излишняя трата въ отдѣлкѣ полотна дороги, стрѣлокъ, сторожевыхъ будокъ и т. п. устранялась; водоподъемныя зданія всюду деревянныя, самаго простаго устройства, и часто представляютъ обыкновенный крытый срубъ, только защищающій машину отъ непогоды. Въ искусственныхъ сооруженіяхъ: — мостахъ, трубахъ, эстакадахъ — преобладаетъ дерево, да и вообще они сдѣланы сначала на скорую руку, изъ мѣстнаго матеріала, а затѣмъ постепенно, по мѣрѣ развитія эксплоатаціи, замѣняются постоянными сооруженіями.

Мы нѣсколько увлеклись описаніемъ оригинальнаго типа канадской дороги — оригинальнаго, впрочемъ, для насъ, но весьма обычнаго въ

въ Америкѣ. Наши русскіе инженеры могутъ извлечь изъ строительныхъ пріемовъ нашихъ «заатлантическихъ друзей» много поучительнаго: это тѣ упрощенные способы постройки, то умѣнье пользоваться мѣстнымъ матеріаломъ и въ особенности тотъ практическій смыслъ, которымъ проникнута вся система веденія желѣзнодорожнаго сооруженія. Система эта ставитъ на первый планъ быструю укладку правильно нивеллированнаго и достаточно защищеннаго *сплошнаго* рельса, предоставляя затѣмъ всѣ подробности, всю роскошь путевой обстановки усмотрѣнію эксплоатаціи, которая гораздо лучше можетъ разобраться въ этомъ дѣлѣ. Каждый, кто сочувствуетъ скорѣйшему появленію на свѣтъ сибирской желѣзной дороги, долженъ пожелать примѣненія къ ней того-же принципа веденія работъ: безъ всякихъ претензій, безъ заранѣе предрѣшенныхъ, теоретически рекомендованныхъ темъ, съ наиболѣе облегченными техническими условіями, соблюдающими однако одно главное требованіе—провозо-способность и прочность рельсоваго пути.

Обратимся теперь къ результатамъ эксплоатаціи канадской желѣзной дороги.

Сквозное товарное движеніе по этой дорогѣ открыто лѣтомъ 1886 г., но главнѣйшіе участки эксплоатировались уже съ 1883 г., по мѣрѣ прокладки рельсъ. Длина главной линіи: Квебекъ-Ванкуверъ, т. е. отъ залива св. Лаврентія до берега Тихаго океана—4,698 верстъ; если-же добавить недавно осуществившееся уже продолженіе дороги до порта Галифаксъ, на Атлантическомъ океанѣ, въ Новой Шотландіи,—то общее протяженіе магистральной линіи составитъ 5,527 верстъ [1]). Эта цифра какъ разъ совпадаетъ съ длиною сибирской линіи — отъ Златоуста до Срѣтенска и, далѣе, отъ Хабаровки до Владивостока, т. е. за исключеніемъ изъ нея приамурскаго участка.

Доходность *товарнаго движенія* и постепенное его возростаніе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.
Число открытыхъ верстъ	2,670	4,209	5,022	5,654	6,411	6,991
Въ золотыхъ рублях:						
Валовой доходъ .	7.298,530	7.667,362	11.158,991	13.442,405	15.475,217	*17.593,782*
Эксплоатаціонный расходъ.	6.483,404	6.078,174	6.857,702	8.504,423	10,830,060	*12.433,014*
Чистый доходъ .	815,127	1.589,187	4.301,289	4.937,982	4.672,158	*5.160,768*
Чистый доходъ на версту	306	378	857	873	729	738

[1]) Со всѣми вѣтвями и арендованными участками длина открытой для движенія

Полный-же оборотъ бюджета канадской дороги, со включеніемъ пассажирскаго движенія (давшаго валовой прибыли 3.800,000 доллар.), почты, экспресса, телеграфа и проч., опредѣляется, по отчету за 1888 годъ, такъ:

дохода — 26.391,070 руб. золот.
расхода — 18.649,339 » »

За вычетомъ уплаты процентовъ и погашенія по обязательствамъ и по арендѣ вѣтвей Онтаріо-Квебекъ, въ остаткѣ получилось 434,967 руб. золотомъ, которые и были употреблены на улучшеніе линіи.

Изъ этихъ неоспоримыхъ цифръ [1]) оказывается, напримѣръ, что товарная эксплоатація на канадской дорогѣ стоитъ 1,780 руб. золот. съ версты и, слѣдовательно, принятый для сибирской линіи поверстный расходъ въ 2,500 р. отнюдь не недостаточенъ, особенно, если принять въ разсчетъ сравнительно выгоднѣйшія мѣстныя условія нашей дороги. Затѣмъ мы видимъ, что канадская дорога съ перваго-же года эксплоатаціи сравнительно небольшой части рельсоваго пути стала приносить дохода отъ грузового движенія около $7^1/_2$ милліон. золотомъ, т. е. на кредитныя около 11 м. руб., а черезъ 5 лѣтъ, когда достроилась вся линія, довела этотъ доходъ до $17^1/_2$ милл. руб. золотыхъ рублей, т. е. до 26 мил. кредитн. рублей. Въ чемъ-же слѣдуетъ искать, послѣ такого примѣра, причину сомнѣній въ выгодности устройства сибирской желѣзной дороги? Гдѣ положительныя доказательства тому, что она не въ состояніи будетъ выработать половины доходности канадской дороги?

Невозможно, конечно, отрицать, что блестящимъ успѣхамъ эксплоатаціи этой послѣдней много содѣйствуютъ косвенныя обстоятельства, а именно: во 1-хъ, близкое сосѣдство Соединенныхъ Штатовъ, откуда дорога получаетъ и куда она сбываетъ съ помощью питательныхъ вѣтвей и воднаго сообщенія по великимъ озерамъ не малое количество груза, во 2-хъ, высокое промышленное развитіе и предпріимчивый духъ янки, способствующіе тому, что канадское тихо-океанское желѣзнодорожное общество могло быстро войти въ связь съ центральными дорогами Америки, достигнувъ необходимаго согласованія тарифовъ, и въ 3-хъ, нахожденіе всего предпріятія въ рукахъ именно такого прочно поставленнаго частнаго общества, которое въ смыслѣ извлеченія эксплоатаціонныхъ

сѣти общества канадской тихо-океанской желѣзной дороги достигла къ 1 января 1890 года — 8,293 верстъ.

[1]) Они позаимствованы изъ отчета инженеровъ Кругликова и Имшеникъ-Кондратовича, командированныхъ въ 1889 г. министерствомъ путей сообщенія для изученія канадской тихо-океанской желѣзной дороги.

выгодъ всегда будетъ имѣть преимущество передъ казенной администраціей. Но съ другой стороны, обратимъ вниманіе и на слѣдующее: транзитъ по канадской желѣзной дорогѣ между тихо-океанскими и атлантическими прибрежными рынками до настоящаго времени незначителенъ; грузовое движеніе направляется главнымъ образомъ изъ центральной части линіи къ востоку. Сюда идутъ большіе транспорты муки и зерна изъ плодородныхъ округовъ прерій, направляясь къ порту Артуру, оттуда они воднымъ путемъ слѣдуютъ черезъ озера Верхнее и Гуронъ до порта Owen-Sound, совершивъ по желѣзной дорогѣ пробѣгъ около 2000 верстъ.

Въ 1888 г. по канадской желѣзной дорогѣ было перевезено, въ общей сложности: а) хлѣбныхъ грузовъ — 32.204,000 пуд. изъ провинцій Манитоба, Ассинобойя и дальнихъ западныхъ прерій къ востоку; б) скота 4.120,000 пуд.—также изъ западныхъ степныхъ пространствъ къ бассейну великихъ озеръ; в) лѣса и дровъ—36.230,000 пуд., которые составляли исключительно мѣстный грузъ, передвигавшійся, отъ оз. Винипега и окрестностей Лѣснаго озера въ безлѣсные участки восточной преріи, и г) мануфактурныхъ и прочаго сорта товаровъ 65.755,000 пуд. Изъ нихъ только меньшая половина, какъ-то: хлопчато-бумажные товары, машины и т. п. издѣлія, достигали Ванкувера, предназначаясь для Японіи и Китая.

Какъ видно изъ этой краткой характеристики, товарное движеніе канадской дороги представляетъ полную аналогію съ предстоящею дѣятельностью сибирскаго рельсоваго пути. Ближайшее и естественное назначеніе послѣдняго будетъ состоять, какъ мы указали выше, въ обмѣнѣ товаровъ между различными по степени культурно-промышленнаго развитія и несходными между собою по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ сибирскими раіонами. Желѣзная дорога станетъ работать въ Сибири, какъ и въ Канадѣ, первоначально мѣстными грузами, съ тою впрочемъ разницей, что средній пробѣгъ грузовъ будетъ у насъ значительнѣе, потому что промысловые и населенные центры Сибири еще болѣе разбросаны, чѣмъ въ Канадѣ. Тамъ населеніе сосредоточено почти исключительно на востокѣ, въ центрѣ же страны не встрѣчается столь крупныхъ административныхъ и торговыхъ пунктовъ, какъ напримѣръ, Иркутскъ съ Кяхтою, Чита, Благовѣщенскъ.

Что касается питательныхъ вѣтвей, то возможно скорое устройство ихъ по направленію къ китайской границѣ является и у насъ вопросомъ огромной важности для всей финансово-экономической будущности сибирской магистральной линіи. Мы упоминали уже о вѣроятномъ устройствѣ одновременно съ главной забайкальской линіей вѣтвей къ Троицкосавску, къ Цурухайтую или Абагатую; но и помимо того, въ

высшей степени желательно, чтобы при окончательномъ проектированіи западно-сибирскаго и средне-сибирскаго участковъ были по крайней мѣрѣ намѣчены и другіе важнѣйшіе пункты, откуда магистральная линія могла-бы удобнѣе питаться грузами съ юга. Мы держимся, впрочемъ, того мнѣнія, что начатая постройка по избранному главному направленію лучше всего укажетъ эти пункты. По мѣрѣ проложенія дороги до Тобола, Ишима, Иртыша, Оби и далѣе до Енисея, на опытѣ выяснится, откуда и по какимъ именно изъ существующихъ побочныхъ и встрѣчныхъ трактовъ наиболѣе будутъ тяготѣть къ сибирской желѣзной дорогѣ товары. Пока же естественными вѣтвями желѣзнодорожной линіи вплоть до Красноярска явятся, безъ сомнѣнія, сами пересѣкаемыя ею мощныя рѣки: Тоболъ и Ишимъ теряются въ пескахъ киргизскихъ степей, верховья-же Иртыша, Оби и Енисея прорѣзываютъ горныя площади Алтая и Саяна, начиная отъ самой границы Китая. Если говорить про болѣе отдаленное будущее, то западно-сибирская дорога можетъ имѣть въ перспективѣ еще и тотъ весьма вѣроятный фактъ, что на соединеніе съ нею у Омска или Томска пойдетъ современемъ закаспійская желѣзная дорога, направляясь отъ Самарканда на Ташкентъ, Вѣрный и Семипалатинскъ. Такое мнѣніе было выражено достаточно компетентнымъ въ этомъ случаѣ лицомъ—строителемъ закаспійской дороги М. Н. Анненковымъ.

Не расширяя, однакожъ, въ предвидѣніи будущихъ событій, современнаго естественнаго раіона сибирскаго магистральнаго пути, пожелаемъ ему поскорѣе осуществиться въ той чертѣ и въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, какія мы выше намѣтили. По многимъ причинамъ трудно, да и не желательно, допустить у насъ, по примѣру Канады, исполненіе подобнаго государственнаго сооруженія путемъ частнаго предпріятія, — но быть можетъ, это и къ лучшему!

Въ заключеніе предыдущаго очерка финансово-экономической роли сибирской желѣзной дороги остается сказать о косвенныхъ государственныхъ выгодахъ, соединенныхъ съ этимъ предпріятіемъ. Эти выгоды, понимаемыя какъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ и взятыя шире, съ точки зрѣнія всей нашей внутренней и внѣшней политики, чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Благодѣтельныя послѣдствія, которыхъ слѣдуетъ ожидать съ установленіемъ тѣснѣйшей экономической и административной связи между европейскою и азіатскою Россіею, настолько понятны всякому, что много о нихъ распространяться нечего. Мы перечислимъ поэтому вкратцѣ только такія, наиболѣе осязательныя выгоды, вліяніе которыхъ отразится вскорѣ-же или на интересахъ казны, или на экономическомъ бытѣ русско-сибирскаго населенія.

Выше было уже сказано объ увеличеніи таможеннаго дохода отъ чайной торговли на 8 или $8^1/_2$ мил. рублей; эта прибавка дохода сдѣлается возможною лишь съ момента открытія правильнаго транзитнаго движенія по всей желѣзнодорожной линіи отъ Владивостока, почему она и помѣщена въ разсчетъ прибылей предпріятія. Но независимо отъ упомянутыхъ $8^1/_2$ мил. руб., слѣдуетъ имѣть въ виду еще слѣдующее. Какъ только отживающая свой вѣкъ Кяхта перестанетъ мѣнять русское золото и серебро на прибывающіе черезъ Монголію караванные чаи и другіе безпошлинные товары, — а это произойдетъ вскорѣ-же по удешевленіи сибирской перевозки и по надбавкѣ пошлинъ, — шедшія въ Россію этимъ путемъ китайскія произведенія увеличатъ морской привозъ къ Владивостоку или же къ черноморскимъ портамъ. Во всякомъ случаѣ наши чайные торговцы освободятся отъ уплаты китайцамъ большей части тѣхъ 10 мил. золотыхъ рублей, которые расходуются теперь на доставку чаевъ отъ Ханькоу черезъ Тяньзинъ на Кяхту. Благодаря при-иркутскому, кругобайкальскому и забайкальскому участкамъ желѣзной дороги правительство въ состояніи будетъ прослѣдить и уменьшить контрабандную торговлю чаемъ, а также тайный сбытъ краденаго золота въ Китай. Размѣръ сбыта золота составляетъ, по оффиціальнымъ даннымъ до 200 пуд. въ годъ; чрезъ прекращеніе же чайной контрабанды получится, какъ разсчитываютъ, новое приращеніе таможеннаго дохода до 2 мил. рублей.

Съ проведеніемъ уссурійской дороги до Амура Владивостокъ сдѣлается крупнымъ коммерческимъ портомъ, сосредоточивающимъ привозную и отпускную торговлю Сибири. Не говоря уже объ отдаленномъ времени, когда развивающіеся интересы того края, или-же политическія событія потребуютъ осуществленія рельсоваго пути вдоль Амура, — Владивостокъ, соединенный желѣзною дорогою пока только съ Хабаровкою, перетянетъ къ себѣ всѣ товары, идущіе на Николаевскъ и на сухопутную сибирскую границу; онъ завяжетъ также новыя торговыя сношенія съ Японіею, Кореею и Китаемъ. Развитіе русскихъ поселеній въ Уссурійскомъ краѣ вмѣстѣ съ появленіемъ торговаго флота въ бухтѣ Золотаго Рога сдѣлаютъ на первыхъ порахъ хотя-бы то, что содержаніе расположенныхъ здѣсь войскъ и зимнее довольствіе тихоокеанской эскадры удешевится, по крайней мѣрѣ, вдвое.

О выгодахъ сибирской золотопромышленности: удешевленіи пріисковаго рабочаго, возможности промывки песковъ съ менѣе богатымъ содержаніемъ золота, сокращеніи оборотнаго капитала — мы уже говорили. Упомянемъ теперь еще, что желѣзною дорогою въ особенности и только при ея помощи можетъ быть упорядочено переселенческое движеніе въ Сибирь. Всѣмъ извѣстно, какой плачевной участи подвергаются

партіи нынѣшнихъ переселенцевъ: они плетутся въ Сибирь на Амурѣ, чуть не пѣшкомъ, двигаясь туда на авось — по темнымъ, часто лживымъ сообщеніямъ посылаемыхъ впередъ ходоковъ; нерѣдко, проблуждавъ по нѣсколько лѣтъ и не найдя нигдѣ пристанища, они возвращаются назадъ окончательно истомленными и бездомными нищими. Въ связи съ правильною постановкою переселенческаго дѣла желѣзнодорожный путь дастъ возможность принять хоть какія-нибудь мѣры противъ лѣсныхъ пожаровъ, уничтожающихъ въ Сибири ежегодно по нѣскольку десятковъ тысячъ десятинъ дѣвственнаго лѣса.

Всѣ эти и тому подобные результаты, неоднократно указывавшіеся печатью, какъ напримѣръ: улучшеніе сибирскаго хлѣбопашества, предупрежденіе зимнихъ голодовокъ и повальныхъ падежей скота, облегченіе населенія въ отправленіи дорожной повинности — все это въ большей или меньшей степени тѣсно связано съ устройствомъ непрерывной сибирской желѣзной дороги.

Для всѣхъ ясно и очевидно, что подобныя косвенныя выгоды принесутъ казнѣ и сибирскому краю неизмѣримо больше того, что можетъ дать, сама по себѣ, эксплоатація не только одной, но и цѣлой сѣти желѣзнодорожныхъ сибирскихъ линій. Со своей стороны мы охотно присоединимся къ тому неоспоримому мнѣнію, что не одними финансовыми и стратегическими соображеніями, а именно совокупностью всѣхъ государственныхъ и культурно-бытовыхъ интересовъ данной страны должны измѣряться вопросы такого огромнаго калибра — какъ вопросъ о трансконтинентальной сибирской желѣзной дорогѣ.

Предыдущая наша аргументація нисколько не противорѣчитъ этой истинѣ. Чтобы доказать это, постараемся формулировать въ краткихъ чертахъ все ранѣе изложенное.

1) Необходимость проведенія рельсоваго пути черезъ всю Сибирь, до береговъ Тихаго океана, искони признавалась каждымъ русскимъ человѣкомъ, но теоретическая постановка вопроса и незнаніе края много лѣтъ тормозили какъ общественную, такъ и оффиціальную санкцію этого сознанія.

2) Первымъ рычагомъ къ перенесенію вопроса на практическую почву явились инстинкты народной самозащиты и территоріальной неприкосновенности Россіи на дальнемъ востокѣ: они дали начало мѣстнымъ изысканіямъ и, слѣдовательно, фактическому изученію извѣстной полосы Сибири.

3) Правительственныя изысканія въ стратегическихъ цѣляхъ, предпринятыя первоначально лишь на трехъ волоковыхъ участкахъ, выяснили прежде всего неотложную политическую необходимость уссурійскаго

участка желѣзной дороги, а затѣмъ постепенно намѣтили и всю схему направленія сплошного рельсоваго пути, такъ какъ къ матеріаламъ, добытымъ экспедиціями, мало по малу присоединились дальнѣйшія развѣдки и накопившіяся въ литературѣ данныя объ остальныхъ соединительныхъ участкахъ пути, идущихъ на встрѣчу линіямъ: Томскъ-Иркутскъ, Байкалъ-Срѣтенскъ и Графская-Владивостокъ.

4) Для того, чтобы однажды ставшее на очередь сооруженіе сибирской желѣзной дороги не отлагалось далѣе по финансовымъ соображеніямъ, необходимо разъясненіе сомнѣній относительно эксплоатаціонной доходности этой дороги въ ближайшемъ будущемъ.

5) Сопоставленіе цифръ существующаго торговаго движенія въ намѣченномъ раіонѣ дороги съ количествомъ естественно тяготѣющихъ сюда новыхъ грузовъ и съ разнородными бытовыми условіями и потребностями Сибири выясняетъ крупныя цифры вѣроятнаго товарнаго движенія по будущей транзитной сибирской дорогѣ, обозначая направленіе товаровъ преимущественно съ запада на востокъ.

6) Участіе Сибири въ азіатско-европейскомъ международномъ транзитѣ является крайне сомнительнымъ, и такимъ образомъ основная экономическая роль сибирской желѣзной дороги опредѣляется обмѣномъ товаровъ между русско-европейскими и мѣстными сибирскими рынками.

7) Для удовлетворенія потребностямъ такого обмѣна, для достиженія культурно-промышленной связи Россіи съ Сибирью, а также и со стратегической точки зрѣнія, достаточно будетъ устроить непрерывный рельсовый путь пока только до верховьевъ Амура, продолживъ его, съ другого конца, отъ Владивостока до Хабаровки. Эта линія: Златоустъ-Срѣтенскъ-Амуръ-Хабаровка-Владивостокъ — не только покроетъ издержки эксплоатаціи, но дастъ вскорѣ-же не менѣе нормальнаго процента на строительный капиталъ, сберегая для казны затрату около 180 милл. на достройку желѣзнодорожнаго участка параллельно Амуру (Срѣтенскъ-Хабаровка).

8) Разобщенные участки такъ называемой стратегической линіи (Томскъ-Иркутскъ, Мысовая-Срѣтенскъ, Графская-Владивостокъ) оказываются несостоятельными даже для внутренней русско-сибирской торговли и экономическихъ интересовъ края—они не въ состояніи будутъ даже окупить строительныя издержки.

9) Неполнота имѣющихся экономическихъ данныхъ о Сибири лишаетъ возможности сдѣлать болѣе точные выводы относительно всѣхъ участковъ сплошнаго желѣзнодорожнаго пути, но пріостанавливать изъ-за этого постройку нецѣлесообразно тѣмъ болѣе, что самое начало работъ поможетъ ознакомленію съ краемъ.

10) Примѣръ канадской трансконтинентальной желѣзной дороги, во многомъ аналогичной съ сибирскимъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ, подтверждаетъ вѣроятность предположенной доходности этого послѣдняго, даже при сравнительно бо́льшихъ трудностяхъ постройки и при высшей поверстной стоимости сооруженія.

и 11) Въ виду этого примѣра и всей совокупности косвенныхъ выгодъ, связанныхъ съ непрерывной желѣзной дорогой отъ Урала до Тихаго океана, осуществленіе такой линіи во всякомъ случаѣ желательно въ ближайшемъ будущемъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ВЛІЯНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ЭЛЕМЕНТА НА РАЗВИТІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И ОБЩИННОЙ ЖИЗНИ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

(Къ вопросу о сравнительной характеристикѣ переселенца и кореннаго сибирскаго крестьянина) [1]).

Кто сколько-нибудь знакомъ съ не особенно обширною литературою о Сибири, тотъ при всемъ разнообразіи мнѣній и выводовъ, симпатій и антипатій, не могъ не замѣтить одной свойственной этой литературѣ общей черты,— склонности авторовъ къ чрезвычайно широкимъ обобщеніямъ, основаннымъ на чрезвычайно недостаточномъ фактическомъ матеріалѣ. Особенно часты такія обобщенія по вопросу о характеристикѣ сибирскаго крестьянина. Такъ еще десять лѣтъ тому назадъ Н. М. Ядринцевъ [2]), подробно разсмотрѣвъ, на основаніи какъ собственныхъ наблюденій, такъ и накопившагося къ тому времени литературнаго матеріала, характерныя особенности «областного типа русской народности на востокѣ», приходитъ къ заключенію, что въ «современномъ характерѣ сибирскаго населенія совокупляются разнородныя черты, наложенныя жизнью, природой и историческимъ складомъ. Съ одной стороны, диковатость, слѣдъ инородческаго вліянія, отступ-

[1]) Очеркъ этотъ представляетъ собою, въ значительно распространенномъ видѣ, докладъ, читанный 9 марта въ засѣданіи III Отдѣленія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Когда онъ уже былъ набранъ, авторъ прочелъ въ №№ 14 и 15 выходящаго въ Тобольскѣ «Сибирскаго Листка» статью г. Марусина «Старожилы и переселенцы въ Сибири». Не имѣя поэтому возможности цитировать ее въ текстѣ, авторъ не можетъ не выразить удовольствія по поводу того, что его выводы совершенно — по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ чертахъ — совпадаютъ съ выводами г. Марусина.

[2]) «Сибирь какъ колонія», гл. II.

леніе отъ культурныхъ привычекъ, холодная разсудочность, не согрѣваемая чувствомъ, часто огрубѣлость среди лѣсной жизни, отсутствіе идеальныхъ стремленій, преобладаніе индивидуалистическихъ интересовъ надъ общественными и развитіе промышленныхъ своекорыстныхъ мотивовъ. Съ другой стороны, у этого населенія нельзя отнять ума, любознательности, энергіи, практичности, умѣнія оріентироваться, находчивости, воспитанной жизнью, предпріимчивости, извѣстнаго закала характера, самобытности, самостоятельности и способности къ самодѣятельности». «Штрихами сибирскаго характера», говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Ядринцевъ, «рисуются грубость и дерзость, лукавство и униженіе — свойства раба» — свойства, прибавимъ мы отъ себя, трудно согласующіяся съ «наклонностью къ простору, волѣ и равенству»!.. Вообще, г. Ядринцевъ, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, допускаетъ совмѣстное существованіе въ характерѣ сибирскаго и «областного типа» довольно противурѣчивыхъ свойствъ. Другіе авторы гораздо категоричнѣе; такъ Щаповъ написалъ цѣлую статью «объ отсутствіи высшихъ чувствъ у сибиряковъ», гдѣ доказывалъ, что «умъ сибиряка всецѣло поглощенъ матеріальною наживой; его увлекаютъ только текущія практическія цѣли и интересы. Этотъ холодный разсчетъ и корыстныя страсти подавили въ населеніи всякое идеальное настроеніе и даже общественность» [1]). Не мало попытокъ дать общую характеристику «сибиряка» мы встрѣчаемъ и въ современной, главнымъ образомъ періодической, литературѣ; но изъ туманной сферы «высшихъ чувствъ» послѣдняя спустилась на землю и занимается по преимуществу болѣе конкретными свойствами сибирскаго населенія, непосредственно отражающимися на экономическомъ строѣ его жизни. Теперь только вскользь говорятъ о нерелигіозности, черствости, безнравственности «сибиряка»; главное же вниманіе обращается на неспособность его къ упорному труду, къ сельско-хозяйственному прогрессу, къ развитію общинной жизни,— недостатки, дѣлающіе его неспособнымъ къ экономической борьбѣ съ украшеннымъ, наоборотъ, всѣми достоинствами переселенцемъ. Противуположеніе «сибиряка» «переселенцу» — тема, часто затрогиваемая въ современной литературѣ о Сибири. Изъ боязни утомить читателя мы воздерживаемся отъ обильныхъ цитатъ, а сошлемся только на недавно появившуюся статью профессора А. А. Исаева [2]), хорошо резюмирующую сущность этого направленія. «Сибирскій крестьянинъ, говоритъ г. Исаевъ, отличается большою зажиточностью... Такого довольства сибирякъ достигаетъ при самыхъ несовершенныхъ пріемахъ труда и съ помощью первобытныхъ орудій. Его соха, коса, цѣпъ да-

[1]) Цитируемъ по книгѣ Н. М. Ядринцева.

[2]) «Какъ относятся въ Сибири къ переселенцамъ». — «Русская Мысль» 1890 г. кн. XII.

леко уступаютъ этимъ орудіямъ въ Европейской Россіи. До сихъ поръ никогда и никто еще не принималъ никакихъ мѣръ для усовершенствованія посѣвнаго зерна въ Сибири... Навозное удобреніе (кромѣ южныхъ округовъ Тобольской губерніи) вовсе неизвѣстно... И кромѣ того есть много фактовъ, которые доказываютъ, что сибирякъ не трудится съ тою энергіей, которая стала обычною въ Европейской Россіи... Общинные порядки, которые упрочились въ Европейской Россіи, не управляютъ каждымъ шагомъ сибирскаго крестьянина». Словомъ, резюмируетъ г. Исаевъ, «сибирскій старожилъ работаетъ не утруждаясь, пользуется самыми первобытными пріемами и орудіями, но благодаря изобилію природныхъ... богатствъ, имѣетъ достатокъ гораздо большій, нежели средній крестьянинъ Европейской Россіи». Совсѣмъ другое — переселенецъ: онъ — «членъ многочисленнаго и хорошо вооруженнаго войска, которое плохо одѣто и обуто, но имѣетъ кое-что, всего болѣе нужное для подчиненія природы: его соха, особенно изъ сѣверныхъ губерній, гораздо глубже вспахиваетъ землю, нежели сибирская колесуха. Сибирякъ умѣетъ молотить только короткими цѣпами, а многіе переселенцы, вскорѣ послѣ водворенія, заводятъ ручныя и даже конныя молотилки... Въ крупныхъ партіяхъ переселенцевъ есть часто не мало отличныхъ мастеровъ, изготовляющихъ вѣялки и другія земледѣльческія орудія. Вглядываясь пристально въ скудный багажъ, привозимый переселенцами, старожилы видятъ тамъ сѣмена новыхъ растеній, которыя переселенцы хотятъ пересадить на сибирскую почву. Но все это блѣднѣетъ сравнительно съ новшествомъ, какимъ является великорусская община... великорусскій міръ... приноситъ съ собой... привычку дѣйствовать дружно и систематично въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ сельской жизни». Сибирякъ, такимъ образомъ, является какимъ-то «пѣнкоснимателемъ», привыкшимъ все получать отъ природы даромъ или почти даромъ; переселенецъ «подходитъ къ дѣлу съ правильнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ: онъ вовсе не спрашиваетъ, какой доходъ давала старожиламъ земля; онъ пытается выяснить, что она ему можетъ дать, если онъ перенесетъ на нее свои орудія, свое трудолюбіе и свои рабочіе пріемы». Сибирякъ въ Сибири — представитель застоя, переселенецъ — носитель экономическаго и соціальнаго прогресса.

Мы глубоко сочувствуемъ переселенческому движенію, но тѣмъ не менѣе приведенныя заключенія, имѣющія цѣлью, между прочимъ, доказать пользу переселеній для самой Сибири, возбуждаютъ въ насъ сильныя сомнѣнія. «*Сибирякъ*» противуполагается «*переселенцу*», — общей неблагопріятной характеристикѣ перваго противупоставляется общая благопріятная характеристика втораго. И вотъ, поневолѣ напрашивается вопросъ, возможна-ли вообще такая общая характеристика «сибиряка»

и «переселенца», представляютъ-ли для этого «сибиряки», съ одной стороны, и «переселенцы», съ другой, достаточно однородную массу?... Не являются-ли, наоборотъ, слова «сибирякъ» и «переселенецъ» только отвлеченными терминами, которымъ не соотвѣтствуетъ никакое строго опредѣленное содержаніе?... И если мы вспомнимъ громадное протяженіе Сибири, разнообразіе природныхъ условій, начиная отъ альпійской природы Алтая и степей южной части Тобольской губерніи и кончая березовскими тундрами; вспомнимъ разнообразіе въ густотѣ населенія, о разныхъ постороннихъ вліяніяхъ, которымъ подвергалось послѣднее на разныхъ окраинахъ Сибири, то возможность какой-либо общей характеристики «сибиряка» сдѣлается и для насъ весьма сомнительною... Еще 10 лѣтъ тому назадъ Н. М. Ядринцевъ замѣтилъ [1]), что «недостатокъ наблюдателей заключался въ томъ, что они о сибирякахъ и о сибирской жизни дѣлали заключеніе только по одной части общества». Между тѣмъ нигдѣ, справедливо указываетъ г. Ядринцевъ, «нѣтъ такого разнообразія въ индивидуальныхъ проявленіяхъ и качествахъ, какъ на востокѣ» — что объясняется уже самимъ колонизаціоннымъ происхожденіемъ населенія: «въ средѣ многообразнаго сельскаго населенія вырисовывается нѣсколько типовъ: старожилъ крестьянинъ, старинный піонеръ и колонизаторъ, потомокъ гулящихъ людей, промышленникъ, звѣроловъ, рудокопатель, ямщикъ и земледѣлецъ»... Пятью-шестью типами, намѣченными г. Ядринцевымъ въ приведенномъ отрывкѣ, далеко не исчерпывается огромное разнообразіе этихъ типовъ.

Попытаемся въ самомъ дѣлѣ представить читателю рядъ типовъ, которые можно наблюдать, не выходя даже изъ сравнительно тѣсныхъ предѣловъ Западной Сибири [1]).

Если объѣхать только ближайшія окрестности культурнаго центра Западной Сибири и въ то же время центра переселенческаго движенія — Томска, то уже въ предѣлахъ весьма ограниченнаго раіона придется встрѣтиться съ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ типовъ: подъ самымъ Томскомъ мы найдемъ рядъ селеній такъ называемаго дачно-трактирнаго типа (Заварзина, Кузовлева, Протопопова, Аникина и др.), гдѣ населеніе, почти совершенно не занимаясь земледѣліемъ, живетъ по преимуществу отдачей въ наймы дачъ, огородничествомъ, продажей молочныхъ продуктовъ, а главнымъ образомъ — заготовкой и доставкой на продажу въ Томскъ сѣна и дровъ; это послѣднее занятіе представляетъ собой главный источникъ существованія населенія всей Спас-

[1]) «Сибирь какъ колонія», стр. 83 и 84.

[1]) Мы будемъ основываться частью на собственныхъ наблюденіяхъ, главнымъ же образомъ на данныхъ, опубликованныхъ въ вышедшихъ уже въ свѣтъ 10 выпускахъ издаваемыхъ министерствомъ госуд. имуществъ «Матеріаловъ для изученія быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западн. Сибири».

ской и отчасти — Семилужной волости. Прилегающая къ Томску съ сѣверо-востока мѣстность имѣетъ уже нѣсколько иной характеръ: населеніе Нелюбинской волости, принимая также большое участіе въ снабженіи Томска дровами, имѣетъ въ то-же время ясно выраженный промышленный характеръ: древодѣльные промыслы (выдѣлка саней, телѣжныхъ кузововъ, осей, оглобель и т. д.) и заготовка строеваго, бревеннаго и пиленаго лѣса занимаютъ населеніе этой волости почти поголовно; нѣсколько особенный характеръ имѣютъ только тѣ селенія названной только-что волости, которыя лежатъ по берегу Томи: населеніе ихъ, занимаясь зимою тою-же лѣсопромышленностью, лѣтомъ живетъ на водѣ: бо́льшая часть крестьянъ занимается рыболовствомъ, другіе работаютъ на рѣчныхъ судахъ, третьи служатъ матросами на пароходахъ, и почти каждое селеніе съ гордостью насчитываетъ въ средѣ своихъ крестьянъ одного или нѣсколькихъ пароходныхъ капитановъ или по меньшей мѣрѣ штурмановъ. Главною и общею характерною чертою экономической жизни подгороднаго населенія является такимъ образомъ крайне слабое развитіе или даже полное отсутствіе земледѣлія. Если затѣмъ выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ собственно подгородныхъ мѣстностей, то къ сѣверу отъ Нелюбинской волости мы находимъ Николаевскую волость, и по своему экономическому строю, и по нравственному характеру населенія рѣзко отличающуюся отъ прилегающихъ къ ней съ юга мѣстностей: это — мѣстность чисто рыболовнаго характера, и подспорье къ рыболовству доставляютъ только огромные луга, позволяющіе населенію принимать значительное участіе въ снабженіи Томска сѣномъ; въ противуположность продувному, мало склонному къ тяжкому труду населенію подгородныхъ мѣстностей особенно Спасской и Семилужной вол.), крестьянинъ Николаевской волости славится своею честностью и строго-патріархальнымъ складомъ жизни, и мы позволимъ себѣ привести здѣсь отзывъ Н. И. Наумова (занимающаго въ Томскѣ должность чиновника по крестьянскимъ дѣламъ), который не разъ говорилъ намъ, что «въ Николаевской волости онъ отдыхаетъ душой». Совсѣмъ другое надо сказать о населеніи прилегающихъ къ той-же Нелюбинской волости съ запада волостей — Уртамской и Богородской: крестьяне этихъ волостей славятся своею испорченностью, которою они обязаны частью вліянію бывшаго каторжнаго завода, частью-же распространенностью здѣсь найма на пріисковыя работы; въ экономическомъ отношеніи Богородская и Уртамская волости являются уже мѣстностями по преимуществу земледѣльческаго характера; земледѣліе, благодаря изобилію и свѣжести пашень, ведется здѣсь по весьма экстензивной залежной системѣ и не только вполнѣ обезпечиваетъ хлѣбомъ мѣстное населеніе, но и допускаетъ довольно значительный вывозъ: хлѣбъ изъ этихъ волостей идетъ въ Томскъ и въ неимѣю-

щія собственнаго хлѣба подгородныя волости. Если мы затѣмъ отправимся по сибирскому тракту на востокъ отъ Томска, то, отъѣхавъ двѣ станціи (45 верстъ), попадаемъ въ новый земледѣльческій районъ, гдѣ земледѣліе, при томъ-же общемъ характерѣ, не допускаетъ однако (разсматривая весь районъ какъ одно цѣлое) вывоза хлѣба на сторону: «забошныя» — удаленныя отъ тракта селенія производятъ, правда, хлѣбъ въ избыткѣ, но всѣ излишки хлѣба цѣликомъ поглощаются «большою дорогою» — селеніями, расположенными вдоль главнаго сибирскаго тракта. Населеніе «большой дороги» — это опять-таки совершенно особенный типъ; довольно значительная часть его, правда, занимается, и часто даже въ очень крупныхъ размѣрахъ, хлѣбопашествомъ, но послѣднее имѣетъ здѣсь второстепенное значеніе: «не пашня насъ кормитъ, а большая дорога», говоритъ трактовый мужикъ: зажиточная часть населенія занимается дворничествомъ, содержитъ почтовую, этапную, земскую и тому подобную гоньбу; всѣ вообще «живутъ съ бичика» — возятъ проѣзжающихъ, «безконные воза» (товаръ, слѣдующій на перекладныхъ), ставятъ лошадей для замѣны усталыхъ въ обозахъ; масса здѣсь всеможныхъ торгашей, лавочниковъ, а не мало и лицъ, имѣющихъ болѣе или менѣе недозволенныя средства существованія: есть селенія (напр. Нижне-Великосельская Ишимск. вол.), славящіяся своими «чаерѣзами» (спеціальный терминъ для обозначенія лицъ, промышляющихъ обворовываніемъ обозовъ) или укрывателями краденаго [1]). Но уже не говоря объ этомъ, повальное пьянство, развратъ, полная нравственная испорченность, неспособность и отвращеніе къ тяжелому труду («охота мнѣ молотить ходить, говоритъ «дорожный» крестьянинъ: въ четыре дня рубль зарóбишь! за четыре дня я двѣ-три вольныхъ свезу, а не попадется—лучше такъ лежать буду») — всѣ эти черты дѣлаютъ трактоваго мужика самымъ несимпатичнымъ, даже отвратительнымъ типомъ. Но и въ сторонѣ отъ тракта населеніе этого района рѣдко имѣетъ чисто-земледѣльческій характеръ: съ одной стороны бóльшая часть населенія занимается извозомъ — именно перевозкою товаровъ изъ Томска въ Иркутскъ — занятіе, которое, давая въ настоящее время весьма сомнительные барыши (а нерѣдко и приводя къ болѣе или менѣе полному разоренію), въ то-же время развращающимъ образомъ вліяетъ на народную нравственность и мѣшаетъ крестьянину быть хорошимъ земледѣльцемъ; съ другой стороны близость такъ называемой тайги обусловливаетъ въ притаёжныхъ мѣстностяхъ развитіе кедроваго и охотничьяго промысловъ и пчеловодства.

Этотъ — далеко, впрочемъ, неполный — обзоръ даетъ нѣкоторое по-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см., напримѣръ, въ статьѣ г. Пага «Бродяги», «Сѣв. Вѣстн». 1890 г., кн. VII, — особенно стр. 52—53.

нятіе о чрезвычайномъ разнообразіи типовъ (мы говорили непосредственно объ экономическихъ типахъ, но ясно, что параллельно съ экономическими различіями идутъ и различія въ нравственномъ складѣ), какое можно встрѣтить на небольшой территоріи—радіусомъ въ какіе-нибудь 75—100 верстъ окружающей Томскъ. Разнообразіе, разумѣется, значительно увеличится, если мы выйдемъ изъ ограниченнаго района окрестностей Томска и перейдемъ, напримѣръ, въ Тобольскую губернію. Мы встрѣтимъ здѣсь прежде всего въ Тюкалинскомъ округѣ мѣстность чисто степнаго характера, гдѣ для хлѣбопашества удобны только сравнительно небольшіе участки территоріи, громадное-же большинство послѣдней составляютъ солонцеватыя степи, негодныя для пахоты, но прекрасныя какъ пастбища; соотвѣтственно этому, населеніе Тюкалинскаго округа въ значительной мѣрѣ существуетъ своимъ скотоводствомъ; земледѣліе здѣсь довольно мало развито, и къ этой мѣстности вполнѣ подходитъ набросанная проф. Исаевымъ въ цитированной уже статьѣ картина: «степи имѣютъ видъ зеленаго поля съ кое-гдѣ вкрапленными заплатами: эти заплаты — тѣ немногочисленные клочки, которые сибиряку заблагоразсудилось засѣять». Но та-же картина окажется совершенно невѣрною для значительной части прилегающаго къ Тюкалинскому съ запада Ишимскаго округа: если вы въ чертѣ этого послѣдняго проѣдетесь вдоль берега рѣкъ Ишима, Вагая, Емца, то вы будете десятки и сотни верстъ подрядъ ѣхать по почти сплошной, шириною въ нѣсколько верстъ, полосѣ распаханныхъ земель, вдоль которой густо расположены крестьянскія поселенія: Ишимскій округъ (равно какъ, сколько намъ извѣстно, прилегающіе къ нему округа Курганскій и Яуторовскій) имѣетъ по преимуществу земледѣльческій характеръ, скотоводство-же, хотя и достигаетъ сравнительно съ Европейскою Россіей довольно значительныхъ размѣровъ, играетъ здѣсь совершенно второстепенную роль. Но характеризуясь одною общею чертою — преобладаніемъ земледѣлія, входящія въ составъ Ишимскаго округа мѣстности, при болѣе обстоятельномъ изученіи, представляютъ между собой мало сходства: мы встрѣчаемъ здѣсь прежде всего весьма разнообразныя системы полеводства, начиная отъ болѣе или менѣе экстензивнаго залежнаго хозяйства; встрѣчаемъ порядокъ непрерывной обработки земли безъ навознаго удобренія, а въ сѣверо-западной части округа — и довольно систематическіе опыты хозяйства съ удобреніемъ; съ другой стороны, наблюдаются существенныя различія въ почвенныхъ условіяхъ, и какъ слѣдствіе ихъ — и въ потребительномъ значеніи и общемъ характерѣ земледѣлія: если юго-западная часть округа представляетъ собою мѣстность съ превосходными пашнями, засѣваемыми по преимуществу пшеницей, мѣстность, гдѣ хлѣбопашество даетъ большіе избытки хлѣба, и гдѣ, благодаря этому, благосостояніе населенія стоитъ,

весьма высоко, то напротивъ сѣверо-западный уголъ съ его тощими подзолистыми почвами, гдѣ плохо родится даже рожь, и значительная часть пашень поэтому засѣвается ячменемъ, не можетъ даже обезпечить продовольствія своего населенія; послѣднее значительную часть нужныхъ для своего существованія средствъ извлекаетъ изъ отхожихъ заработковъ (ходятъ по преимуществу въ Томскую губернію), а въ неурожайные годы огромный процентъ населенія прибѣгаетъ къ хожденію «въ кусочки»—съ «кошелемъ»,—и между этими двумя крайностями наблюдается цѣлый рядъ переходныхъ ступеней. Въ отношеніи нравственныхъ качествъ Ишимскій округъ представляетъ тоже изрядное разнообразіе: съ одной стороны выдѣляются по своему трудолюбію, неиспорченности и крѣпкому общинному духу крестьяне (по преимуществу старообрядцы) юго-западной части округа; съ другой, напротивъ, шатаніе по отхожимъ заработкамъ и иныя условія внесли въ населеніе сѣверо-западныхъ волостей сильную деморализацію; съ третьей—чрезъ Ишимскій округъ проходящій сибирскій трактъ, который хотя и не имѣетъ здѣсь того значенія, что къ востоку отъ Томска, все-таки успѣлъ совершенно развратить «придорожное» населеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе Ишимскаго округа характеризуется и цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ: «Ишимскій крестьянинъ», говорили мы въ III выпускѣ матеріаловъ по изученію быта крестьянъ Западной Сибири [1]), «производитъ впечатлѣніе полной безпомощности и подчиненія природѣ: онъ умѣетъ только брать то, что ему даетъ природа, не думая о будущемъ; если земля начинаетъ давать ему слишкомъ мало, онъ, правда, иногда испытываетъ новые способы обработки, удобренія земли, но дѣлаетъ это съ предвзятымъ убѣжденіемъ въ негодности всего новаго, и потому при малѣйшей, часто случайной, неудачѣ опускаетъ руки; разъ природа начинаетъ давать ему слишкомъ мало, онъ поэтому сейчасъ-же начинаетъ искать «вольныхъ мѣстъ» или уходитъ на дальніе заработки. Я не хочу сказать этимъ, что здѣшній крестьянинъ все беретъ отъ природы даромъ: онъ работаетъ и много работаетъ, но работаетъ искони заведенными способами, разсчитанными на большой просторъ, и предпочитаетъ уйти «на новое мѣсто», чѣмъ вкладывать бо́льшее количество труда въ малое количество земли». Характеристика, какъ видитъ читатель, довольно близкая къ той, которою принято награждать «сибиряка» вообще. Но увы—она не можетъ быть распространена даже на цѣлую Тобольскую губернію; и если мы изъ южной, полустепной Ишимской окраины передвинемся на сѣверо-западную этой губерніи, въ Туринскій округъ, то здѣсь мы найдемъ совершенно другой типъ населенія. Вотъ какая характеристика этого типа явилась результатомъ

[1]) Стр. 495.

мѣстнаго изслѣдованія: [1]) «Туринскій крестьянинъ представляетъ собою типъ сѣвернаго, предпріимчиваго мужика; онъ не теряетъ головы ни при какихъ обстоятельствахъ; если ему мало пашни, онъ создаетъ ее, расчищая лѣса и даже осушая болота; если пашня плоха, онъ изыскиваетъ средства поднять ея производительность: удобряетъ, осушаетъ и т. п.; если за всѣмъ тѣмъ пашня не даетъ ему всего нужнаго для его существованія, онъ обращается къ тѣмъ или другимъ кустарнымъ промысламъ, къ ремеслу и т. п., словомъ онъ не подчиняется природѣ, а старается, насколько умѣетъ, подчинить ее себѣ». Къ этимъ качествамъ присоединяется значительно меньшая, сравнительно съ ишимскимъ крестьяниномъ, безпечность, бо́льшее благоразуміе, значительно высшее общее развитіе и несравненно сильнѣе развитая религіозность; и вообще—«характеръ туринскаго мужика обрисовывается гораздо болѣе симпатичными чертами, нежели характеръ ишимскаго крестьянина». Соотвѣтственно другому нравственному характеру населенія, и экономическая жизнь его имѣетъ совершенно другой видъ: не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ сказать здѣсь, что удобреніе пашень сдѣлалось необходимымъ элементомъ мѣстнаго хозяйства, и что вольное хозяйство южныхъ округовъ Тобольской губерніи замѣнилось здѣсь правильнымъ трехпольемъ, благодаря чему населеніе, при гораздо меньшемъ обиліи земли, имѣетъ здѣсь въ своемъ хлѣбопашествѣ гораздо лучшій и, главное, болѣе обезпеченный отъ случайностей источникъ благосостоянія, нежели въ южныхъ многоземельныхъ округахъ губерніи. Особенно интензивное удобреніе (въ каждомъ трехпольномъ кругѣ удобряется все паровое поле) и тщательную обработку земли мы встрѣчаемъ въ расположенной почти подъ 60 параллелью Гаринской волости, благодаря чему здѣсь, вблизи самой сѣверной границы сибирскаго хлѣбопашества, населеніе получаетъ такіе значительные урожаи, какихъ, при сходныхъ условіяхъ, не даютъ пашни ишимской «житницы Тобольской губерніи». Но вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе этой волости и смежной съ нею Пелымской характеризуются одною существенною особенностью—наклонностью къ кулачеству, возникшею, очевидно, благодаря тому, что русское населеніе живетъ здѣсь въ перемежку съ инородцами, представляющими, какъ и вездѣ, весьма удобный матеріалъ для эксплуатаціи: занимаясь лѣтомъ хлѣбопашествомъ, бо́льшая часть населенія этихъ двухъ волостей зимою отправляется «въ Конду», къ инородцамъ, закупать рыбу, которую беретъ частью на деньги, главнымъ-же образомъ — въ обмѣнъ на водку или за старые долги,—другими словами, занимается систематическимъ обираніемъ инородцевъ. Склонность къ такого рода «торговымъ операціямъ» — единственная общая черта въ характерѣ гарин-

[1]) «Матеріалы для изученія быта крестьянъ Зап. Сибири», вып. IX, стр. 29—32.

скихъ и пелымскихъ крестьянъ: въ противуположность земледѣльческому характеру и трудолюбію первыхъ, характерными чертами пелымскихъ крестьянъ являются затѣмъ лѣнь и безпечность: «они хотя и занимаются хлѣбопашествомъ, но пашни воздѣлываютъ плохо и, если только имѣютъ какія-нибудь средства, норовятъ свалить земледѣльческія работы на наемныхъ работниковъ; главнымъ-же источникомъ ихъ благосостоянія являются, кромѣ кулачества, охотничій и кедровый промыслы: если шишка родилась хорошо, пелымскій крестьянинъ сравнительно легко зарабатываетъ большія деньги, расплачивается съ долгами, накупаетъ хорошей одежды, пьянствуетъ и пр.; не родилась шишка или съѣла ее ронжа,—онъ осенью идетъ на мѣсяцъ «на лѣсовье» (охоту), а затѣмъ, если не имѣетъ средствъ ѣхать «въ Конду» торговать, всю зиму «лежитъ на печи», недостающій хлѣбъ и другіе жизненные припасы забирая въ долгъ, до урожая орѣха» [1]).

На этомъ мы можемъ, кажется, закончить нашу галлерею типовъ «сибирскаго мужика». Мы могли-бы привести еще десятки другихъ типовъ, показать, какъ характеристика крестьянина измѣняется не только отъ округа къ округу, отъ волости къ волости, но даже нерѣдко—отъ селенія къ селенію, — но полагаемъ, что приведенныхъ нами примѣровъ вполнѣ достаточно для намѣченной нами цѣли—показать невозможность дать *общую* характеристику «сибиряка». Что, въ самомъ дѣлѣ, общаго между кореннымъ пахаремъ, честнымъ, предпріимчивымъ, трезвымъ крестьяниномъ южной части какого-нибудь Туринскаго округа, выжимающимъ изъ земли все, что она можетъ дать, и плутоватымъ, вѣчно пьянымъ, живущимъ «съ бичика» «придорожнымъ» мужикомъ или крестьяниномъ-пахаремъ при-Томскаго раіона?.. между лѣнтяемъ, охотникомъ и торгашомъ, крестьяниномъ Пелымской волости, и зажиточнымъ, работящимъ земледѣльцемъ-раскольникомъ юго-западной части Ишимскаго округа? между сдающимъ дачи или до тонкости изощрившимся въ надуваніи при продажѣ сѣна неопытныхъ горожанъ крестьяниномъ томскихъ подгородныхъ селеній, и патріархальнымъ рыболовомъ Николаевской волости или пахаремъ-пчеловодомъ Ишимской? Все это вѣдь «сибиряки»!.. Но есть-ли, спросимъ мы читателя, возможность подвести этихъ «сибиряковъ» подъ какую-либо общую характеристику?..

Но, можетъ быть, большее однообразіе представляетъ переселенческая масса? Можетъ быть, дѣйствительно, переселенцы, обученные на родинѣ нуждою, всегда являются носителями такихъ улучшенныхъ способовъ культуры, такихъ превосходныхъ орудій земледѣльческаго труда, о какихъ понятія не имѣютъ даже лучшіе пахари изъ сибиряковъ? Можетъ быть, каждый переселенецъ, подъ вліяніемъ все той-же нужды,

---

[1]) «Матеріалы», вып. IX, стр. 32.

умѣетъ работать такъ много и такъ хорошо, какъ не работаетъ даже самый работящій изъ сибиряковъ?.. Словомъ, можно-ли по отношенію къ переселенцамъ сдѣлать то, чего, какъ мы убѣдились, нельзя сдѣлать по отношенію къ сибирякамъ — установить общій, хотя-бы въ главныхъ чертахъ, типъ «переселенца?» — На этотъ вопросъ мы, не обинуясь, можемъ дать тотъ-же отрицательный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь переселяется не какая-либо однообразная масса; переселяется и привыкшій на родинѣ къ тяжелому плугу хохолъ, и пермякъ со своею косулей, и обыватель средне-русскихъ губерній со своею сохой-рогалемъ, которая не «поднимаетъ», а «царапаетъ» землю; переселяется и такой крестьянинъ, который на родинѣ вовсе или почти вовсе не пахалъ; идутъ въ Сибирь крестьяне и изъ области господства залежнаго хозяйства, и изъ трехпольнаго района, и изъ мѣстностей, гдѣ хозяйствуютъ по подсѣчной системѣ. Можно ли поэтому ожидать встрѣтить въ этой пестрой, разнокалиберной толпѣ какія-либо черты, могущія послужить для общей ея характеристики?.. Конечно нѣтъ, и нельзя удивляться, если въ бытѣ уже осѣвшихъ переселенцевъ замѣчается такое-же разнообразіе, какъ и въ бытѣ коренныхъ сибиряковъ. Если, напримѣръ, въ окрестностяхъ Томска есть такія переселенческія селенія, какъ Баткатъ (Богородской вол.), Марьевка, Сергіевское (Ишимской вол.), состояніе земледѣлія которыхъ служитъ предметомъ зависти для окрестныхъ старожильскихъ селеній, — то неподалеку отъ Томска-же мы встрѣчаемъ, напримѣръ, переселенческую деревню Комисаровку (Баимской волости), обитатели которой «по всей округѣ» извѣстны своею лѣнью и нехозяйственностью. Если сибиряки удивляются трудолюбію «новоселовъ» нѣкоторыхъ селеній, то съ другой стороны неспособность другихъ «новоселовъ» къ крестьянскому труду составляетъ для нихъ предметъ не меньшаго удивленія. Таковы «новоселы» нѣкоторыхъ вновь образовавшихся переселенческихъ поселковъ въ Ишимской и Баимской волостяхъ. «И что́ за народъ такой, неоднократно говорили намъ сибиряки: просто диву даешься; тоже, вѣдь, въ Расеѣ пашню пахалъ, а ни онъ косить, ни онъ жать, ни онъ пахать толкомъ не можетъ!..» Если далѣе въ Ишимскомъ округѣ мы встрѣчаемъ рядъ селеній витебскихъ переселенцевъ изъ бывшихъ «панцырныхъ бояръ», которые великолѣпно ведутъ все свое хозяйство вообще и въ частности—принесли съ собой съ родины прекрасно поставленное льноводство, — то здѣсь-же мы встрѣчаемъ воронежскихъ новоселовъ д. Ново-Михайловки (Уктузской вол.), которые добровольно выбрали подъ поселеніе участокъ съ весьма плохою землей на томъ основаніи, что земля эта «черная»; когда-же оказалось, что эта черная земля — плохой болотный перегной, они стали заниматься по преимуществу рубкой на продажу своего лѣса; когда послѣдній окончательно выру-

бится, они собираются переселяться куда нибудь дальше; встрѣчаемъ здѣсь приселившихся къ д. Метлишной (Соколовск. вол.) хохловъ, которые пашутъ только цѣлины, и разъ забросивъ пашню, *никогда* на нее не возвращаются; удобныхъ для распашки цѣлинъ остается уже мало, и когда ихъ вовсе не останется, хохлы тоже собираются идти куда нибудь дальше, и т. д.

Итакъ, повторяемъ, установить общій типъ «переселенца»—столь-же невозможно, какъ сдѣлать это для «сибиряка». Но едва-ли можно отрицать одно: что *бо́льшая часть* переселенцевъ приходитъ въ Сибирь съ бо́льшимъ запасомъ трудолюбія, съ знаніемъ если не лучшихъ орудій, то болѣе интензивныхъ способовъ полеводства, чѣмъ какими обладаетъ коренное *населеніе тѣхъ многоземельныхъ мѣстностей*, куда направляется переселенецъ. Посмотримъ-же поэтому, что именно сдѣлали переселенцы въ смыслѣ повышенія общаго сельско-хозяйственнаго уровня тѣхъ мѣстностей, гдѣ они живутъ уже въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени и въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ, и обратно — на сколько невозможно или фактически отсутствуетъ такое повышеніе въ мѣстностяхъ, гдѣ экономическая жизнь протекаетъ внѣ всякаго вліянія переселенцевъ.

Общій вопросъ о состояніи земледѣлія распадается на два частныхъ вопроса—вопросъ о системахъ земледѣлія и о способахъ приложенія къ землѣ человѣческаго труда; другими словами — о способахъ обработки земли.

Какую, спрашивается, систему полеводства должны мы признать типическою для хозяйства «сибиряка»? Уже предыдущее изложеніе позволяетъ намъ предположить, а ближайшее ознакомленіе съ появившимися до сихъ поръ въ свѣтъ выпусками издаваемыхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ «Матеріаловъ для изученія быта крестьянъ Западной Сибири» позволитъ намъ съ увѣренностью утверждать невозможность установленія подобнаго общаго типа: системы хозяйства, даже въ тѣсныхъ границахъ состоящей въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ части Западной Сибири, представляютъ чрезвычайно пеструю картину. Въ Томской губерніи дѣйствительно господствуетъ залежное хозяйство [1]) въ томъ его видѣ, когда производительныя силы земли возстановляются не только періодическимъ обращеніемъ земли подъ перелогъ, но и оставленіемъ ея, послѣ каждыхъ 1—2 хлѣбовъ, подъ паръ; но разновидности этой системы крайне разнообразны: мѣстами періоды обработки не превышаютъ 6—7 лѣтъ для свѣже-поднятыхъ цѣ-

[1]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь-же, что въ Сибири совершенно не встрѣчается употребительный въ южно-русскихъ степяхъ чистый типъ переложнаго хозяйства, при которомъ съ земли безъ всякаго перерыва снимается 6—7 хлѣбовъ подрядъ, послѣ чего она на весьма продолжительный періодъ времени забрасывается.

линъ и 4—5 лѣтъ для вновь поднятыхъ, раньше уже паханныхъ земель, продолжительность періодовъ отдыха доходитъ до 25—30 лѣтъ и болѣе; въ другихъ мѣстахъ продолжительность періодовъ обработки возрастаетъ до 10, 15, 20 лѣтъ, продолжительность періодовъ отдыха сокращается до 15, 10 и 5 лѣтъ; мѣстами, далѣе, въ теченіи періодовъ обработки сѣвооборотъ приближается къ двухпольному, мѣстами—къ трехпольному; въ сѣвооборотахъ одной мѣстности господствуетъ озимая рожь (занимающая иногда 80 и болѣе % всей засѣянной площади), въ другой, напротивъ, преобладаютъ яровые хлѣба, и въ частности овесъ, въ третьей, значительную часть засѣваемой площади занимаетъ пшеница, и т. д.; и такія различія замѣчаются не только на разстояніяхъ сотень или десятковъ верстъ,—крестьяне одного селенія къ различнымъ участкамъ находящихся въ ихъ пользованіи пашень примѣняютъ нерѣдко, въ зависимости отъ ихъ почвенныхъ условій, мѣстоположенія и т. п., совершенно различные порядки хозяйства. Если мы перейдемъ въ Тобольскую губернію, то безраздѣльное господство залежной системы мы найдемъ еще только въ обширныхъ степяхъ Тюкалинскаго округа. Въ южной части Ишимскаго округа и въ Тарскомъ мы уже можемъ наблюдать постепенный переходъ отъ залежной системы хозяйства къ возможному здѣсь благодаря превосходному качеству почвы хозяйству безъ залежей, при которомъ много десятковъ лѣтъ подрядъ, иногда въ трехпольномъ (преимущественно пшеница, овесъ, паръ), иногда въ двухпольномъ (пшеница — паръ) сѣвооборотѣ эксплуатируется естественная производительность земли. Въ сѣверо-западной части того-же Ишимскаго и въ прилегающихъ къ ней частяхъ Ялуторовскаго и Тобольскаго округовъ тощая почва и сильная истощенность пашень заставляютъ отказаться отъ непрерывнаго хозяйства и вернуться къ залежному, но въ то-же время въ этой мѣстности мы встрѣчаемъ уже попытки перехода къ хозяйству съ удобреніемъ; мѣстами совершенно разрозненныя, эти попытки въ другихъ мѣстахъ уже на столько систематичны, что для удобренныхъ пашень вырабатываются довольно опредѣленные сѣвообороты и поддворныя, удобныя для вывозки навоза пашни начинаютъ передѣляться отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ. Подвигаясь постепенно къ сѣверу, мы видимъ, какъ хозяйство съ удобреніемъ все болѣе завоевываетъ себѣ господствующее положеніе и вырабатываетъ себѣ все болѣе опредѣленные сѣвообороты, и въ южной части Туринскаго округа находимъ уже для удобренныхъ пашень строго установившуюся трехпольную систему съ дѣленіемъ пашень на три поля или «перемѣны»; занимая въ ближайшихъ къ границѣ Тюменскаго округа волостяхъ менѣе половины общаго пространства пашень и позволяя доживать на остальной половинѣ хозяйству безъ удобренія, трехпольное навозное хозяйство въ Жуковской и Гаринской волостяхъ совершенно вытѣсняетъ это послѣднее; вмѣстѣ съ

тѣмъ прогрессируетъ интензивность унаваживанія, и въ послѣдней изъ только-что названныхъ волостей унаваживается уже *все* паровое поле. И наконецъ, въ Пелымской волости, несмотря на сильное удобреніе, трехпольное хозяйство становится уже не подъ силу землѣ; здѣсь уже плохо родится рожь, и потому господствуетъ двухпольный сѣвооборотъ съ преобладаніемъ въ посѣвахъ ячменя. Сходными чертами обрисовывается и хозяйство средней части Тобольскаго округа. Туринскій и Тобольскій округа представляютъ далѣе интересъ въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ «пѣнкосниматель»—сибирякъ умѣетъ при надобности отвоевывать отъ природы всякую пядь земли; мѣстное изслѣдованіе показало, что нѣкоторыя селенія Пелымскаго края со времени X ревизіи *удвоили* количество пахатной земли,—удвоили путемъ расчистокъ изъ-подъ вѣкового лѣса; что, если и не въ такихъ-же размѣрахъ, обращеніе лѣсныхъ земель въ пашню происходитъ и на всемъ остальномъ протяженіи названныхъ мѣстностей, а гдѣ удобныхъ лѣсныхъ земель не осталось, производится, правда отдѣльными крестьянами, но съ «благословенія» и при нѣкоторомъ содѣйствіи общины, осушка для обращенія въ пашню удобныхъ для того небольшихъ болотъ! Впрочемъ, не въ одномъ только Туринскомъ округѣ крестьянину приходится «завоевывать» себѣ пашню: вся принадлежащая вѣдомству государственныхъ имуществъ часть Томскаго и весь Маріинскій округъ имѣютъ лѣсной характеръ, и всякая десятина пашни является и здѣсь не безплатнымъ даромъ природы, а результатомъ потребовавшей болѣе или менѣе упорнаго труда расчистки; достаточно разъ проѣхаться по Зырянской волости, по Ишимской или Семилужной, чтобы увидѣть, какъ давитъ крестьянина лѣсъ, какъ ему приходится не только отвоевывать отъ лѣса каждую вновь распахиваемую десятину, но и оберегать уже расчищенную землю отъ новаго заростанія, которое грозитъ обратить заброшенную въ залежь хорошую пахотную землю въ никуда не годную «чащу».

Переходимъ затѣмъ къ *способамъ обработки земли* и остановимся прежде всего на *орудіяхъ* обработки. Сохи, употребляемыя въ Западной Сибири, носятъ довольно разнообразныя названія: колесянка, колесуха, рогалюха, вилачуха, сабанъ и пр., но соотвѣтствующія этому изобилію названій различія сводятся къ довольно второстепеннымъ чертамъ: сабанъ, колесянка—сохи передковыя, запрягаемыя не менѣе, чѣмъ двумя лошадьми; рогалюха, вилачуха — сохи безъ передковъ, запрягаемыя въ одну лошадь. Но самое существенное—устройство корпуса у сохъ всѣхъ этихъ наименованій совершенно или почти совершенно одинаково: широкій, отлогій сошникъ (цѣльный или двойной) съ загнутымъ впередъ лѣвымъ краемъ («мужичокъ» — играющій роль отрѣза), деревянный, слегка искривленный впередъ отвалъ, подъемный винтъ или клинья, регулирующіе глубину пахоты, и какъ результатъ всего этого—превос-

ходная работа, позволяютъ сравнивать сибирскую соху съ плугомъ или пермскою косулей, а никакъ не съ «царапающею землю» сохою среднерусскаго переселенца. Для бороньбы въ Сибири (кромѣ немногихъ «забошныхъ» сѣверныхъ мѣстностей, гдѣ еще сохранились бороны изъ таловыхъ прутьевъ) употребляются бороны съ деревяннымъ остовомъ и желѣзными зубьями, причемъ въ области господства залежнаго хозяйства средній крестьянинъ боронитъ не менѣе, чѣмъ въ 3—4 бороны. Для сѣнокошенія употребляются косы (по мѣстному — «литовки»), для уборки хлѣба—серпы или тѣ-же косы съ придѣланными къ нимъ грабельцами,—и косы, и серпы, въ огромномъ большинствѣ, привозные изъ Россіи. Молотьба производится почти исключительно цѣпами, вѣютъ хлѣбъ лопатами.

Таковы орудія, которыми пользуется крестьянинъ-сибирякъ на всемъ пространствѣ Западной Сибири. Если насъ спросятъ, *какъ* онъ ими работаетъ, то мы затруднимся дать на этотъ вопросъ общій и опредѣленный отвѣтъ: какъ во всемъ мірѣ, такъ и въ Сибири хорошій хозяинъ обрабатываетъ землю лучше, нерадивый или бѣдный — хуже: первый и вспашетъ землю лишній разъ, и не запоздаетъ пахотой, и соху пуститъ на вершокъ или на два глубже, чѣмъ второй; бѣдный запряжетъ одну, двѣ бороны, богатый—шесть, а то и восемь; богачъ скоситъ сѣно, сожнетъ созрѣвшій хлѣбъ тогда, когда слѣдуетъ, бѣднякъ тогда, когда нужда или долги не гонятъ его работать «въ люди», и т. п.,—словомъ обработка земли измѣняется въ зависимости отъ массы чисто индивидуальныхъ условій. Но сказать, чтобы сибирякъ *вообще* обработывалъ землю плохо или нерадиво,— никакъ нельзя. Посмотрите на ровные, точно по линейкѣ проведенные загоны, гдѣ вы не увидите ни одного огрѣха; посмотрите на тщательно разбороненное поле, гдѣ вы не найдете ни одного сколько-нибудь крупнаго комка, и вамъ въ голову не придетъ обвинять крестьянина, владѣльца этого поля, въ нерадивомъ отношеніи къ его обработкѣ. А между тѣмъ такіе загоны, такія поля вы увидите вездѣ въ Туринскомъ округѣ или въ юго-западныхъ старообрядческихъ волостяхъ Ишимскаго. И заслуга крестьянъ этой послѣдней мѣстности и другихъ, находящихся съ нею въ сходныхъ условіяхъ, тѣмъ значительнѣе, что земли здѣсь еще «буйныя», благодаря чему сибиряку приходится вести такую борьбу съ сорными травами, о какой понятія не имѣетъ переселенецъ изъ среднихъ губерній Европейской Россіи. Въ при-Томскомъ районѣ обработка земли, дѣйствительно, часто оставляетъ желать лучшаго; хотя и здѣсь мы встрѣчаемъ между старожилами-сибиряками не мало такихъ пахарей, которымъ не у кого учиться въ смыслѣ любви къ пашнѣ и земледѣльческому труду, но въ общемъ, какъ мы знаемъ изъ предъидущаго очерка, при-томскій крестьянинъ въ душѣ плохой земледѣлецъ: душа его больше лежитъ къ извозу, тор-

говлѣ, и т. п., и потому-то, что вѣрно относительно обработки земли въ при-Томскомъ районѣ, никакъ не можетъ быть распространяемо на всю Западную Сибирь.

Вотъ какими чертами обрисовывается положеніе сельскаго хозяйства въ Западной Сибири. Посмотримъ же теперь, въ чемъ собственно должно быть усмотрѣно вліяніе въ этомъ отношеніи переселенческаго элемента. Остановимся сначала на системахъ полеводства.

Гдѣ именно находимъ мы наиболѣе соотвѣтствующія сельско-хозяйственному прогрессу, наиболѣе интензивныя формы хозяйства? Въ Туринскомъ округѣ и средней части Тобольскаго, а попытки перехода къ этимъ формамъ, болѣе или менѣе систематическія, мы встрѣчаемъ въ южной части Тобольскаго и примыкающихъ къ ней участкахъ Ишимскаго и Ялуторовскаго округовъ, — все это, какъ и Туринскій округъ, мѣстности, оставшіяся совершенно свободными отъ всякаго вліянія переселенческаго элемента. Гдѣ, наоборотъ, встрѣчаемъ самыя экстензивныя формы залежнаго хозяйства? въ тѣхъ волостяхъ Томскаго, Маріинскаго, Каинскаго, Тюкалинскаго, отчасти Ишимскаго округовъ, бо́льшая часть, а часто и большинство населенія которыхъ состоитъ изъ переселенцевъ. Большинство послѣднихъ пришло въ Сибирь болѣе 30 лѣтъ назадъ и имѣло-бы, слѣдовательно, возможность оказать на положеніе земледѣлія то благодѣтельное вліяніе, котораго мы могли-бы отъ нихъ ожидать. Почему-же въ дѣйствительности этого вліянія не замѣчается? Очень просто: формы хозяйства создаются не въ силу тѣхъ или другихъ индивидуальныхъ свойствъ даннаго населенія, а въ силу всей совокупности естественно-историческихъ и экономическихъ условій данной мѣстности, среди которыхъ свойства населенія играютъ далеко не первую роль. Мысль эта мѣтко была формулирована проф. Исаевымъ въ одной изъ читанныхъ имъ въ минувшемъ февралѣ публичныхъ лекцій: *всякая существующая система полеводства*, говорилъ почтенный профессоръ, *есть, при данныхъ условіяхъ, наилучшая изъ всѣхъ возможныхъ системъ.*

Конечно, переселенческое движеніе вліяетъ на развитіе формъ хозяйства, но вліяніе это, такъ сказать, чисто механическое: формы хозяйства измѣняются не потому, чтобы переселенецъ приносилъ съ собою усвоенные имъ въ «Россіи» хозяйственные порядки, а просто потому, что тысяча дворовъ, поселенная на опредѣленной территоріи, не можетъ продолжать вести хозяйство столь-же экстензивнымъ способомъ, какъ раньше хозяйствовали на той-же территоріи 500 или 300 дворовъ; вліяніе переселенческаго элемента на общее развитіе формъ хозяйства, слѣдовательно, ничѣмъ не отличается отъ того вліянія, какое, при неизмѣнившемся количествѣ населенія, производитъ сокращеніе — путемъ, на-

примѣръ, отрѣзки значительной части ея въ казенное вѣдомство—количества состоящей въ его пользованія земли.

Не внеся ничего *своего* въ смыслѣ *общаго* прогресса мѣстныхъ хозяйственныхъ порядковъ, переселенцы однако мѣстами внесли нѣкоторыя частныя нововведенія. Такъ, витебскіе переселенцы изъ бывшихъ панцырныхъ бояръ принесли съ собой съ родины обширные посѣвы льна, принесли съ собой и сѣмена его, значительно превосходящія по своимъ качествамъ мѣстныя сибирскія сѣмена; переселенцы изъ Курской губ. показали крестьянамъ южной части Ишимскаго округа примѣръ довольно развитаго коноплеводства,—но конопля уже издавна и въ значительныхъ размѣрахъ разводится въ сѣверо-западной части округа, внѣ всякаго вліянія переселенческаго элемента; переселенцы вообще изъ южныхъ губерній занесли и въ южную часть Тобольской и въ Томскую губернію посѣвы гречихи; въ Тобольской губерніи гречиха совершенно не привилась, такъ какъ оказалась не въ состояніи переносить климатическихъ невзгодъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Томской губерніи посѣвы гречихи пріобрѣли дѣйствительно довольно большое распространеніе. Во всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ, еще болѣе мелкихъ, нововведеніяхъ нельзя, конечно, усматривать «новаго слова». Говорятъ далѣе о томъ, что переселенцы приносятъ съ собой улучшенныя сѣмена и распространенныхъ уже въ Сибири видовъ хлѣбныхъ растеній; можетъ быть это и вѣрно; но если съ одной стороны далеко не всякія сѣмена, вывезенныя изъ «Россіи», могутъ привиться при сибирскихъ климатическихъ условіяхъ, то, съ другой,—дѣлаемъ цитату изъ одного изъ выпусковъ «Матеріаловъ» — и сами сибирскіе крестьяне (въ частности крестьяне Ишимскаго округа) «не останавливаются передъ поѣздкой въ Омскъ, Какустовъ или Акмолинскій уѣздъ, если въ которомъ-либо изъ этихъ мѣстъ можно съ выгодой пріобрѣсти хорошія сѣмена». И напримѣръ въ томъ-же Ишимскомъ округѣ разводятся, не считая мѣстныхъ разновидностей, четыре привозныхъ степныхъ сорта яровой пшеницы.

Но если всякая существующая форма хозяйства есть при данныхъ условіяхъ наилучшая, и слѣдовательно переселенцамъ ничего не оставалось, какъ примириться съ мѣстными хозяйственными порядками, то, можетъ быть, они внесли значительныя улучшенія въ обработку земли — внесли новыя орудія и пріемы обработки? Къ сожалѣнію ни заключающіяся въ «матеріалахъ» данныя, ни личныя наблюденія не даютъ намъ основанія дать на этотъ вопросъ утвердительнаго отвѣта. Мы находимъ, правда, въ литературѣ указанія на то, что на Алтаѣ переселенцы ввели въ общее употребленіе плуги,— но, правду сказать, мы не особенно довѣряемъ этимъ указаніямъ: мы приписываемъ появленіе ихъ недоразумѣнію, основанному на довольно близкомъ сходствѣ сибирской

сохи, по устройству и работѣ, съ плугомъ. По крайней мѣрѣ въ такихъ биткомъ набитыхъ переселенцами мѣстностяхъ, какъ Ишимская (Томскаго округа), Почитанская, Баимская и Зырянская волости (Маріинскаго округа) и др., мы совершенно не находимъ плуговъ, а видимъ во всеобщемъ употребленіи все тѣ-же сибирскія «колесухи». Плуги привились только въ ближайшихъ къ степи окраинахъ Тобольской губерніи (главнымъ образомъ въ Соколовской волости Ишимскаго округа), да и то у немногихъ зажиточныхъ крестьянъ, и у нихъ имѣютъ весьма ограниченное примѣненіе—только при подъемѣ цѣлинъ. За этимъ исключеніемъ, вездѣ, независимо отъ того, живутъ-ли въ мѣстности переселенцы, или нѣтъ, пашутъ тою или другою разновидностью сибирскаго типа сохи, боронятъ тѣми-же полужелѣзными боронами, не замѣчается никакихъ различій въ орудіяхъ уборки хлѣба. Единственное, дѣйствительно важное, введеніе, внесенное новоселами, это — ручныя вѣялки, которыя въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ получили уже широкое распространеніе (молотилки ручныя и конныя насчитывается единицами и повидимому имѣютъ мало шансовъ на распространеніе). Что касается затѣмъ до *пріемовъ* обработки земли, то въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ указаній на какія-либо внесенныя переселенцами нововведенія; можно только замѣтить, что они имѣютъ болѣе склонности къ уборкѣ хлѣба косою, чѣмъ сибиряки-старожилы. Если же говорить не о пріемахъ, а о тщательности обработки земли, то здѣсь, конечно, трудно дать какое-либо категорическое заключеніе: мы найдемъ отличныхъ пахарей и между старожилами, и между переселенцами, найдемъ между крестьянами обѣихъ категорій и нерадивыхъ; но, вообще говоря, трудно отрицать, что *средній* переселенецъ тщательнѣе обрабатываетъ землю, нежели *средній* крестьянинъ-сибирякъ *тѣхъ многоземельныхъ мѣстностей, куда стремятся переселенцы*; сибирякъ здѣсь, дѣйствительно, охотнѣе броситъ заросшую «соромъ» полосу и перейдетъ на новый участокъ, нежели будетъ затрачивать слишкомъ большое количество труда на обработку земли и истребленіе сорныхъ травъ; но едва-ли переселенца можно поставить въ разсматриваемомъ отношеніи выше коренного населенія малоземельныхъ мѣстностей. И въ этомъ случаѣ вліяніе переселенческаго элемента, еще не проявившееся въ настоящемъ,— будетъ вѣроятно чисто механическимъ: крестьяне, лишившись прежней возможности часто переходить съ одной полосы на другую, ео ipso вынуждены будутъ вкладывать въ обработку земли столько труда, сколько и сейчасъ вкладываютъ въ упомянутыхъ выше малоземельныхъ мѣстностяхъ.

Итакъ, предыдущее изложеніе съ достаточною, кажется намъ, ясностью показало, что переселенческій элементъ, какъ таковой, не внесъ еще въ хозяйственную жизнь Западной Сибири того «новаго слова»,

носителемъ котораго его считаютъ. Но этого мало: «Не менѣе интересна», говоритъ въ цитированной уже книгѣ Н. М. Ядринцевъ, «и другая миссія, принятая на себя сибирскою крестьянскою общиной — это ассимиляція новоселовъ. Откуда-бы ни были новоселы, они подвергаются отъ туземщины безпрерывной критикѣ и ироніи, сопровождаемыми и положительными совѣтами, какъ поступать на сибирской почвѣ, какъ пахать землю, какія дѣлать уступки ея дѣвственности... Подъ гнетомъ этихъ насмѣшекъ и совѣтовъ, подтверждаемыхъ и собственнымъ опытомъ, *новые колонисты быстро уступаютъ мѣстнымъ обычаямъ* и не далѣе, какъ слѣдующее-же поколѣніе считаютъ уже себя коренными сибиряками» [1]). Со сказаннымъ въ приведенной цитатѣ, въ его полномъ объемѣ, едва-ли есть возможность согласиться: многія бытовыя особенности, а тѣмъ болѣе, ясное сознаніе своего «россійскаго» происхожденія, сохраняются у новоселовъ не только въ слѣдующемъ, но нерѣдко и въ рядѣ слѣдующихъ поколѣній,— но тѣмъ вѣрнѣе высказываемая г. Ядринцевымъ мысль по отношенію къ хозяйственному строю и въ частности—къ постановкѣ земледѣлія. Изъ весьма значительнаго количества извѣстныхъ намъ въ двухъ губерніяхъ селеній, занятыхъ переселенцами еще въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, мы знаемъ только одно, гдѣ переселенцы вполнѣ сохранили свою первоначальную физіономію, какъ бытовую, такъ и хозяйственную: это упоминавшаяся уже выше д. Метлишная (Ишимскаго округа); живущіе здѣсь воронежскіе хохлы «до сихъ поръ удержали чисто переложную систему хозяйства, которую принесли съ собою съ родины; пашутъ тяжелыми малороссійскими плугами, запрягая ихъ четырьмя парами воловъ; хлѣбъ косятъ, а не жнутъ; молотятъ сыромолотомъ... и почти вовсе не держатъ лошадей» [2]); можно еще назвать мордвинъ д. Марьевки (Томскаго округа), издавна раздѣлившихъ свои пашни на три поля и ведущихъ на нихъ правильное трехпольное хозяйство, хотя и безъ навознаго удобренія, а только съ толóкой. Но за этими исключеніями, говоря словами «Матеріаловъ» [3]), «мы наблюдаемъ повсемѣстно процессъ перехода переселенцевъ отъ своихъ природныхъ порядковъ къ тѣмъ, которые приняты у крестьянъ-старожиловъ: прибывъ изъ Россіи, переселенцы работаютъ сначала привезенными съ собою сохами (или плугами), иногда разбиваютъ пашни на три поля, иногда унаваживаютъ землю и т. п.; но затѣмъ постепенно начинаютъ переходить къ сибирскимъ косамъ-колесянкамъ, къ сибирской... системѣ полеводства, и *хозяйство переселенцевъ, лѣтъ 20—30 прожившихъ* въ Ишимскомъ округѣ, *ничѣмъ*, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, *не отличается*

[1]) «Сибирь, какъ колонія», стр. 81.
[2]) «Матеріалы», вып. III, стр. 25.
[3]) «Матеріалы», вып. III, стр. 26 и 27.

отъ хозяйства крестьянъ-старожиловъ»... Переселенцы научили сибиряковъ только нѣкоторымъ мелочамъ; «во всемъ остальномъ они не только ни чему ихъ не научили, но даже сами отъ нихъ учились,— и слѣдовательно *о вліяніи переселенческаго элемента въ смыслѣ поднятія общаго уровня сельскохозяйственныхъ познаній и пріемовъ не можетъ быть и рѣчи*».

Переселенецъ, только что пришедшій изъ Россіи, и переселенецъ, прожившій въ Сибири 20 — 30 лѣтъ, не имѣютъ между собой почти ничего общаго. И если первый, дѣйствительно, какъ говоритъ профессоръ Исаевъ, «подходитъ къ дѣлу съ правильнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ» и «пытается выяснить, что́ она (земля) можетъ ему дать, если онъ перенесетъ на нее свои орудія, свое трудолюбіе, и свои хозяйственные пріемы», то послѣдній уже давно забылъ и думать обо всемъ этомъ: переселенецъ, прожившій въ какомъ нибудь Ишимскомъ или Маріинскомъ округѣ 25—30 лѣтъ, съ такимъ-же убѣжденіемъ, какъ его сосѣдъ-сибирякъ, будетъ утверждать, что «здѣшняя земля назьму не примаетъ», и докажетъ это рядомъ болѣе или менѣе убѣдительныхъ примѣровъ; будетъ говорить, что «плугъ по здѣшней землѣ вовсе не съ руки»; что вообще «ежели по нашему, по расейски, хозяйство вести, безъ хлѣба насидишься». Мало того: онъ и самъ жалуется, и своими жалобами успѣлъ поселить въ сосѣдяхъ-сибирякахъ убѣжденіе, что «здѣшнія мѣста противъ расейскихъ ничего не стоятъ»: и «для пашни земля слабая: иная земля и чернозьмомъ глядитъ, а все не настоящій черноземъ, какъ въ Расеѣ,—и въ хлѣбѣ силы нѣтъ: въ Расеѣ бывало одна баба хлѣбъ печетъ, ужъ за околицей духъ слышно, а здѣсь и въ избу войдешь, хлѣба не учуешь»; и покосы сибирскіе «куды противъ расейскихъ—въ сѣнѣ ничего спорости нѣтъ», и пчела «того меду не даетъ, что въ Расеѣ», — словомъ «пустыя въ Сибири мѣста, не настоящія». И въ довершеніе всего у переселенца является любопытная по своей неожиданности черта—чрезвычайная требовательность: обжившись въ Сибири, быстро (благодаря главнымъ образомъ выгодно отличающей переселенцевъ чертѣ—бережливости и запасливости) догнавъ и даже часто перегнавъ сибиряковъ въ благосостояніи, достигнувъ такой высокой зажиточности, какая ему «въ Расеѣ» и не снилась, переселенецъ однако недоволенъ; и, какъ только «цѣлины повыпашутся», или какіе нибудь заморозки поведутъ къ ряду плохихъ урожаевъ, онъ рѣшаетъ, что «нельзя здѣсь жить», и въ то время, когда коренной сибирякъ довольствуется и уменьшившеюся производительностью земли, онъ уходитъ куда нибудь подальше, гдѣ разсчитываетъ опять найти «цѣлыя земли», гдѣ не бываетъ заморозковъ, гдѣ въ хлѣбѣ не заводится головня и т. п. Мы не имѣемъ въ данную минуту подъ рукой цифровыхъ данныхъ, которыя могли-бы служить къ

подтвержденію сказаннаго, но мы можемъ указать, напримѣръ, на Ишимскую волость (Томск. окр.), гдѣ изъ нѣкоторыхъ образованныхъ переселенцами въ 1851 и 1852 годахъ селеній уже ушло болѣе половины населенія!..

Намъ предстоитъ еще разобрать вліяніе переселенческаго элемента на распространеніе и укорененіе въ жизни сибирскаго крестьянства общиннаго начала, посмотрѣть, дѣйствительно-ли и въ какой мѣрѣ является для сибиряка «новшествомъ» великорусская община. Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны прежде всего посмотрѣть, въ какія формы облекается землевладѣніе сибирскихъ крестьянъ-старожиловъ, а затѣмъ, — что именно внесли въ этомъ направленіи въ сибирскую жизнь переселенцы.

Формы землепользованія крестьянъ двухъ губерній Западной Сибири представляютъ еще большее разнообразіе, еще большую пестроту, чѣмъ употребительныя здѣсь системы полеводства. Сравнительно однообразнѣе эти формы въ Томской губерніи: здѣсь вездѣ (по крайней мѣрѣ въ трехъ округахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ) земли еще очень много, и потому господствующимъ представляется *заимочно-захватный* способъ и представляющій съ послѣднимъ по внѣшности значительное сходство способъ *вольнаго* пользованія, отличающійся отъ перваго тѣмъ, что земля (въ частности пашня) остается въ пользованіи заимщика лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ее дѣйствительно обрабатываетъ [1]). Къ огромнымъ лѣснымъ покосамъ примѣняется по преимуществу первый изъ этихъ двухъ способовъ, къ пашнямъ — преимущественно второй, лѣсъ каждый общинникъ можетъ рубить гдѣ ему угодно, сколько угодно и для какой угодно цѣли. Но уже и здѣсь мы встрѣчаемъ—хотя и въ видѣ исключенія—формы пользованія, соотвѣтствующія періоду гораздо болѣе высокаго развитія общины,—формы, примѣняемыя къ такимъ категоріямъ угодій, которыми община, въ виду-ли ихъ недостаточности или высокой внутренней цѣнности, особенно дорожитъ. Такъ вездѣ, гдѣ только есть (кромѣ только чрезвычайно богатыхъ лугами селеній лежащей по Чулыму части Ишимской волости), передѣляются по душамъ поемные луга, причемъ самые порядки передѣла представляютъ значительное разнообразіе; въ подгородной Спасской волости, гдѣ эксплуатація сѣнокосовъ является почти важнѣйшимъ источникомъ благосостоянія населенія, передѣлены во многихъ селеніяхъ по душамъ, хотя и весьма примитивными способами, и лѣсные покосы.

---

[1]) Подробное разъясненіе сущности *вольнаго* пользованія см. «Матеріалы», вып. V, стр. 128 — 149, и въ ст. нашей «Очеркъ общин. порядковъ Ишимскаго округа Тобольской губ.», «Русская Мысль» 1890 г., ноябрь.

Въ той-же и въ другой подгородной Нелюбинской волости встрѣчаются и случаи такъ или иначе организованнаго пользованія *лѣсомъ*, который въ экономической жизни мѣстнаго населенія тоже играетъ весьма важную роль: нѣкоторыя общества ограничиваются тѣмъ, что періодически объявляютъ «подъ запретомъ» лѣсныя поросли на той или иной части общинной территоріи, предоставляя общинникамъ полную свободу рубки на не «заказанныхъ» участкахъ; другіе идутъ далѣе: «заказавъ» часть общиннаго лѣса, они по минованіи срока «заказа» опредѣляютъ количество лѣса, которое можетъ вырубить каждый общинникъ; если на общинной землѣ есть хорошій строевой лѣсъ, то иногда община для сбереженія его запрещаетъ вывозить на продажу хотя-бы одно бревно, но въ то-же время разрѣшаетъ каждому свободно рубить лѣсъ для своей надобности; иногда, напротивъ, община прямо назначаетъ къ вырубкѣ опредѣленное (на каждую душу) число бревенъ и затѣмъ уже не интересуется ихъ назначеніемъ, и т. д. Наконецъ вездѣ, гдѣ только внутри общинныхъ дачъ есть кедровники, община строжайшимъ образомъ регулируетъ пользованіе ими: она безусловно запрещаетъ для какой-бы то ни было надобности рубить кедры (исключеніе допускается только въ одномъ случаѣ: кедровое дерево разрѣшается срубить на гробъ для умершаго общинника) и регулируетъ самый сборъ орѣха: мѣстами при выяснившемся уже урожаѣ самыя деревья въ отношеніи права на сборъ орѣха передѣляются между общинниками по душамъ, мѣстами-же община только опредѣляетъ день начала сбора и число работниковъ («лазаковъ» и «сборщиковъ»), какое каждый общинникъ, пропорціонально числу платежныхъ душъ, можетъ выпустить на сборъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что община—и даже весьма прочная—существуетъ и въ Томской губерніи; и если она предоставляетъ индивидуальному захвату по отношенію къ большинству угодій полный просторъ, то это не потому, чтобы она не сознавала своего права на урегулированіе пользованія этими угодьями, а потому, что благодаря изобилію послѣднихъ необходимость такого урегулированія еще не даетъ себя настоятельно чувствовать.

Совсѣмъ другую картину представляютъ намъ — на сколько позволяютъ судить объ этомъ уже вышедшіе въ свѣтъ 10 выпусковъ «Матеріаловъ» — общинные порядки Тобольской губерніи: здѣсь, говоря вообще, нерегулированное пользованіе общинными угодьями уже доживаетъ свой вѣкъ. Въ частности, форма, соотвѣтствующая наибольшему простору,—форма заимочно-захватная, продолжаетъ существовать только въ наиболѣе многоземельномъ Тюкалинскомъ округѣ, но даже и здѣсь господствующею представляется уже не эта форма, а покоющаяся на трудовомъ началѣ форма *вольнаго* пользованія. Подвигаясь далѣе на западъ, мы въ значительно менѣе богатомъ землею Ишим-

скомъ округѣ можемъ наблюдать продолжающійся уже нѣсколько десятилѣтій процессъ постепеннаго вытѣсненія и этой формы владѣнія душевымъ пользованіемъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ и частяхъ волостей, отличающихся (независимо отъ качества земли) своимъ многоземеліемъ, вольное пользованіе и до сихъ поръ представляется безраздѣльно господствующимъ; въ рядѣ другихъ мѣстностей, продолжая существовать по отношенію къ большей или меньшей части угодій, оно для наиболѣе цѣнныхъ (подворныхъ или лучшихъ пашень, «домашнихъ или луговыхъ покосовъ», болѣе крупныхъ лѣсныхъ порослей, замѣнилось уже душевымъ пользованіемъ; но огромное большинство общинъ Ишимскаго, а также смежныхъ съ нимъ Курганскаго и Ялуторовскаго округовъ уже окончательно, по отношенію ко всѣмъ категоріямъ угодій — пашнямъ, сѣнокосамъ и лѣсамъ,—перешло къ душевому способу пользованія, и отъ прежняго вольнаго пользованія сохранились только незначительные слѣды. Формы передѣла, выработанныя напримѣръ ишимскою общиною, представляютъ значительное разнообразіе и по существу, и въ формальномъ отношеніи; по существу, въ смыслѣ слѣдовательно порядковъ разверстки земельныхъ душъ, замѣчается строжайшая зависимость отъ цѣнности общинныхъ угодій и степени соотвѣтствія ей лежащихъ на общинѣ платежей; въ формальномъ отношеніи—въ смыслѣ техники передѣловъ, ишимская община выработала рядъ пріемовъ, опять-таки строго соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ и совершенно несходныхъ съ типичными «россійскими» пріемами передѣла; общими всѣмъ этимъ пріемамъ чертами являются отсутствіе принудительной обработки и дробленія угодій на мелкія полоски, достигаемое распредѣленіемъ ихъ на весьма малое число сортовъ, и отсутствіе столь излюбленнаго «россійскою» общиною жеребьеваго порядка; затѣмъ, всѣ пріемы передѣла могутъ быть разбиты на двѣ группы: одна—передѣлъ «*по старинѣ*», когда каждая душа, до передѣла уже державшая землю, остается на тѣхъ-же полосахъ и только отдаетъ «въ общество» то количество земли, какое по разсчету на «новыя души» оказывается у нея лишнимъ,—для «новыхъ»-же душъ надѣлы образуются изъ отрѣзковъ; другая группа—пріемы передѣла «*набоемъ*» или «*торгомъ*», основанные на началѣ субъективнаго равенства: площади отдѣльныхъ душевыхъ надѣловъ представляются въ этомъ случаѣ не строго равными между собой, а варьируютъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы худшему качеству земли на данной полосѣ соотвѣтствовало бо́льшее ея количество, и обратно. Сходные пріемы передѣла практикуются и въ Тюменскомъ округѣ; но далѣе на сѣверъ—въ Туринскомъ округѣ и средней части Тобольскаго, мѣстностяхъ, характеризуемыхъ особеннымъ малоземеліемъ (въ смыслѣ количества *дѣйствительно* удобной для хлѣбопашества земли) и сравнительно высокимъ уровнемъ развитія земле-

дѣльческаго хозяйства, мы встрѣчаемъ уже совсѣмъ другіе порядки,—порядки, по существу своему весьма сходные съ «россійскими»: пахотныя земли, напримѣръ, разбиваются здѣсь на мелкія, узкія полоски, такъ что душевой надѣлъ слагается иногда изъ десятковъ такихъ полосокъ; удобряемыя пашни раздѣляются на «перемѣны» или поля, и слѣдовательно существуетъ, не существующая въ южной части губерніи, принудительная обработка; въ сѣверной части Туринскаго округа строго урегулировано пользованіе рыболовными угодьями,—но въ то-же время пользованіе единственнымъ дѣйствительно изобилующимъ здѣсь видомъ угодій въ этой части Тобольской губерніи стоитъ на гораздо низшей ступени, чѣмъ въ южной: лѣса нигдѣ не передѣляются по душамъ и рубятся кѣмъ попало и сколько попало.

Чтобы покончить съ бѣглымъ обзоромъ разнообразныхъ формъ землепользованія, существующихъ въ Западной Сибири, надо еще указать на существованіе въ значительной части Тобольской губерніи волостной общины: совершенно уже вымирающая въ южныхъ округахъ, она въ сѣверныхъ еще крѣпка и живуча; такъ въ южной части Туринскаго округа при каждой ревизіи производились общіе волостные передѣлы сѣнокосныхъ и пахотныхъ земель; въ сѣверной, разбросанность которой не допускаетъ волостныхъ передѣловъ этого рода угодій, волость все-таки не забываетъ своего единства, которое и проявляется въ уравнительномъ пользованіи рыболовными угодьями и кедровниками.

Какова-же, спрашивается, была роль переселенческаго элемента въ развитіи въ Западной Сибири общинной жизни. На этотъ вопросъ факты заставляютъ насъ дать такой-же отвѣтъ, какъ и на вопросъ о вліяніи этого элемента на развитіе сельскаго хозяйства: переселенцы не только не привили въ Сибири усвоенныхъ ими на родинѣ общинныхъ порядковъ, — напротивъ, они вездѣ и въ этомъ отношеніи совершенно ассимилировались съ кореннымъ населеніемъ; и наоборотъ—гдѣ того требовалъ общій складъ земельныхъ отношеній, тамъ общинные порядки достигали наивысшаго развитія помимо всякаго вліянія переселенческаго элемента, подъ вліяніемъ происходившей въ самомъ коренномъ сибирскомъ населеніи внутренней работы. Въ самомъ дѣлѣ: переселенцы, составляющіе массу населенія въ восточномъ углу Томскаго и въ Маріинскомъ округѣ, совершенно забыли о какихъ-бы то ни было передѣлахъ: всѣ угодья у нихъ, какъ и у старожиловъ, состоятъ въ захватномъ или вольномъ пользованіи, и переселенецъ такъ-же хорошо, какъ и сибирякъ, постигъ прелесть «заимки» въ нѣсколько сотъ десятинъ; достойно замѣчанія далѣе, что всѣ тѣ ограниченія вольнаго пользованія, которыя мы приводили выше, говоря о землепользованіи Томской губерніи, установлены въ Нелюбинской и Спасской волостяхъ, гдѣ переселенческаго элемента вовсе нѣтъ. Далѣе: коренное населеніе южныхъ округовъ То-

больской губерніи самостоятельно выработало себѣ весьма оригинальныя и хорошо приспособленныя формы душеваго пользованія угодьями, и эти способы переняты и поселившимися въ этихъ округахъ переселенцами, которые совершенно забыли о тѣхъ формахъ общинной жизни, къ которымъ привыкли на родинѣ. И наконецъ, наиболѣе развитыя и близкія къ «расейскимъ» формы общинной жизни мы находимъ въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи, то есть именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, развитіе которыхъ происходило совершенно независимо отъ вліянія переселенческаго элемента.

Словомъ, повторимъ еще разъ, и по отношенію къ общинной жизни мы убѣждаемся, что прогрессъ ея вообще и формы этого прогресса въ частности зависятъ далеко не отъ однихъ только индивидуальныхъ свойствъ населенія: поставьте переселенца, хотя-бы и насквозь проникнутаго средне-русскимъ общиннымъ духомъ, въ условія многоземельныхъ мѣстностей Сибири, и онъ чрезъ немного лѣтъ забудетъ о какихъ-бы то ни было передѣлахъ и будетъ съ такимъ же упорствомъ защищать свою «заимку» отъ чьихъ-бы то ни было притязаній, какъ и самый коренной сибирякъ; и обратно, сибирякъ, побуждаемый «утѣсненіемъ», безъ всякаго содѣйствія переселенческаго элемента дойдетъ до весьма утонченныхъ формъ душевого пользованія. Вліяніе переселенческаго элемента и въ этомъ случаѣ чисто механическое, хотя здѣсь, надо замѣтить, даже и это вліяніе сказывается далеко не столь ясно, какъ по отношенію собственно къ сельскохозяйственному прогрессу.

Мы могли-бы еще коснуться вліянія переселенческаго элемента по ряду другихъ, второстепенныхъ вопросовъ—вліянія, напримѣръ, на состояніе скотоводства, на промысловую дѣятельность населенія и т. п.,—но мы не рѣшаемся дольше злоупотреблять вниманіемъ читателя; да это и было-бы излишнимъ, такъ какъ намъ пришлось-бы только повторить тѣ положенія, къ которымъ мы пришли по разсмотрѣннымъ нами основнымъ вопросамъ,—нѣсколько лишнихъ разъ.

Почему-же, однако, спросимъ мы себя, общее мнѣніе, преобладающее и въ литературѣ, и внѣ ея, совершенно противуположно тѣмъ выводамъ, къ которымъ мы пришли? Почему все-таки принято считать переселенца представителемъ сельско-хозяйственнаго прогресса, общиннаго духа и всякихъ нравственныхъ совершенствъ и, наоборотъ, надѣлять «сибиряка» всѣми противуположными качествами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получится самъ собой, если мы выяснимъ себѣ, чьими руками создано это общее мнѣніе. Мы не будемъ уже говорить о туристахъ, которые по дѣйствительно отвратительному типу «придорожнаго» мужика судятъ о «сибирякѣ» вообще, или о жителяхъ болѣе значительныхъ городовъ, распространяющихъ на «сибиряка» характерныя черты подгороднаго населенія; укажемъ только на черту, общую большинству

*

лицъ, писавшихъ по интересующему насъ вопросу: и Гл. Успенскій, и проф. Исаевъ ѣхали въ Сибирь со спеціальною цѣлью—познакомиться съ состояніемъ *переселенческаго* дѣла; ихъ интересовалъ главнымъ образомъ переселенецъ, а сибирякъ—лишь по стольку, по скольку онъ соприкасается съ переселенцемъ. Послѣдствія понятны: интересуясь преимущественно переселенцами, задавшійся такою задачей изслѣдователь знакомился съ «сибиряками» преимущественно по отзывамъ враждебно къ нимъ настроенныхъ переселенцевъ; если ему иногда случалось видѣть «сибиряка» собственными глазами,— то это былъ или все тотъ-же «придорожный», или подгородный крестьянинъ, или житель тѣхъ многоземельныхъ мѣстностей, куда по преимуществу направляется переселеніе; ясно, что характеристика «сибиряка», основанная на подобнаго рода данныхъ, не могла не быть одностороннею. Съ другой стороны, сами переселенцы изучались во время ихъ передвиженія или вскорѣ по прибытіи на «новое мѣсто», въ новыхъ поселкахъ,—изучались въ то время, слѣдовательно, когда они дѣйствительно еще твердо помнятъ свои «расейскіе» порядки, съ негодованіемъ относятся къ «дармоѣдству» сибиряковъ и мечтаютъ построить свое хозяйство на «правильномъ (съ «россійской» точки зрѣнія) хозяйственномъ разсчетѣ». Если-бы почтенные изслѣдователи ознакомились съ одной стороны съ «сибирякомъ» удаленнымъ отъ развращающаго вліянія тракта и большихъ городовъ и менѣе богатымъ землею, а съ другой — изучили хозяйственный бытъ и общину переселенцевъ, прожившихъ въ Сибири лѣтъ 25 или 30, то, смѣемъ думать, выводы ихъ едва-ли-бы были очень отличны отъ сдѣланныхъ нами.

А. Кауфманъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ДУХОБОРЦЕВЪ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

По офиціальнымъ даннымъ, на 212 тысячъ православнаго сельскаго населенія трехъ южныхъ округовъ Иркутской губерніи приходится иновѣрцевъ, не считая буддистовъ и шаманистовъ (этихъ — 12 т. и 38 т. душъ обоего пола), около 5800 душъ обоего пола, т. е. 2,2%. Значительную часть ихъ составляютъ ссыльные въ первомъ поколѣніи; многіе изъ уголовныхъ, какъ извѣстно, не обзаводятся семьей и, поэтому, не оставляютъ послѣ себя потомства иновѣрческаго (это особенно относится къ лютеранской и католической группамъ). Изъ числа сектантовъ, которые могутъ или могли бы, при другихъ условіяхъ, оказывать замѣтное вліяніе на православную массу, заслуживаютъ вниманія только

двѣ группы: духоборцы и субботники (жидовствующіе); прочія секты имѣютъ своими представителями лишь по нѣсколько человѣкъ ссыльныхъ въ первомъ поколѣніи, хотя, конечно, при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, на подготовленной почвѣ, даже одинъ штундистъ или шелапутъ могъ бы выростить много зеренъ своего ученія; но почва — повторяю — не слишкомъ то воиспріимчива къ этическимъ ученіямъ, будь то мистическія или раціоналистическія, — все равно. Что касается указанныхъ двухъ группъ сектантовъ, то численность ихъ такова: субботниковъ насчитано по переписи 1888 года 91 семья съ 653 душами обоего пола, а духоборцевъ — 8 семей съ 43 душами.

Во время разѣздовъ по Иркутской губ. мнѣ пришлось лично познакомиться съ этими группами мѣстнаго населенія, хотя — къ сожалѣнію — очень бѣгло: тѣмъ не менѣе, въ виду интереса самого предмета, мнѣ думается, что нѣсколько журнальныхъ страницъ, отведенныхъ разсказу о встрѣчѣ съ людьми, «взыскующими града», не будутъ загублены вовсе ужъ безполезно [1]).

Въ литературѣ встрѣчается о духоборцахъ не мало статей; но всѣ тѣ, которыя мнѣ пришлось перечитать, страдаютъ случайностью наблюденій, неполнотой ихъ, или же узкой и неблаговидной односторонностью. Наиболѣе существенной, для исторіи духоборчества, можно считать, какъ кажется, работу Новицкаго, появившуюся въ печати еще въ 1832 г. и основанную на личныхъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ автора; съ того времени утекло не мало воды и, можетъ быть, въ значительной степени уже оправдалось предсказаніе Новицкаго о многихъ перемѣнахъ, которыя предстояло пережить духоборческому міровоззрѣнію. Тѣмъ болѣе важно и интересно было бы имѣть теперь новое подробное и безпристрастное изслѣдованіе этого предмета, прослѣдить тѣ измѣненія въ вѣрованіяхъ, обрядахъ, общежитіи духоборцевъ, которыя должны были совершиться за 60-ти лѣтній промежутокъ времени, за длинный періодъ, въ теченіи котораго произошло крупное событіе для духоборческаго міра, — переселеніе его съ Молочныхъ водъ въ Закавказье [2]).

Хотя и не совсѣмъ твердо установлено время появленія молокан-ско-духоборческой секты, но его принято относить къ первой половинѣ прошлаго столѣтія, а мѣстомъ ея появленія — считать Тамбовскую и Харьковскую губернію. Сектанты называли себя «духовными христіа-

---

[1]) О своемъ знакомствѣ съ субботниками сообщу въ отдѣльной замѣткѣ.

[2]) Одна изъ новѣйшихъ обширныхъ статей, касающаяся духоборческой секты (И. Харламова, «Русск. Мысль», 1884 г., №№ 11 и 12), представляетъ собой, однако, лишь компиляцію и не носитъ никакихъ слѣдовъ личнаго знакомства автора съ сектой.

нами», и это названіе сохранилось, отчасти, и теперь. По смерти Силуана Колесникова, давшаго плоть и кровь новой сектѣ, въ ней образовался расколъ: часть сектантовъ осталась вѣрна ученію Колесникова и его ученика, Уклеина, другая же приняла толкованіе новыхъ реформаторовъ, Побирохина и Капустина, о значеніи духовныхъ книгъ, и разошлась съ уклеинцами въ пониманіи нѣсколькихъ другихъ, въ сущности второстепенныхъ, вопросовъ. Такъ произошло дѣленіе секты на молоканъ и духоборцевъ, по духу своихъ вѣрованій рознящихся и теперь очень не многимъ, но тѣмъ не менѣе ненавидящихъ другъ друга со всей страстностью ограниченныхъ фанатиковъ. Въ прошломъ столѣтіи происходило сильное гоненіе на духоборовъ: ихъ ссылали въ Сибирь, на островъ Эзель, въ Колу; въ 1802—1804 г.г. разрѣшено было сектантамъ, остававшимся во внутренней Россіи, въ разныхъ мѣстахъ, переселиться всѣмъ вмѣстѣ на «Молочныя воды», въ Мелитопольскій (Маріупольскій) уѣздъ, Таврической губерніи; затѣмъ, послѣ личнаго своего знакомства съ сектантами, Императоръ Александръ I разрѣшилъ переселиться туда и разосланнымъ по окраинамъ Россіи духоборцамъ. Новыя поселенія на молочныхъ водахъ очень процвѣтали, особенно въ первое время ихъ существованія: въ основу своихъ взаимныхъ отношеній сектанты положили чисто-коммунистическія начала; но, хотя мірское хозяйство шло очень успѣшно со стороны матеріальныхъ результатовъ, коммуна продержалась на «Молочныхъ водахъ» недолго, и къ концу 20-хъ годовъ ея не оставалось и слѣда. Ея мѣсто заняло теократическое господство «совѣта тридцати», который взялъ на себя обязанность выслѣживать поступки неблагонадежныхъ братій, дѣйствовалъ на подобіе святой Германдады и, какъ увѣряютъ, замаралъ себя не однимъ тайнымъ преступленіемъ. Когда нѣкоторыя изъ нихъ тѣмъ не менѣе раскрылись, то въ 1841 году было сдѣлано распоряженіе выселить сектантовъ съ «Молочныхъ водъ» въ Закавказье, въ раіоны нынѣшнихъ Ахалцыхскаго и Елизаветпольскаго уѣздовъ. Мѣстности для поселенія были выбраны нездоровыя, постоянная опасность угрожала поселенцамъ со стороны незамиренныхъ еще горцевъ и многочисленныхъ разбойниковъ, но колонисты стойко выдержали всѣ испытанія и заселяютъ теперь въ указанной мѣстности цѣлые округа.

Таковъ краткій историческій очеркъ духоборческой секты въ Россіи; что касается жизни ссыльныхъ сектантовъ въ Сибири, вообще, и въ Иркутской губерніи, въ частности, то по этому вопросу не извѣстно почти ничего; впрочемъ, имѣется указаніе, что ссыльные духоборы Иркутской губерніи просили въ 1805 г. о дозволеніи переселиться также на «Молочныя воды», но получили тогда отказъ и переселились уже, вѣроятно, позднѣе, послѣ милостиваго разрѣшенія Александра I, лично побывавшаго въ молочныхъ колоніяхъ. Кто изъ духоборцевъ,

когда и за что именно былъ впослѣдствіи ссылаемъ въ Восточную Сибирь, мнѣ также неизвѣстно.

Въ Оёкской волости, Иркутскаго округа, въ 40 верстахъ отъ Иркутска, въ трехъ верстахъ отъ огромнаго села Оёка, имѣющаго $3^1/_2$ тыс. жителей, находится весьма ординарное по внѣшному виду, по земельнымъ и другимъ экономическимъ условіямъ, село Котинское, съ 150 дворами старожиловъ-сибиряковъ и десяткомъ дворовъ пришлаго населенія. Въ селѣ есть свой причтъ и церковь, построенная иркутскимъ жертвователемъ купцомъ, бывшимъ котинскимъ крестьяниномъ; есть кабакъ, содержимый другимъ купцомъ, только еще намѣревающимся построить гдѣ нибудь церковь, во искупленіе совершенныхъ имъ грѣховъ; есть и мелочная лавочка «политическаго ссыльнаго изъ дворянъ» (т. е. участника польскаго возстанія), пускающаго тысячъ пять денегъ въ оборотъ за «христіанскіе» проценты, 40—80 годовыхъ, подъ залогъ покосныхъ паевъ, пашни, коровъ, лошадей и прочаго имущества крестьянъ, которые называютъ его за это своимъ «благодѣтелемъ»; словомъ, К. село какъ село и замѣчательно въ ряду прочихъ только тѣмъ, что служитъ единственнымъ пунктомъ хотя слабаго развитія духоборческой секты въ Иркутской губерніи.

До пріѣзда въ К. я зналъ относительно мѣстныхъ духоборцевъ только то, что ихъ тамъ имѣется около 40 душъ; свѣдѣнія о зарожденіи секты, объ ея ростѣ, объ отношеніяхъ православныхъ къ духоборцамъ—разсказалъ мнѣ тамошній сельскій писарь, мѣстный крестьянинъ, далеко не похожій на господствующій типъ писарей изъ ссыльно-поселенцевъ, пьяныхъ, пронырливыхъ и вороватыхъ. Лѣтъ 20 назадъ, мать одного изъ котинскихъ крестьянъ, бывшая за какія-то провинности въ ссылкѣ въ Якутской области, вернулась оттуда въ родное село въ сопровожденіи какого-то «смирнаго на видъ старичка». Этотъ гость скромненько перезимовалъ въ селѣ зиму, на весну ушелъ, неизвѣстно куда, но оставилъ прочные слѣды своего пребыванія въ К.: спустя нѣкоторое время три или четыре семьи мѣстныхъ старожиловъ торжественно, на сходѣ, отказались вносить ругу духовенству, доставлять дрова въ церковь и причту, платить квартирныя деньги псаломщику, словомъ заявили, что «относить» какія бы то ни было церковныя повинности они больше не будутъ, а въ подтвержденіе своихъ словъ о разрывѣ съ православіемъ отнесли бывшія у нихъ иконы въ церковь. На вопросы удивленныхъ односельцевъ, что все это значитъ, диссиденты заявили, что отнынѣ они церковь, таинства, обряды и священниковъ знать не хотятъ, что они стали «духовными христіанами, духоборами».

— Мы ходили до днесь во мракѣ и только теперь нашли истинную вѣру и путь ко спасенію! отвѣчали они торжественно.

Конечно, такой крупный фактъ не могъ пройти незамѣченнымъ со

стороны «наблюденіе имѣющихъ»... Сектантамъ приходилось первое время довольно круто. Но они твердо перенесли искусъ, и существованіе секты въ К. было, наконецъ, признано офиціальнымъ порядкомъ: выданы были въ волости книги для записи рожденій, браковъ и смерти сектантовъ, а внушенія прекратились или стали менѣе настойчивыми. Православные стали «относить» церковныя повинности за сектантовъ, наваливъ за это на нихъ лишнія подводы и другія мірскія службы, не имѣющія отношенія къ церкви.

За истекшія двадцать лѣтъ къ сектѣ присоединилось въ разное время еще четыре крестьянскихъ семьи, такъ что теперь ихъ считается уже 20 мужчинъ и 23 женщины; тѣмъ не менѣе, такой ростъ секты надо считать очень медленнымъ, если сравнить его съ неимовѣрно быстрыми успѣхами сектантскихъ пропагандъ въ Россіи. Нынѣшнее отношеніе православныхъ къ сектантамъ въ Оекской волости и въ сосѣднихъ можно назвать сдержанно-любопытнымъ: каждый изъ сыновъ истинной церкви съ недовѣрчивымъ любопытствомъ, иногда маскируемымъ пренебреженіемъ, наблюдаетъ за дѣйствіями своихъ сосѣдей-еретиковъ, какъ будто находясь въ постоянномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ они выкинутъ какую нибудь «штуку». Православные выражаютъ свое общее мнѣніе о духоборахъ приблизительно такъ: «ничего худого не видали, окромя того, чѣмъ мы сами грѣшны; пьянство этого у нихъ и въ заведеньи нѣтъ; о спасеніи души заботятся много больше нашего, только по своему, извѣстно; ну, а вотъ то не хорошо, что церкву, иконы и все прочее не почитаютъ».

Но если затронуть въ разговорѣ съ котинцами экономическую связь между этими двумя сторонами, то православные непремѣнно начинаютъ говорить обиженнымъ тономъ объ отказѣ духоборцевъ «относить» церковныя повинности.

— Да вѣдь вы жъ навалили на нихъ лишнія повинности за освобожденіе отъ руги и прочаго?

— Такъ-то оно такъ, а все-жъ обидно!...

Съ своей стороны духоборцы объясняли, что они относятъ лишнихъ мірскихъ повинностей на сумму вдвое бо́льшую, чѣмъ стоили бы всѣ церковныя, отъ которыхъ они отказались.

— Рады притѣснить насъ, потому что ихъ — сила, цѣлое воинство, а насъ — горстка. Ну, да мы и не то еще претерпѣть готовы за правую вѣру!

Въ числѣ домохозяевъ котинскихъ, съ которыми я бесѣдовалъ о «земельномъ удовольствіи» и объ общественныхъ дѣлахъ и распорядкахъ, былъ одинъ духоборъ, только недавно еще покинувшій православіе, какъ мнѣ шепнулъ писарь. Улучивъ моментъ, когда на насъ никто не обращалъ вниманія, я спросилъ неофита:

— Вы, вѣдь, духоборъ?

Онъ пристально и недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, но поспѣшилъ отвѣтить утвердительно.

Вечеромъ, по окончаніи занятій, я спросилъ писаря, не проводитъ-ли онъ меня къ давешнему духобору, и ловко-ли будетъ заявиться къ нему незваннымъ гостемъ? Писарь разсѣялъ всѣ мои на этотъ счетъ сомнѣнія, и мы пошли по кривымъ, узкимъ переулкамъ села. У маленькой, неказистой на видъ, избы съ полуразрушенной оградой двора, писарь остановился.

— Вотъ, это и есть изба Николая Петровича. Что-жъ, стучать?

— А вы какъ, — войдете, или мнѣ одному идти? Васъ онъ не постѣснится?

— Нѣтъ, онъ завсе просто! Они меня знаютъ.

Нашъ стукъ въ ворота и лай собаки вызвали хозяина на дворъ.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ, пріотворивъ калитку.

Я сталъ такъ, чтобы лунный свѣтъ падалъ мнѣ на лицо, и отвѣтилъ вопросомъ на вопросъ:

— Незванныхъ гостей принимаете, Николай Петровичъ?

Онъ нѣсколько смѣшался отъ неожиданности, но тотчасъ же постарался овладѣть собой и утрированно-спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Гость гостю рознь: всякіе гости бываютъ!... Пожалуйте.

Внутренняя обстановка избы оказалась также очень бѣдной. Четвертая часть пространства была занята поосѣвшей уже отъ дряхлости русской печкой; на маленькомъ «очагѣ», врѣзанномъ въ углу этой печи въ полутора аршинахъ отъ пола, ярко горѣли мелко наколотыя три-четыре полѣнца дровъ, распространяя по всей избѣ тепло и свѣтъ (бѣдные сибирскіе крестьяне освѣщаютъ такимъ образомъ свое жилище въ теченіи всей зимы); старыя черныя палати низко нависли надъ дверью; въ углу стояла кровать съ рваной кошмой вмѣсто тюфяка и съ двумя засаленными подушками; въ «красномъ» углу — столъ; по двумъ стѣнамъ — лавки. Иконъ не было; но по стѣнамъ, образующимъ «красный» уголъ, висѣло нѣсколько олеографій: портреты царствующей фамиліи; группа «европейскихъ государей», между которыми, впрочемъ, виднѣлся и Шахъ персидскій; «широкій и тѣсный пути», — картина, на которой изображены господа и дамы, въ курьезнѣйшихъ кафтанахъ и платьяхъ, направляющіеся черезъ широкія ворота въ адъ, и нѣсколько мужиковъ, странниковъ и монаховъ, проникающихъ черезъ узкія ворота въ царство небесное; «Искушеніе Іисуса Христа діаволомъ» — картина, изданная «Посредникомъ», и нѣкоторыя другія, но отнюдь не любовнаго и не юмористическаго содержанія.

Въ избѣ, кромѣ хозяина и его семьи — жены и двухъ дѣтей, были еще двое крестьянъ, зашедшихъ — очевидно — «на минутку» и сидѣв-

шихъ съ шапками въ рукахъ: одинъ изъ нихъ, совсѣмъ заурядный, съ виду, крестьянинъ курилъ трубку; другой — и болѣе чистой одеждой своей, и широкимъ, сытымъ лицомъ, походилъ скорѣе на «дворника», т. е. содержателя постоялаго двора, нежели на крестьянина-хлѣбопашца. При моемъ входѣ хозяйка засуетилась, бросилась стирать что-то со стола, хотя онъ былъ вполнѣ чистъ, зажгла маленькую коптящую лампочку, поправила дрова на очагѣ, присѣла къ люлькѣ, въ которой запищалъ ребенокъ. Хозяинъ тоже не зналъ, что́ дѣлать съ своей высокой фигурой, и безъ толку топтался около стола, наблюдая за хлопотами жены. Всѣхъ невозмутимѣе оказался толстолицый гость.

— Вотъ, ихъ благородіе захотѣли посмотрѣть, какъ ты живешь, Николай Петровичъ, — въ видѣ слабой рекомендаціи замѣтилъ писарь и усѣлся на кровать, рядомъ съ курившимъ гостемъ.

— Что-жъ, милости просимъ! Мы хорошему человѣку рады...

Наступила пауза; прервать ее, конечно, слѣдовало мнѣ. Я оглядѣлся кругомъ, въ надеждѣ найти тему для разговора, и къ счастью скоро нашелъ ее: спросилъ о цѣнѣ керосина и о томъ, распространяется-ли его употребленіе въ деревняхъ? Меня спросили, какова его цѣна въ Россіи? Потомъ перешли къ цѣнамъ на прочіе товары въ деревенской лавочкѣ; отсюда ужъ рукой было подать къ разсужденіямъ о благодѣяніяхъ, оказываемыхъ нуждающимся въ кредитѣ крестьянамъ «дворянином изъ ссыльныхъ»; потомъ коснулись устройства ссудо-сберегательныхъ волостныхъ кассъ, и т. д. Разговоръ сдѣлался довольно оживленнымъ, хотя его поддерживали, кромѣ меня, только двое: сытый мужикъ и писарь, прочіе же почти все время молчали.

Я не зналъ, удобно ли переходить къ вопросамъ о вѣрѣ, въ виду присутствія гостей, отношенія которыхъ къ хозяину были мнѣ неизвѣстны; но въ одну изъ маленькихъ паузъ сытый мужикъ самъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы вотъ, по всему видать, россійскіе будете: а на Капказѣ вы не бывали?

— Нѣтъ, не бывалъ, а кое что изъ книгъ знаю про него.

— Слыхать, тамъ наши духоборы живутъ. Ладно-ли тамъ жить-то?

— Это въ Закавказьи, около Ленкорани, въ Ахалцыхскомъ и Елисаветпольскомъ уѣздахъ?

— Вотъ, вотъ, эти самыя мѣста!... значитъ, доводилось бывать?

Я разсказалъ, что помнилось, о тамошнемъ климатѣ, объ условіяхъ жизни и проч. Они слушали со вниманіемъ, разспросили, далеко-ли это отъ Петербурга, далеко-ли отъ Иркутска, какъ туда проѣхать, и что будетъ стоить проѣздъ; на послѣдній вопросъ я не могъ дать сколько нибудь опредѣленнаго отвѣта, но подробно разсказалъ имъ возможные

маршруты; наконецъ, полюбопытствовалъ узнать, отчего ихъ такъ интересуетъ жизнь въ Закавказьи?

— Кто е знатъ, може еще туда ѣхать придется! Все жъ, тамъ братья наши по духу, а здѣсь — кругомъ чужіе. Обижаются на насъ, на счетъ руги и дровъ: грозятся еще и земли по десятинѣ съ души отнять... Какъ же тутъ жить?... А податься некуда: мѣста тѣсныя, все камень голый пойдетъ туда, къ морю (Байкалу); хотя и ничьи тамъ земли, а проку въ нихъ нѣтъ. Да и слухъ былъ у насъ, что начальство само отсюда насъ гнать хочетъ...

— Это ужъ который годъ толкуютъ, а все нѣтъ ничего, да и не будетъ, видно, никогда... Куда еще дальше гнать-то? замѣтилъ хозяинъ.

Я сталъ прощаться, считая первое посѣщеніе достаточно продолжительнымъ и надѣясь на слѣдующій день повидаться съ сектантами еще разъ.

— Что-жъ мало посидѣли? спросилъ Василій Николаевичъ, сытый мужикъ. — Побесѣдовали бы еще: мы хорошимъ разговорамъ очень рады бываемъ. А завтрашній день здѣсь еще пробудете? (отвѣтъ мой былъ утвердительный). — Такъ милости просимъ ко мнѣ вечеркомъ, коли не скучно покажется. Я тутъ же, наискосокъ живу, черезъ два двора.

— Пожалуйте, пожалуйте къ намъ, — приглашалъ и хозяинъ, провожая насъ до воротъ.

— Вотъ этотъ, толстый-то, самый главный братъ ихъ и есть, — замѣтилъ писарь, когда мы вышли на улицу. — Охъ, ужъ и ловки эти духоборы на языкъ!... Такъ заговоритъ, такъ заговоритъ тебя, что ты ему и слова въ отвѣтъ не скажешь!

— А какъ они между собой живутъ, — дружно?

— Видѣли? Другъ къ дружкѣ чуть не каждый вечеръ ходятъ, божественныя книги читаютъ, псалмы распѣваютъ, а такъ, чтобы въ жизни что-либо особливое отъ насъ было — этого не замѣтно. Вонъ, вы о полякѣ заговорили; а промежъ нихъ самихъ такіе есть, что у своихъ же братьевъ и покосные паи за полъ-цѣны скупаютъ, и землю въ закладъ берутъ... У Николая, гдѣ были, почитай — ѣсть нечего; а у Василія — завтра посмотрите — домъ, что купецкая хоромина! Значитъ, кажный самъ по себѣ живи и бейся, все равно, что у насъ... Ну, и насчетъ женскаго пола тоже примѣчали кое-что за ними: молодой бабѣ, гдѣ старикъ есть, плохо жить въ семьѣ... Наглядѣлись мы на нихъ достаточно, на сладкопѣвцевъ!... Ну, вотъ и фатера ваша! Прощенья просимъ, покойной ночи!

Вечеромъ на слѣдующій день я входилъ въ большую чистую избу Василія. Надежды мои оправдались: очевидно, предстояло моленье, такъ какъ уже человѣкъ пять «братьевъ» сидѣло въ горницѣ; тутъ же были и члены семьи Василія: его жена, совершенная уже старуха (а самъ

онъ казался на видъ не старѣе 45 лѣтъ, хотя ему было подъ шестьдесятъ), двѣ дочери лѣтъ по двадцати съ небольшимъ и сынъ лѣтъ 12-ти. Меня встрѣтили какъ знакомаго, безъ стѣсненія. Тотчасъ поданъ былъ кирпичный чай въ чашкахъ съ топленымъ молокомъ, яйца въ крутую, калачи изъ домашней пшеничной муки. Чаемъ угостили сначала одного меня, потомъ «братьевъ», которымъ хозяйка собственноручно раздала по куску калача и по кусочку сахара. Большинство выпило только по одной чашкѣ, вѣроятно—изъ деликатности.

За чаемъ разговоръ зашелъ научнаго характера. Кто-то вспомнилъ о солнечномъ затмѣніи 7 августа 1887 года; другой припомнилъ случаи луннаго затмѣнія; цѣлымъ рядомъ вопросовъ меня поощрили прочесть нѣчто вродѣ лекціи о причинѣ затмѣній, о днѣ и ночи, о временахъ года: при помощи лампы и двухъ шанегъ (кругленькихъ булочекъ) я наглядно объяснилъ, какъ ходитъ земля вокругъ солнца, какъ вокругъ нея ходитъ луна, и проч. Всѣ слушали съ огромнымъ вниманіемъ и довѣріемъ, не дѣлая скептическихъ замѣчаній; вопросы были дѣльные, и нѣкоторыхъ цифровыхъ отвѣтовъ я даже не съумѣлъ дать на память со всею точностью. Изъ разговора оказалось, что у нѣкоторыхъ собесѣдниковъ были свои представленія о причинѣ разныхъ фазъ луны: они думали, что ее застилаетъ отъ нашихъ взоровъ какая нибудь темная «планида», которая ходитъ вокругъ земли. Вообще, весь этотъ эпизодъ произвелъ на меня очень отрадное впечатлѣніе: видно было, что этимъ людямъ не чужда гимнастика мысли, что они обладаютъ извѣстной пытливостью ума, и если они бродятъ въ полумистическихъ извилинахъ духоборческаго ученія, то не ихъ въ томъ вина, потому что жизнь не дала имъ ничего лучшаго, не дала ихъ стремленію къ усовершенствованію себя другого, болѣе разумнаго, направленія. Мнѣ припоминается мое трехлѣтнее пребываніе среди крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній Россіи: ни разу мнѣ не пришлось вести тамъ столь продолжительнаго научнаго разговора, и ни разу я не имѣлъ тамъ столь внимательныхъ и любознательныхъ собесѣдниковъ. Относительно ущербовъ и нарожденій луны моимъ черноземнымъ пріятелямъ не было почти никакого дѣла; мнѣ ни разу не пришлось слышать отъ нихъ какого нибудь хотя-бы дѣтско-наивнаго толкованія этихъ явленій, хотя бы въ родѣ того, что «ангелы крошатъ мѣсяцъ на звѣзды»; тамъ получался на мои вопросы одинъ отвѣтъ: «а кто е знаетъ!.. Намъ не въ домекъ»!..

Конечно, маленькая группа духоборцевъ не можетъ служить для характеристики настроенія умовъ у сибирскихъ крестьянъ вообще: эти послѣдніе, какъ я уже имѣлъ случай указывать въ одномъ изъ предъидущихъ очерковъ, мало интересуются вопросами отвлеченнаго характера, хотя бы и не религіозными только; но вопросы болѣе практиче-

скаго свойства затрогиваютъ очень чувствительно даже средняго сибиряка. Напримѣръ, слухъ о желѣзной дорогѣ производилъ повсемѣстно чуть-ли не сенсацію, и всѣ—съ кѣмъ ни приходилось бесѣдовать, интересовались узнать, что́ именно представляетъ изъ себя «чугунка», какой силой она работаетъ, много ли можетъ везти товаровъ машина, сколько верстъ въ день она проходитъ, и т. д. Духоборцы являются, слѣдовательно, по своей любознательности, сливками мѣстнаго крестьянства: ихъ интересуетъ не только «чугунка», которая такъ или иначе отзовется на карманныхъ интересахъ населенія, но и болѣе отдаленно стоящіе отъ практической жизни вопросы.

Отпили чай. Хозяйскія дочери, убравъ посуду, присѣли тутъ же, съ шитьемъ въ рукахъ; мальчикъ залѣзъ въ передній уголъ и вынулъ изъ ящика стола двѣ довольно истрепанныя книжки. Братія сидѣла на кровати, на лавкахъ, самъ же хозяинъ помѣстился—безъ умысла или преднамѣренно, не знаю—чуть ли не на корточкахъ, на порогѣ двери, ведшей изъ большой комнаты за перегородку: онъ занималъ, такимъ образомъ, самое низкое мѣсто въ ряду прочихъ.

— Не почитать-ли намъ, братія?... Ну-ка, Сеня, прочти главу 13-ую посланія къ Римлянамъ,—сказалъ онъ.

Никакихъ обрядовъ, которые производятся по отзыву изслѣдователей этой секты—передъ началомъ моленія здѣсь не было совершено; даже женщины и мужчины остались сидѣть въ перемежку, не раздѣлившись на двѣ стѣны; всѣ продолжали сидѣть въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, какъ и до чтенія; одинъ даже докуривалъ, не торопясь, трубку. Мальчикъ сталъ читать довольно бойко. По окончаніи чтенія главы всѣ вполголоса проговорили: «спаси Господь»! Это дѣлалось также и послѣ каждаго послѣдующаго чтенія и пѣнія.

— Такъ вотъ что завѣщалъ намъ ученикъ Христовъ,—пояснилъ хозяинъ: «всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ». И далѣе: «отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому честь, честь»... Значитъ, начальники—служители божьи. Поэтому мы ихъ почитаемъ и повинуемся имъ; подати тоже плотимъ всѣ, которыя властями установлены, а не другія прочія какія. Ну, и чести воздаемъ, кому слѣдуетъ, а не всѣмъ, кому это желательно.

Очевидно было, что все это и многое изъ послѣдующаго говорилось непосредственно по моему адресу.

— Ну-ка, Сеня, прочти главу 23-ю отъ Матѳея!

...«А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ учитель, Христосъ; всѣ же вы братья»... читалъ Сеня. «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что поѣдаете домы вдовъ и лицемѣрно

долго молитесь... Вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія»...

Опять «спаси Господи» и толкованіе.

— А это мы считаемъ сказаннымъ про другую власть на землѣ, не мірскую... Поэтому ее не почитаемъ и знать не хотимъ! А знаемъ мы, братья, одного только Учителя и Наставника нашего Господа Іисуса Христа.

— Помнится, что писали гдѣ-то, будто духоборцы священныхъ книгъ не признаютъ, считая достаточнымъ одно преданіе, которое есть плодъ внутренняго откровенія или просвѣщенія Бога-Слова, и что библія и евангеліе замѣнены у васъ «книгой живота», т. е. собраніемъ измѣненныхъ псалмовъ Давида [1])? спросилъ я.

— Это, можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ, а мы почитаемъ и евангеліе, и посланія.

— А никакихъ позднѣйшихъ молитвъ и писаній святыхъ отцовъ не признаете?

— Мы принимаемъ только «Отче нашъ», дарованную намъ Господомъ, и еще начало: «вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя». И только.

На мой вопросъ—«почему же изъ символа вѣры взяты ими только первыя слова»? — мнѣ отвѣтилъ хозяинъ: «дальше намъ не нужно». Этимъ онъ призналъ косвенно, что божественность Іисуса Христа понимается ими весьма условно. Но тутъ-же я былъ пораженъ слѣдующимъ отвѣтомъ на мой вопросъ о крещеніи.

— Какъ же, мы младенцевъ крестимъ «во имя Отца, и Сына, и Духа Свята», и тутъ же имя даемъ.

— Вѣдь это такъ же, какъ и у православныхъ?

— Именъ своихъ не выдумаешь. Мы по святцамъ назначаемъ. Только, если попадаются епископы, или преподобные — этихъ пропускаемъ.

— А хороните, вѣнчаете сами?

— Сами. Бракъ у насъ объявляется въ собраніи всѣхъ братій: этого считаемъ достаточнымъ. Только еще псалмы читаемъ, подходящіе къ этому дѣлу.

— Вѣдь вотъ, всѣ вы, почтенные, были прежде православными. Помните, какія чудныя молитвы есть, напримѣръ, хоть въ чинѣ погребенія? Отчего вы ихъ всѣ отвергли и кромѣ псалмовъ ничего не читаете? Не все-ли равно, кто сочинилъ молитву, лишь-бы она сердцу говорила?

— Очень я ихъ всѣ хорошо знаю. Я прежде въ церковь часто ходилъ, все думалъ тамъ истинный путь ко спасенію обрѣсть. Только все

---

[1]) Н. Ивановскій: «Руководство по исторіи раскола».

это—не по душѣ мнѣ было: молитвы-то хороши, а какъ читаютъ ихъ!? Пусть-же они ими и владаютъ!

— А иконъ почему не признаете?

— Икона—дѣло рукъ человѣческихъ, иногда и нечистыхъ: какъ же ей покланяться? А покланяемся мы единому Господу, какъ въ евангеліи сказано: «Гдѣ двое или трое собрались во имя Мое, тамъ и Я среди нихъ». Вотъ мы и собираемся, сколь возможно чаще, во имя Его, чтобы Онъ былъ чаще среди насъ. Прочтемте нѣсколько псалмовъ, братія.

И онъ первымъ сталъ говорить псаломъ 10-й: «на Господа уповаю». Потомъ старуха, все время сидѣвшая неподвижно, съ ясной черточкой фанатизма на морщинистомъ лицѣ, восторженно проговорила псаломъ 90-й: «живущій подъ кровомъ Всевышняго». Далѣе, старшая дочь хозяина, опустивъ свое рукодѣлье на колѣна, сказала псаломъ 113-й; за ней говорили разные псалмы всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, рядомъ со мной сидѣвшаго, крестьянина. Слова выговаривались всѣми отчетливо, хотя дикція была однообразная и вялая. Дѣлались-ли какія-нибудь отступленія отъ текста при чтеніи, я не могъ замѣтить, потому что не имѣлъ книги въ рукахъ для справокъ.

— Вѣдь вы, кажется, всѣ неграмотные: какъ-же вы заучивали эти длинные псалмы?

— А вотъ, Сеня читаетъ, а мы за нимъ повторяемъ: такъ и выучиваемъ.

— Иному, страсть, легко дается, замѣтилъ мой сосѣдъ. — Вотъ ей (онъ указалъ на дѣвушку) довольно два или три раза прослушать — и готово: все, до словечка, запомнитъ! А у меня вотъ память плоха, что-ли, или Господь не допущаетъ: никакъ заучить не могу! Бьюсь, бьюсь, одинъ стихъ выучу, другой забуду.

— И по многу псалмовъ прочіе знаютъ?

— Да вотъ, она, кажется, болѣе сорока знаетъ.

— Сорокъ два,—сказала дѣвушка, не поднимая глазъ отъ работы.

— Что-жъ, братія, споемте что-нибудь: они, вотъ, послушаютъ, — предложилъ хозяинъ.

Спѣли нѣсколько псалмовъ. Всѣхъ тверже «выводили голосомъ» старуха и самъ хозяинъ, который запѣвалъ, а прочіе подхватывали съ третьяго или четвертаго слова.

— Совсѣмъ что-то нѣтъ голоса сегодня! замѣтилъ во время паузы одинъ изъ братіи, усердно откашливаясь и отплевываясь.

Напѣвы псалмовъ были весьма заунывны и нѣкоторые отличались при этомъ задушевностью. Особенно понравился мнѣ напѣвъ псалма 99-го: «воскликните Господу, вся земля!»

Было уже одиннадцать часовъ вечера. Я сталъ прощаться и благодарить за оказанное мнѣ довѣріе и радушіе пріема.

— Васъ покорнѣйше благодаримъ, что посѣтили насъ, не погнушались! Какъ-же, однако, васъ звать и вспоминать? спросилъ хозяинъ.

Я далъ свою визитную карточку и еще разъ пожалъ всѣмъ руки.

— Будете еще разъ въ нашихъ краяхъ,—не объѣзжайте, сдѣлайте милость!

— Навѣщайте, покорнѣйше просимъ, будемъ рады,—говорили и другіе.

Но увидѣть кого нибудь изъ нихъ еще разъ—мнѣ не пришлось; а пришлось узнать недавно изъ газетъ, что «такого-то числа въ губернскомъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію крестьянина с. Котинскаго Н., принадлежащаго къ сектѣ духоборцевъ, въ произнесеніи на сельскомъ сходѣ кощунственныхъ словъ», и т. д. Обвиняемый былъ тѣмъ самымъ молчаливымъ и угрюмымъ духоборцемъ-неофитомъ, къ которому я такъ безцеремонно забрался въ гости. Почему именно онъ попалъ на скамью подсудимыхъ? Долго сдерживаемое-ли негодованіе на притѣсненіе со стороны общества внезапно вскипѣло въ немъ и вырвалось потокомъ укоризненныхъ и бранныхъ словъ, или-же онъ за этотъ промежутокъ времени сталъ, благодаря постороннимъ вліяніямъ, фанатикомъ, рѣшившимъ «пострадать за правую вѣру», закрѣпить этимъ союзъ общины и обратить на нее сочувственное вниманіе колеблющихся изъ числа окрестнаго населенія? Сухая газетная замѣтка сообщала только, что обвиняемый былъ признанъ судомъ за дѣйствовавшаго безъ яснаго разумѣнія и приговоренъ, поэтому, лишь къ легкому наказанію. А черезъ нѣкоторое время я прочелъ другую газетную замѣтку, въ которой сообщалось о сильной засухѣ въ сѣверномъ раіонѣ Иркутскаго округа и о томъ, что котинское общество считаетъ ее карой, ниспосланной на православныхъ за поблажки, оказываемыя ими духоборцамъ, а потому рѣшило: отрѣзать отъ ихъ надѣловъ по одной десятинѣ пашни.

Сбылись опасенія брата Василія! Такимъ образомъ, для этой духоборческой группки наступаетъ новый періодъ «искусовъ». Причины его наступленія трудно объяснить отсюда, за шесть тысячъ верстъ отъ мѣста: все сводится, можетъ быть, къ тому, что произошла какая нибудь неблагопріятная для духоборцевъ перемѣна въ составѣ волостного, или иного высшаго ранга, начальства; а, можетъ быть, по причинѣ земельнаго оскудѣнія сельское общество задумало вовсе вытѣснить мірскихъ отщепенцевъ изъ ихъ гнѣздъ куда нибудь, «за Капказъ», куда и сами духоборцы, повидимому, не прочь-бы переселиться, еслибъ ихъ не пугало огромное разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ тамошнихъ «братьевъ по духу».

Такова та группа «духоборовъ», съ которой мнѣ пришлось слегка познакомиться на одной изъ отдаленныхъ окраинъ Россіи. Какъ ни бѣгло было это знакомство, но можно-бы, кажется, и на основаніи его

вывести заключеніе, что исповѣданіе иркутскихъ духоборцевъ во многомъ разнится отъ болѣе прочно установившихся духоборческихъ ученій въ Россіи. Этой разницѣ въ догматахъ и обрядахъ значительно способствуетъ оторванность группы котинскихъ полумистиковъ, полурационалистовъ отъ ихъ братій, русскихъ духоборцевъ.

П. Астыревъ.

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ.

Весеннія радости и печали. — Эпидеміи и недостатокъ медицинской помощи. — Предположенное медицинскимъ департаментомъ увеличеніе медицинскаго персонала особыми врачами-практиками. — Затруднительный и недостаточно ясный вопросъ для земскихъ аптекъ. — Виды на урожай и недостатокъ продовольственныхъ средствъ и сѣмянъ. — Опубликованное въ этихъ видахъ правительственное распоряженіе о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ на хлѣбные грузы. — Произволъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ.

Хоть и стоятъ еще морозы, но солнышко свѣтитъ и грѣетъ уже по вешнему. Газеты сообщаютъ, что Днѣпръ, Днѣстръ, Ингулъ, Висла и другія рѣки средней и южной полосы вскрылись и выступаютъ изъ береговъ. Кое-гдѣ настоящія наводненія и вездѣ много воды, потому что зима была очень снѣжной и суровой. Словомъ, весна вступаетъ въ свои права, сгоняетъ снѣжный покровъ съ земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ согрѣваетъ и радуетъ и назябшагося за зиму человѣка. Не говоря уже о людяхъ бездомныхъ и совсѣмъ несчастныхъ, радуются и извощикъ, и почтальонъ, и рабочій, которому приходилось работать на дворѣ; и старикъ, и больной, и дѣти, которые зимою сидѣли взаперти и мало видѣли свѣжаго воздуха; и городской житель, который, вслѣдствіе заносовъ не получалъ по цѣлымъ недѣлямъ почты; и сельскій хозяинъ, у котораго мало корма скоту и хлѣбъ былъ не проданъ; и торговецъ съ накупленной осенью «партіей хлѣбовъ», на которые была заминка и стояли низкія цѣны. Заграничный спросъ на хлѣбъ теперь увеличился, цѣны поднялись, и дѣятельность южныхъ портовыхъ городовъ, говорятъ, начала очень оживляться. Но вмѣстѣ съ вешними радостями, вмѣстѣ съ оттаиваніемъ земли, оттаиваютъ также и обычныя наши печали: эпидеміи, эпизоотіи, недостатокъ сѣна, соломы, хлѣба (до новыхъ еще далеко), исканіе заработковъ и передвиженіе съ этою цѣлью многихъ тысячъ людей на югъ, исканіе денегъ для покупки сѣмянъ и скота, исканіе земли для посѣва, переселенческое движеніе и т. д. Все это на зиму точно подмерзаетъ и снѣжкомъ припорошивается, пріостанавливается

или становится не такъ замѣтно, хотя нѣкоторыя эпидеміи, вслѣдствіе плохихъ жилищъ, скученности обитателей и дурныхъ гигіеническихъ условій, зимою несомнѣнно увеличиваются. Въ провинціальныхъ газетахъ въ настоящее время не мало извѣстій съ разныхъ сторонъ объ эпидемическихъ болѣзняхъ и недостаткѣ медицинской помощи. Скарлатина, начавшаяся въ Вяткѣ съ осени прошлаго года, «не только не ослабѣваетъ до сихъ поръ, но постепенно увеличивается, унося все новыя и новыя жертвы». Въ особенно тяжелой формѣ, со смертными случаями, оказалась она у учениковъ духовнаго училища. «Заболѣвшіе доставляются въ губернскую земскую больницу, гдѣ, за переполненіемъ заразныхъ павильоновъ, больныхъ приходится класть вмѣстѣ съ другими больными въ общій большой корпусъ больницы» («Смол. Вѣстн.», 8 марта 1891 г.). Въ Таврической губ. злобою дня также является борьба съ скарлатиной, дифтеритомъ и разными другими эпидеміями, «которыя въ этомъ году произвели *опустошеніе* среди крестьянскихъ дѣтей». По словамъ газеты «Крымъ», въ нѣкоторыхъ уѣздахъ болѣзни носятъ постоянный характеръ, свили себѣ тамъ прочное гнѣздо и «прекращаются лишь на короткое время, чтобы вскорѣ появиться съ удвоенной силой». Харьковская губернія не отстаетъ отъ Крыма. Корреспондентъ «Кіевскаго Слова» говоритъ, что въ Старо-Константиновскомъ уѣздѣ, Волынской губ., въ особенности въ бывшей Ожиговецкой волости, «ни одна зима не проходитъ безъ того, чтобы не подарить аборигеновъ и пришельцевъ какой нибудь эпидемической болѣзнью: два года тому назадъ тамъ свирѣпствовали тифъ и скарлатина, въ прошлую зиму инфлуэнца, а въ нынѣшнюю—свинка и плевритъ, часто переходящій въ крупозное воспаленіе легкихъ и даже чахотку». Между тѣмъ, — жалуется корреспондентъ,—«врачебной помощи, почти никакой.» Правда, въ мѣстечкѣ Базаліи два или три года существуетъ сельская больница, подъ наблюденіемъ живущаго тамъ сельскаго врача; тамъ-же есть фельдшеръ и повивальная бабка; но въ больницѣ этой, «насколько извѣстно, еще не лечился ни одинъ изъ ожиговецкихъ крестьянъ». И докторъ тамъ былъ «замѣчательный: онъ иначе не осматривалъ больныхъ, какъ въ перчаткахъ, а выслушивалъ и выстукивалъ ихъ своею тростью». Крестьяне очень рады, что онъ перешелъ въ другое вѣдомство: «авось, тамъ будетъ менѣе брезгливъ». «Сельскій фельдшеръ, продолжаетъ корреспондентъ, живетъ въ 15 верстахъ, и наше мѣстечко имѣетъ счастіе видѣть его два, много три раза въ годъ, когда онъ пріѣзжаетъ къ намъ прививать предохранительную оспу, за которую получаетъ особое отъ жалованья вознагражденіе». Не имѣя возможности пользоваться разумной врачебной помощью, крестьяне изыскиваютъ средства лечиться домашними снадобьями или заговорами, за которыми обращаются къ знахарямъ и знахаркамъ. Изъ сел. Чардахло, Елисаветпольской губ., пишутъ:

«Чрезвычайно неблагопріятная для сельскаго хозяйства зима настоящаго года породила много болѣзней среди населенія, а также эпизоотію, которая можетъ въ конецъ подорвать и безъ того не очень благополучное хозяйство нашихъ сельчанъ. Среди людей свирѣпствуютъ корь, оспа, скарлатина и другія болѣзни, отъ которыхъ не только погибаютъ дѣти, но даже и взрослые. Развитію эпидемій способствуютъ антисанитарное состояніе нашего селенія, вредныя суевѣрія между обывателями и почти полное отсутствіе медицинской помощи. Такъ, заболѣваніе кого-либо оспою или даже другою болѣзнью, похожею на нее, считается и здѣсь, какъ во многихъ мѣстахъ Закавказья, за посѣщеніе особаго ангела, именуемаго Хрештакъ; поэтому лечить эту болѣзнь нельзя, на больного смотрятъ какъ на отличеннаго особою милостью Божіею, ходятъ поздравлять его и его семейство, и такимъ образомъ легко распространяютъ заразу. Печальнѣе всего, что армянское сельское духовенство не обращаетъ на это должнаго вниманія» («Волжск. Вѣстн.», № 43, 1891 г.).

Мы могли-бы привести много подобнаго рода сообщеній, но это заняло бы слишкомъ много мѣста и только утомило-бы читателя. Посмотримъ лучше, какъ съ этимъ быть, что для этого предпринимается и предлагается. Болѣе или менѣе правильная постановка сельской медицины началась у насъ только съ появленія на свѣтъ земскихъ учрежденій. Почти всѣ земства, въ той или иной мѣрѣ, потрудились надъ этимъ труднымъ вопросомъ и кое-что для него сдѣлали, а въ нѣкоторыхъ земствахъ, начиная съ достаточнаго числа больницъ и амбулаторныхъ пунктовъ и кончая прекраснымъ составомъ врачей, устройствомъ земскихъ аптекъ и даровою раздачею лекарствъ, медицинская часть поставлена вполнѣ правильно и довольно хорошо; но, несмотря на это, нельзя не сказать: 1) что врачей для сельскаго населенія даже въ лучшихъ земствахъ у насъ все-таки мало, и 2) что одна медицина, даже при идеальной постановкѣ дѣла, безсильна въ борьбѣ съ плохими условіями жизни и бѣдностью, этими главными факторами всевозможныхъ болѣзней. Самоотверженная работа врачей очень часто превращается въ Сизифову работу. Изъ свѣдѣній, опубликованныхъ недавно медицинскимъ департаментомъ, о численности и распредѣленіи у насъ врачебнаго персонала, видно, что число врачей, сравнительно съ населеніемъ, крайне незначительно и что притомъ наибольшее число врачей скучено въ большихъ городахъ и въ столицахъ, а села и деревни находятся въ крайне безпомощномъ положеніи. Одно время думали помочь горю фельдшерскими пунктами и усиленіемъ состава фельдшеровъ; нѣкоторыя земства даже сокращали число врачей, въ пользу увеличенія числа фельдшеровъ; но мысль эта, какъ мало-основательная, распространенія не имѣла. Фельдшера и фельдшерскіе пункты хороши только при врачахъ, подъ ихъ руководствомъ и контролемъ. Есть, разумѣется, фельдшера, которые лечатъ лучше врачей, но это исключеніе, а за правило слѣдуетъ считать, что полузнающіе фельдшера никогда не сравнятся съ хорошими и знающими врачами. Будучи въ большинствѣ случаевъ людьми полуобразованными, они и въ другихъ отноше-

*

ніяхъ представляютъ меньше гарантій относительно внимательнаго и добросовѣстнаго отношенія къ населенію. Потомъ, думали дозволить лечить священникамъ, и въ этихъ видахъ предполагалось преподавать въ семинаріяхъ медицину. Толку изъ этого, вѣроятно, вышло-бы еще меньше: не говоря уже о прямыхъ обязанностяхъ священниковъ, самое преподаваніе медицины, вѣроятно, походило-бы на преподаваніе астрономіи въ женскихъ институтахъ и не давало-бы семинаристамъ основательныхъ знаній. Медицина — такой предметъ, который требуетъ прежде всего извѣстной подготовки, знакомства съ цѣлымъ большимъ отдѣломъ естественныхъ наукъ, а затѣмъ непремѣнно спеціальнаго преподаванія и клинической практики. Если у врачей, выходящихъ изъ медико-хирургической академіи и кончающихъ медицинскіе факультеты, замѣчаются нерѣдко пробѣлы въ знаніяхъ и подготовкѣ, то можно представить себѣ, какія знанія получались-бы въ семинаріяхъ, гдѣ медицина была-бы предметомъ второстепеннымъ, преподаваемымъ только между прочимъ и не клинически, а словесно и въ сокращенномъ видѣ по учебникамъ. Къ счастью, и этотъ планъ былъ оставленъ, въ виду того, чтобы не мѣшать духовенству въ исполненіи его прямыхъ обязанностей и не отвлекать его отъ дѣятельности по народному образованію, къ каковой оно вновь было призвано; но мысль создать низшій врачебный персоналъ, который могъ-бы подавать медицинскую помощь, снова теперь возникаетъ, а именно: предполагается создать спеціальный разрядъ людей, которые, при сравнительно большихъ знаніяхъ, посвятили-бы себя врачебной практикѣ въ селахъ и, не имѣя ученаго докторскаго званія, лечили-бы по толково выработанной рутинѣ. «Саратовскій Дневникъ» останавливается на извѣстіи, что въ этихъ видахъ медицинскій департаментъ проектируетъ:

«во всѣхъ университетскихъ городахъ открыть трехлѣтніе врачебные курсы для врачей-практиковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Обученіе на этихъ курсахъ будетъ чисто практическое, причемъ признано желательнымъ, чтобы курированіе больныхъ слушателями начиналось со второго курса, но не такъ, какъ это производится студентами въ клиникахъ, а болѣе практическимъ способомъ, причемъ кураторы и куратрисы должны сами производить всѣ работы, требуемыя леченіемъ. Такіе курсы будутъ безплатными, но успѣшно окончившіе ихъ должны будутъ обязательно прослужить извѣстное число лѣтъ въ пунктахъ, указанныхъ медицинскимъ департаментомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и нынѣ служатъ стипендіаты земствъ и другихъ учрежденій. Первоначально предполагалось допустить въ качествѣ слушателей такихъ курсовъ исключительно лицъ, окончившихъ среднія учебныя заведенія, т. е. реальныя училища, классическія гимназіи, женскія гимназіи и т. д., но по всей вѣроятности эти требованія будутъ значительно понижены, и на курсы будутъ приниматься тѣ, кто выдержитъ испытаніе по спеціальной программѣ, которая будетъ выработана на этотъ предметъ. Окончившимъ курсъ будетъ предоставлено заниматься леченіемъ и получать за свой трудъ, какъ вознагражденіе отъ правительства, земствъ и другихъ учрежденій, такъ и гонораръ отъ больныхъ. Врачи-практики по окончаніи обязательныхъ сроковъ службы могутъ поступать помощниками и помощ-

ницами къ дипломированнымъ врачамъ или лаборантами при врачебныхъ учрежденіяхъ, но права открывать такія учрежденія или стать во главѣ ихъ не будутъ имѣть. На курсы будутъ приниматься лица обоего пола не моложе 16 и не старше 40 лѣтъ, причемъ для несовершеннолѣтнихъ и замужнихъ требуется согласіе родителей и мужа. Молодыя дѣвушки, состоящія на курсахъ и неживущія при родителяхъ, должны жить въ общежитіяхъ при курсахъ» (№ 49, 1891).

Мы имѣли и прежде нѣчто подобное, въ видѣ лекарскихъ помощниковъ, съ тою только разницею, что тѣ не приготовлялись спеціально цѣлою массою. Вполнѣ сочувствуя всякому распространенію въ обществѣ полезныхъ знаній, мы, однако, сомнѣваемся, чтобы и эти врачи-практики могли замѣнять или какъ слѣдуетъ восполнить недостатокъ настоящихъ врачей. Сомнительно также, чтобы такого рода дѣятельность могла быть для многихъ привлекательной, если только, разумѣется, это не будутъ люди идеи или, наоборотъ, люди практической сноровки и ловкости, которые съумѣютъ не только хорошо устроиться, но и оттѣснить настоящихъ врачей. Несомнѣнно, что у насъ мало врачей, сравнительно съ населеніемъ, но несомнѣнно также и то, что не мало врачей сидятъ безъ мѣстъ и довольствуется крайне скудною практикою или самымъ незначительнымъ земскимъ жалованьемъ, за крайне тяжелый трудъ, проживая десятки лѣтъ гдѣ нибудь при сельской больницѣ, въ самой неприглядной обстановкѣ. Къ чести нашего медицинскаго сословія и учебныхъ заведеній, выпускающихъ врачей, слѣдуетъ сказать, что средній уровень ихъ знаній, а также и нравственныхъ качествъ стоитъ довольно высоко. Разумѣется, въ семьѣ не безъ урода, но врачи-бѣлоручки, подобные вышеуказанному, или стремящіеся только деньгу наживать, составляютъ меньшинство, если даже не исключеніе. Мы знаемъ врачей, которые, состоя на земской службѣ, прежде всего лечатъ тѣхъ больныхъ, которыхъ обязаны лечить, а затѣмъ ужъ занимаются частною практикою, которые не дѣлаютъ различія между бѣдными паціентами и богатыми или,—еще того лучше,—получая жалованье, ни съ кого и ничего за леченье не берутъ. Появленіе новыхъ врачей-практиковъ можетъ, не во всѣхъ, конечно, но въ значительномъ числѣ случаевъ, ухудшить ихъ положеніе: у однихъ уменьшить практику, у другихъ—размѣръ жалованья и заставить обратиться къ частной практикѣ; но главное дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что это можетъ происходить въ прямой ущербъ медицинскому дѣлу, на почвѣ конкурренціи полузнанія съ знаніемъ, причемъ послѣднее можетъ оказываться въ проигрышѣ вовсе не по существу, а въ силу недостатка одной только житейской ловкости и сноровки. Разъ есть потребность въ бо́льшемъ медицинскомъ персоналѣ, то мы не знаемъ, почему не гарантировать мѣстъ или опредѣленной дѣятельности бо́льшему числу настоящихъ врачей. Съ этой точки зрѣнія нельзя не сочувствовать другимъ предположеніямъ медицинскаго департамента, ко-

торыя связаны съ только что указаннымъ проектомъ и могутъ сами по себѣ составить цѣлую важную реформу въ медицинской части: это пересмотръ, согласно послѣднимъ требованіямъ науки и жизни, нынѣ дѣйствующаго врачебнаго устава и открытіе городскихъ больницъ и другихъ такого же рода учрежденій для учебно-врачебныхъ цѣлей, такъ какъ существующее число клиникъ всѣми и въ томъ числѣ самимъ медицинскимъ департаментомъ признается недостаточнымъ. Въ этомъ смыслѣ не менѣе также желательно и скорѣйшее открытіе женскихъ медицинскихъ курсовъ. А на наплывъ полузнаній въ жизнь, повторяемъ, нельзя возлагать серьезныхъ ожиданій. Мы ничего не имѣли бы противъ врачей-практиковъ, если бы они продолжали заниматься сами теоретически, что возможно, и черезъ нѣсколько лѣтъ могли бы во всѣхъ отношеніяхъ сравняться съ настоящими врачами; но этого не предусмотрѣно, такъ что, повидимому, они задуманы въ вполнѣ законченномъ видѣ. Понятно, что тутъ дѣло вовсе не въ дипломахъ и ученыхъ степеняхъ, а въ знаніяхъ, и свидѣтельство учебнаго заведенія или корпораціи можетъ имѣть значеніе только нѣкоторой гарантіи въ этомъ отношеніи. Если бы врачи-практики лечили гомеопатіей (гомеопатію можно было-бы предоставить и духовенству) или только хининомъ, рициной, арникой да тому подобными средствами, то мы ничего противъ нихъ не говорили бы; но для этого есть фельдшера и просто частные люди, а имъ предоставляется гораздо болѣе широкій кругъ совершенно самостоятельной дѣятельности. Вотъ противъ этого-то и возможности оттѣсненія ими настоящихъ врачей мы главнымъ образомъ и возражаемъ, такъ какъ рѣшительно ничего не имѣемъ ни противъ теоретическаго изученія естественныхъ наукъ, ни противъ краткаго преподаванія—не въ ущербъ другимъ предметамъ и призванію — практической медицины. Первыя имѣютъ прекрасное общеобразовательное значеніе, второе — каждому можетъ пригодиться въ жизни.

Не можемъ не отмѣтить нѣкотораго препятствія для будущихъ врачей-практиковъ, впрочемъ, и не для нихъ только однихъ... Въ томъ-же «Саратовскомъ Дневникѣ» читаемъ:

«Разосланное земствомъ новое разъясненіе сената относительно выдачи лекарствъ изъ земскихъ аптекъ вызвало въ средѣ гадячскихъ земцевъ и земско-медицинскаго персонала не мало горячихъ и недоумѣвающихъ толковъ о томъ, какъ теперь быть. По смыслу разъясненія, лекарства изъ земскихъ аптекъ могутъ быть выдаваемы только «дѣйствительнымъ» бѣднякамъ, — такимъ лицамъ, которыя по своей бѣдности не несутъ даже земскихъ платежей; прочимъ же лицамъ должны быть прописываемы рецепты для полученія лекарствъ изъ вольныхъ аптекъ. Мало у насъ найдется такихъ лицъ, которыхъ можно бы причислить къ этимъ «дѣйствительнымъ» бѣднякамъ — земскимъ неплательщикамъ. Всякій крестьянинъ, имѣющій хоть одну только полуразвалившуюся избушку да нѣсколько квадратныхъ сажень усадьбы,— есть уже земскій плательщикъ и, слѣдовательно, по смыслу закона онъ не имѣетъ права получить лекарство изъ земской аптеки. Само собою разумѣется, что и купить

его онъ не въ состояніи, особенно при существующихъ цѣнахъ на лекарства въ нашихъ вольныхъ аптекахъ. Кромѣ того, если и найдутся изъ этихъ «небѣдняковъ» такія лица, которыя рѣшились бы купить прописанное лекарство въ вольной аптекѣ—эта процедура сопряжена съ большими неудобствами и затрудненіями: нужно ѣхать (и нерѣдко «на своихъ на двоихъ») въ вольную аптеку за десятки верстъ, и на эту поѣздку нужно употребить не часы, а дни. Земская медицина тѣмъ особенно и была дорога народу, что средства врачеванія всегда находились въ рукахъ врачующихъ; это избавляло обывателей отъ ненужныхъ и подчасъ очень тягостныхъ хлопотъ по полученію лекарствъ, а больнымъ сокращались часы и дни лишнихъ страданій. Не знаю, какой придумаетъ теперь это земство (да и другія земства) modus vivendi для земской медицины, но во всякомъ случаѣ примѣненіе новаго порядка, хотя бы даже и неполное, поведетъ къ упадку ея значенія. Какъ народъ ни привыкъ лечиться, но получать лекарства изъ вольныхъ аптекъ онъ, по многимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, не будетъ; слѣдовательно и самый земско-медицинскій персоналъ не будетъ приносить той пользы, какую онъ до сихъ поръ приносилъ. Народъ опять обратится къ своимъ прежнимъ лекарямъ,—разнымъ знахаркамъ и шептухамъ, у которыхъ окажутся подъ руками и средства врачеванія» (№ 49, 1891).

Съ открытіемъ весны не мало также слышится съ разныхъ сторонъ жалобъ и на плохіе виды на урожай, на недостатокъ хлѣба и нужду. Изъ Тамбовской губерніи пишутъ: цѣны на хлѣбъ поднялись, но хлѣбные запасы истощаются; снѣгъ быстро сходитъ съ полей. Ожидаютъ ранняго наступленія весны, и «обстоятельство это возбуждаетъ серьезное опасеніе за участь озимыхъ посѣвовъ, не подававшихъ, впрочемъ, особыхъ надеждъ и истекшею осенью». «Озимые посѣвы въ южныхъ уѣздахъ Херсонской губерніи во многихъ мѣстахъ повымерзли. Скотъ голодаетъ отъ безкормицы. Продовольственное положеніе населенія еще сносно, но всюду чувствуется недостатокъ въ сѣменахъ для яровыхъ посѣвовъ; поэтому многія сельскія общества обратились уже съ ходатайствомъ о выдачѣ ссудъ для покупки сѣмянъ. Въ общей сложности сумма просимыхъ ссудъ превышаетъ 325,000 рублей. Наибольшее число ходатайствъ падаетъ на Одесскій, Тираспольскій и Херсонскій уѣзды; прошлый урожай былъ тамъ средній либо ниже средняго». (См. «Вѣстникъ», 8 марта 1891 г.).

Нижегородское экстренное земское собраніе, состоявшееся 25 февраля, «постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о ссудѣ изъ имперскаго продовольственнаго капитала 350,000 для продовольствія населенія и обсѣмененія полей въ 1891 г.»(«Харьк.Вѣд»., № 61, 1891).

Изъ Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, пишутъ: «въ настоящее время наше земство принимаетъ кое-какія мѣры къ облегченію горькой участи голодающихъ крестьянъ; раздаетъ мѣстами хлѣбъ на продовольствіе, такъ, напримѣръ, въ Салтовѣ, Палтавкѣ и др. На обсѣмененіе полей еще не раздаетъ, ибо хлѣбъ навѣрно весь будетъ съѣденъ крестьянами до времени сѣва; хлѣбъ на продовольствіе раздается, конечно, въ недостаточномъ количествѣ и крестьяне прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, дабы какъ-либо перехватить деньжонокъ

подъ общественную поруку. Чуть-ли себя самихъ не закладываютъ». Прошлогодній недородъ хлѣба отразился и на арендаторахъ казенныхъ участковъ: за неплатежъ оброка за вторую половину 1889 г. кое-гдѣ въ уѣздѣ были назначены торги на эти участки; впрочемъ, нѣкоторымъ сдѣлана была управленіемъ государственныхъ имуществъ отсрочка до урожая слѣдующаго года («Сарат. Дневн.», № 48, 1891 г.).

Та-же газета говоритъ о бѣдствіяхъ населенія Саратовской губерніи, явившихся «результатомъ минувшаго неурожайнаго лѣта и настоящей суровой зимы». Въ Петровскомъ уѣздѣ «жители болѣютъ отъ дурного питанія, а скотина околѣваетъ отъ полнаго отсутствія корма». Въ Балашовскомъ уѣздѣ, по сообщенію мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, два малоурожайные года «до крайности истощили благосостояніе крестьянскаго населенія» и вовлекли его въ «неоплатные долги». Первый долгъ — ссуда изъ земскаго губернскаго продовольственнаго капитала; второй — мелкій кредитъ изъ рукъ всевозможныхъ ростовщиковъ за лихвенные проценты. Первый долгъ неизвѣстно, когда оплатится, а второй, сдѣланный въ 1889—90 г., уже оплатился: въ прошломъ году въ Балашовскомъ уѣздѣ хорошо уродилась одна только рожь, и вотъ на нее то и набросились кредиторы и забрали ее по 3 пуда за каждый долговой рубль.

«Не успѣлъ мужикъ хорошенько присмотрѣться къ своей «кормилицѣ» ржицѣ, какъ ее у него уже на половину не стало, а тутъ подошли платежъ податей, храмовые праздники, свадьбы, и нужно было справить семьѣ что-либо изъ одежи и обуви; за удовлетвореніемъ всего этого ржи осталось въ закромахъ столько, что едва хватило прокормиться до половины зимы. Рѣдкій крестьянинъ теперь прокормитъ себя своимъ хлѣбомъ до весны. Приходится уже теперь многимъ снова обращаться если не за продовольственной ссудой въ земство, то по крайней мѣрѣ за «помощью» къ тѣмъ «благодѣтелямъ», которые такъ хорошо «облагодѣтельствовали» ихъ въ прошломъ году. Благодѣтели рады и ссуждаютъ бѣдныхъ крестьянъ деньгами и хлѣбомъ.

Несчастные хвалынскіе татары также не избѣгли общей участи—голоданія отъ недостатка продовольствія. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ цѣлыя татарскія семьи болѣютъ отъ плохого питанія, весьма часто употребляя въ пищу хлѣбъ, смѣшанный съ мякиной. Какъ слышно, губернская земская управа выслала въ хвалынскую ссуду въ 30 тыс., чтобы на эти деньги по возможности скорѣе закупить хлѣба и раздать его нуждающемуся населенію» («Сар. Дн.» № 46, 1891 г.).

Въ Бердянскомъ уѣздѣ, по сообщенію газеты «Крымъ», также раздавали на дняхъ, съ разрѣшенія присутствія, по крестьянскимъ дѣламъ хлѣбъ нуждающимся крестьянамъ изъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ. Изъ средней полосы нужда гонитъ народъ на заработки. Въ астраханскихъ газетахъ пишутъ, что началось уже «обычное, изъ года въ годъ повторяющееся движеніе рабочаго люда изъ внутреннихъ губерній на заработки въ Астрахань. Еще до праздниковъ чрезъ уѣзды тянулись небольшія партіи рабочихъ, но въ настоящее время это движеніе приняло характеръ «переселенія народовъ»: ежедневно прихо-

дится видѣть партіи бурлаковъ, какъ называютъ ихъ жители. Вся масса рабочаго люда, одинъ конецъ которой, вѣроятно, еще гдѣ нибудь въ Пензенской губерніи, а другой давно уже въ Астрахани, плетется на «авось», въ надеждѣ найти возможность приложить свои рабочія руки на рыболовныхъ ватагахъ. Что ждетъ рабочихъ въ Астрахани, въ этомъ рынкѣ предложенія рабочихъ спинъ и рукъ, извѣстно одному Богу». («Саратовскій Дневникъ» № 46, 1891). Большинство рабочихъ идетъ изъ Пензенской губерніи, гдѣ, вслѣдствіе малаго земельнаго надѣла, какъ разсказываютъ они, не къ чему приложить рукъ. За послѣдніе годы стало между ними встрѣчаться очень много и жителей Саратовской губерніи, особенно изъ сѣверныхъ уѣздовъ. Встрѣчаются также симбирскіе, казанскіе и нижегородскіе, но въ незначительномъ количествѣ. «Весь этотъ людъ ползетъ къ цѣли своего путешествія по образу пѣшаго хожденія, питаясь Христовымъ именемъ... Крайне тяжелое впечатлѣніе производятъ толпы «пензенскихъ» — изможденный видъ, болѣзненный цвѣтъ лица, рваные зипуны, бѣдная обувь, специфическій запахъ, который слышенъ за нѣсколько шаговъ отъ толпы, вотъ ихъ признаки» (ibid).

Положеніе рабочихъ, оставшихся на зиму въ Казани для пріисканія работъ, мѣстныя газеты называютъ *отчаяннымъ*: «поденныхъ работъ въ городѣ никакихъ нѣтъ. Простоявъ тщетно цѣлый день на толчкѣ въ ожиданіи найма, рабочіе съ голоднымъ желудкомъ уныло бредутъ по ночлежнымъ домамъ и ложатся на голыя нары. Рабочая цѣна упала до самыхъ минимальныхъ размѣровъ: за 20 к. въ день рабочіе съ радостью соглашаются работать, но и за эту цѣну работа не находится, и бо́льшая часть рабочихъ собираетъ милостыню. («Волж. Вѣстн.). А «Казан. Бирж. Лист.» сообщилъ надняхъ слѣдующее печальное событіе, имѣвшее мѣсто въ с. Потапихѣ, Алатской волости, Казанскаго уѣзда: «одинъ изъ крестьянъ названнаго села, не имѣя возможности прокормить свое многочисленное семейство, рѣшился отравить всѣхъ своихъ домочадцевъ и съ этой цѣлью примѣшалъ мышьяку къ бывшимъ у него остаткамъ муки, потомъ поручилъ женѣ своей испечь лепешекъ, которыя должны были замѣнить семейству хлѣбъ. Послѣдняя, ничего не подозрѣвая, исполнила желаніе мужа и, приготовивъ лепешекъ, поспѣшила накормить ими своихъ голодныхъ дѣтей, которыя немедленно послѣ этого заболѣли, и одинъ изъ нихъ при страшныхъ страданіяхъ вскорѣ умеръ». По этому дѣлу производится теперь слѣдствіе, а для поданія медицинской помощи отравленнымъ малюткамъ прибылъ на мѣсто земскій врачъ г. Евлампіевъ.

Когда читаешь въ газетахъ рядомъ съ подобными извѣстіями, что жена извѣстнаго американскаго милліонера Вандербильта была недавно на балу, и что на ней была діадема стоимостью въ 3 милліона рублей

на наши деньги, то не хочется даже и посмотрѣть на эту діадему; но въ то же время, вслѣдствіе того, что Америка далеко, это не такъ обидно, какъ случаи непроизводительныхъ тратъ и равнодушія болѣе близкіе: одинъ изъ самарскихъ земцевъ, въ разговорѣ съ корреспондентомъ «Саратовскаго Дневника», между прочимъ, сказалъ ему: «по газетамъ я вижу, что у саратовцевъ денегъ куры не клюютъ, они задарили оперныхъ артистовъ; по нѣсколько сотъ рублей въ разъ отваливаютъ на подарки».— «Да, отвѣчалъ корреспондентъ,— а попробуйте собирать по подпискѣ въ пользу голодающихъ крестьянъ, то хоть-бы набрать нѣсколько десятковъ рублей, и то хорошо».— «Сытый голоднаго не разумѣетъ, сказалъ земецъ,— только меня удивляетъ расточительность саратовцевъ, вѣдь городъ то слыветъ интеллигентнымъ». («Сарат. Дн.» № 48, 1891). Очень это прискорбно, но, какъ общее явленіе, едва ли не болѣе еще прискорбно слѣдующее: изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ недостаетъ хлѣба, постоянно вывозится хлѣбъ на сторону, вывозится изъ-подъ самаго, что называется, носа, а потомъ, когда голодъ дастъ себя знать и испишется по этому поводу много бумаги, опять его повезутъ откуда-нибудь со стороны назадъ. И происходитъ это вовсе не съ однимъ только хлѣбомъ: нуждаются, напримѣръ, люди въ топливѣ, а рядомъ топлива сколько угодно. Не достанешь только его никакъ. Нынѣшнею зимою во многихъ селеніяхъ Бердянскаго уѣзда крестьяне, вслѣдствіе дороговизны топлива, употребляли на топку крыши съ нежилыхъ построекъ, домашнюю мебель и сельскохозяйственныя орудія; а нѣкоторыя семьи оставляли даже свои дома и собирались въ одну хату, которую и отапливали общими средствами (Смол. Вѣстн. № 28, 1891). Въ Варшавѣ и Варшавской губерніи вздорожаніе топлива и нужда въ немъ была причиною нѣсколькихъ кражъ и вызвала слѣдующее экстренное происшествіе: 28 января «на товарный поѣздъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, шедшій въ Варшаву, произведено было нападеніе цѣлою шайкою злоумышленниковъ, число которыхъ, какъ говорятъ, простиралось до шестидесяти. Въ то время, когда поѣздъ этотъ, поднимаясь на уклонъ, замедлилъ ходъ, на него, всего въ семи верстахъ отъ Варшавы, напала цѣлая толпа грабителей. Взобравшись на открытыя платформы съ углемъ, они принялись сбрасывать его. Поѣздная прислуга, замѣтивъ случившееся, остановила поѣздъ, но съ злоумышленниками ничего подѣлать не могла. Они въ глазахъ прислуги успѣли забрать каждый по громадному куску угля и безнаказанно скрылись. О погонѣ за ними не могло быть и рѣчи. Это случилось почти среди бѣла дня, когда только что начало темнѣть». («Варшавскій Дневникъ» № 26, 1891).

Въ Одессѣ также чувствуется сильная нужда въ топливѣ и лѣсѣ, какъ строительномъ матеріалѣ; между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы получать

топливо и строительный матеріалъ съ заросшаго лѣсомъ Кавказа, она получаетъ очень значительную часть и каменнаго угля, и лѣса, изъ-заграницы. Но этого мало: заграничный лѣсъ, идущій транзитомъ черезъ Одессу, находитъ хорошій сбытъ на самомъ Кавказѣ и въ другихъ черноморскихъ портахъ. Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» читаемъ, что на дняхъ въ комитетѣ министровъ обсуждалась докладная записка одесскаго биржеваго комитета и комитета торговли и мануфактуръ по этому поводу, т. е. объ иностранной конкурренціи въ лѣсной торговлѣ, при чемъ изъ данныхъ, представленныхъ кременчугскими, херсонскими и екатеринославскими лѣсопромышленниками, выяснилось слѣдующее:

«Въ послѣдніе годы транзитная перевозка иностраннаго лѣса, отправляемаго изъ Галиціи въ Египетъ, Турцію и другія страны Востока черезъ Одессу, достигла весьма внушительныхъ размѣровъ и менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ, увеличилась болѣе, чѣмъ въ десять разъ. Къ сожалѣнію, не весь этотъ иностранный лѣсъ отправляется по назначенію, и значительная часть его направляется въ Батумъ и другіе черноморскіе порты. Это обстоятельство невыгодно отражается на русской лѣсоторговой промышленности, главною артеріею которой въ краѣ являются лѣсные склады, лѣсопильные заводы и лѣсныя биржи нашего приднѣпровья. Отсюда лѣсъ на судахъ нашего внутренняго торговаго флота направляется не только въ Крымъ и другіе пункты черноморскаго прибережья, но и въ Закавказскій край. Въ ближайшихъ портахъ нашъ лѣсъ еще успѣшнѣе конкурируетъ съ иностраннымъ, такъ какъ на 25 проц. дешевле иностраннаго, но въ Закавказьѣ охотнѣе покупаютъ лѣсъ иностранный, такъ какъ стоимость его составляетъ незначительную разницу съ лѣсомъ русскимъ. Кромѣ того, мѣстное населеніе предпочитаетъ иностранный лѣсъ еще и потому, что онъ лучше раздѣланъ. Такимъ образомъ, галиційскій лѣсъ успѣшно конкурируетъ съ русскимъ на Кавказѣ, благодаря чему наши лѣсоторговцы несутъ значительные убытки и ходатайствовали передъ министерствомъ финансовъ объ обложеніи иностраннаго лѣса весьма высокою пошлиною. («Вил. В.». № 51, 1891 г.).

Возвратимся, однако, къ продовольственному вопросу, къ недостатку хлѣба, сѣмянъ и корма для скота. Нужда, какъ мы видѣли, заставляетъ людей идти за тысячи верстъ на заработки. Но этого мало: если хозяйственныя неудачи повторяются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и нужда становится явленіемъ хроническимъ, то люди и совсѣмъ уходятъ изъ своихъ мѣстъ, переселяются или просто идутъ, подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, искать—гдѣ лучше. Нельзя не сказать еще о временныхъ и, такъ сказать, форсированныхъ переселеніяхъ въ періоды наиболѣе острой нужды, переживъ которые, люди опять возвращаются къ своимъ полямъ и пастбищамъ. Явленіе это, если не совсѣмъ новое, то все-таки довольно необычное въ жизни осѣдлаго населенія. Прошлою осенью «масса русскихъ крестьянъ и нѣмцевъ-колонистовъ», вслѣдствіе полнаго неурожая хлѣба въ Новоузенскомъ уѣздѣ, перекочевала въ предѣлы Саратовской губ., гдѣ въ прошломъ году неурожай хлѣбовъ и травъ былъ все же нѣсколько меньше.

«Здѣсь эти несчастливцы разбрелись по деревнямъ и селамъ въ наиболѣе урожайной полосѣ и, снарядивъ всѣхъ своихъ домочадцевъ, одѣтыхъ въ невозможное

рубище, для сбора милостыни («въ кусочки»), прокормились такимъ образомъ сами и прокормили свой уцѣлѣвшій скотъ въ продолженіи суровой зимы. Въ настоящее время замѣчается обратное движеніе этихъ кочевниковъ, которые теперь, почуявъ приближеніе весны, гужомъ возвращаются на свое старое пепелище со всѣми своими пожитками, на худыхъ изнуренныхъ клячахъ, которыя едва-ли годны для какой бы то ни было работы, не говоря уже о распашкѣ земли подъ яровой посѣвъ. Движеніе это началось недѣли за полторы до масляницы». («Сарат. Дн.», № 50, 1891 г.).

Какъ разъ то же самое дѣлаютъ и кочевники, переходя за предѣлы обычныхъ своихъ кочевокъ. Въ нынѣшнемъ году въ степныхъ губерніяхъ скоту, вообще, приходилось плохо, и вотъ какой разсказъ очевидца приводитъ та же газета изъ «Ставр. губ. Вѣдомостей»:

«Проѣзжая въ первой половинѣ января по дѣламъ службы въ низовьяхъ рѣки Кумы, я,—пишетъ онъ,—былъ свидѣтелемъ величайшаго несчастья, которое постигло кочевое населеніе не только нашей губерніи, но и астраханской. Наступившая съ 8 января въ этой мѣстности суровая зима и снѣжныя метели застали кочевниковъ и другихъ овцеводовъ въ расплохъ: всѣ стада, гонимыя вѣтромъ и вьюгой, безъ всякаго надзора направились въ разныя стороны. Такъ какъ вся степная площадь между Манычемъ, съ одной стороны, р. Кумой и Буйволой — съ другой, покрылась ледяной корой и глубокимъ снѣгомъ, скотъ и другія животныя, не находя для себя пищи, начали употреблять для питанія свою шерсть и затѣмъ падали отъ голода. Мало того, разбросанныя по степи лошади и овцы, спасаясь отъ стужи, заходили въ наполненные снѣгомъ овраги и балки и тамъ погибали. Въ довершеніе всякихъ бѣдъ калмыки Малодербетовскаго улуса, несмотря на противодѣйствіе со стороны мѣстной полиціи, силою вторглись въ предѣлы нашей губерніи и буквально держатъ трухменскій народъ въ осадномъ положеніи. Скотоводство этихъ инородцевъ заняло все пространство, гдѣ находятся зимовники трухменъ, заполонило всѣ камыши, острова и зимнія пастбища. По случаю скопленія громаднаго количества скота и за неимѣніемъ заготовленнаго корма, онъ ежедневно отъ истощенія массами погибаетъ подъ снѣжными заносами. Любители легкой наживы, какъ хищныя птицы, ищутъ добычу по степи — снимаютъ съ палыхъ животныхъ кожи, трупы-же оставляютъ на произволъ судьбы» (ibid.).

Вслѣдствіе всего этого, многіе даже изъ состоятельныхъ хозяевъ превратились въ нищихъ. Газета предостерегаетъ, что съ наступленіемъ теплаго времени трупы животныхъ станутъ гнить и распространятъ заразу, а затѣмъ указываетъ, что и калмыцкая степь Астраханской губ., граничащая съ Царицынскимъ уѣздомъ, находится въ совершенно аналогичныхъ условіяхъ и что тамъ, надо полагать, происходитъ тоже самое. Но нельзя не сказать, что кочевникамъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто все-таки гораздо легче, чѣмъ переселяться осѣдлымъ жителямъ. Кочевникъ, переходя съ мѣста на мѣсто съ своей кибиткой и скотомъ, ничего не оставляетъ и никуда въ сущности не уходитъ, такъ какъ кочуетъ все въ одномъ и томъ же пространствѣ или около; за предѣлы своей степи онъ переступаетъ только въ экстренныхъ случаяхъ, да и то заходитъ недалеко; тогда какъ переселенецъ прощается съ родиной, домомъ, хозяйствомъ и людьми, которые оставляются по большей части навсегда, и уходитъ за нѣсколько тысячъ верстъ. Пересе-

ляться не легко, и переселяются люди далеко не съ легкимъ сердцемъ. Это не склонность къ путешествіямъ и перемѣнѣ мѣстъ, а роковой вопросъ экономическаго благосостоянія и душевнаго спокойствія, часто даже вопросъ жизни и смерти. Люди обыкновенно много перетерпятъ прежде чѣмъ рѣшаются переселяться. Мы видѣли, какъ бьются, напр., крестьяне Балашовскаго уѣзда, чтобы достать денегъ взаймы. Иногда имъ и удается призанять, но что это значитъ? спрашиваетъ «Саратовскій Дневникъ» и отвѣчаетъ: «это значитъ попасть на нѣсколько лѣтъ въ обязательство непосильнаго платежа процентовъ», т. е. по просту въ кабалу. Тѣ господа, которые даютъ деньги, зная крестьянскую неисправность, берутъ «адскіе проценты», и снисхожденія отъ нихъ ждать, конечно, нечего.

«Наряду съ займами и долговыми обязательствами крестьяне начинаютъ дѣлать заборъ работъ въ экономіяхъ, продавая безвременно за ничтожную плату свой будущій трудъ. О ничтожности оплаты такого труда можно судить по слѣдующему: скосить, связать въ снопы, скласть въ копны и свозить на гумно 4 десятины ржи нанимаютъ за 9 руб.; посѣять подъ соху съ бороной то же количество проса, переломать его, затѣмъ скосить, связать, свозить на гумно, гдѣ и обмолотить лошадьми—за 11 р.; столько же стоитъ полная обработка льна; посѣять 4 дес. ржи въ три пашни стоитъ 9 руб.; посѣять столько же овса, затѣмъ убрать его и свозить на гумно—6 руб. Лѣтомъ эти работы вдвое дороже. («Сар. Дн.» № 46, 1891 г.).

Мудрено ли, говоритъ газета, что, при такомъ положеніи дѣлъ, крестьяне Балашовскаго уѣзда массами бѣгутъ съ насиженныхъ мѣстъ и что переселенческій вопросъ и для Саратовской губерніи сталъ за послѣдніе годы «злобою дня». На вопросъ этотъ обращено теперь вниманіе и земства, и мѣстной администраціи, но, къ сожалѣнію, онъ пока ничѣмъ еще не рѣшенъ; а между тѣмъ очень много крестьянъ подали просьбы о разрѣшеніи выселиться въ Сибирь и съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ отвѣта на свои ходатайства, чтобы при первой же благопріятной вѣсти тронуться въ путь, да и въ будущемъ, по всему можно ждать, что переселенческое движеніе въ Саратовской губерніи «будетъ только усиливаться». А вотъ еще разсказанная недавно въ нѣсколькихъ газетахъ судьба деревни Липовки, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губ., которая оказалась цѣликомъ заложенною и въ такомъ положеніи, что, не смотря на то, что надѣлъ вполнѣ обезпечивалъ крестьянъ (по 8 дес. на душу), никто изъ нихъ собственной земли не воздѣлываетъ. У крестьянъ осталось въ пользованіи только «немножко выпуску для мелкой скотины». Изъ разспросовъ обнаружилось слѣдующее: липовцы заняли на свое собственное продовольствіе у мордвина изъ села Сухого Корбулака (Саратовскаго уѣзда) 1,800 руб. на одинъ годъ, съ уплатою 200 руб. процентовъ, подъ залогъ 100 десятинъ «крѣпкой» земли. Черезъ годъ послѣдовалъ плохой урожай хлѣба и крестьяне, конечно, не уплатили долга; но мордвинъ молчалъ всѣ четыре года и

пользовался 100 дес. земли даромъ. Черезъ четыре года кредиторъ подалъ на крестьянъ искъ въ 2,000 руб. Пришлось крестьянамъ обратиться къ адвокату, но адвокатъ взялъ впередъ деньги и куда-то исчезъ. Наконецъ, судъ приговорилъ взыскать съ крестьянъ должную ими сумму. Такъ какъ въ 1888 году былъ неурожай хлѣбовъ и травъ, то крестьяне не могли уплатить мордвину 2,000 руб. и потому заняли ихъ у другого саратовскаго крестьянина подъ залогъ 473 дес. надѣльной земли, съ условіемъ уплаты денегъ въ сентябрѣ 1889 г., а въ случаѣ неуплаты кредиторъ имѣлъ право даромъ пользоваться заложенной землей въ теченіи 10 лѣтъ. Конечно, земля должна была остаться въ пользованіи кредитора, такъ какъ 1889 г. оказался опять неурожайнымъ. Этотъ послѣдній неурожай поставилъ липовцевъ тѣмъ болѣе въ безвыходное положеніе, что и сами они остались-было совсѣмъ безъ хлѣба; но, къ счастью (да къ счастью ли?), выручилъ изъ бѣды богатый крестьянинъ изъ села Вознесенска (неподалеку отъ Липовки), у котораго общество заняло ржи по 20 пудовъ на душу, всего 3,440 пуд., тоже подъ залогъ остальной надѣльной земли, въ количествѣ 500 дес. на семилѣтній срокъ. Занятая рожь кредиторомъ оцѣнивалась въ 78 к. за пудъ. Если класть заложенную землю только по 2 руб. за десятину, то и въ такомъ случаѣ кредиторъ получитъ за 7 лѣтъ 7,000 руб., въ дѣйствительности же цѣнность земли должна быть далеко выше, такъ какъ самимъ кредиторомъ земля эта сдается тѣмъ же липовцамъ по 5 руб. 50 коп. за десятину. Однимъ словомъ, большая (въ 627 душъ) и богатая деревня превратилась въ нищую, и, такъ какъ произошло это все таки не сразу, а постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то можно представить себѣ, что переиспытали и передумали за это время крестьяне. Не мудрено, что и они также начнутъ собираться въ Сибирь.

Въ настоящее время въ государственный совѣтъ внесенъ законопроектъ *о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ*. Проектируется это въ видѣ временной мѣры, до пересмотра всѣхъ законовъ о крестьянскомъ надѣлѣ, когда придется рѣшать не одни только чисто практическіе, но и принципіальные вопросы о правѣ владѣнія и пользованія землей и тѣхъ ограниченіяхъ, какія въ этомъ отношеніи, въ видахъ общественной пользы, могутъ быть дѣлаемы государствомъ, безъ нарушенія коренныхъ юридическихъ основаній. Пока же, по проекту, разрѣшается крестьянамъ продавать свой надѣлъ только лицамъ крестьянскаго сословія. («Харьк. Вѣд.» № 61, 1891 г.). Одновременно съ этимъ

«Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія получили циркуляръ, которымъ министерство внутреннихъ дѣлъ разъясняетъ, что эти присутетвія могутъ принимать мѣры къ уничтоженію актовъ и сдѣлокъ на крестьянскія надѣльныя земли, хотя бы эти акты и сдѣлки представлялись правильными съ точки зрѣнія общихъ гражданскихъ законовъ, но совершены въ нарушеніе спеціальныхъ узаконеній о крестьянахъ; причемъ министерство, ссылаясь на указы правительственнаго сената,

обращаетъ вниманіе, что губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе не только вправѣ, но и обязано входить съ представленіемъ въ подлежащій окружный судъ объ уничтоженіи такого акта и сдѣлки, которыя совершены на крестьянскую надѣльную землю съ отступленіемъ отъ дѣйствующихъ о крестьянахъ узаконеній. Затѣмъ министерство указываетъ, что согласно рѣшеніямъ общаго собранія 1-го и кассаціоннаго департаментовъ сената за 1879 г., № 23, и 1, 2 и кассаціоннаго департаментовъ сената за 1887 г., № 8, окружный судъ обязанъ войти въ разсмотрѣніе означеннаго выше представленія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, какъ правительственнаго учрежденія, и сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе. («Южн. Кр». № 3495).

И самый законопроектъ, внесенный въ государственный совѣтъ, и министерскій циркуляръ указываютъ на желаніе правительства оградить крестьянское землевладѣніе отъ поползновеній на него и сохранить въ рукахъ крестьянъ землю. Газеты такъ и говорятъ; «если проектъ будетъ утвержденъ, то нашимъ крестьянамъ будутъ обезпечены 100 милліоновъ десятинъ земли крестьянскаго надѣла». Хотя по краткимъ газетнымъ сообщеніямъ и трудно судить о законопроектѣ, но мы думаемъ, что это не совсѣмъ такъ. Тутъ дѣло не въ подробностяхъ, а въ самой мысли разрѣшенія продавать землю, хотя бы только однимъ лицамъ крестьянскаго же сословія. Этимъ уже нарушается принципъ неотчуждаемости, выставленный главною цѣлью законопроекта, или, говоря иначе, устанавливается неотчуждаемость земли у цѣлаго сословія, но устанавливается такъ, что легко можетъ нарушаться на практикѣ и не гарантируетъ на будущее время равномѣрнаго распредѣленія земли въ самомъ этомъ сословіи. Министерскій циркуляръ также въ относительной только мѣрѣ можетъ ограждать крестьянскую землю отъ мобилизаціи и перехода въ другія руки, потому что въ самомъ положеніи о крестьянахъ и другихъ узаконеніяхъ, на основаніи которыхъ губернскимъ присутствіямъ предлагается расторгать сдѣлки, есть статьи, какъ напр., ст. 165 общаго положенія и другія, которыми разрѣшается переходъ земель. Правда, что этотъ переходъ затрудненъ и обставленъ разными условіями и формальностями, но во всякомъ случаѣ онъ возможенъ, какъ для цѣлыхъ обществъ, такъ и для отдѣльныхъ лицъ, въ особенности по окончаніи выкупной операціи. Слѣдовательно, губернскія присутствія могутъ выступать въ ограждающей роли въ тѣхъ только случаяхъ, когда не соблюдаются при заключеніи сдѣлокъ какія нибудь установленныя условія и формы. Несомнѣнно, что такимъ случаевъ можетъ быть достаточно для того, чтобы воспрепятствовать слишкомъ быстрому переходу земель, но прочныхъ гарантій къ сохраненію крестьянами земли все-таки такимъ путемъ не создается. Поэтому въ высшей степени желательно, чтобы мѣры временнаго и условнаго характера сопроводились скорѣе кореннымъ пересмотромъ всѣхъ законовъ о крестьянскомъ землевладѣніи, и чтобы было создано въ этомъ

отношеніи нѣчто гораздо болѣе прочное. Что же касается до нарушеній устанавливаемой теперь законопроектомъ неотчуждаемости, то такихъ нарушеній можетъ быть очень много: землю могутъ скупать и сторонніе крестьянскимъ обществамъ лица крестьянскаго званія, и болѣе богатые общественники въ одномъ и томъ же обществѣ, пользуясь нуждою болѣе бѣдныхъ домохозяевъ, а затѣмъ имъ никто, конечно, не можетъ воспрепятствовать начать платить гильдію и перейти въ купеческое сословіе, или, если это будетъ предусмотрѣно, оставаться тѣми же крестьянами по имени, но владѣть землею на самыхъ настоящихъ купеческихъ основаніяхъ. Деревню Липовку, какъ мы видѣли, опутали и ободрали, какъ липку, свои же братья — мужички. Въ Самарской губерніи есть личныя крестьянскія землевладѣнія въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, т. е. однимъ и тѣмъ же лицамъ принадлежитъ по 100, по 250 и, если не ошибаюсь, даже по 350 тыс. десятинъ земли. Разумѣется, эти примѣры единичные, но я ихъ и привожу только какъ наиболѣе яркій примѣръ возможности нежелательныхъ явленій, которымъ въ менѣе рѣзкихъ формахъ гораздо легче получить распространеніе и мѣсто въ жизни. Не можемъ не отмѣтить мимоходомъ еще нѣкоторыхъ недоразумѣній, при согласованіи только что указанныхъ мѣропріятій съ дѣйствительностью, съ тѣмъ, что происходитъ тоже въ силу какихъ нибудь основаній, а можетъ быть и безъ достаточныхъ основаній, на практикѣ: во то время, какъ вышеуказанные законопроектъ и министерскій циркуляръ направлены къ охраненію крестьянскаго землевладѣнія, крестьянскій банкъ сокращаетъ свою дѣятельность, держитъ $^0/_0$ по ссудамъ на $^1/_2{}^0/_0$ выше, чѣмъ въ дворянскомъ банкѣ, и не увеличиваетъ, а, напротивъ, сокращаетъ число своихъ отдѣленій на десять. Оренбургское отдѣленіе, говорятъ, будетъ присоединено къ самарскому, казанское къ симбирскому, тверское къ московскому, бессарабское къ таврическому, ставропольское закроется совсѣмъ и т. д. («Волжск. В.» № 39, 1891 г.). Въ то время какъ земля признается главною основою крестьянскаго благосостоянія и является часто единственнымъ источникомъ жизни, въ слободѣ Покровской, Новоузенскаго уѣзда, «по энергичному настоянію исправника», сельское общество постановило на дняхъ приговоромъ: «отобрать у наиболѣе безнадежныхъ недоимщиковъ 7 т. дес. пахотной земли и сдать ихъ въ аренду, а арендную сумму употребить въ уплату недоимокъ. Кромѣ того, постановило сдать въ аренду еще три тысячи десятинъ общественнаго выгона для уплаты текущихъ податей». Положимъ, что у покровскаго общества не мало земли (63598 дес.) и много накопилось недоимокъ (111,332 р.), но и жителей тоже не мало (4868 податныхъ душъ по X ревизіи) и платятъ они цѣлыхъ 40,911 р. однихъ государственныхъ сборовъ («Волжск. В.», № 43, 1891 г.). Въ то время какъ, вслѣдствіе ходатайства Вольнаго

Эконом. Общ. объ огражденіи крестьянъ отъ дѣйствій ростовщиковъ, съ ихъ *колоссальными* процентами, г. министръ внутр. дѣлъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ особымъ представленіемъ о мѣрахъ, ведущихъ *къ ограниченію въ селахъ ростовщичества*, кредитная канцелярія министерства финансовъ ограничиваетъ открытіе повыхъ ссудосберегательныхъ товариществъ такимъ минимумомъ, что можно подумать, по числу отказовъ въ просьбахъ, что развитію этой формы кредита, столь пригодной для противудѣйствія ростовщичеству, кладется предѣлъ.

Укажемъ еще на одно весьма своевременное правительственное распоряженіе, изъ котораго, между прочимъ, видно, въ какихъ мѣстностяхъ былъ въ прошломъ году плохой урожай и испытывается наибольшая нужда въ хлѣбѣ и сѣменахъ, а именно:

опубликовано распоряженіе о провозѣ по всѣмъ россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ со скидкою 50 процентовъ съ установленныхъ тарифовъ хлѣбныхъ грузовъ, предназначаемыхъ для продовольствія населенія и обсѣмененія полей въ губерніяхъ: Уфимской, Вятской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Казанской, Симбирской, Нижегородской, Ставропольской, въ областяхъ Терской и Кубанской, а также въ уѣздахъ: Александровскомъ и Павлоградскомъ—Екатеринославской, Зміевскомъ, Купянскомъ, Изюмскомъ и Старобѣльскомъ—Харьковской, Евпаторійскомъ, Перекопскомъ, Симферопольскомъ и Днѣпровскомъ—Таврической губерніи, Ростовскомъ и Таганрогскомъ округахъ области Войска Донскаго—по особымъ свидѣтельствамъ, выдаваемымъ для сего земскими управами народнаго продовольствія и войсковыми правленіями названныхъ мѣстностей. Пониженные тарифы дѣйствуютъ начиная съ сегодняшняго числа до 1 сентября 1891 года. («Кіев. Слово», № 1174, 1891 г.).

Распоряженіе это, говоримъ мы, весьма своевременно, потому что желѣзнодорожники, а равнымъ образомъ и пароходчики наши отзывчивостью на общественныя нужды не отличаются. Имъ нѣтъ дѣла до страны и тѣмъ болѣе до какихъ-то безвѣстныхъ мужиковъ. Они думаютъ, напротивъ, что все должно служить имъ за тѣ благодѣянія, которыя они оказываютъ, совершенно забывая при этомъ, что благодѣянія эти ничѣмъ не отличаются отъ благодѣяній ямщиковъ, легковыхъ и ломовыхъ извощиковъ. «Сарат. Дн.» разсказываетъ, что въ декабрѣ прошлаго года со ст. Липовецъ, уманской желѣзной дороги, сданъ былъ по адресу на ст. Бугурусланъ самаро-уфимской дороги 1 мѣшокъ проса вѣсомъ въ 6 пудъ и стоимостью въ 7 р. Кто-то какъ разъ сѣмена выписалъ. И за этотъ мѣшокъ получатель въ Бугурусланѣ заплатилъ провозной платы 9 р. 43 к., т. е. на 2 р. 43 к. дороже, чѣмъ стоилъ самый товаръ, или по 1 р. 57 к. съ пуда. Если припомнить, говоритъ газета, что провозъ пуда груза изъ Нью-Іорка до Москвы обходится всего только около 35 к., то выходитъ, что «бугурусланскому сельскому хозяину, пожалуй, было-бы гораздо выгоднѣе выписать нужныя ему сѣмена изъ Сѣв. Америки, чѣмъ изъ Кіевской губ.» (С. Д., № 49, 1891). Но особенно возмутительно на нашихъ желѣзныхъ доро-

гахъ отношеніе къ отправителямъ и пассажирамъ, т. е. вообще къ публикѣ. Желѣзнодорожная администрація, начиная съ высшихъ инженерныхъ инстанцій и кончая поѣздной прислугой, усвоила себѣ необыкновенный престижъ власти, а публика предполагается безгласной, чѣмъ-то въ родѣ вяленой воблы или иного перевозимаго товара. Пароходныя компаніи, подъ вліяніемъ конкурренціи, гдѣ таковая имѣется, еще кое-что сдѣлали для удобства публики, желѣзныя же дороги, особенно для мелкихъ отправителей и пассажировъ III класса, ровно ничего не дѣлаютъ. Я уже не говорю о пассажирахъ рабочихъ поѣздовъ, которые перевозятся въ товарныхъ вагонахъ. Недавно д-ръ Тараткевичъ сдѣлалъ весьма интересное наблюденіе на Николаевской дорогѣ надъ количествомъ и качествомъ воздуха въ вагонахъ, колебаніями въ составѣ его, соотвѣтственно числу пассажировъ и объему помѣщенія, и т. д., что весьма важно для опредѣленія вліянія желѣзныхъ дорогъ на здоровье. Наблюденія производились зимою, во все время слѣдованія поѣзда, и вотъ какія получились цифры: въ III классѣ на человѣка пряходится всего по 1,7 куб. метр. воздуха; во II—2,2 куб. метр., въ I—4,3—5,4 куб. метр. Порча воздуха опредѣлялась количествомъ въ немъ углекислоты: въ вагонѣ I и II классевъ количество углекислоты постоянно и весьма быстро возрастало и было особенно велико вечеромъ и ночью; въ вагонахъ III класса хотя и замѣчалось увеличеніе углекислоты, но оно скоро падало отъ болѣе сильной естественной вентиляціи вагоновъ этого класса: въ III классѣ болѣе щелей, хуже пригнаны оконныя рамы, чаще отворяются двери. Тѣмъ не менѣе воздухъ въ вагонахъ III класса болѣе загрязненъ и болѣе удушливъ, чѣмъ въ вагонахъ прочихъ классовъ, вслѣдствіе постояннаго переполненія пассажирами, съ массою всевозможныхъ пожитковъ, узловъ и пр. При этомъ искусственная вентиляція приноситъ мало пользы: вентиляторы плохо устроены, недостаточно энергичны и большею частью остаются закрытыми. «Между тѣмъ нерѣдко въ III-е-классныхъ вагонахъ, при 100% занятыхъ мѣстъ, количество углекислоты достигало громадной, далеко не безразличной для здоровья пассажировъ, цифры 6,78 на тысячу, и даже при 75% занятыхъ мѣстъ все еще было не менѣе 4,12 — 3,46%» («Варш. Дн.», № 32, 1891 г.). Въ виду увеличенія линій нашихъ дорогъ, весьма желательно, чтобы и на другимъ дорогахъ были сдѣланы подобныя же наблюденія. Но что такое испорченный воздухъ и нѣсколько лишнихъ % % углекислоты, сравнительно съ другими постоянными опасностями и непріятностями, которымъ подвергаются пассажиры. Это не больше какъ тонкость. Извольте, напр., спокойно ѣхать по такой дорогѣ, какъ самаро-златоустовская. «Самарская Газета» привела недавно приказъ управленія этой дороги, разосланный по линіи, изъ котораго достаточно видна степень *безопасности* движенія между Уфою и Златоустомъ. Вотъ этотъ любопытный приказъ:

«Машинистамъ воспрещается подъ весьма строгою отвѣтственностью развивать скорость болѣе 15 верстъ въ часъ на слѣдующихъ пространствахъ: Отъ 534 до 539 версты включительно, въ виду осадки полотна. На верстахъ 551, 552, 559 и 561 предлагается особое вниманіе и осмотрительность при ѣздѣ, въ виду возможности паденія каменныхъ глыбъ со скалъ. На 585 верстѣ — осадка полотна. 635, 638 версты—опять паденіе каменныхъ глыбъ со скалъ. 639 верста — снова осадка полотна. Но отъ 682 до 698 версты—это, значитъ, на пространствѣ 16 верстъ, пучина и перекосы. Далѣе еще краснорѣчивѣе: на слѣдующихъ мѣстахъ скорость должна не превышать 10 верстъ въ часъ. 540 верста—трещина устоя моста; безопасность ограждена зелеными дисками. 557 верста—осадка полотна на косогорѣ р. Симъ. Мѣсто это тоже приведено въ безопасность зелеными дисками. 613 верста—возможность сползаніи камней съ откосовъ выемки. Предписывается особая осторожность въ ѣздѣ и осмотрительность. 698 верста (Саткинская насыпь)—«осадка насыпи. Насыпь ограждена отъ опасности зелеными дисками».

Чуть-ли не на каждой верстѣ такого значительнаго участка извольте ждать какой-нибудь непріятности, потому что безопасность ваша ограждена только «зелеными дисками». И это еще хорошо, замѣчаетъ другая газета, что управленіе дороги усмотрѣло всѣ упомянутыя безобразія; а по большей части они усматриваются прокурорами уже послѣ катастрофъ. Инженеръ-же, замѣчаетъ она, строившій дорогу, «нажилъ при этомъ прекрасное состояніе» («Сар. Дн.», № 48, 1891 г.). Въ качествѣ пассажира, вы не можете ни осмотрѣть полотна, ни инымъ какимъ-нибудь образомъ предусмотрѣть и предотвратить грозящую вамъ опасность. Васъ посадили 100% въ вагонъ, т. е. набили биткомъ, какъ груздей въ боченокъ, заперли на ключъ и везутъ, подъ гарантіей зеленыхъ дисковъ, не то въ Златоустъ, не то прямо на тотъ свѣтъ. Но едва-ли не еще болѣе возмутительно обращеніе съ пассажирами III класса, которыхъ бранятъ, толкаютъ, бьютъ, а иногда дѣлаютъ и хуже. Вотъ что напр. было съ двумя пассажирами въ концѣ прошлаго года. На желѣзныхъ дорогахъ нерѣдко случаются безбилетные пассажиры, называемые «зайцами». Если «заяцъ» заплатилъ кондуктору (иногда почти столько-же, сколько стоитъ и билетъ), то проѣзжаетъ куда нужно, а если не заплатилъ или строгость по линіи пошла, контроль ѣздитъ и мѣшаетъ, то «зайцу» приходится плохо. «Третьяго дня возлѣ ст. Застава, читаемъ мы въ «Волжск. Вѣстн.», на мчавшемся къ этой станціи товарномъ поѣздѣ кондукторъ обнаружилъ «зайца» въ лицѣ мѣщ. Н. Артиховича, 17 лѣтъ. Кондукторъ потребовалъ, чтобы онъ соскочилъ съ вагона, но тотъ, боясь это сдѣлать, продолжалъ стоять на ступенькѣ вагона. Тогда, по словамъ Артиховича, кондукторъ столкнулъ его и молодой человѣкъ упалъ на рельсы, причемъ раздробило ему обѣ ноги, которыя въ больницѣ ампутировали. Въ ту-же больницу вчера доставлена была мѣщ. И. Ольшанецкая, 25 лѣтъ, заявившая, что съ ней произошелъ на «Раздѣльной» аналогичный съ первымъ случай.

*

У Ольшанецкой тоже оказались раздробленными обѣ ноги, почему и ей произведена была ампутація ногъ. (№ 285, 1890 г.).

Не мало случаевъ грубаго самоуправства и на пароходахъ. Одно «Русское Общ. Парох. и Торг.» могло-бы представить въ этомъ отношеніи богатую лѣтопись, если-бы кто-нибудь записывалъ дѣянія его капитановъ, ихъ «помощниковъ» и боцмановъ. Черное море видѣло много тяжелыхъ сценъ. И другія наши моря и рѣки также могли-бы разсказать не одну поучительную исторію. Въ послѣднюю сессію окружного суда въ Козьмодемьянскѣ разбиралось, напр., такое дѣло: обвинялся помощникъ командира Кашинскаго парохода «Матвѣй», запасный унтеръ-офицеръ Васильевъ, ни много, ни мало какъ въ истязаніи одного изъ пассажировъ. Обстоятельства дѣла таковы:

«18-го октября 1889 года пароходъ «Матвѣй» совершалъ, послѣдній рейсъ изъ Казани въ Нижній; на немъ оказался безбилетный пассажиръ, крестьянинъ Борисовъ. На вахтѣ былъ въэто время вышеупомянутый Васильевъ; по выходѣ парохода изъ Чебоксаръ, онъ распорядился привязать Борисова, который былъ въ лѣтнемъ пальто и холодныхъ сапогахъ, къ шпилю, находящемуся на носу парохода. Борисова привязали въ полусогнутомъ положеніи и поусердствовали такъ, что несчастный положительно не могъ шевельнутся. Въ этотъ день дулъ рѣзкій вѣтеръ, было до 8° холода; пароходъ шелъ полнымъ ходомъ, брызги летѣли на несчастнаго, отъ чего на немъ образовалась *ледяная кора*. Въ такомъ положеніи истязуемый пробылъ около 2—$2^1/_2$ час. и былъ освобожденъ только по требованію пассажировъ I и II класса, которые какъ-то случайно узнали объ этомъ. По ихъ же требованію былъ составленъ въ Козьмодемьянскѣ актъ. Когда отвязали Борисова, онъ былъ почти безъ чувствъ. Его взяли въ каюту II класса, гдѣ онъ и обогрѣлся» («Волжск. Вѣстн.», № 47, 1891 г.»).

Все это подтвердилось на судѣ свидѣтельскими показаніями; а матросъ Соколовъ, привязывавшій по приказанію Васильева Борисова, кромѣ того, показалъ, что, по разсказамъ другихъ матросовъ, такъ какъ самъ свидѣтель служилъ у Кашина не долго, — Васильевъ и раньше продѣлывалъ такія-же штуки; такъ, однажды онъ привязалъ такимъ-же образомъ беременную женщину, потомъ солдата... Васильевъ, конечно, отрицалъ истязаніе и говорилъ, что онъ хотѣлъ только «немножко проучить Борисова за безбилетный проѣздъ, а затѣмъ высадить на первой пристани, истязать-же и не думалъ», говорилъ, что Борисовъ оставался привязаннымъ не болѣе 15 мин. и что положеніе его не было мучительно, иначе онъ-бы кричалъ. «Гг. присяжные! сказалъ онъ въ заключительномъ словѣ, будьте такъ *любезны*, не погубите меня, я вреда приносить никому не желаю, а хочу дѣлать посильную пользу обществу». Защитникъ просилъ обвинить его кліента не въ истязаніи, а только въ самоуправствѣ (любопытно, что и самъ кліентъ такимъ-же образомъ регистровалъ свой поступокъ), но присяжные не вняли этой просьбѣ и, послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія, отвѣтили: «виновенъ (въ истязаніи), но заслуживаетъ снисхожденія». Судъ приговорилъ Васильева

къ заключенію въ арестантское отдѣленіе на одинъ годъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ.

Самое интересное въ подобныхъ случаяхъ, что пассажиры III класса, на глазахъ которыхъ происходятъ подобныя исторіи, обыкновенно молчатъ, потому что имъ и помощникъ капитана представляется уже необыкновеннымъ начальствомъ: ходитъ въ шапкѣ съ околышемъ, оретъ во все горло, сквернословитъ, — что хочетъ, то и дѣлаетъ.

Третій конкурсъ на премію имени князя Александра Илларіоновича Васильчикова.

2-го октября 1881 года скончался князь А. И. Васильчиковъ, учредитель и предсѣдатель С.-Петербургскаго Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Желая почтить память своего высокоуважаемаго предсѣдателя, Отдѣленіе постановило образовать особый капиталъ для выдачи премій имени покойнаго князя. Открытая Отдѣленіемъ подписка и пожертвованія ссудо-сберегательныхъ товариществъ и земствъ образовали капиталъ свыше 10,000 руб., послѣ чего было составлено положеніе о преміяхъ, которое и утверждено г. Товарищемъ Министра Государственныхъ Имуществъ. Къ началу 1890 г. капиталъ этотъ достигъ 13,700 руб.

Извлеченіе изъ положенія о преміяхъ имени князя Александра Илларіоновича Васильчикова.

1) Капиталъ, собранный по подпискѣ, въ память литературной и общественной дѣятельности князя Александра Илларіоновича Васильчикова, для выдачи премій, находится въ распоряженіи С.-Петербургскаго Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ и признается неприкосновеннымъ. Капиталъ этотъ обращается въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и хранится въ Государственномъ Банкѣ. Преміи выдаются только изъ процентовъ съ этого капитала.

2) Преміи имени князя Александра Илларіоновича Васильчикова выдаются за сочиненія, касающіяся хозяйственныхъ условій жизни сельскаго населенія вообще и особенно вопросовъ мелкаго хозяйства, причемъ сочиненія должны имѣть задачею не одни теоретическія или историческія изслѣдованія, но и заключать въ себѣ практическія указанія способовъ и средствъ къ удовлетворенію современныхъ нуждъ и потребностей населенія, въ связи съ предметомъ сочиненія.

3) Преміи имени князя А. И. Васильчикова выдаются:

а) *по конкурсу* — за признанное лучшимъ сочиненіе, написанное на русскомъ языкѣ спеціально на заданную тему,

и б) *внѣ конкурса*—за лучшія изъ напечатанныхъ на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія, хотя бы таковыя и были увѣнчаны другими преміями, кромѣ премій по конкурсу, назначенному самимъ Отдѣленіемъ, но по содержанію соотвѣтствующія условіямъ, изложеннымъ въ п. 2 сихъ правилъ.

4) Преміи имени князя А. И. Васильчикова, какъ по конкурсу, такъ и внѣ конкурса, выдаются чрезъ каждые четыре года наличными деньгами, на сумму 2,000 руб.

5) Изъ суммы 2,000 руб. назначаются: 1,500 руб. на выдачу въ премію за сочиненія на основаніи конкурса (п. 3, а), а 500 руб. въ премію за сочиненія внѣ конкурса (п. 3, б).

6) Временемъ выдачи назначается 27-е октября, день рожденія князя А. И. Васильчикова.

7) Назначеніе конкурсныхъ темъ и присужденіе премій предоставляется С.-Петербургскому Отдѣленію Комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ.

10) Отдѣленію предоставляется употребить назначенные на выдачу въ премію по конкурсу 1,500 руб. на одну премію полностью или раздѣлить эту сумму на нѣсколько премій, какъ для распредѣленія по степени достоинства представленныхъ сочиненій, такъ и для выдачи менѣе значительныхъ премій по нѣсколькимъ одновременно заданнымъ темамъ.

11) Какъ конкурсная программа [1]), такъ и равно правила и сроки конкурса объявляются въ повременныхъ изданіяхъ.

12) Представляемыя на конкурсъ рукописи сочиненій должны обозначаться особымъ девизомъ; имя же автора и мѣстожительство его должны быть означены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, имѣющемъ одинаковый съ рукописью девизъ.

13) Отдѣленію предоставляется опредѣлять подробности относительно времени и порядка представленія, разсмотрѣнія и печатанія конкурсныхъ сочиненій.

14) О состоявшемся конкурсѣ объявляется въ повременныхъ изданіяхъ, съ подробнымъ разборомъ премированныхъ сочиненій. Въ публикаціяхъ о присужденныхъ преміяхъ долженъ заключаться и подробный отчетъ о состояніи капитала и нарослихъ процентахъ за истекшій промежутокъ времени.

На основаніи §§ 11 и 13 означеннаго положенія, С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что для конкурса на премію имени князя А. И. Васильчикова въ 1,500 руб. предлагается на срокъ 27 октября 1894 г. нижеслѣдующая тема:

Недостатки существующихъ въ Россіи формъ сельскаго мелкаго краткосрочнаго кредита и какія указанія для ихъ устраненія даетъ опытъ учрежденій такого же кредита на Западѣ.

Для соисканія преміи въ 1,500 руб. на вышеозначенную тему, сочиненія должны быть представлены въ С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ не позже 1-го февраля 1894 г. Рукописи должны обозначаться особымъ девизомъ; имя же автора и мѣстожительство его должны быть означены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, имѣющемъ одинаковый съ рукописью девизъ.

Независимо отъ преміи по конкурсу, Отдѣленіе оставляетъ за собою право принять къ разсмотрѣнію напечатанныя на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія, по содержанію соотвѣтствующія условіямъ, изложеннымъ въ § 2 Положенія о преміяхъ имени князя А. И. Васильчикова, и присудить, на основаніи §§ 3, б. и 5 Положенія, за лучшее изъ нихъ, 27-го октября 1894 г., премію внѣ конкурса въ 500 руб.

---

[1]) Программа эта будетъ напечатана въ слѣдующемъ выпускѣ «Сообщеній Отдѣленія».

НАУЧНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

IV-ый съѣздъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.

Вступленіе. — Борьба со смертью. — Единство гипнотизма у человѣка и животныхъ. — Наслѣдственность и ея законы. — О призрѣніи брошенныхъ дѣтей общественными учрежденіями. — Предохранительныя мѣры противъ зараженія чахоткой. — Объ организаціи санитарной части на фабрикахъ, заводахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ. — Нѣкоторыя данныя о посѣщеніи съѣздовъ врачами.

Въ январѣ текущаго года въ Москвѣ состоялся IV-ый съѣздъ русскихъ врачей въ память *Н. И. Пирогова*. Согласно уставу, съѣзды эти собираются поочередно, то въ Москвѣ, то въ С.-Петербургѣ. Подобно предъидущимъ съѣздамъ и настоящій привлекъ нѣсколько сотъ врачей изъ разныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества и соединилъ ихъ для совмѣстнаго обсужденія нѣсколькихъ десятковъ научныхъ и практическихъ вопросовъ изъ области медицины и врачебнаго быта.

Само собою разумѣется, что мы не можемъ передать здѣсь содержанія всѣхъ сдѣланныхъ сообщеній, во 1-хъ, потому, что большинство изъ нихъ представляетъ спеціальный интересъ для врачей и, во 2-хъ, за недостаткомъ мѣста. Принимая въ особенности во вниманіе послѣднее обстоятельство, мы остановимся вкратцѣ лишь на нѣкоторыхъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ двухъ общихъ собраніяхъ, и на немногихъ докладахъ (о призрѣніи незаконнорожденныхъ дѣтей, о мѣропріятіяхъ противъ чахотки, по фабричной гигіенѣ и нѣкоторыхъ другихъ), заслуживающихъ, по затронутымъ въ нихъ вопросамъ, широкаго вниманія общества.

I.

«*Борьба со смертью*» послужила темой для рѣчи, произнесенной проф. *Ф. Ф. Эрисманомъ* на первомъ общемъ собраніи членовъ всѣхъ секцій съѣзда. Указавъ на неизбѣжность смерти, авторъ замѣтилъ, что съ ней можно было бы еще мириться, если бы она «представляла изъ себя лишь конечную стадію и естественное послѣдствіе постепеннаго

увяданія организма, совершающагося подъ вліяніемъ тѣхъ измѣненій въ анатомическомъ строеніи и въ физіологическихъ функціяхъ важнѣйшихъ для жизни органовъ, которыя наступаютъ съ годами, и противъ которыхъ мы рѣшительно безсильны». Но въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ иное: кромѣ этихъ естественныхъ причинъ, смертность зависитъ еще отъ нѣкоторыхъ другихъ, какъ это видно изъ многихъ данныхъ. Сопоставляя, напр., смертность населенія въ разныхъ мѣстностяхъ, мы видимъ, что она подвергается въ этомъ отношеніи значительнымъ колебаніямъ. Такъ, напр., въ Швеціи и Норвегіи въ теченіи года умираетъ менѣе 20 изъ 1,000 жителей, а въ Россіи—больше 36. Есть города, въ которыхъ смертность не превышаетъ 23—24-хъ на 1,000 живущихъ, и такіе, въ которыхъ умираетъ въ $1^1/_2$—2 раза больше жителей. Далѣе, данныя о возрастномъ составѣ умершихъ показываютъ, что лишь немногіе доживаютъ до старости. Большинство же людей погибаетъ въ молодыхъ годахъ, хотя и въ этомъ отношеніи смертность представляется неодинаковой въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ, напр., въ Бельгіи на первомъ году жизни погибаетъ слишкомъ 20% всѣхъ умершихъ, а 37% ихъ относятся до дѣтей моложе 5 лѣтъ. Лишь 17% умершихъ находятся въ возрастѣ старше 70-ти лѣтъ. Въ Европейской же Россіи на этотъ возрастъ падаетъ лишь 6% всѣхъ умершихъ, 34% ихъ составляютъ новорожденные, а 55%, т. е. *больше половины* — дѣти моложе 5 лѣтъ. Многіе склонны относиться очень легко къ этой дѣтской смертности, полагая, что государство отъ этого не очень много теряетъ. Въ дѣйствительности же дѣло представляется далеко не въ столь благопріятномъ видѣ. «Всѣ умирающія дѣти», говоритъ профессоръ *Ф. Ф. Эрисманъ*, «являются между нами лишь какъ гости и, пока живы, только потребляютъ, пользуются плодами труда остального общества, никогда не возвращая ему своимъ трудомъ тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя были затрачены на нихъ. Не буду здѣсь заниматься математическими выкладками; скажу только, что матеріальные убытки, причиняемые европейскимъ государствамъ большой смертностью, исчисляются въ сотни милліоновъ рублей ежегодно. Прибавлю, *что именно неравномѣрное, въ территоріальномъ отношеніи, распредѣленіе дѣтской смертности является разительнѣйшимъ доказательствомъ того, что наблюдаемая мѣстами огромная дѣтская смертность представляетъ собою не явленіе неизбѣжное, роковое, неустранимое, а такое, съ которымъ можно и должно бороться*, — такое, котораго не должно быть среди общества, живущаго сознательно и преслѣдующаго извѣстные идеалы».

Цѣлый рядъ другихъ статистическихъ данныхъ несомнѣнно доказываетъ, что смертность находится въ тѣсной зависимости отъ экономическихъ условій и профессій различныхъ группъ населенія. «Наиболѣе тяжелое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи производитъ», по сло-

вамъ профессора *Ф. Ф. Эрисмана*, «*роковое вліяніе степени зажиточности родителей на дѣтскую смертность*, и чрезвычайно грустно видѣть, какъ въ настоящее время надъ дѣтьми бѣдняковъ, съ самаго момента ихъ рожденія, виситъ Дамокловъ мечъ большей смертности въ сравненіи съ тою, которой подвергаются болѣе счастливыя дѣти зажиточныхъ родителей. И если вообще обидно для человѣка, когда судьба его больше опредѣляется внѣшними условіями, нежели его собственнымъ разумомъ, то именно здѣсь насъ должно глубоко возмущать, *что однимъ фактомъ рожденія ребенка въ той или другой средѣ впередъ опредѣляется продолжительность его жизни, его право на дальнѣйшее существованіе*».

Доказавъ такимъ образомъ, что смертность далеко не всегда обусловливается естественнымъ увяданіемъ человѣческаго организма, и что огромное большинство людей умираетъ преждевременно подъ роковымъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, авторъ переходитъ къ краткому историческому обзору различныхъ способовъ веденія борьбы со смертью. Съ давнихъ временъ, хотя съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами и съ неодинаковымъ успѣхомъ, борьба эта велась двоякимъ путемъ: а) излеченіемъ болѣзней и б) предупрежденіемъ ихъ. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить широкія предупредительныя мѣропріятія древнихъ культурныхъ народовъ (евревъ, грековъ, римлянъ), имѣвшія преимущественно общественный характеръ. Въ среднихъ вѣкахъ, во время господства непроходимаго невѣжества, ханжества, ужаснаго суевѣрія и грубыхъ инстинктовъ, о борьбѣ человѣка со смертью никто не заботился. Лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ многіе писатели разрабатывали такъ называемую «гигіастику», т. е. діэтетику для здоровыхъ. Въ XVIII-мъ столѣтіи это направленіе въ предупредительной медицинѣ достигло своего кульминаціоннаго пункта въ знаменитой «Макробіотикѣ» профессора *Гуфеланда*, въ которой намѣчены были способы и средства для достиженія долговременной индивидуальной жизни. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ указывались способы веденія борьбы со смертью, такъ сказать, *на индивидуальной почвѣ*, иначе говоря, рекомендовались средства, при помощи которыхъ отдѣльныя лица могутъ предохранять себя отъ преждевременной смерти. Но при всей цѣлесообразности этихъ средствъ, имѣется еще не малое число ихъ, недоступныхъ каждому человѣку въ отдѣльности, но имѣющихъ гораздо болѣе широкое значеніе въ дѣлѣ охраненія здоровья цѣлыхъ группъ населенія. Изысканіемъ этихъ средствъ и организаціей борьбы со смертью при помощи *общественныхъ силъ* занялись только въ первой половинѣ текущаго столѣтія и притомъ прежде всего въ Англіи. Здѣсь, начиная съ сороковыхъ годовъ, произведенъ былъ въ городахъ цѣлый рядъ грандіозныхъ работъ по сооруженію канализаціи, водоснабженія и проч., кото-

рыми англичане, по справедливости, могутъ гордиться, и при помощи которыхъ имъ удалось весьма значительно понизить смертность своего населенія.

Выяснивъ затѣмъ значеніе общественныхъ санитарныхъ сооруженій и вообще *способовъ общественной борьбы со смертью*, Ф. Ф. *Эрисманъ* говоритъ, что хотя результаты этихъ мѣропріятій и не могутъ быть въ точности предусмотрѣны, тѣмъ не менѣе можно «смѣло разсчитывать, что при систематической, правильно организованной общественной борьбѣ противъ болѣзней и смерти, *общая смертность можетъ быть понижена до 17—18 на 1.000 живущихъ*, а это, по отношенію къ Россіи, составляетъ пониженіе смертности на 50%, причемъ въ одной Европейской Россіи ежегодно останутся въ живыхъ лишніе $1^1/_2$ милл. людей». Есть, слѣдовательно, изъ за чего и изъ за кого хлопотать!

II.

Слѣдующимъ ораторомъ выступилъ почтенный харьковскій профессоръ *В. Я. Данилевскій*, избравшій темой для своей рѣчи «*единство гипнотизма у человѣка и животныхъ*». «Лѣтъ 10—15 тому назадъ не только писать о животномъ магнетизмѣ или гипнотизмѣ, но даже и серьезно говорить о немъ считалось», по словамъ *В. Я. Данилевскаго*, «многими дѣломъ, недостойнымъ научно-образованнаго человѣка. Теперь же мы насчитываемъ уже цѣлыя сотни ученыхъ сочиненій, написанныхъ по тому же вопросу; существуетъ рядъ научныхъ журналовъ, спеціально посвященныхъ гипнотизму; число врачей, признающихъ уже его право гражданства въ медицинской наукѣ, увеличивается чуть не съ каждымъ днемъ. Причина такого быстраго поворота заключается въ томъ, что строго научное изслѣдованіе нашло много вѣрнаго и интереснаго въ тѣхъ явленіяхъ, которыя еще не такъ давно составляли содержаніе лишь публичныхъ представленій магнетизеровъ, или же которыя дѣлались орудіемъ «чудодѣйственнаго» леченія въ рукахъ рѣдкихъ въ своемъ родѣ, отважныхъ, убѣжденныхъ врачей».

Начиная съ древнѣйшихъ временъ, человѣчество усвоило уже себѣ вѣру въ таинственныя магическія силы вообще и нѣкоторыхъ людей въ особенности, относя къ непостижимымъ и устрашающимъ магическимъ дѣствіямъ и такіе факты (гаданія, общенія человѣка съ другимъ невидимымъ міромъ, ясновидѣнія, заклинанія, магическая сила талисмановъ), которые разсматриваются теперь, какъ проявленія такъ называемаго животнаго магнетизма или сродныхъ ему состояній. Такъ, напр., уже халдейскіе жрецы и брамины знали объ исцѣляющей силѣ возложенія рукъ. Нѣкоторымъ римскимъ писателямъ (*Марціалу*, *Апулею*, *Плавту*, *Агриппѣ* и друг.) извѣстно было, что можно усыпить человѣка прикосновеніемъ руки, что въ тѣ времена сопровождалось

заклинаніями. Царь *Пирръ* обладалъ, по словамъ *Плутарха*, способностью погружать въ глубокій сонъ людей, прикасаясь къ нимъ своей ногой. Сюда же относится состояніе искусственно вызваннаго экстаза, въ которомъ маги, жрецы, оракулы, какъ бы отрѣшившись отъ міра сего и войдя въ сношеніе съ міромъ невидимыхъ духовъ, предрекали свои предсказанія. Интересно отмѣтить, что уже въ тѣ времена нѣкоторые непредубѣжденные ученые *(Аристотель, Гераклитъ)* разсматривали эти предсказанія, какъ продуктъ не магическаго наитія свыше, а особеннаго *болѣзненнаго* состоянія, въ которомъ духъ человѣка пріобрѣталъ способность самостоятельно предвидѣть и прорицать. Подобныя состоянія экстаза и сомнамбулизма вызывались въ древности, какъ и теперь, способами, несомнѣнно принадлежащими гипнотизму или, что тоже, животному магнетизму. Такъ, напр., индійскіе факиры пристально смотрятъ съ этой цѣлью долгое время на кончикъ своего носа. Древніе египетскіе жрецы заставляли пристально смотрѣть на какіе-то кабалистическіе знаки, начертанные на днѣ блестящаго металлическаго блюда; древніе Друиды и Ольруны прислушивались къ шуму священныхъ деревьевъ и журчанію ручья; дельфійскіе оракулы вдыхали какіе-то наркотическіе пары и т. д. Сюда же слѣдуетъ отнести примѣняющійся у насъ способъ гаданія въ зеркалѣ, сопровождающійся разнузданнымъ воображеніемъ, иллюзіями и галлюцинаціями.

Переходя къ объясненію этихъ разнообразныхъ фактовъ и явленій, авторъ замѣчаетъ, что мы ближе всего можемъ подойти къ этому *сравнительнымъ* психофизіологическимъ анализомъ гипнотизма у животныхъ и у человѣка. У первыхъ психическія явленія гораздо проще. Соотвѣтственно этому и весь комплексъ гипнотическихъ симптомовъ представляется у нихъ въ *болѣе упрощенной формѣ*. Еще до сихъ поръ нѣкоторые авторитетные знатоки гипнотизма признаютъ, что животный гипнозъ не имѣетъ ничего общаго съ человѣческимъ. Въ дѣйствительности же между ними нельзя провести рѣзкой границы, и они оба весьма близки другъ къ другу, какъ по своему происхожденію, такъ и по основнымъ явленіямъ своимъ. Въ единствѣ гипнотизма у человѣка и животныхъ не трудно убѣдиться. Для этого достаточно установить единство наиболѣе существенныхъ симптомовъ, изъ которыхъ послѣдовательно развивается вся картина гипноза.

Въ половинѣ XVII вѣка профессоръ и іезуитъ *Кирхеръ* произвелъ слѣдующій опытъ. Онъ клалъ курицу бокомъ и удерживалъ ее крѣпко въ этомъ положеніи, пока она не успокоивалась. Проведши затѣмъ поперегъ ея головы черту мѣломъ, онъ находилъ, что курица продолжала преспокойно лежать въ этомъ *неестественномъ* положеніи даже послѣ того, какъ ее переставали удерживать. Опытъ этотъ, хотя и повторялся затѣмъ неоднократно многими учеными, но впервые на него

взглянулъ съ научной стороны физіологъ *Чермакъ* въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія. Ученый этотъ между прочимъ нашелъ, что вышеописанный опытъ вполнѣ удается и безъ проведенія черты мѣломъ. *В. Я. Данилевскій* производилъ подобные-же опыты съ полнымъ успѣхомъ надъ самыми разнообразными животными: надъ ракомъ, крабомъ, лангустомъ, омаромъ, каракатицей, осьминогомъ, камбалой, электрическимъ гимнотомъ, лягушкой, головастикомъ, тритономъ, ящерицей, крокодиломъ, змѣей, черепахой, различными птицами, морской свинкой, кроликомъ и друг. Удерживая насильно какое-нибудь изъ этихъ животныхъ въ неестественномъ для него положеніи тѣла, до прекращенія противодѣйствія съ его стороны, онъ всегда находилъ, что животное продолжаетъ затѣмъ спокойно лежать въ томъ-же положеніи и безъ всякаго удерживанія въ теченіи нѣсколькихъ минутъ или даже 1—2 часовъ. Въ это-же время у животныхъ наблюдается сильнѣйшее пониженіе чувствительности кожи и слизистыхъ оболочекъ: оно не реагируетъ ни на какія физическія и химическія раздраженія ихъ (уколы, порѣзы, ожоги, электрическій токъ). Угнетеніе произвольныхъ движеній, т. е. параличъ воли и пониженіе чувствительности (анестезія), доходятъ до того, что можно наркотизировать животное до смерти, безъ всякаго съ его стороны сопротивленія, давая ему вдыхать ѣдкія или ядовитыя вещества: нашатырный спиртъ, пиридинъ, никотинъ, эфиръ, хлороформъ. Очень интересенъ слѣдующій опытъ. «Если загипнотизировать лягушку и закрыть ея ноздри мокрой бумажкой, то по истеченіи четверти или полминуты можно замѣтить слѣдующее: глаза закрываются, дыхательныя мышцы сокращаются спазмодически, голова сильно вытягивается впередъ, лягушка даже судорожно раскрываетъ ротъ, но припадки *удушья* все-таки продолжаются — лапки лягушки остаются неподвижными, хотя онѣ совершенно свободны. Если теперь, такъ сказать, разбудить лягушку: дать ей сѣсть *обычнымъ* способомъ, то она вскорѣ-же, *очнувшись*, ловкимъ движеніемъ передней лапки сбрасываетъ эту бумажку. Стало быть, несомнѣнно *это* произвольное движеніе *самозащиты* было парализовано во время гипноза».

Кромѣ *паралича воли* и *анестезіи* у нѣкоторыхъ загипнотизированныхъ животныхъ наблюдаются еще явленія *каталепсіи*. Всѣ эти симптомы вызываются внѣшнимъ физическимъ *насиліемъ*, *принужденнымъ неестественнымъ* положеніемъ тѣла, производящимъ *психорефлекторное угнетеніе центральныхъ процессовъ*.

У человѣка явленія гипноза, чѣмъ-бы онъ ни былъ вызванъ (пассами-ли, внушеніемъ-ли, фиксированіемъ-ли взгляда), представляются болѣе сложными и разнообразными. Такъ, у загипнотизированныхъ людей наблюдаютъ ослабленіе самостоятельнаго мышленія и волевыхъ импульсовъ, прекращеніе произвольныхъ движеній, нѣкоторое помраченіе со-

знанія, аномаліи чувствъ, анестезіи или даже гиперестезіи, экзальтацію воображенія, такъ сказать, поляризованнаго извнѣ, сильное возбужденіе чувствъ, афектовъ со всѣми ихъ физическими послѣдствіями. Явленія каталепсіи, летаргіи, сомнамбулизма объясняются, по мнѣнію автора, проще всего, невольнымъ или вольнымъ, словеснымъ или какимъ-либо инымъ *внушеніемъ*.

По изложеніи фактическихъ данныхъ авторъ перешелъ къ подробному разсмотрѣнію отдѣльныхъ явленій гипнотизма у человѣка и вызывающихъ ихъ причинъ. Опуская, за недостаткомъ мѣста, чрезвычайно интересныя данныя, приведенныя по этому поводу почтеннымъ авторомъ, передадимъ здѣсь (его же словами) общій выводъ изъ его теоретическихъ разсужденій. «Гипнозъ человѣка есть временное, искусственно вызванное *угнетеніе воли*. Оно состоитъ въ полномъ угнетеніи *личнаго «я»*, а потому дѣлаетъ и душу и тѣло субъекта доступнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Въ основѣ этого состоянія лежитъ, сознаваемое или безсознательное, инстинктивное чувство насилія или принужденія (къ которымъ авторъ причисляетъ пассы, внушеніе, фиксированіе глаза и т. п.), какъ *атавистическая форма гипноза отъ страха у животныхъ*. Гипнотизмъ всего лучше иллюстрируетъ *несовмѣстимость чувства принужденія и насилія съ одной стороны и самостоятельности воли и мышленія съ другой*. Этотъ антагонизмъ, какъ извѣстно, проявляется весьма рельефно не только въ гипнозѣ, но и въ сознательной жизни человѣка. Всякое порабощеніе *произвольныхъ дѣйствій* неминуемо влечетъ за собою ослабленіе самостоятельнаго мышленія. Ограниченіе личнаго произвола въ средѣ движеній, или насильственное направленіе ихъ извнѣ, роковымъ образомъ сопряжено съ подобною же поляризаціей и угнетеніемъ и въ сферѣ мысли... Гипнотизмъ едва ли въ состояніи исправить какіе либо *врожденные* душевные недостатки, но онъ съ успѣхомъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнять обыкновенныя увѣщеванія или приказанія, и именно потому, что въ гипнозѣ *тѣ же самыя внушенія* дѣйствуютъ несравненно сильнѣе вслѣдствіи отсутствія психологическаго противудѣйствія и произвольнаго сопротивленія»... Въ виду этихъ свойствъ гипнотизма онъ представляетъ большой интересъ для врача, педагога и криминалиста. Но на сколько мы вправѣ пользоваться этимъ средствомъ? На сколько мы вправѣ *порабощать свободную волю человѣка?* На сколько цѣлесообразно воздѣйствовать на душу человѣка помимо его *сознанія?* Общаго отвѣта на эти вопросы дать нельзя. Въ рукахъ врача гипнотизмъ можетъ оказаться въ очень многихъ случаяхъ драгоцѣннымъ средствомъ. Для педагога же и криминалиста умственныя и нравственныя вліянія тѣмъ болѣе драгоцѣнны, чѣмъ сознательнѣе и убѣжденнѣе они воспринимаются человѣкомъ. «Личное совершенствованіе въ нравственной сферѣ

неминуемо требуетъ сознательной работы мысли, безъ участія которой никакія нравственныя убѣжденія или правила не могутъ быть сознательно усвоены или выработаны. Стало быть, внушенія только тогда могутъ способствовать умственному и нравственному развитію, если они не вызываютъ чувства принужденія, т. е., если эти внушенія не дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на волю и мышленіе».

III.

Приватъ-доцентъ Харьковскаго университета *И. Г. Оршанскій* разсмотрѣлъ въ своей интересной рѣчи весьма сложный и мало еще разъясненный до сихъ поръ вопросъ: «*наслѣдственность и ея законы*». У дѣтей обыкновенно замѣчается, какъ извѣстно, сходство съ однимъ или обоими родителями. Это обыкновенное явленіе, хотя встрѣчается не мало исключеній. Оно свойственно не только человѣку, но и животнымъ, и растеніямъ. У всѣхъ ихъ мы наталкиваемся на два явленія или, правильнѣе, закона—типа и индивидуальности. Свойства живыхъ существъ передавать потомству свой типъ и называется наслѣдственностью. Свойство это идетъ гораздо дальше, чѣмъ это обыкновенно принято думать. Въ самомъ дѣлѣ, ткани нашего организма постоянно изнашиваются, при чемъ погибающія клѣточки замѣняются новыми. Очевидно, о единствѣ и постоянствѣ организма не могло бы быть и рѣчи, если бы эти вновь нарождающіеся элементы не формировались по типу старыхъ клѣтокъ и не группировались въ старыя формы «Сила наслѣдственности или уподобленіе вновь развивающихся элементовъ старымъ оказывается, слѣдовательно, универсальнымъ свойствомъ всякой живой ткани, будь то клѣтка, органъ или индивидъ. И тѣ явленія, которыя принято называть наслѣдственностью, т. е. передача типа отъ родителей къ дѣтямъ, есть не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ наслѣдственности, которую можно назвать индивидуальной и имѣющей свой спеціальный органъ. Въ низшихъ же организмахъ обѣ формы наслѣдственности, индивидуальная и элементарная, нераздѣльны: изъ одной и той же клѣтки можетъ развиться и весь организмъ, и любая его часть».

Не одинъ только общій внѣшній типъ передается путемъ наслѣдственности. Послѣдняя идетъ дальше и распространяется на отдѣльныя черты, формы и отправленія отдѣльныхъ органовъ и на такія біологическія и духовныя свойства, какъ плодовитость, долголѣтіо, предрасположеніе къ извѣстнымъ болѣзнямъ, таланты и странности, характеръ и склонности, и проч., и проч.

Многочисленныя данныя, собранныя по вопросу о наслѣдственности, были разработаны въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Результаты этихъ трудовъ послужили основаніемъ для нѣсколькихъ теорій на-

слѣдственности (*Геккеля*, *Дарвина*, *Дюзинга*, *Тюри*, *Вейсмана* и друг.). Изложивъ всѣ эти теоріи, *И. Г. Оршанскій* резюмировалъ слѣдующимъ образомъ современное состояніе вопроса о наслѣдственности:

1) Наслѣдственность или вліяніе родителей на потомство обнаруживается въ двухъ направленіяхъ:—въ сходствѣ или передачѣ типа и въ передачѣ пола.

Наблюденія надъ передачей сходства обнаруживаютъ, что послѣднее происходитъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, напримѣръ, то прямо отъ отца къ сыну, то перекрестно, то косвенно, то, наконецъ, возвратно — атавизмъ и т. д., при чемъ, кромѣ явной наслѣдственности, существуетъ и скрытая.

Опредѣленнаго закона при этомъ не найдено.

2) Относительно происхожденія того или другого пола доказано нѣкоторое вліяніе возраста родителей [1]), степени зрѣлости яйца [2]), питанія въ зародышевомъ періодѣ развитія [3]) и, наконецъ, предполагается вліяніе конституціонной силы родителей.

3) Рядомъ со сходствомъ замѣчается и индивидуальность или несходство, часто доходящее до полнаго различія между потомками и предками. Это явленіе, называемое врожденностью, объясняется вліяніемъ несходныхъ условій развитія зародыша (*Ламаркъ*) или смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ зародышевыхъ элементовъ родителей (*Вейсманъ*).

4) Основаніемъ всѣхъ гипотезъ о наслѣдственности и происхожденіи половъ служатъ теоріи оплодотворенія, имѣющія два главныхъ направленія—динамическое (*Гиссъ*) и морфологическое (*Вейсманъ*).

Благодаря массѣ статистическихъ и экспериментальныхъ изслѣдованій, удалось уже такимъ образомъ сдѣлать нѣсколько твердо-установленныхъ обобщеній по вопросу объ условіяхъ унаслѣдованія пола. Нельзя сказать того-же объ условіяхъ наслѣдственной передачи сходства. Для разъясненія ихъ до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано, если не считать немногихъ болѣе или менѣе случайныхъ наблюденій и не совсѣмъ основательныхъ изъ нихъ выводовъ и обобщеній. Объясняется это тѣмъ, что полъ представляется факторомъ вполнѣ объективнымъ и легко опредѣлимымъ; въ сходствѣ-же имѣется много трудно уловимаго

---

[1]) Законъ *Гофакера-Гелерта*: полъ старѣйшаго изъ родителей преобладаетъ въ потомствѣ. Кромѣ того каждый полъ въ извѣстномъ возрастѣ (отецъ въ 30—35 лѣтъ, мать въ 25— 30 лѣтъ) обнаруживаетъ наибольшую тенденцію передавать потомству свой полъ.

[2]) Молодыя яички, т. е. только что выдѣлившіяся изъ *Графова* пузырька, будучи оплодотворены, даютъ, по *Тюри*, преимущественно самокъ, при позднѣйшемъ-же оплодотвореніи — больше самцовъ.

[3]) Лучшія условія питанія благопріятствуютъ, по мнѣнію большинства натуралистовъ, рожденію особей женскаго пола, а худшія условія даютъ перевѣсъ особямъ мужскаго пола.

и при опредѣленіи его представляется широкій просторъ произвольнымъ субъективнымъ впечатлѣніямъ за отсутствіемъ общепринятыхъ признаковъ, которые могли-бы служить исходной точкой для подобнаго рода изслѣдованій. Пробѣлъ этотъ попытался до нѣкоторой степени пополнить авторъ, приведенный къ этому изслѣдованію изученіемъ условій наслѣдственной передачи собственно нервныхъ и психическихъ болѣзней (*И. Г. Оршанскій*—спеціалистъ по психіатріи и нервнымъ болѣзнямъ). Съ этой цѣлью онъ попытался прослѣдить статистическимъ путемъ распредѣленія сходства въ потомствѣ параллельно и въ связи съ распредѣленіемъ половъ, взявъ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, объектомъ сходства цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ или антропологическій типъ. Кромѣ того, усумнившись въ пригодности того метода, которымъ до сихъ поръ пользовались для опредѣленія числовыхъ отношеній половъ и который состоитъ въ сравненіи валовыхъ чиселъ ежегодно рождающихся дѣтей того и другого пола, для выясненія истиннаго закона рожденія по поламъ, если таковой, вообще, существуетъ, *И. Г. Оршанскій* счелъ необходимымъ воспользоваться для своихъ наблюденій новымъ основаніемъ, новой единицей. За таковую онъ принялъ семью, исходя изъ того соображенія, что законъ рожденій и распредѣленія по поламъ цѣлой общины долженъ представлять собою сумму, равнодѣйствующую рожденій отдѣльныхъ семействъ. Онъ попытался поэтому собрать исторіи рожденій цѣлаго ряда семействъ за всѣ періоды ихъ производительной жизни и изобразилъ графически всѣ полученныя такимъ образомъ данныя. Изъ наблюденій оказывается, что почти въ каждой семьѣ имѣются и мальчики и дѣвочки. Семействъ, состоящихъ изъ однихъ только мальчиковъ и однѣхъ дѣвочекъ, очень мало (около 3%). Если изобразить ходъ рожденій кривой, въ которой мальчики будутъ надъ горизонтальной чертой, а дѣвочки—внизу, то получимъ волнообразную линію, называемую авторомъ семейной кривой рожденій. Такъ какъ каждая кривая должна начаться или мальчиками или дѣвочками, то получимъ слѣдующіе два основныхъ типа кривыхъ: типъ 1-й, начинающійся съ мальчиковъ, и типъ 2-й, начинающійся дѣвочками.

Такія кривыя встрѣчаются, собственно, не всегда. Во многихъ случаяхъ мальчики и дѣвочки чередуются 2, 3, 4 и больше разъ въ теченіи всего производительнаго періода.

Выяснивъ такимъ образомъ основные способы обработки данныхъ о наслѣдственности, авторъ перешелъ къ изложенію результатовъ своихъ собственныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ сельскимъ и городскимъ населеніемъ. По метрическимъ записямъ одной малороссійской общины, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, ему удалось прослѣдить за 30 лѣтъ порядокъ рожденій въ 274 семьяхъ. Общее число рожденій

равнялось 1556; изъ нихъ 852 мальчика и 704 дѣвочки, т. е. 121 м. на 100 дѣв. Въ бракахъ съ супругами: моложе 20 лѣтъ отношеніе это равнялось 114 : 100; старше 20 л. — 134 : 100; отъ 20 до 25 л. — 119 : 100; старше 25 лѣтъ — 158 : 100; при одинаковомъ возрастѣ супруговъ (браки эти вмѣстѣ съ тѣмъ оказались и наиюнѣйшими) — 101 : 100; если супругъ старше жены: на 1—5 лѣтъ — 115 : 100; на 5—10 лѣтъ — 123 : 100, при разницѣ отъ 10 лѣтъ и выше — 127 : 100 и, наконецъ, если жена старше мужа, но оба старше 20 лѣтъ — 140 : 100. Такимъ образомъ, хотя въ этихъ данныхъ и нельзя было отдѣлить другъ отъ друга два фактора: разницу въ возрастѣ родителей и абсолютный возрастъ ихъ, но тѣмъ не менѣе выяснилось, что послѣдній можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ брать перевѣсъ надъ первымъ. Вообще же данныя эти даютъ автору «право предполагать, что при равныхъ абсолютныхъ возрастахъ разница лѣтъ оказываетъ вліяніе на полъ и обратно, при равной разницѣ абсолютный возрастъ въ свою очередь опредѣляетъ полъ. Въ то же время мы не можемъ отвергнуть и того, что, какъ абсолютные возрасты, такъ и разница возрастовъ не сами по себѣ опредѣляютъ полъ, а служатъ, быть можетъ, лишь выразителями другого, еще неизвѣстнаго біологическаго фактора, съ которымъ они тѣсно связаны».

Обработка семейныхъ кривыхъ рожденій привела автора къ неожиданнымъ и существеннымъ результатамъ. Прежде всего обнаружилось, что всѣ семьи перваго типа (кривыя рожденій которыхъ начинаются съ мальчиковъ), сложенныя вмѣстѣ, даютъ огромный перевѣсъ числа мальчиковъ (148 : 100); семьи же второго типа (кривыя рожденій которыхъ начинаются съ дѣвочекъ) даютъ, напротивъ того, перевѣсъ числа дѣвочекъ (100 м. : 105 дѣв.). Этотъ фактъ тѣмъ болѣе интересенъ, что возрастныя отношенія супруговъ обѣихъ группъ почти одинаковы. Такъ, средній возрастъ мужа 1-го типа = 21,5, жены = 19,5; разница между ними = 2; средній возрастъ мужа 2-го типа = 22,5, жены = 19; разница = 3,5. Болѣе подробная обработка данныхъ о возрастѣ супруговъ привела автора къ тому заключенію, что типы не опредѣляются возрастомъ.

Дальнѣйшее изслѣдованіе семейныхъ кривыхъ рожденій показало, что почти всѣ семьи исчерпываются 4-мя фазами или періодами: двумя періодами мальчиковъ и двумя періодами дѣвочекъ. Соотвѣтственные періоды въ обоихъ типахъ отличаются одинаковой продолжительностью, такъ что $a = a'$, $b = b'$, $c = c'$ и $d = d'$. Въ каждомъ изъ этихъ типовъ первый періодъ (a, a′) равенъ, въ среднемъ выводѣ, 5-ти годамъ, 2-й (b, b′) = 5, 3-й (c, c′) = 3 и 4-й (d, d′) = 6 годамъ. Плодовитость перваго періода наивысшая, хотя она и неодинакова въ обоихъ типахъ (нѣсколько меньше во 2-мъ). Въ послѣдующихъ же періодахъ она постепенно падаетъ. Наибольшею плодовитостью 1-го періода и

обусловливается, главнымъ образомъ, перевѣсъ мальчиковъ въ семействѣ 1-го типа и дѣвочекъ въ семьяхъ 2-го типа.

При изслѣдованіи городского населенія авторомъ получены нѣсколько иные результаты. Всего изслѣдованы имъ 473 семьи (христіанскихъ и еврейскихъ почти поровну) съ общимъ числомъ 1998 дѣтей. Отношеніе мальчиковъ къ дѣвочкамъ равнялось 106 : 100. Отношеніе это колебалось въ бракахъ: до 20 лѣтъ — 111 : 100, отъ 20 до 30 лѣтъ — 102 : 100; отъ 30 до 40 л. — 98 : 100; старше 40 л. — еще большій перевѣсъ дѣвочекъ; при равномъ возрастѣ родителей — 100 : 100; при разницѣ въ 1—5 л. — 112 : 100; при разницѣ въ 5—10 л.—119 : 100; при разницѣ больше 10 л. — 96 : 100. Изъ этихъ данныхъ видно, что городское населеніе даетъ вообще меньшій перевѣсъ мальчиковъ, и что какъ абсолютный, такъ и относительный возрастъ родителей иначе отражается здѣсь на распредѣленіи половъ, чѣмъ въ сельскомъ населеніи: съ увеличеніемъ абсолютнаго возраста супруговъ перевѣсъ мальчиковъ падаетъ и замѣняется незначительнымъ перевѣсомъ дѣвочекъ. Вліяніе разности возрастовъ родителей почти одинаково, какъ въ городскомъ, такъ и въ сельскомъ населеніи, но преобладаніе мальчиковъ въ первомъ не такъ велико.

Изслѣдованіе семейныхъ кривыхъ рожденій дало, въ общемъ, во всѣхъ отношеніяхъ почти такіе жѳ результаты, какъ и въ сельскомъ населеніи. Существеннѣйшая разница состоитъ только въ томъ, что въ городскомъ населеніи число семействъ обоихъ типовъ почти одинаковое. Вотъ почему здѣсь не замѣчается такого сильнаго преобладанія мальчиковъ, какъ въ сельскомъ населеніи.

Наслѣдственную передачу сходства или типа авторъ изучалъ только на городскомъ населеніи. Изслѣдованія его показали, что «распредѣленіе дѣтей по сходству съ родителями идетъ параллельно съ распредѣленіемъ ихъ по полу. Имѣется два типа семействъ: съ перевѣсомъ сходства по отцу и перевѣсомъ сходства по матери. Эти два типа совпадаютъ съ вышеупомянутыми, т. е., гдѣ больше мальчиковъ, тамъ больше дѣтей похожихъ на отца, гдѣ больше дѣвочекъ, тамъ больше дѣтей похожихъ на мать. Въ отношеніи сходства дѣтей съ отцомъ и матерью замѣчаются тѣ же, раньше указанные чередующіеся періоды половой жизни родителей». Изъ своихъ изслѣдованій авторъ выводитъ, далѣе, слѣдующіе два спеціальныхъ закона для сходства:

1) Сходство отъ отца передается чаще дѣтямъ обоего пола, чѣмъ сходство съ матерью.

2) Сходство сыновей съ отцомъ наблюдается чаще, чѣмъ сходство дочерей съ матерью.

Атавизмъ или возвратная наслѣдственность не есть аномалія, а, напротивъ, одна изъ нормальныхъ формъ наслѣдственности, такъ какъ она

наблюдается почти исключительно въ совершенно здоровыхъ семьяхъ и, вообще, тамъ, гдѣ сходство дѣтей съ родителями выступаетъ очень рѣзко.

Переходя къ объясненію всѣхъ этихъ явленій наслѣдственности, авторъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что способность родителей передавать дѣтямъ полъ и типъ переживаетъ, подобно другимъ біологическимъ факторамъ, три фазы развитія въ теченіи жизни человѣка: 1) періодъ восходящій — молодость, 2) періодъ сравнительнаго равновѣсія—зрѣлый возрастъ и 3) періодъ увяданія—средній возрастъ. Въ первомъ періодѣ наслѣдственная способность относительно не велика. Съ завершеніемъ же физическаго развитія она достигаетъ своего максимума, держится затѣмъ въ теченіи нѣкотораго времени на одинаковой высотѣ и, наконецъ, съ вступленіемъ организма въ періодъ упадка, начинаетъ падать. Время наступленія этихъ періодовъ и продолжительность ихъ неодинаковы у мужчинъ и женщинъ. Такъ, у послѣднихъ физическое развитіе начинается раньше, на 1—2 года, быстрѣе совершается и раньше достигаетъ своего максимума. Стаціонарный періодъ у нихъ короче, и онѣ раньше начинаютъ старѣться. Уже въ силу этихъ условій сплошь и рядомъ должны совпадать неодинаковая наслѣдственная способность у мужчины и женщины, вслѣдствіе чего одинъ изъ этихъ элементовъ и долженъ брать перевѣсъ въ развитіи зародыша и образованіи изъ него мальчика или дѣвочки. Кромѣ возраста, на намѣченный выше ходъ развитія наслѣдственной способности родителей вліяютъ еще и другія условія, напр., состояніе здоровья, питаніе и проч. Позволительно, поэтому, предполагать, что у одного и того же человѣка способность эта можетъ достигать своего максимума нѣсколько разъ. Этимъ обстоятельствомъ, а также несовпаденіемъ во времени этихъ максимумовъ у обоихъ родителей слѣдуетъ объяснять чередованіе рожденій и происхожденіе періодовъ (то мальчиковъ, то дѣвочекъ). Наконецъ, меньшее преобладаніе мальчиковъ у горожанъ, чѣмъ у поселянъ, объясняется тѣмъ, что «городская женщина раньше развивается физически, т. е. какъ бы старше, зрѣлѣе своихъ лѣтъ; меньше изнуряется работой и кормленіемъ, слѣдовательно, позднѣе старѣетъ».

IV.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ докладамъ, обсуждавшимся настоящимъ съѣздомъ врачей. Женщина-врачъ *М. П. Рашковичъ* сдѣлала докладъ: «*къ вопросу о призрѣніи подкинутыхъ дѣтей общественными учрежденіями*». Коммисія, обсуждавшая въ прошломъ году въ Петербургѣ вопросъ о преобразованіи воспитательныхъ домовъ, признала необходимымъ возложить обязанности по призрѣнію подкидышей

на органы мѣстнаго самоуправленія и предлагала, между прочимъ, съ этой цѣлью отмѣнить 542 статью XIII т. св. зак. изданія 1857 г., запрещающую учреждать воспитательные дома. Благодаря трудамъ этой коммисіи, вопросъ о призрѣніи подкидышей обратилъ на себя общее вниманіе. Пользуясь данными о положеніи этого вопроса въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Херсонскомъ, Курскомъ и Симферопольскомъ земствахъ, Одессѣ, Харьковѣ, Саратовѣ), докладчица, съ своей стороны, попыталась намѣтить тѣ устои, которые могли бы лечь въ основаніе организаціи призрѣнія этого рода дѣтей.

Въ настоящее время примѣняются главнымъ образомъ слѣдующія двѣ системы призрѣнія подкидышей. Общественныя учрежденія или сами призрѣваютъ и воспитываютъ дѣтей въ собственныхъ пріютахъ и воспитательныхъ домахъ, или же помѣщаютъ подкидышей съ этой цѣлью у частныхъ лицъ и устраиваютъ пріюты для содержанія дѣтей только до передачи ихъ на сторону. Первая система слишкомъ дорога и не по силамъ земству. Вторая же представляется болѣе подходящей и общедоступной и въ будущемъ явится, вѣроятно, исключительнымъ способомъ устройства призрѣнія дѣтей. На эту систему докладчица обратила преимущественное вниманіе.

Статистическія данныя показываютъ, что смертность между подкидышами представляется весьма значительной. Такъ, напр., изъ 3052 дѣтей, находившихся на попеченіи херсонскаго земства въ 1874—1889 гг., умерло 2229 или 70,75%. Между тѣмъ изъ 1000 родившихся вообще въ Херсонской губерніи умираетъ 174, а въ Херсонскомъ уѣздѣ — 171 дитя. Такъ какъ питомцы херсонскаго земства воспитываются преимущественно въ предмѣстьяхъ г. Херсона, то можно было бы подумать, что значительная смертность первыхъ объясняется неблагопріятными городскими санитарными условіями. Въ дѣйствительности же оказывается, что изъ 1000 родившихся умираетъ въ возрастѣ до 1-го года: а) подкидышей херсонскаго земства — 609, б) дѣтей г. Херсона — 275,2; въ возрастѣ отъ 1-го до 2-хъ лѣтъ: а) первыхъ — 243,4, б) вторыхъ — 118,7. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что помимо общихъ санитарныхъ условій на земскихъ питомцевъ дѣйствуютъ еще другіе вредные факторы.

Статистическія данныя другихъ мѣстностей обнаруживаютъ столь же плачевные результаты призрѣнія подкидышей. Такъ, напр., изъ дѣтей, находившихся на попеченіи курскаго земства въ 1867—1888 гг., умерло 80,5%; изъ призрѣвавшихся заботами харьковскаго благотворительнаго общества въ 1873—1890 гг. умерло 62,89%, заботами Павловскаго пріюта (въ Одессѣ) въ 1869—1886 гг. — 65,3%, и проч., и проч.

Переходя къ разсмотрѣнію причинъ столь усиленной смертности подкидышей, мы видимъ, что они съ самаго рожденія подпадаютъ

вліянію цѣлаго ряда болѣе или менѣе опасныхъ условій. Перечислимъ важнѣйшія изъ нихъ, которыя къ тому же болѣе или менѣе устранимы.

Пріемъ дѣтей въ пріюты обыкновенно тайный и состоитъ въ томъ, что они подкидываются принесшими ихъ родными, т. е. кладутся въ люльку или ящикъ, или будку. По свидѣтельству многихъ врачей, этотъ способъ пріема дѣтей оказываетъ на нихъ иногда вредное вліяніе. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ херсонскомъ земствѣ) принято, чтобы дѣти, при сохраненіи той же тайны пріема ихъ, не подкидывались, а передавались непосредственно въ руки привратника.

Принятыя тѣмъ или инымъ путемъ дѣти попадаютъ сперва на нѣкоторое время въ пріютъ, гдѣ они иногда накопляются въ слишкомъ большомъ количествѣ. Переполненіе пріюта дѣтьми ухудшаетъ, конечно, санитарное состояніе его и обусловливаетъ, между прочимъ, неудовлетворительное питаніе ихъ, такъ какъ на одну кормилицу приходится иногда по 2—3 ребенка. Если это и не оказываетъ слишкомъ вреднаго вліянія на дѣтей, то лишь потому, что они остаются въ пріютѣ недолго (1 или нѣсколько дней).

Самымъ важнѣйшимъ моментомъ въ судьбѣ дѣтей является раздача ихъ кормилицамъ для дальнѣйшаго воспитанія. Дѣти попадаютъ при этомъ почти исключительно въ очень бѣдныя семьи, которыя смотрятъ на питомческій промыселъ, какъ на занятіе извозомъ, пилкой дровъ и т. п., т. е. какъ на источникъ дохода. Само собою разумѣется, что санитарныя условія, которыя дѣти встрѣчаютъ въ этихъ семьяхъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ неудовлетворительному экономическому положенію ихъ. Уже въ силу этого обстоятельства дѣти становятся частыми жертвами различныхъ болѣзней, въ особенности заразныхъ. Затѣмъ весьма важно то, что женщины, промышляющія своимъ молокомъ, принимаютъ на воспитаніе постороннихъ дѣтей лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ этого не пострадаютъ интересы ихъ собственныхъ дѣтей. Вотъ почему между этими женщинами частенько встрѣчаются такія, которыя прокормили уже годъ грудью своихъ собственныхъ дѣтей. При такихъ же обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи о правильномъ вскармливаніи пріемышей, а плохое питаніе, въ свою очередь, должно вызывать усиленную заболѣваемость и смертность ихъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть объ отсутствіи надзора или недостаточности его за положеніемъ пріемышей въ частныхъ семьяхъ со стороны общественныхъ учрежденій, на попеченіи которыхъ находятся эти дѣти. Внимательный контроль могъ бы несомнѣнно облегчить и улучшить ихъ положеніе до извѣстной степени.

Неудовлетворительное положеніе подкидышей объясняется, между прочимъ, чрезмѣрнымъ наплывомъ ихъ и недостаткомъ средствъ, имѣю-

щихся для этого въ распоряженіи общественныхъ учрежденій. Въ виду этого предложено было упорядочить самый пріемъ такого рода дѣтей и, въ числѣ другихъ мѣръ, предложили замѣнить тайный пріемъ явнымъ, исходя изъ того, что подъ покровомъ перваго могутъ совершаться злоупотребленія, что дѣтей своихъ могутъ отдавать при этомъ и состоятельные родители съ цѣлью освобожденія отъ лежащихъ на нихъ обязанностей и заботъ по воспитанію дѣтей. Но, не говоря уже о томъ, что такая замѣна способа пріема дѣтей подорвала бы въ самомъ основаніи самый принципъ общественнаго призрѣнія ихъ, состоящій въ томъ, чтобы, во избѣжаніе дѣтоубійствъ, приходить на помощь именно тѣмъ матерямъ, которыя вынуждены скрывать рожденіе у нихъ дѣтей, интересно отмѣтить слѣдующій фактъ, доказывающій несостоятельность принципа явнаго пріема ихъ. Такой пріемъ былъ установленъ, напр., курскимъ земствомъ. Послѣ этого число дѣтей на столько возросло, что земство вынуждено было вернуться къ первоначальному тайному пріему ихъ. Въ періодѣ явнаго пріема дѣтей жители начали смотрѣть на пріютъ, какъ на воспитательное заведеніе, обезпечивающее судьбу ихъ дѣтей, передача которыхъ притомъ не сопряжена ни съ какой отвѣтственностью и страхомъ.

Для устраненія перечисленныхъ выше недостатковъ системы воспитанія подкидышей въ частныхъ семьяхъ требуются, по мнѣнію докладчицы, слѣдующія мѣры:

a) Непосредственная передача дѣтей лицами, приносящими ихъ, въ руки администраціи пріюта.

b) Полная обезпеченность дѣтей, въ смыслѣ питанія и ухода до отдачи ихъ на сторону, въ пріютахъ, съ каковой цѣлью желательно расширеніе ихъ и привлеченіе къ вскармливанію дѣтей самихъ матерей, если таковыя будутъ извѣстны.

c) Болѣе продолжительное пребываніе въ пріютахъ, которое естественно должно вытекать изъ болѣе строгаго отношенія администраціи пріюта къ выбору кормилицъ. Продолжительность пребыванія подкидышей въ пріютахъ, увеличивая возрастъ выбывающихъ дѣтей, гарантируетъ бо́льшую жизненность ихъ и возможность къ борьбѣ за существованіе.

d) Болѣе строгій выборъ кормилицъ по сравненію съ существующимъ, который практически можетъ выполняться такимъ путемъ: 1) отбираніе самыхъ подробныхъ свѣдѣній о женщинахъ и ихъ семьяхъ, предлагающихъ свои услуги; 2) осмотръ кормилицъ врачами; 3) предварительное посѣщеніе, по мѣрѣ возможности, надзирающими лицами тѣхъ семей, куда передаются подкидыши.

e) Требованіе отъ лицъ, выражающихъ желаніе взять питомца на вскормленіе, свидѣтельства о рожденіи или смерти собственнаго ре-

бенка. Это необходимо для оцѣнки женщины, какъ кормилицы, и для устраненія злоупотребленій со стороны матерей, подкидывающихъ дѣтей и принимающихъ ихъ на вскормленіе за плату.

f) Надзоръ за подкидышами въ семьяхъ и усиленный медицинскій надзоръ за ними въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ.

g) Обстоятельная регистрація движенія подкинутыхъ дѣтей, необходимая, между прочимъ, для оцѣнки способа призрѣнія ихъ.

По тому же предмету сдѣланъ былъ докладъ д-ромъ *В. Радуловичемъ*: «*о призрѣніи брошенныхъ дѣтей вообще и въ орловскомъ земскомъ пріютѣ въ частности*». Въ своемъ докладѣ авторъ выступилъ, между прочимъ, защитникомъ воспитательныхъ домовъ, доказывая, что нѣкоторыя невыгодныя стороны ихъ вполнѣ устранимы, и что извѣстнымъ преобразованіемъ ихъ можно уменьшить смертность подкидышей и ограничить питомческій промыселъ.

Оба доклада вызвали оживленныя пренія, но рѣшеніе возбужденныхъ вопросовъ отложено до слѣдующаго съѣзда врачей.

Къ тому же вопросу о призрѣніи подкидышей относится и слѣдующій докладъ, сдѣланный д-ромъ *Г. М. Герценштейномъ* отъ имени русскаго сифилидологическаго общества: «*о зараженіи сифилисомъ дѣтей кормилицами и обратно, кормилицъ дѣтьми*». Первая часть доклада посвящена была мѣрамъ, которыя могутъ служить для предупрежденія зараженія дѣтей кормилицами чрезъ пріюты и конторы. Въ ней подробно указаны были правила и порядокъ дѣятельности и контроля этихъ учрежденій. Во второй части разсматривались мѣры пресѣченія зараженія кормилицъ сифилитическими дѣтьми, что наблюдается гораздо чаще, чѣмъ зараженіе послѣднихъ первыми. Для предупрежденія этого явленія коммисія сифилидологическаго общества рекомендовала слѣдующія мѣры: 1) При условіяхъ массоваго вскармливанія дѣтей, здоровыя кормилицы могутъ быть допущены къ откармливанію только здоровыхъ дѣтей. 2) Дѣти съ сифилитическими страданіями могутъ быть вскармливаемы только сифилитическими кормилицами или искусственно. 3) Исключительно искусственное вскармливаніе до нѣкотораго времени обязательно относительно всѣхъ сомнительныхъ дѣтей.

Докладъ этотъ вызвалъ весьма оживленныя пренія. При этомъ д-ръ Михайловъ сообщилъ, между прочимъ, слѣдующія интересныя и поразительныя статистическія данныя. Въ Павловскую больницу въ Москвѣ поступило въ 1884—1886 гг. 28 кормилицъ, заболѣвшихъ сифилисомъ въ воспитательномъ домѣ. Въ теченіи тѣхъ же трехъ лѣтъ 6 земскихъ врачей Московской губерніи, въ округа которыхъ высылаются питомцы воспитательнаго дома, констатировали 105 случаевъ зараженія кормилицъ сифилитическими питомцами и 20 случаевъ обратнаго зараженія (питомцевъ кормилицами).

По обсужденіи доклада секціей найдено было желательнымъ: 1) чтобы вскармливаніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ производилось исключительно искусственно, обезпложеннымъ молокомъ и 2) чтобы кормилицы допускались только для здоровыхъ дѣтей.

V.

Вопросъ о борьбѣ съ чахоткой обсуждался на нѣсколькихъ секціяхъ съѣзда и притомъ, какъ со стороны леченія, такъ и предупрежденія этой весьма распространенной болѣзни. Предупредительныя мѣры заслуживаютъ, конечно, наибольшаго вниманія общества. Мы поэтому остановимся здѣсь только на нихъ.

Въ своемъ докладѣ «*о предохранительныхъ мѣрахъ противъ заражения туберкулезомъ*» проф. *Ю. Т. Чудновскій* резюмировалъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Первая и основная мѣра для борьбы съ чахоткой сводится, вообще говоря, къ укрѣпленію человѣческаго тѣла и возможному, начиная съ утробной жизни, ограниченію всѣхъ тѣхъ условій, которыя дѣйствуютъ на него ослабляющимъ образомъ. Вторая мѣра должна заключаться, если не въ прекращеніи, то, по крайней мѣрѣ, въ возможномъ ограниченіи доступа бугорковой палочки въ человѣческое тѣло.

Въ частности мѣры эти могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Охрана женщины, во время ея беременности, отъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя могутъ вредно отразиться на общемъ питаніи какъ ея самой, такъ и носимаго ею плода.

2) Такая-же охрана ея во все продолженіе кормленія грудью.

3) Обязательность кормленія исключительно грудью не менѣе 10—12 мѣсяцевъ.

4) Постепенность прикармливанія такими пищевыми продуктами, которые наименѣе вредны для кишечника грудного ребенка, особенно въ жаркое время года.

5) Безусловное запрещеніе кормленія грудью тѣмъ матерямъ и кормилицамъ, которыя имѣютъ чахотку.

6) Возможное устраненіе ребенка отъ неопрятно содержимыхъ чахоточныхъ больныхъ.

7) Опрятное содержаніе тѣла ребенка, его бѣлья, постели, окружающаго воздуха и обстановки.

8) Возможно лучшее гигіеническое и діэтетическое содержаніе грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей при общихъ заразныхъ болѣзняхъ, равно какъ и при заболѣваніяхъ дыхательныхъ и пищеварительныхъ путей. Обязательность возможно ранняго привитія оспы.

9) Улучшеніе гигіены школьныхъ дѣтей: распредѣленіе отдыха и занятій; воздухъ классныхъ комнатъ; загородныя прогулки; снабженіе пищей; упражненія тѣла съ характеромъ игръ; спальни; чистота тѣла, бѣлья, обуви; бани, купанья.

10) Обязательное пѣніе въ школахъ; устраненіе педагогическихъ и другихъ мѣръ, препятствующихъ свободному развитію груди.

11) безусловное устраненіе всѣхъ лицъ, не достигшихъ совершеннолѣтія, отъ тяжелыхъ, хотя-бы и непродолжительныхъ, работъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ съ испорченнымъ, дурно провѣтриваемымъ воздухомъ.

12) Возможное ограниченіе ночныхъ работъ для взрослыхъ въ такихъ-же помѣщеніяхъ.

13) Устраненіе скученности жильцовъ и недостатка свѣта въ квартирѣ, улучшеніе пищи; чистота тѣла, бѣлья и платья этихъ жильцовъ. Общедоступныя чайныя, столовыя, бани, прачешныя и дезинфекціонныя камеры.

14) Ограниченіе отравленій, особенно въ видѣ раздробительной продажи водки.

15) Общедоступныя развлеченія; пѣвческія общества.

16) Общедоступность медицинской помощи и больничныхъ учрежденій; пріюты для выздоравливающихъ.

17) Выборъ занятія по указанію врача.

18) Возможное устраненіе пыли, какъ уличной, такъ и въ различныхъ помѣщеніяхъ, особенно со скученнымъ населеніемъ.

19) Строгое отношеніе къ болѣзнямъ бронхъ, легкихъ и плевры.

20) Тщательное собираніе и обезвреживаніе всѣхъ выдѣленій чахоточнаго больного; чистое содержаніе лица, полости рта и всей кожи его, равно какъ бѣлья, платья и принадлежностей его домашняго обихода.

21) Строгое и продолжительное соблюденіе правилъ гигіены каждымъ лицомъ, излечившимся отъ той или другой формы бугорковаго заболѣванія.

22) Безусловное воспрещеніе употребленія тѣхъ пищевыхъ продуктовъ животнаго происхожденія, въ которыхъ отсутствіе бугорковыхъ палочекъ не можетъ быть доказано, или-же, въ случаѣ крайности, употребленіе этихъ продуктовъ послѣ того, какъ они обезврежены высокой температурой.

Д-ръ *В. Ф. Нагорскій* сдѣлалъ сообщеніе: «*Къ вопросу о распространеніи туберкулёза среди людей пищевыми веществами и объ относящихся сюда общественно-санитарныхъ мѣрахъ*». Съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря изслѣдованіямъ *Коха*, установлено было тождество причины, производящей бугорчатку у человѣка и животныхъ, выяснилось, что болѣзнь эта можетъ переходить съ послѣднихъ на перваго при сообщеніи съ ними и ихъ продуктами, питаніи мясомъ и молокомъ. О воз-

можности передачи заразы съ послѣднимъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Грудной ребенокъ, происходящій отъ совершенно здоровыхъ родителей, не имѣвшихъ чахоточныхъ родственниковъ по восходящей линіи, заболѣлъ бугорчаткой послѣ того, какъ перешелъ къ питанію молокомъ одной коровы, оказавшейся больной бугорчаткой. Остальные члены семьи, не употреблявшіе молока отъ этой коровы, остались здоровыми.

Что касается молока туберкулезныхъ животныхъ, то докладчикъ требуетъ изъятія его изъ потребленія. Относительно-же мяса онъ выставилъ слѣдующія два положенія: 1) мясо всѣхъ туберкулезныхъ животныхъ должно быть подвергаемо изъятію изъ свободнаго отпуска съ боенъ и уничтоженію, съ вознагражденіемъ владѣльца; 2) оно можетъ быть подвергаемо на бойняхъ утилизаціи, не исключая и отпуска въ пищу при условіи обезвреживанія высокою температурою при слабыхъ степеняхъ болѣзни.

VI.

Нѣсколько докладовъ было посвящено вопросамъ профессіональной гигіены. Д-ра *И. Г. Витте* и *Н. Долополовъ* обратили въ своихъ докладахъ вниманіе на неудовлетворительное состояніе медицинской части на фабрикахъ. Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ отъ 26 августа 1866 г., обязывающее фабрикантовъ устраивать больничныя помѣщенія въ разсчетѣ 1 на 100 человѣкъ, сплошь и рядомъ обходится. Санитарная-же часть поставлена на многихъ фабрикахъ еще менѣе удовлетворительно. Столь неудовлетворительное положеніе фабричнаго врачебно-санитарнаго дѣла оба докладчика объясняютъ недостаткомъ врачей и зависимостью ихъ отъ фабрикантовъ. Въ виду этого представляется желательнымъ сліяніе фабричной медицины съ земской.

Въ частности д-ръ *И. Г. Витте* высказалъ въ своемъ докладѣ «*о сліяніи фабричной медицины съ земскою*» слѣдующія положенія:

1) Фабричная медицина въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, не можетъ считаться отраслью общественной медицины.

2) Фабричная медицина до тѣхъ поръ не будетъ имѣть никакой организаціи и будетъ фиктивною, пока будетъ находиться въ зависимости отъ субъективнаго взгляда располагающаго ею, по своему усмотрѣнію, лица, т. е. фабриканта.

3) Фабричная медицина должна быть достояніемъ общественнымъ и подчиняться контролю компетентныхъ общественныхъ учрежденій.

4) Фабричная медицина не должна быть только терапевтическою, она должна быть также и предупреждающею. Она должна, кромѣ не-

посредственной помощи больному фабричному, изучать условія жизни и работы здороваго, изыскивать мѣры, предупреждающія болѣзни и ограждающія здоровье и жизнь рабочаго.

5) Такое направленіе фабричная медицина можетъ пріобрѣсти лишь въ томъ случаѣ, если фабричный врачъ не будетъ поставленъ въ полную зависимость отъ фабриканта, какъ нынѣ, и если уѣздному врачу будетъ воспрещено совмѣстительство должности фабричнаго врача.

6) Фабрика, вслѣдствіе скученности своего населенія, условій производства, условій своей жизни, близкихъ сношеній рабочихъ между собою и постояннаго общенія съ мѣстнымъ населеніемъ, создаетъ условія, вредно вліяющія не только на здоровье самихъ рабочихъ, но и на здоровье мѣстныхъ жителей. Въ виду этого фабричная медицина не должна быть замкнутою, какъ нынѣ, въ стѣнахъ фабрики; она должна выходить изъ этихъ стѣнъ вмѣстѣ съ фабричнымъ рабочимъ, который, сливаясь съ мѣстнымъ населеніемъ, не можетъ быть оторванъ отъ него.

7) При нынѣшнемъ положеніи фабричная медицина составляетъ тормазъ для развитія земской медицины и создаетъ въ силу этого вполнѣ понятный антагонизмъ съ послѣдней.

8) Только при единствѣ дѣйствій фабричной и земской медицины возможно правильное развитіе первой, что достижимо лишь путемъ сліянія ихъ въ одну организацію.

9) Земство, какъ сила организующая, призванная самимъ закономъ заботиться «о пользахъ и нуждахъ народныхъ», должно взять на себя труды организаціи и веденія дѣла заботы о здоровьѣ фабричнаго населенія, какъ оно взяло и съ честью исполняетъ ту же задачу по отношенію гораздо болѣе обширнаго мѣстнаго населенія.

10) Фабрика-же, создающая неблагопріятныя условія для жизни и здоровья своего работника, вредно вліяющая и на здоровье мѣстнаго населенія, должна обезпечить земству тѣ матеріальныя затраты, которыя оно должно будетъ нести, принявъ на себя эту новую задачу.

11) Путемъ добровольнаго соглашенія сліяніе фабричной медицины съ земскою, какъ показалъ опытъ, не можетъ совершиться. Необходима правительственная регламентація для этого сліянія и отмѣна закона отъ 26 августа 1866 года.

Д-ръ *Н. Долгополовъ* выставилъ слѣдующія положенія къ своему докладу: «*Къ вопросу объ организаціи фабричной медицины и улучшенію положенія фабричныхъ врачей*»:

1) Общность цѣли земской и фабричной медицины требуетъ полнаго сліянія этихъ двухъ гуманитарныхъ институтовъ въ одно органическое цѣлое. Въ виду наростающей потребности въ правильно организованной фабрично-медицинской помощи и ясно выразившейся несостоятельности нынѣ существующей фабричной медицины, необходимо

направить отъ правленія IV съѣзда врачей ходатайство о немедленномъ сліяніи земской и фабричной медицины въ законодательномъ порядкѣ.

2) Институтъ фабричныхъ инспекторовъ, всецѣло заинтересованный санитарной обстановкой фабрикъ и заводовъ, въ лицѣ фабрично-земскихъ врачей можетъ имѣть активныхъ помощниковъ. Для этого необходимо ходатайствовать въ законодательномъ порядкѣ о предоставленіи права фабрично-земскимъ врачамъ быть агентами фабричныхъ инспекторовъ на фабричныхъ заводахъ. Установленіемъ органической связи между врачами и институтомъ фабричныхъ инспекторовъ широкая задача изученія санитарной обстановки фабрикъ и оздоровленія ихъ будетъ значительно подвинута впередъ.

3) Сліяніемъ фабричной медицины съ земскою и установленіемъ связи фабричныхъ врачей съ институтомъ фабричныхъ инспекторовъ будетъ улучшено положеніе врача въ смыслѣ продуктивности труда—предупрежденія профессіональныхъ болѣзней рабочихъ и широкаго леченія фабрично-заводскихъ больныхъ.

Согласно предложеніямъ обоихъ докладчиковъ постановлено ходатайствовать предъ правительствомъ о лучшей организаціи фабричной медицины вообще и о сліяніи ея съ земско-думскою въ губерніяхъ земскихъ.

VII.

Вышеизложеннымъ — далеко не исчерпываются труды съѣзда врачей. Имъ выслушанъ былъ и обсуждался еще цѣлый рядъ другихъ разнообразныхъ докладовъ. За недостаткомъ мѣста мы вынуждены ограничиться только сказаннымъ, тѣмъ болѣе, что большинство остальныхъ докладовъ представляютъ спеціальный интересъ для врачей. Въ заключеніе мы приведемъ только нѣкоторыя данныя изъ статьи д-ра *И. И. Моллесона: «Замѣтка о посѣщаемости съѣздовъ Общества Русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова»*. § 2 устава общества гласитъ: «цѣль общества состоитъ въ разработкѣ научно-врачебныхъ и санитарныхъ вопросовъ, а равно и вопросовъ, касающихся до врачебнаго быта, соединенными силами всѣхъ русскихъ врачей». Для успѣшной разработки нѣкоторыхъ вопросовъ, въ особенности изъ областей общественной медицины, земской, думской, желѣзнодорожной и врачебнаго быта, необходимо, чтобы всѣ съѣзды посѣщались извѣстнымъ кадромъ врачей. Безъ этого не можетъ быть, конечно, обезпечена извѣстная преемственная связь и логическая постепенность или послѣдовательность постановленій ряда съѣздовъ. При такихъ обстоятельствахъ постановленія эти лишены были-бы той силы и устойчивости, которыя необходимы для проведенія ихъ въ жизнь. Въ виду этого вопросъ о повторныхъ посѣщеніяхъ съѣздовъ одними и тѣми же членами пріобрѣтаетъ особен-

ный интересъ. Авторъ, взявшій на себя трудъ разработки этого вопроса на основаніи данныхъ о личномъ составѣ первыхъ трехъ съѣздовъ врачей, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Наибольшее число членовъ съѣздовъ падаетъ на вольнопрактикующихъ, городскихъ и военныхъ врачей, дающихъ вмѣстѣ почти половину, именно 48% всего количества лицъ, перебывавшихъ на трехъ съѣздахъ; но большинство это составляется, главнымъ образомъ, на счетъ мѣстныхъ врачей обѣихъ столицъ. Слѣдующимъ, по численности, элементомъ являются, по видимому, земскіе врачи.

2) Огромное большинство врачей, перебывавшихъ на съѣздахъ, именно почти $^4/_5$, посѣтили ихъ только по разу; около $^1/_5$ были на 2 съѣздахъ и лишь $^1/_{25}$ часть—на всѣхъ трехъ; при чемъ эти 2 послѣднія группы по преимуществу составляются изъ мѣстныхъ врачей городовъ Петербурга и Москвы, а на долю пріѣзжихъ остается ничтожная часть. Такимъ образомъ въ общемъ — традиціи (если можно такъ выразиться) и преемственность съѣздовъ держатся пока столичными врачами.

3) Во главѣ наичаще посѣщающихъ съѣзды лицъ стоитъ группа университетскихъ врачей. За ними идутъ желѣзнодорожные, фабричные и заводскіе врачи; хотя необходимо замѣтить, что абсолютныя числа этихъ врачей весьма не велики. Далѣе слѣдуютъ правительственные врачи, но почти исключительно обѣихъ столицъ. Наконецъ, послѣ нихъ земскіе, военные и городскіе; эти послѣдніе также преимущественно столичные.

Изъ всѣхъ земскихъ врачей посѣтили съѣзды: 1 разъ — 15%, 2 раза — 4% и 3 раза — 1%. Эти цифры мало говорятъ о преемственности. Въ интересахъ послѣдней авторъ считаетъ необходимымъ установить періодическіе командировки земскихъ врачей на съѣзды.

Д-ръ мед. **П. Смоленскій.**

НОВЫЯ КНИГИ.

II. БЕЛЛЕТРИСТИКА И ПОЭЗІЯ.

А. Н. Барановъ. **Осенью**, разсказы и сказки. Казань, 1891 г.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что столицы стягиваютъ къ себѣ лучшія силы страны, и потому изданіе мало-мальски порядочнаго беллетристическаго произведенія въ провинціи—явленіе до сихъ поръ, кажется, еще небывалое. Обыкновенно изъ губернскихъ типографій выходятъ или сѣренькій сборничекъ какого нибудь непризнаннаго мѣстнаго поэтика или романъ, который никогда не вышелъ бы въ свѣтъ, если бы авторъ не издалъ его на послѣдніе гроши, не имѣя въ виду ничего другого, какъ лишь любоваться своимъ дѣтищемъ въ настоящей печатной книжкѣ.

Сборникъ разсказовъ г. Баранова представляетъ рѣдкое и очень пріятное исключеніе. Авторъ его невѣдомый намъ г. А. Н. Барановъ—является въ своихъ маленькихъ, незатѣйливыхъ, но тепленькихъ и задушевныхъ разсказикахъ безспорно талантливымъ писателемъ. Къ тому-же во всѣхъ произведеніяхъ г. Баранова видно опытное перо, писатель, успѣвшій набить руку, такъ что невольно приходитъ вамъ въ голову, не представляетъ-ли г. Барановъ собою сотрудника какой нибудь мѣстной, провинціальной газеты, и изданныя имъ разсказы, не были-ли предварительно печатаемы, можетъ быть, въ «Казанскомъ листкѣ» и другихъ изданіяхъ.

Какъ бы то ни было, но разсказы г. Баранова производятъ самое отрадное впечатлѣніе. Главное ихъ достоинство заключается въ томъ, что авторъ ихъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ молодыхъ беллетристовъ, которые относятся къ явленіямъ жизни съ полнымъ безразличіемъ и индифферентизмомъ и изображаютъ первое, что кинется имъ въ глаза, не заботясь о томъ, стоитъ-ли овчинка выдѣлки. Въ каждомъ разсказѣ г. Баранова вы найдете какое нибудь такое явленіе, которое составляетъ особенность современной жизни нашего общества, ея существенный и къ тому-же больной нервъ. Авторъ не только рисуетъ съ художественнымъ смакомъ, какъ опять таки поступаютъ нѣкоторые молодые беллетристы, онъ переживаетъ свои образы, выстрадываетъ ихъ. Поэтому какъ разсказы его, такъ и сказки исполнены при ихъ задушевности очень серьезнаго и глубокаго смысла.

Одинъ разсказъ въ книгѣ г. Баранова называется «Пролетарій». Подъ пролетаріемъ здѣсь подразумѣвается спеціально русскій интеллигентный пролетарій; но этотъ несчастный русскій интеллигентный пролетарій, представляющій самое больное мѣсто нашего общества, изображается не въ одномъ только этомъ разсказѣ: онъ является главнымъ героемъ и во всѣхъ прочихъ. Очевидно, авторъ самъ принадлежитъ къ тому-же обиженному Богомъ и людьми классу общества и на своихъ плечахъ вынесъ всѣ и нравственныя, и матеріальныя испытанія и невзгоды, какимъ

подвергаются интеллигентные русскіе пролетаріи. Въ изображеніи этихъ тяжкихъ испытаній и невзгодъ и заключается главное содержаніе всѣхъ разсказовъ г. Баранова.

Такими-же глубокимъ смысломъ, теплотою и задушевностью отличаются и сказки г. Баранова. Однимъ словомъ, мы отъ души желали-бы, чтобы книга г. Баранова имѣла успѣхъ и не осталась-бы незамѣченною нашею публикою, такъ какъ читатель вынесетъ изъ нея и удовольствіе и пользу несравненно большія, чѣмъ изъ многаго что нынѣ издается по беллетристикѣ.

М. Н. Паренаго. **Жертва самообмана,** романъ въ 3-хъ частяхъ. Москва 1891.

Ахъ, какіе романы выходятъ въ Москвѣ, читатель!.. А еще говорятъ, что тенденціозное искусство падаетъ, что нынѣ въ беллетристическихъ произведеніяхъ изображается одна любовь, да и то въ формѣ адюльтера. Г. Паренаго доказываетъ намъ своимъ романомъ какъ разъ противное: романъ его, изображающій русскую жизнь семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ со всѣми ея событіями, составлявшими главную злобу дня, представляется самымъ что ни на есть наитенденціознѣйшимъ. Дѣйствующія лица его только и дѣлаютъ, что говорятъ самыя умныя рѣчи, такія умныя, что намъ съ вами за ними не угнаться; однимъ словомъ столь умныя рѣчи можно встрѣтить лишь на страницахъ «Гражданина» кн. Мещерскаго. Невольно даже является подозрѣніе, не самъ-ли издатель «Гражданина» скрывается подъ псевдонимомъ г. Паренаго. Но какъ ни умны рѣчи дѣйствующихъ лицъ романа, особенно главнаго героя его—Александра Сергѣевича Долинина, а все-таки мы не совѣтовали-бы нашимъ читателямъ читать романъ г. Паренаго, такъ какъ извѣстное дѣло, что крайности сходятся и отъ очень умнаго одинъ шагъ и до очень глупаго, и мы не въ состояніи рѣшить — какой результатъ получится отъ прочтенія романа г. Паренаго: поумнѣетъ-ли читатель его, или поглупѣетъ? Лучше ужъ въ такомъ случаѣ остеречься отъ столь опаснаго чтенія.

Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ, переводъ съ нѣмецкаго *Д. В. Аверкіева.* Часть первая. Спб. 1891 г.

Эта книга прочтется русскою публикою съ большимъ интересомъ. *Разговоры Гете,* по справедливому замѣчанію г. Аверкіева, принадлежатъ къ числу самыхъ живыхъ, оригинальныхъ и увлекательныхъ книгъ. Читая разговоры великаго поэта, вы переноситесь въ домашнюю обстановку Гете, присутствуете при его занятіяхъ, при его бесѣдахъ въ интимномъ кружкѣ, или въ болѣе обширномъ обществѣ. Эккерманъ съумѣлъ уловить стиль и духъ геніальнаго автора «Фауста»: разговоры блещутъ удивительно правдивымъ и яркимъ колоритомъ, массою живыхъ удареній, превосходно выраженными аффоризмами съ именно Гетевскимъ подъемомъ мысли и фантазіи. Двѣ-три выписки покажутъ читателю, какія перлы остроумія и знанія разсыпаны въ небольшой книжкѣ Эккермана.

«Недостатокъ характера у нашихъ изслѣдователей и писателей, говорилъ однажды Гете, составляетъ источникъ зла въ нашей новѣйшей литературѣ. Особенно вредно отражается на людяхъ присутствіе этого недостатка въ критикѣ, причемъ либо ложное выдается за истинное, или же тщедушной истиной замѣняется нѣчто высокое. Доселѣ всѣ вѣрили въ геройство Лукреціи, Муціи Сцеволы, и воспламенялись, и одушевлялись ими. Но является историческая критика и возвѣщаетъ, что названныя лица никогда не существовали, что на нихъ надо смотрѣть, какъ на фиктивныя и сказочныя созданія великой души римлянъ. Но что пользы въ этой тщедушной истинѣ? И если римляне были на столько велики, чтобъ создать подобное, то мы, по меньшей мѣрѣ, должны быть на столько велики, чтобы вѣрить въ эти созданія».

Въ другомъ мѣстѣ Гете говоритъ: «Намъ нуженъ человѣкъ въ родѣ Лессинга. Чѣмъ онъ великъ, какъ не своимъ характеромъ и стойкостью? Такихъ умныхъ и образованныхъ людей много, но гдѣ взять такой характеръ? Многіе и умны, и обладаютъ знаніями, но въ то же время полны тщеславія, и ради того, чтобы близорукая толпа удивлялась ихъ остроумію, забываютъ и стыдъ, и срамъ, и ничто для нихъ не свято!.. Какъ бы кто ни былъ остроуменъ, онъ этимъ не сослужитъ службы людямъ, — на остроуміи ничего нельзя основать. Скорѣе можно принести великій вредъ, сбивая съ толку людей и отнимая у нихъ необходимую опору». Случилось, что Гете показывалъ Эккерману одно весьма замѣчательное англійское изданіе Шекспира съ гравюрами. На каждомъ листѣ было шесть небольшихъ рисунковъ къ отдѣльной пьесѣ, подъ каждымъ рисункомъ по нѣсколько стиховъ: такимъ образомъ предъ глазами прямо выступала основная идея всякой пьесы. «Когда просматриваешь эти картинки, сказалъ Гете, то просто становится страшно. Тутъ убѣждаешься, какъ безконечно богатъ и великъ былъ Шекспиръ. Нѣтъ ни одного мотива въ человѣческой жизни, котораго бы онъ не изобразилъ и не выразилъ!» Гете высказываетъ пародоксъ, въ которомъ скрытъ глубокій смыслъ. Шекспиръ вовсе не былъ сценическимъ писателемъ. Сцена черезчуръ узка для его великаго духа. Шекспиръ писалъ только по внушенію своей природы въ тѣхъ свободныхъ формахъ, которыхъ требовало его могучее творческое дарованіе. Пиши Шекспиръ для мадридскаго двора, или для театра Людовика XVI, онъ, конечно, держался бы и болѣе узкихъ, и болѣе строгихъ условій сценичности. Изъ этихъ мыслей Гете можно сдѣлать одно заключеніе. Театральная критика относится чрезвычайно строго ко всякимъ купюрамъ и передѣлкамъ, къ которымъ прибѣгаютъ замѣчательнѣйшіе европейскіе артисты при постановкѣ шекспировскихъ пьесъ. Это едва ли справедливо. Въ приспособливаніи Шекспира къ условіямъ современной сцены нѣтъ ничего обиднаго для нашего чувства благоговѣнія къ величайшему міровому поэту. «Приспособляющія» дѣйствія если и могутъ повредить, то развѣ только посредственнымъ драматическимъ произведеніямъ. Природа не портится отъ того, что въ ней прокладываются полезные для человѣка пути, роются каналы, открываются источники. Природа — борьба стихій, просторъ, движеніе, надъ которыми безсильна человѣческая мудрость. Воздвигая удобныя жилища, раскидывая въ разныхъ направленіяхъ чугунные рельсы, мы не передѣлываемъ собственно самой природы: она неизмѣнна, она непреоборимая и недоступная человѣческому вліянію сила. Шекспиръ великъ, какъ природа. Въ немъ всѣ движенія человѣка, всѣ страсти, всѣ силы и порывы человѣческаго сердца. Драмы Шекспира — вся душевная жизнь. Гамлетъ, Отелло, Макбетъ, Юлій Цезарь, Антоній и Клеопатра, Король Лиръ — это цѣлый міръ, созданный необычайной поэтической силой, необычайнымъ художественнымъ умомъ — по закону, лежащему за предѣлами человѣческаго разумѣнія. И вотъ, намъ кажется, что талантливая рука артиста не можетъ повредить Шекспировскому произведенію. Прокладывая путь для сценическаго дѣйствія, артистъ не вноситъ перемѣны въ самую суть Шекспировской драмы: она остается тою-же со всѣми скрытыми въ ней мотивами, со всѣми замкнутыми въ ней страстями.

До чего могущественна поэзія Шекспира, можно судить, между прочимъ, и изъ слѣдующихъ словъ Гете. «Всякій, одаренный творчествомъ, долженъ читать въ годъ не больше одной его пьесы... Я прекрасно поступилъ, отдѣлавшись отъ него *Гетцемъ* и *Эгмонтомъ*, и Байронъ прекрасно дѣлалъ, что не имѣлъ къ нему особенно большаго почтенія, а шелъ своей дорогой. Сколько талантливыхъ нѣмцевъ погибло изъ-за него и Кальдерона!.. *Шекспиръ подаетъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ. Но бѣда въ томъ, что, изучая его пьесы, мы пріобрѣтаемъ серебряныя чаши и валимъ въ нихъ картофель*»...

Любопытенъ небольшой разговоръ Гете съ Эккерманомъ о Шиллерѣ. Нѣкоторыя черезчуръ грубыя сцены въ «Фіеско» раздражали Эккермана. Онъ находилъ, однако, что измѣнить ихъ можно было бы, только измѣнивъ характеръ цѣлаго произведенія.

— И я того-же мнѣнія, сказалъ Гете. — Шиллеръ могъ являться въ какомъ ему угодно видѣ, но онъ не могъ написать ничего, что бы въ концѣ концовъ не было выше, чѣмъ лучшія пьесы новыхъ писателей. Да, когда Шиллеръ стригъ себѣ ногти, то и тогда онъ былъ выше всѣхъ этихъ господъ...

Молодыя пьесы Шиллера нравятся потому, что онѣ написаны молодымъ поэтомъ. «Мнѣ стоитъ только взглянуть изъ окна, говорилъ Гете, чтобъ въ образѣ метелъ, которыми подметаютъ улицы, и бѣгающихъ дѣтей видѣть символъ того, что міръ постоянно ветшаетъ и постоянно обновляется. Дѣтскія игры и юношескія забавы сохраняются и передаются изъ столѣтій въ столѣтія»...

Эккерманъ сознается, что записалъ далеко не все, слышанное имъ отъ Гете въ теченіи девяти лѣтъ. Проходили мѣсяцы, а звѣзды не благопріятствовали его работѣ. Нездоровье, дѣла и тысячи ежедневныхъ заботъ нерѣдко мѣшали ему въ его интересномъ трудѣ. Отношенія свои къ Гете Эккерманъ называетъ отношеніями ученика къ учителю, сына къ отцу, человѣка, жаждущаго образованія, къ человѣку съ богатымъ образованіемъ. Образъ величайшаго изъ міровыхъ поэтовъ Эккерманъ набрасываетъ съ огромною любовью. Самообладаніе составляло выдающуюся особенность Гете. Оно помогало ему владѣть всегда матеріаломъ и придавать своимъ отдѣльнымъ произведеніямъ художественную законченность. Но самообладаніе нерѣдко связывало его разговоры. Эккерманъ съ особенною любовью ловилъ тѣ минуты, когда поэта покидала всякая осмотрительность. Въ такія мгновенія разговоръ его становился юношески кипучимъ, какъ горный потокъ, стремящійся съ вершины, въ такія мгновенія Гете высказывалъ все великое и лучшее, что заключалось въ его неисчерпаемо богатой натурѣ.

Настоящая книга, въ самомъ дѣлѣ, оправдываетъ восторженное благоговѣніе Эккермана къ *устному* слову творца «Вертера» и «Фауста».

II. МЕДИЦИНА И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Н. Бобрецкій. **Основанія зоологіи.** Томъ второй (вып. 3). Позвоночныя. Кіевъ, 1891 г.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается капитальный трудъ проф. Бобрецкаго, появленіе котораго должно составить своего рода эпоху въ нашей бѣдной учебной естественно-исторической литературѣ. Проф. Бобрецкій держится, повидимому, того взгляда, что учебникъ долженъ быть прежде всего отраженіемъ *общепринятыхъ* взглядовъ, и потому не только не даетъ мѣста многимъ новѣйшимъ гипотезамъ, но и удерживается подчасъ отъ выраженія своихъ личныхъ воззрѣній. Конечно, этотъ взглядъ имѣетъ многое за себя, особенно если онъ проведенъ съ такой строгостью и послѣдовательностью, какъ въ учебникѣ г. Бобрецкаго.

Изложеніе автора и теперь, какъ и въ предыдущихъ выпускахъ его труда, отличается замѣчательной ясностью и наглядностью. Благодаря этому, учащіеся предпочитаютъ учебникъ г. Бобрецкаго, лишенный вовсе рисунковъ, другимъ русскимъ и переводнымъ изданіямъ, снабженнымъ иногда рисунками въ изобиліи. Конечно, отсутствіе рисунковъ—недостатокъ, но зная, въ какихъ условіяхъ находится дѣло изданія подобныхъ книгъ, никто не рѣшится поставить этого въ упрекъ автору.

Назвавъ свой трудъ «Основами», авторъ тѣмъ самымъ поставилъ себѣ задачей дать не простой учебникъ, а руководство, которое могло-бы служить справочной

книгой и преподавателю. Образцовая точность въ передачѣ фактовъ — вполнѣ соотвѣтствуетъ этой задачѣ. Вѣроятно, однако, печатаніе учебника затянулось, ибо въ начальныхъ частяхъ его замѣчаются мѣстами нѣкоторые пробѣлы въ литературномъ отношеніи, почти неизбѣжная вещь въ такихъ объемистыхъ сочиненіяхъ. Такъ при изложеніи, напримѣръ, строенія органовъ чувствъ Gymnophiona, не принято во вниманіе сообщеніе П. Саразина на одномъ нѣмецкомъ съѣздѣ въ 1889 г.; этотъ авторъ, вопреки прежнимъ преподавателямъ, доказываетъ, что органъ слуха этихъ животныхъ вовсе не является рудиментарнымъ; не принято во вниманіе нахожденіе такъ называемаго Columella у хамелеоновъ (по Долло), и т. п. Но принимая во вниманіе тотъ быстрый ростъ зоологіи, котораго свидѣтелями мы являемся, всякій учебникъ въ моментъ своего выхода въ свѣтъ, будетъ въ какихъ нибудь частяхъ уже опереженъ наукой.

Что касается систематическаго отдѣла «Основъ зоологіи», можно, пожалуй, замѣтить, что на русскихъ представителей мѣстами обращено недостаточно вниманія,—правда только мѣстами. Опущены нѣкоторыя формы, весьма интересныя по своимъ особенностямъ, напримѣръ, не упомянута лошадь Пржевальскаго и др.

Во всякомъ случаѣ замѣчанія, которыя мы позволяемъ себѣ сдѣлать, нисколько не умаляютъ въ нашихъ глазахъ того значенія, которое будетъ имѣть на развитіе нашей учебной литературы трудъ г. Бобрецкаго. Для каждаго *серьезнаго* студента-натуралиста онъ долженъ быть настольной книгой. Но къ несчастію въ послѣднее время уровень экзаменаціонныхъ требованій и вообще уровень познаній студентовъ университетовъ на столько понизился, что большинство найдетъ учебникъ г. Бобрецкаго слишкомъ длиннымъ и подробнымъ. Навѣрное, скоро появятся и у натуралистовъ особые «конспекты», чисто промышленныя изданія, вполнѣ достигающія экзаменаціонныхъ цѣлей и потому стоящія внѣ конкурренціи. Для обычнаго учебнаго курса руководство г. Бобрецкаго дѣйствительно нѣсколько объемисто, и было-бы желательно, чтобы авторъ предпринялъ современемъ изданіе своихъ «Основъ» въ болѣе сокращенномъ видѣ «учебника», какъ это дѣлается иногда въ Германіи.

Д-ръ мед. *П. О. Смоленскій*. **Общедоступные гигіеническіе способы изслѣдованія.** Спб. 1891 г.

Работа доктора Смоленскаго преслѣдуетъ чисто практическія цѣли; это не трактатъ по гигіенѣ и не учебникъ, а нѣчто въ родѣ практическаго указателя для людей, имѣющихъ надобность въ научномъ гигіеническомъ изслѣдованіи, но не всегда поставленныхъ въ возможность обратиться къ спеціалистамъ, или самому удовлетворить свои потребности строго научнымъ образомъ. Упрощенные способы гигіеническаго изслѣдованія, какъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, «имѣютъ то преимущество, что даютъ возможность и лицамъ, недостаточно подготовленнымъ или не располагающимъ необходимой для точныхъ изслѣдованій обстановкой, вносить объективныя начала въ дѣло оцѣнки предметовъ, представляющихъ извѣстный интересъ съ точки зрѣнія общественной гигіены». Дѣйствительно, не только въ дѣлѣ общественной гигіены, но и въ домашней жизни, у любой хозяйки дома постоянно возникаютъ вопросы о годности или негодности даннаго продукта, напр.; помимо строго-научнаго изслѣдованія, безъ котораго часто можно обойтись, является потребность элементарнаго знанія тѣхъ признаковъ тѣлъ, которые могли бы служить критеріемъ для опредѣленія добротности матеріала.

Трудъ г-на Смоленскаго и имѣетъ цѣлью дать удовлетвореніе этой потребности жизни; онъ составленъ въ видѣ справочной книги, гдѣ отдѣльныя главы расположены просто въ алфавитномъ порядкѣ (вино, вода, водка, воздухъ и т. д). Въ каждомъ отдѣлѣ читатель найдетъ, во-первыхъ, точный, научный критерій для опредѣ-

ленія качествъ, которымъ долженъ удовлетворять хорошій матеріалъ или продуктъ; затѣмъ указаніе на тѣ опасности, которыя встрѣчаются въ его употребленіи (порча продуктовъ и особенно фальсификація ихъ). Пользуясь книгой д-ра Смоленскаго, можно опредѣлить, есть ли основаніе сомнѣваться въ качествѣ даннаго вещества и слѣдуетъ ли его подвергнуть предварительному изслѣдованію. Затѣмъ, при обзорѣ всѣхъ предметовъ, авторъ излагаетъ способы ихъ научнаго изслѣдованія, начиная съ элементарныхъ, до болѣе сложныхъ, требующихъ уже естественно-историческаго образованія и спеціальныхъ свѣдѣній. Содержаніе и методъ изложенія книги д-ра Смоленскаго сдѣлаютъ ее, безъ сомнѣнія, весьма желательнымъ трудомъ для всѣхъ лицъ, имѣющихъ постоянно дѣло съ вопросомъ практической гигіены, въ родѣ напр. завѣдующихъ пансіонами или вообще хозяйственною частью какихъ нибудь заведеній. Да и въ домашнемъ быту книга подобнаго рода, пожалуй, полезнѣе, чѣмъ «Подарокъ молодымъ хозяйкамъ».

Прибавимъ къ этому, что работа д-ра Смоленскаго (представляющая изъ себя отдѣльный оттискъ изъ Справочной книги, изд. Медицинскимъ Департаментомъ въ 1890 г.) издана изящно и снабжена рисунками.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ И ФИЛОСОФІЯ.

Энциклопедическій словарь, подъ редакціею профессора *И. Е. Андреевскаго*, томъ II. *А. Ауто-Банки*. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). С.-Петербургъ 1891 г.

Новый, четвертый выпускъ «Энциклопедическаго словаря», производитъ не менѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ предыдущій, третій выпускъ. Во всѣхъ частяхъ изданія сдѣланы значительныя улучшенія: полнота свѣдѣній, безукоризненность и простота литературнаго стиля, вниманіе къ отечественному, русскому матеріалу бросаются въ глаза при самомъ поверхностномъ, бѣгломъ ознакомленіи съ послѣдними полутомами. Нѣкоторыя слова въ настоящемъ выпускѣ снабжены, можно сказать, цѣльными литературными изслѣдованіями. Исторія, географія и культура *Африки* изложены съ многочисленными деталями на протяженіи около двухъ печатныхъ листовъ мелкаго шрифта (въ два стобца) и снабжена семью хорошо выполненными картами (*физическая карта Африки*, *политическая карта Африки*, *африканскія племена*, *африканская культура*, *сѣверозападная Африка*, *карта сѣверовосточной Африки и Аравіи*, *карта южной Африки и острова Мадагаскара*); исторія *Авинъ*, *Авона* занимаетъ тоже очень не мало мѣста и щеголяетъ при этомъ богатствомъ литературныхъ и бытовыхъ справокъ самаго разнообразнаго свойства. Не хуже этихъ статей составлены и другія статейки на разныя слова и наименованія. *Авономъ* заканчивается буква А въ «Словарѣ» г. Андреевскаго. Во второй половинѣ четвертаго полутома (буква Б) мы находимъ тоже не мало очень дѣльныхъ страницъ, каковы, напр., *Бабочки*, *Баварія*, *Баденъ*, *Бактеріи*, *Балтійскій флотъ и Балтійское море*, и др. Статья о банкахъ занимаетъ около четырехъ печатныхъ листовъ и по солидности и полнотѣ содержанія могла бы составить хорошую ученую монографію. Нѣсколько сбивчиво и неряшливо написана только статейка о Бэконѣ. Вотъ что мы читаемъ въ началѣ ея: «Труды Р. Бэкона не отличались оригинальностью, въ немъ *(въ нихъ?)* мы не встрѣчаемъ ясныхъ творческихъ мыслей или такого метода изслѣдованія, въ силу котораго наука могла бы принять другое направленіе. Онъ былъ *скорѣе проницательнымъ* и *систематическимъ мыслителемъ* и

*

работалъ по хорошо проторенной колеѣ, по колеѣ, съ которой его современникъ былъ сбитъ *соблазнительностью* доводовъ богослововъ и метафизиковъ». Во первыхъ, неудачно со стороны стиля и спорно, поверхностно со стороны философской, во вторыхъ, не совсѣмъ послѣдовательно — въ связи съ нѣкоторыми другими строками, имѣющимися въ концѣ статьи. «Если опытная наука съ ея методами и не обязана своимъ происхожденіемъ великому канцлеру, читаемъ мы на стр. 753, то Бэконъ, *тѣмъ не менѣе* (!), есть *основатель опытной философіи*, отецъ современнаго, научно-философскаго позитивизма». Быть основателемъ какой бы то ни было философіи (хотя бы даже и позитивной) и не быть при этомъ человѣкомъ съ *творческими* мыслями и оригинальными пріемами — нѣтъ ли здѣсь маленькаго противорѣчія, маленькой, но все-таки непростительной contradictio in adjecto? Есть, несомнѣнно есть. Бэконъ былъ *оригинальнымъ* мыслителемъ съ большими творческими способностями, а не человѣкомъ старыхъ преданій. Вліяніе Бэкона на науку столь же несомнѣнно, какъ и вліяніе его на философію. Въ обоихъ областяхъ знаменитый канцлеръ явился смѣлымъ и рѣшительнымъ новаторомъ — съ опредѣленными научно-философскими воззрѣніями и хорошо выработаннымъ планомъ реформы. Если отрицать *оригинальное* значеніе Бэкона въ наукѣ, то необходимо ради послѣдовательности умалить значеніе его и въ философіи. *Методологія* Бэкона была одновременно и научною и философскою.

А. А. Прессъ (инж.-технол.). **Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.** Спб. 1891 г.

Появленіе такой книги само по себѣ въ высшей степени отрадно, въ виду почти полнаго отсутствія у насъ чего-либо ей подобнаго. Нѣтъ, конечно, ни малѣйшей надобности доказывать необходимость принятія мѣръ предосторожности для охраненія жизни и здоровья рабочихъ. У насъ же это почти непочатый вопросъ, въ виду отсутствія у хозяевъ фабрикъ и заводовъ заботливости о своихъ рабочихъ, въ особенности вслѣдствіе отсутствія до сихъ поръ спеціальнаго закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. У насъ есть только правила объ обращеніи съ паровыми котлами, недавно изданныя, но и то очень неполныя. Но взрывъ котловъ вѣдь лишь одинъ изъ многочисленныхъ поводовъ несчастныхъ случаевъ. Другихъ причинъ, за ничтожными исключеніями, законъ не предписываетъ устранять и не заставляетъ фабрикантовъ вознаграждать потерпѣвшихъ рабочихъ. Послѣднимъ можетъ удасться получить вознагражденіе лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они докажутъ вину владѣльца фабрики и завода. Но гдѣ же искать вину, если даже неизвѣстно, что слѣдовало бы устроить для предупрежденія несчастныхъ случаевъ? Въ этомъ отношеніи книга г. Пресса можетъ оказать громадную услугу въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, ею съ успѣхомъ могутъ воспользоваться лица, желающія у себя на фабрикахъ сократить число несчастныхъ случаевъ, устроивъ рекомендуемыя въ книгѣ приспособленія. А во-вторыхъ, можетъ быть, книга эта поможетъ и представителямъ интересовъ рабочихъ, при защитѣ ихъ исковъ, давая имъ въ руки готовый матеріалъ для доказательствъ, что несчастіе могло бы быть предупреждено принятіемъ такихъ-то или такихъ-то мѣръ предосторожности.

Въ книгѣ г. Пресса собрано все главнѣйшее, что касается паровыхъ котловъ, парильныхъ аппаратовъ, всякихъ двигателей, приводовъ, зубчатыхъ сцѣпленій и т. п. Есть очень цѣнныя указанія и на общія мѣры предосторожности, относительно устройства фабричныхъ зданій, организаціи работъ и пр.

Авторъ книги лично изучалъ устройство рекомендуемыхъ имъ мѣръ; повидимому, онъ побывалъ на выставкѣ мѣръ предосторожности, бывшей въ позапрошломъ году

лѣтомъ въ Берлинѣ. Вообще все, что рекомендуется въ этой книгѣ, суть, по мнѣнію ея автора, лишь *общія* мѣры предосторожности. Частности же для отдѣльныхъ производствъ будутъ имъ разработаны впослѣдствіи. Но уже и принятіе однѣхъ этихъ общихъ мѣръ было бы у насъ весьма желательнымъ началомъ, могущимъ значительно сократить число несчастныхъ случаевъ.

Объясненія сдѣланы авторомъ весьма понятно даже и для не спеціалистовъ-техниковъ, чему въ особенности содѣйствуютъ многочисленные рисунки, весьма тщательно исполненные. Сообразно со всѣмъ этимъ цѣна за книгу очень небольшая—всего два рубля. Въ видѣ приложенія въ концѣ книги приведены образцы обязательныхъ предписаній о мѣрахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ заграницей и у насъ относительно паровыхъ котловъ.

Г. Гроссъ. **Научная сторона экономической системы Карла Маркса.** Переводъ и предисловіе *Н. С. Башковскаго.* Одесса. 1890 г.

Маленькая брошюра, носящая это названіе (всего 52 страницы), даетъ однако довольно ясное представленіе о сущности экономической теоріи цѣнности и капитала К. Маркса. Авторъ брошюры, Г. Гроссъ съумѣлъ въ ней дать почти все, что можно вкратцѣ вывести изъ ученія Маркса. А задача эта, конечно, не легкая въ виду весьма сложной конструкціи разбираемаго сочиненія. Не останавливаясь на частностяхъ и историческихъ отступленіяхъ, встрѣчающихся въ сочиненіи Маркса «Капиталъ», г. Гроссъ свелъ все изложеніе ученія Маркса, во 1-хъ, къ теоріи цѣнности и именно къ образованію прибавочной цѣнности, вытекающей изъ покупки труда рабочаго, во 2-хъ, изложено значеніе двухъ видовъ капитала, постояннаго и перемѣннаго, какъ ихъ своеобразно раздѣляетъ Марксъ, въ 3-хъ, разъяснены процессы накопленія и воспроизведенія капиталовъ съ вытекающими изъ нихъ сложными общественными послѣдствіями въ видѣ экспропріаціи земель и орудій труда. Что особенно цѣнно въ брошюрѣ, такъ это вполнѣ выдержанный объективный характеръ изложенія. Г. Гроссъ все время ни мало не полемизируетъ съ Марксомъ; и только на четырехъ послѣднихъ страничкахъ позволяетъ себѣ сдѣлать ему нѣсколько довольно слабыхъ упрековъ по поводу того, что Марксъ не обращаетъ будто бы вниманія на различіе между индивидуальной и общественной стоимостью товаровъ. При этомъ г. Гроссъ самъ въ свою очередь смѣшиваетъ индивидуальную стоимость съ потребительной. Это впрочемъ избитый пріемъ возраженія Марксу со стороны большинства нѣмецкихъ экономистовъ, а потому мы и не будемъ здѣсь полемизировать съ г. Гроссомъ, потому что не онъ одинъ такъ опровергаетъ Маркса. Возраженія его настолько блѣдны передъ картиной ученія Маркса, имъ же нарисованной, что на нихъ не стоитъ и обращать вниманія, благо еще они выдѣлены въ конецъ брошюры. Для г. Гросса и это очень много, потому что еще совсѣмъ недавно въ своемъ «Ученіи о предпринимательской прибыли» (Lehre vom Unternehmergewinn) г. Гроссъ чуть не безусловно отвергалъ всю теорію Маркса; теперь же Гроссъ въ послѣднихъ строкахъ своей брошюры кается въ своемъ прямомъ заблужденіи, вытекавшемъ «изъ поверхностнаго тогда знакомства съ Марксомъ», чѣмъ, по его мнѣнію, должны быть объясняемы и практикующіяся до-нынѣ жестокія нападки на Маркса со стороны другихъ нѣмецкихъ выдающихся писателей, какъ Рошеръ, Дюрингъ и др.

Въ виду всего сказаннаго можно безусловно рекомендовать эту брошюру русскимъ читателямъ, громадное большинство которыхъ не въ силахъ обыкновенно одолѣть Маркса въ подлинникѣ. Знакомство же, хотя бы съ сущностью ученія этого выдающагося философа-экономиста, какъ теоретика, должно теперь быть признано необходимостью для всякаго образованнаго человѣка.

Л. Л. Першке. **Акцизно-бандерольная система табачнаго налога** въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Рига. 1890.

Появленіе этой книги совпало съ 50-лѣтіемъ существованія у насъ бандерольной системы взиманія табачнаго акциза. Авторъ предпринялъ полезный трудъ прослѣдить по накопившимся за это время даннымъ, насколько «результаты этой системы отвѣчали возлагавшимся на нее ожиданіямъ съ точки зрѣнія государственнаго дохода, и какое вліяніе она оказала на табачную промышленность». Изслѣдовать и выяснить хорошія и дурныя стороны этой системы, насколько онѣ выяснились 50-лѣтнею практикой, было тѣмъ нужнѣе, что система эта, особенно въ ближайшее къ намъ время, стала вызывать жалобы со стороны промышленниковъ; да и въ самомъ министерствѣ финансовъ вѣра въ нее было поколебалась, вслѣдствіе чего даже поднятъ былъ вопросъ о введеніи у насъ табачной монополіи. А между тѣмъ вовсе не было выяснено, чѣмъ именно дѣйствующій уставъ вредно вліяетъ на табачную промышленность, на торговлю и культуру табака. Авторъ, путемъ добросовѣстнаго и подробнаго изслѣдованія, старается дать отвѣты на эти вопросы и разъяснить противорѣчіе въ отзывахъ о дѣйствующемъ уставѣ—промышленниковъ, на него жалующихся, и министерства финансовъ, основывающаго на немъ надежду на дальнѣйшіе успѣхи табачной промышленности и на повышеніе дохода отъ акциза.

Для большей убѣдительности своихъ выводовъ авторъ сопоставляетъ нашу систему съ бандерольной же системой Сѣв.-Ам. Штатовъ. Окончательный его выводъ тотъ, что, съ фискальной и теоретической точки зрѣнія, преимущество остается на сторонѣ русской системы, которая въ основѣ хороша и нуждается только въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, особенно въ смыслѣ упрощенія. Американская система, замѣчаетъ авторъ, проще нашей, но только потому, что постановленія закона, весьма сложныя, на дѣлѣ тамъ не соблюдаются или обратились въ простую формальность. За то, благодаря такому отношенію къ закону, тамъ водворилась свобода табачной промышленности и правильная торговля табакомъ. Вѣроятно, этого же можно достигнуть и въ нашемъ табачномъ дѣлѣ посредствомъ тѣхъ улучшеній въ законѣ, на которыя указываетъ авторъ.

Можно надѣяться, что, въ случаѣ пересмотра нашего устава объ акцизѣ съ табака, работа г. Першке сослужитъ полезную службу, какъ вполнѣ безпристрастная и построенная на достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ.

Л. В. Черняевъ. **Матеріалы къ изслѣдованію. О соли до и послѣ отмѣны акциза.** Издано при содѣйствіи общаго съѣзда представителей русскихъ жел. дорогъ. Спб. 1890.

Г. Черняевъ давно извѣстенъ, какъ неутомимый и крайній поборникъ «свободной» соли. Нынѣ вышедшая его работа содержитъ въ себѣ въ таблицахъ статистику движенія соли по русскимъ жел. дорогамъ и пристанямъ внутреннихъ водныхъ сообщеній, съ приложеніемъ доклада о значеніи соли въ народномъ хозяйствѣ, читаннаго въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства 2 февраля 1867 г., и комментарія къ указу 23 ноября 1880 г. объ отмѣнѣ акциза съ соли. Цѣль этой весьма детально выполненной работы—служить справочнымъ матеріаломъ для жел.-дорожной практики по предмету передвиженія соли въ разныхъ направленіяхъ. Сверхъ того, таблицами этими, по мнѣнію автора, «подтверждается несообразность и безцѣльность таможенной пошлины и акциза съ соли, а также—«почему нѣкоторыя изъ нашихъ соляныхъ богатствъ, вслѣдствіе своеобразно организованной попудной платы, лежатъ втунѣ, не смотря на отмѣну акциза».

Новый трудъ г. Черняева имѣетъ спеціальное значеніе справочной книги для ж. дорогъ; но ему не трудно было бы придать гораздо большее значеніе болѣе подроб-

нымъ развитіемъ, на основаніи собранныхъ авторомъ данныхъ, тѣхъ выводовъ, которые онъ помѣстилъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ объясненіи, предшествующемъ таблицамъ. Интересно бы, напримѣръ, знать, насколько въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи увеличилось потребленіе соли со времени отмѣны акциза, на сколько увеличились тѣ производства, которыя потребляютъ соль, какъ матеріалъ или какъ фабричный ингредіентъ, какое вліяніе оказала отмѣна акциза на улучшеніе нашего скотоводства и земледѣлія. За 10-лѣтній періодъ отмѣны акциза послѣдствія ея должны были до нѣкоторой степени выясниться во всѣхъ отношеніяхъ. Читатель можетъ считать себя вправѣ ожидать разъясненія этихъ интересныхъ вопросовъ именно отъ г. Черняева; то, что онъ прежде разъяснялъ и доказывалъ теоретическими соображеніями, теперь есть уже нѣкоторая возможность доказывать на основаніи 10-лѣтняго опыта. Опытъ Англіи не вполнѣ оправдалъ ожиданія. Оправдаетъ-ли ихъ нашъ отечественный опытъ? Это вопросъ, пока открытый.

Государственное счетоводство и отчетность въ Англіи. Ордин. академика *Н. Х. Бунге.*

Означенный трудъ бывшаго профессора и министра, а нынѣ ординарнаго академика Н. Х. Бунге представляетъ собой наглядное доказательство, что высокій занимаемый нынѣ авторомъ его служебный постъ не оторвалъ его отъ научныхъ занятій. Такимъ образомъ къ цѣлому ряду прежнихъ, весьма цѣнныхъ научныхъ трудовъ Н. Х. Бунге, прибавился новый, касающійся одного изъ наименѣе разработанныхъ финансовыхъ вопросовъ.

Формальная сторона государственныхъ бюджетовъ, т. е. порядокъ составленія и исполненія государственныхъ росписей доходовъ и расходовъ, играетъ между тѣмъ на практикѣ очень важную роль въ системѣ финансоваго хозяйства. Въ частности, о положеніи этого дѣла въ Англіи почти ничего не было написано даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по финансовому праву. Трудность изслѣдованія заключалась въ томъ, что въ Англіи вообще мало писанныхъ законовъ, въ томъ смыслѣ какъ они понимаются на континентѣ Европы. Трудъ Н. Х. Бунге совершенно восполняетъ этотъ крупный пробѣлъ. Въ краткомъ и сжатомъ изложеніи въ немъ представляется вся картина составленія и исполненія англійскаго бюджета, и дѣлаются весьма цѣнныя практическія замѣчанія объ его особенностяхъ. Главной заслугой англійскаго бюджета Н. Х. Бунге считаетъ «если не вполнѣ, то наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ разрѣшаемый тамъ вопросъ о сближеніи проектированной росписи съ отчетомъ объ ея исполненіи...» идеалъ, къ которому до сихъ поръ тщетно еще стремятся другія европейскія государства. Причины этого заключаются отчасти въ раздѣленіи всего бюджета на консолидированную и неконсолидированную части, такъ что только послѣдняя подлежитъ ежегодному разсмотрѣнію и утвержденію; остальное-же ($^4/_5$ доходовъ и $^3/_8$ расходовъ) относится къ постояннымъ частямъ бюджета. Затѣмъ, въ Англіи совсѣмъ нѣтъ льготныхъ сроковъ по исполненіи бюджета, такъ что бюджетный годъ вполнѣ совпадаетъ съ отчетнымъ. Наконецъ, самый порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія росписей въ парламентскихъ комитетахъ даетъ возможность выдвинуть тутъ на первый планъ дѣловое обсужденіе, а не парламентское краснорѣчіе. Было-бы слишкомъ пространно здѣсь излагать главныя техническія особенности составленія и исполненія бюджета, которыми обусловливается его стройность въ Англіи, а потому мы и рекомендуемъ интересующимся обратиться непосредственно къ разсматриваемому труду Н. Х. Бунге. Матеріаломъ для него послужили различные подлинные документы (росписи), приводимые въ переводѣ и въ подлинникѣ; затѣмъ особый меморандумъ, составленный секретаремъ аглійскаго министерства финансовъ R. E. Welby для испанскаго пра-

вительства (приведенъ въ подлинникѣ и въ переводѣ). Наконецъ, въ приложеніи помѣщено извлеченіе изъ извѣстнаго труда проф. Гнейста «Das englische Verwaltungsrecht» по вопросу о «бюджетѣ и законѣ», сопровождаемое многочисленными примѣчаніями Н. Х. Бунге. Во всемъ разсматриваемомъ трудѣ, кромѣ догматическаго изложенія вопроса, находятся еще весьма цѣнныя историческія указанія, освѣщающія происхожденіе дѣйствующаго нынѣ порядка составленія бюджета въ Англіи.

С. Н. Южаковъ. **Соціологическіе этюды.** С.-Петербургъ. 1891 г.

«Предлагаемая вниманію читателей книга, говоритъ г. Южаковъ въ своемъ предисловіи, составляетъ исправленное и дополненное изданіе «Соціологическихъ этюдовъ», появившихся въ журналѣ «Знаніе» въ 1872—1873 гг. Тогда они составляли четыре отдѣльныхъ essays, изъ которыхъ одинъ и нынѣ мною выдѣленъ и отнесенъ въ «Приложеніе» (какъ менѣе связанный съ другими по содержанію), а остальные три объединены въ одно цѣльное сочиненіе (сообразно первоначальному плану работы) и дополнены двумя новыми главами съ цѣлью многостороннѣе обозрѣть предметъ книги». Значительнѣйшая часть книги г. Южакова посвящена различнымъ вопросамъ біологіи и соціологіи: авторъ трактуетъ о задачахъ соціологіи, строеніи и отправленіяхъ общества, о половомъ подборѣ въ органическомъ процессѣ, о половомъ подборѣ въ бракѣ и внѣ брака, о борьбѣ за существованіе и нравственности. Основныя соціологическія понятія г. Южакова очерчены во многихъ мѣстахъ довольно рельефно и обличаютъ въ авторѣ знакомство съ главнѣйшими сочиненіями Дарвина, Спенсера, Уоллеса, съ позитивною философіей Конта, съ политико-экономическими взглядами Милля и со многими другими авторитетными именами и сочиненіями. Діалектика г. Южакова не лишена извѣстной живости и смѣлости, хотя она, безъ сомнѣнія, и не отличается нужной простотой. Языкъ автора подчасъ страдаетъ такими трудностями, которыя не легко преодолѣть не только людямъ, недостаточно подготовленнымъ къ пониманію серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, но и людямъ съ большимъ или меньшимъ философскимъ развитіемъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что авторъ прошелъ очень хорошую школу англійской философіи, въ которой самыя сложныя логическія и научныя теоремы передаются постоянно съ безукоризненною ясностью и отчетливостью. Кто читалъ такія трудныя по содержанію сочиненія Спенсера, какъ «Principles of Biology», «Principles of Psychology», тотъ не могъ не удивляться замѣчательной сжатости и силѣ выраженій, въ которую знаменитый мыслитель облекаетъ свои труднѣйшія и запутаннѣйшія біологическія и психологическія положенія. Кому приходилось штудировать Локка, Милля, Бэна, тому не могла не броситься въ глаза свобода англійской научной рѣчи, въ которой сила и простота такъ хорошо и гармонично выступаютъ рядомъ съ постоянною важностью философскаго сюжета. *Техника* научной рѣчи въ сочиненіяхъ англійскихъ мыслителей можетъ считаться во многихъ отношеніяхъ просто образцовою и великолѣпно приспособленною къ самому складу и характеру англійской философской мысли. Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что люди, слѣдующіе въ своихъ научныхъ работахъ по стопамъ именно Милля, Спенсера, Дарвина, такъ поразительно контрастируютъ съ этими писателями въ томъ, что, въ сущности, составляетъ только внѣшнюю сторону дѣла. «Соціологическіе этюды» г. Южакова, конечно, выиграли бы во всѣхъ отношеніяхъ, найди почтенный авторъ для своихъ мыслей выраженія болѣе простыя и болѣе *прозрачныя*, чѣмъ тѣ, въ которыя они у него постоянно выливаются въ его небольшой, но интересной книгѣ. Но тяжеловѣсность языка не должна заслонить отъ насъ однако способности автора къ вдумчивой научной работѣ, о которой свидѣтельствуютъ многія главы лежащихъ предъ нами «Соціологическихъ

этюдовъ». Вотъ, для примѣра, небольшое «Приложеніе», посвященное субъективному методу въ соціологіи. Авторъ начинаетъ съ увѣренія, что именно нашему времени, нашему и ближайшимъ будущимъ поколѣніямъ предстоитъ либо создать соціологическую науку, либо навсегда отказаться отъ мысли уловить *общіе* законы соціальной жизни и ограничиться установленіемъ частныхъ законовъ, опредѣленіемъ отношеній отдѣльныхъ элементовъ общественной среды. Давно уже, говоритъ г. Южаковъ, мыслящіе люди стали обращать вниманіе на природу общественныхъ явленій, но до конца прошлаго столѣтія приступали къ этому крайне не научно, «предпосылая своимъ философскимъ построеніямъ нѣсколько общихъ положеній, почитавшихся либо откровенными, либо прирожденными нравственными поступками человѣческой натуры». Необходимость положить въ основу общественныхъ теорій научное изслѣдованіе положительныхъ фактовъ стала сознаваться только въ концѣ XVIII столѣтія, когда появились труды Монтескье, Руссо, Кондорсе и др. Изслѣдованія физіократовъ и затѣмъ произведенія Адама Смита, Бентама, Фурье, Сенъ-Симона дали особенно сильный толчокъ наукѣ объ обществѣ, породивъ въ ней даже нѣкоторыя весьма опредѣленныя методологическія преданія. Общество г. Южаковъ уподобляетъ нѣкоторому «не уступающему предъ критикою науки феномену», нѣкоторому сфинксу, «предлагающему каждому свою неразрѣшимую загадку и низвергающему въ бездну забвенія неудачныхъ разгадчиковъ». «Разнообразныя и многочисленныя разгадки приносили мыслители; изъ нихъ одна не походила на другую, и мыслители не могли согласиться даже, какъ и откуда слѣдуетъ подходить къ этому полному видимыхъ противорѣчій и грозному своею тайною явленію, тайною, которая, однако, *должна* быть разгадана подъ опасеніемъ гибели цивилизаціи и человѣчества!» И теперь мы также стоимъ, по словамъ г. Южакова, предъ нѣкоторою разгадкою, предъ указаніемъ пути, который можетъ привести къ «устраненію сфинкса незнанія, лежащаго на дорогѣ къ счастью и прогрессу». Разгадку эту до нѣкоторой степени представляетъ субъективная школа въ соціологіи, которая, по всей справедливости, должна быть названа русскою соціологическою школою. Высоко цѣня заслуги этой школы, г. Южаковъ однако съ особенною тщательностью отмѣчаетъ ея заблужденія. Субъективисты говорятъ: объективный методъ, употребляемый во всѣхъ наукахъ, неприложимъ къ изслѣдованіямъ соціологическимъ, общенаучный критерій — повторяемость явленій въ неизмѣнной связи — долженъ въ обществознаніи уступить мѣсто субъективному критерію, нравственному идеалу изслѣдователя, ибо только при повторяемости явленій въ неизмѣнной связи и правильномъ порядкѣ возможенъ объективный методъ изслѣдованія. Соціологія имѣетъ дѣло съ историческими явленіями, которыя не повторяются, и потому не могутъ быть предметомъ объективнаго научнаго изученія. На это г. Южаковъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: дѣйствительно-ли исторія есть рядъ неповторяющихся измѣненій? Паденіе Римской имперіи произошло однажды, но паденіе *государствъ* повторялось не разъ. Лиссабонское землетрясеніе совершилось однажды, но землетрясенія вообще повторялись и будутъ повторяться множество разъ. Явленіе, какъ *данный* фактъ, повториться не можетъ, но явленіе, какъ фактъ *даннаго рода* повторяется очень часто. Исторія не повторяется только въ смыслѣ неповторяемости *данныхъ фактовъ*, но въ этомъ смыслѣ исторія человѣчества ничѣмъ существенно не отличается отъ процессовъ природы. Между физическими и историческими процессами существуетъ только *количественное*, а не *качественное* различіе. Какъ бы ни были разнообразны событія общественной жизни, все же возможно ихъ распредѣленіе по родамъ и видамъ, условія наступленія которыхъ можно изслѣдовать такъ же, какъ условія наступленія явленій физическихъ.

Далѣе субъективисты говорятъ: всѣ, желающіе придать исторіи то объективное

безпристрастіе, которое присуще процессамъ природы, возмутятся, конечно, тѣмъ, что прогрессъ зависитъ исключительно отъ личнаго взгляда изслѣдователя. Всѣ, вѣрующіе въ безусловную непогрѣшимость своего нравственнаго міросозерцанія, увѣрены, что не только *для нихъ*, но и *само по себѣ*, важнѣе лишь то въ историческомъ процессѣ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ основамъ личнаго міросозерцанія. А между тѣмъ различія важнаго и неважнаго, благодѣтельнаго и вреднаго, хорошаго и дурного существуютъ лишь *для человѣка* и совершенно чужды природѣ и вещамъ самимъ по себѣ. Наука съ ея общими законами присуща лишь одному человѣку, ибо внѣ человѣка существуютъ только одновременныя и послѣдовательныя сцѣпленія фактовъ, нерѣдко едва уловимыхъ по своей мелкости и дробности. Важность тѣхъ или другихъ событій исторіи или литературы опредѣляется только человѣкомъ. На эту вторую аргументацію г. Южаковъ возражаетъ не безъ успѣха. Объективисты убѣждены не въ томъ, что ихъ соціологическія воззрѣнія важны сами по себѣ, но въ томъ, что они, будучи научно истинны, логически обязательны для всякаго мыслящаго человѣка. Справедливо, что человѣкъ всегда остается человѣкомъ, что человѣкъ все всегда оцѣниваетъ съ *своей* человѣческой точки зрѣнія, но отсюда слѣдуетъ только то, что всякое пониманіе совершается по психологическимъ и логическимъ законамъ нашей природы. Если наука съ ея общими законами есть продуктъ логическаго развитія нашего мышленія, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что всѣ ея показанія имѣютъ значеніе только для того, или другого *опредѣленнаго* человѣка. Логическіе пріемы мышленія и психологическія явленія воспріятія однородны у всего человѣчества. Логически вѣрное для однихъ должно быть вѣрно для другихъ. Научные законы отличаются всеобщею обязательностью, то, что важно для человѣка, важно для человѣка *вообще*, важно въ широкомъ объективномъ смыслѣ, а не въ узкомъ личномъ смыслѣ.

Дальнѣйшая полемика г. Южакова въ главѣ подъ названіемъ «Цѣлесообразность и предвзятое мнѣніе» нисколько не колеблетъ основного взгляда почтеннаго писателя. Г. Южаковъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ аргументы своихъ противниковъ и повсюду остается вѣренъ тому положенію, что наука, чтобы быть наукою, должна основываться на *объективныхъ*, а не *субъективныхъ* данныхъ. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этого любопытнаго состязанія, создавшаго въ свое время г. Южакову репутацію способнаго и интеллигентнаго работника. Почти двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ возгорѣлась полемика г. Южакова съ защитниками субъективизма. Въ теченіи этого довольно длиннаго промежутка времени *европейская* соціологическая наука обогатилась не однимъ солиднымъ изслѣдованіемъ. Соціологическое изученіе ростетъ на почвѣ, взрытой многочисленными фактами біологіи и психологіи и, такъ сказать, постоянно оплодотворяющейся широкими философскими обобщеніями. Но европейская соціологическая наука крѣпко держится метода объективнаго, отвергнутаго и отвергаемаго русскою субъективною школою... Двадцать лѣтъ, конечно, еще ничего не значатъ: пройдетъ еще лѣтъ двадцать и плоды русскаго соціологическаго субъективизма, будемъ надѣяться, обнаружатся во всей своей силѣ и славѣ.

IV. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

«Родникъ» — иллюстрированный журналъ для дѣтей, изд. въ Спб. 1890 г. (№№ 1—12).

«Родникъ»—лучшій дѣтскій журналъ для средняго возраста, издавался и въ 1890 г. съ внѣшней стороны безукоризненно: хорошая бумага, крупная, ясная печать и хорошія иллюстраціи. Содержаніе его разнообразно и занимательно. Статьи

научныя не случайны, а имѣютъ нѣкоторую связь. — «*О лѣсныхъ птицахъ*» — рядъ статей извѣстнаго профессора Д. Кайгородова; изъ «*Царства нѣмыхъ*», двѣ статьи доктора зоологіи А. Никольскаго, богаты содержаніемъ и популярны. Кромѣ этихъ лучшихъ статей, изъ области положительныхъ знаній есть еще двѣ интересныя статьи Н. Знайко — «*Разсказы изъ исторіи географическихъ открытій*» (древній міръ); «*Дружокъ*» (зеленый притонъ) А. Купреяновой; хороши «*Часы*» проф. Ѳ. Петрушевскаго, «*Японія*» — очеркъ И. Азбелева. Въ біографическомъ отдѣлѣ, сравнительноне большомъ, цѣльная біографія одна—«*Безсмертный творецъ сказокъ*» (картинки изъ жизни Андерсена) Е. А. Сысоевой, написана мило и талантливо, и нѣсколько коротенькихъ очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, отличавшихся самоотверженною любовью къ людямъ, напр. «*Генріетта Гарденъ*» (сестра милосердія), «*Аббатъ Руссель*» (устроитель пріюта для оборвышей), «*Эліосъ Гоу*» (изобрѣтатель швейной машины). Самое большое мѣсто въ журналѣ занимаетъ беллетристика, оригинальная и переводная, какъ историческаго характера, такъ и изъ современной жизни; но къ сожалѣнію, какъ по исторіи, такъ и изъ области народной поэзіи, статей мало. Хорошая историческая повѣсть «*Браминъ Сиза*» кн. П. Хилковой знакомитъ съ нравами, обычаями и вѣрованіями древнихъ индусовъ; другая-же историческая повѣсть Н—ва «*Двѣ судьбы*» изъ временъ Бориса Годунова и Лжедимитрія,—исторія отношеній двухъ царскихъ родовъ Романовыхъ и Годуновыхъ, отрывочна, мало-содержательна и указываетъ только на внѣшнюю сторону событій. Большая переводная съ французскаго повѣсть «*Она пропала*» изобилуетъ приключеніями. Изъ оригинальныхъ статей укажемъ повѣсть Колоколовой «*Чего ей недоставало?*»; «*Заяцъ*» (кличка, данная шалунами-школьниками товарищу) А. Вѣнчикова; «*Асанъ и Усенъ*» разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, Н. Иванова; «*Вся въ отца*» Л. Милошевичъ; «*Отецъ и сынъ Огарковы*» М. Л. Песковскаго. Какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи, коихъ въ «Родникѣ» почти на половину, правдивы и написаны тепло. Вмѣстѣ взятыя онѣ рисуютъ картины трудовой осмысленной жизни, скромной, полезной, хотя и безъ громкихъ подвиговъ. «Родникъ», замѣнившій въ настоящее время прежнее «Дѣтское Чтеніе» 70-хъ и 80-хъ годовъ, тщательно поддерживаетъ и развиваетъ тѣ воспитательныя задачи, къ которымъ стремилась редакція этого журнала въ былые годы, даетъ въ руки дѣтямъ не забаву только—книжку съ картинками, а старается затронуть ихъ умъ и сердце.

«**Дѣтскій Отдыхъ**» — иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста. Москва. (№№ 1—12).

Это журналъ скорѣе не дѣтскій, а для того переходнаго возраста, когда дѣти переходятъ къ книгамъ для взрослыхъ. Если же журналъ имѣетъ въ виду юношей, то упрекъ будто-бы въ излишней сухости и серьезности можетъ быть и неумѣстенъ. Въ переходный возрастъ юные читатели смотрятъ на дѣтскіе журналы уже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и ищутъ чтенія болѣе серьезнаго; историческія повѣсти, путешествія, біографіи — любимое чтеніе въ этомъ возрастѣ. Именно эти отдѣлы и находимъ мы здѣсь. Двѣ большія историческія повѣсти «*Въ Голландіи*» Н. Н. Островской, и «*Взятіе Арконы*» интересны по содержанію, хотя не отличаются художественностью. Первая повѣсть изъ эпохи борьбы голландцевъ съ испанцами за независимость; семейный бытъ, характеръ страны, характеръ народа связанъ съ эпизодомъ осады Лейдена и основаніемъ лейденскаго университета, дарованнаго лейденцамъ за защиту роднаго города. «*Взятіе Арконы*» изъ временъ завоеванія нѣмцами острова Рюгена. Прекрасныя статьи Н. Красноселова «*Такъ прежде было*» и «*Пещное дѣйство*» знакомятъ съ обычаями нашей родной старины, но

къ сожалѣнію ограничиваются только эпохой царствованія Алексѣя Михайловича. Изъ области положительныхъ знаній обращаютъ на себя вниманіе статьи Павла Вольногорскаго «*Подъ снѣгомъ*» (зимняя спячка животныхъ и перезимовка растеній); «*Море и его тайны*» статья Отто Лемана, «*Пернатые архитекторы*» и «*Листопадъ*» П. В.; всѣ онѣ интересны со стороны научной и даютъ порядочный запасъ знаній, но опять-таки доступны только дѣтямъ болѣе развитымъ. Въ противуположность «Роднику» біографій много и интересныхъ: «*Великій артистъ крестьянинъ*» (Щепкинъ) В. Е.; «*Левъ Семеновичъ Ценковскій*» П. Вольногорскаго; «*Вице-адмиралъ Василій Михайловичъ Головнинъ*» Н. Боголюбова; «*Святитель Тихонъ Задонскій*» Влад. Ермилова. Желая дать дѣтямъ примѣры людей сильной воли, ума и добраго сердца, журналъ повидимому предлагаетъ дѣятелей исключительно русскихъ, совершенно игнорируя иностранцевъ, что, по нашему мнѣнію, составляетъ его недостатокъ. Отдѣлъ беллетристическій, какъ и въ другихъ журналахъ, состоитъ изъ статей оригинальныхъ и переводныхъ. Большая повѣсть А. Круглова «*Счастье*» вышла уже отдѣльной книжкой и мы на нее указывали во 2 № журнала. Повѣсть «*Мало по малу*» (съ англійскаго), идущая въ 6 №№, рисуетъ бытъ англійской семьи, отношенія между членами семейства, взаимное благодѣтельное вліяніе другъ на друга двухъ дѣтей, и прочтется съ большимъ интересомъ. Изъ маленькихъ вещей хороши: «*Мачиха*» Догановичъ; «*Бородавка*»(изъ институтской жизни) М. Киселевой; «*Греческія народныя сказки*» Безобразова; «*Жуанито-цыганенокъ*» (съ французскаго) С; «*Холмъ надеждъ*» Н. Боголюбова; «*Картинки съ натуры*» А. Смирнова (исключая первую — «Егоръ и Антипка»); «*Мишукъ*» Куклина; «*Нюренбергскій каминъ*» (съ англійскаго) Е. С.; «*Плѣнники*» и «*Лѣсникъ*» Н. Познякова; «*Монахи-работники*» Немировича-Данченко, съ обычнымъ мастерствомъ описывающаго свои дорожныя впечатлѣнія, и мн. др. Слабѣе другихъ—повѣсть В. Желиховской—«*Въ обители св. Шіо*», растянутое, безсодержательное описаніе путешествія; «*Кладоискатели*», А. Круглова, страдающая присущей г. Круглову манерой разводить повѣсти ненужными, пустыми разговорами; «*Долина священнаго Нила*» — Юркевича, хотя и составленная по Онкелю и Кигну, но неудачно. Дѣти мало вынесутъ и о природѣ, и о памятникахъ Египта, а такія выписки при описаніи сфинксовъ изъ Кигна: «*Какія нѣжныя линіи рукъ, плечъ, бедеръ; какія тонкія профили, съ трепещущими ноздрями, губами, полными горячихъ поцѣлуевъ*»... (№ 3, стр. 456) совсѣмъ не годятся для чтенія дѣтямъ. Къ недостаткамъ журнала можно отнести также и особенное обиліе стихотвореній, которыхъ въ 12 книжкахъ помѣщено 23, при чемъ одно — «*Страничка прошлаго*», А. Круглова, довольно прозаическое и водянистое, занимаетъ въ январьской книжкѣ цѣлыхъ 15 стр. Такъ какъ большинство стихотвореній мало оригинально, а больше перепѣвы стихотвореній, гораздо лучшихъ (напр. Майкова — Христосъ Воскресе), то и помѣщать ихъ вовсе-бы не слѣдовало; если же допускать матеріалъ стихотворный, то только во всѣхъ отношеніяхъ художественный, могущій способствовать образованію вкуса. Невнимательно также относится редакція къ помѣщаемымъ рисункамъ; рисунокъ № 5, стр. 41, къ повѣсти «*Счастье*» совсѣмъ не соотвѣтствуетъ описанію героя въ № 4, стр. 491; къ статьѣ «*Долина священнаго Нила*» приложены рисунки, о которыхъ ни слова нѣтъ въ текстѣ, а тѣхъ, которые были-бы нужны, нѣтъ. Но если страдаютъ такими недостатками картинки въ текстѣ—хромолитографіи «*Изъ дѣтской жизни*», прилагаемыя къ каждому номеру отдѣльно очень недурны, хотя нельзя не удивиться, что эти совсѣмъ ребяческія картинки, коимъ мѣсто въ «*Игрушечкѣ*», являются въ журналѣ для юношества.

«Дѣтское чтеніе»—иллюстрированный дѣтскій журналъ для дѣтей 10—15 л., изд. въ Спб. (№№ 1—12).

«Дѣтское Чтеніе» издается съ небольшими перерывами уже XXII г.; выходило оно въ 1890 г. аккуратно, ежемѣсячно въ томъ размѣрѣ и того же формата, какъ и въ прежніе годы. Предназначается журналъ для дѣтей отъ 10 до 15 л., но врядъ ли что нибудь найдетъ въ немъ для себя 15 лѣтній юноша. Больше всего въ журналѣ беллетристики, какъ русской, такъ и иностранной, но далеко не одинаковаго достоинства: переводная лучше оригинальной, что, впрочемъ, относится отчасти и къ другимъ журналамъ. Изъ этой беллетристики выдѣляются двѣ повѣсти: «*Старшины Вильбайской школы*» (съ англійскаго) Шишмаревой и «*Эдрикъ мореплаватель*» (тоже съ англійскаго) А. Волховской. Первая переходитъ въ нынѣшній 1891 г., начавшись съ іюня прошлаго (что для журнала, особеннаго дѣтскаго, дѣло совсѣмъ не подходящее) — даетъ понятіе о внутреннемъ строѣ англійской школы, ея самоуправленіи, борьбѣ партій и т. д.; переводъ хорошъ, читается съ большимъ интересомъ. «Эдрикъ мореплаватель» вышелъ отдѣльной книжкой и отзывъ о ней данъ во 2 № журнала. За этими двумя большими статьями поставили бы мы во всякомъ случаѣ недурные разсказы: «*Рождественская мятель*», «*Бумъ-Бумъ*»—граціозный, трогательный разсказикъ Жюля-Кларети; «*На воздушномъ шарѣ*» (съ англійскаго), юмористическій эпизодъ изъ воздушнаго путешествія двухъ случайныхъ спутниковъ—судьи и ученаго, «*Бимъ-Бомъ*» А Вѣнчикова, «*Бабушкина семья*» А. Вадзинской, «*Сельскій праведникъ*» К. Л. Грекова, «*Воръ*» Л. Шелгуновой, «*Стекляшка*» (съ итальянскаго) изъ записокъ школьной учительницы. «*Рождественская пѣсня*» (Дядя Скруджъ) Диккенса, пересказъ Л. Шелгуновой. Большая же повѣсть В. Желиховской «*Лѣто на Сунжѣ*»—растянута и скучна. Повѣсти Богемскаго «*У моря*» совсѣмъ не мѣсто въ дѣтскомъ журналѣ: смерть чахоточнаго мальчика, одиноко умирающаго въ Крыму, искусственно связана съ картинами чудной южной природы, должно быть для рѣзкости контраста. Историческій отдѣлъ бѣденъ: двѣ повѣсти—«*Ната*» В. Андреевской и «*Внѣ терема*» С. Прибытковой разсказываютъ одно и то же знакомство царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной каждая по своему (!). Не обладая художественностью, онѣ теряютъ даже и интересъ, прочтенная одна вслѣдъ за другой. Біографій двѣ и хорошихъ—«*Эзопъ*» А. Розельонъ-Сошальской и «*Эдиссонъ и его открытія*» Н. Заблоцкой. Удачно дополняютъ первую—15 басенъ Эзопа, недурно переведенныхъ стихами Н. Позняковымъ. Хорошъ также этнографическій очеркъ—«*Въ гостяхъ у татаръ*» А. В. Небольшой отдѣлъ естествознанія почти исключительно заполненъ статьями извѣстнаго писателя Вл. Эд. Иверсена. Подъ общимъ заглавіемъ—«*Среди природы*», помѣщены статьи: 1) «*Во льду и снѣгу*», 2) «*Зимній сонъ животныхъ*», 3) «*Ласточки снова прилетѣли*», 4) «*Пернатые строители*»; всѣ онѣ составлены по Маршаллю и заключаютъ много интереснаго матеріала. Къ этому же отдѣлу относятся 2 небольшія переводныя статейки «*Слоновая кость*» по Герману Вагнеру и «*Путешествующія рыбы*» Федоровичъ, а также—«*Не шевелитесь*» (объясненіе фотографіи). Отдѣлъ ручнаго труда—«*Картонажныя работы*» велся, какъ и въ 1889 г. А. П. Нечаевымъ. Какъ и «Дѣтскій Отдыхъ», «Дѣтское Чтеніе» поражаетъ обиліемъ мало художественныхъ стихотвореній, коихъ въ теченіи года помѣщено 21, кромѣ вышеупомянутыхъ 15 басенъ Эзопа. Къ журналу выдана премія—«*Въ странѣ контрастовъ*», Л. П. Шелгуновой, съ рис. Н. Н. Каразина—живо и интересно написанная повѣсть изъ жизни и природы Туркестана.

Въ общемъ, какъ мы видѣли, журналъ, давшій кое-что хорошее, страдаетъ отсутствіемъ строгаго и обдуманнаго выбора статей и опредѣленнаго направленія.

Изданія кн. маг. «Начальная школа» Е. Тихомировой. Изъ 20-ти лѣтней практики агронома-арендатора *К. Дмитріева:* 1) **Ошибки въ нашемъ хлѣбопашествѣ и чѣмъ ихъ поправить.** 44 стр. 8 к. 2) **Луговые покосы и какъ ихъ улучшить.** 21 стр. 5 к. 3) **Полевое хозяйство съ посѣвомъ кормовыхъ травъ.** 17 стр. 5 к. 4) **Обработка земли къ яровымъ посѣвамъ.** 22 стр. 5 к. 5) **Земледѣльч. орудія.** 39 стр. 8 к. и 6) **Тульская дешевая зерносушилка.** 7 стр. 5 к.

Изданіе В. И. *К. Станюковичъ.* **Между своими или смерть на кораблѣ. — Болѣзнь и смерть отъ дурного воздуха.** 53 стр. 3 к.

Книжный магазинъ Е. Тихомировой «Начальная школа» издалъ обширную серію книгъ подъ общимъ названіемъ «Крестьянское и мелкое землевладѣльческое хозяйство». Признаемся, мы первоначально очень обрадовались такому обогащенію отдѣла прикладныхъ знаній. На каждой книжкѣ внушительно обозначено: изъ 20 лѣтней практики агронома-арендатора К. Дмитріева. Двадцать лѣтъ практики—не шутка; агрономъ—«чинъ» ученый; вспомнилась намъ еще книжка того же автора, изданная когда-то на счетъ смоленскаго общества сельскихъ хозяевъ. Только радоваться и оставалось, что вотъ-вотъ разойдутся книжки Дмитріева по градамъ и весямъ—и каждая сдѣлаетъ доброе дѣло. Чтобы скорѣе и полнѣе познакомиться со взглядами автора, мы прежде всего обратились къ той книжкѣ, которая содержитъ такъ сказать его profession de foi. Названіе книжки этой такое громкое и звонкое: «Ошибки въ нашемъ хлѣбопашествѣ и чѣмъ ихъ поправить». Слава Богу! думали мы, г. Дмитріевъ нашелъ средство,—а надъ его отысканіемъ сколько головъ работало и все какъ то не рѣшало коренной вопросъ о томъ, какъ выгоднѣе,—стричь и кормить овецъ, и какъ устроить свое хозяйство такъ, чтобы овецъ побольше стричь, да поменьше кормить! Все выходило какъ то такъ: одному больше—другому меньше. А вотъ г. Дмитріевъ думалъ-думалъ, и всѣхъ помирилъ. Какъ онъ это сдѣлалъ—очень интересно и поучительно, какъ своего рода знаменіе времени. Книжка Дмитріева имѣетъ цѣлью «чрезъ учителей и учительницъ хотя немного подготовить крестьянъ къ пониманію выслушиваемыхъ ими иногда предложеній на счетъ улучшенныхъ способовъ добывать изъ земли денежные доходы» (стр. 22). Какимъ же образомъ? Г. Дмитріевъ несомнѣнно не чуждъ логикѣ. Онъ умѣетъ подыскивать подходящія посылки: «Всѣ люди смертны». (Вѣрно). «Я не всѣ люди» (тоже вѣрно). Слѣдовательно... (тутъ ужъ г. Дмитріевъ пасуетъ): я безсмертенъ. Присмотритесь. «Первая и всѣмъ извѣстная причина незавиднаго положенія нашихъ крестьянъ—это большія и постоянныя затрудненія въ продовольствіи нужнаго имъ для выгоднаго занятія хлѣбопашествомъ рабочаго скота» (стр. 4). Ну, на счетъ первенства это еще сомнительно, а во всемъ прочемъ г. Дмитріевъ правъ. Вторая причина—это отсутствіе «пастбищныхъ угодій для продовольствія скота лѣтомъ». Третья причина—«теперешніе крестьянскіе способы хозяйничанья» (стр. 6). Значитъ, необходимо, во первыхъ, открыть крестьянамъ «самый дешевый источникъ пріобрѣтенія требуемыхъ на это гуменныхъ кормовъ (мякины съ яровой соломою) и подстилки; во вторыхъ, нужно обезпечить крестьянъ хотя бы посредственными только, но въ достаточномъ количествѣ пастбищами, и въ третьихъ, слѣдуетъ ознакомить на практикѣ всѣхъ нашихъ хлѣбопашцевъ съ выгодами разныхъ нововведеній (стр. 7). Все это прекрасно. Но, спрашиваетъ затѣмъ авторъ, «кто именно возьмется выполнить на дѣлѣ такой планъ дѣйствій? Понятно (sic.), тутъ нельзя разсчитывать (?!) на прямую помощь отъ правительства, для котораго рѣшительно не по силамъ обезпечить чуть не цѣлую Россію выгонами, зимнимъ кормомъ для скота и образцовыми хозяйствами». «Вся надежда, *значитъ*, на землевладѣльцевъ, которые имѣютъ всѣ

средства, чтобы *облагодѣтельствовать* сосѣднее съ ними крестьянское населеніе, *давъ ему то, чего* они вовсе давать не обязаны, и къ чему даже само правительство (?) не въ состояніи принудить владѣльца имѣнія; если же онъ это сдѣлаетъ, то сдѣлаетъ, во-первыхъ, по своей доброй *волѣ* (курсивъ автора), а во-вторыхъ, если оказываемое помѣщикомъ крестьянскому обществу благодѣяніе принесетъ тоже и помѣщичьему хозяйству вѣрный *барышъ*» (стр. 7). Выходитъ, какъ будто бы, что авторъ потрафилъ той и другой сторонѣ. Но вдругъ картина мѣняется, авторъ принимается отыскивать эти самыя выгоды для землевладѣльцевъ. Землевладѣльцы недовольны доходами; первая причина тому, «это неудача обезпечить достаточную съ полевыхъ угодій денежную прибыль сдачею ихъ крестьянамъ» (8). «Легчайшее и самое дешевое средство извлекать желаемый доходъ сдачею земли крестьянамъ, *съ обязательствомъ для нихъ* унавоживать ежегодно выговоренную часть парового клина» (9). Вотъ это то и есть средство землевладѣльцамъ угодить и крестьянъ спасти. Все это хорошо, но какъ же быть крестьянамъ, когда удобрять землю нечѣмъ? А сидѣть безъ земли. Затѣмъ г. Дмитріевъ начинаетъ искать болѣе удобные способы обезпеченія экономіи работниками изъ окрестныхъ деревень (10). Старая это вещь—жалобы на дороговизну рабочихъ. Но вѣдь одновременно съ ними раздаются жалобы на дешевизну труда, только идутъ онѣ съ противоположной стороны, о которой г. Дмитріевъ, какъ будто бы и забываетъ, хотя и на каждомъ шагу трактуетъ о «взаимной выгодѣ». Изъ предыдущаго съ достаточной ясностью видно, какъ своеобразно понимаетъ крестьянскую выгоду г. Дмитріевъ. Правда, онъ говоритъ и объ «общественныхъ запашкахъ», и о «введеніи четырехпольнаго хозяйства». Но... избави насъ Богъ отъ этакихъ друзей.

Прочли мы внимательно и другія творенія г. Дмитріева, назначенныя для крестьянъ, а не для помѣщиковъ и ихъ приверженцевъ, по мнѣнію г. Дмитріева — учителей. Наиболѣе удачны и не безполезны слѣдующія брошюрки: «Тульская дешевая зерносушилка», неимовѣрно дорогая по цѣнѣ (за 7 страницъ 5 копѣекъ!), «Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки» (8 к. за 39 стр.) и «Какъ и чѣмъ удобряютъ землю въ хозяйствѣ съ зерновыми посѣвами, безъ посѣва въ полѣ клевера». Но и эти брошюры страдаютъ многими недостатками—изложеніе несвязное, языкъ тяжелый, фразы длинныя. Интересно сопоставить писанія г. Дмитріева съ талантливымъ очеркомъ неизвѣстнаго автора «Болѣзнь и смерть отъ дурного воздуха». Этотъ очеркъ можетъ служить образцомъ того, какъ слѣдуетъ популяризировать научныя знанія. Авторъ не только разсуждаетъ—онъ бесѣдуетъ, онъ приводитъ интересные факты изъ жизни, иллюстрирующіе его мысль; онъ то и дѣло и весьма кстати обращается къ примѣрамъ изъ крестьянской жизни; онъ держитъ читателя своимъ разсказомъ въ постоянномъ напряженіи — разсказъ интересенъ, замѣчивъ, теоретическія и практическія указанія идутъ рука объ руку. Погрѣшилъ авторъ только противъ науки: знанія, сообщаемыя популярной книжкой, должны быть строго-научны и точны; а у него мы читаемъ напр., что дрожжевые грибки «ростутъ, какъ растетъ дубъ и береза» (стр. 43); что грибки имѣютъ такіе же органы, какіе встрѣчаются у животныхъ и растеній (!!). Или объясненіе состава воздуха на стр. 40 представляетъ изрядную кашу сбивчивыхъ понятій и словъ, неудачно поставленныхъ и неудачно объясненныхъ; напр. газъ (= воздухъ). Неужели такое объясненіе что нибудь объяснитъ? Въ этой же книжкѣ, гдѣ помѣщенъ очеркъ «Болѣзнь и смерть отъ дурного воздуха», находитси еще прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ разсказъ г. Станюковича «Смерть на кораблѣ или между своими» Содержаніе его мы разскажемъ въ слѣдующій разъ, когда будемъ говорить о прекрасной серіи изданій В. И. Теперь же обратимъ вниманіе читателей на соединеніе въ одной книжкѣ произведеній беллетристическаго и научнаго. Это отличный способъ распространенія научныхъ очерковъ.

Изъ вышедшихъ въ послѣднее время недурныхъ дешевыхъ изданій отмѣтимъ слѣдующія: изд. Сытина: «По хорошей веревочкѣ». Народная комедія изъ сибирской жизни В. Михеева. 127 стр. 12 к. «Былина о Садко». 36 стр. $1^1/_2$ к. «Былина о Сухманѣ». 35 стр. $1^1/_2$ к. «Полное собраніе басенъ и сказокъ Хемницера». 173 стр. 12 к. «Сказки, басни и аналогіи» И. Дмитріева, 137 стр. 12 к. Изданіе Абрамова, «Огнедышащая гора Везувій или гибель Помпеи». Истор. пов. въ пересказѣ Кафтырева. 36 стр. $1^1/_2$ к.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Книги, поступившія въ Редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» для отзыва.

Александровъ, В. А. Объ устройствѣ школьныхъ садовъ при сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ. Брош.

Рудольфъ Вирховъ. О питательныхъ и вкусовыхъ веществахъ. Чтеніе въ Берлинскомъ обществѣ ремесленниковъ. Перев. съ 3-го испр. изданія Н. С. Дрентельна. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1891 г.

Грузинскій, А. Нескучные разсказы. Ц. 1 р. 20 к. Спб. 1891 г.

Германъ, Ф. Л. Врачебный бытъ до-Петровской Руси (матеріалы для исторіи медицины въ Россіи). Вып. I. Харьковъ. 1891 г.

Дементьевъ, Е. М. Англійскія игры на открытомъ воздухѣ. Руководство для воспитателей и для юношества. Съ 18 рисунками. Изд. журн. «Вѣстникъ Воспитанія». Ц. 60 к. Москва. 1891 г.

Евневичъ, И. А. Курсъ гидравлики. Лекціи, читанныя въ Спб. Практическомъ Технологическомъ Институтѣ. Съ 125 рис. въ текстѣ и особымъ атласомъ въ 14 листовъ. 2-е изд. исправленное и дополненное. II Т. (текстъ и атласъ) Изд. К. Л. Риккера. Цѣна за оба тома 6 р. Спб. 1891 г.

Ермоловъ, А. С. Организація полевого хозяйства. Системы земледѣлія и сѣвооборота. Изд. 2-е, значительно дополненное и исправленное. Ц. 3 р. 75 к. Спб. 1891 года.

Золя, Э. Деньги, романъ. Перев. съ французскаго. Ц. 1 р. Изд. ред. газеты «Новости» Спб. 1891 г.

Иваненко, Д. А. Памятная книжка и адресъ-календарь Полтавской губерніи на 1891 г. Ц. 1 р. Полтава. 1891 г.

Красноперовъ, Е. И. Кустарные промыслы и ремесла на Казанской научно-промышленной выставкѣ 1890 г. Пермь. 1891 г.

Красноперовъ, Е. И. Каталогъ съ объяснительнымъ текстомъ кустарно-промышленныхъ издѣлій экспонентовъ Пермской губерніи на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Пермь. 1890 г.

Куницкій, В. Задачникъ по русской грамматикѣ для элементарныхъ школъ и младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Ц. 50 к. Спб. 1891 г.

Джонъ Лёббокъ. Радости жизни (Pleasures of Life). Съ предисловіемъ автора для русскаго изданія. Перевелъ съ 18 англ. изданія В. А. Геблеръ. Ч. I. Изд. журн. «Пантеонъ Литературы». Ц. 50 к. Спб. 1890 г.

Михайловъ, Н. Ф. Школьно-санитарные вопросы въ земскихъ губерніяхъ. Брош. Москва 1890 г.

Островская, Н. Разсказы для дѣтей. Съ 10-ю рисунками. Изд. А. С. Суворина. Ц. 2 р. Спб. 1891 г.

Пискорскій, В. Франческо Ферручи и его время. Очеркъ послѣдней борьбы Флоренціи за политическую свободу (1527—1530). Ц. 1 р 50 к. Кіевъ 1891 г.

Рабиновичъ, И. М. Теорія и практика желѣзно-дорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. Ц. 3 р. 50 к. Спб. 1891 г.

Смоленскій. П. О. Общедоступные гигіеническіе способы изслѣдованія. Спб. 1891 года.

Столповская, А. Очеркъ исторіи культуры Китайскаго народа. Изд. К. М. Солдатенкова. Ц. 3 р. Москва 1891 г.

Столыпинъ, Д. Общіе міровые законы. Принципы 1789 года. Крестьянская личная собственность. Брош. Москва 1891 г.

Субботинъ, А. П. Въ чертѣ еврейской осѣдлости. Вып. II. Изд. ред. «Экономическаго журнала». Ц. 2 р. Спб. 1890 г.

фонъ-Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Ч. I. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 2 р. Москва 1891 г.

N. Kariejew. Upadek Polski w literaturze historycznej. Przeklad z rosyjskiego. Kraków 1891.

Cause de la chute de la Pologne par Nicolas Karéiew. Extrait de la «Revue historique», Mars—April 1891. Paris 1891.

Журналы Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества 1890 г. Вып. 6-й Полтава 1891 г.

Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи. Вып. 1-й. Казань 1890 г.

ПО ПОВОДУ ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКИ.

Нынѣшняя передвижная выставка есть истинное торжество для «Товарищества передвижныхъ выставокъ», и — это въ очень многихъ и разнообразныхъ отношеніяхъ. Для меня — это великая радость. Впродолженіе всѣхъ лѣтъ существованія «Товарищества», я всегда съ радостью и восхищеніемъ слѣдилъ за его успѣхомъ и ростомъ, и много разъ высказывалъ въ печати свой взглядъ на историческій ходъ дорогого для меня русскаго художественнаго дѣла. Нынѣче, когда успѣхъ этого дѣла не только не умаляется, а все только продолжаетъ идти въ гору, мнѣ хочется еще новый разъ высказать читателямъ то, что̀ и ка̀къ я тутъ нахожу, и доказать фактами, что дѣло идетъ впередъ.

I.

По числу выставленныхъ художественныхъ произведеній нынѣшняя выставка имѣетъ полное право считаться самою богатою изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ.

Правда, на выставкѣ 1885 года находилось 248 произведеній, а на выставкѣ 1889 г.—186, тогда какъ на нынѣшней ихъ только 169, но особенная многочисленность на тѣхъ двухъ выставкахъ зависѣла отъ обстоятельствъ исключительныхъ, рѣдко повторяющихся. Передъ тѣми выставками совершили большія путешествія: В. Д. Полѣновъ (на Востокъ), В. Е. Маковскій и А. Н. Ярошенко (по разнымъ русскимъ мѣстностямъ), и поставили на выставки 1885 и 1889 гг. множество своихъ «дорожныхъ замѣтокъ», «этюдовъ». Всякій знаетъ высокую цѣнность этюдовъ съ натуры, гдѣ часто выражается талантливость художника съ необыкновенною силою и яркостью; иной разъ зрителю приходится признаваться, что «этюдъ» не только сто́итъ картины, но даже, по художественному выполненію, непосредственности и огню, въ немъ сверкающему, имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ самая законченная кар-

тина. Но, какъ-бы ни было, «этюдъ» есть «этюдъ», а не творческое созданіе,—нѣчто случайное, еще лишенное мысли, плана, обдуманности, взвѣшиванія общаго и частей; нѣчто, все-таки собственно назначенное для будущей картины. Этюдъ есть—экспромтъ, неожиданность, загорѣвшееся чувство. По этимъ мимолетнымъ вспышкамъ можно судить только о талантливости и художественномъ уровнѣ художника, но не о его дѣятельности. Выставка-же даетъ отчетъ именно о его дѣятельности, его направленіи, его стремленіяхъ, его работѣ надъ самимъ собою и избраннымъ матеріаломъ. Поэтому-то, какъ я ни высоко цѣню очень многіе изъ этюдовъ гг. Полѣнова, В. Маковскаго и Ярошенки, какъ я ни радовался на иные изъ нихъ (у одного В. Д. Полѣнова въ 1885 г. выставлено было 79 по бо́льшей части истинно прекрасныхъ набросковъ, пейзажей и типовъ, изъ путешествія по Египту и Палестинѣ, и притомъ *въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ*), — я оставляю ихъ на минуту въ сторонѣ, при опредѣленіи общаго хода дѣятельности передвижниковъ въ такомъ-то истекшемъ году.

И вотъ, по всему этому, я говорю, что нынѣшняя передвижная выставка превосходитъ, въ количественномъ отношеніи, всѣ предыдущія. Начиная съ 1-й передвижной выставки, бывшей въ 1871 году, число выставляемыхъ произведеній росло съ каждымъ годомъ. Въ теченіе 70-хъ годовъ оно шло отъ полусотни до сотни; въ 80-хъ, отъ сотни до полуторы сотни; въ 90-хъ, оно идетъ отъ полуторы сотни къ двумъ стамъ. Въ нынѣшнемъ году было выставлено 169 произведеній, да сверхъ того, въ цѣлой особой залѣ явилась посмертная выставка недавно скончавшагося «товарища» передвижника, А. Д. Литовченки. Надо замѣтить, у этихъ господъ давно уже заведенъ этотъ порядокъ: какъ сойдетъ со сцены одинъ изъ *ихъ*, они тотчасъ соберутся, потолкуютъ, и тотчасъ сдѣлаютъ посмертную выставку произведеній павшаго бойца, какъ панихиду по немъ, какъ надгробный памятникъ надъ его могилой. Такъ было съ пейзажистомъ Ѳ. А. Васильевымъ, такъ было съ Гуномъ, такъ сдѣлалось теперь и съ Литовченкой. Въ устройствѣ посмертныхъ выставокъ Перова и Крамского «Товарищество», не смотря на то, что онѣ были самостоятельныя, также принимало самое горячее и симпатичное участіе. Что, худо такое товарищество? Худо? И что́ про него надо сказать?

Если возросло нынѣче и все только возрастаетъ количество выставляемыхъ произведеній, то это, конечно, значитъ то, что и количество присоединившихся новыхъ товарищей тоже росло и ростетъ. Что́ можетъ лучше доказывать истинное достоинство и значительность основной идеи «Товарищества», доходчивость ея до ума и сердца всѣхъ вновь появляющихся русскихъ художниковъ. Видно, тѣ мысли и идеи, которыми живетъ «Товарищество», дороги и нужны также и для другихъ.

*

Вотъ всѣ туда и идутъ, въ это «Товарищество», — по крайней мѣрѣ всѣ, кто получше, поталантливѣе и поумнѣе. Рыбакъ рыбака видитъ издалека. Qui se ressemble s'assemble. Пріятнѣе и теплѣе быть съ тѣми, кто мнѣ больше подходящій и по дарованію, и по складу всей моей натуры,—да и по нынѣшнему времени, по нынѣшнимъ потребностямъ художественнымъ. Сколько народу постепенно прибывало въ «Товариществѣ», можно видѣть по таблицамъ, напечатаннымъ еще при отчетѣ его за 1888 годъ, а съ тѣхъ поръ сколько еще новыхъ прибыло, да еще какихъ даровитыхъ и замѣчательныхъ. Довольно вспомнить гг. Архипова, Иванова, Касаткина, Киселева, Лебедева, Левитана, Остроухова, Степанова, какъ новыхъ *членовъ* «Товарищества», и гг. Пастернака, Зощенко, Рябушкина, Коровина, Сѣрова, Богданова-Бѣльскаго, скульптора Позена — какъ *экспонентовъ*. Вѣроятно, и эти скоро сдѣлаются настоящими «членами» Товарищества.

И, надо замѣтить, желающіе поступать въ «Товарищество» являются все вновь и вновь, не взирая на то, что очень хорошо извѣстно всѣмъ художникамъ, что въ «Товарищество» будетъ принятъ не всякій, кто вздумаетъ, что баллотировка очень строгая, и что художниковъ и картинъ, получившихъ отказъ, было до сихъ поръ не мало.

Значитъ, есть что-то такое особенное, привлекательное, что́ такъ сильно притягиваетъ сюда всю лучшую художественную молодежь нашу.

II.

Нынѣшней передвижной выставкѣ какъ-то особенно повезло. Всѣ ею остались довольны, даже можно сказать, всѣ ею не нахвалятся. Со стороны публики это еще не такъ удивительно. Почти во всѣ 20 лѣтъ существованія «Товарищества», публика была на его сторонѣ. Если не вся сплошь ея масса, то по крайней мѣрѣ наиболѣе интеллигентная и наиболѣе художественная часть ея съ изрядною любовью и доброжелательствомъ взглянула на выставки передвижниковъ съ самаго-же перваго ихъ дня и всегда потомъ довольно-таки сочувствовала имъ. Правда, еще значительная доля публики, по старинной привычкѣ и всегдашней косности массъ, продолжала считать Академію художествъ настоящимъ нашимъ художественнымъ центромъ, ея художниковъ— истинными русскими художниками, а ихъ картины самымъ что-ни есть вѣрнымъ отраженіемъ русскаго художественнаго таланта и творчества. Но масса всегда есть масса, и не въ ней все дѣло состоитъ во всемъ томъ, что́ касается интеллектуальности и пониманія современности. Но, какъ-бы ни было, въ общемъ итогѣ наша публика была на сторонѣ передвижниковъ. Настоящихъ враговъ было у нихъ, съ этой стороны,

всегда не слишкомъ-то много; главное, на что можно было жаловаться, это на ту «всеядность», на ту неразборчивость понятія и вкуса, которымъ все хорошо, все мило, и то что направо, и то что налѣво; для нея всегда превосходно и то, что въ самомъ дѣлѣ превосходно, но также заразъ и то, что посредственно, а пожалуй, и вовсе никуда не годно. Но, кто въ самомъ дѣлѣ что-нибудь истинно любитъ и понимаетъ, непремѣнно долженъ *терпѣть не мочь* все то, что противуположно признаваемой имъ правдѣ и красотѣ. Одинъ изъ лучшихъ и глубочайшихъ талантовъ нашего вѣка, музыкантъ Шуманъ, пишетъ въ своихъ «Жизненныхъ правилахъ для музыканта»: «Ты долженъ *не любить* все то, что худо и фальшиво въ музыкѣ, ты долженъ преслѣдовать все подобное». У людей, темныхъ мыслью, не такъ: они пуще огня боятся того, что они называютъ «пристрастіемъ», «увлеченіемъ», и во имя своего любезнаго «безпристрастія» (которое въ сущности есть ничто иное, какъ миѳъ, паръ и дымъ) они вѣчно болтаются весь свой вѣкъ между хорошимъ и дурнымъ, какъ лодка безъ руля, которую несетъ по теченію и которая поминутно пойдетъ да ударится носомъ то объ одинъ берегъ, то о другой, безъ толку, безъ нужды,—только смотрѣть досадно. Вотъ этакая-то, во всѣ концы раскачивающаяся публика, есть самое великое несчастіе для художника. На нее не разсчитывай, на нее не надѣйся. Она тебѣ каждую минуту готова измѣнить, промѣнять тебя на любую новую побрякушку, а между тѣмъ и сама не понимаетъ, что́ такое дѣлаетъ. Но все-таки, и этакая публика была, въ большинствѣ случаевъ, всего чаще на сторонѣ передвижниковъ. Нынче-же, не знаю отчего именно, она вдругъ, вмѣстѣ съ интеллигентною частью общей массы, съ какою-то особенною симпатіею перевалила на сторону «Товарищества» передвижниковъ. Нынче уже никто не говорилъ, что и картинъ-то у передвижниковъ мало—«гораздо меньше, чѣмъ въ прошломъ году» (обычный припѣвъ истинныхъ доброжелателей, кажется начиная съ самой-же первой выставки, даромъ что положительныя цифры говорили совершенно другое), и выставка-то гораздо хуже академической, и сюжеты-то картинъ у передвижниковъ препротивные, пренегодные, все изъ низшей, пошлой, ординарнѣйшей жизни, и многое тому подобное. Нѣтъ, нынче этого никто уже не говоритъ, и всѣ сплошь довольны. Картинъ оказывается очень «достаточно», про Академію художествъ и помину нѣтъ, съ нею передвижниковъ даже и не сравниваютъ, а сюжеты—стали вдругъ хороши, про пошлость и ординарность сюжетовъ болѣе нигдѣ не слыхать. Но, главное, отъ всѣхъ услышишь, точно по заказу, одинъ и тотъ-же припѣвъ: «Да, вотъ что особенно хорошо на нынѣшней выставкѣ: общій уровень хорошъ, общій уровень высокъ»!

Противники и враги у передвижниковъ, конечно, и теперь есть, но ихъ, кажется, остается немного. Главные—въ средѣ печати.

Печать, за немногимъ исключеніемъ, почти всегда была противъ передвижниковъ. Я это доказывалъ однажды фактами и выписками, въ своей статьѣ «Тормазы русскаго искусства». Главное исключеніе въ пользу передвижниковъ представляла всегда провинціальная пресса, но о ней мы покуда ничего не знаемъ, на нынѣшній разъ, пока выставка еще не трогалась изъ Петербурга. Петербургская-же, удивительнымъ образомъ, почти вся сплошь высказалась *за* передвижниковъ. Дѣло дошло даже до того, что одинъ изъ журнальныхъ рецензентовъ воскликнулъ: «Да, русская школа есть на свѣтѣ». Вотъ-то сюрпризъ, вотъ-то неожиданное признаніе, вотъ-то небывалая новость и открытіе! Чего-же еще? Теперь остается уже немного такихъ критиковъ, которые мрачно бродятъ по передвижной выставкѣ и бросаютъ вокругъ себя взгляды, полные ненависти и презрѣнія, какъ будто говоря: «постойте, постойте, вотъ ужо́ я васъ всѣхъ, всѣхъ васъ оболью *горечью и желчью*»! Но, покуда-то еще до ихъ почтенной прозы дѣло дойдетъ въ Московскихъ и иныхъ вѣдомостяхъ, а здѣсь все радость и ликованье, и не видать уже болѣе на выставкѣ, какъ еще немного лѣтъ тому назадъ, профессоровъ, приводившихъ передъ картины передвижниковъ цѣлую толпу учениковъ и читавшихъ имъ сердитыя, злобныя лекціи о негодности и полной несостоятельности передвижниковъ.

III.

Нынѣшняя выставка—счетомъ 19-я, а если принять въ соображеніе, что цѣлый годъ прошелъ, раньше чѣмъ устроилась 1-я выставка, то выходитъ, что сообщество передвижниковъ существуетъ цѣлыхъ 20 лѣтъ. Какой длинный періодъ для всего того, что́ хорошо и значительно, особенно у насъ! Вѣдь нигдѣ, кажется, не найдешь такихъ охотниковъ, какъ у насъ, что́ бы то ни было *начинать*, и такихъ неохотниковъ что́ бы то ни было продолжать. Нѣтъ такого общества, компаніи, предпріятія, какого угодно дѣла, на которое тотчасъ-же не набросилась бы цѣлая толпа добровольцевъ. Тотчасъ впрягутся, вертятся, торопятся и суетятся Богъ знаетъ съ какою ревностью и усердіемъ, но, смотришь, спустя немного времени, и всѣ ужъ охладѣли, всѣ устали, всѣмъ надоѣло, и каждый думаетъ только о томъ, какъ-бы отлынить да поскорѣе уйти вонъ. Ненадежность и способность отъ чего угодно отступиться—просто феноменальныя. Нигдѣ предпріятія и великія затѣи такъ скоро не вянутъ и не лопаются, какъ у насъ. Товарищество передвижныхъ выставокъ—одно изъ рѣдчайшихъ и изумительнѣйшихъ исключеній. Послѣ 20-ти лѣтъ существованія, оно свѣжо и бодро, точно будто въ первый годъ, точно будто никакихъ ущербовъ и потерь оно никогда

не понесло, точно будто все оно цѣликомъ такимъ до сихъ поръ и осталось, какимъ было съ самаго начала, точно будто никакихъ бѣдъ и превратностей съ нимъ никогда не случалось. Но вѣдь именно всего этого съ нимъ было вдоволь, и натерпѣлось оно всего—выше головы, и однакожь, ни отъ чего не отступило, ни въ чемъ не спасовало, нигдѣ не посдало ни единаго вершка. Это-ли не удивительно, не на это-ли надо смотрѣть, какъ на великое торжество?

Вся почти пресса безъ-устали травила Товарищество и систематически преслѣдовала его по пятамъ, осмѣивая каждый его шагъ, каждую его картину, особенно всѣ тѣ, что были позначительнѣе и поталантливѣе. Но Товарищество и въ усъ себѣ не дуло, и продолжало идти впередъ твердымъ, непоколебимымъ шагомъ; оно даже никогда не пробовало отвѣчать на лай котораго нибудь изъ тѣхъ невѣждъ, которые страстно желали укусить его, или хоть ущипнуть. Для такого стоицизма надо быть очень сильнымъ.

Потомъ, понесенныя Товариществомъ утраты были очень велики. Одни изъ товарищей—умерли, другіе—сами ушли, кто изъ настоящихъ членовъ, кто изъ экспонентовъ; кто вслѣдствіе какой-то ссоры съ товарищами, кто, не вмѣру разобидѣвшись на какіе-то пустяки, кто—пожелавъ самъ всецѣло пожинать плоды съ отдѣльныхъ, своихъ собственныхъ выставокъ. Нѣкоторыя потери сильно были чувствительны для Товарищества. Еще не такъ велика бѣда была, когда уходили изъ членовъ, то г. Якоби (еще ранѣе полнаго образованія общества), то К. Маковскій, а изъ экспонентовъ—то г. Мещерскій, то г. Эндогуровъ, и т. д. Но велика и сильна была бѣда, когда изъ Товарищества выходили вонъ такіе крупные и значительные художники, какъ Перовъ или Куинджи, или, когда подъ конецъ своей жизни намѣревался выйти вонъ изъ Товарищества—самъ Крамской, когда-то главный трибунъ, представитель, глашатай, страстный двигатель и направитель Товарищества, всѣ лучшія силы жизни положившій на служеніе Товариществу и на процвѣтаніе его. Это все были потери тяжелыя, невознаградимыя. И что-же? Товарищество не погибло, не распалось, даже не ослабло. Слишкомъ силенъ былъ духъ, царствовавшій въ тѣхъ, кто остался на лицо, кто продолжалъ жить тѣми здоровыми мыслями и принципами, которые положены были въ основаніе общества съ самаго его начала. Напрасны были радостныя надежды враговъ Товарищества, при каждой новой убыли, что-молъ, скоро-скоро, вотъ сейчасъ само собою стушуется и исчезнетъ это ненавистное Товарищество. «И давно пора!» приговаривали они. Зачѣмъ оно только затѣяно, какая кому въ немъ надобность, какая его цѣль? Всѣ картины этихъ живописцевъ—только каррикатура на русскую жизнь, они сами—только либералы живописи (даже настоящіе «радикалы», придакивали иные); все ихъ направленіе, со всѣмъ ихъ

нелѣпымъ реализмомъ и народничаньемъ — ничто иное, какъ минутная зловредная мода, глупая прихоть. Со всѣми ихъ безумными затѣями, со всею ихъ «правдою и вѣрностью природѣ», скоро-скоро расправится общественный вкусъ и здравый смыслъ. Да что́ такое, наконецъ, и вся эта исторія нарожденія этого Товарищества, какъ не сумазбродство и капризъ нѣсколькихъ мало-разумныхъ юношей, изъ-за чего-то поссорившихся съ Академіей художествъ, и съ шумомъ и трескомъ выбѣжавшихъ изъ нея вонъ, а потомъ, черезъ нѣсколько времени смастерившихъ кое-какъ свое особенное общество, свою особенную клику и расколъ». Но никакіе вопли и ехидныя злорѣчія противниковъ, неизлечимыхъ консерваторовъ не смущали «товарищей»; они продолжали свое правое и глубокое дѣло, не взирая ни на какія потери, и заслужили, сначала заграницей, отъ иностранцевъ, а потомъ мало по малу уже и отъ своихъ соотечественниковъ — признанія своего за истинныхъ національныхъ художниковъ, истинныхъ изобразителей русской жизни и русскихъ людей.

Не чудная-ли, не изумительная-ли это странность: всемірныя европейскія выставки всего болѣе помогли славѣ и крѣпости Товарищества передвижныхъ выставокъ! У насъ стали его уважать немного посерьезнѣе и посильнѣе, стали сознавать, что наши художники и въ самомъ дѣлѣ что-то значатъ, именно только съ тѣхъ поръ, какъ французы, нѣмцы и англичане стали признавать ихъ самостоятельное, важное значеніе, наравнѣ съ прочими европейскими художниками, и провозгласили во множествѣ книгъ и статей, что русская художественная школа, представляемая нашими передвижниками—есть школа въ высокой степени замѣчательная, истинно и глубоко національная, имѣющая громадное будущее. У насъ многіе точно обрадовались, что русскимъ художникамъ позволено не считаться все только «недорослями». Ну, и съ тѣхъ поръ значительная доля массы перевалила на сторону передвижниковъ, и стали дарить ихъ своимъ милостивымъ вниманіемъ и симпатіей, почти наравнѣ съ прежними искренними и немногочисленными поклонниками новой русской школы. Что дѣлать, у насъ на все нужна мода...!

Передвижники никогда не искали себѣ лавровъ и лестнаго одобренія заграницей, и потому ничуть не обрадовались привалившему счастью. Напротивъ, они были всегда такъ неряшливы и туги на подъемъ, что въ эти послѣднія 10—15 лѣтъ, послѣ всѣхъ иностранныхъ похвалъ, даже не собрались послать по чужимъ краямъ свою собственную, особенную выставку. А вѣдь всѣ другіе люди какъ-бы на ихъ мѣстѣ ухватились-бы за такую благопріятную окказію отличиться, да и копѣйку зашибить. Нѣтъ, они всегда были горды и суровы, ни передъ кѣмъ не вертѣли хвостомъ, и предпочитали оставлять свои картины у себя, дома, на всемъ произволѣ немногочисленныхъ своихъ покупателей. И въ этомъ

полномъ достоинства положеніи ихъ они всегда заслуживали самой глубокой симпатіи искреннѣйшихъ своихъ сторонниковъ. Никакія «награды», «поощренія» и «повышенія» во всѣ 20 лѣтъ ихъ существованія не смущали помысловъ и не развращали воображенія всѣхъ лучшихъ и значительнѣйшихъ между ними. Исключеній почти вовсе не было.

За то у нихъ передъ глазами блисталъ всегда одинъ поразительный фактъ: который художникъ покидалъ своихъ товарищей, выходилъ изъ ихъ благороднаго, высокаго по стремленіямъ и задачамъ сообщества, скоро потомъ оказывался умаленнымъ и обезсиленнымъ, лишившимся лучшихъ долей своего таланта и производительности. Выйдя изъ числа передвижниковъ, художникъ точно былъ пораженъ анеміей и худосочіемъ, для него наставалъ періодъ пониженія или бездѣятельности. Я не стану перечислять всѣхъ именъ и картинъ, доказывающихъ правду того, что я говорю. И имена, и картины хорошо извѣстны нашему русскому читателю. Фактъ странный и прискорбный, но, къ сожалѣнію, онъ несомнѣненъ. Нѣтъ *ни одного* примѣра, который доказывалъ-бы противное. Но у меня никоимъ образомъ нѣтъ, при этомъ, въ головѣ мысли, будто-бы какая-то таинственная сила рока вступается за Товарищество передвижниковъ, мститъ за него отступнику или перебѣжчику, наказываетъ его за ренегатство. О нѣтъ, никогда! Такого нелѣпаго соображенія у меня не было, нѣтъ и никогда не будетъ въ мысли. Я не вѣрю ни въ какія мщенія и наказанія природы. Но я думаю, что художникъ, выходящій изъ такого круга людей, какъ «Товарищество», тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ уже не прежній человѣкъ, что съ нимъ случилось что-то, и именно — къ худшему; что онъ совершенно иначе противъ прежняго думаетъ, видитъ, чувствуетъ и понимаетъ; что у него понизился интересъ къ справедливости, что до его ума и воображенія болѣе уже не доходчивъ голосъ истины, и что его болѣе ужъ не возмущаютъ зло и нелѣпость, давящія все массами, а потому онъ не чувствуетъ болѣе потребности соединяться для одного общаго дѣла съ «протестантами» и быть въ близкомъ общеніи съ товарищами, съ равными. Когда цѣли великодушнаго, самоотверженнаго сообщества перестали быть для этого человѣка чѣмъ-то дорогимъ и болѣе всего нужнымъ, наступаетъ періодъ холоднаго эгоизма и высокомѣрнаго самомнѣнія: «Что мнѣ, дескать, въ *тѣхъ* всѣхъ — другихъ! Я и одинъ со всѣмъ управлюсь». Анъ нѣтъ, любезный другъ, это не такъ. Одинъ со всѣмъ не управишься. Шею себѣ сломишь. Надо людей, съ которыми-бы ты шелъ въ одну ногу противъ общаго врага. Или ты не сознаешь, не видишь, не чувствуешь болѣе никакого врага? Худо, очень худо. Тебѣ, художнику, вредно быть одному, безъ близкаго общенія съ товарищами по искусству, безъ обмѣна мыслей и понятій, безъ общихъ интересовъ, къ которымъ надо всѣмъ вмѣстѣ стремиться. Художнику

вредно оставаться все только въ своей мастерской, съ однимъ самимъ собой. Тутъ даже самый талантливый, самый могучій и храбрый—много потеряетъ, многимъ поплатится за одиночное житье въ медвѣжьей берлогѣ.

Уединеніе — великая сила и потребность для художника. Оно раньше всего ему нужно въ минуты творчества и работы. Тутъ никого не должно быть около него, онъ непремѣнно долженъ оставаться одинъ самъ съ собою. Но худо, когда художникъ будетъ знать только свою собственную картину или статую, а на художественное дѣло и на остальныхъ художниковъ будетъ закрывать глаза, когда онъ не будетъ участвовать съ товарищами ни въ чемъ общемъ. Онъ всегда горько за это поплатится: и распустившимся какъ крапива эгоизмомъ, и душевнымъ холодомъ, и апатіей, и, быть можетъ, значительнымъ, если не совершеннымъ, паденіемъ творчества. И вотъ именно это-то всегда и случалось, до сихъ поръ, съ художниками, нашедшими для себя возможнымъ и нужнымъ покинуть Товарищество. Они почти всегда только доказывали этимъ начавшееся коренное измѣненіе своей натуры. Много, иногда безмѣрно много, теряло, при ихъ уходѣ, общество «товарищей», но еще несравненно болѣе теряли всегда — они сами, хотя, быть можетъ, этого еще и не сознавали.

Мнѣ довольно указать на одинъ примѣръ: Перова. Это былъ художникъ крупный, могучій, занимающій значительную роль въ исторіи русскаго искусства. Онъ былъ одинъ изъ главныхъ учредителей Товарищества, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ его направленія и стремленій. Но его антипатія къ Товариществу и его цѣлямъ, его выходъ изъ членовъ Товарищества совпадаютъ съ пониженіемъ его таланта и творчества, съ упадкомъ его силъ, съ упадкомъ богатой и бодрой прежде его производительности. Такъ было, ко всеобщему горю, не съ однимъ Перовымъ.

Впродолженіе 20-лѣтняго существованія Товарищества передвижныхъ выставокъ много разъ было писано, и еще болѣе говорено о томъ, какъ-бы хорошо было, чтобъ Товарищество перестало быть особенной, отъ другихъ отдѣлившейся группой художниковъ; какъ-бы хорошо было, чтобы не было никакой розни между русскими художниками, чтобы всѣ они были вмѣстѣ, составляли одно дикое цѣлое. Въ послѣднее время такія разсужденія стали почему-то повторяться чаще и настойчивѣе прежняго. «Передвижникамъ надо *слиться* со всѣми остальными нашими художниками. Нѣтъ никакого резона для ихъ отдѣльнаго существованія. Искусство одно и тоже для всѣхъ. Такъ и художники должны быть всѣ однѣ и тѣ же. Розни между ними не должно существовать».

Но развѣ это возможно и развѣ это мыслимо? Посмотрите вокругъ себя, хоть въ цѣлой Европѣ. Гдѣ есть такая страна, искусство которой

представляло бы одно сплошное цѣлое, одну сплошную однородную массу? Этого нигдѣ не найти. Было, конечно, когда-то, давно, нѣсколько столѣтій тому назадъ, такое время, когда искусство было единично и нераздѣльно, а художники образовывали одну общую какую-то семью. Но это время уже далеко и, кажется, ему болѣе никогда не повториться. То было время, когда художники только и писали, что мадоннъ и лжеримскія сцены, аллегоріи и баталіи. Тутъ всѣ они сходились на одномъ и томъ-же, и разницы между ними никакой не было во взглядахъ и понятіяхъ. Одни изъ нихъ могли быть, по своему художественному дѣлу, великіе геніи, другіе — простые таланты, третьи — посредственные или плохіе художники, но все-таки разницы между ними въ коренныхъ взглядахъ на искусство и на его задачи — не было. Какъ все нынѣче совершенно другое! Образъ мыслей, взглядъ на искусство, на его содержаніе и требованія, стали и у художниковъ разнообразны, расширились и углубились. Они стали у нихъ столько-же различны, какъ у писателей. Судьбы нынѣшняго искусства стали въ «pendant» къ судьбамъ литературы. Но возможно-ли слить нынѣче во-едино всѣхъ писателей какой угодно страны? Возможно-ли требовать отъ нихъ одинакости направленія и настроенія, приведенія всѣхъ интересовъ и симпатій къ одному знаменателю? Возможно-ли добиться того, чтобъ всѣ ходили подъ однимъ знаменемъ и повиновались одной трубѣ? Нѣтъ, никогда, объ этомъ никто и не думаетъ. Такъ точно и съ искусствомъ. Тѣ времена всеобщей художественной Аркадіи, къ которымъ многіе усердно взываютъ, уже прошли, и безвозвратно. Слейте какимъ угодно искусственнымъ способомъ людей разнаго образа мыслей и понятій, склеите ихъ какимъ угодно клеемъ—насильственная связь продержится всего одну минуту, все тотчасъ само собою расклеится и распадется. Разносоставные элементы опять придутъ въ движеніе, пойдутъ и образуютъ свои отдѣльныя, необходимыя имъ самимъ группы, гдѣ выразятся симпатія и влеченія къ тому, что́ имъ близко и нужно, антипатія и даже, можетъ быть, вражда къ тому, что́ имъ кажется далекимъ, чуждымъ и вреднымъ.

Сущность, характеръ и значеніе Товарищества лежитъ въ его отдѣльномъ самостоятельномъ существованіи. Тутъ вся сила и его самого, и той самостоятельной, національной русской школы, которую оно собою воплощаетъ. Поэтому, ему нечего заботиться ни о какихъ «слитіяхъ». Они могутъ быть для него, и для лучшей, значительнѣйшей части русскаго искусства — только гибельны.

IV.

Обращаясь затѣмъ къ нынѣшней выставкѣ, я скажу, что хотя она не можетъ считаться лучшею изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ вы-

ставокъ Товарищества (какъ это объявлено нѣкоторыми нашими газетами), но принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ между ними. Она очень разнообразна, полна жизни по темамъ своимъ; слабыхъ и неудачныхъ вещей на ней — мало; пейзажей — гораздо менѣе, чѣмъ прежде; батальныхъ картинъ — по всегдашнему, и вовсе нѣтъ. Однимъ словомъ, на передвижной выставкѣ все, все совершенно противуположно академической выставкѣ и тому, что́ все болѣе и болѣе дѣлаетъ эту послѣднюю мало аппетитной для большинства.

Что́ для меня было, почти при самомъ входѣ на передвижную выставку, неожиданнымъ и пріятнѣйшимъ сюрпризомъ—это большая картина г. Лебедева. Съ 1884 года, когда на 12-й передвижной выставкѣ появилась первая его картина «Боярская свадьба», прекрасная и сейчасъ-же купленная П. М. Третьяковымъ въ его галлерею, я, какъ вѣроятно и многіе другіе, не переставалъ сожалѣть объ отсутствіи его новыхъ картинъ на выставкахъ. Въ прошломъ году выставлена была его картинка «Лавочникъ», конечно очень милая, но очень маленькая и далеко недостаточная послѣ столькихъ лѣтъ молчанія. Однако г. Лебедевъ не сидѣлъ за это время сложивши руки: онъ занятъ былъ множествомъ иллюстрацій для «народныхъ изданій» фирмы «Посредникъ», и не разъ проявилъ тутъ столько таланта, оригинальности и правды, что нельзя было не ожидать отъ него чего нибудь еще болѣе значительнаго (я въ свое время указывалъ на это въ нѣкоторыхъ печатныхъ статьяхъ своихъ). Нынѣче мы видимъ исполненіе этихъ обѣщаній. Но это только начало. Отъ г. Лебедева надо ожидать, въ недалекомъ будущемъ, картинъ еще болѣе зрѣлыхъ, выработанныхъ и совершенныхъ. Нынѣшняя задача его — превосходная: «Уничтоженіе новгородскаго вѣча». О ней задумывались уже многіе наши живописцы. Но ни одинъ до сихъ поръ не привелъ въ исполненіе. Г. Лебедевъ хотя и написалъ картину, но она еще далеко не даетъ всего того, что́ должна представить намъ картина съ этимъ сюжетомъ. Главное дѣйствующее лицо, Марѳа-посадница, совсѣмъ почти не удалася. Поза ея совершенно незначительна, выраженіе на лицѣ — застывшая маска, а не живое чувство отчаянія, убитаго патріотизма, разлетѣвшихся горячихъ надеждъ. Выраженіе такихъ чувствъ было-бы въ пору развѣ что Сурикову, какимъ онъ намъ кажется послѣ своей «Боярыни Морозовой». Пятеро знатныхъ новгородцевъ — около Марѳы-посадницы. Изъ нихъ одинъ молодой мальчикъ (конечно внукъ Марѳы-посадницы, Василій Ѳедоровъ), со связанными за спиной руками, а четверо другихъ, лежатъ на снѣгу въ разодранныхъ при борьбѣ богатыхъ кафтанахъ (конечно это «житьи люди»: Григорій Кипріяновъ, Иванъ Кузминъ, Акиѳъ и Юрій Репеховы, которыхъ отвезли въ Москву вмѣстѣ съ вѣчевымъ колоколомъ). Всѣ они еще пахнутъ рисовальными классами. Выраженія у нихъ

никакого. Наконецъ, картина не даетъ впечатлѣнія цѣлаго городскгоо населенія, цѣлой толпы народной, сбѣжавшейся на площади, и съ отчаяніемъ теряющей все, что только есть самаго дорогого: свою независимость, свободу, всю жизнь свою. На картинѣ чувствуешь только отдѣльные эпизоды и личности. Но въ этихъ отдѣльныхъ частяхъ уже много есть такого, что превосходно. Знаменитый вѣчевой колоколъ, святыня для каждаго новгородца, увозимый на дровняхъ, на парѣ деревенскихъ клячъ, словно какой-то ординарный товаръ съ рынка, съ грубымъ, дерзкимъ, насмѣхающимся мужикомъ изъ Москвы, наверху, усѣвшимся на него, какъ на тюкѣ, возвышается по самой срединѣ картины. Но уже не на него смотритъ вся присутствующая толпа, а на того именитаго новгородца, котораго московскіе воины повалили на землю, растерзаннаго, связаннаго, пришибленнаго (быть можетъ, это купеческій староста Маркъ Памфиліевъ), и крѣпко его держатъ, пока палачъ со звѣрскимъ полу-идіотскимъ видомъ заковываетъ его ноги въ колодки, высоко размахивая въ воздухѣ своимъ молоткомъ. Эта группа великолѣпна по движенію, силѣ, исторической правдѣ. Рядомъ, налѣво, «дьякъ вѣчевой» Захарія, писавшій въ ту злосчастную годину всѣ государственныя бумаги отъ Новгорода Ивану III. У него свитокъ въ рукахъ, перья за поясомъ, точно онъ и сейчасъ что-то писалъ, въ послѣднюю минуту, — это одна изъ капитальнѣйшихъ историческихъ фигуръ, какія до сихъ поръ созданы новымъ русскимъ искусствомъ. Онъ истинный новгородецъ, онъ истинный человѣкъ того года и часа. Типъ его изумительно правдивый. Поза этого старика, жалобно наклоненная впередъ голова, говорятъ, что все въ немъ убито, все для него пропало, и нѣтъ уже болѣе ни на что надежды. Превосходна также женщина, должно быть, изъ именитыхъ новгородокъ, рядомъ съ Марѳой-посадницей. Вся фигура ея объята ужасомъ; ея запрокинутая назадъ, въ отчаяньи, голова, руки, закрывающія почти все лицо, поднявшіяся въ отчаяніи локти, горючія слезы, струящіяся изъ глазъ—образуютъ великолѣпную трагическую сцену. Жаль только, что фигура этой женщины понапрасну заслонена посадницей Марѳой Борецкой. Еще одна превосходная фигура въ картинѣ направо—это московскій воинъ, въ тулупѣ и съ сѣкирой, поставленный сторожить богатыхъ новгородцевъ, назначенныхъ къ отправкѣ въ Москву и лежащихъ на снѣгу. Онъ врагъ, онъ чужой, но все-таки онъ пораженъ тѣмъ, что палачи дѣлаютъ съ заковываемымъ въ колодки человѣкомъ. Съ глубокимъ участіемъ, опираясь на свою сѣкиру, онъ словно изъ норки какой-то выглядываетъ изнутри поднятаго своего воротника и нахлобученной остроконечной войлочной шапки на ту сцену, что налѣво. Мнѣ показалось, что есть какое-то сходство душевное между этимъ воиномъ и тѣмъ солдатикомъ, что стоитъ, тоже на правой сторонѣ, въ картинѣ В. Маковскаго «Осужденный», и немного оборачи-

вается головой назадъ, къ ревущей матери осужденнаго. Оба справляютъ свою службу, свою должность, одинъ съ ружьемъ, другой съ сѣкирой, оба охраняютъ, что велѣно. Но у обоихъ есть какая-то жалость, а отчего? Оба они еще на половину остались мужиками, деревеньщиной грубой. Почти 500 лѣтъ разстоянія между ними двумя, а натура и душа народная — остались все тѣ же.

Мало-ли чего еще не хватаетъ въ этой картинѣ: и мастерства расположенія, и богатства и разнообразія типовъ, нѣтъ цѣлыхъ классовъ народныхъ (духовенства, чернаго народа), почти совсѣмъ нѣтъ женщинъ, а онѣ какую громадную роль играли въ послѣднюю минуту Новгорода; нѣтъ массы купцовъ, которыми былъ полонъ Новгородъ въ минуту нашествія Ивана III, нѣтъ подлыхъ предателей, трусовъ, прихвостней силы, какихъ тогда много было въ издыхающемъ городѣ, нѣтъ достаточно эпизодовъ, колоритъ еще граціозенъ, цвѣтистъ и мягокъ, какъ въ «Боярской свадьбѣ», у него еще нѣтъ той мужественной силы, какая нужна для такихъ великихъ задачъ, какъ «Паденіе Новгорода» — и все-таки, я скажу, что въ этой картинѣ есть уже *очень многое*, и что она обѣщаетъ еще бо̀льшее. Среди этихъ сжатыхъ, стѣсненныхъ зубчатыхъ стѣнокъ новгородскаго Кремля совершается настоящая драма изъ русской исторіи.

То, что тутъ есть, за тысячу верстъ отъ тѣхъ «историческихъ картинъ», какими насъ угощаетъ, вотъ уже многіе десятки лѣтъ, Академія. Напримѣръ, вспомните хоть «Осаду Троицкой Лавры» профессора В. П. Верещагина, или «Дмитрія Самозванца» профессора Венига, или картины съ «Иваномъ Грознымъ» профессора Конст. Маковскаго, столь драгоцѣнныя инымъ изъ публики.

Другихъ историческихъ картинъ на передвижной выставкѣ нѣтъ. Я не считаю въ этомъ числѣ «Бориса Годунова», разсматривающаго присланные изъ Англіи портреты невѣстъ для его сына»: эта картина писана только въ извѣстномъ родѣ г. Неврева на «историческіе сюжеты», а я все жду отъ него такихъ замѣчательныхъ по правдивости и таланту вещей, какъ «Разсчетъ по наслѣдству» и «Сватовство», пріятно всѣхъ поразившихъ на выставкѣ 1889 года.

По части такъ называемаго «жанра», т. е. картинъ изъ простонароднаго быта и жизни, на нынѣшней выставкѣ много хорошаго! И это неудивительно: всякій знаетъ, что въ немъ всегда была главная сила передвижниковъ.

Въ прошломъ году была на выставкѣ очень недурная картина г. Касаткина: «Перекупка». Нынѣшнія три его картины могутъ считаться значительнымъ шагомъ впередъ. Уже хороши «Соперницы»—двѣ женщины, въ черныхъ бархатныхъ кафтанчикахъ, идущія по снѣгу, съ ведрами на плечахъ, за водой, и по дорогѣ повздорившія изъ-за мужчины, мужа

одной изъ нихъ. Тутъ и снѣжная поляна, въ деревнѣ, и изящныя краски общаго, и противуположные характеры двухъ бабъ, одной задорной и сердитой, крикливой, другой—кроткой, и смирной, съ опущенными глазами, все выражено очень даровито. Но еще гораздо тоньше по письму и талантливѣе по сочиненію — «За хворостомъ» и «Большая дорога». Въ первой—и старикъ крестьянинъ, и мальчикъ подлѣ него, съ топоромъ, и телѣга, и лошадка, и наваленная на землѣ груда хвороста — необыкновенно вѣрны и привлекательны. Въ другой картинѣ «Большая дорога», сама дорога—главное дѣйствующее лицо. Ея передніе планы, ея дали во всѣ стороны, одинокая телѣга у станціи, лошадка, въ нее запряженная, мужики, разбросанные тамъ и сямъ, не образуютъ никакихъ особенныхъ сценъ, не представляютъ никакихъ особенныхъ событій, но останавливаютъ и восхищаютъ глазъ. Картинка же «Соперницы» доказываетъ, что г. Касаткинъ имѣетъ большую способность къ характеристикѣ, и потому отъ него надо ожидать не мало художественныхъ и талантливыхъ новостей по этой части.

У г. Коровина (С.) очень мила картинка «Отдули»: это идущій на зрителя съ отчаяннымъ ревомъ мальчишка, котораго изрядно поколотили его товарищи — мальчуганы, издалека слѣдующіе за нимъ. Тоже и для этого живописца надо ожидать замѣчательныхъ бытовыхъ сценъ въ недалекомъ будущемъ.

Еще одинъ изъ новыхъ, изъ молодыхъ, г. Архиповъ, котораго такая чудесная картина: «По Окѣ», вся изъ глубоко правдивыхъ типовъ, бабъ и мужиковъ, переѣзжающихъ рѣку на лодкѣ, съ товаромъ и скарбомъ своимъ, красовалась на прошлогодней выставкѣ,— далъ на нынѣшнюю выставку всего только одну вещицу: «Иконописецъ», но истинно прелестную по тонкости и колоритности. Этотъ иконописецъ — мужиченко въ крестьянской рубахѣ, сидитъ въ своей коморкѣ, среди красокъ и всякихъ баночекъ, и собирается писать, конечно, что-то божественное. Выраженіе заботы на его лицѣ, естественность и крайняя простота позы, мизерная художественная обстановка вокругъ, всего въ одинъ грошъ, складываются въ одно цѣлое, достойное прошлогодней лодки, полной мужиковъ и бабъ. Замѣтимъ, что тутъ у насъ передъ глазами *третье* изображеніе иконописца изъ простого народа. Въ первый разъ намъ его представилъ г. Яновъ (къ несчастію, изъ жанристовъ, гдѣ онъ сразу сильно отличился, перешедши на совершенно другое поприще: поприще театральнаго декоратора). Въ 1885 году у него была на передвижной выставкѣ картинка: «Инокъ-иконописецъ» — молодой монахъ, стоящій на подмосткахъ и расписывающій ликъ Спасителя альфрескомъ на стѣнѣ, такой громадный, что монашка-живописецъ стоитъ внутри золотого сіянія, словно подъ золотыми воротами. Картинка эта была чрезвычайно талантлива и художественна. Потомъ,

на нынѣшней выставкѣ есть «Иконникъ» Владиміра Маковскаго. Ну, этотъ взятъ и исполненъ глубже и поразительнѣе всѣхъ остальныхъ. Бѣдный старикашка, сѣдой и заросшій бородой, съ грошовыми очками на носу, съ завязанной отъ вѣтра щекой, и нахлобученной сверху на темени слишкомъ маленькой фуражечкой, пишетъ огромнаго архангела. А пока онъ прилежно пишетъ, взмостясь на пустой ящикъ, направо отъ него въ пролетъ церковной арки разстилается видъ Москвы, живописный, изящный, глубоко внизу надъ живописцемъ и его засусленнымъ халатомъ; вблизи кровли домовъ, вдали надъ ними и поверхъ ихъ церкви и купола. Это — одна изъ капитальнѣйшихъ картинъ нашего чудеснаго русскаго Мейсонье.

Изъ произведеній новоприбылыхъ авторовъ, обращаетъ на себя вниманіе Е. Д. Полѣнова, сестра стариннаго нашего знакомаго на передвижныхъ выставкахъ, В. Д. Полѣнова. Новая художница сразу выказала замѣчательное и чрезвычайно симпатичное дарованіе. Ея картина (съ фигурами въ ростъ) называется: «Гости», и вся полна правды, простоты и колоритности. Молодая, румяная прачка усердно гладитъ у себя въ комнатѣ бѣлье, наклонивъ немного, отъ усердія, голову, а передъ нею сидятъ два мальчика, завернувшіе къ ней въ гости и дующіе въ блюдечки съ горячимъ чаемъ, которымъ она ихъ угостила. Прекрасно! Мило!

Переходя къ появлявшимся уже прежде на передвижныхъ выставкахъ авторамъ, скажу, что довольно не дурна картинка г. Богданова: «За разсчетомъ» (бѣдный мужикъ робко стоитъ передъ хозяиномъ, который попиваетъ чаекъ за самоваромъ и, кажется, жестоко прижимаетъ своего кліента на счетъ уплаты того, что надо). Но другой г. Богдановъ (Бѣльскій) оказался нынче гораздо слабѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Его мальчикъ, молящійся на колѣняхъ, въ лѣсу, въ десять разъ слабѣе и хуже прошлогодняго «Будущаго инока», и по выраженію, и по письму. Лѣса черезъ-чуръ много въ картинѣ, а впечатлѣнія уединенія и запущенности все-таки получается мало. Надо подавать зрителю что-то болѣе созданное и глубже почувствованное. При томъ же, нельзя слишкомъ злоупотреблять благочестивыми сюжетами: это такая спеціальность, которая скоро утомляетъ и пріѣдается.

У г. Милорадовича очень хорошъ дьячокъ, съ кадиломъ въ рукѣ, робко, подобострастно и осторожно навѣдывающійся: «можно ли войти», у двери какой-то важной особы. Но оба священника сзади, улица, тощія деревцы весной, должно быть въ Пасху, домъ, полурастворенная входная дверь и горничная въ ней — все это не важно.

Картина г. Пастернака «Къ роднымъ» — это сцена внутри вагона желѣзной дороги. Молодая женщина, въ траурѣ, должно быть вдова, печально сидитъ на своемъ диванчикѣ; подлѣ нея кормилица съ ея ре-

бенкомъ. Прекрасныя качества этой картины приблизительно тѣ же, что и въ картинѣ «Чтеніе письма съ родины», которою этотъ живописецъ сразу выдвинулся впередъ на выставкѣ 1889 г. Много простоты, натуры, но щека кормилицы написана опять тѣмъ же страннымъ образомъ, отъ котораго кажется, что она не живое тѣло, а цвѣтной бумажный фонарь, освѣщенный извнутри свѣчкой. Будемъ ждать дальнѣйшихъ произведеній этого многообѣщающаго автора.

Изъ четырехъ небольшихъ картинокъ г. Максимова замѣчательнѣе всѣхъ другихъ, по живописности: «Любитель старины», зарисовывающій себѣ интересную перспективу, подъ полуразрушенными сводами староладожской крѣпости.

У г. Прянишникова, въ картинѣ «Ожиданіе шафера», чрезвычайно комична и характерна разряженная въ атласъ толстуха, у которой грудь — горой, въ рукахъ — дымящаяся папироска; эта дама, конечно, родственница невѣсты, перегнувъ съ граціей толстую свою шею и загривокъ, отъ нечего дѣлать пребываетъ въ большихъ разговорахъ съ отставнымъ сѣденькимъ военнымъ, у котораго есть Георгій въ петличкѣ: эти двое ведутъ самые солидные разговоры, пока дѣвочка, должно быть кухаркина дочь, прибѣжала на самую середину комнаты, въ своемъ невзрачномъ ежедневномъ костюмчикѣ, и, заложивъ руки за спину, храбро разсматриваетъ, что̀ тутъ вокругъ подѣлывается у этихъ разряженныхъ баръ. Къ несчастью, сама невѣста слишкомъ мало удалась автору.

Картина г. Савицкаго «Христова милостыня» чудесна по задачѣ и по многимъ подробностямъ исполненія: зимній лунный пейзажъ, огонекъ въ окнѣ, уединенный домикъ на краю дороги, общій силуэтъ, группа бродягъ, жадно пьющая и пожирающая то, что ей изъ милосердія (а пожалуй изъ страха) выставлено одинокимъ жителемъ гдѣ-то на краю деревни. Но, мнѣ кажется, эти бродяги столь-же мало удались г. Савицкому, какъ однажды его «Темные люди» (тоже бродяги, только въ лодкѣ и среди камышей). Зачѣмъ и у тѣхъ, и у другихъ нарисованъ былъ ужасъ, страхъ, робость на лицѣ, зачѣмъ это оглядыванье назадъ и по сторонамъ? Сколько мы всѣ знаемъ изъ подлинныхъ описаній съ натуры, этотъ народъ мало наклоненъ трусить, и озираться, и прислушиваться къ шорохамъ. Имъ уже не до страховъ. Все-таки картина не изъ дурныхъ.

Картина Сурикова: «Взятіе снѣжнаго городка», хотя и далеко не равняется его великолѣпной картинѣ «Боярыня Морозова», но навѣрное принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ картинамъ русской школы. Тамъ — была глубокая, потрясающая историческая драма, здѣсь — только современная бытовая сцена, интересная и характерная. Авторъ — сибирякъ родомъ, и знаетъ, какъ никто, тамошнюю свою родину и та-

мошнихъ людей. Однажды онъ нарисовалъ карандашемъ удивительно-талантливую иллюстрацію къ разсказу графа Льва Толстого: «Богъ видитъ правду, да не скоро скажетъ». То было удивительное созданіе, изображающее каторжниковъ, и имъ навѣрное былъ доволенъ самъ авторъ разсказа, гр. Толстой (къ общему стыду, почти никто у насъ не знаетъ этой высоко-талантливой иллюстраціи). Нынче дѣло идетъ только о богатырской масляничной игрѣ сибирскихъ казаковъ, идущей изъ временъ Ермака. Надо верхомъ проскакать сквозь снѣжную стѣнку, нарочно выстроенную, и прошибить ее своимъ конемъ и собственнымъ тѣломъ, головой и руками. Картина Сурикова оригинальна въ высшей степени. У ней у всей какой-то восточный видъ. Типы, лицо, костюмы, войлочные узорчатые сапоги, лошадки мохнатыя и приземистыя, даже краски немного пестрыя, но привлекательныя,— все какое-то восточное, не наше, — и все-таки, однако-же, русское на половину. Сколько во всемъ тутъ красоты, здоровья, свѣжести, веселья, молодцоватости и изящества у зрителей, особливо у правой группы молодыхъ хохочущихъ женщинъ въ богатыхъ саняхъ и у молодого парня въ сѣромъ зипунѣ, съ краснымъ яркимъ кушакомъ, по серединѣ картины,— парня, махающаго прутомъ на скачущаго коня и хохочущаго.

Какъ впередъ можно было ожидать, необыкновенно замѣчательны, по части «жанровъ» на выставкѣ, картины Владиміра Маковскаго. Это художникъ — поразительный, не только по таланту, но и по неизсякаемому дару наблюдательности, разнообразія, изобрѣтенія сюжетовъ, безчисленныхъ, все новыхъ и новыхъ жизненныхъ подробностей, и, какъ всегда, всего болѣе, когда онъ пишетъ сцены изъ городской московской жизни. Всего прелестнѣе и правдивѣе у него на этотъ разъ «Наемъ прислуги», гдѣ истинные chefs d'oeuvre'ы—самъ хозяинъ, отставной военный, любящій выпить, съ налитыми кровью, осоловѣлыми глазами, посматривающій сбоку на молоденькую горничную въ платочкѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, которая стоитъ, немного наклонившись, передъ нимъ и его тощей и злой супругой, сидящей за чайнымъ столомъ, пока кухарка, одѣтая по-русски, совершенно врагомъ, окрысившись глядитъ на новоприбылую, точно говоритъ, постановивъ локоть одной руки на ладонь другой: «Это еще кого тутъ къ намъ принесло»? Другая картина: «Помѣшали»—еще выше у В. Маковскаго. Это написанный по-грудь, старичокъ-чиновникъ, весь почти лысый, сѣденькій и не бритый, въ халатѣ, съ необыкновенной добротой и чѣмъ-то выжившимъ изъ ума въ глазахъ, но этотъ человѣкъ, не взирая на все свое добродушіе, принакопилъ себѣ изрядную порцію ассигнацій, и секретно разсматриваетъ ее на рабочемъ своемъ столѣ. Вдругъ шумъ, кто-то идетъ, сейчасъ будутъ тутъ,—и старикашка трусливо и испуганно наклонился надъ своими департаментскими сокровищами, про-

буетъ не то что руками, но всѣмъ тѣломъ прикрыть ихъ, а самъ боязливо обертываетъ немножко голову назадъ—какая это чудесная, правдивая вещь! Въ картинкѣ «Объясненіе» очень мила фигура гимназиста, оробѣвшаго передъ дѣвицей у фортепіано, и до того сконфузившагося, что ни слова не смѣетъ сказать, а только судорожно жметъ себѣ мизинецъ на лѣвой рукѣ.

Между портретами, надо указать на потретъ И. И. Шишкина, г. Мясоѣдова, съ только что отпечатаннымъ листомъ гравюры въ рукахъ—прекрасный портретъ, кромѣ ногъ, какъ-то неловко поставленныхъ, словно рогатка какая-то. Хорошъ портретъ Н. Н. Ге, написанный Ярошенкомъ: здѣсь выступила передъ зрителемъ наружу вся необыкновенная кротость, доброта, незлобивость натуры оригинала,—сходство чрезвычайное. Жаль только, что портретъ написанъ немного слишкомъ гладко. Но выше всѣхъ портретовъ на передвижной выставкѣ — портретъ живописца Сорокина, написанный В. Маковскимъ. Ничего лучше, изъ портретовъ, этотъ художникъ не писалъ. Этотъ портретъ стоитъ, мнѣ кажется, наравнѣ съ лучшими и поразительнѣйшими портретами Перова.

Между пейзажами — много хорошихъ. У г. Киселева «Старый Сурамскій перевалъ» дикій, сильный пейзажъ — лучшая, мнѣ кажется, картина изъ всѣхъ имъ когда-либо написанныхъ; у г. Левитана «Тихая обитель»—тоже, мнѣ кажется, лучшая его картина, по красотѣ и поэзіи тоновъ вечерняго солнца. У г. Степанова «Журавли летятъ» — картина истинно прелестная. «Ранній снѣгъ» г. Полѣнова, «Сиверка» г. Остроухова — прекрасныя вещи. Даже «Зима» г. Дубовскаго, хотя далекая отъ прежняго, превосходнаго его зимняго пейзажа прежнихъ лѣтъ, представляетъ колоритное эффектное освѣщеніе.

У И. И. Шишкина — нѣсколько превосходныхъ, по всегдашнему, чисто-русскихъ пейзажей. Лучше, выше и оригинальнѣе всѣхъ — «Дождь»,—мотивъ совершенно новый у этого автора и мастерски переданный. «На сѣверномъ голомъ утесѣ», кажется мнѣ несравненно менѣе удачнымъ. Небо, снѣгъ—все это отлично, но мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы могучія вѣтви сосновыя, кажется не сокрушимыя, словно сталь, могли такъ спасовать, погнуться и опуститься, словно тряпки, подъ тяжестью нѣсколькихъ охапокъ снѣга. За то «Дождь»—какая прелесть, какое совершенство!

И такъ, нынѣшняя выставка передвижниковъ богата, талантлива, оригинальна. Но—одного на ней нѣтъ, и это убыль несравненная, невознаградимая, безмѣрная: нѣтъ на ней—Рѣпина! Какое глубокое несчастіе для Товарищества. Нѣтъ Рѣпина, но какого Рѣпина—совершеннѣйшаго нашего художника, стоящаго въ настоящую минуту на самой высотѣ своего таланта и развитія! **В. Стасовъ.**

*

ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ.

XI.

Американскій университетъ Джонса Хопкинса.

Въ своемъ талантливомъ изслѣдованіи американскихъ учрежденій въ книгѣ подъ названіемъ *American Commonwealth*, членъ англійскаго парламента, Джэмсъ Брайсъ, отмѣтилъ одно радикальное отличіе американскаго студента отъ англійскаго: американецъ вступаетъ въ университетъ или коллегію не для того, чтобы провести пріятнымъ образомъ три — четыре года или добиться диплома, а для того, чтобы дѣйствительно научиться чему-нибудь. Въ Англіи студенты рѣзко раздѣляются на студентовъ заурядныхъ—*poll-men*—которые просто-на-просто бьютъ баклуши, и на *honour-men*, — которые работаютъ весьма рьяно, всѣми силами стараясь отличиться, перегнать другъ друга, отбить у товарища премію, стипендію и т. п. Отмѣтивъ отличительную особенность американскаго студента, мистеръ Брайсъ не указалъ однако-же на тѣ причины, которыя создали эту особенность, а именно на то, что, во-первыхъ, стипендіи въ Америкѣ присуждаются не въ видѣ наградъ за успѣшно выдержанныя испытанія, а въ видѣ подспорья наиболѣе даровитымъ изъ небогатыхъ студентовъ; а во-вторыхъ, что лишь самый ничтожный процентъ молодыхъ американцевъ поступаетъ въ университеты, не имѣя на то опредѣленнаго природнаго влеченія, такъ какъ, не смотря на распространяющуюся въ Штатахъ англоманію, университетскій дипломъ отнюдь не составляетъ здѣсь обязательной принадлежности джентльмена.

Отличительныя черты и особенности американскихъ высшихъ учебныхъ учрежденій такъ хорошо отмѣчены м-ромъ Брайсомъ въ параллели, которую онъ проводитъ между англійскими и американскими коллегіями и университетами, что я не буду касаться этого вопроса, тѣмъ болѣе, что книга Брайса уже появилась въ русскомъ переводѣ и обратила на себя заслуженное вниманіе русской критики. Но мы остано-

вимся подробнѣе на одномъ университетѣ, представляющемъ много характернаго въ своемъ устройствѣ и упомянутомъ лишь вскользь въ сочиненіи Брайса. Мы говоримъ о *Johns Hopkins University*, открывшемся въ 1876 году въ Балтиморѣ, городѣ, населенномъ главнымъ образомъ южанами и находящемся въ двухъ часахъ ѣзды отъ Вашингтона и въ трехъ — отъ Филадельфіи.

Возникъ этотъ университетъ—подобно большинству американскихъ высшихъ учебныхъ учрежденій — на щедрое пожертвованіе частнаго лица; назначеніе-же его состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить для молодыхъ образованныхъ американцевъ нѣмецкіе или швейцарскіе университеты, привлекающіе слушателей съ одной стороны прогрессивною тенденціею лекцій, съ другой—тѣми удобствами, которыя молодые ученые находятъ тамъ для производства самостоятельныхъ изысканій при указаніяхъ профессоровъ.

Личностью своею основатель университета—Джонсъ Хопкинсъ—подходитъ подъ тотъ типъ людей, которые и въ прошломъ проявили наибольшую щедрость въ дѣлѣ поощренія высшаго образованія въ Штатахъ: это былъ человѣкъ, собственными силами пробившійся изъ бѣдности къ богатству, человѣкъ простой, необразованный, но глубоко сознававшій невыгоды необразованности. Таковъ же былъ знаменитый ньюіоркскій филантропъ Питеръ Куперъ, таковъ былъ и щедрый основатель женскаго университета *Vassar College*, въ *Poughkeepsie*, таковъ-же былъ и Энохъ Праттъ, основатель богатѣйшей библіотеки въ городѣ Балтиморѣ.

Джонсъ Хопкинсъ происходилъ изъ старой, простой и честной семьи квакеровъ и въ ранней молодости пристроенъ былъ мальчикомъ въ лавку родного своего дяди. Однажды дядя Хопкинса долженъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ отлучиться, оставивъ всю торговлю на рукахъ своего племянника. По возвращеніи изъ поѣздки онъ нашелъ торговлю и всѣ книги въ такомъ образцовомъ порядкѣ, какого до той поры не удавалось еще добиться ему самому. Принимая отчетъ отъ племянника, онъ спросилъ у того, отчего онъ, при такомъ умѣньи вести дѣло, не заводитъ своей торговли, и вызвался снабдить его капиталомъ на обзаведеніе. Молодой Джонсъ Хопкинсъ завелъ торговлю на деньги, ссуженныя родственникомъ, и повелъ дѣла съ такимъ успѣхомъ, что уже по истеченіи перваго года возвратилъ дядѣ занятыя у него деньги. Затѣмъ онъ весь погрузился въ торговыя предпріятія и быстро сталъ богатѣть. Деньги свои клалъ онъ на желѣзныя дороги, на банки, на постройку судовъ. Съ самаго начала своей дѣятельности Хопкинсъ завоевалъ себѣ общее довѣріе и самый широкій кредитъ: за что онъ ни принимался — все шло въ его рукахъ какъ нельзя успѣшнѣе. Доживъ до семидесяти лѣтъ, онъ подумалъ о близости смерти и о томъ, что

ему некому даже оставить нажитыхъ имъ милліоновъ: всѣ близкіе его родственники были обезпечены, никто въ его деньгахъ, въ сущности, не нуждался. Тогда друзья посовѣтовали ему оставить деньги на какія нибудь общественныя учрежденія — и эта мысль всецѣло овладѣла умомъ Хопкинса: онъ весь погрузился въ разсмотрѣніе различныхъ плановъ и, наконецъ, по зрѣломъ размышленіи и съ совѣта друзей, рѣшилъ основать два учрежденія: большой госпиталь со всѣми новѣйшими приспособленіями и университетъ самаго высшаго разбора. Когда, въ 1867 г., мысль о томъ вполнѣ созрѣла въ умѣ «балтиморскаго милліонера», онъ немедля подобралъ попечителей (trustees) для завѣдыванія отчисляемымъ на эти учрежденія капиталомъ и ассигновалъ на нихъ семь милліоновъ долларовъ — поровну, т. е. $3^1/_2$ милліона на университетъ и столько-же на госпиталь, съ тою лишь оговоркою, что зданіе подъ университетъ должно было возводиться на проценты съ пожертвованнаго капитала.

Джонсъ Хопкинсъ скончался въ 1873 году, но набранные имъ изъ лучшихъ гражданъ Балтиморы попечители (trustees) принялись за дѣло еще при его жизни. Не имѣя возможности тратить деньги на дорогія зданія, они первымъ дѣломъ озаботились подборомъ университетскаго персонала. Устройство госпиталя, конечно, пришлось начать съ построекъ, но за то и открытъ онъ былъ, если не ошибаюсь, спустя десять лѣтъ по смерти его основателя. Какъ увѣряютъ авторитеты медицинскаго міра, госпиталь этотъ, по полнотѣ и усовершенствованіямъ своимъ, не имѣетъ подобнаго себѣ во всемъ свѣтѣ. Что-же касается до университета, то онъ и теперь, пятнадцать лѣтъ послѣ открытія его, состоявшагося въ 1876 г., отличается крайнею скромностью построекъ и непритязательностью. Даже не вѣрится какъ-то, чтобъ такое солидное, прогрессивное учрежденіе, открывшее новую эру въ высшемъ образованіи страны, могло ютиться въ такомъ скромномъ убѣжищѣ.

Но то, что отнято было, по необходимости, отъ внѣшней красоты учрежденія, всецѣло нагнано было внутренними приспособленіями, а главное — искуснымъ подборомъ руководителей и направителей его. Президентство надъ университетомъ было предложено извѣстному даровитому администратору учебныхъ учрежденій — *Даніэлю Гильману*, составившему себѣ блестящую репутацію успѣшною организаціею шеффильдской реальной школы и калифорнійскаго университета. Президентъ Гильманъ — сѣверянинъ, и вся его предъидущая дѣятельность связана была съ учебными учрежденіями сѣвера; выборъ его въ предсѣдатели новаго университета свидѣтельствуетъ о либерализмѣ и прозорливости попечителей, которымъ поручилъ свое начинаніе Джонсъ Хопкинсъ. Всѣ эти попечители южане, представители солиднѣйшей, гордой южной аристократіи, которая привыкла чураться сѣверныхъ пле-

беевъ на всѣхъ житейскихъ поприщахъ. Но, какъ люди честные и умные, они поняли, что не имѣютъ права съуживать размѣры намѣченнаго основателемъ дѣла, придавая университету мѣстный характеръ. Сдѣланный ими выборъ оказался вполнѣ удачнымъ; кромѣ замѣчательныхъ организаторскихъ и административныхъ талантовъ, президентъ Гильманъ проявилъ также много такта и житейской мудрости. Съ самаго начала онъ съумѣлъ прекрасно ладить съ южанами и привлекъ къ университету цѣлую плеяду блестящихъ молодыхъ ученыхъ, которые тѣсно и дружно сплотились въ своихъ усиліяхъ поставить университетъ на завидную высоту.

Далѣе, Гильманъ пригласилъ въ Балтимору передовыхъ ученыхъ и мыслителей всей страны, а также и нѣсколько заѣзжихъ знаменитостей, въ томъ числѣ Джемса Брайса, на книгу котораго мы сослались въ началѣ этой статьи. Этимъ знаменитостямъ предложено было прочесть въ стѣнахъ университета цѣлый рядъ популярныхъ лекцій, а приглашенія на лекціи, ограниченныя въ числѣ, разосланы были лишь именными билетами—семьямъ самыхъ именитыхъ гражданъ Балтиморы. Такое проявленіе дорогой сердцу южанъ «исключительности», т. е. требовательности въ выборѣ слушателей для лекторовъ, возъимѣло желаемое дѣйствіе: масса гражданъ бросилась въ университетъ съ просьбою о билетахъ на лекціи,—и вся серія ихъ прошла самымъ блистательнымъ образомъ. Съ этихъ поръ балтиморская аристократія заключила университетскихъ профессоровъ въ свой кругъ на правахъ равныхъ, почетныхъ гостей, и между университетомъ и мѣстнымъ обществомъ установилась прочная связь, которая тѣмъ болѣе замѣчательна, что университетъ возникъ, такъ сказать, на почвѣ непримиримыхъ до того контрастовъ. Основанный сѣверяниномъ, представителемъ строжайшаго протестантскаго толка квакеровъ, среди южанъ, въ совершенномъ гнѣздѣ папизма, онъ привлекъ главный контингентъ преподавателей и студентовъ съ сѣвера, и, по единогласному сознанію мѣстныхъ жителей, производитъ крайне благодѣтельное воздѣйствіе на культуру города. Балтиморѣ не приходится болѣе жаловаться на умственный застой, засасывающій интеллигенцію большинства провинціальныхъ городовъ.

Съ своей стороны и граждане Балтиморы не только гордятся университетомъ, поддерживая тѣсныя связи съ персоналомъ его, но оказываютъ этому учрежденію щедрую поддержку во всѣхъ случаяхъ, когда въ таковой является необходимость.

Такъ напримѣръ, когда въ 1889 году университетъ потерялъ значительную сумму на упавшихъ въ цѣнѣ желѣзнодорожныхъ акціяхъ, и руководители университета вынуждены были по возможности сократить расходы и слегка возвысить плату за лекціи, граждане Балтиморы энергично пришли на помощь возбуждавшему ихъ гордость учебному учрежденію и, составивъ

между собою подписку, собрали въ пользу университета 100,000 долларовъ. Затѣмъ посыпались и частныя пожертвованія крупныхъ суммъ на различныя отрасли университетскаго дѣла. Одинъ крупный торговецъ кофе пожертвовалъ 20,000 дол.; одна ассоціація дала также 20 тысячъ долларовъ; *John W. Mac Coy* далъ 100,000 долларовъ; столько-же дала одна прежняя обитательница Балтиморы, *M-s Caroline Donovan*, на учрежденіе каѳедры англійской литературы, еще кто-то пожертвовалъ въ университетъ цѣнную библіотеку въ 10,000 томовъ и множество артистическихъ гравюръ; нѣкоторые стали оставлять университету суммы по завѣщанію и, такимъ образомъ, въ короткій полугодній срокъ, университету перепало однихъ пожертвованій чистыми деньгами на сумму четырехъ сотъ тысячъ долларовъ.

Такъ поддержали граждане Балтиморы «свой университетъ», когда распространился слухъ о его финансовыхъ потеряхъ. Имъ простительно считать университетъ Джонса Хопкинса своимъ; но на самомъ дѣлѣ учрежденіе это имѣетъ не только общенаціональный, но даже интернаціональный характеръ. Такъ, въ прошломъ году въ числѣ студентовъ Джонсъ Хопкинса насчитывается 199 студентовъ изъ Мэриланда (штата, гдѣ находится университетъ), 190 чел. изъ остальныхъ 39 штатовъ; десять студентовъ — уроженцы Канады; 6—изъ Японіи; 2—изъ Китая; 2—изъ Англіи; 4—изъ Германіи, и по одному студенту изъ Мексики, Россіи, Италіи, Испаніи, Греціи и Швеціи.

Профессора и студенты Джонсъ Хопкинса, со своей стороны, съ каждымъ годомъ все шире и шире распространяютъ интернаціональную славу университета, привлекая къ нему вниманіе старѣйшихъ ученыхъ центровъ Европы. Не такъ давно профессоръ Роуландъ произвелъ интернаціональную сенсацію въ ученомъ мірѣ, доказавъ на дѣлѣ возможность фотографировать съ полнѣйшей точностью солнечный спектръ. Ученые труды профессоровъ Джонсъ Хопкинса по химіи, греческому языку, по политической экономіи и другимъ наукамъ переводятся на многіе европейскіе языки. Химія профессора Ремзена переведена даже на китайскій языкъ. Не покладая рукъ, трудятся также и молодые ученые, сопричисленные къ университету, такъ называемые *post graduate students*, т. е. молодые люди, окончившіе курсъ въ другихъ университетахъ, или-же на какомъ нибудь изъ факультетовъ самого Джонсъ Хопкинса и записавшіеся на слушаніе добавочныхъ лекцій спеціальной группы и на производство ученыхъ изысканій подъ руководствомъ профессоровъ.

Эти окончившіе курсъ студенты, стекающіеся въ Джонсъ Хопкинсъ изо всѣхъ другихъ университетовъ страны, имѣютъ, вообще говоря, весьма солидное образованіе; многіе изъ нихъ уже успѣли пріобрѣсти степени *Bachelor of Arts* или *Bachelor of Science*, и въ Джонсъ Хоп-

кинсѣ эта молодежь работаетъ рьяно, не поддаваясь ни кутежамъ, ни гульбѣ, работаетъ со стараніемъ людей зрѣлыхъ. При университетѣ имѣется отдѣльный фондъ на печатаніе и изданіе выдающихся ученыхъ изысканій и монографій этихъ начинающихъ оперяться ученыхъ. Труды, которые присуждаются къ печати на университетскій счетъ, подвергаются предварительно свободному обсужденію на сходкахъ профессоровъ и студентовъ. Многіе изъ этихъ трудовъ являются цѣнными вкладами въ научную литературу и, доставляя молодымъ авторамъ почетную извѣстность, привлекаютъ имъ предложенія каѳедры въ болѣе мелкихъ или отдаленныхъ университетахъ и коллегіяхъ страны.

Такъ, студенты, спеціализовавшіеся по исторіи и политической экономіи, составили втеченіе послѣднихъ лѣтъ обширную и чрезвычайно полную конституціонную исторію Соединенныхъ Штатовъ, доставивъ такимъ образомъ и европейцамъ возможность въ точности изучить, наконецъ, сущность того режима, который господствуетъ въ муниципальномъ, провинціальномъ и національномъ управленіи страны.

Кромѣ того университетомъ издается нѣсколько серьезныхъ повременныхъ изданій, какъ-то: *American Journal of Mathematics*, *American Chemical Journal*, *American Journal of Philology*, *Studies from the Biological Laboratory*, *Studies in Historical and Political Science*, а также монографіи, «циркуляры», и т. п. вещи, редактируемые профессорами той спеціальности, къ которой онѣ относятся. Эти послѣднія изданія имѣютъ опредѣленную подписную цѣну, но помимо того разсылаются даромъ, въ обмѣнъ на ученыя изданія другихъ университетовъ и ученыхъ обществъ. Въ результатѣ такого обмѣна своихъ изданій на чужія, въ читальняхъ и библіотекѣ университета получается до тысячи различныхъ повременныхъ ученыхъ изданій, не считая множества монографій, брошюръ и т. п. При такихъ условіяхъ, очевидно, что студенты Джонса Хопкинса не встрѣчаютъ недостатка въ матеріалѣ для справокъ вообще и для серьезныхъ научныхъ занятій, тѣмъ болѣе, что, помимо собственной, прекрасно подобранной и полной справочной библіотеки университета, у нихъ тутъ же, подъ бокомъ, находится огромная библіотека съ музеемъ, извѣстная подъ названіемъ *Peabody Institute* — нѣчто вродѣ Британскаго музея въ Лондонѣ (British Museum). Кромѣ того, въ Балтиморѣ имѣется еще нѣсколько первоклассныхъ библіотекъ, какъ-то: публичная библіотека Пратта, Мэриландская историческая библіотека, богословская библіотека *Whittingham*, юридическая библіотека, и т. п. Такимъ образомъ бо́льшая часть образовательныхъ учрежденій этого большого города (въ Балтиморѣ насчитывается 434,151 чел. населенія) является данниками большого университета, введшаго у себя новые методы преподаванія.

Педагогическая система университета Джонса Хопкинса въ самомъ

дѣлѣ представляетъ много новаго и оригинальнаго, не говоря уже о тѣхъ приспособленіяхъ, которыя даютъ возможность болѣе зрѣлымъ молодымъ людямъ выступать на поприще самостоятельной научной дѣятельности и дѣлаютъ этотъ университетъ разсадникомъ хорошо подготовленныхъ профессоровъ и ученыхъ. Особенности педагогической системы университета Джонса Хопкинса состоятъ въ слѣдующемъ: 1) курсъ университета распредѣленъ вмѣсто четырехъ — на три года, что привлекаетъ большое число молодыхъ людей, не располагающихъ многими годами юности для своего научнаго образованія. 2) Основнымъ принципомъ университетскаго курса является возможное совмѣщеніе неизбѣжной въ настоящее время спеціализаціи съ наиболѣе широкимъ кругомъ общаго образованія. 3) Весьма значительныя суммы ассигнуются ежегодно на стипендіи, предназначаемыя наиболѣе даровитымъ, но бѣднымъ людямъ, откуда бы они ни пріѣзжали; эта послѣдняя мѣра съ самаго начала привлекла въ университетъ цѣлую плеяду многообѣщающихъ юношей, выработавшихся въ весьма полезныхъ дѣлу профессоровъ. 4) Наконецъ, какъ уже было сказано, университетъ ассигнуетъ значительныя суммы на обнародованіе болѣе выдающихся научныхъ работъ студентовъ.

Возможность предавать свои изысканія и выводы гласности является также весьма сильною приманкою для молодыхъ ученыхъ, а тѣ общія собранія студентовъ и профессоровъ, на которыхъ наиболѣе видныя статьи читаются въ рукописи и подвергаются всестороннему обсужденію, служатъ весьма полезною шлифовкою для начинающихъ авторовъ, воспитываютъ въ нихъ твердое сознаніе необходимости предварительной провѣрки своихъ выводовъ и опасливость за спѣшность сужденій.

«Окончившихъ курсъ» студентовъ при Джонсъ Хопкинсѣ гораздо больше, чѣмъ тѣхъ, что состоятъ на коллегіальномъ отдѣлѣ. Большинство этихъ «окончившихъ курсъ» (по большей части изъ иныхъ университетовъ) работаетъ здѣсь, подготовляясь на степень доктора. Планъ присужденія докторскаго диплома почти тотъ же, что въ нѣмецкихъ университетахъ: тотъ же *Hauptfach* и *Nebenfäche*, та же защита диссертаціи и система экзаменовъ. Коллегіальный же отдѣлъ университета ведетъ къ степени баккалавра и служитъ соединительнымъ звеномъ между средними учебными заведеніями и высшими университетскими занятіями, приготовляющими къ докторскому диплому и профессурѣ. Особенность занятій студентовъ коллегіальнаго отдѣла состоитъ въ томъ, что всѣ они — вмѣсто спеціальныхъ факультетовъ — распредѣляются на семь группъ или, какъ ихъ тутъ называютъ, семинарій. Занятія въ каждой группѣ ведутъ къ степени баккалавра: они обезпечиваютъ студенту вполнѣ хорошее общее образованіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ ему возможность спеціализироваться по двумъ избираемымъ имъ самимъ

предметамъ. Такъ напримѣръ, въ группѣ I втеченіе двухъ лѣтъ преобладаетъ изученіе латыни и греческаго языка, но вокругъ этихъ центральныхъ предметовъ изученія группируется множество другихъ разнообразныхъ предметовъ, каковы: естественныя науки, новѣйшіе языки, англійская литература, исторія, этика, логика, психологія, рисованіе и пр. Въ группѣ VI преобладаетъ исторія и политическая экономія, которымъ спеціально посвящается два года. Но за то же самое время студенту преподаются также всѣ предметы общаго курса, поименованныя въ группѣ I-й. Какую-бы группу студентъ ни выбралъ, онъ все-же не преминетъ получить законченное, симметричное общее образованіе. Каждый изъ кончающихъ курсъ студентовъ имѣетъ нѣкоторыя познанія въ сферѣ естественныхъ наукъ, философіи, исторіи, литературы. Небезъинтересно, впрочемъ, будетъ познакомиться съ тѣмъ, на какія именно спеціальные предметы разбиты остальныя группы кромѣ вышеупомянутыхъ. Такъ, въ группѣ II-й спеціально изучается физика и математика; въ III-й группѣ—біологія и химія; въ группѣ, IV-й—физика и химія; въ группѣ V-й — латынь и математика, въ группѣ VII-й — новѣйшіе языки. Студенту предоставляется право безконтрольнаго выбора группы, къ которой онъ желаетъ присоединиться, но отступать отъ намѣченной линіи занятій ему уже не дозволяется. Къ числу общихъ предметовъ, обязательныхъ для всѣхъ студентовъ, принадлежатъ слѣдующіе: англійская литература, французскій и нѣмецкій языки; химія или же физика и біологія; логика, этика и психологія; физическая географія и древняя исторія; рисованіе, хоровое пѣніе, физическая культура и даже теорія счетоводства.

Даже на этихъ, низшихъ университетскихъ курсахъ, ведущихъ къ степени баккалавра, въ Джонсъ Хопкинсѣ не употребляется никакихъ учебниковъ, не водится литографированныхъ лекцій, ничто не заучивается наизустъ, ничто не ставится въ зависимость отъ одной памяти. Профессора входятъ въ дружественныя отношенія со студентами, направляютъ ихъ на точное уразумѣніе предмета, наталкивая на лучшія точки отправленія, но въ то же время постоянно поощряя ихъ къ самостоятельной работѣ. Студентъ безпрестанно повергается на собственные рессурсы, самъ работаетъ, дознается, читаетъ, наводитъ справки. Въ каждой «семинаріи», каждый студентъ имѣетъ свободный доступъ ко всѣмъ нужнымъ для него сочиненіямъ.

Наиболѣе развитые и способные изъ «graduate student» по большей части стипендіаты университета, *the fellows*—обязаны оказывать профессорамъ помощь по части преподаванія студентамъ низшаго разряда. Въ обоихъ отдѣлахъ университета преобладаетъ система чтенія устныхъ лекцій—но опять-таки не совсѣмъ по той системѣ, которая преобладаетъ въ Германіи и Россіи. Всѣмъ студентамъ приходится отъ времени

до времени подвергаться провѣрочнымъ испытаніямъ и собираться на такъ называемыя «quizzyes», гдѣ профессоръ или адъюнктъ его задаетъ имъ вопросы касательно пройденнаго, или же они сами обращаются къ профессору за разъясненіемъ недостаточно ими понятыхъ вещей.

Довѣріе по отношенію къ студентамъ не имѣетъ никакихъ ограниченій. У каждаго изъ нихъ свой письменный столъ для бумагъ, каждому довѣряются всѣ книги, которыя требуются ему въ данный періодъ его работы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ установлена такая совершенная система само-регистровки книгъ, что у кого бы изъ студентовъ данное сочиненіе ни находилось, его можно получить безъ малѣйшей задержки, лишь только оно потребуется для занятій всей группы. Во времена экзаменовъ на ученыя степени студента оставляютъ въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ тутъ же на виду разставлены всѣ справочныя книги и учебники. Въ такой моментъ экзаменующагося оставляютъ одного, безо всякаго надзора и до сей поры, втеченіе пятнадцати лѣтъ, не бывало еще, какъ говорятъ, ни одного случая плутовства при экзаменахъ. Вообще *честность* является элементомъ того корпоративнаго духа, который связываетъ студентовъ Джонса Хопкинса въ одно живое прогрессивное цѣлое.

При университетѣ Джонсъ Хопкинса не существуетъ никакихъ жилыхъ помѣщеній для студентовъ — всѣ они живутъ по домамъ, а иногородные—въ мѣстныхъ бордингъ-гаузахъ, и, какъ и почти вездѣ въ Америкѣ, студенты ничѣмъ почти не выдѣляются изъ толпы остальныхъ добропорядочныхъ горожанъ. Начальство совершенно не вмѣшивается въ частную жизнь студентовъ, не требуетъ отъ нихъ даже того, чтобъ они собирались въ университетъ на утреннія молитвы, какъ это дѣлается въ другихъ университетахъ. Это обстоятельство навлекаетъ на студентовъ и профессоровъ подозрѣніе въ религіозномъ индифферентизмѣ. На сколько это вѣрно относительно общаго духа университета, судить не берусь. Не лишнимъ будетъ, однако, замѣтить по этому поводу слѣдующее: за всю мою жизнь мнѣ всего разъ довелось слышать, какъ заправскій университетскій профессоръ произноситъ духовную проповѣдь, и профессоръ этого былъ никто иной, какъ Ричардъ Теодоръ Или [1]), занимающій каѳедру политической экономіи въ Джонсъ Хопкинсѣ и чрезвычайно популярный среди студентовъ.

Проповѣдь, о которой я говорю, была произнесена профессоромъ Или въ одномъ людномъ лѣтнемъ убѣжищѣ, гдѣ собралось въ то время много суетной нью-іоркской публики. Я живо помню, какое впечатлѣ-

[1]) *Richard T. Ely*, авторъ слѣдующихъ извѣстныхъ сочиненій, большинство которыхъ переведено на нѣмецкій и другіе европейскіе языки: «Labor Movement in America»; «Taxation of American States and Cities»; «Social Aspects of Cristianits», и проч.

ніе произвела эта проповѣдь на слушающихъ, какъ сильно потрясли ихъ жгучіе упреки, звучащіе въ рѣчи профессора, искренность и сила его призывовъ къ работѣ надъ собой, къ борьбѣ со своими дурными инстинктами, къ борьбѣ со зломъ, разлитымъ въ насъ самихъ и въ окружающей жизни. Темой для проповѣди послужило «Христіанское самопожертвованіе въ противоположность аскетизму». Вначалѣ профессоръ, привелъ текстъ изъ Евангелія, а именно: «И сказалъ Іисусъ своимъ ученикамъ: «если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой»... Вторымъ текстомъ его проповѣди было изреченіе изъ *Исторіи европейской морали Lecky* (стр. 155, глава IV): «Первое условіе дѣйствительно высокаго нравственнаго совершенства заключается въ духѣ искренняго самопожертвованія и самоотреченія»...

Если воззрѣнія этого популярнѣйшаго въ *Johns Hopkins* профессора раздѣляются многими его товарищами и преданными ему студентами—едва ли справедлива молва, упрекающая этотъ университетъ въ религіозномъ индифферентизмѣ.

В. Макъ-Гаханъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Фридрихсруэ — Берлинъ.

Прошелъ ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ 5 марта на обѣдѣ, данномъ въ честь императора провинціальными чинами Бранденбурга, Вильгельмъ объявилъ въ застольной рѣчи, что «всѣхъ, кто будетъ ему сопротивляться, онъ сокрушитъ въ мелкіе куски», и спустя двѣнадцать дней Бисмаркъ былъ удаленъ въ почетное изгнаніе. Хотя осыпанный цвѣтами въ видѣ оффиціальныхъ милостей и общественныхъ овацій, желѣзный канцлеръ никакъ не могъ помириться съ мыслью, что власть ускользнула изъ его рукъ, и живя отшельникомъ въ Фридрихсруэ, продолжалъ время отъ времени напоминать міру о своемъ существованіи, злобно объясняя газетнымъ репортерамъ причины и грозныя послѣдствія своего паденія. Долго эти желчныя изліянія имѣли характеръ чисто личныхъ счетовъ съ юнымъ ученикомъ, неожиданно возставшимъ противъ своего учителя, и весь свѣтъ, а преимущественно Германія съ неудовольствіемъ и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отвертывались отъ такого недостойнаго поведенія падшаго великана. Его гнѣвныя выходки казались тѣмъ болѣе беззубымъ, безцѣльнымъ ворчаніемъ побѣжденнаго старика, что съ удаленіемъ его отъ дѣлъ вздохнула вся страна и въ ней повѣяло какъ-бы чѣмъ-то новымъ, лучшимъ. Юный императоръ съ лихорадочной поспѣшностью выдвигалъ впередъ вопросъ за вопросомъ и ставилъ на очередь одну важную реформу за другой. Сегодня онъ отказался отъ возобновленія закона противъ соціалистовъ и предоставилъ право гражданства сотнямъ тысячъ людей, преслѣдуемыхъ дотолѣ съ ожесточенной свирѣпостью; завтра онъ заботился о судьбѣ рабочихъ и обѣщалъ имъ свое покровительство въ борьбѣ съ капиталистами; послѣзавтра онъ обращалъ свое попеченіе на учениковъ, юныя головы которыхъ забивались классицизмомъ, и возбуждалъ мечты о преобразованіи системы общественнаго воспитанія, и т. д. и т. д... Вмѣстѣ съ тѣмъ въ оффиціальныхъ сферахъ все двигалось, все суети-

лось, и нѣмцамъ казалось, что дѣйствительно они шли впередъ. Люди, искренно стоящіе за прогрессъ, поддерживали всѣ начинанія Вильгельма, считая, что во всякомъ случаѣ лучше какое-бы то ни было движеніе, чѣмъ застой или реакція, а противники всякаго прогресса не смѣли поднять голоса противъ того, что дѣлалось по личной иниціативѣ императора. Очевидно, что при такомъ положеніи вещей никто не обращалъ вниманія на стараго ворчуна въ Фридрихсруэ; даже его самые горячіе сторонники начали громко говорить, что онъ выжилъ изъ ума. Но мало по малу стало оказываться, что въ сущности Германія нисколько не идетъ впередъ, а только сбилась съ стараго пути, не выходя на новый; что зданіе, созданное Бисмаркомъ, расшаталось, а на мѣсто его не воздвигнуто никакого другого. Общее шатаніе особенно ясно обнаруживалось постоянными перемѣнами въ личномъ составѣ административныхъ и военныхъ властей. Со времени отставки Бисмарка перемѣнилось нѣсколько министровъ, начальникъ главнаго штаба германской арміи, много корпусныхъ командировъ и другихъ крупныхъ должностныхъ лицъ. При этихъ перемѣнахъ незамѣтно было никакой общей руководящей нити. Тѣмъ же отсутствіемъ руководящей нити отличалась какъ внѣшняя, такъ и внутренняя политика послѣднихъ мѣсяцевъ. Всѣ возбужденныя надежды на радикальныя мѣропріятія остаются доселѣ неудовлетворенными: съ такимъ шумомъ возвѣщенныя реформы — рабочая и школьная приходятъ къ самымъ мелкимъ результатамъ, съ одной стороны къ нѣкоторому улучшенію условій женской и дѣтской работы, а съ другой — къ ослабленію излишнихъ умственныхъ занятій, развивавшихъ, между прочимъ, близорукость въ ученикахъ, что очень вредило образованію хорошихъ солдатъ. Хотя законы противъ соціалистовъ перестали существовать, но административныя преслѣдованія и процессы не прекращаются, а Каприви открыто въ парламентѣ требуетъ сохраненія въ рядахъ арміи старыхъ унтеръ-офицеровъ, цѣною выдачи имъ денежныхъ премій, для успѣшной борьбы съ соціализмомъ. Той-же двойной игры правительство держится и относительно всѣхъ политическихъ партій: оно заигрываетъ поперемѣнно съ каждой изъ нихъ, обѣщая чудеса, а затѣмъ не держитъ своего слова; такъ, оно кокетничаетъ съ консерваторами, клерикалами, національ-либералами и прогрессистами, а вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ своими мѣрами нарушить интересы каждой изъ этихъ партій. Приэтомъ новый канцлеръ не выказываетъ никакихъ способностей къ исполненію своихъ высокихъ обязанностей, постоянно дѣлаетъ безтактныя ошибки и принимаетъ на себя бисмарковскій тонъ въ объясненіяхъ, особенно съ прогрессистами, а хваленый министръ финансовъ Микель не проявилъ себя доселѣ ничѣмъ, а лишь является также, какъ Каприви, слѣпымъ орудіемъ юношескихъ поры-

вовъ Вильгельма. Естественно, что недовольство правительствомъ начинаетъ обнаруживаться среди богатыхъ и знатныхъ классовъ, среди крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, даже военныхъ, которые обыкновенно служатъ самыми надежными правительственными опорами. Ихъ личные интересы затронуты какъ финансовыми и экономическими мѣропріятіями, такъ и перемѣнами въ личномъ составѣ, а потому они начинаютъ роптать. Наконецъ, почувствовавъ ослабленіе тѣхъ помочей, на которыхъ такъ долго держалъ желѣзный канцлеръ составныя части германской имперіи, бывшія самостоятельныя государства, особенно южныя, начинаютъ проявлять стремленія къ сепаратизму.

Чутко прислушиваясь къ первымъ отголоскамъ германскаго недовольства, Бисмаркъ понялъ, что настала минута если не возвращенія себѣ власти, то во всякомъ случаѣ мести за столь мучительное для него паденіе. Уже нѣсколько времени онъ по временамъ обнародывалъ свои взгляды на современную политику въ «Hamburger Nachrichten», теперь онъ завелъ новый органъ—издающуюся въ Мюнхенѣ «Allgemeine Zeitung» и въ этихъ двухъ газетахъ открылъ ежедневный походъ противъ германскаго правительства и его представителей—юнаго императора и канцлера Каприви. Одинаково нападая на всѣ правительственныя дѣйствія, статьи, написанныя Бисмаркомъ или во всякомъ случаѣ внушенныя имъ, совершенно дискредитируютъ все, что совершилось послѣ его паденія, доказывая, что дѣла въ Германіи идутъ дурно, и основы созданной Бисмаркомъ имперіи вполнѣ расшатаны. Строгой неумолимой критикѣ желѣзнаго канцлера подвергаются въ равной мѣрѣ политика внѣшняя и внутренняя, колоніальная и экономическая. Пользуясь своимъ дипломатическимъ авторитетомъ, онъ обвиняетъ Каприви въ изуродованіи тройственнаго союза, въ излишнемъ ухаживаніи за Австріей и въ недостаточномъ оріентированіи въ сторону Россіи. Относительно колоніальнаго вопроса онъ не прощаетъ своему преемнику уступки Англіи Занзибара, а въ отношеніи внутреннихъ реформъ громитъ проектъ общинной организаціи, грозящій привиллегіямъ землевладѣльцевъ, отступленіе отъ протекціонизма предполагаемымъ заключеніемъ торговаго трактата съ Австріей, введеніе новыхъ налоговъ, стѣснительныхъ для богатыхъ классовъ, и т. д. Въ своей ожесточенной борьбѣ съ правительствомъ онъ забываетъ все свое прошедшее; онъ, всегда стоявшій за авторитетъ власти, теперь самъ его подрываетъ; онъ, первый измѣнившій такъ называемой культурной борьбѣ и отправившійся въ Каноссу, клеймитъ позоромъ своего преемника за обѣщаніе клерикаламъ вернуть іезуитовъ и, наконецъ, онъ, заклятый врагъ графа Вальдерзэ, въ которомъ онъ долго видѣлъ своего соперника, гнѣвно осуждаетъ его удаленіе изъ главнаго штаба. Свое неожиданное превращеніе въ публициста и, надо признаться, очень блестящаго, мѣткаго, ядовитаго, Бис-

маркъ объясняетъ тѣмъ, что его долгъ говорить правду въ интересахъ самого государства, и что, если-бы онъ одобрялъ настоящее правительство, то шелъ бы въ разрѣзъ съ прежней своей политикой; къ тому же роль настоящаго консерватора заключается, по его словамъ, не въ томъ, чтобы хвалить все, что дѣлаетъ правительство, но предохранять его отъ тѣхъ дѣйствій, которыя подвергаютъ опасности монархическіе и консервативные принципы. Этотъ газетный походъ, конечно, возбудилъ жестокую полемику въ германской прессѣ, которая почти вся набросилась на бывшаго желѣзнаго канцлера, обвиняя его въ личномъ раздраженіи, извращеніи фактовъ и нарушеніи всѣхъ прежнихъ принциповъ его политики. При этомъ ему указываютъ, что онъ идетъ по стопамъ имъ же нѣкогда преслѣдуемыхъ графа Арнима и Гефкена, а потому ему нечего удивляться, если его подвергнутъ такой же отвѣтственности. На это онъ устами своихъ газетъ гордо отвѣчаетъ, что не боится никакихъ угрозъ, такъ какъ исполняетъ свой долгъ патріота и находится въ самомъ спокойномъ положеніи духа, хотя соболѣзнуетъ о колебаніи воздвигнутаго имъ зданія и всегда будетъ отстаивать свои принципы, полезные для отечества, не требуя никакой благодарности. Точно также его не пугаетъ, по словамъ «Hamburger Nachrichten», то обстоятельство, что его взгляды не раздѣляются частью германской націи; онъ и прежде велъ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ и не боится его. Газетная борьба мало-по-малу до того обострилась, что правительство нашло нужнымъ вмѣшаться въ дѣло: стали носиться слухи, что самъ Бисмаркъ или по крайней мѣрѣ его газеты будутъ преданы суду, что въ Фридрихсруэ посланъ отрядъ солдатъ, что графъ Вальдерзэ переведенъ изъ начальниковъ главнаго штаба въ командиры 9-го армейскаго корпуса, расположеннаго въ окрестностяхъ Фридрихсруэ, только для того, чтобы слѣдить за дѣйствіями своего врага, и т. д. Конечно, все это оказалось вымысломъ и на министерскомъ совѣтѣ рѣшено было оставить Бисмарка въ покоѣ, пока онъ не станетъ печатать государственныхъ документовъ или обнаруживать государственныхъ тайнъ. Конечно, это рѣшеніе очень благоразумно, такъ какъ появленіе Бисмарка на скамьѣ подсудимыхъ было бы невозможнымъ скандаломъ и вызвало бы въ его пользу взрывъ всеобщаго сочувствія въ Германіи, которая все-таки считаетъ его организаторомъ имперіи; подобный судъ тѣмъ болѣе немыслимъ, что Бисмаркъ, находясь до сихъ поръ на военной службѣ, подлежалъ бы военному суду и слѣдовательно въ случаѣ признанія его виновнымъ подлежалъ бы такой страшной карѣ, которой никогда не рѣшился бы подвергнуть его юный императоръ, несмотря на все свое раздраженіе противъ того, кого онъ еще недавно называлъ знаменосцемъ патріотической Германіи. Конечно, нельзя было правительству, однажды вмѣшавшись въ дѣло, не предпринять чего-либо

противъ газетнаго похода Бисмарка, но придуманное имъ средство борьбы оказалось самымъ неудачнымъ и безпомощнымъ. Оно не нашло ничего лучшаго какъ вернуться къ Бисмарковской системѣ офиціозной прессы, отъ которой съ такимъ шумомъ отказался Каприви въ началѣ своей дѣятельности и «Сѣверо-Германская газета», сдѣлавшись снова правительственнымъ органомъ, начала полемизировать съ своимъ прежнимъ вдохновителемъ. Но, конечно, эта полемика не была страшна для Бисмарка, а напротивъ, онъ торжествовалъ по всей линіи и продолжалъ съ новой энергіей свои нападки, придавая имъ все болѣе и болѣе личный характеръ антагонизма съ юнымъ императоромъ.

Тутъ выступаетъ на сцену и самъ Вильгельмъ, долго державшійся за кулисами. Естественно, что при его горячемъ, самолюбивомъ и нетерпящемъ противорѣчій характерѣ, подобная открытая оппозиція была нестерпима, тѣмъ болѣе, что носились слухи объ организаціи Бисмаркомъ изъ лицъ недовольныхъ положеніемъ дѣлъ въ Германіи громадной оппозиціонной парламентской партіи, которую онъ лично повелъ бы въ аттаку противъ правительства.

Борьба между Берлиномъ и Фридрихсруэ, ознаменовалась парижскимъ эпизодомъ. Въ послѣднее время органы Бисмарка начали замѣтно заигрывать съ Франціей и даже открыто заявляли, что ихъ патронъ собирается въ Парижъ съ цѣлью расположить въ свою пользу французовъ и опередить императора, который давно уже мечтаетъ о примиреніи съ французами и посѣщеніи Парижа. Дѣйствительно, съ нѣкоторыхъ поръ, по иниціативѣ Вильгельма, не только прекратилась прежняя Бисмарковская травля на французовъ въ Германіи, но за ними стали замѣтно ухаживать; когда же распространились слухи о кокетничаніи Бисмарка съ Франціей, то императоръ рѣшилъ превзойти его въ этомъ отношеніи и одержать пальму первенства. Зная, что французовъ можно легко обойти лестью, онъ придумалъ, повидимому, очень ловкій планъ и выбралъ совершенно независимую отъ политики почву для воздѣйствія на французское самолюбіе. Прежде всего онъ приказалъ своему секретарю графу Веделю написать французскому посланнику въ Берлинѣ объ его глубокомъ сочувствіи къ великой потерѣ, понесенной Франціей въ лицѣ недавно умершаго живописца Мейсонье, котораго онъ всегда считалъ славой не только французскаго, но всемірнаго искусства; а затѣмъ написалъ обширное собственноручное письмо французскому генералу Буадефру, съ которымъ онъ бесѣдовалъ во время Нарвскихъ маневровъ о походахъ Ганибала. На 7 страницахъ, онъ изложилъ свой взглядъ на Пуническія войны, въ особенности на сраженія при Каннахъ и Замѣ, причемъ приложилъ нѣсколько плановъ битвъ и чертежей строя римскихъ легіоновъ, нумидійской кавалеріи и т. д.; въ концѣ же сво-

его письма онъ выразилъ желаніе, чтобъ французскій генералъ высказалъ свое мнѣніе на счетъ его стратегическихъ соображеній. Какъ и слѣдовало ожидать, подобныя любезности очень тронули французовъ и тогда Вильгельмъ прямо выразилъ чрезъ французскаго послнаника въ Берлинѣ и германскаго въ Парижѣ, желаніе, чтобы французскіе художники приняли участіе въ открывающейся въ нынѣшнемъ году въ Берлинѣ международной художественной выставкѣ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Берлинскаго общества изящныхъ искусствъ. Французамъ обѣщали самое широкое гостепріимство и лучшее мѣсто на выставкѣ, а для того, чтобъ они скорѣе изъявили свое согласіе, высокая покровительница выставки, императрица Викторія, отправилась лично въ Парижъ. Этотъ смѣлый шагъ долженъ былъ окончательно побѣдить французовъ, а чтобъ подготовить ей сочувственный пріемъ, были пущены въ ходъ слухи о послабленіяхъ въ паспортныхъ правилахъ относительно Эльзасъ-Лотарингіи и даже германскій намѣстникъ князь Гогенлоэ въ публичной рѣчи выразилъ надежду о скоромъ возвращеціи къ нормальнымъ условіямъ. Дѣйствительно, все было устроено такъ ловко, что успѣхъ казался обезпеченнымъ.

Германская императрица провела девять дней въ Парижѣ, и все сначала шло какъ по маслу. Польщенные ея пріѣздомъ и другими германскими заигрываніями, парижане встрѣтили ее съ безмолвнымъ сочувствіемъ, такъ какъ она сохраняла строгое инкогнито, а французскіе художники, студіи которыхъ она посѣтила, выразили въ числѣ пятидесяти человѣкъ свое согласіе участвовать въ Берлинской выставкѣ; въ этомъ числѣ находились такіе извѣстные артисты какъ Деталь, Бонà и Бугеро. Большинство парижскихъ газетъ съ «Figaro» во главѣ вполнѣ одобрили подобное примиреніе французовъ съ нѣмцами на художественной почвѣ; только радикальные органы и живописецъ Пюи-де-Шаванъ настаивали на томъ, что французы должны оставаться во Франціи. Императоръ и вообще нѣмцы ликовали, а берлинскія газеты издѣвались надъ Бисмаркомъ, который заявилъ, что онъ никогда не собирался въ Парижъ, и не одобряетъ поѣздки императрицы, такъ какъ не слѣдуетъ ставить французовъ въ неловкую дилемму: или измѣнить своему патріотизму, или нарушить долгъ гостепріимства. Однако, дни шли за днями, и императрица оставалась въ Парижѣ болѣе предположеннаго времени; она, какъ простая туристка, осматривала городъ и его окрестности и знакомилась съ литераторами, учеными и художниками. Вербовка живописцевъ и скульпторовъ успѣшно продолжалась, но чуткимъ парижанамъ начало казаться подозрительнымъ такое офиціальное и даже августѣйшее вмѣшательство въ совершенно частное дѣло, которое, собственно говоря, должно было обдѣлываться между нѣмецкими и французскими художниками, какъ это и происходило безъ

всякаго шума относительно участія французскихъ артистовъ въ мюнхенскихъ выставкахъ въ послѣдніе годы. Когда же вдова одного изъ побѣдителей въ роковую годину французскихъ бѣдствій безтактно посѣтила вмѣстѣ съ германскимъ посланникомъ сожженый нѣмцами Сенъ-Клу и Версаль, гдѣ провозглашена была Германская имперія, то мгновенно произошла въ настроеніи Парижа и парижской прессы рѣзкая перемѣна. Къ тому же и французская администрація также учинила болѣе чѣмъ безтактную выходку: извѣстный патріотъ-поэтъ Деруледъ, собравъ сходку для протеста противъ посѣщенія Парижа германской императрицей, возложилъ вѣнокъ отъ имени сходки на статую живописца Реньо, участвовавшаго волонтеромъ въ защитѣ Парижа и убитаго при Бюзенвалѣ, но какой то неизвѣстный чиновникъ въ Школѣ Изящныхъ Искуствъ, гдѣ находится эта статуя, скрылъ вѣнокъ на томъ основаніи, что германская императрица должна была посѣтить школу. Это неблагоразумное усердіе едва не вызвало безпорядковъ, такъ какъ Деруледъ поднялъ шумъ и хотѣлъ сдѣлать запросъ въ палатѣ, что могло принять размѣры крупнаго скандала; но его успокоили тѣмъ, что положили новый вѣнокъ отъ депутатовъ на статую Реньо. Однако легко увлекающійся Парижъ началъ громко говорить, что не слѣдуетъ французамъ ѣхать въ Берлинъ, всѣ газеты стали единогласно вторить этому рѣшенію общественнаго мнѣніи, и художники, давшіе свое согласіе, отказались отъ поѣздки въ Берлинъ. Дѣло не выгорѣло, и императрица поспѣшно уѣхала изъ Парижа, но до послѣдней минуты парижане дѣйствовали съ большимъ достоинствомъ и ни однимъ восклицаніемъ, ни однимъ жестомъ не оскорбили своей высокой гостьи. Точно также правильно и достойно вело себя во все это время французское правительство, вполнѣ уважавшее инкогнито императрицы и не вмѣшивавшееся въ совершенно частное дѣло участія французскихъ художниковъ въ Берлинской выставкѣ. Какъ умная, образованная и здравомыслящая женщина, императрица Викторія оцѣнила такое отношеніе къ ней парижанъ и французскаго правительства, а потому написала германскому послу, графу Мюнстеру, письмо, прося его довести до свѣдѣнія парижанъ и французскаго правительства, что она глубоко благодарна имъ за оказанный пріемъ и очень сожалѣетъ, что совершенно невинно и безъ всякаго намѣренія подала поводъ къ неудовольствію. Конечно, обнародованіе такого симпатичнаго и благороднаго заявленія чувствъ императрицы совершенно изгладило бы всякое непріятное впечатлѣніе въ Парижѣ отъ ея пребыванія, но въ Берлинѣ посмотрѣли на дѣло иначе и не допустили напечатать ея письма.

Неуспѣхъ его ловкаго плана привелъ въ такое негодованіе молодого императора, что онъ, по слухамъ, объявилъ: «если раздастся хоть одинъ свистокъ при отъѣздѣ изъ Парижа императрицы, то я на дру-

гой день объявляю войну». По счастью, этого не произошло, но все-таки несчастная Эльзасъ-Лотарингія сдѣлалась козломъ отпущенія. Немедленно былъ обнародованъ императорскій указъ намѣстнику съ предписаніемъ возстановить всѣ строгости паспортной системы. Даже въ Германіи эта мѣра вызвала общее неудовольствіе, и многія нѣмецкія газеты протестовали. Нѣмецкая печать снова начала травлю противъ французовъ, называя ихъ варварами, а патріотическая пьеса Шпильгагена «Желѣзный Вѣкъ», запрещенная изъ опасенія, чтобъ она не оскорбила французовъ, теперь быстро репетируется и будетъ на дняхъ представлена на королевскомъ берлинскомъ театрѣ. Напротивъ, французы продолжали вести себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ и замѣчательнымъ тактомъ; не только французская печать не отвѣчала на оскорбительныя выходки нѣмецкихъ газетъ, но французскіе художники принимаютъ участіе въ недавно открывшейся художественной выставкѣ въ Штутгартѣ, куда они послали свои картины ранѣе поѣздки германской императрицы. Этотъ фактъ ясно доказываетъ, что французы вовсе не питаютъ къ нѣмцамъ безсмысленной ненависти и поддерживаютъ съ ними частныя отношенія на нейтральной почвѣ наукъ и искусствъ, но не сочли достойнымъ выразить особой радости, когда ихъ поманили пальцемъ въ Берлинъ и жадно ухватиться за оффиціальное приглашеніе участвовать на берлинской выставкѣ, послѣ того что Германія всячески мѣшала успѣху парижской всемірной выставки два года тому назадъ. По справедливому замѣчанію одной англійской газеты, посѣщеніе Парижа германской императрицей имѣло два результата: французы сохранили свое достоинство, а нѣмцы усилили репрессивныя мѣры противъ Эльзасъ-Лотарингіи.

Но парижскій эпизодъ имѣлъ и третій важный результатъ: въ борьбѣ между Фридрихсруэ и Берлиномъ наступила новая фаза. Бисмаркъ торжествовалъ, Вильгельмъ обнаружилъ явную склонность къ политической реакціи и стали носиться слухи о примиреніи могучихъ соперниковъ. Нравственная побѣда Бисмарка, который одинъ поднялъ голосъ противъ заигрыванія Германіи съ Франціей, была признана не только большинствомъ германской прессы, но и самимъ императоромъ, который, говорятъ, открыто сказалъ: «своимъ поведеніемъ французы доказали разумность политики Бисмарка», а лучшимъ подтвержденіемъ, что дѣйствительно желѣзный канцлеръ вышелъ тріумфаторомъ изъ этого курьезнаго инцидента, служитъ тотъ фактъ, что онъ многовенно прекратилъ свой газетный походъ противъ теперешняго германскаго правительства. Напротивъ, его газеты стали одобрительно отзываться о новыхъ дѣйствіяхъ какъ императора, такъ и Каприви. Въ сущности иначе и не могло быть, такъ какъ эти дѣйствія вполнѣ стали выражать реакціонный бисмарковскій духъ. Самъ Вильгельмъ, еще недавно

гордо восклицавшій «я не тиранъ и не боюсь народа», теперь совершенно измѣнилъ тонъ и уже говоритъ: «я не Людовикъ XVI». Въ его рѣчахъ, на которыя онъ всегда такъ падокъ, слышится болѣе, чѣмъ когда либо, воинственная нота: на офицерскомъ банкетѣ въ одной изъ берлинскихъ казармъ, онъ съ азартомъ говорилъ о войнѣ и указывалъ на то, что въ будущихъ битвахъ главную роль будетъ играть артиллерія, а на парламентскомъ обѣдѣ у министра внутреннихъ дѣлъ Бетихера, коснувшись слегка своей неудачной попытки примирить Германію съ Франціей, онъ знаменательно сказалъ, что въ случаѣ войны, которую пришлось-бы вести на два фронта, именно противъ Франціи и Россіи, защита береговъ будетъ обязанностью флота, а потому заявилъ свою благодарность польскимъ депутатамъ за ихъ защиту въ парламентской коммисіи правительственнаго проекта о постройкѣ новыхъ военныхъ кораблей, причемъ замѣтилъ: «вы, господа, знаете, что такое прибываніе русскихъ». Переходя къ вопросамъ внутренней политики, Вильгельмъ объяснилъ Виндгорсту, главѣ клерикальной партіи, которая сопротивлялась вотированію морскихъ кредитовъ, что если рейхстагъ не приметъ этихъ кредитовъ, то онъ не задумается распустить его. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ строго порицалъ заявленныя соціалистами требованія и вообще его рѣчь клонилась къ тому, что правительство намѣрено дѣйствовать самымъ крутымъ образомъ относительно рабочихъ, если послѣдніе будутъ дѣйствовать за одно съ соціалистами. Подобная рѣзкая перемѣна въ политическихъ взглядахъ Вильгельма выразилась не только въ его рѣчахъ, но и въ дѣйствіяхъ, какъ его самого, такъ и правительства. Принимая депутацію изъ Эльзаса-Лотарингіи, умолявшую его ослабить паспортныя строгости на французской границѣ, онъ объявилъ, что никакое послабленіе невозможно, а мѣстныя власти все болѣе и болѣе усиливаютъ репрессивныя мѣры въ этомъ отношеніи. Что касается до излюбленнаго императоромъ рабочаго вопроса, то относительно его произошелъ крутой поворотъ: въ оффиціальной газетѣ напечатана рѣзкая статья, предостерегающая рабочихъ, что правительство не только не будетъ защищать ихъ противъ притѣсненій хозяевъ, но въ случаѣ стачекъ поступитъ съ ними самымъ строгимъ образомъ. Въ доказательство того, что это не пустая угроза, въ рудокопныхъ округахъ, гдѣ волненіе въ рабочемъ классѣ всего сильнѣе, увеличены гарнизоны и преимущественно посланы туда пруссаки, которые безпрекословнѣе другихъ нѣмцевъ исполняютъ всѣ приказанія высшаго начальства. Какъ всегда духъ реакціи проявился всего яснѣе въ судебныхъ преслѣдованіяхъ печати и анархистовъ за тайные заговоры, о чемъ не было слышно въ Германіи со времени удаленія Бисмарка: одинъ газетный издатель въ Кобургѣ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію за насмѣшки надъ прин-

цемъ Фердинандомъ, другой въ Магдебургѣ подвергнутъ тому же наказанію за перепечатку «Пѣсни Ткача» Гейне, а третій въ Нюренбергѣ преданъ суду одинаково за перепечатку старой статьи Амедея Жака о борьбѣ христіанства съ просвѣщеніемъ. Параллельно воскресли и процессы объ оскорбленіи величества: директоръ одной берлинской гимназіи привлеченъ къ отвѣтственности за критику императорскихъ взглядовъ на школьную реформу, а жена крупнаго берлинскаго чиновника фонъ-Пумель обвиняется по доносу отказанной ею служанки за то, что, стирая въ своей квартирѣ пыль съ портрета императора, она выражалась неприлично. Естественно, что при торжествѣ реакціи, какъ Вильгельмъ, такъ и его правительство обратились къ помощи тѣхъ политическихъ партій, которымъ всего болѣе сроденъ подобный порядокъ вещей, именно къ консерваторамъ и клерикаламъ. Извѣстный столбъ ультра-консерватизма графъ Вальдерзэ снова сдѣлался всесильнымъ любимцемъ императора послѣ временной опалы; видный польскій депутатъ, всегда поддерживающій консервативную политику, Косчельскій, получилъ отъ Вильгельма въ подарокъ картину, изображающую флотъ великаго курфюрста съ надписью, выражающую благодарность императора за мужественную защиту его флота, а вліяніе Виндгорста сдѣлалось столь громаднымъ, что ему пожертвованъ былъ министръ духовныхъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія Гослеръ. Этотъ министръ, одинъ изъ немногихъ остатковъ Бисмарковской эпохи, не былъ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ и всегда слѣпо исполнялъ прежде приказанія Бисмарка, а потомъ Вильгельма; его положеніе сильно пошатнулось когда съ одной стороны Виндгорстъ провалилъ въ парламентѣ выработанный Гослеромъ проектъ о возвращеніи секвестрованныхъ суммъ у католическаго духовенства во время культурной борьбы, причемъ онъ предлагалъ отдать католическому духовенству только проценты съ капитала, остающагося въ рукахъ государства, а съ другой—Вильгельмъ удивилъ міръ своей рѣчью о школьной реформѣ, которая противорѣчила консервативнымъ принципамъ Гослера, но какъ ревностный чиновникъ онъ примирился съ необходимостью примѣнять на дѣлѣ несочувственныя ему теоріи, а потому сталъ подготовлять законопроекты о школьной реформѣ въ духѣ императорской рѣчи и внесъ въ палату новый планъ разрѣшенія вопроса о секвестрованныхъ суммахъ у католическаго духовенства, уже предлагая согласно требованію клерикаловъ возвратить католическому духовенству весь капиталъ. Это смиреніе было оцѣнено Вильгельмомъ, который пожаловалъ ему свой портретъ съ знаменательной надписью: «Sic volo, sic jubeo», но Виндгорстъ не былъ столь великодушенъ и поставилъ условіемъ поддержки правительства его партіей отставку Гослера и назначеніе на его мѣсто излюбленнаго ему человѣка. Вильгельмъ на это согласился и замѣнилъ одного чиновника другимъ:

министромъ духовныхъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія сдѣлался графъ Зейдлицъ-Третлеръ, губернаторъ Познанской провинціи и членъ прусской верхней палаты, доселѣ не игравшій видной политической роли, а извѣстный только своими клерикальными и консервативными тенденціями.

При такомъ положеніи дѣлъ быстро распространившіяся слухи о примиреніи императора съ Бисмаркомъ и даже о возвращеніи послѣдняго къ власти не имѣли ничего невѣроятнаго. Если послѣ годичнаго опыта управлять страною безъ Бисмарковской системы Вильгельмъ пришелъ къ убѣжденію, что надо вернуться къ этой системѣ, то не было ничего невозможнаго и въ возстановленіи желѣзнаго канцлера во главѣ созданной имъ системы. Напротивъ бисмарковщина безъ Бисмарка кажется какимъ то страннымъ абсурдомъ. Единственнымъ препятствіемъ къ подобному возвращенію къ старымъ порядкамъ можетъ быть личный антагонизмъ двухъ могучихъ бойцовъ и нежеланіе молодого атлета признать, что его побѣдилъ старикъ. Поэтому совершенно понятны колебанія и смутная неопредѣленность, отличающія до сихъ поръ новыя отношенія между Фридрихсруэ и Берлиномъ. Хотя Бисмаркъ упорно молчитъ на счетъ слуховъ о своемъ примиреніи съ императоромъ и его правительствомъ, но его Гамбургская газета ловко заявляетъ, что онъ никогда не былъ врагомъ теперешняго правительства и только критиковалъ нѣкоторыя его дѣйствія, а по слухамъ, онъ обѣщаетъ императору въ случаѣ возвращенія его къ власти никогда не выходить изъ предѣловъ его инструкцій и не только повиноваться всѣмъ его желаніямъ, но заставить повиноваться ему парламентъ, Германію и всю Европу. Германская пресса открыто обсуждаетъ возвратъ Бисмарка къ власти и переполнена самыми противорѣчивыми извѣстіями. Одни увѣряютъ, что фактъ примиренія императора съ Бисмаркомъ уже совершился, и что на дняхъ первый посѣтитъ послѣдняго, другіе разсказываютъ что графъ Вальдерзэ ѣздилъ къ Бисмарку въ Фридрихсруэ, и Бисмаркъ отдалъ ему этотъ визитъ именно для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ о возвращеніи къ власти Бисмарка; третьи, напротивъ, отвергаютъ все это и доказываютъ полную невозможность примиренія между такими противниками, тѣмъ болѣе, что Бисмаркъ будто-бы на дняхъ отказался возвратить Вильгельму прежнія сильно компрометирующія его письма. Все это только газетные толки, и достовѣрно одно, что произошли свиданія между прежними ярыми врагами Бисмаркомъ и Вальдерзэ; что на нихъ произошло, неизвѣстно, но трудно предположить, чтобъ это были только визиты изъ приличія, какъ утверждаютъ берлинскіе офиціозы, выставляющіе на видъ, что графъ Вальдерзэ только что принялъ начальство надъ корпусомъ, расположеннымъ въ той мѣстности, гдѣ, находится Фридрихсруэ.

Чѣмъ кончится эта новая фаза борьбы между Фридрихсруэ и Берлиномъ трудно сказать, но въ послѣднее время Бисмарку сильно везетъ,

и какъ-бы нарочно для очистки его пути къ власти съ одной стороны неожиданно умеръ единственный могущественный его политическій соперникъ Виндгорстъ, а съ другой открылась депутатская вакація въ Ганноверскомъ избирательномъ округѣ Гестемюнде, гдѣ выставлена его кандидатура. Смерть энергичнаго, способнаго и неутомимаго главы клерикальной партіи въ Германіи, въ ту самую минуту какъ онъ достигъ конечной побѣды въ своей долгой борьбѣ съ германскимъ правительствомъ и уже мечталъ о возвращеніи іезуитовъ въ Германію, что, говорятъ, обѣщалъ ему Вильгельмъ, завершаетъ любопытную страницу въ исторіи современной Германіи. Этотъ маленькій невзрачный человѣчекъ, сынъ простого поселянина, превратившійся изъ семинариста въ адвоката, а потомъ изъ ганноверскаго министра въ предводителя могущественной партіи въ германскомъ рейхстагѣ, боролся въ теченіи шестнадцати лѣтъ съ желѣзнымъ канцлеромъ и, стойко выдержавъ всѣ преслѣдованія культурной борьбы, наконецъ одержалъ полную побѣду надъ своимъ противникомъ, имѣлъ счастье видѣть его удаленіе отъ власти и умеръ вершителемъ судебъ въ германскомъ парламентѣ, гдѣ его партія, удивительно дисциплинированная «маленькимъ превосходительствомъ», какъ его въ шутку называли для отличія отъ «большого превосходительства», т. е. Бисмарка, составляетъ самую сильную и многочисленную группу. Благодаря обстоятельствамъ, Виндгорстъ въ послѣднее время забралъ такую власть въ рейхстагѣ и пользовался такимъ вліяніемъ на Вильгельма, что въ случаѣ возвращенія къ власти Бисмарка, послѣднему пришлось-бы потратить не мало силъ на новое съ нимъ единоборство. Преждевременная кончина этого бодраго, здороваго 79-лѣтняго старика избавляетъ его отъ единственной преграды, которую онъ могъ встрѣтить въ парламентѣ, и если онъ вернется въ рейхстагъ канцлеромъ или простымъ депутатомъ, то уже не встрѣтитъ тамъ ни одного вполнѣ достойнаго противника. Относительно выборовъ Бисмарка въ депутаты также носятся различные слухи, но вся Германія съ тревожнымъ волненіемъ ждетъ 15 апрѣля, когда бывшій желѣзный канцлеръ явится простымъ кандидатомъ въ представители маленькаго провинціальнаго ганноверскаго округа и подвергнется баллотировкѣ вмѣстѣ съ ненавистнымъ ему соціалистомъ. Хотя онъ оффиціально не принялъ кандидатуры, но заявилъ въ своей газетѣ, что не мѣшаетъ избирателямъ его выбрать и явится въ рейхстагъ, когда найдетъ это нужнымъ, но депутатомъ не одной партіи, а всей Германіи. До сихъ поръ его поддерживаютъ національ-либералы, но очень можетъ быть, что въ послѣднюю минуту откажется отъ баллотировки и кандидатъ соціалистовъ, какъ уже отказался кандидатъ свободомыслящихъ, чтобы не мѣшать избранію столь могучаго противника теперешняго правительства. Во всякомъ случаѣ эти выборы подоспѣли какъ нельзя болѣе кстати для Бисмарка, который будетъ въ состояніи грозить Вильгельму и Каприви

своей опасной оппозиціей въ парламентѣ и тѣмъ уничтожить послѣднія преграды къ примиренію и возврату къ власти. А подобныя преграды возстаютъ на каждомъ шагу: такъ, возбужденная Бисмаркомъ травля Бетихера, говорятъ, возбудила сильное негодованіе Вильгельма и отсрочила уже почти состоявшееся примиреніе между Фридрихсруэ и Берлиномъ. Исторія съ Бетихеромъ одинаково выставляетъ въ неблаговидномъ свѣтѣ и министра внутреннихъ дѣлъ, и бывшаго канцлера дѣло въ томъ, что онъ, съ согласія Бисмарка, взялъ значительную сумму денегъ изъ гвельфскаго фонда, составленнаго изъ секвестрованныхъ капиталовъ королевскаго ганноверскаго дома съ цѣлью противодѣйствія ганноверскимъ интригамъ и находившагося въ безконтрольномъ распоряженіи Бисмарка. Пока Бетихеръ, выведенный имъ въ люди, повиновался Бисмарку, то послѣдній молчалъ объ этой продѣлкѣ, но когда Бетихеръ отвернулся отъ него въ минуту его паденія, то онъ затаилъ жажду мести и теперь обнародовалъ чрезъ свои газеты всю эту исторію. Конечно, онъ надѣялся на то, что Бетихеръ будетъ лишенъ министерскаго портфеля, но возбужденный имъ скандалъ подѣйствовалъ на императора совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ предполагалъ, и Вильгельмъ выразилъ свое полное сочувствіе Бетихеру, который объяснилъ свое поведеніе тѣмъ, что онъ не зналъ, изъ какихъ суммъ Бисмаркъ по приказанію императора Вильгельма I выдалъ ему 350,000 марокъ для уплаты долговъ его тестя.

Бетихеровскимъ эпизодомъ объясняютъ въ Берлинѣ то обстоятельство, что Бисмаркъ, празднуя 1-го апрѣля семьдесятъ шестую годовщину своего рожденія, не получилъ поздравленія отъ императора. Этотъ фактъ тѣмъ знаменательнѣе, что даже въ Новый годъ они обмѣнялись оффиціальными поздравленіями и что въ нынѣшнемъ году празднество въ Фридрихсруэ отличалось особымъ торжествомъ. Со всѣхъ концовъ Германіи собрались туда многочисленные посѣтители и депутаціи; депеши и письма были получены въ громадномъ числѣ и жители Гамбурга устроили вечеромъ великолѣпное факельное шествіе. Все это доказываетъ, что популярность Бисмарка еще не умерла въ Германіи или воскресла въ виду общаго недовольства теперешнимъ нерѣшительнымъ, колеблющимся, неумѣлымъ правительствомъ. Вступая въ должность, Каприви обѣщалъ «политику скуки», подразумѣвая подъ этимъ царство мирнаго спокойствія, но съ нѣкоторыхъ поръ Германіей снова овладѣло нервное волненіе. Во всякомъ случаѣ Германія переживаетъ теперь очень смутную переходную эпоху, которая тѣмъ опаснѣе, что народъ, о благѣ котораго, повидимому, заботились пресловутыя реформы Вильгельма, не видитъ до сихъ поръ отъ нихъ никакой для себя пользы, а только все болѣе и болѣе приходитъ въ отчаянное положеніе отъ постояннаго вздорожанія первыхъ предметовъ необходимости.

В. Т.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

„Мимочка на водахъ". — Нѣсколько замѣчаній къ философской замѣткѣ.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ «Вѣстника Европы» обращаетъ на себя вниманіе очеркъ неизвѣстнаго автора В. М. «Мимочка на водахъ». Это очень хорошій, свѣжій разсказъ, написанный яркими штрихами. Тонкій, игривый юморъ и чрезвычайно выразительная легкая рѣчь обращаютъ на себя всеобщее вниманіе. При очень простомъ и, можно сказать, обыденномъ сюжетѣ, «Мимочка на водахъ» производитъ очаровательное впечатлѣніе. Новизна пріемовъ, быстрота движеній, вспышки поэзіи въ атмосферѣ, насыщенной изящнымъ остроуміемъ — талантъ, несомнѣнный талантъ, не затертый никакою рутиной. Среди беллетристическихъ произведеній послѣдняго полугодія «Мимочка на водахъ» выдѣляется какъ оригинальный набросокъ артистически изысканной кисти, какъ художественное произведеніе съ внушающими довѣріе литературными и поэтическими достоинствами. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ февральской и мартовской книгъ «Вѣстника Европы» это, конечно, самое выдающееся явленіе: все прочее не представляетъ изъ себя ничего замѣчательнаго. «Первые шаги» г. Станюковича не возвышаются, къ сожалѣнію, надъ уровнемъ средняго литературнаго достоинства: романистъ ведетъ свой разсказъ черезъ-чуръ шаблонно— безъ вдохновенія, безъ проблесковъ свѣжаго творчества, въ нѣсколько тускломъ и безъ нужды вяломъ стилѣ.

«Мимочка на водахъ» начинается коротенькой фразой, отъ которой фабула романа свѣтлою струею быстро убѣгаетъ впередъ. «Мимочка худѣетъ, Мимочка блѣднѣетъ, Мимочка скучаетъ»... Маman тревожится и суетится. Спиридонъ Ивановичъ кряхтитъ и хмурится. Бэби реветъ и капризничаетъ... Отчего Мимочка скучаетъ? У нея есть семья: съ нею ея сынъ, ея мужъ, ея мать. У нея есть деньги, есть экипажи, есть ложа въ Михайловскомъ театрѣ. Чего ей еще? Мимочка и сама не знаетъ, чего она хочетъ. Ей надоѣло жить. Ей совсѣмъ, совсѣмъ все равно: жить или умереть... Мимочкой овладѣваютъ апатія и инстинк-

тивное раздраженіе противъ maman и Спиридона Ивановича. *Они* создали ей жизнь, въ которой она бьется, какъ муха въ паутинѣ, сотканной изъ нѣжнѣйшей заботливости и любви. *Они* слѣдятъ за всѣми ея поступками: она не можетъ сдѣлать шага, который не былъ бы имъ извѣстенъ. Они скоро сжились и сдружились. Они понимаютъ другъ друга и часто бесѣдуютъ о политикѣ, которую ненавидитъ и презираетъ Мимочка. Что ей Кобургскій, что ей Баттенбергскій?! Ей двадцать шесть лѣтъ, ей бы теперь жить, смѣяться, радоваться, а не сидѣть на мѣстѣ, между сѣдой maman и лысымъ мужемъ, который сопитъ, и харкаетъ, и плюетъ и подливаетъ себѣ въ вино amer picon. Жизнь исчерпана. Иллюзій никакихъ. Мимочка знаетъ жизнь, знаетъ, что такое бракъ, что такое эта пресловутая любовь—une horreur! Мимочка скучаетъ, Мимочка худѣетъ и блѣднѣетъ...

Скорѣе, скорѣе надо принять энергическія мѣры. Мимочка должна посовѣтоваться съ докторомъ Варяжскимъ. Какъ докторъ скажетъ, такъ и будетъ. Скажетъ: ѣхать на Мадеру — поѣдутъ на Мадеру, скажетъ: ѣхать на Кавказъ, поѣдутъ на Кавказъ. Варяжскій сказалъ, что надо ѣхать въ Желѣзноводскъ, и что онъ самъ будетъ лѣчить Марью Ильинишну въ Желѣзноводскѣ. Мимочка впервые начинаетъ догадываться, чего ей хочется: ей хочется уѣхать куда нибудь одной. Она попьетъ желѣзныя воды и покупается въ ваннахъ мѣсяца два, побудетъ съ мѣсяцъ въ Кисловодскѣ, такъ сказать, для полировки—вотъ чего она желаетъ, ничего больше.

За обѣдомъ maman сообщаетъ Спиридону Ивановичу о результатахъ визита къ Варяжскому. Кавказъ внушаетъ Спиридону Ивановичу прекраснѣйшее настроеніе. На Кавказѣ протекли лучшіе годы его жизни, лучшіе годы его службы. Чудный край, чудныя воспоминанія! Шашлыкъ, кахетинское, нарзанъ и кавалькады въ лунныя ночи! Пускай Мимочка проѣдется, полѣчится. Одной ей, конечно, нельзя, но съ maman и съ Вавой, младшей дочерью тети Жюли, отчего не поѣхать?

Вокзалъ Николаевской желѣзной дороги. На платформѣ элегантная группа провожающихъ Мимочку. Мимочка сидитъ уже въ вагонѣ съ своей любимой собачкой. Вава, худенькая, черноглазая дѣвочка шестнадцати лѣтъ, стоитъ на платформѣ съ отцомъ. Maman суетливо и озабоченно перешептывается съ тетей Жюли, отдавая ей послѣднія инструкціи насчетъ бэби, няни и остающейся прислуги... Послѣдній звонокъ. Поѣздъ, не дрогнувъ, тихо трогается съ мѣста и выходитъ изъ-подъ темной арки.

Мимочка лежитъ на диванѣ и мечтаетъ. Шумъ, безпокойство, свистки дѣйствуютъ на нее хорошо: они убаюкиваютъ ее. Варяжскій будетъ на Кавказѣ. Онъ такой высокій, стройный. Они будутъ сосѣдями, будутъ встрѣчаться. Онъ такой-же генералъ, какъ и Спиридонъ Ивано-

вичъ. Образъ доктора выглядываетъ на Мимочку и изъ спинки бархатнаго дивана, и изъ дверей съ зеркаломъ, и съ потолка, въ которомъ мерцаетъ фонарикъ, задернутый лиловой занавѣской... Мимочка засыпаетъ безъ хлоралъ-гидрата, безъ валеріана.

Вава бодрствуетъ дольше всѣхъ. Она бы охотно стояла у открытаго окна, вдыхая ночной вѣтерокъ, глядя, какъ роща убѣгаетъ за рощей, какъ зажигаются огоньки въ полѣ, какъ загораются въ небѣ звѣзды, но она дала теткѣ честное слово слушаться. Ей скучно и душно, но она лежитъ смирно, чтобъ не будить maman и Мимочку.

На немногихъ страницахъ образы Мимочки и шестнадцатилѣтней дѣвочки Вавы набросаны съ необычайною граціозностью, нервнымъ, порывистымъ языкомъ, бьющимъ изъ богатаго родника остроумія и наблюдательности. Насмѣшливая улыбка видна почти въ каждой строчкѣ, комически задорная трель слышна въ каждомъ куплетѣ разсказа. «Мимочка на водахъ», по своей художественной тенденціи, произведеніе по преимуществу юмористическое. Эти отрывочныя фразы, сыплющіяся въ такомъ изобиліи, эти простыя, сжатыя характеристики съ такими лукавыми и неожиданными удареніями, эта насмѣшливо претенціозная откровенность и свобода замѣчаній отъ лица автора,—все выдаетъ настроеніе, освѣщенное молодой и игривой фантазіей, выдаетъ очень тонкую нервную организацію, чуткую ко всему, что дышетъ жизнью и правдой... Самое симпатичное—то, что въ «Мимочкѣ на водахъ» нѣтъ никакой натянутости, вымученности. Все повѣствованіе ведется въ непринужденномъ тонѣ. Авторъ не останавливается долго на отдѣльныхъ эпизодахъ. Анализъ, не будучи глубокимъ, блещетъ мѣткостью. Два-три слова, коротенькая, неоконченная фраза — готово настроеніе въ его главнѣйшихъ, типическихъ частяхъ. Двѣ-три страницы—готова цѣлая романическая комбинація, которая будетъ имѣть значеніе для всего разсказа.

Вотъ дальнѣйшее теченіе повѣствованія:

На третьи сутки дамы благополучно высадились въ Ростовѣ, гдѣ предстояла пересадка. Среди невзрачной, разнокалиберной толпы, обращая на себя всеобщее вниманіе, вошелъ въ залу буфета элегантно одѣтый господинъ, лѣтъ тридцати-пяти, съ огромнымъ чернымъ водолазомъ, съ чемоданомъ и плэдомъ, стянутымъ новенькими и красивыми ремнями. Мимочкѣ стало весело: съ этой минуты путешествіе стало ей представляться совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ... Время до отхода поѣзда пролетѣло незамѣтно... Опять поѣздъ летитъ по зеленой степи, пестрѣющей весенними цвѣтами. Мимочкѣ стоитъ высунуться изъ окна, чтобы увидѣть *его*. На станціяхъ онъ выходитъ и прогуливается предъ ихъ вагономъ, поглядывая на Мимочку. Вава скоро замѣтила его манеры и сказала Мимочкѣ: — Кажется, этотъ красавецъ для тебя здѣсь прохаа-

живается. Какіе у него глупые башмаки!.. — Однажды ночью онъ прошелъ мимо вагона Мимочки и такъ близко и выразительно заглянулъ ей въ глаза, что Мимочка испугалась и подняла окно.

Въ Желѣзноводскѣ Мимочка добросовѣстно пила воды, прилежно занималась своимъ туалетомъ и своею наружностью, и при встрѣчахъ съ *нимъ* смотрѣла такъ, какъ будто передъ нею былъ фонарный столбъ. Къ Варяжскому сердце Мимочки охладѣло: докторъ далъ одержать надъ собой побѣду своей сосѣдкѣ и паціенткѣ Черешневой... Мимочка между тѣмъ не скучала. Вечера становились все темнѣе, звѣзды ярче, грозы чаще. «У нея не было романа, о нѣтъ! Сердце ли въ ней билось черезчуръ спокойно, иль кругомъ все было страсти недостойно? Ни то, ни другое. Просто, она была слишкомъ хорошо воспитана для какого нибудь уклоненія съ пути долга». Вокругъ нея и на ея глазахъ пары встрѣчались, улыбались, флиртовали, но Мимочка была совершенно холодна и спокойна. Что ей эти просвирни? Что ей до букашекъ, кузнечиковъ, которые копошатся и ползаютъ въ травѣ подъ лучами солнца? Они живутъ какъ хотятъ, она живетъ, какъ должна жить. И гордая своею безупречностью, Мимочка, молоденькая, свѣженькая, хорошенькая, легко и граціозно похаживала по аллеямъ, не обращая ни малѣйшаго ни на кого вниманія.

Легко сказать: слишкомъ хорошо воспитана для какого нибудь уклоненія съ пути долга! Легко сказать, но не легко совладать со страстью, когда она закипаетъ со всею силою. Мимочка познакомилась съ Валеріаномъ Николаевичемъ (съ *нимъ*). Онъ говорилъ, что жизнь безъ любви скучна, какъ безводная пустыня, что женщина живетъ только любовью. Онъ говорилъ краснорѣчиво, съ убѣжденіемъ, какъ опытный артистъ, хорошо изучившій науку страсти нѣжной. Любовь двигаетъ міромъ. Любовь—это ароматъ, благоуханіе жизни. Любовь—вѣнецъ, куполъ въ зданіи человѣческаго счастья... Какъ хорошо сказалъ Мюссе!.. А Шиллеръ, а Боделэръ, а Фетъ, — извольте разобраться въ этомъ поэтическомъ хаосѣ!

Однажды онъ сказалъ ей, что пріѣдетъ въ Кисловодскъ на мѣсяцъ, а она обѣщала ему въ первый-же вечеръ поѣхать съ нимъ верхомъ. Поѣздка въ Кисловодскъ дѣйствительно состоялась и все вообще произошло такъ, какъ должно было произойти... Они поскакали къ «Замку коварства и любви». Османъ увелъ лошадей, а Валеріанъ Николаевичъ и Мимочка стали пробираться по камнямъ, вдоль журчащей горной рѣчки. Мимочкѣ казалось, что она на днѣ глубокаго колодца. Высоко надъ ея головой степь, небо, на которомъ, наконецъ, появилась желанная луна. Какой волшебный свѣтъ! Какая тишина! Какія фантастическія очертанія! Здѣсь-бы заснуть, умереть... Кисловодскъ сіялъ огнями, когда они вернулись изъ «Замка коварства и любви». Маmап ждала дочь, сидя у открытаго окна.

Съ этой поэтической поѣздки отношенія Мимочки и Валеріана Николаевича упростились. Она была счастлива. Онъ пересталъ хмуриться. когда Мимочка произносила имя своего мужа. Онъ, напротивъ, старался внушить ей, что она можетъ прожить съ мужемъ очень хорошую и полную жизнь. Когда пришло время вернуться Мимочкѣ въ Петербургъ, онъ былъ такъ любезенъ, что вызвался проводить ее до Эссентуковъ. Въ Эссентукахъ они простились.

Вотъ и весь романъ. Трудно передать достоинства разсказа, вся соль котораго въ языкѣ, разговорахъ, отдѣльныхъ сценахъ. Повѣсть безъ всякой публицистической тенденціи, «Мимочка на водахъ» плѣняетъ только своей эстетической обработкой, своимъ свободнымъ, игривымъ письмомъ. Мимочка цѣльная фигура, отчеканенная до мельчайшихъ подробностей. Вава превосходный художественный набросокъ, изъ котораго въ иной литературной рамкѣ могло-бы вырости нѣчто въ высшей степени типичное: предъ нами *головка* шестнадцатилѣтней дѣвушки, но головка эта сдѣлана почти виртуозно. Остальныя, аксессуарныя лица разсказа показаны въ очень живомъ освѣщеніи. Лѣтняя жизнь на Кавказѣ обрисована на немногихъ страницахъ выпукло и даже не безъ нѣкотораго юмористическаго шика... Однимъ словомъ, «Мимочка на водахъ» вещь съ несомнѣнными признаками художественнаго дарованія, которому надо пожелать развиться въ глубину. Какъ *опытъ*, какъ первый шагъ молодого и начинающаго писателя, разсказъ г. В. М. заслуживаетъ полнаго сочувствія, не смотря на свою поверхностность и отсутствіе серьезнаго и глубокаго художественнаго замысла. Но было-бы досадно, еслибъ авторъ не пожелалъ испытать своихъ литературныхъ силъ на болѣе серьезномъ сюжетѣ, на болѣе серьезной и трудной психологической задачѣ. Талантъ ростетъ и крѣпнетъ въ кругу высокихъ понятій и художественныхъ обобщеній. Широкое творчество немыслимо безъ одушевляющаго начала, безъ руководящей нравственной идеи. Подъ увеличительнымъ стекломъ философскаго понятія самая, казалось-бы, обыденная, пошлая жизнь выростаетъ въ очень сложную и запутанную трагедію чувствъ и мыслей. То, что уму, небогатому теоретическими представленіями, кажется простымъ, яснымъ, не требующимъ никакихъ объясненій, художнику съ широкимъ умственнымъ горизонтомъ можетъ показаться интереснымъ и замѣчательнымъ въ самой высокой степени. Большихъ талантовъ безъ большихъ задачъ не бываетъ, а большія задачи — удѣлъ людей съ пламенною душою и пламенною вѣрою въ человѣка, правду.

Этими немногими страницами мы заканчиваемъ на сей разъ *литературную* часть нашихъ замѣтокъ. Остальную часть фельетона мы вынуждены посвятить одной замѣткѣ, любопытной въ особенности потому, что она появилась въ журналѣ съ спеціально философскими задачами.

Читатель, не интересующійся частными научными вопросами, можетъ, конечно, на этомъ мѣстѣ остановиться. Нижеслѣдующія страницы предназначаются преимущественно для людей, слѣдящихъ за русской философской литературой и неравнодушныхъ къ тому, что у насъ говорится и пишется по разнымъ философскимъ случаямъ.

Въ мартовской книгѣ «Вопросовъ философіи и психологіи» появилась рецензія на переводъ «Переписки Спинозы», сдѣланный г-жею Гуревичъ подъ моей редакціей и снабженный моими примѣчаніями. Лишь въ началѣ замѣтки рецензентъ касается содержанія книги и отмѣчаетъ весьма поверхностными и диллетантскими похвалами достоинства перевода, сдѣланнаго съ латинскаго оригинала. Большую-же часть своей замѣтки рецензенту философскаго журнала угодно было посвятить моимъ скромнымъ примѣчаніямъ, съ тѣмъ, чтобы высказать по моему адресу нѣсколько упрековъ, на которые я намѣренъ возразить въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Примѣчанія мои, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ рецензіи, раздѣляются по характеру на три группы. Примѣчанія первой группы поясняютъ и дополняютъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и намеки, имѣющіяся въ «Перепискѣ» касательно самого Спинозы, или сообщаютъ тѣ или другія данныя относительно корреспондентовъ философа и лицъ, упоминаемыхъ въ книгѣ. Само собою разумѣется, что въ примѣчаніяхъ, касающихся корреспондентовъ Спинозы, я не заботился о полнотѣ біографическихъ свѣдѣній и ограничивался тѣми данными, которыя могли сколько нибудь обрисовать ихъ умственную и нравственную физіономію и точки соприкосновенія со Спинозою. Всѣ остальныя свѣдѣнія, какъ-бы они ни были существенны и интересны съ иныхъ точекъ зрѣнія, я считалъ-бы совершенно неумѣстнымъ приводить въ примѣчаніяхъ къ «Перепискѣ Спинозы». Весьма естественно, поэтому, что я долженъ признать неосновательными тѣ упреки, которые рецензентъ философскаго журнала дѣлаетъ мнѣ по поводу моихъ примѣчаній о Бойлѣ, Гюйгенсѣ и Лейбницѣ.

Разсмотримъ ихъ по порядку.

По поводу примѣчанія о Бойлѣ рецензентъ упрекаетъ меня въ томъ, что я назвалъ только три естественно-научныхъ сочиненія послѣдняго, не упоминая другихъ его работъ. Мнѣ, конечно, ничего не стоило обременить мое примѣчаніе болѣе длиннымъ спискомъ сочиненій знаменитаго Бойля, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя его работы, какъ, напр., *Chemista scepticus*, о которомъ говоритъ рецензентъ, не названныя въ примѣчаніи, обсуждаются въ текстѣ нашей книги (см. «Переписку», стр. 114, 120). Но, какъ я уже сказалъ выше, я считалъ-бы это совершенно излишнимъ, почему и ограничился только нѣсколькими заглавіями, показывающими характеръ естественно научной дѣятельности

Бойля. Далѣе рецензентъ дѣлаетъ мнѣ слѣдующій упрекъ. Въ письмѣ I Ольденбурга говорится: «въ настоящее время здѣсь печатаются нѣкоторые *физіологическіе* опыты, принадлежащіе перу одного знатнаго англичанина... Они трактуютъ о природѣ и упругости воздуха и т. д.». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту я обращаю вниманіе читателя на то, что рѣчь идетъ о *физическихъ*, или, вѣрнѣе, *физико-химическихъ* опытахъ Бойля, какъ ихъ называетъ въ письмѣ VIII и самъ Ольденбургъ. Это непретенціозное примѣчаніе подало поводъ рецензенту напомнить мнѣ о томъ, что прежде слово физіологія имѣла не тотъ смыслъ, какой оно имѣетъ теперь, а также замѣтить, что въ указанныхъ двухъ письмахъ Ольденбургъ говоритъ о двухъ различныхъ сочиненіяхъ Бойля: въ первомъ случаѣ о *Tentamina physiologica*, во второмъ о *Tentamen physico-chemicum*. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что рецензентъ «Вопросовъ философіи и психологіи» впалъ въ совершенно очевидную ошибку. Внимательно прочитавъ переписку Ольденбурга и Спинозы, онъ легко замѣтитъ, что рѣчь идетъ все время объ одномъ и томъ-же трактатѣ Бойля, именно объ его *New experiments touching the spring of the Air*, и что этотъ то трактатъ Ольденбургъ называетъ въ одномъ письмѣ, согласно старой терминологіи, *физіологическимъ*, а въ другомъ случаѣ *физико-химическимъ*.

Наконецъ, третій упрекъ рецензента по поводу моего примѣчанія о Бойлѣ относится къ типографской опечаткѣ: Бойль дѣйствительно не могъ умереть въ 1661 г. и благополучно дожилъ до 1691 г.: нѣсколькими строками ниже въ томъ-же примѣчаніи идетъ рѣчь о сочиненіи Бойля, относящемся къ 1666 году, а въ текстѣ «Переписки» о Бойлѣ говорится въ письмѣ Ольденбурга отъ 14 января 1676 года.

Слѣдующій упрекъ рецензента относится къ моему примѣчанію о Гюйгенсѣ. Въ этомъ примѣчаніи, сообщивъ цѣлый рядъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности этого современника Спинозы, я перевелъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Гюйгенса къ его брату. Надо замѣтить, что въ изданной нами «Перепискѣ» находится нѣсколько писемъ Спинозы къ Гюйгенсу относительно шлифовки стеколъ и нѣсколько извѣстій о томъ, что Гюйгенсъ самъ съ интересомъ предавался этому занятію, служившему жизненнымъ заработкомъ Спинозѣ. Письма Гюйгенса, адресованныя самому Спинозѣ, утрачены, и мы ничего не знали бы объ отношеніи Гюйгенса къ Спинозѣ въ какомъ бы то ни было смыслѣ, еслибъ не сохранились письма Гюйгенса къ его брату, въ которыхъ онъ не разъ говоритъ о «Ворбургскомъ евреѣ», какъ о замѣчательномъ мастерѣ въ дѣлѣ шлифовки стеколъ. Отрывки этихъ то писемъ мы и заимствовали изъ изданія сочиненій Спинозы Ванъ-Флотена и Ланда. Европейскіе ученые нашли нужнымъ приложить этотъ любопытный документъ къ перепискѣ Спинозы, хотя вообще они были чрезвычайно

скупы на всякаго рода примѣчанія и приложенія. Рецензентъ русскаго философскаго журнала, найдя переводъ указаннаго документа въ русскомъ изданіи, разражается негодованіемъ: «Отрывки эти приведены безъ всякаго основанія: если и можно что либо изъ нихъ вывести, такъ развѣ лишь то, что Гюйгенсъ былъ антисемитомъ». Употребить слово еврей, назвать еврея Спинозу евреемъ — значить показать себя антисемитомъ! Вотъ заключеніе, которое могло возникнуть только въ наши дни...

Далѣе рецензентъ «Вопросовъ философіи и психологіи» нападаетъ на мое примѣчаніе, касающееся Лейбница. Въ этомъ примѣчаніи я провожу параллель между Лейбницемъ и Спинозою, пользуясь весьма остроумными и выразительными словами Куно Фишера, и затѣмъ на основаніи писемъ Лейбница къ разнымъ лицамъ и другихъ документовъ выясняю отношеніе Лейбница къ Спинозѣ. Въ концѣ примѣчанія я напомнилъ читателю важнѣйшія труды Лейбница въ различныхъ областяхъ его многосторонней дѣятельности. По этому послѣднему поводу рецензентъ дѣлаетъ мнѣ два слѣдующихъ упрека: 1) я причисляю къ сочиненіямъ Лейбница произведенія, которыя являются только его *изданіями*, 2) я не упоминаю въ числѣ главнѣйшихъ сочиненій Лейбница произведенія не менѣе важныя, чѣмъ названная мною «Теодицея». Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ объ историческомъ сборникѣ *Scriptores rerum Brunsvicensium illustrationi inservientes* и юридическомъ сборникѣ *Codex juris gentium diplomaticus*. Рецензентъ полагаетъ, что эти произведенія, не могутъ быть причислены къ трудамъ Лейбница. Однако, еслибъ онъ взялъ въ руки и внимательно разсмотрѣлъ эти два огромныхъ фоліанта, всего вѣроятнѣе, что онъ отказался бы отъ своего поспѣшнаго заключенія и понялъ бы, почему въ лучшихъ энциклопедическихъ лексиконахъ (см. напр. Брокгауза) историческій сборникъ Лейбница упоминается на ряду съ другими его историческими сочиненіями, каковы, напр., *Annales imperii occidentis Brunsvicens.* И историческій, и юридическій сборникъ являются плодомъ самостоятельныхъ архивныхъ изысканій Лейбница, и тотъ, и другой представляютъ подборъ документовъ въ одно тенденціозное цѣлое, и тотъ, и другой снабжены очень большими и важными по значенію предисловіями и примѣчаніями философа. Словомъ—обѣ эти работы должны быть признаны наиболѣе крупными, цѣнными и характерными произведеніями Лейбница-историка и Лейбница-юриста.

Другой упрекъ той-же части моего примѣчанія относится, какъ сказано, къ неполнотѣ списка философскихъ сочиненій Лейбница. Само собою разумѣется, что такія сочиненія, какъ *Nouveaux essais sur l'entedenment humain*, *Monadologie*, *Principes de la nature et de la grâce* имѣютъ весьма важное философское значеніе и должны быть названы

въ болѣе или менѣе подробномъ спискѣ сочиненій Лейбница. Но я и на этотъ разъ не позаботился о полнотѣ моихъ указаній, ибо, какъ уже сказано выше, имѣлъ въ виду только напомнить названія разнородныхъ сочиненій Лейбница, наиболѣе характерныхъ для обрисовки его многосторонней ученой дѣятельности. При этомъ я отнюдь не выдавалъ свой списокъ за полный, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ моя фраза: «главнѣйшія сочиненія Лейбница... *и другія*». Точно также вѣдь поступаетъ и рецензентъ, говоря: «Неужели нельзя отнести къ главнѣйшимъ сочиненіямъ Лейбница его Новые опыты, Монадологію и *многія другія, нисколько не менѣе важныя*, чѣмъ, «Теодицея», — и однако никому не придетъ въ голову спрашивать, почему онъ не перечислилъ при этомъ «многихъ другихъ сочиненій Лейбница, не менѣе важныхъ», чѣмъ названныя.

Слѣдующее замѣчаніе рецензента относится, какъ это ни странно, къ простой опечаткѣ, и при томъ опечаткѣ весьма маловажной. На стр. 114 нашего изданія въ письмѣ Ольденбурга встрѣчается такая фраза: «(Бойль) подвергаетъ весьма суровой критикѣ такъ называемые гипостатическіе принципы Стагиритовъ». Вмѣсто Стагиритовъ должно стоять *Спагириковъ*. Это даетъ поводъ рецензенту задать по моему адресу слѣдующій невѣроятный вопросъ: «...Кто-же такіе Стагириты? *Вѣдь не Аристотель же это во множественномъ числѣ?*» Не будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, ибо полагаемъ, что въ болѣе серьезномъ настроеніи духа, ut virum cordatum et philosophum decet, рецензентъ самъ легко догадается, кого нужно разумѣть подъ названіемъ Стагиритовъ. Замѣтимъ только, что опечатка, вкравшаяся въ наше изданіе, хотя и была исправлена въ изданіи Ванъ-Флотена 1883 года, повторяется во всѣхъ прежнихъ латинскихъ изданіяхъ сочиненій Спинозы. (См. изданія Paulus'a, Bruder'a, Гинсберга). Насколько эта опечатка ничтожна по смыслу, видно уже изъ того, что она была допущена и въ двухъ извѣстныхъ нѣмецкихъ переводахъ, при чемъ Ауэрбахъ переводитъ выраженіе Stagiricorum principia словами «Principien der *Aristoteliker*» (Аристотель во множественномъ числѣ!), а Кирхманъ, въ своемъ переводѣ, къ слову Stagiriten дѣлаетъ примѣчаніе, объясняющее, почему Бойлю приходится говорить о принципахъ Аристотелевской школы — о тѣхъ принципахъ, которые, какъ замѣчаетъ самъ рецензентъ, отчасти легли въ основаніе ученія Спагириковъ.

Вторую группу моихъ примѣчаній составляютъ ссылки на тѣ мѣста въ сочиненіяхъ Спинозы, которыя соприкасаются по смыслу съ различными мѣстами «Переписки» и служатъ ихъ дополненіемъ и разъясненіемъ, или варіаціей по изложенію. Ссылки эти предназначаются для тѣхъ читателей, которые пожелаютъ воспользоваться «Перепиской» при изученіи всей философской системы Спинозы, ибо надо замѣтить—въ про-

тивность мнѣнію философскаго журнала, — что «Переписка» представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія философскихъ воззрѣній Спинозы и, *въ связи съ другими его сочиненіями*, помогаетъ разобраться въ нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ одной изъ самыхъ оригинальныхъ системъ. Вотъ эту-то связь между «Перепиской» и другими сочиненіями Спинозы я и стараюсь установить тщательнымъ подборомъ параллельныхъ мѣстъ. Такую же параллель проводитъ и профессоръ Сессе въ своемъ французскомъ переводѣ Спинозы, но при этомъ онъ ссылается только на *Этику*, я же нѣсколько расширилъ эту задачу и въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ подбиралъ ссылки на всѣ другія сочиненія Спинозы. Читателю, желающему припомнить философскія воззрѣнія Спинозы по какому нибудь значительному вопросу, стоитъ только заглянуть въ приложенный къ книгѣ указатель, чтобы найти всѣ нужныя ему данныя въ самой «Перепискѣ» вмѣстѣ съ ссылками на соотвѣтственныя мѣста въ другихъ сочиненіяхъ философа. Мнѣ казалось, что отрицательное отношеніе къ этой группѣ моихъ примѣчаній возможно только при одномъ условіи: если будетъ доказано, что ссылки сдѣланы невѣрно, неаккуратно. Но изъ огромнаго числа примѣчаній этого рода рецензентъ не могъ указать ни одного, не выдерживающаго критики съ этой точки зрѣнія, что̀ не помѣшало ему, однако, сдѣлать весьма неосторожное, необдуманное заявленіе, что «ссылки сдѣланы, *кажется* (!), безъ всякаго руководящаго начала». Кромѣ того рецензентъ дѣлаетъ мнѣ слѣдующій странный упрекъ: онъ находитъ, что ссылки на сочиненія Спинозы, не переведенныя на русскій языкъ, совершенно безполезны для читателей, незнакомыхъ съ латинскимъ языкомъ. Я позволю себѣ напомнить, что сочиненія Спинозы имѣются не только на латинскомъ, но и на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, и что люди, занимающіеся философіей Спинозы болѣе или менѣе серьезно и спеціально (а для нихъ то и предназначены мои ссылки), но не знающіе латинскаго языка, не лишены однако доступа къ сочиненіямъ, не переведеннымъ еще на русскій языкъ. Кромѣ того, форма большинства сочиненій Спинозы, какъ извѣстно всякому, имѣвшему ихъ въ своихъ рукахъ, допускаетъ ссылки и безъ точнаго обозначенія страницъ при условіи точнаго указанія номера опредѣленій, положеній, главъ.

Къ той же второй группѣ моихъ примѣчаній рецензентъ относитъ еще два упрека, не выдерживающихъ рѣшительно никакой критики и тѣмъ не менѣе высказанныхъ весьма докторальнымъ тономъ, «Г. Волынскій довольно часто ссылается въ видѣ поясненія на Cogitata Metaphysica Спинозы наравнѣ съ другими его сочиненіями, а въ примѣчаніи 69 говоритъ, что Cogitata Metaphysica есть разборъ всей философіи Декарта. Г. Волынскому, очевидно, неизвѣстна классическая работа Фрейденталя «*Spinosa und die Scholastik*», вышедшая еще въ 1887 г.»... Въ этомъ замѣчаніи есть два лю-

бопытныхъ пункта: во-первыхъ, я будто бы сказалъ, что *Cogitata Metaphysica есть разборъ всей философіи Декарта*, во-вторыхъ, я ссылаюсь, какъ на выраженіе воззрѣній Спинозы на то, что по словамъ Фрейденталя, будто бы, не можетъ служить выраженіемъ ихъ. Первая половина упрека прямо недобросовѣстна: въ примѣчаніи 69 изложеніемъ и разборомъ всей философіи Декарта названы *два* сочиненія въ совокупности—Principia philosophiae Cartesianae и Cogitata Metaphysica, изъ которыхъ послѣднее есть, какъ извѣстно, только Appendix къ первому. Рецензентъ позволяетъ себѣ такую «выдержку» изъ моей фразы, которая грубо искажаетъ ея смыслъ. Вторая половина упрека показываетъ только, что рецензентъ давно не перечитывалъ статьи Фрейденталя, на мнѣніе котораго онъ желаетъ опереться, не дѣлая при этомъ никакихъ опредѣленныхъ ссылокъ на страницы. Рецензентъ утверждаетъ, что *Cogitata Metaphysica* не можетъ служить выраженіемъ взглядовъ Спинозы. Правда, Фрейденталь возражаетъ противъ довольно распространеннаго мнѣнія, что Cogitata есть критика взглядовъ Декарта, однако онъ самъ указываетъ на то, что въ отдѣльныхъ мѣстахъ этого произведенія выступаетъ точка зрѣнія самого Спинозы [1]). Мало того—Фрейденталь совершенно справедливо утверждаетъ, что самостоятельные взгляды Спинозы выступаютъ даже въ *Principia philosophiae Cartesianae*. Мнѣніе свое онъ подтверждаетъ точными ссылками на различныя положенія обѣихъ указанныхъ работъ. Если рецензентъ хотѣлъ подвергнуть критикѣ мои ссылки на *Cogitata* съ точки зрѣнія неосторожности, то онъ долженъ былъ представить примѣръ такихъ неосторожныхъ примѣчаній, а никакъ ужъ не ссылаться по памяти на Фрейденталя, мнѣніе котораго, при болѣе точномъ обслѣдованіи, можетъ обратиться противъ него самого.

Далѣе рецензенту вздумалось приписать мнѣ ложное мнѣніе, будто въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка *Этика* имѣла уже вполнѣ законченную форму. Для подтвержденія своей догадки на этотъ счетъ онъ ссылается на примѣчаніе 127 къ письму XLII. Въ письмѣ этомъ Спиноза пишетъ своему другу Брессеру слѣдующее: «что касается третьей части нашей философіи, то я пошлю её или вамъ, если вы хотите взяться за переводъ, или другу де-Врису. Я рѣшилъ было не посылать её, пока не кончу всего, но такъ какъ она выходитъ длиннѣе, чѣмъ я разсчитывалъ, то не хочу васъ долѣе задерживать и посылаю вамъ пока 80 положеній».

Въ нѣмецкой философской литературѣ возникъ вопросъ, о какомъ изъ своихъ произведеній говоритъ здѣсь Спиноза. Мнѣнія раздѣлились. Зиг-

---

[1]) Philosophische Aufsätze. Eduard Zeller zu seinem funfzigjährigen Doctor-Jubiläum gewidmet, Freudenthall: Spinoza und die Scholastik, стр. 102.

вартъ [1]), Тренделленбургъ [2]), Бальцеръ [3]) полагаютъ, что подъ «нашей философіей» можно разумѣть только *Этику*. Но такъ какъ въ третьей части *Этики* имѣется всего 59 положеній, Спиноза-же говоритъ о 80, то для подтвержденія своего мнѣнія названные авторы прибѣгаютъ къ *гипотезѣ*, что третья и четвертая часть *Этики* составляли сначала одну часть, которая и заключала въ себѣ поэтому болѣе 80 положеній. Совершенно иной взглядъ на это дѣло принадлежитъ Кирхману. Кирхманъ весьма категорически заявляетъ, что подъ третьей частью «нашей философіи» *невозможно* подразумѣвать *Этику* и что слова Спинозы могутъ быть всего вѣрнѣе отнесены къ «Принципамъ Декартовой философіи» [4]), двѣ первыя части которыхъ вышли въ печати въ 1663 г., т. е. всего за два года до означеннаго письма Спинозы. Принимая во вниманіе, что *третья часть Principiorum philosophiae Cartesianae* была обработана Спинозою и въ отрывкѣ имѣется въ печати вмѣстѣ съ двумя первыми частями, что и Ванъ-Флотенъ, повидимому, допускаетъ возможность продолженія этой третьей части (въ концѣ напечатаннаго отрывка ея стоятъ слова: *reliqua desiderantur*), а также принимая въ соображеніе, что изданіе и переводъ «Принциповъ» сдѣланы были тѣмъ кружкомъ учениковъ Спинозы, къ которому принадлежалъ Брессеръ, и, наконецъ, что самъ Брессеръ посвятилъ извѣстные стихи этой именно работѣ философа, принимая все это въ соображеніе, мы склонились къ мнѣнію Кирхмана и въ этомъ смыслѣ сдѣлали свое примѣчаніе. Рецензентъ философскаго журнала знакомъ съ даннымъ вопросомъ, надо полагать, только съ точки зрѣнія писателей первой категоріи: онъ даже не подозрѣваетъ, что взглядъ, выражаемый нами, имѣетъ за себя кой какіе доводы и можетъ, поэтому, состязаться со взглядами, извѣстными ему. Предположеніе о существованіи продолженія третьей части «Принциповъ Декартовой философіи» представляется рецензенту «ненужными, *ни на чемъ не основанными* догадками», которыя онъ приписываетъ одному мнѣ. Я не считаю даннаго мнѣнія Кирхмана совершенно установленною и неоспоримою научною истиною. Быть можетъ, дальнѣйшія изслѣдованія выдвинутъ какіе нибудь аргументы противъ этого мнѣнія и подтвердятъ мнѣніе Зигварта и другихъ. Но несомнѣнно, однако, что рецензентъ философскаго журнала поступилъ нѣсколько легкомысленно, приписавъ мнѣ мнѣніе относительно законченности *Этики* въ шестидесятыхъ годахъ, котораго я нигдѣ не выражалъ и не могъ

---

[1]) Sigwart, Spinoza's neuentdeckter Tractat von Gott, dem Menschen und dessen Glückseligkeit. 1866, стр. 146.

[2]) Trendellenburg, Historische Beiträge zur Philosophie, 1867, т. III, стр. 295—296.

[3]) Baltzer, Spinoza's Entwickleungsgang besonders nach seinen Briefen, 1888, стр. 106.

[4]) Kirchmann, Erläuterungen zu Benedict von Spinoza's Briefwechsel, 1872—1882, стр. 86.

выразить, и заключивъ о моемъ незнакомствѣ съ литературой вопроса на основаніи примѣчанія, изъ котораго можно было заключить только о томъ, что я имѣю мнѣніе, не совпадающее съ мнѣніемъ писателей, извѣстныхъ ему. Къ тому-же вотъ что характерно и замѣчательно. Писателей, извѣстныхъ ему, рецензентъ цитируетъ самымъ неопредѣленнымъ образомъ, не дѣлая точныхъ ссылокъ на томы и страницы и, быть можетъ, даже не освѣживъ въ памяти рекомендуемыхъ имъ взглядовъ, при чемъ онъ *гипотезу* о первоначальномъ сліяніи третьей и четвертой частей «Этики» пересказываетъ какъ какой-то твердо установленный, совершенно неоспоримый научный фактъ, а относительно существующей въ литературѣ гипотезы противоположнаго смысла проявляетъ полное и непростительное невѣдѣніе.

Наконецъ, послѣдній упрекъ рецензента относится къ третьей группѣ моихъ примѣчаній, подчеркивающихъ тѣ мѣста «Переписки», которыя способствуютъ разъясненію нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ философіи Спинозы. Впрочемъ, рецензентъ разсматриваетъ только одно мое примѣчаніе этого рода, хорошо характеризующее мою «манеру отношенія къ своему дѣлу». Примѣчаніе это относится къ одному изъ тѣхъ писемъ Спинозы, которыя даютъ дополнительный матеріалъ для выясненія вопроса о значеніи аттрибутовъ. Дѣло въ томъ, что опредѣленіе аттрибута въ *Этикѣ* (*Ethica*, pars prima, definitio IV) слишкомъ сжато и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ относительно этого важнѣйшаго понятія въ метафизикѣ Спинозы. «Переписка» представляетъ два другихъ опредѣленія аттрибута, проливающихъ яркій свѣтъ на отношеніе къ этому вопросу самого Спинозы. Къ одному изъ этихъ то опредѣленій, имѣющихся въ «Перепискѣ», я и сдѣлалъ примѣчаніе, не совпадающее опять-таки по смыслу съ тѣмъ, что извѣстно на этотъ счетъ рецензенту и подавшее ему поводъ къ лишней неосторожной и неудачной вылазкѣ противъ меня. Вотъ существенная часть моего примѣчанія: «въ *Этикѣ* опредѣленіе аттрибута заключаетъ въ себѣ ясно выраженную черту субъективизма, здѣсь оно совершенно совпадаетъ съ опредѣленіемъ субстанціи. Послѣднее очень важно. По духу философіи Спинозы аттрибуты и субстанція *одно и тоже*. Число аттрибутовъ—только *продуктъ нашего субъективнаго разума*». По этому поводу рецензентъ замѣчаетъ: «Мнѣніе г. Волынскаго объ аттрибутахъ, выраженное въ весьма догматической формѣ, довольно шатко... Ученіе объ аттрибутахъ — одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ въ философіи Спинозы; не мудрено, что оно вызвало большіе споры среди историковъ философіи; напомнимъ хотя бы Эрдмана, Тренделленбурга и Куно-Фишера. Если что-нибудь выяснилось несомнѣнно изъ этого спора, такъ именно то, что аттрибуты субстанціи никакъ нельзя считать за произведенія нашего субъективнаго разума, ибо это прямо противорѣчило-бы и

буквѣ, и духу ученія Спинозы». Всякій, читавшій Куно-Фишера и даже Ибервега, прекрасно знаетъ, что вопросъ объ аттрибутахъ возбуждаетъ споръ среди историковъ философіи, и что нѣкоторые изъ нихъ не рѣшаются признать понятіе о множествѣ аттрибутовъ за продуктъ человѣческаго разума на томъ основаніи, что это значило-бы слишкомъ приближать Спинозу къ критической точкѣ зрѣнія новѣйшей философіи. Но къ какому бы мнѣнію ни склонялись нѣкоторые авторитетные философы, они всегда подходили къ настоящему вопросу съ осторожностью, ибо отлично понимали, что самъ Спиноза даетъ основаніе толковать понятіе аттрибута въ смыслѣ, указанномъ мною и что этотъ послѣдній смыслъ *никоимъ образомъ не противорѣчитъ буквѣ ученія*. Та безъапеляціонность, съ которою рецензентъ заявляетъ, что мое мнѣніе противорѣчитъ не только духу, но и буквѣ Спинозы, невольно заставляетъ меня заподозрить, что онъ даже не дочиталъ до конца «Переписки Спинозы». Я предлагаю рецензенту открыть нашу книгу на стр. 173. Здѣсь Спиноза даетъ слѣдующія опредѣленія субстанціи и аттрибуту. «Подъ субстанціей я разумѣю то, что существуетъ въ себѣ и представляется само по себѣ, т. е. то, представленіе чего не заключаетъ въ себѣ представленія другой вещи. *Подъ аттрибутомъ я разумѣю то-же самое, съ тѣмъ однако различіемъ, что объ аттрибутѣ мы говоримъ съ точки зрѣнія нашего разума*, который *приписываетъ* субстанціи такую именно опредѣленную природу. Per substantiam intelligo id, quod in se est et per se concipitur, hoc est cujus conceptus non involvit conceptum alterius rei. *Idem per attributum intelligo*, nisi attributum dicatur *respectu intellectus*, substantiae certam talem naturam *tribuentis*». Этого важнаго мѣста совершенно достаточно, чтобы показать, что противникамъ мнѣнія, выраженнаго мною,—изъ какихъ бы точекъ зрѣнія они ни исходили — приходится, во всякомъ случаѣ, считаться съ весьма отчетливо выраженнымъ положеніемъ самого Спинозы. Дѣйствительно, если-бы рецензентъ пересмотрѣлъ авторовъ, которыхъ онъ называетъ, и которые, по его мнѣнію, окончательно разъяснили этотъ вопросъ въ смыслѣ, указанномъ имъ, то онъ, конечно, понялъ бы, что вопросъ этотъ по меньшей мѣрѣ нельзя считать рѣшеннымъ. Многіе новѣйшіе изслѣдователи рѣшаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сближать точку зрѣнія Спинозы съ точкой зрѣнія Кантовской «Kritik der reinen Vernunft». Рецензентъ можетъ убѣдиться въ этомъ, заглянувъ въ ту самую «весьма хорошую книгу, вышедшую въ сравнительно новѣйшее время», которую онъ рекомендуетъ моему вниманію по другому поводу. На стр. 86 названной уже нами книги Бальцера онъ увидитъ, что самъ Бальцеръ считаетъ нѣкоторые взгляды Спинозы за, какъ онъ остроумно выражается, auf den Kopf gestellte Kantishe Kritik der reinen Vernunft.

Нѣмецкій авторъ утверждаетъ, что Спиноза и Кантъ, несмотря на противоположность методовъ, пришли къ однимъ и тѣмъ же результатамъ (...Beide grossen Männer (wären) bei umgekehrter Methode zu denselben Resultaten in fast derselben Fassung gelangt). Наконецъ, пусть рецензентъ прочтетъ главу объ аттрибутѣ Эрдмана, котораго онъ причисляетъ къ историкамъ философіи, выяснившимъ споръ объ аттрибутѣ въ угодномъ ему смыслѣ: [1]) онъ увидитъ, что Эрдманъ выражаетъ какъ нельзя болѣе положительно то самое мнѣніе, которое высказано мною, и ссылается на тѣ самые пункты «Переписки», къ которымъ относятся мои примѣчанія. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что догматическая философія Спинозы дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣкоторый просвѣтъ въ направленіи критической философіи: въ моихъ краткихъ примѣчаніяхъ я стоялъ на этой, именно, точкѣ зрѣнія, подчеркивая тѣ весьма цѣнныя строки «Переписки», которыя служатъ несокрушимой опорой моему мнѣнію. При этомъ я не вступалъ въ полемику съ представителями иного мнѣнія и не высказывалъ всѣхъ тѣхъ соображеній, которыми могъ бы обосновать свой взглядъ. Краткія и сжатыя примѣчанія кажутся мнѣ совсѣмъ неподходящей почвой для полемики, хотя бы и строго научной. Точно также и теперь, отвѣчая на бездоказательные и потому совсѣмъ не импонирующіе упреки философскаго журнала, я весьма далекъ отъ намѣренія подробнѣе развивать мою точку зрѣнія. Я хотѣлъ только напомнить, что, разбирая философскую книгу, нужно быть болѣе осторожнымъ и болѣе добросовѣстнымъ, не ссылаться на мнѣнія, смыслъ которыхъ нѣсколько стерся въ памяти, и не заключать, что человѣкъ не знаетъ литературы предмета, на томъ основаніи, что онъ не сыплетъ безъ нужды именами. Рецензентъ полагаетъ, что мое примѣчаніе по поводу значенія аттрибута хорошо характеризуетъ мою манеру отношенія къ

---

[1]) Erdmann, Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie, ersten Bandes zweite Abtheilung 1836. *Die Attributen kommen von Aussen zur Substanz.* Shon dass Wort deutet darauf hin, nicht was der Substanz eigen ist (proprium, proprietas), sondern quod ei attribuitur. (*sc. ab alio*)... Die Attribute sind also Bestimmungen, welche ein *äusserer Verstand* an die Substanz bringt, die an sich ganz bestimmungslos ist... Deswegen kann auch Spinoza, wo er von der Substanz gesprochen hat, hinzufügen, dass das Attribut ganz dasselbe sei, wie die Substanz, nur dass es Attribut genannt wird im Verhältniss zu einem Verstande, welcher der Substanz eine bestimmte Natur zuschreibt, стр. 60... Dies äusserliche Verhältniss der Substanz zu den Attributen zeigt sich auch, wenn man zusieht, *wie viele und welche* Attribute der Substanz Spinoza annimmt. Wären die Attribute etwas der Substanz selbst Inhärirendes und ihr Nothwendiges, so *müsste von einer bestimmten Zahl von Attributen die Rede sein.* Aber eine solche Nothwendigkeit, dass heiszt Bestimmtheit, ist nicht in ihr, *also ist sie ganz indifferent gegen die Zahl der Attribute*, die an sie gebracht werden... Стр. 61.

своему дѣлу. Быть можетъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ и правъ: я полагаю, что при изученіи какого-нибудь философа надо все свое вниманіе сосредоточить на оригинальномъ текстѣ всѣхъ его сочиненій, литературой же пользовтться только какъ полезнымъ и облегчающимъ пособіемъ. Всякое иное отношеніе къ своей задачѣ можетъ привести только къ тому, что ясная и стройная философская система (какъ напр. система Спинозы) покажется противорѣчивою и туманною. Вѣроятно, въ этомъ-то пунктѣ и скрывается причина нашего взаимнаго непониманія съ рецензентомъ философскаго журнала: онъ не понимаетъ нѣкоторыхъ моихъ примѣчаній, а я рѣшительно не могу понять, какимъ образомъ можно прійдти къ заключенію, что «Переписка» не имѣетъ философскаго значенія, и что Спиноза, вообще говоря, «мыслитель далеко неясный»...

Намъ не о чемъ больше толковать съ рецензентомъ философскаго журнала. Весьма неблагодарная вещь разсуждать о ничтожнѣйшихъ мелочахъ и подробностяхъ, интересныхъ только для самого узкаго круга спеціалистовъ. Неблагодарная, но не трудная вещь. Трудно и безплодно доказывать предубѣжденному человѣку величіе и интересъ извѣстной философской системы... Однако, метафизическая постройка Спинозы одно изъ величайшихъ созданій человѣческаго генія. Спиноза, говоря словами Шлейермахера, былъ весь проникнутъ міровымъ духомъ. Безконечное было началомъ и концомъ его, міръ его единственною и вѣчною любовью. Преисполненный возвышеннѣйшихъ чувствъ, Спиноза стоитъ высоко надъ толпою, уединенный и неприступный, безъ приверженцевъ и даже безъ правъ гражданства. Такія произведенія, какъ «*Этика*», «*Теологико-политическій трактатъ*», «*Переписка*», нѣкоторыя страницы въ «*Cogitata metaphysica*» и др. навсегда останутся въ исторіи, какъ яркіе образцы философскаго дарованія самого высокаго порядка. Мы не раздѣляемъ рутиннаго взгляда, выработаннаго молвою, что Спиноза былъ человѣкомъ одного только холоднаго разсудка. Сочиненія Спинозы блещутъ вдохновеніемъ, фантазіей, великой міровою любовью и энергіей ратоборца. Въ манерѣ Спинозы выражаться, въ его сжатыхъ и мѣткихъ латинскихъ фразахъ, въ его аристократически-тонкомъ остроуміи видѣнъ темпераментъ, видна сила, способная на подвигъ, на сердечный восторгъ и увлеченіе. *Такое* мнѣніе о Спинозѣ отвѣчаетъ и характеру его жизни, и характеру его философіи. «Разсматривая произведенія Спинозы со всѣмъ спокойнымъ безпристрастіемъ, говоритъ Льюисъ, мы не можемъ не признать, что они составляютъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ въ исторіи человѣчества: они представляютъ намъ величественную борьбу съ тайнами бытія. Эта борьба не увѣнчалась побѣдой, потому что тутъ побѣда и не была возможна, но тѣмъ не менѣе она справедливо возбуждаетъ въ насъ вы-

сокое къ себѣ удивленіе и не позволяетъ отказать великому бойцу въ самомъ пламенномъ къ нему сочувствіи. Спиноза предстоитъ предъ нами среди мрака прошлыхъ временъ, какъ высокій маякъ, который предостерегаетъ путешественниковъ отъ тѣхъ шкваловъ и скалъ, о которыя разбились сотни ихъ братій».

Слова Льюиса не заключаютъ въ себѣ никакого преувеличенія. Въ философіи Спинозы нѣтъ ни одной фальшивой черточки. Величавая мудрость прикрыла своимъ сіяніемъ все, что выходило изъ подъ пера знаменитаго отшельника. Величавая простота оттѣнила всѣ проявленія этого характера, одновременно и героическаго и кроткаго, всегда возвышеннаго и правдиваго до мельчайшихъ подробностей...

А. Волынскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И ВЪ РЕДАКЦІИ «СѢВЕРНАГО ВѢСТНИКА»

НОВАЯ КНИГА:

ПЕРЕПИСКА СПИНОЗЫ

Переводъ съ латинскаго **Л. Я. Гуревичъ.**

Подъ редакціей и съ примѣчаніями **А. Л. Волынскаго.**

Съ приложеніемъ **Жизнеописанія Спинозы**, І. Колеруса. (Переводъ съ французскаго).

Роскошное изданіе (Съ портретомъ и факсимиле Спинозы) на веленевой бумагѣ въ 500 экз. Цѣна 6 рублей.

Вышла февральская книжка журнала

АРТИСТЪ.

Содержаніе: Д. Фернандо, стойкій принцъ; тр. **Кальдерона.** Актъ 3.;—Высокое призваніе, разск. **М. П. Садовскаго.**—А. С. Яковлевъ, ст. **Е. С. Некрасовой.**—Она любила, разск. **И. Я. Гурлянда.** — М. К. Заньковецкая. — Литературный театръ, ст. **Беллетриста.** — Веревка, разск. **Кларти.** — Мимика и физіономика **Пидерита.** — Лицедѣи, очерки **П. М. Свободина.** — Наша первая поѣздка за границу **В. С. Сѣровой.**—Парижскіе очерки **Галеви.** — Красавица, романсъ **А. К. Глазунова.**—Серенада для ф. п. **А. А. Ильинскаго.** — Соврем. Обозр., ст. **И. И. Иванова, С. Н. Кругликова** и др. — Бенжаменъ Констанъ.— Режис. отд. — Ранняя осень, др. **Е. П. Карпова.** — Съ бою, ком. **П. Д. Боборыкина.** — Не всякому, сц. **Е. Гославскаго.** — **Приложенія:** (4 фототипіи). Бесѣда, рис. **В. Е. Маковскаго** и портреты *М. К. Заньковецкой*, *Б. Б. Корсова* и *П. А. Хохлова.*

Подписная цѣна за годъ (7 кн.) 9 р., съ перес. 10 р. Допускается разсрочка по 2 р. въ мѣсяцъ. Отд. №№ по 2 р.

Подписка принимается въ редакціи (Москва, Кудрино, Садовая, домъ Бартельсъ), у Печковской, «Нов. Вр.», Вольфа и др.

ВЫШЛА МАРТОВСКАЯ КНИЖКА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

1) Правительственныя распоряженія. 2) Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи. Народныя училища въ Австро-Венгріи, Франціи и Англіи въ XIX столѣтіи. (Продолженіе). **Н. Х. Весселя.** 3) Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній. (Пребываніе въ пансіонѣ М. П. Погодина). (Окончаніе). **А. А. Фета.** 4) Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній. (Окончаніе). **М. И. Демкова.** 5) Развитіе нравственнаго чувства у дѣтей. (Le développement du sens moral chez les enfants par M. Gabriel Compayré). **В. Г.** 6) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ. **М. И. Крыгина.** 7) Нужды коммерческаго образованія въ Россіи. — **ина.** 8) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. (Продолженіе). **С. И. Шохоръ-Троцкаго.** 9) Лига народнаго образованія во Франціи. **Л. Д.** 10) Народное образованіе въ Московской губерніи. (Окончаніе). **И. П Бѣлоконскаго.** 11) **Критика и библіографія.** 1) Die Erziehung der deutschen Jugend. Von Paul Guessfeldt. Dritte Auflage. Berlin. 1890 г. **П. С.** 2) О вліяніи школы на здоровье ея воспитанниковъ. (Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1891 года проф. Н. А. Тольскимъ). **Н. Б.** 3) Русская хрестоматія въ городскихъ училищахъ (П. Барышниковъ. Русская хрестоматія. Ч. I. Курсъ перваго отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1890 г. Ч. II. Курсъ 2-го отд. город. училищъ. М. 1890 г. Ч. III и IV. Курсъ 3-го и 4-го отд. город. уч. М. 1891 г. Ч. V и VI. Курсъ 5-го и 6-го отд. город. уч. М. 1891 г). **А. П. Налимова.** 12) **Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ иностранныхъ и русскихъ:** 1) Paedagogium. Monatsschrift für Erziehung und Unterricht. Herausgegeben von Dr. Fr. Dittes. XII Jahrgang. **К. Н. Модзалевскаго;** 2) Педагогическій сборникъ 1890 г. (май-декабрь). **Е. М. Гаршина.** 13) **Педагогическая хроника:** a) Хроника школьной жизни въ Германіи за ноябрь—декабрь 1890 г. (Окончаніе). **С. Н. Николаева;** b) Американская «Ассоціація Агассиса». **В. А. Лесевича;** c) Хроника народнаго образованія. **Я. В. Абрамова;** d) Статистика грамотности въ Россіи. **П. С.;** e) Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности. Засѣданія 12-го и 15-го февраля 1891 г. **А. К.** 14) Листокъ объявленій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ текущемъ 1891 году «Русская Школа» будетъ издаваться по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ, что и въ истекшемъ 1890 г., при чемъ, вмѣсто десяти разъ въ годъ журналъ будетъ выходить ЕЖЕМѢ-

сячно книжками не менѣе 8 печатныхъ листовъ каждая, но безъ приложенія. Подписная цѣна остается та-же, а именно въ Петербургѣ безъ доставки — ШЕСТЬ рублей въ годъ, съ доставкою ШЕСТЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногороднихъ съ пересылкою СЕМЬ рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и «Новаго Времени».

Подписка на 1890 г., за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, прекращена.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ЖУРНАЛЪ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА

ОХРАНЕНІЯ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ

1891 годъ. — I годъ.

Выходитъ ежемѣсячно,—въ размѣрѣ отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ.

Научные доклады, сообщенія и протоколы засѣданій всѣхъ секцій Общества:

1) Біологической секціи, 2) — статистической, эпидеміологіи и медицинской географіи; 3) — общественной и частной гигіены, 4) — гигіены школьнаго дѣтскаго возраста; 5) — бальнеологіи и климатологіи.

Содержаніе вышедшаго № 1 (январь) «Журнала Русскаго Общества охраненія народнаго здравія»: Отъ редакціи.—Проф. **Н. Ѳ. Здекауеръ**— О причинахъ возобновленія оспенныхъ эпидемій, не смотря на вакцинацію, и о мѣрахъ къ огражденію отъ нихъ—Проф. **Д. П. Коноваловъ**— Къ вопросу объ изслѣдованіи винъ.—Проф. **Ю. Э. Янсонъ** — Новыя данныя о распрелѣленіи половъ въ различныхъ странахъ земнаго шара.— Пр.-доцентъ **Ѳ. И. Пастернацкій**—Къ вопросу о дальнѣйшей судьбѣ спирохэтъ въ крови возвратно тифозныхъ.—Пр.-доцентъ **С. А. Поповъ**— Къ этіологіи заразныхъ заболѣваній, въ сезонъ 1890 г., на кавказскихъ минеральныхъ водахъ.—Пр.-доцентъ **С. А. Поповъ** — Замѣтка о кантаридиново-кисломъ кали.

Журналы засѣданій Русскаго Общества охраненія народнаго здравія: 5 января 1890 года и 13 апрѣля 1890 года.

Библіографія: «Біографія профессора А. П. Доброславина».

Положеніе о Всероссійской Гигіенической выставкѣ, устраиваемой съ Высочайшаго соизволенія Русскимъ Обществомъ охраненія народнаго здравія.

Приложенія:—Уставъ Русскаго Общества охраненія народнаго здра-

вія.—Инструкція Ялтинскому Отдѣлу Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.—Инструкція климатотерапевтической секціи Ялтинскаго Отдѣла.—Списокъ членовъ Ялтинскаго Отдѣла Общества.

Редакторъ «Журнала» пр.-доцентъ **А. Липскій.**

Подписка принимается въ редакціи «Журнала» — С.-Петербургъ, Лиговка, д. № 26.

Подписная цѣна въ годъ 3 р.; съ пересылкою и доставкою 3 р. 50 к.

NB. Желающіе получать «Журналъ» могутъ извѣщать о томъ редакцію простымъ письмомъ, съ точнымъ обозначеніемъ своего адреса, и «Журналъ» будетъ имъ высланъ наложеннымъ платежемъ. — Деньги до рубля могутъ высылаться почтовыми марками.

нымъ художникамъ и, вообще, закружилась въ вихрѣ удовольствій; она принимала всякое приглашеніе, боясь спокойнаго вечера дома; этотъ круговоротъ свѣтской жизни сразу давалъ и разсѣяніе, и успѣхъ. Если-бы Дональдъ слышалъ объ этомъ, онъ можетъ быть вернулся-бы; по крайней мѣрѣ, онъ пожалѣлъ-бы о томъ, что потерялъ. Общее поклоненіе возстановляло въ ней униженное исторіей съ Дональдомъ чувство самоуваженія и помогало забывать прошлое; оно доставляло ей новое, пустое удовольствіе — удовлетвореніе тщеславія. Что касается религіи, то она находила въ ней мало утѣшенія; послѣ пережитаго ею удара она будто съежилась вся, затвердѣла, окаменѣла, подобно дереву, которое хватило майскимъ морозомъ. Нѣкоторое время она старалась увѣрить себя, что Дональдъ въ глубинѣ души любитъ ее, что при встрѣчѣ въ академіи только внѣшность была противъ него, что намеки и слухи, до нея доходившіе, были невѣрны. Если это было такъ, если только родители и бѣдность стояли между ними, ей придется только ждать и вѣрить, и все уладится. Но, однажды, когда она шла домой изъ музея, простой случай произвелъ на нее такое глубокое и тяжелое впечатлѣніе, что остался самымъ ужаснымъ воспоминаніемъ въ ея жизни. Она шла по Бэдфордъ-скверу, когда хорошенькій щегольской экипажъ— викторія — запряженный прелестными пони свѣтлаго цвѣта, пронесся мимо нея. Въ немъ сидѣла м-съ Эмбіентъ, нарядно и ярко одѣтая, а рядомъ съ ней, въ своемъ поношенномъ старомъ платьѣ, Дональдъ Джэмисонъ. Улыбка была у него и въ свѣтлыхъ голубыхъ глазахъ, и на губахъ; счастіе озаряло каждую черту его лица; онъ очень ухаживалъ за своей спутницей и былъ такъ увлеченъ ею, что даже не замѣтилъ своего маленькаго друга, хотя молодая дѣвушка долго и пристально смотрѣла на него. Бѣдняжка пошатнулась и схватилась за рѣшетку, около которой стояла, чтобы не упасть. Она чувствовала себя очень дурно. Ударъ былъ жестокъ, и на мгновеніе мука была выше ея силъ. Этотъ моментъ казался кульминаціоннымъ пунктомъ ея страданій, каплей, переполнившей чашу; тутъ она убѣдилась, что Дональдъ измѣнилъ ей не на словахъ только, но и въ сердцѣ своемъ.

ГЛАВА XI.

А между тѣмъ Джэмисонъ былъ правъ, говоря Евгеніи, чтобы она не думала о немъ. Положеніе его было самое печальное; никто въ домѣ Джэмисона не зналъ откуда достать денегъ на завтрашній обѣдъ или на уплату ренты за слѣдующую четверть, а что касается одежды, то нечего было и думать о чемъ-либо новомъ.

Сезонъ англійской оперы прошелъ; Дональдъ имѣлъ самое жалкое занятіе. Изъ картинъ его былъ выставленъ только одинъ портретъ Евгеніи, и хотя отъ времени до времени онъ получалъ отъ мебельнаго магазина заказы рисовать панели, по полгинеѣ за каждую, но, можно сказать, что дѣйствительно онъ дожилъ до черныхъ дней. Онъ чувствовалъ себя хорошо только съ м-съ Эмбіентъ. Она была несчастлива въ замужествѣ, а свѣжая юность и пылкая откровенность Дональда очаровывали ее; ее восхищала возможность оказать ему услугу, сдѣлать что-нибудь такое, что могло разсѣять мракъ его печальной жизни

и доставить ему удовольствіе. Она заказала ему цѣлую серію панелей для своей библіотеки, брала его съ собой на балы, на скачки, на утреннія концерты; очень часто онъ оставался у нея завтракать, потому что она угадывала, что хорошій столъ для него благодѣяніе. Въ ней не было способности вдумываться въ свои поступки, хотя она думала обратное, и она не сознавала мотивовъ, которые ею руководили. Дональдъ ей нравился; онъ даже ей очень нравился: несмотря на существующій обычай, не можетъ быть сомнѣнія, что если бы не мужчины, а женщины зарабатывали хлѣбъ, то мужья, въ общемъ, были бы моложе своихъ женъ. Юность нравится, она возвращаетъ молодость какъ одному полу, такъ и другому.

Болѣе пожилые поклонники м-съ Эмбіентъ были люди съ положеніемъ; молодые могли быть такъ же бѣдны, какъ Дональдъ Джэмисонъ. Да и кромѣ юности, Дональдъ имѣлъ красивую внѣшность, привлекательныя манеры и печальную исторію, которую онъ повѣрялъ каждому другу. М-съ Эмбіентъ сама не знала счастья, даже въ годы Дональда, но, доставляя ему удовольствіе, она чувствовала себя счастливою какъ бы по отраженію. Она не думала о томъ, что ей не было еще тридцати лѣтъ; испытавъ многое въ жизни и найдя, что погоня за успѣхомъ, обаяніемъ и репутаціей вещь еще болѣе пустая, чѣмъ стремленіе къ власти, она ничего болѣе уже не цѣнила и поступала такъ или иначе, имѣя въ виду только удовольствіе даннаго момента.

У нея уже не было иллюзій и оба симпатизировали другъ другу въ разочарованности; его сердечныя горести были такими же серьезными, какъ и ея. Его обманула безсердечная женщина, онъ обманулъ хорошую, а въ добавленіе ко всѣмъ этимъ несчастіямъ ни живопись, ни музыка не обѣщали успѣха. Надежда получить Женни со временемъ была слишкомъ отдаленной для его безпечной натуры. Она сидѣла, такъ сказать, на самой высокой вершинѣ Монблана, а м-съ Эмбіентъ рядомъ съ нимъ, въ равнинѣ. Женни была ему болѣе дорога, м-съ Эмбіентъ болѣе удобна; притомъ же, дружба съ м-съ Эмбіентъ едва ли могла сильно повредить шансамъ получить Женни со временемъ. Онъ принадлежалъ, впрочемъ, къ тому, весьма распространенному типу людей, которые, если любимые ими глаза далеко, любятъ тѣ глаза, которые близко. Поэтому въ сплетняхъ по поводу отношеній Джэмисона и м-съ Эмбіентъ было, какъ и всегда, небольшое зернышко правды. Они, конечно, стали очень близкими друзьями. Но совѣта ея по поводу своихъ печалей онъ не искалъ; разрывъ съ Кэннингами скорѣе усилилъ, чѣмъ уменьшилъ его привязанность къ молодому человѣку въ Торрингтонъ-Скверѣ и, отчасти изъ политики, отчасти изъ потребности въ симпатіи, онъ продолжалъ свою «одностороннюю» дружбу съ Гаррингтономъ и повѣрялъ ему всѣ свои горести, хотя онъ былъ убѣжденъ, что поведеніе его строго осуждается этимъ суровымъ молодымъ моралистомъ.

Въ одно лѣтнее утро Синклеръ завтракалъ одинъ съ Брэнди, когда отворилась дверь и показалось озабоченное и усталое лицо Джэмисона.

— О, это я! Гдѣ Гаррингтонъ?

Синклеръ выразилъ свое удивленіе; было только половина девятаго, а Джэмисонъ не имѣлъ обыкновенія вставать рано; Синклеръ такъ

рѣзко выразилъ свое удивленіе, что Джэмисонъ повторилъ раздражительнымъ тономъ:

— Гдѣ Гаррингтонъ?

— Въ постели, вѣроятно. Онъ всю ночь провелъ въ больницѣ; я еще не видѣлъ его.

— Досадно!

Джэмисонъ вошелъ и бросился въ кресло.

— Какъ вы думаете, Стаси, можно ли мнѣ переговорить съ нимъ?

Синклеръ протянулъ ломтикъ вѣтчины Бранди.

— Если вы хотите подождать, онъ сойдетъ внизъ черезъ нѣсколько времени.

— Гм! мнѣ собственно не это нужно. Я спрашиваю, можно ли мнѣ переговорить съ нимъ въ его комнатѣ? Едва ли онъ можетъ спать при такомъ шумѣ въ цѣломъ домѣ. А мнѣ очень нужно. Подкрадитесь потихоньку и загляните, Стаси, будьте добрымъ малымъ.

— Мнѣ бы не хотѣлось, отвѣтилъ Синклеръ сдержанно. Онъ не спалъ три ночи; кажется, паціентъ его умеръ. Онъ такъ все это принимаетъ къ сердцу; онъ, вѣроятно, страшно, страшно усталъ.

— Но невозможно же ему такъ принимать къ сердцу эти вещи, сказалъ Джэмисонъ, нахмуривая лобъ. Что же будетъ съ нимъ, если онъ будетъ такъ горевать послѣ смерти каждаго паціента. А я въ чертовски скверномъ положеніи, Синклеръ. Для него не будетъ большимъ безпокойствомъ повидать меня на пять минутъ — это разсѣетъ его мысли. Ну, если онъ спитъ, я ужъ подожду, прибавилъ онъ великодушно.. Я не думаю, чтобы онъ долго проспалъ.

Синклеръ упрямо стоялъ на своемъ: Гаррингтонъ былъ такъ утомленъ и измученъ, что разбудить его было бы эгоистично. Но, развѣ Джэмисонъ не былъ братомъ миссъ Алисы? Подъ конецъ Синклера удалось убѣдить, и онъ не совсѣмъ охотно вышелъ изъ комнаты. А Джэмисонъ между тѣмъ сидѣлъ и подвергалъ настоящей пыткѣ свое артистическое чувство, разсматривая стѣны комнаты; онъ отлично зналъ, что на нихъ повѣшено, зналъ, что онъ ненавидитъ каждую гравюру, но все-таки онъ разсматривалъ повидимому съ интересомъ коронацію Ея Величества, когда Синклеръ возвратился, говоря:

— Онъ всталъ; онъ беретъ ванну и черезъ двѣ минуты можетъ васъ видѣть, конечно, если вы захотите, но я думаю, что видъ у него жалкій.

— Паціентъ умеръ? спросилъ Джэмисонъ, улыбаясь. Я съ нимъ объ этомъ потолкую. Эти неудачи, вы знаете, составляютъ принадлежность вашей профессіи; онѣ неизбѣжны и входятъ въ обычную ежедневную работу.

— Гм.... сказалъ Синклеръ, наливая чашку чая. Такъ дѣло дѣйствительно важное? Возьмите съ собой эту чашку чая. Осторожно, не расплескайте на гренки, сказалъ онъ, кладя ломтикъ на блюдце.

Джэмисонъ кивнулъ головой, взялъ чашку и пошелъ. Несмотря на мученія и заботы о своихъ собственныхъ дѣлахъ, онъ успѣлъ подумать обо всѣхъ выраженіяхъ симпатіи и утѣшеніяхъ, которыя онъ выскажетъ Гаррингтону; но онъ вошелъ раньше, чѣмъ ожидалъ Гаррингтонъ, и засталъ его въ моментъ, когда тотъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, толкалъ подъ кровать свою ванну, чтобы очистить мѣсто. Кра-

*

сивая поза, которую онъ принялъ и удивительныя линіи его артистической фигуры, на минуту изгнали всякую другую мысль изъ артистической головы Джэмисона.

— Боже! воскликнулъ онъ, мнѣ хотѣлось бы срисовать васъ такъ! Хотя вы небольшого роста, но у васъ чудесная фигура, Гаррингтонъ.

— Я не ожидалъ, что вы такъ скоро придете, хотя я не стѣсняюсь, если это не стѣсняетъ васъ, сказалъ Гаррингтонъ, выпрямляясь. Онъ стоялъ спиной къ свѣту, но что-то неуловимое въ тонѣ его голоса выдало Джэмисону, что онъ былъ очень взволнованъ. «Этотъ чай для меня? Но, выйдя изъ дому такъ рано, вы, вѣроятно, не успѣли позавтракать?».

— Мнѣ не хотѣлось завтракать, Гаррингтонъ. Я бы не пришелъ къ вамъ такъ рано, если бы не былъ въ чертовски затруднительномъ положеніи.

— Вы смотрите усталымъ и взволнованнымъ, сказалъ Гаррингтонъ сочувственнымъ голосомъ, но вы нисколько не улучшите ваше положеніе, дѣлая такіе концы натощакъ. Онъ очистилъ одинъ стулъ отъ платья, бросивъ послѣднее на кровать, и подалъ стулъ посѣтителю. Пейте этотъ чай. Я не хочу. Я выпилъ чашку рано, нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы позировали у меня, ради вашихъ рукъ. Не кисть, а верхняя часть руки у васъ удивительно красива.

Гаррингтонъ въ это время разыскивалъ свои носки въ грудѣ платья; когда онъ ихъ нашелъ, онъ присѣлъ на край кровати.

— Мои руки? Надѣюсь, что вы встали въ семь часовъ не для того, чтобы говорить о нихъ? сказалъ онъ, и по его напряженному голосу Джэмисонъ угадалъ, насколько измучила его смерть паціента. Дѣйствительно, молодой человѣкъ былъ свидѣтелемъ мучительной сцены—продолжительной агоніи и смерти, въ одной изъ самыхъ ужасныхъ формъ ея.

— Не хорошо безпокоить васъ, Гаррингтонъ, началъ Джэмисонъ разсѣянно, думая о томъ, пить ли самому чай, который казался теплымъ и душистымъ, или уступить его Гаррингтону. Не хорошо безпокоить васъ, у васъ такой усталый видъ. Но, знаете, люди должны умирать. Это общая участь. Для разума смерть—вещь такая же обыкновенная, какъ все другое, самое обыденное. А если вы сдѣлали все, что могли, то...

— Хорошо, хорошо, я знаю все это, сказалъ Гаррингтонъ мягкимъ тономъ, наклоняясь и натягивая носки. Не давайте чаю остынуть, Джэмисонъ.

— Мнѣ, право, не хотѣлось бы его пить, колебался Джэмисонъ.

— Но и мнѣ его не нужно. Онъ всталъ, взялъ чашку и отдалъ ее въ руки Джэмисона. Я боюсь, что вы встали такъ рано потому, что не могли спать, сказалъ онъ своимъ прекраснымъ, симпатичнымъ, полнымъ доброты голосомъ.

— Именно такъ, Виль, не могъ. Онъ выпилъ теплый глотокъ чая. Я слишкомъ измученъ. Вы, я думаю, догадываетесь, что мы страшно бѣдны?

— Ну да, сказалъ тотъ, растегивая пуговицу у рубашки. А я знаю, какое это мученье, Джэмисонъ, слишкомъ хорошо знаю.

— Вы не можете знать и десятой доли того, что я знаю по этой части, сказалъ Джэмисонъ, запуская рѣшительно зубы въ жареный хлѣбъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Гаррингтонъ, продолжая урывками свой туалетъ. Если у меня желудокъ пустъ, то другіе люди отъ этого не выглядятъ голодными. Мы всегда были на столько бѣдны, что знали нужду; а когда нѣтъ опредѣленнаго дохода, какое постоянное, грызущее душу безпокойство доставляетъ забота о деньгахъ!

— Но еще хуже когда доходъ, опредѣленный или нѣтъ, сводится къ нулю, Виль, а таково приблизительно наше положеніе! сказалъ Джэмисонъ, отвернувъ лицо и разсѣянно глядя въ окно, на голубей Гаррингтона, сидѣвшихъ на жердочкахъ голубятни. Когда я думаю о будущемъ, то не вижу впереди ничего, кромѣ трехъ вещей — векселей, описи имущества и банкротства. Веселая перспектива для человѣка, который можетъ и хочетъ работать.

— Но вѣдь это только предположеніе, Джэмисонъ, сказалъ Гаррингтонъ, прямо смотря на Джэмисона своими печальными, отяжелѣвшими отъ безсонной ночи глазами, — то, что мы съ надеждой или страхомъ видимъ впереди, очень часто совсѣмъ не случается. Онъ остановился на мгновеніе, а потомъ продолжалъ:—Съ вами случилось что нибудь непріятное и вы видите все въ черномъ цвѣтѣ. Но способные, трудолюбивые люди не доходятъ до тѣхъ трехъ вещей, на которыя вы указывали. Будьте увѣрены, что нибудь навернется. Не можете-ли вы, на это время года, достать уроки?

— Уроки, повторилъ съ гримасой Джэмисонъ. Взгляните на вашихъ вечернихъ ученицъ. Что онѣ вамъ платятъ? Содержите-ка на это цѣлое семейство! Хватитъ-ли этого на башмаки?

— А вы еще не одобряете, если женщины работаютъ сами на себя, сказалъ задумчиво Гаррингтонъ, вѣдь это должно ложиться страшно тяжелымъ бременемъ на васъ и на вашего отца.

— Это вѣрно. Но я терпѣть не могу, чтобы женщины въ моей семьѣ работали—это слишкомъ *infra dig*, Виль. На мой взглядъ пусть бы онѣ лучше ходили въ мѣшкахъ, чѣмъ заработывали себѣ деньги. Мнѣ просто тошно отъ этого женскаго труда, Виль! Онъ далъ исходъ своимъ чувствамъ, быстро выпивъ остатокъ чая и проглотивъ гренокъ съ масломъ.—Мы, Джэмисоны, не привыкли къ подобнаго рода вещамъ.

— Это зависитъ отъ взгляда, сказалъ Гаррингтонъ, вставая и направляясь къ туалетному столу. Дѣтей надо учить, больныхъ лечить; я не считаю униженіемъ для женщины заработывать деньги для подобныхъ вещей. Мнѣ кажется, что мы бѣднѣе, чѣмъ вы когда либо были. Раззореніе еще очень далеко отъ васъ, если вы можете содержать четырехъ женщинъ.

Джэмисонъ покраснѣлъ. — Дорогой мой (вы никому не скажете), по чести, я не знаю, откуда онѣ берутъ свои платья. Никакихъ счетовъ мы не уплачивали съ тѣхъ поръ, какъ Кэннинги уѣхали изъ Роксбороу (мой бѣдный старикъ отецъ имѣлъ у нихъ занятіе, вы знаете); а что касается до прислуги — сестры должны все сами дѣлать, потому что у насъ только одна дѣвочка изъ пріюта, за пять фунтовъ въ годъ. Онъ остановился и жалкимъ, просительнымъ тономъ продолжалъ: Я не знаю, откуда взять деньги на уплату ренты, Виль! Если бы моя жизнь зависѣла отъ этого, я не могъ-бы собрать пяти фунтовъ!

Гаррингтонъ сѣлъ опять на кровать и молодые люди молча смотрѣли другъ на друга.

Выраженія состраданія были бы безплодны, а помочь Гаррингтонъ былъ не въ состояніи.

— Мнѣ было бы стыдно сказать вамъ, сколько я получаю за мою теперешнюю работу, продолжалъ Дональдъ. Плата, которую я получаю, ниже заработка какого нибудь странствующаго скрипача. Видитъ Богъ — мы очень стѣсняемъ себя, но мы не можемъ жить безъ хлѣба и мы должны каждому булочнику въ Кэмденъ Тоунѣ. (Конечно, это былъ только особый способъ выраженія, но онъ близко изображалъ положеніе дѣлъ). А панели м-съ Эмбіентъ? На что ихъ хватитъ? На уплату подати за воду, да королевскихъ налоговъ. Черезъ десять дней мы можемъ попасть въ рабочій домъ, Виль! А мнѣ стоило бы только протянуть руку, и онъ дѣйствительно протянулъ ее и, съ дрожащимъ отъ волненія лицомъ, потрясалъ ею страстно передъ лицомъ Гаррингтона, стоило бы только протянуть руку, повторилъ онъ съ рыданіемъ въ голосѣ, и сто фунтовъ готовы; да болѣе, болѣе!

Чтобы не видѣть взволнованнаго лица Джемисона, Гаррингтонъ отвернулся опять къ туалетному столу и завязывалъ свой галстухъ.

— Насколько я понимаю, съ этими 100 фунтами связаны какія либо непріятныя условія?

— О, праведный Судія! Виль, я самый несчастный человѣкъ во всемъ мірѣ. Выпадала ли на долю самаго злополучнаго бѣдняка такая горька судьба, какъ моя? У меня только одна картина и осталась — портретъ дѣвушки! И тутъ меня искушаютъ.

— Предлагая сто фунтовъ?

— Ну, да. Не говорите такимъ ледянымъ тономъ, какъ будто отъ меня что нибудь зависитъ, сказалъ Джэмисонъ рѣзко.

О, нѣтъ, сказалъ Гаррингтонъ, снуя по комнатѣ съ воротникомъ и галстухомъ въ рукахъ. Я огорченъ за васъ, Джэмисонъ, отъ всей души. Это ужасно, ужасно тяжелое положеніе.

Онъ всю жизнь свою былъ достаточно бѣденъ, чтобы имѣть представленіе о томъ, каково съ одной стороны имѣть мать и сестру, страдающихъ отъ нужды, а съ другой имѣть передъ глазами деньги, до которыхъ нельзя дотронуться. Онъ чувствовалъ себя очень усталымъ и измученнымъ и даже звукъ его собственнаго, растроганнаго голоса дѣйствовалъ на него и онъ живо представилъ себѣ эту домашнюю трагедію. Слезы брызнули изъ его добрыхъ, потускнѣвшихъ, утомленныхъ глазъ: картина этой несчастной семьи, падавшей подъ непосильнымъ бременемъ неизбѣжныхъ мелкихъ долговъ и находившейся наканунѣ полнаго раззоренія, надрывала его сердце.

— Джэмисонъ, право, я понимаю то, что вы чувствуете. Но что же дѣлать? Если они любятъ живопись, то навѣрно возьмутъ или закажутъ вамъ что нибудь другое, вмѣсто этого портрета.

Джэмисонъ, упрекавшій его въ недостаткѣ симпатіи, теперь находилъ въ его голосѣ и лицѣ слишкомъ много сочувствія. Изъ поведенія Гаррингтона онъ видѣлъ, что послѣднему не можетъ придти въ голову мысль о возможности принять подобное предложеніе.

— Имъ нравится не мое искусство, а портретъ Евгеніи! Сэръ Чарльзъ Прендергастъ хочетъ имѣть его! Очень ему нужна моя живопись! Нѣтъ, онъ хочетъ имѣть портретъ моей дѣвочки, портретъ моей бѣдной, невинной, маленькой дѣвочки.

Гаррингтонъ сѣлъ на кровать и глубоко вздохнулъ; это былъ долгій, глубокій, мучительный вздохъ усталаго тѣла и измученной души. Послѣ ужасной ночи, которую онъ провелъ, онъ не былъ приготовленъ къ этому мучительному свиданію. Было уже достаточно непріятно услышать, что Прендергастъ такъ интересовался миссъ Кэннингъ, но слышать какъ Дэммисонъ называлъ ее своей маленькой дѣвочкой было все равно, что положить горчицы на рану отъ обжога. Онъ чувствовалъ жестокую головную боль послѣ безсонницы, неусыпнаго ухода за больнымъ и душевныхъ потрясеній; ему казалось, что сердце его истекало кровью. Онъ продолжалъ сидѣть на кровати въ унылой позѣ и опять вздохнулъ.

— Ну, началъ рѣзко Джэмисонъ, развѣ вамъ нечего сказать мнѣ?

— Странное предложеніе, сказалъ Гаррингтонъ, какъ все это случилось?

— Похоже, что онъ сильно неравнодушенъ, неправда ли? сказалъ Джэмисонъ. Я покажу вамъ его письма — я нарочно ихъ принесъ. Вотъ первое — Честь имѣю и т. д. — вы видите, онъ только справляется о цѣнѣ портрета. Я ему отвѣтилъ, что портретъ не продается.

— И это его не удовлетворило? ну, этотъ баронетъ человѣкъ довольно назойливый.

— Съ слѣдующей почтой я получилъ... сказалъ Джэмисонъ, роясь въ своихъ письмахъ и выбралъ одно — да, вотъ это — съ предложеніемъ 50 фунтовъ. Я отказалъ приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ, но, когда вчера вечеромъ вернулся домой, я нашелъ это. Прочитайте. Вы видите, что онъ готовъ заплатить сто фунтовъ или другую сколько нибудь разумную цѣну, только бы получить портретъ. Вы видите, какъ меня прижимаютъ, Виль, продолжалъ онъ жалобнымъ тономъ; ну, что же дѣлать?

— Какъ могу я сказать вамъ? спросилъ Гаррингтонъ, складывая письма и возвращая ихъ. Если бы это случилось со мною, я посовѣтовался бы съ моимъ отцомъ. У меня нѣтъ ни малѣйшаго понятія о томъ какъ поступить въ такомъ случаѣ. Я человѣкъ не свѣтскій.

— Нѣтъ, но вы... у васъ всѣ инстинкты джентельмэна. Я предпочелъ бы ваше мнѣніе мнѣнію многихъ другихъ людей. Скажите мнѣ, Виль, какъ посовѣтуете вы мнѣ поступить?

— Видите ли, дѣло въ томъ, что я не видалъ вашихъ отвѣтовъ, Джэмисонъ. Я не могу понять, какимъ образомъ могло быть сдѣлано второе, а тѣмъ болѣе третье предложеніе.

— Даю вамъ слово, Виль, что я отвѣтилъ рѣшительно и прямо. Въ моей второй запискѣ (въ ней не было и трехъ строчекъ) я писалъ, что могу повторить одно: портретъ не продается.

— Въ такомъ случаѣ я назову третье предложеніе умышленнымъ, преднамѣреннымъ оскорбленіемъ! вскричалъ Гаррингтонъ, вскакивая и надѣвая жилетъ съ лихорадочною поспѣшностью. Если бы мнѣ такъ написали, я бы счелъ это оскорбленіемъ, — низкой попыткою злоупотребить моимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Стыдно и безчестно прижимать бѣднаго человѣка! — Отъ негодованія грудь его высоко поднималась, лицо неожиданно вспыхнуло, а кроткіе глаза его блестѣли такимъ презрѣніемъ, что Джэмисонъ, неспобный на подобнаго рода волненіе, улыбнулся.

— Господи! воскликнулъ онъ, какой вы горячка! Но вы сами говорите, что вы человѣкъ не свѣтскій. Этотъ господинъ — свѣтскій; онъ долженъ знать, какъ вести себя въ подобнаго рода дѣлахъ. Наконецъ, онъ — джентельмэнъ.

— Онъ — баронетъ, сказалъ Гаррингтонъ съ оттѣнкомъ жесткости въ голосѣ, завязывая свой галстухъ дрожащими руками. А что касается до джентельмэнства, то оно выражается въ нашемъ поведеніи. Нельзя назвать джентельмэномъ человѣка, который пробуетъ ввести другого въ искушеніе и подстрекнуть его къ не... не... онъ быстро обернулся. Несомнѣнно одно, что человѣкъ этотъ оскорбилъ васъ.

— Полно, полно, Виль, сказалъ Джэмисонъ успокоительнымъ тономъ, вы слишкомъ горячитесь. Своими быстрыми глазами онъ оглянулъ комнату; взглядъ его остановился на позолоченныхъ часахъ Гаррингтона съ хорошенькой старомодной карманной цѣпочкой, висѣвшихъ на гвоздѣ. Вы бы могли отказаться взять за свои часы десять фунтовъ, но предложить вамъ за нихъ двадцать не было-бы оскорбленіемъ.

— Я тоже думаю, сказалъ молодой человѣкъ, снимая часы со стѣны. Но я знаю, какъ поступить съ человѣкомъ, который предлагаетъ заплатить мнѣ за то, что я считаю безцѣннымъ; но не въ томъ дѣло, Джэмисонъ.—Онъ положилъ часы въ карманъ и прибавилъ съ мрачнымъ видомъ:—мои часы не портретъ дѣвушки.

— Вотъ въ этомъ то и загвоздка, я понимаю. Вы думаете, что я долженъ отказать. Но дѣло въ томъ, что *я не могу*. Вы не можете себѣ представить, въ какомъ я затруднительномъ положеніи: *я не могу себѣ позволить потерять сто фунтовъ*.

— Потерять? Нѣтъ, сказалъ Гаррингтонъ, садясь на кровать, поближе къ Джэмисону, и возвращаясь къ своему обычному мягкому и добродушному тону и обращенію, — не потерять, а отказаться; это тяжело, Джэмисонъ, но вѣдь вы же такъ рѣшили съ самаго начала; ваше положеніе не было-бы хуже, если-бы это третье, непростительное предложеніе не было сдѣлано; вы съ самаго начала знали, каковы ваши дѣла.

— Да, это дѣло грязное, сказалъ Джэмисонъ. Притомъ еще портретъ дѣвушки, которая вамъ нравится. Между нами, Виль, этотъ портретъ весьма несовершенное произведеніе искусства; Прендергастъ таки далеконько зашелъ, если предлагаетъ за него такую цѣну.

— Очень можетъ быть, сухо сказалъ Гаррингтонъ. Я этому могу повѣрить; но подобный способъ дѣйствій называется подлымъ. Я считаю его предложеніе не только оскорбленіемъ для васъ, но и неуваженіемъ къ миссъ Кэннингъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, Виль; вы такой строгій, закоренѣлый методистъ. Мнѣ бы хотѣлось быть такимъ, какъ вы, старина, честное слово хотѣлось-бы, но я не таковъ. Я право боюсь, что онъ его получитъ; можетъ быть не за сто фунтовъ. Но, Виль, мы умираемъ съ голода, мы раззорены; нужда не знаетъ законовъ.

— Ну, вотъ вы увидите, когда посовѣтуетесь съ м-ромъ Кэннингомъ.—Ободренный выраженіемъ лица своего собесѣдника, онъ сказалъ очень серьезно.—Ахъ, Джэмисонъ, не обманывайте сами себя, вы обязаны, обязаны съ нимъ посовѣтоваться.

— Вы такъ думаете? спросилъ Джэмисонъ, глядя въ потолокъ и хмурясь. Ну, я не знаю. На это можно посмотрѣть съ двухъ сторонъ.

Зная мое положеніе, старый Кэннингъ, можетъ быть, не пожелаетъ сказать «нѣтъ», не предложивъ купить портретъ; можетъ онъ предпочтетъ не принимать никакого участія въ продажѣ. По моему мнѣнію (что, эти голуби—ваши?) это немного походило-бы на то, что я хочу содрать съ него взятку. Подумайте, Виль, вѣдь положеніе очень щекотливое?

— Да, я это понимаю. Но вы обязаны посовѣтоваться съ нимъ. Что, кромѣ желанія вамъ добра, можетъ руководить мною? Джэмисонъ— это такъ же вѣрно, какъ то, что я сижу на кровати—если вы не хотите сдѣлать... ради вашего честнаго имени, вы обязаны посовѣтоваться съ м-ромъ Кэннингомъ.

— Зачѣмъ вы не высказываетесь прямо? воскликнулъ Джэмисонъ, съ непріятной усмѣшкой. Вотъ уже второй разъ вы хотите сказать, что я трусъ и останавливаетесь.

— Такъ вы бы предпочли, чтобы это сказалъ не я, а м-ръ Кэннингъ? сказалъ, улыбаясь, Гаррингтонъ. Право, Джэмисонъ, несмотря ни на какой рискъ, вы обязаны это сдѣлать. Онъ можетъ имѣть серьезныя возраженія противъ подобнаго рода торговли.

— Гм! Не думаю. Я не вижу никакихъ возраженій, но я желалъ-бы, чтобы Евгенія ничего не знала объ этомъ дѣлѣ.

— Чтобы миссъ Кэннингъ ничего не знала? О, не обманывайте сами себя! Если вы продадите портретъ, миссъ Кэннингъ несомнѣнно узнаетъ объ этомъ.

— Правда! Мнѣ самому уже приходило это въ голову, Виль. Я думалъ, что эта бестія хочетъ дискредитировать меня. Э, да что! какъ можетъ какой нибудь нищій, безъ гроша въ карманѣ, безъ профессіи и надежды въ будущемъ представлять себѣ, что прекрасная дѣвушка будетъ ждать его?

— Моя мать была красавица, — вы сами можете видѣть, что она еще и теперь красива,—сказалъ Гаррингтонъ, взглядывая на хорошенькій портретъ ея—а она ждала отца девять лѣтъ, съ восемнадцати лѣтъ до двадцати семи.

— Я думаю, несправедливо заставлять молодую дѣвушку терять ея лучшіе годы въ неопредѣленномъ ожиданіи.

— Отецъ и не дѣлалъ этого; они не были помолвлены. Мнѣ кажется, любовь можно угадать; онъ былъ очень внимателенъ къ ней, а она никогда не слыхала, чтобы онъ бѣгалъ за другими женщинами и дѣвушками.

— Какая у него печальная, должно быть, была юность! воскликнулъ Джэмисонъ.

— Не знаю, сказалъ Гаррингтонъ, краснѣя при мысли, что юность его отца, одного изъ первыхъ Веслеянцевъ, можетъ быть, не была такъ мрачна, какъ-бы должна была быть, и наклоняясь завязать башмакъ, чтобы скрыть свое замѣшательство.—Можетъ быть, его останавливала мысль, что юность не будетъ длиться всю жизнь, а можетъ быть, онъ не шутя боялся потерять женщину, которую любилъ, волочась за другой, которую не любилъ.—Джэмисонъ вспыхнулъ.—Вы слышали цѣлую кучу сплетенъ обо мнѣ и м-съ Эмбіентъ. Я клянусь вамъ, Виль, въ нихъ нѣтъ ни слова правды.

Гаррингтонъ всталъ, надѣлъ пиджакъ и осматривалъ свои карманы.

Онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и Дональдъ продолжалъ.—Но что же мнѣ дѣлать? Сидя дома, я не могу думать ни о чемъ пріятномъ.

— Нѣтъ? сказалъ Гаррингтонъ, ощупывая въ карманѣ ли записная книжка, термометръ и стетоскопъ.

— Но что же дѣлать?

— Я не могу сказать вамъ этого теперь, сказалъ онъ, выбирая двѣ или три книги съ полки. Я уже опоздалъ. Я долженъ идти.

Джэмисонъ засмѣялся. Съ тѣхъ поръ какъ разговоръ принялъ сентиментальный оборотъ, настроеніе его совершенно измѣнилось. Онъ сѣлъ спиной къ двери и сказалъ, посмѣиваясь исподтишка.—Ну, скажите же, кто этотъ пріятный предметъ моихъ мыслей?

— М-съ Эмбіентъ, сказалъ Гаррингтонъ съ саркастической важностью въ тонѣ.

— О, не говорите глупостей. Вы, во всякомъ случаѣ, не это думали?

— Нѣтъ, конечно, я думалъ не объ этомъ. Но, пустите меня, — и, когда Джемисонъ далъ ему отворить дверь, онъ прибавилъ: — А все-таки я думаю, что у васъ есть много утѣшеній!—Онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, Джэмисонъ слѣдовалъ за нимъ.

— Чортъ возьми, желалъ-бы я знать, какія это утѣшенія. Такъ какъ, къ несчастію, у меня нѣтъ работы, то я пройду съ вами до св. Луки.

— Пройдете! Я долженъ бѣжать, сказалъ Гаррингтонъ, снимая свою шляпу съ вѣшалки. Я бы желалъ сказать въ этомъ случаѣ то, что вамъ хочется, но право, я не могу, Джэмисонъ. Онъ протянулъ руку, но Джемисонъ весело сказалъ:

— О, если вы побѣжите, то и я побѣгу вмѣстѣ съ вами. По крайней мѣрѣ, вся эта канитель вывѣтрится у меня изъ головы. Онъ откинулъ назадъ свои густые волосы, надѣлъ шляпу и они оба почти выбѣжали изъ дому. Они шли быстрой, размашистой походкой, наполовину шли, наполовину бѣжали, и молчали, пока Джэмисонъ не сказалъ:

— Ну, я обдумалъ все, Виль. Какъ вамъ кажется, нравлюсь я Евгеніи?

— Я не имѣю права думать что либо подобное.

— О, мой бѣдный носъ; не давайте ему щелчковъ, сказалъ Джемисонъ, морщась и трогая носъ, чтобы убѣдиться, что онъ остался на мѣстѣ. Онъ всунулъ свою руку подъ руку Гаррингтона и проговорилъ:

— Если вамъ представится случай, дружище, скажите ей, что между мной и м-съ Эмбіентъ ровно ничего нѣтъ.

— Какимъ образомъ мнѣ можетъ представиться случай? спросилъ холодно Гаррингтонъ.

— Ну, еслибъ вы были добрый, вы бы его создали.

— Нѣтъ, этого я не могу, Джэмисонъ. Если между вами и м-съ Эмбіентъ ничего нѣтъ, вы можете доказать это.

— Охъ, бросьте это, Виль! вы слишкомъ строги. Какъ могу я знать, что дѣла мои пойдутъ хорошо, или, что миссъ Кэннингъ захочетъ ждать? Шансовъ въ обоихъ случаяхъ одинъ на сто. Неужели я долженъ отказаться отъ всякаго удовольствія въ жизни изъ-за одной только возможности удачи въ будущемъ? Мнѣ нечего вамъ напоминать, что я не Веслеянскій священникъ.

— Нѣтъ, вамъ нечего напоминать мнѣ объ этомъ, но Веслеянскіе священники не единственные люди, которые должны съ уваженіемъ относиться къ чувствамъ дѣвушки!

— Виль, вы положительно краснорѣчивы. Каждая фраза ваша годится въ пропись. Но вы не можете судить обо всѣхъ людяхъ по вашимъ родителямъ. Ваша мать чувствовала привязанность къ священнику (а какая нибудь счастливая дѣвушка въ одинъ прекрасный день полюбитъ ея примѣрнаго сына). Но не всѣ дѣвушки одинаковы. Въ глазахъ нѣкоторыхъ было-бы фатально быть методистомъ. Онѣ любятъ человѣка не менѣе за то, что у него въ жилахъ течетъ что нибудь погорячѣе воды и молока.

— А! Теперь вы зашли уже слишкомъ далеко! сказалъ Гаррингтонъ, оттолкнувъ руку Джэмисона и остановившись. Благодаря тому, что я вынесъ пытку, слушая ваши изліянія, вы думаете, что у меня въ жилахъ молоко и вода!—Онъ былъ очень блѣденъ; его губы и ноздри дрожали отъ негодованія.—Дѣло не во времени. Теперь я уже не спѣшу. Мнѣ все равно, опоздаю я или нѣтъ. Кончено, кончено. Я скажу вамъ все, что думаю. Нѣтъ, я не могу... У меня нѣтъ словъ, чтобы высказать вамъ, какимъ жестокимъ, безсердечнымъ и легкомысленнымъ я считаю ваше поведеніе съ миссъ Кэннингъ. Джэмисонъ, я не могу подобрать выраженій, которыя могли-бы передать то, что я думаю объ этомъ. Вы не можете отрицать, что вы старались заслужить ея привязанность, что вы овладѣли ея первою любовью. Когда я въ первый разъ увидалъ васъ вмѣстѣ, я думалъ, что вы помолвлены. Всѣ считали, что вы влюблены другъ въ друга, всѣ объ этомъ говорили. Когда миссъ Кэннингъ шла въ общину св. Кипріана, вы ее встрѣчали на дорогѣ. Когда она работала въ музеѣ, вы работали также тамъ. Тогда вы знали, что имѣли въ виду, вы знали, что со стороны честнаго человѣка такое поведеніе могло имѣть только одинъ смыслъ. И вдругъ все кончилось. Мнѣ все равно, какъ это случилось; я пришелъ къ тому убѣжденію, что вмѣшались родители; такъ или иначе, но судя по вашему поведенію можно было понять, что вы бросили миссъ Кэннингъ ради м-съ Эмбіентъ. Я знаю, это не дѣйствительное, а только кажущееся положеніе вещей, Джэмисонъ, но во всемъ этомъ чувствуется возмутительное неуваженіе къ молодой дѣвушкѣ! Послѣ той благосклонности, которою вы пользовались со стороны миссъ Кэннингъ, вы не имѣли права заставлять говорить о вашихъ отношеніяхъ къ другой женщинѣ! Это пренебреженіе возмущаетъ меня до глубины души. Если вамъ случалось встрѣчать теперь миссъ Кэннингъ, вы должны были замѣтить, какъ она измѣнилась. Я не говорю, что сердце ея разбито, этого я не думаю, но ей очень плохо. Вы знаете, да и прежде знали, что вы ей нравитесь, что вы не имѣете права добиваться ея любви, а теперь, вмѣсто того, чтобы оставаться ей вѣрнымъ (да и вѣрность-то въ этомъ случаѣ, конечно, не тяжелая пытка), вы навлекаете массу оскорбленій на дѣвушку, которую любите. Вы спрашиваете моего мнѣнія относительно портрета, вотъ оно. Если въ васъ есть хоть капля мужества, отошлите назадъ письма того господина или скажите ему, чтобы онъ убирался къ чорту съ своими ста фунтами! А, кромѣ того, я дамъ вамъ одинъ совѣтъ, котораго вы не просили. Не показывайтесь всюду, дней пять въ недѣлю, съ м-съ Эмбіентъ и послѣ этого не просите другихъ передавать миссъ Кэннингъ ваше мнѣніе объ этомъ. Вы знаете свѣтъ такъ-же хорошо, какъ я, а можетъ быть и лучше, Джэмисонъ, и вы должны знать, что поступки также краснорѣчивы, какъ слова!... Гаррингтонъ усталъ, зады-

хался, грудь его тяжело поднималась, но онъ говорилъ сильно, страстно и грозно.

Джэмисонъ, какъ артистическая натура, очарованный краснорѣчіемъ Гаррингтона, звукомъ его прекраснаго, взволнованнаго голоса, выраженіемъ его лица, дышавшаго негодованіемъ, его неудержимой, рѣшительной рѣчью, улыбнулся слегка. Ему не было ни больно, ни обидно.

— Кончили вы? спросилъ онъ, глядя улыбаясь на доброе, серьезное, строгое лицо.

— Я могъ-бы сказать еще многое, но я кончаю, сказалъ Гаррингтонъ упавшимъ голосомъ. Онъ почувствовалъ безполезность своего увлеченія и печально зашагалъ вновь.

— Ну, хотите я скажу вамъ, что я думаю о васъ? спросилъ Джэмисонъ, продолжая улыбаться.

— Это въ вашей волѣ. Если вы выслушали меня со вниманіемъ, то я чувствую себя обязаннымъ сдѣлать то же.

— Ну, я вижу, что былъ къ вамъ несправедливъ. У васъ настоящій порохъ въ крови. Вы мнѣ всегда нравились, съ перваго-же вечера, а теперь еще больше. Но я вижу, Виль, что вы еще очень молоды, очень зелены. Онъ протянулъ руку, все еще улыбаясь, но Гаррингтонъ покачалъ головой.

— Не теперь, Джэмисонъ; не теперь, въ другой разъ.

— Все еще гнѣваетесь? спросилъ невозмутимо юный джентльмэнъ.

— Ахъ, оставьте, Джэмисонъ, мнѣ, право, очень тяжело. Но Джэмисонъ продолжалъ идти съ нимъ рядомъ, тронутый волненіемъ и серьезной печалью, которыя выражались на лицѣ Гаррингтона.

— Полно, старина, развеселитесь, сказалъ онъ добродушно, я нисколько не сержусь и не обижаюсь.

— Въ такомъ случаѣ, послушайтесь моего совѣта; я увѣренъ, что онъ хорошъ, хотя былъ данъ въ такой плохой формѣ. Помните то, что я сказалъ вамъ, и забудьте, какъ это было высказано. Не жертвуйте своею честью, не разбивайте и не разбрасывайте сокровища, которое самому бѣдному человѣку дороже сотенъ фунтовъ. Мнѣ жаль, что я отказался пожать вашу руку, Джэмисонъ: хотите теперь мою?

Джэмисонъ протянулъ свою руку.

— Полно, Виль, вы слишкомъ замучились. Не нужно такъ принимать вещи къ сердцу и такъ разстраивать себя. Знаете, чѣмъ живѣе вашъ темпераментъ, тѣмъ болѣе вамъ чести, что вы, вообще, такъ хорошо владѣете собой.

— Я жалѣю, что вышелъ изъ себя; но есть еще другія вещи, которыя меня сильно огорчаютъ; тѣмъ не менѣе, я, какъ человѣкъ бѣдный, вполнѣ сочувствую вамъ, Джэмисонъ, и понимаю всю тяжесть вашего положенія. Онъ пожалъ руку Джэмисона и такъ скоро понесся по улицѣ, что Джэмисонъ долженъ былъ оставить всякую мысль слѣдовать за нимъ.

Онъ долго слѣдилъ за широкой фигурой, легко, съ быстротою стрѣлы двигавшейся по длинной улицѣ.

— Ха! засмѣялся онъ короткимъ смѣхомъ. Вотъ чудакъ! Но славный! Я на половину согласенъ отправить къ чорту Прендергаста съ его ста фунтами! Но векселя, векселя! Знаетъ-ли этотъ чудесный малый, что значитъ быть въ долгу? Онъ догналъ омнибусъ, который шелъ въ Чельзи, въ ту сторону, гдѣ жила м-съ Эмбіентъ.

ГЛАВА XII.

Гаррингтонъ былъ осчастливленъ довѣріемъ не одного только Джэмисона. Давно уже онъ долженъ былъ выслушивать разсказы Виля Кэннинга о его бѣдахъ; онъ зналъ, что несчастный молодой человѣкъ положительно падалъ подъ подавляющимъ и постоянно увеличивавшимся бременемъ денежныхъ долговъ, сдѣланныхъ для уплаты долговъ чести, не говоря уже о мелкихъ мученіяхъ, которыя онъ испытывалъ, благодаря неоплаченнымъ счетамъ разныхъ торговцевъ. Разъ, когда Кэннингъ былъ еще въ Кэмбриджѣ, и разъ, послѣ переѣзда въ Лондонъ, отецъ уплатилъ его долги, а теперь проценты на проценты какой-нибудь бездѣльной суммы въ сорокъ фунтовъ, взятой по 60 сложныхъ процентовъ, выросли до такой степени, что онъ долженъ былъ принять приглашеніе одного друга провести дня три въ Гэмпстедѣ, а въ свое отсутствіе отправить Гаррингтона депутатомъ и подвергнуть его первымъ ударамъ родительскаго гнѣва. Съ тѣхъ поръ, какъ Гаррингтонъ зналъ о положеніи дѣлъ Кэннинга онъ постоянно уговаривалъ его обратиться къ отцу самому; но Кэннингъ, который болѣе всего ненавидѣлъ сцены, на отрѣзъ отказался. Теперь же, когда снова нужно было платить проценты, ему пришло въ голову, такъ какъ Гаррингтонъ былъ извѣстный любимецъ его отца, заставить этого добряка проглотить всю дозу, какъ онъ выражался на своемъ изящномъ языкѣ. Несчастный посолъ долго противился и представлялъ Кэннингу всевозможные соображенія и аргументы; но какое чувство ни старался онъ затронуть въ Вилѣ, чувство ли сыновняго долга и уваженія къ отцу, или чувство гордости, смѣлости, наконецъ чувство правды, виновный отвѣчалъ вѣчно однимъ и тѣмъ же, неоспоримымъ возраженіемъ:

— Ты вспомни мой характеръ, Меланхтонъ; отецъ будетъ злиться, а я буду насмѣхаться. Мы оба наговоримъ такихъ вещей, которыя никогда не прощаются; у насъ произойдетъ осложненный разрывъ, года на два, а послѣ этого останется неизлечимая рана. Я уже это два раза продѣлалъ. Мы съ отцомъ никогда болѣе не будемъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Я себѣ перерѣжу горло, прежде чѣмъ это сдѣлаю! Нѣтъ, горла я не перерѣжу, но клянусь душою, я часто думаю о томъ, чтобы прострѣлить себѣ голову.

— Я тебѣ вотъ что скажу, отвѣчалъ ему Гаррингтонъ сухимъ тономъ, опершись локтями на столъ, а подбородкомъ на ладони. Ты меня этимъ не проведешь, это ужъ слишкомъ прозрачно.

— Думай какъ хочешь, я говорю серьезно. Я сбѣгу, уберусь ко всѣмъ чертямъ скорѣе, чѣмъ сдѣлаю это.

Гаррингтонъ понималъ, что онъ говоритъ о признаніи отцу, а не о самоубійствѣ.

— Такъ вотъ какъ ты смотришь на пріятное маленькое порученіе, которое хочешь, чтобы я взялъ на себя!

— Глупости! Совсѣмъ не то. Какъ можетъ отецъ сердиться на *тебя*? Вѣдь вина не *твоя*. Ты не сдѣлалъ ничего дурного. Притомъ же ты самъ взялся за мое перерожденіе, Меланхтонъ; ужъ если ты хочешь обращать людей на путь истины, ты долженъ приготовиться къ пріят-

ному и непріятному. Конечно, я безконечно тебѣ обязанъ и никогда этого не забуду; но пришлось же тебѣ ухаживать за Синклэромъ во время трехъ припадковъ delirium tremens, прежде чѣмъ тебѣ удалось забрать его въ руки. Грѣшники скользки, какъ угри. Если я увижу, что отъ тебя нечего ждать новыхъ милостей, я перестану чувствовать благодарность.

— Полно, не болтай такъ, Кэннингъ. Ты знаешь, что все это кривлянье ни къ чему не ведетъ, что я не вѣрю всему этому циническому вздору.

— А, не вѣришь, нѣтъ? возразилъ Кэннингъ, мѣняя тонъ; въ его сѣрыхъ глазахъ блеснула искра.

— Ну, хорошо; но, какъ могу я уважать миссіонера, который для спасенія грѣшника боится даже стать лицомъ къ лицу съ старикомъ? Гаррингтонъ началъ повторять старыя, ничего нестоющія возраженія, невѣскіе аргументы; но Кэннингъ, которому они надоѣли и которому хотѣлось, чтобы они были наконецъ послѣдними, сердито прервалъ:

— Стой, довольно! Что третій или четвертый разъ ты перебираешь всѣ эти старыя безплодныя возраженія! Развѣ я идолъ какой, чтобы спокойно слушать твои безконечныя повторенія? Разъ навсегда говорю тебѣ, отъ этого никакой пользы не будетъ. Все это твои собственныя предположенія; конечно, ты можешь поступить какъ хочешь; я даю тебѣ мое позволеніе — говорить, но я не тороплюсь признаваться во всемъ отцу. Я сто разъ охотнѣе занялъ бы 75 фунтовъ и заплатилъ бы проценты на проценты. О, тутъ объяснять нечего; если я самъ не знаю, что это составитъ 120 ф. на слѣдующій годъ, и милліонъ съ половиною въ тридцатый день моего рожденія (такъ, кажется, по твоему вычисленію?), то ты въ этомъ не виноватъ; ты уже много разъ, по совѣсти, предостерегалъ меня.

Гаррингтонъ молчалъ; онъ продолжалъ сидѣть, положивъ подбородокъ на руки. Ему было жаль Кэннинга и онъ находилъ естественнымъ, чтобы тотъ «выпустилъ немного пара».

Кэннингъ взглянулъ на своего друга, увидалъ, что лицо его выражало сочувствіе и продолжалъ въ менѣе насмѣшливомъ тонѣ:

— Ну, слушай, Меланхтонъ, я знаю, что провалюсь къ чертямъ, отецъ не захочетъ помочь мнѣ, но мнѣ хотѣлось бы лучше обойтись безъ открытой ссоры; на мой взглядъ тутъ все дѣло въ выборѣ. Ужъ если мнѣ суждено быть проклятымъ, дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, сохранить приличія. За послѣдніе шесть мѣсяцевъ, въ угоду тебѣ, я уже достаточно позволялъ себя передѣлывать, а теперь этому конецъ. Плевать мнѣ, что бы со мной ни случилось; право, плевать! Если ты хочешь пересоздать меня, то занимайся этимъ для своего собственнаго удовольствія. Выбирай самъ: брось меня и я, по крайней мѣрѣ, освобожусь отъ бремени добродѣтели. Никто не заставляетъ тебя таскать головни изъ огня, а ужъ если ты за это берешься, не пѣняй, что обжогъ себѣ пальцы.

— Хорошо, но слушай, Кэннингъ, началъ Гаррингтонъ убѣждающимъ тономъ: мое вмѣшательство не разжалобитъ твоего отца, то, что ты присылаешь другого на свое мѣсто, покажется отцу или равнодушіемъ съ твоей стороны или страхомъ. Онъ гораздо скорѣе согласится помочь тебѣ, если ты самъ объ этомъ попросишь.

— О, да, у меня такой убѣдительный видъ, неправда ли? Совсѣмъ

неотразимый, насмѣхался Кэннингъ. Мое обращеніе съ тобой, а ты такъ добръ и я люблю тебя — мое обращеніе съ тобой, говорю я, такъ изящно и мило. Брось меня; я не буду осуждать тебя за это. Но я самъ пальцемъ не пошевельну, чтобы устроить свое дѣло — меня оно недостаточно интересуетъ. Дѣлай, какъ знаешь. Берись за это, или бросай, но я предупреждаю тебя заранѣе, что ты потратишь съ отцомъ и время, и слова напрасно.

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть. Я не думаю, что м-ръ Кэннингъ заплатитъ всѣ твои долги. Двѣсти семьдесятъ пять ф. ст. сумма крупная, да къ тому же въ третій разъ. Кромѣ того, Виль, онъ взялъ перо и выводилъ какія то фигуры по скатерти, оставивъ фразу неоконченной;— но онъ не допуститъ твоей гибели; онъ заплатитъ этотъ ростовщичій векселъ или дастъ тебѣ денегъ взаймы. Ну, послушайся моего совѣта, будь добрымъ малымъ.

Кэннингъ отвѣтилъ гримасой на его просящій взглядъ.

— Теперь, скажи правду, Меланхтонъ, ты не очень радъ порученію?

— Нѣтъ, конечно. Въ немъ нѣтъ ничего пріятнаго. Но м-ръ Кэннингъ не отецъ мнѣ. Какъ бы мнѣ непріятно ни было, я бы перенесъ это. Ты не можешь подумать, Кэннингъ, что я принуждаю тебя идти для того, чтобы самому отдѣлаться. Это твой интересъ и твой нравственный долгъ.

— Я не думаю, чтобы тутъ былъ какой либо интересъ для меня, а что касается до нравственнаго долга — я никогда имъ не увлекался (ты, да заразительныя болѣзни вотъ все чѣмъ я интересуюсь. Но не говори больше, не говори, повторилъ онъ утомленнымъ, покорнымъ голосомъ; онъ отодвинулъ назадъ стулъ, всталъ и зажегъ трубку.

— Я отправлюсь къ своимъ старымъ друзьямъ-евреямъ, когда вернусь изъ Гэмстеда.

— Ты очень хорошо знаешь, что этого не сдѣлаешь, воскликнулъ съ живостью Гаррингтонъ. Давай сюда векселя; составимъ списокъ и подведемъ итогъ.

Кэннингъ засмѣялся; онъ ожидалъ такого окончанія.

— Ты славный, чудесный малый. Онъ вынулъ порядочную связку счетовъ и Гаррингтонъ, положивъ передъ собой листъ бумаги, началъ разбирать ихъ и дѣлать выписки.

— Я думаю, что ты дѣлаешь большую ошибку, Кэннингъ, сказалъ онъ.

— Ахъ, знаю, отвѣтилъ тотъ беззаботно. Онъ придвинулъ стулъ и сѣлъ рядомъ съ Гаррингтономъ, опираясь локтями на колѣни и скрестивъ пальцы рукъ. Не читай мнѣ наставленій, Виль; у меня голова полна всѣми этими прекрасными проповѣдями. Вы, методисты, думаете, что кромѣ васъ никто не знаетъ добродѣтели, заключающейся въ томъ, чтобы — какъ бы это выразиться — онъ растопырилъ пальцы и помахалъ ими въ воздухѣ — въ томъ, чтобы умѣть пролѣзть подъ палкой; благодѣтельные результаты скромности и дисциплины, заслуги выдержаности, стойкости — о, знаю я всѣ эти фокусы, всѣ эти во первыхъ, во вторыхъ и въ третьихъ, отлично знаю, но это не моя точка зрѣнія; каждая вещь имѣетъ двѣ стороны; тебѣ нравится быть добродѣтельнымъ, а я люблю, чтобы мнѣ было удобно; тебѣ пріятно нести на себѣ чужое бремя, а мнѣ — сваливать свое на чужія плечи.

— Перестань болтать этотъ вздоръ!

— Милѣйшій мой, да вѣдь въ этомъ вся суть нашей дружбы. Если бы я былъ однимъ изъ девяносто девяти, развѣ ты заботился бы обо мнѣ? Ты любишь быть полезнымъ, а я люблю тѣхъ, кто мнѣ полезенъ.

— О, ты заходишь слишкомъ далеко; ты меня положительно возмущаешь, Кэннингъ, вскричалъ Гаррингтонъ, сидя наклонившись надъ счетами и все еще приводя ихъ въ порядокъ. Терпѣть не могу хвастуновъ, но, право, еще противнѣе тотъ, кто унижаетъ себя такъ, какъ ты это дѣлаешь.

— Вижу, что истина нисколько не дороже тебѣ, чѣмъ всѣмъ другимъ людямъ въ мірѣ, сказалъ Кэннигъ. А вѣдь ихъ препочтенное количество, продолжалъ онъ, кивнувъ головой въ сторону счетовъ. Даже ты не можешь повѣрить, что я святъ въ этомъ отношеніи.

— Но они, по крайней мѣрѣ, принадлежатъ къ умершему прошлому, замѣтилъ Гаррингтонъ мягко.

— Клянусь, ты вытянешь что нибудь у стараго джентльмэна, воскликнулъ Кэннингъ голосомъ болѣе растроганнымъ и менѣе обиднымъ, чѣмъ его слова. Онъ подвинулъ стулъ ближе къ Гаррингтону, обнялъ его одной рукой и прилегъ на его плечо. Помни, что я живу дома. Отецъ знаетъ всѣ мои привычки не хуже тебя; не напирай слишкомъ на мое *полное* исправленіе, Меланхтонъ.

— Нѣтъ, сказалъ Гаррингтонъ, не поднимая головы и продолжая свою работу.

— Нѣтъ? Но что значитъ это «нѣтъ», а? Онъ, шутя, потянулъ Гаррингтона за волосы.

— Ахъ, Кэннингъ. Не шути надъ тѣмъ, что очень печально. Ошибаться свойственно человѣку, но и раскаяваться тоже. Не считаешь-же ты себя ниже человѣка.

— Да, если-бы это было и такъ, ты своей добродѣтелью возстановилъ-бы равновѣсіе. Ты-бы долженъ носиться по всему свѣту съ крыльями и въ бѣломъ одѣяніи. Я чувствую себя подлымъ, сваливая на тебя всю эту тяжесть.

— Ты не гордъ, сказалъ Гаррингтонъ сухо.

— О, я уже два раза продѣлалъ это, а ты ни разу.

Такимъ образомъ, на слѣдующій вечеръ, виновникъ всего мирно пилъ водку съ водой въ Гемпстэдѣ, а Гаррингтонъ, которому приходилось и голодать, и холодать, переносить тяжелый трудъ, насмѣшки, униженія, чтобы пробиться честнымъ путемъ, исповѣдывался въ чужихъ грѣхахъ. Исповѣдь была длинная, мучительная, да къ тому-же все время его не оставляло болѣзненное сознаніе, что онъ только портилъ дѣло. Разсудокъ говорилъ ему, что у него нѣтъ причины бояться или стыдиться, но природа брала свое: онъ былъ робокъ и смущенъ, языкъ точно прилипалъ къ гортани; онъ заикался, путался, не находилъ словъ и былъ убѣжденъ, что дѣло идетъ плохо; все, что онъ готовился сказать, исчезло изъ его памяти. Когда на другой день, онъ встрѣтилъ Кэннингъ, въ больницѣ, онъ не могъ сообщить ему никакихъ пріятныхъ извѣстій; ничего не было рѣшено; м-ръ Кэннингъ сказалъ, что ему нужно время подумать.

— Что онъ нападалъ на тебя, злился? спросилъ сынъ.

— Нѣтъ, но случилось нѣчто худшее. Онъ былъ обиженъ тѣмъ, что ты прислалъ меня, а я велъ себя глупо, я страшно тебѣ напортилъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СТРАН.

I. — СИБИРСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА. Съ экономической и стратегической точки зрѣнія. (Окончаніе). 1

II. — ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ:

1) ВЛІЯНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ЭЛЕМЕНТА НА РАЗВИТІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА И ОБЩИННОЙ ЖИЗНИ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. (Къ вопросу о сравнительной характеристикѣ переселенца и кореннаго сибирскаго крестьянина). **А. Кауфмана** 27

2) ВЪ ГОСТЯХЪ У ДУХОБОРЦЕВЪ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ. **Н. Астырева** 52

III. — ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. Весеннія радости и печали. — Эпидеміи и недостатокъ медицинской помощи. — Предположенное медицинскимъ департаментомъ увеличеніе медицинскаго персонала особыми врачами-практиками. — Затруднительный и недостаточно ясный вопросъ для земскихъ аптекъ. — Виды на урожай и недостатокъ продовольственныхъ средствъ и сѣмянъ. — Опубликованное въ этихъ видахъ правительственное распоряженіе о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ на хлѣбные грузы. — Произволъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ. 65

IV. — ТРЕТІЙ КОНКУРСЪ НА ПРЕМІЮ ИМЕНИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ИЛЛАРІОНОВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА 85

V. — НАУЧНАЯ ЛѢТОПИСЬ. IV съѣздъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Вступленіе. — Борьба со смертью. — Единство гипнотизма у человѣка и животныхъ. — Наслѣдственность и ея законы. — О призрѣніи брошенныхъ дѣтей общественными учрежденіями. — Предохранительныя мѣры противъ зараженія чахоткой. — Объ организаціи санитарной части на фабрикахъ, заводахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ. — Нѣкоторыя данныя о посѣщеніи съѣздовъ врачами. Д-ра мед. **П. Смоленскаго.** 87

VI. — НОВЫЯ КНИГИ: 1) Беллетристика и поэзія. 2) Медицина и естествознаніе. 3) Общественныя науки и философія. 4) Педагогическая и дѣтская литература, изданія для народа 111

VII. — КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ 128

VIII. — ПО ПОВОДУ ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКИ. **В. Стасова** . . 130

IX. — ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XI. Американскій университетъ Джонса Хопкинса. **В. Макъ-Гаханъ** 148

X. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Фридрихсруэ—Берлинъ. **В. Т.** 158

XI. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. „Мимочка на водахъ“. — Нѣсколько замѣчаній къ философской замѣткѣ. **А. Волынскаго** 171

XII. — ПРИЛОЖЕНІЕ. СВѢТСКАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ Мабель Робинзонъ. (Перев. съ англійскаго). **А. Погосской** . . . 81—96

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки.	12 р.	— к.
Съ доставкой въ Петербургѣ	12 »	50 »
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи. .	13 »	50 »
На полгода	7 »	50 »
На четверть года	4 »	— »
За границу	15 »	— »

Для подписывающихся чрезъ Главную Контору разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ журнала — 4 р. къ 1-му апрѣля — 4 р., къ 1-му іюля — 3 р. и 1-му октября — 2 р. 50 к.

Цѣна годового экземпляра 1890, 1889, 1888, 1887 и 1886 гг. по 8 р.; и 1885 г. — 5 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ: *въ Главной Конторѣ журнала, по Троицкой улицѣ, д. 9* и въ отдѣленіяхъ Конторы — въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ Москвѣ — Варшавѣ. Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час. исключая праздниковъ. Личныя объясненія и всякія денежныя выдачи по четвергамъ отъ 1—4 часовъ.

Редакція «Сѣвернаго Вѣстника» считаетъ долгомъ заявить гг. авторамъ присылаемыхъ произведеній, что: 1) рукописи, признанныя Редакціей неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, подвергаются уничтоженію, если не будутъ вытребованы обратно; мелкія же рукописи и статьи вовсе не возвращаются. Для возвращенія рукописей должны быть прилагаемы марки соотвѣтственно стоимости ихъ пересылки заказными пакетами; 2) стихотворенія, неудобныя къ напечатанію, уничтожаются и Редакція не входитъ по поводу ихъ ни въ какія объясненія.

О перемѣнѣ адреса просятъ сообщать редакціи своевременно, не позже 5-го числа каждаго мѣсяца, обозначая при этомъ номеръ стараго адреса.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные — недостающее до цѣны, назначенной для заграничныхъ подписчиковъ.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала просятъ присылать въ редакцію съ обозначеніемъ № адреса и не иначе, какъ съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена той конторой.

Редакторъ-Издатель **Б. Глинскій.**